Анджей
Иконников-Галицкий

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ, СУДЬБА, БИОГРАФИЯ

Декабристы: История, судьба, биография

Анджей Анджеевич Иконников-Галицкий

Аннотация
Анджей Анджеевич Иконников-Галицкий. Декабристы: История, судьба, биография
Часть I. Между престолом и виселицей
Знакомые незнакомцы
Дорога к Сенатской площади
«Происшествие 14 декабря» и что случилось после
Кое-что о неудачниках
Часть II. Вне разрядов
Повесть о пяти повешенных
Часть III. В когтях северного сфинкса
14 декабря: действующие лица
Вожди без войска / войско без вождей
Унесённые морским ветром
Гренадеры, конногвардейцы,. измайловцы, кавалергарды…
Персоны в штатском
Часть IV. Обречённый эскадрон
Не участвовали, но виновны

Эхо петербургских залпов
Пропащие бояре
Часть V. Пламя юга
Заговорщики в армии
Тульчинские тайны
Вокруг Василькова
«Соединённые славяне»
Заключительное слово. О закономерностях и случайностях
Хронология основных событий
Литература
Вкладка

Аннотация

14 декабря 1825 года – мятеж на Сенатской площади – одна из ярчайших страниц русской истории. Однако до сих пор, спустя 200 лет, не утихают споры о причинах, плане, ходе и итогах восстания. Было ли это масштабным выступлением дворян-единомышленников, стремившихся осуществить государственный переворот, – или всего лишь «происшествием», как называли восстание в официальных источниках? Приблизиться к пониманию феномена движения декабристов, не прибегая к готовым идеологическим трактовкам, помогает изучение биографий его участников.

Эта книга посвящена судьбам 120 декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом. В ходе следствия, которым руководил лично император Николай 1,117 мятежников признались в совершённом преступлении, большинство из них ожидали тюрьма, каторга и ссылка, пятеро были приговорены к смертной казни. Кто же были эти люди, кого из них мятеж вёл к вершинам власти, а кто оказался случайно вовлечён в водоворот

политических событий? Как складывалась жизнь декабристов до и после 1825 года, кто из них сумел преодолеть все тяготы наказания, а кто не выдержал суровых испытаний и отчаялся? – об этом в новой книге известного петербургского историка Анджея Иконникова-Галицкого.

Анджей Анджеевич Иконников-Галицкий
Декабристы: История, судьба, биография

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2025
© Государственный исторический музей, 2025
© А. А. Иконников-Галицкий, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Анджей
Иконников-Галицкий

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ,
СУДЬБА,
БИОГРАФИЯ

Анджей
Иконников-Галицкий

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ,
СУДЬБА,
БИОГРАФИЯ

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Часть I.
Между престолом и виселицей

Знакомые незнакомцы

Есть такие исторические явления, о которых нам ещё со школьной скамьи всё вроде бы известно.

Например, декабристы: о них написаны тома исследований, повести, поэмы и романы, сняты фильмы, поставлены пьесы, спеты песни и даже сочинены анекдоты. Что можно ещё добавить?

Казалось бы, мы о них всё знаем. «Любовь к добру разбередила сердце им…»

А что, собственно, знаем?

Сколько их было? Кто они такие? Чего добивались? И за что пятеро из них были повешены, а другие на десятилетия отправились в каторжные норы, тюрьмы и ссылку?

Ни на один из этих вопросов, как оказывается, нет ясного ответа.

Для начала: сколько их было?

Обвинительный приговор Верховного уголовного суда от 10 июля 1826 года вынесен в отношении 120 «злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 года». Ещё с полсотни человек осуждены другими судами по делам, так или иначе связанным с декабрьскими событиями.

Это если считать только дворян, количество же осуждённых солдат не поддаётся определению (среди них, заметим, некоторое, и тоже не вполне ясное, количество бывших офицеров, разжалованных в солдаты). Наказаниям помимо суда — заключению на гауптвахте, ссылке в свои имения, переводу с понижением по службе и тому подобным — подвергнуто около сотни. Проходили по делу, но от суда избавлены ещё примерно столько же. Причём в составе последних двух категорий, то есть избежавших суровой кары, есть деятельнейшие участники движения, такие как генерал Михаил Фёдорович Орлов, полковник Иван Бурцев, полковник Фёдор Глинка; есть и явные мятежники 14 декабря — например, граф Иван Коновницын или князь Александр Гагарин. В то время как среди осуждённых имеется немало лиц, вовсе не причастных к событиям того рокового дня, равно как и тех, кто не участвовал ни в каких тайных обществах. Наконец, неопределённое количество персон, которых можно было обвинить в том же, за что осудили других, вообще не попали в поле зрения суда и следствия. Неизбежен вопрос: кого же считать декабристом, а кого — нет? Случайно оказавшегося 14 декабря на Сенатской площади и осуждённого лейтенан-

та Окулова — или случайно оказавшегося там же и освобождённого от наказания лейтенанта Цебрикова?[1] Осуждённого Николая Оржицкого, принадлежность коего к движению заключалась единственно в том, что он, зайдя 13 декабря к Рылееву, услышал нечто о мятежных планах и до утра 14-го не донёс об этом куда следует, — или убеждённого адепта Южного общества Льва Витгенштейна, осуществлявшего слежку за собственным отцом-генералом, но признанного «неприкосновенным к делу»?

Такого рода вопросы возникают в отношении доброй половины лиц, замешанных в событиях рокового декабря. А единомышленники и сочувствующие, лишь по стечению обстоятельств не угодившие под суд, — их кем считать и как сосчитать?

Нам остаётся только развести руками и признать, что в списке декабристов может быть от одной-двух сотен до одной-двух тысяч фамилий.

Недурно было бы, во-вторых, дать если не точное определение, то хотя бы внятное объяснение самого понятия «декабрист». (Кстати, термин этот был многим декабристам неведом: в широкий

---

[1] Примечания: 1

Не путать с братом, поручиком лейб-гвардии Финляндского полка Цебриковым.

оборот его ввёл А. И. Герцен через три десятилетия после событий декабря 1825 года.) Однако и тут мы сталкиваемся с трудностями. Всех, кого принято именовать декабристами, никак не удаётся подвести под один знаменатель.

Перед нами совершенно разные люди, и всё у них разное: образование, положение в обществе, чины, интересы, взгляды, жизненный опыт, способности и таланты… Большинство офицеры, но есть статские и неслужащие. Одни — аристократы высшей пробы, другие с натугой могут насчитать два-три поколения «благородных» предков. Близкие к трону — и заурядные служаки. Первостатейные богачи — и бедные, как церковные крысы. Счастливцы с блистательными карьерными перспективами — и горемычные неудачники. Безответственные авантюристы — и Катоны, проникнутые чувством долга. Альтруисты — и себялюбцы. Праведники — и грешники. Умники — и сумасшедшие.

Пожалуй, только две общие черты можно обнаружить: принадлежность к дворянскому

сословию[2] и уверенность в необходимости коренного переустройства России.

Ни общепринятой идеологии, ни внятной политической программы, ни чёткого представления о целях и задачах совместного действия.

— Как же так, — воскликнет просвещённый читатель, — а конституционный строй? А гражданские права? А планы освобождения крестьян? Как же, наконец, Конституция Никиты Муравьёва и «Русская правда» Пестеля? Это ли не политические программы двух направлений в декабристском движении — умеренно-конституционно-монархического и радикально-республиканского?

Нет, — ответим мы, прочитав внимательно оба документа, — это не политические программы.

— А что же это?

Хороший вопрос. Ответить на него так же непросто, как и на все прочие вопросы о декабристах.

«Русская правда» — произведение незаконченное. Пестель постоянно вносил в него изменения

---

[2] Примечания: 2

Среди осуждённых различными судами по делам, связанным с декабрьскими событиями (не считая солдат), имеется лишь один представитель мещанского сословия и один священнослужитель; остальные — дворяне.

и, очевидно, собирался править и в дальнейшем. Уже по этой причине «Русскую правду» нельзя считать руководством к действию. В жанровом отношении она — нечто среднее между философским трактатом, социальной утопией и публицистической поэмой. Некоторые её положения мечтательно-теоретичны и более подходят для проповеди зануды-пастора, чем для политического документа; некоторые заведомо неисполнимы на практике. Например, переселение военною силою всех евреев из России и Польши куда-то в «Азиятскую Турцию» и создание там еврейского государства. Или превращение всех сибирских кочевников и охотников в оседлых земледельцев. Или всеобщая депортация «буйных» кавказских народов. На осуществление подобных проектов не хватило силёнок даже у тоталитарных режимов XX века, что уж говорить о реальных возможностях тогдашнего государства Российского, хоть бы его главою и сделался Пестель. К тому же стиль «Русской правды» многословен, язык суконен. Чтобы прочитать её, нужно набраться терпения и иметь порядочный досуг, что обычно плохо согласуется с политическим действием.

Что касается Конституции Муравьёва, то на-

писана она именно в пику Пестелю, с которым у «беспокойного Никиты» сложились отношения острого соперничества. Пестель хочет республики — Муравьёв возвещает монархию. Пестель утверждает территориальное единство — Муравьёв режет страну на 15 ломтей (13 держав и две области). И так далее. Оба документа, однако, сходятся в том, что ставят далёкие от реальности цели и никоим образом не указывают пути их достижения.

Наконец, это не политические программы просто потому, что их содержание было известно сравнительно узкому кругу участников движения: нескольким десяткам из сотен.

К этим документам мы ещё вернёмся в главах о Пестеле и Муравьёве. Теперь — ещё об одном, казалось бы, ясном вопросе: об отмене крепостного права.

Действительно, все (или почти все) декабристы сходились на том, что крепостное право есть рабство и крестьянам нужно дать волю. Сходились, правда, в теории, в самых общих представлениях. На вопросы «когда?» и «как?» ответы предлагались совершенно разные, а большинство и вовсе не давало внятного ответа.

В Российской империи с 1803 года действовал

закон Александра I «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» (в обиходе — «Указ о вольных хлебопашцах»). Согласно закону, ничто не препятствовало барину освободить своих крепостных, заключив с ними (с отдельными лицами или с целой общиной) договор, основным содержанием которого являлся выкуп и раздел земельной собственности. Хотя большинство будущих декабристов по молодости лет являлись лишь наследниками родительских поместий, было среди них немало полноправных землевладельцев. Были и крупные хозяева, вершители судеб сотен крепостных. Никто из них не воспользовался вышеназванным законом.

Правда, попытки имели место.

Например, декабрист Якушкин. Человек честный, исключительно благородный, настоящий рыцарь добра и свободы (так характеризуют его современники), он унаследовал средней руки имение в Вяземском уезде Смоленской губернии и захотел осчастливить своих крестьян. С этой целью он вышел в отставку и поехал жить в деревню. И вскоре решил дать людям волю — без земли, с правом последующей аренды. Со своим предложением он, как того требовал закон, обра-

тился к крестьянам. Те обрадовались, но потом хорошенько подумали и ответили:

— Нет уж, батюшка барин, на таких условиях мы воли не хотим. Пусть будет всё по-прежнему. Ты — отец наш родной, за тобою нам как-то спокойнее.

Тем дело и кончилось.

Декабрист Лунин (заметим: неженатый и бездетный, никакими материальными обязательствами не связанный) поступил не столь простодушно. Он завещал свои имения двоюродному брату с условием, что тот освободит крестьян в течение пяти лет после вступления в наследство. То есть сохранил за собою пожизненно права помещика и переложил проблему на ни в чём не повинного родственника. Но завещание не сработало, поскольку Лунин был осуждён на каторгу и лишён имущественных прав. А если бы не был осуждён и не умер в тюрьме, то вполне мог бы дожить до всеобщего освобождения крестьян при Александре II, и завещание потеряло бы смысл.

Как видим, в обоих случаях планы декабристов разбиваются о реальность.

А почему?

Всё дело в наделении крестьян землёй. Если

помещик даст им земли достаточно, за скромный выкуп или даром, то ему самому станет нечем жить. А у него жена, дети, собака, кошка, лошадка и всё такое прочее; а у детей свои планы на жизнь, сыновьям нужно содержание, дочерям приданое… ну, и так далее. Если же даст земли недостаточно или задорого, то крестьяне пойдут по миру или, вернее, к своему же барину внаймы на кабальных условиях. Притом если раньше он нёс за них ответственность перед государством, то теперь нести не будет. Зачем им такое счастье, да ещё за выкуп?

О земельный вопрос разбивались все планы отмены крепостного права вплоть до реформы 1861 года. Но и сия последняя привела к долговой кабале и существенному сокращению земельного фонда свободных крестьян по сравнению с тем, что было в их же пользовании до освобождения, при барине. И это породило проблему крестьянского малоземелья и в конечном итоге стало одной из главных предпосылок революции. А революция, как известно, безжалостно уничтожила всех дворян как класс, в том числе и потомков декабристов.

Поэтому немудрено, что в среде будущих героев и жертв 14 декабря не было ясности по поводу

осуществления крестьянской вольности.

Возникает ощущение, что решение этого вопроса они вообще старались отодвинуть куда-нибудь. К примеру, в Конституции Никиты Муравьёва содержится что-то около сотни статей о принципах и структурах государственной власти и лишь четыре статьи о земле и крестьянах. Причём в этих статьях перво-наперво сказано: «Земли помещиков остаются за ними» (статья 24). А про всё остальное сказано: «Последующие законы определят» (статья 26).

Подобная невнятица и несогласованность имели место и по другим вопросам, вплоть до таких ключевых, как цареубийство и военный мятеж с целью захвата власти. Больше всего споров было как раз об этом. Каждый раз находились ярые сторонники и убеждённые противники того и другого. И что самое интересное, к единому мнению наши вольнодумцы не пришли не только к моменту восстания, но и после него.

Притом люди-то это всё бывалые и решительные, не какие-нибудь очкастые интеллигенты, в основном — офицеры, привыкшие командовать солдатами, отмаршировавшие сотни вёрст на плацу и в походах. Они хорошо владели разными видами оружия. Многие из них побывали в крово-

пускательных и костедробительных сражениях Наполеоновских войн и имели за это награды. Для них ничего не стоило на дуэли стать на шести шагах под пистолетное дуло. Жертвовать собой, когда того потребуют высшие обстоятельства, было их наследственным занятием.

И наряду с этим — полная неспособность (или нежелание) принять единый план действий даже в критической ситуации.

И вопиющая неясность целеполагания. На вопрос: «К чему мы стремимся?» — ответ: «К свободе и общему счастию», и ничего более конкретного.

Да-с. Наших школьных знаний о декабристах явно недостаточно.

Так кто же были эти люди?

* * *

При всей неоднородности декабристской среды, в ней всё-таки можно выделить две неравные группы. Первую составляет несомненное большинство, они вращаются в высшем свете, господствуют в чинах, да и всё движение инициировано и направляется ими. Их можно было бы назвать приятелями Онегина. Вторая — провинциальная армейская молодежь, из небогатых и незнатных, но это куда более решительная, после-

довательная и сплочённая братия. Их мы назовём сослуживцами Ивана Фёдоровича Шпоньки.

Покамест сосредоточимся на первой группе. Что же мы видим при внимательном изучении? Мы видим людей, соединённых бесчисленными родственными, служебными, землевладельческими и приятельскими связями.

В так называемой Десятой главе «Евгения Онегина» очень точно про них сказано: «Сбирались члены сей семьи». И это не просто метафора дружеского круга, а действительно такая большая семья, в которой все друг другу родственники, свойственники, соседи или друзья дома. Скажем, декабрист Захар Чернышёв — шурин Никиты Муравьёва. А Михаил Лунин — Никите и Александру Муравьёвым двоюродный брат. И у этих Муравьёвых общий прапрадедушка с Муравьёвыми-Апостолами, Сергеем, Матвеем и Ипполитом, то есть они состоят в четвероюродном родстве. А троюродная сестра Муравьёвых-Апостолов Екатерина Ивановна, урождённая Вульф, в замужестве Полторацкая, — мать Анны Петровны Керн, той самой, с которой немножко дружил Пушкин. А Пушкин последние два года жизни снимал квартиру на набережной Мойки, в доме, принадлежавшем княгине Софье Волконской, сестре

декабриста князя Сергея Волконского и жене князя Петра Волконского, вельможи, близкого к особе императора. Причём лет за двенадцать до Пушкина в этом же доме квартировал декабрист Завалишин. А сестра поэта Кюхельбекера, лицейского друга Пушкина, Устинья Карловна, была замужем за Григорием Глинкой, который приходился двоюродным братом Фёдору Глинке, тоже поэту и одному из основателей декабристских тайных обществ. А жена декабриста Якушкина — дочь тётки поэта Фёдора Тютчева и сестра участника тайных обществ Алексея Шереметева (избежавшего, правда, суда и наказания). А бабка по матери декабриста князя Александра Одоевского — также и двоюродная бабка декабристов Фёдора и Александра Вадковских. И так далее.

Желающие могут самостоятельно поупражняться в исследовании родственных связей лиц декабристского круга. Занятие весьма увлекательное.

Родственные связи в дворянском обществе были вовсе не номинальными, а весьма обязывающими. Если где-нибудь на почтовой станции или на званом обеде встречались два незнакомых помещика, то они первым делом начинали выискивать общих родственников (это назы-

валось «сосчитаться роднёй»). Родственники и свойственники связаны многими неписаными обязательствами. Младшим в семье следует почитать старших, старшие и чиновные должны защищать младших и продвигать по службе; это их долг и основа влияния в обществе.

Родственные и служебные связи тянутся далеко за пределы собственно декабристского сообщества. Можно смело сказать, что подножие самого престола, на котором восседал государь император, было оплетено этими нитями, как густой дерниной. Наверное, у каждого, или почти у каждого, будущего декабриста «онегинской» группы имелись родственники, свойственники, однокашники и сослуживцы в кругу высшей аристократии, в окружении царя. Вряд ли ошибёмся, если скажем, что царь знал почти каждого из них в лицо и по фамилии. И уж точно каждый декабрист хотя бы раз своими глазами видел государя. Образно говоря, каждый из них стоял на расстоянии вытянутой руки от престола и от священной особы императора. Их отношения с верховной властью были тоже по-своему семейными. И это давало почву всяким надеждам и амбициям.

Кстати говоря, судьи, выносившие приговор декабристам (а их было в Верховном уголовном

суде 72 человека), тоже зачастую приходились родственниками, свойственниками и сослуживцами подсудимым.

Декабристское сообщество — это большая семья, которая является частью ещё большего семейственно-кланового целого. Отношения декабристов между собой и с самодержавной властью, да и вообще многие мотивы их поступков и ответных действий власти обусловлены этой семейственностью. Нам они бывают непонятны, поскольку мы не посвящены в их семейные тайны.

В частности, нам не всегда ясны особенности их семейной иерархии.

В старомосковские времена в служилой боярско-дворянской среде была выработана система взаимоотношений, получившая название «местничество». По её правилам честь (то есть социальный статус человека) определялась тем, до какой ступени поднимались родственники и предки на лестнице государевой службы. Причём внук, допустим, мог «честно» служить «ниже» деда, но только в том случае, если рядом не стоял «выше» тот, чей дед служил «ниже» его деда. (Кажется, понятно объяснил.) Если же данное правило нарушалось, то следовали конфликты,

жалобы, тяжбы, вызванные «порухой чести». Иногда дело заканчивалось даже болезнью и смертью от обиды.

Формально принципы местничества были упразднены ещё при царе Фёдоре Алексеевиче, предшественнике Петра Великого. Но они вовсе не искоренились из представлений русских дворян о миропорядке.

Всех, кто знаком с тем, как развивались события накануне 14 декабря, удивляет выбор руководителей восстания, равно как и их поведение в решающий момент. Верховный вождь и наречённый диктатор — полковник князь Сергей Трубецкой, человек, лишённый начальственной харизмы; он даже не вышел на площадь, не присоединился к восставшим. Его заместитель, гвардии поручик князь Евгений Оболенский, тоже оказался непригоден к роли лидера мятежников. И ведь заранее было ясно, что ни в Бруты, ни в Бонапарты они не годятся. Почему же предводителями выбрали именно их?

Тут, конечно, сошлись разные мотивы, явные и не очень. Но есть один скрытый, на который сто́ит обратить внимание. По местническим, то есть родовым правилам князь Трубецкой стоял выше всех участников заговора. Двое из

его рода были ближними боярами при царях Фёдоре Ивановиче и Алексее Михайловиче, прадед — генерал-фельдмаршал, а один дальний родственник даже соперничал с Михаилом Романовым как претендент на московский престол. К тому же по матери предки князя Сергея были грузинские цари. Среди декабристов никто не мог тягаться с Трубецким в родовитости. И никто не мог оспорить его право на место главы предполагаемого Временного правительства. Ему и на площадь-то выходить не надо было — как когда-то наречённому на царство Михаилу Романову «невместно» было ехать в разорённую Москву. Дело сделают нижестоящие, а ему достойно будет принять готовую власть. Тем более что есть следующий по иерархии — князь Евгений Оболенский, Рюрикова рода, чьи предки когда-то служили не ниже Трубецких, но потеряли чины в опале и давным-давно не поднимались выше окольничих[3]. Ему и командовать на свежем декабрьском воздухе.

Конечно, мы не думаем, что участники загово-

[3] Примечания: 3

Окольничий — до реформ Петра I придворный чин ступенью ниже думного боярина. Из кандидатов в декабристские лидеры с Оболенским мог потягаться знатностью князь Сергей Волконский (о нём — в части V), но он нёс службу вдалеке от Петербурга.

ра именно так формулировали свои мысли. Но понятия о служебно-родовой чести, как и обязательства родства, были у них в крови и явно или подспудно определяли многие поступки.

Отчасти тут и разгадка одной из загадок судебного приговора: почему казнены были не участвовавший в восстании Пестель и мимоходом промелькнувший на Сенатской площади Рылеев, а Трубецкому и Оболенскому сохранили жизнь (притом что Оболенский успел кольнуть штыком генерала Милорадовича и доподлинно неизвестно, отчего тот умер — от пули Каховского или от штыка Оболенского). Судьи из того же семейственного круга не сочли возможным вынести устрашающий приговор — четвертование! — своим собратьям, занимавшим столь значимое место в родовой иерархии; царь это понял и заменил смерть каторгой. Другое дело Пестель, который не мог указать предков-дворян в пятом поколении, или Рылеев, чьи предки не поднимались по службе выше губернатора. Вот их-то и повесить.

К вынесенному приговору мы ещё будем возвращаться. Теперь другое важное наблюдение.

Декабристы, конечно, были до мозга костей русскими дворянами — даже и те, кто по проис-

хождению не был русским. Но в плане светского воспитания и книжного образования они столь же решительные западноевропейцы. По крайней мере, хотели видеть себя таковыми.

Особенность жизни русских дворян той эпохи — национально-культурная и языковая двойственность. С малолетства их растили крепостные кормилицы, дядьки, няньки, не знавшие других языков, кроме русского. Гувернёры же и гувернантки, а зачастую и родители вели общение на иностранных языках, в первую очередь по-французски. Повзрослев, юные дворяне поступали чаще всего в военную службу и разговаривали с солдатами, разумеется, на самом суровом диалекте русского языка. А книги читали почти исключительно французские, реже немецкие или, на худой конец, переводные с этих языков. Тогда в европейской литературе был в моде романтизм, в общественной мысли — либерализм. А тут ещё Наполеоновские войны и заграничный поход 1813–1814 годов, познакомивший многих русских офицеров с европейским блеском и лоском. Немудрено, что романтические настроения и отголоски либеральных идей вкупе с русской сумбурной натурой определили образ мыслей декабристов.

Декабристы — бесспорно люди европейского образования, но (за редкими исключениями) довольно бессистемного и поверхностного. Князь Сергей Волконский обучался в Петербурге, в самом привилегированном частном учебном заведении того времени — пансионе аббата Никóля, и отзывался об этом так: «Заведение славилось как лучшее, но по совести должен… высказать… что преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая». Это он писал на старости лет, пройдя суровую школу жизни, так что ему можно поверить. Подобные пансионы, а также домашние гувернёры и гувернантки давали юным русским дворянам вовсе не образование, а воспитание, причём именно «блестящее», то есть умение прекрасно говорить и стройно мыслить на нескольких европейских языках, танцевать, музицировать, идеально вести себя в обществе, владеть собой, быть честными, ответственными и так далее. Эти качества декабристы сохранили до старости лет, пройдя войны, каторжные тюрьмы и сибирскую ссылку. Но с образованием как упорядоченной суммой знаний дело обстояло гораздо хуже.

Системное образование в России традици-

онно давали в духовных школах, но оно было сословным, в основном для сыновей священнослужителей. Декабристами и людьми их круга оно воспринималось как нечто архаичное или даже как невежество. Декабрист барон Розен не без издёвки вспоминал, как председатель Следственной комиссии пожилой генерал А. И. Татищев добродушно пенял подследственным, указывая на свои ордена: «Вы, господа, читали всё — и де Траси, и Констана, и Бентама — и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только Священное Писание, и смотрите, что заслужил». Эту сценку всегда приводят как иллюстрацию просвещённости декабристов и невежества их судей. Однако стоит заметить: во времена Татищева не существовало перевода Писания на русский язык, стало быть, он пользовался церковнославянским текстом. Я бы советовал благосклонному читателю попытаться одолеть по-церковнославянски хотя бы одну из книг Библии. Это труд, требующий терпения и многих специальных знаний, и просвещает, во всяком случае, не меньше, чем штудирование Констана или Бентама. Не уверен, что большинство «передовых» дворян декабристского круга прочло церковнославянскую Библию от альфы до омеги (вернее, от аза до ижицы).

Притом, как совершенно верно отметил Пушкин, «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Так написал поэт, который обучался в лучшей дворянской школе тогдашней России — в Царскосельском лицее. Между тем, будучи современниками крупных военно-политических событий и находясь близко к центрам принятия исторических решений, будущие декабристы ощущали себя действующими лицами исторического процесса и наверняка соотносили текущие события с событиями прошлого. А откуда они могли про это знать? Из французских и немецких книг, а также из немногих русских, написанных в подражание тем[4]. Древнюю историю им заменяли французские переводы античных авторов, главным образом Плутарха и Тацита. Пред мысленным взором декабриста возникали выспренние, театральные образы персонажей баснословного прошлого: Брут, Цезарь, Катон, Цицерон, братья Горации и так далее. Из плохо известной русской истории — балладные Вещий Олег, Святополк, Рогнеда, Мстислав Удалой, князь Курбский… На эти темы Рылеев написал сборник стихов под названием «Думы», о котором Пушкин

[4] Примечания: 4

Историческая наука в России только зарождалась, и даже Карамзина смогли до декабрьских событий прочитать далеко не все декабристы.

прямо отозвался: «Думы — дрянь!»

Контрапунктом к этим условно-книжным картинам служили реальные исторические примеры из недавнего прошлого. Прежде всего Наполеон, чей образ вдохновлял и пугал одновременно: защитник свободы и тиран, вершитель судеб мира, капрал в походном мундире, «пред кем унизились цари»… «Мы все глядим в Наполеоны» — слова вдумчивого наблюдателя Пушкина могут быть напрямую отнесены к Пестелю, Рылееву, Сергею Муравьёву-Апостолу… Этот последний открыто восторгался ещё одним боевитым современником — Рафаэлем Риего, предводителем военного мятежа в Испании, вначале блистательно победившим, но в итоге повешенным.

О Наполеоне, Риего, Кироге, Боливаре, Александре Ипсиланти и подобных героях своего времени в декабристских кругах говорили много и громко. Гораздо тише вспоминали о переворотах в России в июне 1762-го и в марте 1801 года. Однако же события эти имели для декабристов особенное значение и, может быть, вдохновляли на подвиг более, чем примеры Брута и Наполеона. Ведь именно дворянство (и именно тот его слой, к которому принадлежало большинство будущих декабристов) дважды решило судьбу престола,

переступив через труп самодержца. Длительные царствования Екатерины II и Александра I, начавшиеся с переворотов, сопровождаемых цареубийством, считались легитимными, а краткие правления убиенных Петра III и Павла как будто бы нелегитимными. Таким образом в сознании многих представителей дворянской элиты утверждалась мысль: дворянство выше самодержавия. «Лучшие дворяне» вправе устранять плохих монархов и определять образ правления.

У многих декабристов, если хорошенько поискать, нашлись бы родственники, участвовавшие в том или другом перевороте. Например, отец и три дядюшки вышеупомянутого Михаила Орлова были ключевыми деятелями екатерининского переворота; в заговоре против Павла I участвовали Иван Муравьёв-Апостол, отец трёх декабристов, и их же свойственник Константин Полторацкий. Тем удалось — почему бы и этим не попробовать?

Котурны театрального Брута по ходу пьесы превращались в офицерские ботфорты, которыми был насмерть забит император Павел.

Постоянно повторяя вычитанные из французских книг либеральные обороты речи — о свободе, естественном праве, народовластии и

прочем — и искренне веруя в них как в формулу истины, — наши герои удивительным образом не применяли на практике сии декларации к собственному народу. Офицеры-декабристы вывели своих солдат под картечь на Сенатскую площадь, под пули близ Василькова; они долго готовились к таковым действиям, завоёвывая авторитет у подчинённых, стремясь добиться преданности и безусловного повиновения. Но никому из этих офицеров (кроме, кажется, лейтенанта Арбузова и некоторых молодых членов Общества соединённых славян) не пришло в голову обсудить со своими солдатами цель действий. Равно как декабристам-помещикам — всерьёз поинтересоваться у крепостных, на каких именно условиях те готовы получить волю.

Увы, приходится признать: любя нижестоящих и желая им всяческих либеральных благ, наши борцы с властным произволом готовы были использовать этих нижестоящих как расходный материал для достижения великих целей.

Дорога к Сенатской площади

История декабристского движения начинается с образования в офицерской среде так называемых тайных обществ. В настоящем смысле слова тайными, то есть строго конспиративными, организациями они не были, а наименование получили по аналогии с масонскими ложами, от которых заимствовали некоторые особенности устройства. Заметим, что масонские общества именуются тайными не потому, что в окружающем мире ничегошеньки о них не знают, а потому, что предполагается хранение в них некоего тайного знания, постепенно открываемого посвящённым.

Вообще, вопросы веры считались в этой среде делом личным и свободным. Тем не менее все, или почти все, декабристы были людьми в той или иной степени религиозными. Даже Пестель, признавшийся в частной беседе, что «сердцем он атеист», в последних своих письмах из темницы взывает к справедливому Божьему суду и перед казнью просит благословения у православного священника. И князь Александр Барятинский, в молодости писавший по-французски безбожные

стишки, в годы ссылки неоднократно исповедовался и причащался Святых Тайн. Все они принадлежали к христианским конфессиям. Подавляющее большинство — православные; были также лютеране и католики. Это, однако, не мешало многим из них побывать в масонах, а некоторым — достичь высоких степеней посвящения.

Мы не будем погружаться в масонскую тему. Укажем, однако, что, по оценкам исследователей, из числа обвиняемых по делу 14 декабря от четверти до половины в разное время принадлежали к масонским организациям; в частности, из пяти казнённых — трое: Пестель, Рылеев и Муравьёв-Апостол. Но и среди следователей и судей было немало масонов — например, редактор текста приговора М. М. Сперанский, секретарь Следственного комитета А. Д. Боровков, будущий шеф жандармов А. Х. Бенкендорф.

Волна популярности масонства среди российского дворянства в интересующую нас эпоху была вызвана Наполеоновскими войнами, особенно победоносным походом 1813–1814 годов. Война — не только конфликт, но и череда культурных контактов. Русское воинство впервые столкнулось с западноевропейским миром и его

общественным укладом на огромных пространствах от Немана до Сены. В этом мире масонские организации были тесно связаны с либеральными политическими кругами. Мода на масонство среди русских офицеров стала естественным продолжением моды на либерализм.

Будущих декабристов в масонстве в первую очередь интересовали не религиозно-философские аспекты (хотя и этой тематики не чуждались), а социально-культурные и организационные. Особенно вдохновлял императив «братства, любви и равенства», долженствующих царить среди «вольных каменщиков» (из этого же источника, кстати, «Свобода, равенство, братство» — лозунг Французской республики), а также призывы к самосовершенствованию и распространению просвещения. Но перво-наперво внимание офицеров привлекли принципы устройства масонских организаций: строгая иерархия, степени посвящения, единоначалие выборных лиц, соблюдение внутренних тайн. Готовая структура для заговора.

Заметим также, что привычка выделять своих среди прочих, уверенность в знании истины и несколько высокомерная потребность «просвещать непросвещённых», свойственные многим

декабристам, суть черты масонской психологии.

В 1815 году, сразу же по возвращении войск из-за границы, в офицерской среде стали возникать масонские ложи и иные организации с не вполне ясными целями. В составе ложи «Трёх добродетелей» мы видим Матвея и Сергея Муравьёвых-Апостолов, Павла Пестеля, Александра и Никиту Муравьёвых. Тот же неугомонный Александр Муравьёв вместе с группой родственников и друзей образовал в Петербурге загадочную «Священную артель». Общество с превыспренним названием «Орден рыцарей русского креста» основали Михаил Орлов, только что произведённый в генералы за взятие Парижа, и большой чудак и богач Матвей Дмитриев-Мамонов. В лейб-гвардии Семёновском полку возникла офицерская артель, участники которой занимались взаимным обучением, чтением французских книг и разговорами на общественно-политические темы. Узнав о её существовании, Александр I немедленно запретил офицерские сборища.

В 1816 году (9 февраля, если верить памяти князя Сергея Трубецкого) группа гвардейских офицеров (в том числе и члены вышеупомянутых сообществ) образовала Союз спасения — тайное общество, в коем приняли участие: Александр

Николаевич и Никита Михайлович Муравьёвы, Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, князь Сергей Трубецкой, князь Илья Долгоруков, Фёдор Глинка, Михаил Лунин, Иван Якушкин, Павел Пестель и другие будущие «государственные преступники». Устав, или, как они сами предпочитали выражаться, статут, Союза написал, как считается, Пестель на основе аналогичных масонских уставов; впрочем, текст не сохранился, и содержание известно лишь в общих чертах. Цель, как выразится впоследствии Якушкин, «в обширном смысле благо России». Туманная напыщенность вообще свойственна терминологии этого общества: его верхушка — «Верховный собор», его члены — «истинные и верные сыны Отечества», которые, как в масонской ложе, разделены на три степени: «бояре», «мужи», «братья».

Но это на словах. На практике Союз спасения был скорее дружеским обществом, нежели организацией: ни постоянного состава, ни структуры, ни чётко сформулированных задач. На собраниях его участники «между лафитом и клико» обсуждали далеко идущие политические планы, вплоть до цареубийства, и радикальные идеи освобождения крестьян, введения представительного правления и тому подобное. Но далее

разговоров дело не шло.

В начале 1818 года сие сообщество прекратило своё существование. Но почти все его участники тут же оказались в новообразованном Союзе благоденствия. Его обычно причисляют к тайным обществам, но это не вполне верно. У Союза благоденствия были, так сказать, лицевая сторона, вполне легальная, и оборотная, не то чтобы совсем законспирированная, но всё-таки прикрытая от посторонних глаз. Принципы легальной деятельности были изложены в так называемой «Зелёной книге», в первой её части. Там сказано, что данное общество «в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия». И далее подробно излагается, каким образом следует осуществлять распространение правил нравственности, воспитывать в этом духе юношество, умножать познания и прочее. Каждый член общества должен стараться «во всех речах своих превозносить добродетель, унижать порок и показывать презрение к слабости», «примирить и согласить все сословия, чины и племена в государстве и побуждать их

стремиться единодушно к цели правительства: благу общему», «попирать невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, водворять истинное просвещение». Всё это цели, против которых ни тогда, ни теперь возразить нечего.

Утверждают, однако, что существовала вторая часть «Зелёной книги», предназначенная для узкого круга посвящённых. Якобы там говорилось о конституции, об отмене крепостного права, введении представительной формы правления и прочих политических преобразованиях на либеральной основе. Однако эта секретная часть пропала бесследно, и существовала ли она в действительности — неизвестно.

Не до конца ясно, в какой степени Союз благоденствия был политической, а в какой благотворительно-просветительской организацией. Так или иначе, в нём насчитывалось более двухсот членов, многие из которых будут впоследствии осуждены за причастность к событиям декабря 1825 года. У этого общества было нечто вроде центрального комитета — так называемая Коренная дума, и в её составе некий Совет из шести регулярно переизбираемых членов, а также несколько региональных управ, из которых достоверно

известны три: в Москве, Кишинёве, Тульчине (в двух последних городах находились штабы войск, в которых служили члены Союза).

Однако по большому счёту всё, написанное в уставе Союза благоденствия, осталось декларацией, а собрания его членов были не более чем частными приятельскими беседами за бокалом вина. В этом смысле он мало отличался от Союза спасения. Наиболее деятельные участники общества стали задумываться о создании чего-то более тайного и эффективного. К тому же нарастало недовольство политикой царя Александра I. Царь, кстати говоря, был неплохо осведомлён о делах Союза благоденствия и о том, какие там ведутся разговоры: к лету 1821 года на его столе уже лежала целая кипа донесений от посвящённого в тайны Союза библиотекаря Гвардейского штаба Михаила Грибовского.

Незадолго до того, в январе 1821 года, в Москве собрались представители управ и Коренной думы: Николай Тургенев, Михаил Фонвизин, Иван Якушкин, Фёдор Глинка, Михаил Орлов и другие. Целью съезда было «приискание средств для большей деятельности» Союза и превращение его в дееспособную политическую организацию. Однако единства мнений ни по одному вопросу

не было. Одни желали мирной деятельности, другие намеревались готовить военный переворот; те мечтали о республике, эти готовы были довольствоваться конституцией при монархе. В итоге руководство Союза объявило о его роспуске. При этом доверенным членам было сообщено, что вместо распавшегося общества будет создано другое, более тайное.

Но заново создаваемое общество не имело единого центра. Ещё до московского съезда Пестель начал собирать свою организацию при Главной квартире 2-й армии в Тульчине — её стали называть Южным обществом. В Петербурге через некоторое время сформировалось Северное общество. То и другое создавалось собратьями по Союзу благоденствия на конспиративной и политической основе; целью была «перемена правления», то есть государственный переворот. Но разногласий и даже разброда избежать не удалось, так же как и добиться конспиративности. О собраниях становилось известно в светском обществе и в правительственных кругах.

На юге поначалу несомненным лидером был Пестель. Но вскоре у него появились противники и соперники: Иван Бурцев, Сергей Муравьёв-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин. Последний

связался с польским Патриотическим обществом, чем вызвал недовольство своего ближайшего друга Сергея Муравьёва-Апостола. Позднее тот же неугомонный Бестужев-Рюмин установил контакты с Обществом соединённых славян — ещё одной организацией с невнятной структурой и фантастической программой, но объединявшей весьма радикально настроенных молодых людей, главным образом офицеров 3-го корпуса 1-й армии. В результате по мере роста Южного общества разногласия среди его вождей только усиливались. Устав и программа, разработанные Пестелем и положенные в основу так и не дописанной им «Русской правды», остались в основном на бумаге.

В Петербурге дело обстояло не лучше. Основатели Северного общества — Никита Муравьёв, князь Сергей Трубецкой, Николай Тургенев — не обладали лидерскими качествами, зато с избытком были наделены амбициями. В итоге инициативу среди северян захватил недавно принятый в общество Рылеев, но общепризнанным вождём ему сделаться не удалось. К тому же Пестель, разойдясь с собратьями по югу и северу, стал формировать в Петербурге отделение своей организации. Да ещё юный и самоуверенный

флотский лейтенант Дмитрий Завалишин, соперничая с Рылеевым, затеял какой-то загадочный Вселенский орден восстановления…

Разномыслие, организационный разброд и отсутствие единоначалия расшатывали оба общества; между тем в их состав вливались новые молодые силы, их энергия требовала выхода. К осени 1825 года растущее изнутри напряжение заставило северян и южан приступить к выработке плана действий. Но и тут идеи высказывались разные. Устроить вооружённый мятеж во время манёвров и захватить царя в плен. Поднять несколько полков и совершить бросок с Украины на Москву и Петербург, где собратья своевременно взбунтуют гвардейские части. Выступить весной. Летом. Начать восстание не позже января…

Велись переговоры между севером и югом, Пестелем и Муравьёвым, Муравьёвым и «славянами»…

Ничего определённого сделано так и не было.

На стол царя ложились всё более подробные доносы о планах заговорщиков: от чиновника Бошняка, от генерала Витта, от унтер-офицера Шервуда…

Осенью император Александр отправился

на юг, лечить больную жену, императрицу Елизавету Фёдоровну. Царская чета со свитой обосновалась в Таганроге.

Близился к концу ноябрь.

«Происшествие 14 декабря» и что случилось после

19 ноября после неожиданной и непродолжительной болезни Александр I скончался в Таганроге. Смерть сорокасемилетнего, ничем до этого не болевшего императора застала всех врасплох. Потомства покойный не оставил. Вся страна была уверена, что наследником престола по закону является цесаревич[5] Константин Павлович, родной брат царя. Всего пять или шесть человек знали, что двумя годами раньше Константин ради женитьбы на графине Иоанне Грудзинской отказался от прав престолонаследования[6] и что наследник теперь третий брат, Николай. Об этом был составлен и подписан Александром секретный манифест, который следовало обнародовать

---

[5] Примечания: 5

Цесаревич — официальный титул наследника российского престола с 1797 по 1917 год.

[6] Примечания: 6

Брак с «неравнородной», то есть с особой не монаршей крови, сам по себе не лишал Константина прав на престол, но, согласно Закону о престолонаследии 1797 года, дети от такого брака исключались из престолонаследия. К тому же цесаревич состоял в разводе с первой женой, что было крайне нежелательно для будущего императора. Детей от первого брака у него не было.

лишь после его смерти.

Константин жил в Варшаве; Николай находился в Петербурге. Траурная весть достигла Петербурга 27 ноября; в Варшаве о случившемся узнали двумя днями раньше. Между братьями завязалась переписка, но, пока она шла, в Петербурге решили (с согласия Николая), что надо присягать Константину. Без царя страна жить не может, а народ уверен, что царь — Константин. Присягать начали в Петербурге уже утром 27-го, а ближе к вечеру на заседании Государственного совета был оглашён секретный манифест. Оказалось, что страна клянётся в верности не тому.

Как быть? Решили присягу не останавливать и о манифесте пока помалкивать: ждать решения от августейших братьев. Братья же, за дальностью расстояния, выясняли отношения довольно долго. Возникла странная пауза, поползли слухи: мол, «с наследником что-то не так». Только на десятый день стало очевидно: Константин от престола отказался, царствовать Николаю. Но к этому времени обе столицы, вся гвардия, немалая часть армии и российской глубинки поклялись в верности его величеству государю императору Константину. Стали готовить новый манифест и новую присягу; об этом, разумеется, мгновенно

разнеслись слухи. Ощущение, что «что-то не так», стало у многих перерастать в подозрение о государственном перевороте. При этом в Петербурге Николая не любили, а на находившегося далеко Константина возлагали неясные надежды.

Всё это было известно лидерам Северного общества из первых рук: у них имелось множество родственников и знакомых в Зимнем дворце, в Сенате, в Главном штабе, в Государственном совете. Что делать? Момент удобен для захвата власти под видом защиты прав Константина. Но ничего не готово к выступлению. Или мало что готово. Или готово? Эти вопросы обсуждались на домашних совещаниях.

Наконец 12 декабря был подписан и на следующий день оглашён манифест о вступлении на престол Николая Павловича. Новая присяга назначена на 14 декабря. Время для действия сжалось до считаных часов. Поздним вечером 13 декабря на совещании у Рылеева было решено выступить.

План действий сводился к тому, чтобы захватить Сенат и не допустить его присяги, а тем временем постараться переманить на свою сторону побольше полков гвардии (в столице квартировали только гвардейские войска). Ко-

мандующим был избран князь Сергей Трубецкой, его помощником («начальником штаба») — князь Евгений Оболенский, но функции между ними и прочими лидерами движения распределены не были. Утром 14 декабря группа офицеров-заговорщиков вывела из казарм несколько рот лейб-гвардии Московского полка, но когда эти войска подошли к Сенату, оказалось, что там никого нет, а присяга, по-видимому, уже состоялась. Роты выстроились на Сенатской площади в неопределённом ожидании.

Постепенно стало выясняться, что борьба за присягу проиграна и в частях гвардии. К стоящим на площади присоединились несколько рот Гренадерского полка, гвардейский Морской экипаж почти в полном составе — и всё. Около трёх тысяч человек. Остальные полки один за другим присягали Николаю. Наиболее надёжные стягивались к площади, беря её в кольцо. Время шло. Уговорить мятежников разойтись мирно пытались генерал-губернатор Михаил Милорадович, митрополит Серафим, великий князь Михаил Павлович. В ответ брань и выстрелы. Смертельно ранены Милорадович и командир Гренадерского полка полковник Стюрлер.

Между тем вокруг росла толпа. Её поведение

становилось непредсказуемым. Назревала угроза неуправляемого бунта. В наступающих сумерках Николай I приказал стрелять по мятежникам картечью из пушек. После предупредительных залпов ударили в строй. Солдаты побежали.

Вечером начались аресты.

17 декабря указом императора Николая I был учрежден «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года», позднее переименованный в Комиссию для изысканий о злоумышленных обществах (сокращённо — Следственная комиссия); председателем назначен военный министр генерал от инфантерии Татищев. Комиссия работала в Петропавловской крепости; туда же доставляли и большинство арестованных.

Петербургские события породили громкий отголосок на юге: офицеры из Южного общества и Общества соединённых славян попытались поднять военный мятеж. 29 декабря несколько рот Черниговского полка под командованием Сергея Муравьёва-Апостола захватили городок Васильков близ Киева. Заговорщики, как и в Петербурге, надеялись на поддержку других полков, расквартированных поблизости, но этого

не произошло. После нескольких дней метаний между Фастовом, Васильковом и Белой Церковью, 3 января мятежные роты были разгромлены правительственными войсками, а руководители восстания схвачены.

Аресты на севере и юге и по всяким градам и весям России продолжались и в следующие месяцы.

1 июня 1826 года были подписаны высочайший манифест и указ Сенату об учреждении Верховного уголовного суда. В его составе — 69 сановников (среди них немало родственников и знакомых подсудимых) и три духовных лица; председатель — князь Пётр Лопухин.

Подсудимых на заседания суда не приглашали, не выслушивали; защиты у них не было.

Приговор составлен под руководством управляющего Комиссией составления законов Михаила Сперанского и в начале июля повергнут на высочайшее рассмотрение.

Несомненно, всю работу следствия и суда направлял и ею непосредственно руководил государь император Николай Павлович.

Окончательный, отредактированный императором приговор был объявлен подсудимым 12 июля. Осуждены были 120 человек. (121-й под-

судимый, статский советник Горский, передан суду Сената.) Пять человек осуждены на смертную казнь через повешение; остальные разделены на 11 разрядов по степени тяжести преступлений; подавляющее большинство осуждены на разные сроки каторжных работ с лишением чинов, титулов, наград, сословных и имущественных прав.

Приговор над осуждёнными вне разрядов приведён в исполнение утром 13 июля.

Остальным осуждённым наказания были смягчены указом 22 августа 1826 года в связи с коронацией Николая I и впоследствии ещё трижды, в 1832, 1835 и 1839 годах. Однако никто из осуждённых не был прощён и восстановлен в правах при жизни этого государя.

По делам, связанным с тайными обществами и декабрьскими событиями, состоялось ещё несколько судов, вынесших в общей сложности около сорока обвинительных приговоров. Точных данных о количестве наказанных солдат, в том числе и умерших в результате наказания, не имеется.

* * *

И вот вопрос: а из-за чего всё это было?

Сами декабристы и в показаниях на следствии,

и в мемуарах высказывались на эту тему примерно так: невозможно было не выступить против ужасных гнусностей, творившихся в России. Но это лишь ряд общих фраз, чрезвычайно похожих, из воспоминаний многих участников движения. На вопрос, что именно невозможно было терпеть, ответ следующий: мерзость крепостного рабства, отсутствие справедливости в суде, произвол власти, воровство и взяточничество чиновников, направление политики Александра I. Или, как сформулирует на склоне лет декабрист Михаил Фонвизин: «…рабство огромного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчинёнными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол».

Но позвольте, удивляемся мы. О борьбе с крепостным правом путём освобождения собственных крестьян уже говорилось выше: такая возможность была у многих, и никто не воспользовался ею. Что касается произвола власти и воровства чиновников, то, кажется, в России за всю её многовековую историю не было дня, а может быть, и часа, когда бы с разных сторон не раздавались жалобы на это. Но не выходить же по этому поводу каждый раз под картечь на Сенатскую площадь!

Что же касается политики Александра I, то, например, в 1821 году он не пошёл на военное вторжение в Турцию ради поддержки восставших греков и их предводителя Александра Ипсиланти. Это вызвало негодование многих будущих декабристов. Но у царя были веские резоны избегать войны: Россия ещё не залечила раны 1812 года, а Ипсиланти, при всём уважении к нему, действовал без спросу как самонадеянный авантюрист.

Несомненно, участников тайных обществ уязвляла кадровая политика царя. Одним из общих мест декабристской риторики было осуждение Александра за то, что он продвигает немцев, поляков и всяких иностранцев в ущерб русским (что отчасти соответствовало истине, но странновато звучало из уст Пестеля, Кюхельбекера или Юшневского). При этом наибольшее неприятие и прямо-таки ненависть вызывала у них личность Аракчеева, который как раз был русский по крови, коренной новгородец. Неужто декабристы намеревались свергнуть или убить Александра I попросту за то, что он назначает на важные должности не их и не их родных и близких?

Тут мы приходим к предположению о том, что нашими героями в немалой степени руководили личные амбиции и эмоции. Конечно, подняв-

шиеся на благородных дрожжах, но всё же это претензии личного плана.

А также неудовлетворённость покоем, жажда подвига и неуёмное стремление к славе.

Деятельнейший участник тайных обществ (избежавший, правда, наказания) Фёдор Глинка как-то обмолвился, что во время Наполеоновских войн, под ядрами и пулями он и его друзья чувствовали себя героями и вершителями истории, а в наступившее вслед за этим мирное время, продвигаясь в чинах, страдали от ничтожества размеренной жизни. Им непременно хотелось воевать с кем-нибудь великим и идти на штурм какой-нибудь неприступной позиции.

Вот они и пошли.

* * *

Мы кратко обратимся к биографиям тех 120 участников восстания, которые были осуждены Верховным уголовным судом. Добавим к ним биографию полковника Булатова: он не дожил до суда, но без него картина дня 14 декабря в Петербурге была бы неполной. За рамками нашего повествования останутся такие яркие, колоритные персоны, как Михаил Орлов, Фёдор Глинка, Иван Бурцев, Иван Сухинов, Александр Моза-

левский и многие другие достойные внимания личности, наказанные в административном порядке или осужденные приговорами других судов.

Кое-что о неудачниках

Недавно я участвовал в одном культурном мероприятии. Оно было посвящено памяти старинного чудака и оригинала Вильгельма Кюхельбекера. Всё происходило на Фонтанке, у Калинкина моста, у дома 164. Этот дом когда-то принадлежал семейству одного богатого купца из немцев, потом там размещался сиротский приют. А в 1817–1821 годах в этом доме и в саду при нём резвилась пылкая юность: Императорский главный педагогический институт арендовал помещение для училищного пансиона. Вот в этом-то пансионе и преподавал долговязый Вильгельм — его туда направили после окончания Царскосельского лицея.

Он там учил благородных подростков, в их числе брата великого поэта Пушкина, Лёвушку, который, надо сказать, был изрядный повеса и хулиган. Чему и как обучал юношество Кюхельбекер — большой вопрос, потому что он был тугоух, подслеповат, сутул и говорил с акцентом на всех языках. Ах да, он их учил словесности: латинской и русской.

И жил он тут же. Учителям полагались квар-

тиры при пансионе, и он поселился в двух комнатках в мезонине. Вон то квадратное окошко рядом с большим полукруглым — это, должно быть, его.

И у него бывал в гостях поэт Пушкин. Он жил неподалёку, в петербургской Коломне. И конечно, захаживал пообщаться с лицейским товарищем, Кюхлей, а заодно попромывать мозги Лёвушке на правах старшего брата. Там они и сидели возле окошка, пили чай или что-нибудь такое и вели беседы о высоком.

А потом это всё как-то быстро кончилось. Пушкина услали подальше из столицы, в Бессарабию. Пансион переехал. Кюхельбекер вышел в отставку, или его отправили в отставку. После этого он успел и за границей побывать, и послужить на Кавказе, и на дуэли стреляться. А в конце 1825 года зачем-то вступил в антиправительственное Северное общество. Как-то декабрьским вечерком по нелепой случайности он забрёл в гости к приятелю Рылееву — тот жил неподалеку, на Мойке. Рылеев в это время был вдохновлён идеей государственного переворота. И слабовидящий Кюхля втянулся в это дело.

14 декабря 1825 года Кюхельбекер помчался на

Сенатскую площадь[7], прихватив с собой кое-какое оружие. По дороге уронил пистолет в снег, но, на свою беду, успел его подобрать…

Он был арестован и почти десять лет просидел в разных тюрьмах. Остаток жизни провёл в городишках Южного Урала и Сибири с сердитой и не очень красивой женой, и от таких неприятностей в последний год окончательно ослеп.

Всё это время он писал стихи и прозу. В основном стихи. Их осталось после него несколько ящиков. Стихи Кюхельбекера тогда никто не читал, кроме автора и двух-трёх его приятелей. Да и сейчас их не особенно читают.

По этому поводу и проходило мероприятие у дома 164 по набережной Фонтанки — 13 декабря две тысячи двадцать какого-то года, в канун очередной годовщины рокового события на Сенатской площади. Чему, собственно, было посвящено мероприятие — не совсем понятно. Видимо, тому факту, что вот есть же на свете такие смешные неудачники, как этот самый Кюхельбекер.

Ну и я пришёл туда почитать стихи и выразить

---

[7] Примечания: 7

Во времена Пушкина и декабристов площадь перед зданиями Сената и Синода обычно именовалась Петровской, но мы будем пользоваться более привычным, закрепившимся в культурном сознании названием — Сенатская.

свои чувства.

Вообще-то, сочувствие развивается в нас именно при взгляде на неудачников.

И возникает вопрос: почему из несуразицы, как из сора, вырастают такие грандиозные последствия?

Собирались за чашей вина, вели эмоциональные разговоры о свободе, цареубийстве и конституции, а в результате — виселица с пятью повешенными и дымный шлейф исторических мифов, за которым не разглядеть правды.

И вот ещё вопрос, на который не так-то просто ответить: зачем Кюхельбекер писал стихи?

Не «почему». «Почему» — это как раз понятно: подкатывало что-то изнутри, распирало, требовало словесно-дыхательного выхода. А именно «зачем»? С какой целью совершал мучительный труд? Тратил остатки времени и сил на вышеуказанное тяжкое и неблагодарное дело — на поиск угловатых слов, на конструирование упрямо не складывающихся речевых оборотов. Изводил недешёвые чернила и бумагу. Жёг свечи, которые тоже стоят денег. Надрывал и без того слабые глазки. Страдал неудовлетворённостью. Наверняка плакал от неудач.

Причём стихи-то получались — никак не ска-

жешь, что великие. Даже по рифмам видно. «Перуны» — «струны», «своды» — «свободы», «гроба» — «злоба», «горя́» — «заря»… Неудивительно, что его за всё за это никто особенно не благодарил. Иные смеялись. Кое-кто из близких, должно быть, ругал. Большинство просто не обращало внимания на запойный труд неуклюжего человека. А он всё чего-то сочинял, записывал и складывал исписанные листы в ящики — в первый, в другой, в третий… Всё надеялся когда-нибудь предъявить миру.

Вот до чего дописался:

То ли дело лоно гроба!
Там безмолвно и темно,
Там молчат мечты и злоба:
В гроб убраться бы давно!

И убрался, не дожив до пятидесяти лет, на кладбище со странным названием «Завальное».

И при всём том от истории с Кюхельбекером остаётся какой-то свет в душе. И даже есть смысл время от времени собираться компанией возле старинного петербургского домика и устраивать скромную акцию в память о несчастливом Кюхле.

А если бы Вильгельм Карлович не поднял из

сугроба свой пистолет, не побежал бы с ним на Сенатскую площадь, а там не пальнул куда-то в сторону важного всадника на белом коне, и не был бы за это осуждён, и не провел следующие двадцать лет в тюрьмах и ссылке — что стало бы с его стихами? Вспомнил бы вообще кто-нибудь про них? Или они пошли бы на растопку или на папильотки? Да и родились бы они?

Неужели для того, чтобы достичь высшей цели — бессмертия, — нужно претерпеть мучительные неудачи во всём остальном?

Часть II
Вне разрядов

Повесть о пяти повешенных

Из приговора Верховного уголовного суда:

«По внимательном и подробном рассмотрении всех преступных действий каждого из подсудимых… Верховный уголовный суд приговорил к смертной казни четвертованием по 19-му артикулу воинского устава:

1. Вятского пехотного полка полковника Павла Пестеля…

2. Отставного поручика Кондратия Рылеева…

3. Черниговского пехотного полка подполковника Сергея Муравьёва-Апостола…

4. Полтавского пехотного полка подпоручика Михайла Бестужева-Рюмина…

5. Отставного поручика Петра Каховского…»

Его императорское величество государь Николай Павлович не одобрил казнь кровавую, выразив согласие на какую-либо иную, без пролития крови совершаемую. Следуя монаршей воле, Верховный уголовный суд заменил четвертование повешением.

Дело № 1[8]

Из приговора Верховного уголовного суда:

«…По собственному его признанию, имел умысел на цареубийство, изыскивал к тому средства, избирал и назначал лица к совершению оного, умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех её членов, на жертву обреченных, и возбуждал к тому других, учреждал и с неограниченной властию управлял Южным тайным обществом, имевшим целию бунт и введение республиканского правления, составлял планы, уставы, конституцию, возбуждал и приготовлял к бунту, участвовал в умысле отторжения областей от империи и принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других».

В списке осуждённых фамилия Пестеля, как самого главного мятежника и злодея, стоит под нумером первым. Между тем обвинительная формула не вяжется с суровостью казни. «Имел *умысел* на цареубийство», *«умышлял»*, «участво-

---

[8] Примечания: 8

Это номера дел в нашей книге. В материалах Следственной комиссии дела подследственных расположены в ином порядке, с другой нумерацией.

вал в *умысле*»… Заклинание повторено трижды.

За невоплощённый умысел — смерть?!

Правда, в Воинском артикуле Петра Великого, в статье 19-й, на которую ссылается приговор, указано: «Есть-ли кто подданный войско вооружит или оружие предприимет против его величества или умышлять будет помянутое величество полонить или убить… тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали или совет свой подавали, яко оскорбители величества, четвертованы быть». Но в этом же кодексе содержится много такого, о чём за истекшее после Петра столетие и думать забыли — например, смертная казнь через повешение за дуэль.

Из материалов дела не видно, чтобы подследственный предпринимал конкретные шаги к осуществлению умысла. При этом Пестель — единственный среди пяти повешенных — не принимал участия ни в событиях, развернувшихся 14 декабря в Петербурге, ни в мятеже Черниговского полка.

Соратники возмущались: Пестель осуждён не за свои дела, а лишь за намерения и образ мыслей. Судьи видели в нём злодея, достойного казни без всякого снисхождения. Знакомые жалели о погибших его дарованиях.

Кто же он? Коварный заговорщик или одержимый политический прожектёр? Опаснейший государственный преступник или невинная жертва властного произвола?

Возьмём с полки запылённую папку с бумагами. Интересно, что расскажут нам ветхие документы и пожелтевшие листки свидетельских показаний.

Павел Иванович Пестель

Вероисповедание лютеранское.

Родился 24 июня 1793 года в Москве.

Отец – Иван Борисович Пестель, на момент рождения первенца Павла – московский почт-директор; впоследствии председатель почтового департамента, сенатор, сибирский генерал-губернатор, действительный тайный советник; с 1821 года в отставке. Мать – Елизавета Ивановна, урождённая Крок. Братья: Борис, Владимир, Александр; служили исправно по военной и по гражданской части, в преступных деяниях замешаны не были. Сестра София, не замужем.

Получил домашнее образование в Германии, затем окончил Пажеский его

императорского величества корпус; в 1812 году, перед началом войны, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. В Бородинском сражении ранен; в 1813 году произведён в подпоручики, затем в поручики; за участие в походах 1812–1815 годов награждён золотым оружием «За храбрость», орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени и иностранными наградами. С 1813 по 1821 год адъютант генерала от кавалерии Петра Христиановича Витгенштейна. В 1814 году причислен к лейб-гвардии Кавалергардскому полку. В 1817 году произведён в штаб-ротмистры, в 1818-м в ротмистры, в 1819-м в подполковники с переводом из гвардии в армию[9]. В 1821 году произведён в полковники и назначен командиром Вятского пехотного полка.

Масон высокой степени посвящения.

Женат не был. Детей не имел.

Арестован 13 декабря 1825 года в Туль-

---

[9] Примечания: 9

Чины ротмистра и капитана гвардии (VII класс Табели о рангах) соответствовали чину армейского подполковника.

чине.

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение 13 июля 1826 года в Петербурге.

Место захоронения неизвестно.

До недавнего времени мы не располагали достоверными портретами Пестеля: все известные были сделаны с утраченных, как считалось, оригиналов. Но неожиданно один подлинник был обнаружен. На нас смотрит человек, и в самом деле похожий на Наполеона: лоб высок, подбородок округл, глаза бойкие и смотрит с вызовом…

Николай Иванович Греч, литератор и педагог:

«Роста был он невысокого, имел умное, приятное, но сериозное лицо. Особенно отличался он высоким лбом и длинными передними зубами. Умён и зубаст!»

Николай Лорер, декабрист:

«Пестель был небольшого роста, брюнет, с чёрными, беглыми, но приятными глазами. Он и тогда, и теперь, при воспоминании о нём, очень много напоминает мне Наполеона».

Есть у Пестеля литературный тёзка — гоголевский Павел Иванович Чичиков, коллежский советник в отставке (что в гражданской службе соответствовало полковнику). Он тоже смахивал

на Наполеона. И тоже имел намерение оседлать птицу-тройку Русь и был сброшен ею в тартатары…

Родоначальник русской ветви Пестелей и прадед декабриста Вольфганг Пестель был выходцем из Саксонии и, по семейному преданию, сыном бургомистра города Шмельна. Окончив Лейпцигский университет, поступил на русскую службу. Указом Петра I он был назначен генерал-почтамт-секретарём, впоследствии дослужился до дворянского чина и должности московского почт-директора (эту должность будут занимать и трое его потомков). Небезынтересно, что женат он был, как сказано в семейной хронике, «на старшей дочери императорского церемониймейстера д'Акоста», то есть известного петровского шута Лакосты. Почт-директорскую должность унаследовал сын Вольфганга Бурхард (по-русски Борис Владимирович), а затем и внук Иван Борисович. Последний взял в жёны девицу Елизавету Крок, саксонского происхождения, и в этом браке родился первенец Павел.

Карьера Ивана Борисовича, невзирая на некоторые интриги завистников, успешно осуществлялась и далее (поговаривали, что не в последнюю очередь благодаря перлюстрации, но таковы уж

особенности почтовой службы в императорской России). Перевод в Петербург, сенатские ревизии, управление департаментом… Вершиной стало назначение в 1806 году генерал-губернатором Сибири, эту должность тайный советник Пестель исправлял на протяжении 13 лет.

Служебное положение отца открыло сыну двери престижнейшей из школ Российской империи: в 1810 году он был принят в Пажеский корпус, причём, по сдаче необходимых экзаменов, сразу в последний класс. Из этого привилегированного заведения, из Воронцовского дворца на Садовой, — прямой путь в гвардию, к чинам военной и придворной службы. На выпускных испытаниях камер-паж Павел Пестель заработал 1303 балла из 1360 возможных — больше всех однокашников. Вторым шёл Владимир Адлерберг — 1273 балла.

На этой почве (если верить всезнающему литератору и воспитателю юношества Николаю Гречу) разыгралась драма. Дело в том, что воспитанник, получивший высший балл, выпускался из корпуса с преимуществом в два чина, поручиком гвардии, занявший второе место — подпоручиком; прочие же прапорщиками.

Из «Записок» Николая Греча:

«…Мать Адлерберга (начальница Смольного монастыря) бросилась с просьбою к императрице Марии Феодоровне: „Мой-де сын учился с успехом всему, что преподаётся в корпусе, получил прилежанием и успехами первое место. Приехал Пестель, и моего Владимира ставят на второе…“ С другой стороны, Пестель (Иван Борисович. — *А. И.-Г.*)*… искал помощи у верховного визиря. Аракчеев доложил государю, что Адлерберг награждён уже казённым содержанием и обучением, а Пестель не получил от казны ничего… и потому заслуживает преимущества. Государь отвечал и матушке своей, и другу, что поступит по всей справедливости, и, когда кандидаты в герои явились к нему на смотр, сказал им: „Господа, поздравляю вас всех прапорщиками нового гвардейского Литовского полка“».*

По жестокой иронии императора служебное движение Пестеля началось с обманутой надежды. Ирония высших сил будет подсвечивать мрачноватыми тонами весь его дальнейший жизненный путь. «Замечательно, — восклицает Греч, — что один из состязателей теперь генерал-адъютант, граф, андреевский кавалер,

министр[10], а другой повешен как преступник!» Отметим: повешен как раз пришедший к финишу нумером первым.

Едва Павел Пестель окончил курс и получил младший офицерский чин, как грянула «гроза двенадцатого года».

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас…

Так Пушкин скажет, обращаясь к товарищам-лицеистам, через 24 года. Пестель как раз годился Пушкину в старшие братья. Литовский полк промаршировал где-то невдалеке от садов Лицея и исчез в военной пыли. И гвардии прапорщик Пестель в его походной колонне.

Он воевал честно, даже геройски. На Бородинском поле Литовский полк был выдвинут на левый фланг, к деревне Семёновской, — стало быть, попал в самое пекло. Убитыми было потеряно до трети состава, столько же ранеными.

---

[10] Примечания: 10

А в 1826 году — участник следствия по делу Пестеля, в должности помощника правителя дел Следственного комитета.

Командир взвода Пестель был жестоко ранен пулею в ногу с раздроблением кости и повреждением сухожилий; подобран без сознания и какое-то время числился пропавшим без вести. От раны сей страдал впоследствии, порой мучительно. Через полгода после Бородина вернулся в строй — на костылях, подпоручиком и с золотой шпагой «За храбрость». Русская армия уже продвигалась по дорогам Европы.

В сей момент коварная судьба сыграла герою на фанфарах: Пестель был назначен адъютантом к генералу Витгенштейну. Такое назначение сулило много благ. Витгенштейн, одержав минувшим летом первую в этой войне победу над наполеоновскими маршалами, носил лавры спасителя Петербурга, да и человек он был обходительный, добрый; служить при таком — перспективно и не тяжко. Вот она, дорога к успеху, к чинам, новым знакомствам и связям.

…Кто знает, не случись этого назначения, быть может, не болтаться бы Пестелю в петле…

Умный, «сериозный» офицер прослужит при генерале почти девять лет; под витгенштейновым крылом оперится, превратится из птенца-пажа в ястреба-заговорщика. Пока что в Заграничном походе он выполняет особые поручения своего

патрона по части разведки и прочей секретно-аналитической деятельности. За это уже через полгода, в августе 1813-го, произведён в поручики. Прошлогодняя осечка при выпуске из корпуса может быть забыта. Заодно и награды (которые вообще любят адъютантов) посыпались на грудь. Два русских ордена, по одному австрийскому, баденскому и прусскому — и всё это за один год.

Корпус Витгенштейна возвратился из похода в конце 1815 года. А уже в следующем году мы могли бы встретить невысокого круглолицего адъютанта с наполеоновским профилем и беспокойным взглядом на сходках Союза спасения и на церемониях столичных масонских лож. В этих последних он не ученик-новичок, а имеет уже высокое звание мастера: говорят, прямо со школьной скамьи привёл его в ложу Соединённых друзей инспектор классов Пажеского корпуса Карл Оде-де-Сион — католический монах-расстрига, полковник русской службы и отъявленный масон.

Привыкший первенствовать, Пестель не мог не сделаться одной из центральных фигур тайных обществ. Считается, что именно он написал статут (устав) Союза спасения. Документ этот не сохранился, но известен того же автора более

поздний устав Южного общества, он составлен по масонским образцам. Члены общества разделяются на три категории: высшая — бояре, далее мужи, низшая — братья (в масонских ложах — мастера, подмастерья, ученики). Сокровенные тайны и цели общества положено знать лишь боярам, им же вручается коллективное руководство и право принятия новых членов. Мужи содействуют боярам и постепенно углубляются в сокровенное, братья подчиняются и исполняют приказы. Что касается основных тайн, то на этот счёт был написан второй устав Союза спасения, для посвящённых. Там шла речь о «канцелярии непроницаемой тьмы», о слежке за своими же товарищами и о прочих конспиративных вещах. Впрочем, всё это известно лишь со слов не всегда надёжных свидетелей. Как уже было сказано, статут Союза спасения существовал лишь на бумаге. Сам Союз вскоре распался.

В начале 1817 года Витгенштейн был отправлен командовать корпусом в Курляндию, в Митаву; адъютант (уже штаб-ротмистр) последовал за ним. Через полтора года генерал назначен главнокомандующим 2-й армией, дислоцированной в Подолии и Бессарабии. Гвардии ротмистр Пестель вместе со своим командиром перебрался в

подольский городок Тульчин. К концу 1818 года он уже во главе одной из трёх управ Союза благоденствия. Чем именно, кроме возвышенных бесед, занималась Тульчинская управа — не вполне ясно, как, впрочем, туманно всё, касаемое Союза благоденствия.

И тут судьба, долгое время благоволившая Пестелю, состроила ему довольно-таки неприятную гримасу. В 1819 году Пестель-отец внезапно отстранён от должности, причём с немалым скандалом. Злым его гением явился Михаил Сперанский, посланный с ревизией и обвинивший сибирского генерал-губернатора во множестве служебных прегрешений. Мы не будем вникать в суть этого нечистого дела — о том, был ли виновен Иван Борисович, существуют разные мнения. Отметим лишь, что именно Сперанский, погубив служебную карьеру отца, в недалёком будущем составит смертный приговор сыну. Теперь же отец оказывается без хорошей должности, а в скором времени и вовсе отправляется в отставку. Для сына это означает значительное сокращение содержания и потерю поддержки сильных мира сего. Но главное даже не это, а удар, нанесённый семейству со стороны престола. Не знаем, как для Пестеля-старшего, но для Пестеля-младшего

Александр I становится с этого момента личным врагом. Согласно показаниям свидетелей, будучи в начале 1820 года по служебным делам в Петербурге, Пестель посещает собрание Коренной управы и там ставит ребром вопрос о цареубийстве и об установлении республики.

При всём том отцовский крах внешне не повлиял на положение сына. Павел Пестель остаётся доверенным лицом своего главнокомандующего, более того, устанавливает хорошие, перспективные отношения с влиятельными людьми: с новым начальником штаба армии генералом Киселёвым, с генерал-интендантом Юшневским; последний, верный друг и соратник по тайному обществу, останется с Пестелем до конца. Правда, в Тульчинской управе у него появился было соперник — гвардии капитан Иван Бурцев: он, а не Пестель представлял Тульчинскую управу в Москве на съезде, где было объявлено о роспуске Союза благоденствия. Но Пестель собрал членов своей управы, и они дружно выступили против московского решения. Так образовалось Южное общество, без Бурцева и с Пестелем во главе. (Бурцева неудача спасёт от суда и каторги, для Пестеля победа обернётся петлёй. Опять роковой нумер первый.)

К этому времени относится единственная известная нам романтическая история про Павла Ивановича. Он посватался и потерпел неудачу. Сюжет прост и едва угадывается из недомолвок семейной переписки. Предмет воздыханий — красавица-полька Изабелла Валевская; безответная влюблённость в неё вдумчивого подполковника, неблагосклонность к ней его родителей; в итоге — разочарование. Не просты, однако, действующие лица: Изабелла — свояченица графини Марии Валевской, возлюбленной Наполеона (опять это имя!), и падчерица генерала Ивана де Витта. Про этого последнего — потомственного шпиона, сына константинопольской гетеры и польского офицера (иные говорили — польского короля) — впору писать роман или сценарий авантюрного сериала; мы ограничимся тем, что укажем его должность на тот момент: начальник военных поселений Юга России, то есть командир целой армии. Безотносительно к чувствам, такой брак был бы весьма перспективен с точки зрения деятельности тайных обществ. Но — неодобрение родителей, холодность невесты… Отказ.

Считается, что с этого времени Пестель стал готовить военный переворот. Однако как именно готовил? Умышлял или действовал? Какие имел

средства?

Военный переворот, ежели его эпицентр находится в двух тысячах вёрст от императорского дворца, предполагает как минимум трёхнедельный марш на столицу и синхронные согласованные действия соратников в оной. О соратниках — чуть позже. А где войска, верные и надёжные? Где командиры, способные повести их за собой?

Какое-то время основной надеждой Южного общества был генерал Михаил Орлов. Тут сама фамилия обязывает: внебрачный сын одного из тех Орловых, что возвели на престол великую Екатерину. Ветеран тайных обществ, преуспевающий по службе: командир дивизии, да ещё зять знаменитого генерала Раевского. Того и гляди корпус получит. А с корпусом большую кашу можно заварить. Но у Орлова имелись свои амбиции, и немалые. К тому же он склонен слишком обнаруживать свои либерально-заговорщицкие планы: то вдруг предложит на съезде Союза благоденствия, который насквозь просматривается и прослушивается, печатать фальшивые ассигнации для подрыва власти, то введёт у себя в дивизии ланкастерскую школу для солдат, — а чему там учат? и кто? вольнодумцы! Естественно, за ним стали присматривать. В 1822 году в его

дивизии произошла неприятная история из-за конфликта ротного командира и каптенармуса: один воровал, другой мешал ему это делать, все это привело к солдатским волнениям. В дивизию приехали проверяющие, арестовали майора Владимира Раевского (однофамильца генерала) за продвижение солдатских школ и расшатывание дисциплины[11], а Орлова в конце концов отрешили от должности. Эта драма в недалёком будущем избавит Михаила Фёдоровича от каторги. А в тот момент южный заговор лишился военной силы, на которую более всего опирался.

Тем временем служебное положение Пестеля существенно переменилось.

В марте 1821 года грек-фанариот и генерал русской службы Александр Ипсиланти (тоже участник тайного общества, только греческого — Филики этерия), не спросясь у государя, с отрядом соратников перешёл границу Османской империи и начал военные действия против турок

---

[11] Примечания: 11

Владимир Федосеевич Раевский (1795–1872), однокашник Николая Тургенева и Ивана Бурцева по университетскому пансиону, член Союза благоденствия, после ареста провёл несколько лет в разных тюрьмах, затем был осуждён на вечное поселение в Сибири с лишением чинов и прав дворянства. В селе Олонки Иркутской губернии женился на местной крестьянке, имел многочисленных детей, после амнистии на родину не вернулся и умер там же на 78-м году жизни.

на территории Молдавии[12]. В России не просто сочувствовали этерии — многие, особенно в кругу будущих декабристов, жаждали войны «за свободу греков, против тирании султана». Власти колебались. Умный адъютант Витгенштейна был командирован выяснить, что и как происходит на самом деле в неожиданно вспыхнувшей «горячей точке». Подробности этой миссии не вполне ясны. Как настоящий разведчик, Пестель, не ограничившись сбором информации по сию сторону границы, скрытно пробрался на территорию, подвластную султану, изучил ситуацию на месте и составил донесение. Его отчёт незамедлительно был доведён до сведения императора.

Александр Пушкин, дневниковая запись 1833 года:

«Странная встреча: ко мне подошёл мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишинёвских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. б…с *Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишинёве вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя её императору*

[12] Примечания: 12

Молдавией называлась область на правом берегу Прута, на территории нынешней Румынии.

Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады. Тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера».

Пушкин прав: Пестель изобразил Ипсиланти бунтовщиком, собратом итальянских мятежников-карбонариев, а его дело — как заведомо проигранное. Почему Павел Иванович поступил так, в разрез с мечтами и чаяниями своих политических единомышленников? Возможно, не хотел, чтобы силы 2-й армии, которые он надеялся использовать в целях переворота, были отправлены в помощь грекам. Может, по какой другой причине. Но переданные им сведения решили дело: Александр I отказался помогать этеристам. Восстание захлебнулось. Россия избежала большой войны. 1 ноября 1821 года Пестель произведён в полковники.

Молдавская миссия основательно испортила репутацию Пестеля в вольнодумной среде. Он предал этерию! Ради чинов сгубил истинно русское дело греческой свободы. Да русский ли он?

И снова вопрос: кто же он таков, наш Павел Иванович — «человек с профилем Наполеона и душою Мефистофеля»? Лютеранин, масон или безбожник? Немец, русский или обиженный

царем космополит? Всё сразу: русский офицер саксонских кровей, герой битв с французами, равно свободно владевший языками русским, немецким и французским: в дружеской беседе предпочитал французский, в последние минуты жизни, перед эшафотом, изъяснялся по-русски и по-французски… Там же, под виселицей, просил благословения и молитв у православного священника.

Пушкин, из Кишинёвского дневника, 1821 год:

«Утро провел с Пестелем; умный человек во всём смысле этого слова. „Mon cœur est matérialiste, — говорит он, — mais ma raison s'y refuse“[13]*. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю…»*

Князь Сергей Волконский, декабрист:

«С самого начала моего знакомства я мог оценить великие дарования, пылкое чувство и стойкость характера Пестеля».

Николай Греч:

«…Высокомерие и непомерное честолюбие, соединявшееся с хитростию и скрытностью. В нём

---

[13] Примечания: 13

Сердцем я материалист, но мой разум этому противится *(фр.).*

было нечто иезуитское. Ума он был необыкновенного, поведения безукоризненного».

Барон Андрей фон Розен, декабрист:

«Коротко знавшие и ежедневно видавшие его… сравнивали его голову с конторкою со множеством отделений и выдвижных ящиков: о чём бы ни заговорили, ему стоило только выдвинуть такой ящик и изложить всё с величайшею удовлетворительностью».

Он не безбожник и не мистик, не немец, не русак и не американец — он самолюбивый, расчётливый, твёрдый, а главное, умный, исключительно умный человек.

А что такое — умный человек?

Ещё более неопределённая категория, чем «декабрист».

«Умный» — понятие ситуативное. Математический гений решает труднейшие уравнения, а в магазине перед прилавком застыл дурак дураком; полуграмотный сапожник в своей работе умнее сорока профессоров.

При чтении «Русской правды», основного труда последних пяти-шести лет жизни Пестеля, не возникает ощущения, что этот текст, полный противоречий и фантазий, не применимых к реальности, написан невероятно умным челове-

ком. Методичным — да, начитанным — может быть, уверенным в своём особом призвании — несомненно, доктринёром-графоманом, даже фанатиком — увы, тоже. А вот насчёт ума…

«Нижний Новгород назначается столицею Российского государства под названием Владимира»; «Разделить все кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить на их жилищах… а вторых силою переселить во внутренность России»; «Отныне впредь никто не может в монахи поступить прежде 60-го году от рождения»… И так далее. Смесь нудной дидактики и поэтической мечтательности, сектантского начётничества и мистического космизма; если же снять словесную пену, то останутся известные блюда просветительской кухни от Монтескьё, Гельвеция и прочих поваров в париках осьмнадцатого столетия. Общественное благо, упразднение сословий, равенство перед законом — это прекрасно, да и вообще в творении Пестеля много дельных мыслей, но — как осуществить всё сие в стране, протянувшейся от Балтики до Аляски, населённой множеством народов, из которых ни один не понимает по-французски?

Вообще говоря, приходится признать, что многим из декабристов свойственна некая зашо-

ренность, скованность мысли, как будто попала гружёная телега в колею и никак оттуда не вывернуть. Неодолимой колеёй явилась для них французская либеральная книжность, пестующая социальные теории эпохи Просвещения. А грузом — уверенность в своей корпоративной исключительности как единственных в России просвещённых людей.

Вот, например, Николай Бестужев заявляет, что Рылеев как поэт выше Пушкина. Он пишет, что Пушкин, конечно, ловчее управлялся со словом и рифмой, но сочинял, в общем-то, легковесные стишки, разве что «Цыганы» стоящая поэма. А Рылеев хоть и не всегда складно изрекал, но зато истину, поэтому он выше как поэт.

Или вот ещё, Николай Тургенев, один из вождей Союза благоденствия и Северного общества. Он, будучи в эмиграции, страшно обиделся, когда брат Андрей процитировал ему в письме стихи того же Пушкина о декабристских обществах:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян

Освободителей крестьян.

Тургенева оскорбило отнюдь не содержание отрывка, а то, что некто поэт, гуляка праздный, осмеливается высказываться о его персоне и вообще по данному поводу. «Сообщаемые вами стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами, — написал он в ответ. — Судьи меня и других осудившие делали свое дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, цивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения и при всем том быть варваром. Пушкин и все русские конечно варвары. б…с …для меня всего приятнее было бы то, если б бывшие мои соотечественники вовсе о мне не судили, или, если хотят судить, то лучше если б следовали суждениям Блудовых, Барановых, Сперанских и т. п.» (то есть судей, вынесших приговор декабристам). Очень интересное высказывание: никто не смеет иметь суждение о нас, кроме нас самих и наших заклятых врагов, которые с нами одной крови.

Да, но мы отвлеклись.

Итак, в ноябре 1821 года Пестель произведён в полковники и через две недели назначен командиром Вятского пехотного полка. Это, конечно,

повышение. Но из Тульчина, из штаба армии, пришлось уехать. Тульчинская управа Южного общества осталась без руководителя; её адепты (Басаргин, Ивашев, Вольф, Аврамов, Крюковы, Бобрищевы-Пушкины) всё более превращались в стадо, лишённое пастыря. Кстати сказать, осматривая Вятский пехотный полк в 1823 году, император остался доволен и пожаловал Пестелю 3000 десятин земли.

Тем временем в Василькове подполковник Черниговского полка Сергей Муравьёв-Апостол принялся собирать свою команду заговорщиков. Теперь вся опора Пестеля — три человека: генерал-интендант Юшневский, новый адъютант Витгенштейна князь Барятинский и, наконец, — реальная сила! — генерал-майор князь Сергей Волконский, командир пехотной бригады в Умани. Весьма ценно, что князь Сергей в добрых отношениях с князем Петром, тоже Волконским, из другой ветви рода, начальником Главного штаба и влиятельным конфидентом государя. И опять судьба демонстрирует Павлу Ивановичу ехидную ухмылку. Весной 1823 года, после скандала с военным бюджетом, князь Пётр Волконский отрешён от должности и отправляется путешествовать за границу. Сообщество Пестe-

ля лишается покровителя в начальственных сферах.

Пестель не может не понимать, что обстоятельства против него, что его революция не складывается. Но отступать некуда. Заговор уже существует, в него втянуты десятки офицеров. Сколь долго можно таить шило в мешке? Ещё год, от силы два — и всё будет раскрыто. Планы военного мятежа, умысел цареубийства… Потянет на разжалование, а то и на крепость. Позади тьма, впереди свет. Надо действовать.

И он продолжает строить планы, вербует приверженцев, едет в Петербург искать там союзников, надеется на содействие столпов Северного общества… Тщетно. Петербургские переговоры в начале 1824 года заканчиваются провалом: Трубецкой и Рылеев принимают Пестеля сдержанно — с ними, как и с Никитой Муравьёвым, автором проекта конституции, конфликт идейный.

Из показаний князя Александра Барятинского:

«…Сие свидание кончилось раздорием между им и Никитою Муравьевым, потому что один опровергал сочинения другого насчет общества. Сие более походило на прение авторских самолюбий, нежели на совещание тайного общества».

Без поддержки в столице мятеж южан обре-

чён. Пестель пытается сколотить в столице своё тайное общество, филиал Южного. Но как ему, полковнику из Подолии, найти в Петербурге нужных людей? И куда вести их? Перспективы туманны.

Николай Греч:

«Он хотел произвести суматоху; пользуясь ею, завладеть верховною властью в замышленной сумасбродами республике».

Князь Сергей Волконский:

«Полагаю обязанностью оспаривать убеждение… что Павел Иванович Пестель действовал из видов тщеславия и искал при удаче захватить власть, а не имел целью чистые общие выгоды…»

Из показаний Михаила Бестужева-Рюмина:

«Чрезмерная недоверчивость его всех отталкивала, ибо нельзя было надеяться, что связь с ним будет продолжительна. Всё приводило его в сомнение; и через это он делал множество ошибок. Людей он мало знал».

Заговорщик, который мало знает людей, — это не заговорщик, а теоретик. Пожалуй, так оно и есть: Пестель — теоретик заговора, умственный мечтатель, взваливший на себя груз деятеля. Главный плод его деятельности, хотя и незавершённый, — «Русская правда»: деталь-

нейшим образом разработанная теоретическая программа, которую невозможно осуществить на практике. Однако ж сей трактат напитан искрящей энергией души несостоявшегося перевоспитателя человечества. С «Русской правдой» Пестель знакомит избранных членов Южного общества и покоряет их сердца. Но, вообще-то, после неудачи в Петербурге его заговорщицкое пламя начинает мерцать и гаснуть. А тем временем происходит то, что должно было случиться рано или поздно: сведения о заговоре во 2-й армии доходят до самого верха, до государя.

Быть может, главная загадка императора Александра I, сего Северного Сфинкса, заключалась в том, что он ни на кого не мог или не хотел наводить страх. Не заставлял, чтобы его боялись. Ещё в 1822 году, провозглашая запрет всех тайных обществ, он посылал сигнал вольнодумцам: мол, маски, я вас знаю. Ответом стало возбуждение планов военного переворота. В 1823 году на смотре в Умани, изволив хвалить генерал-майора Волконского за отличное состояние бригады, император выразил пожелание, чтобы тот впредь занимался строем и не лез в дела верховной власти, в которых ничего не смыслит. Это было прямое предупреждение, и не столько генералу,

сколько некоторым полковникам. И вновь не испугались и лишь живее стали готовить почву для мятежа.

Летом 1825 года планы заговорщиков, доселе весьма абстрактные, начинают обретать конкретные очертания. Правда, инициатива теперь принадлежит не Пестелю, а Васильковской управе и северянам. Мятеж намечен на весну, имеется намерение захватить императора в плен во время манёвров на Украине. Князь Трубецкой и Сергей Муравьёв-Апостол становятся во главе заговора, а вятский полковник оказывается несколько в стороне, на вспомогательной роли; его задача — всего-навсего захватить Тульчин. Павел Иванович этим не удовлетворен, он уже в январе готов вести на штурм власти… — но кого? Свои несуществующие легионы, армию мёртвых душ?

1 сентября государь император выехал из Петербурга в Таганрог. Вести о заговоре слетаются к нему с разных сторон. Информаторы разного ранга: коллежский советник Александр Бошняк, сам не чуждый вольнодумства и посему знакомый со многими заговорщиками; несостоявшийся тесть Пестеля генерал Витт; унтер-офицер из иностранцев Иван Шервуд. К началу ноября государь, вероятно, представлял себе очертания заговора

не хуже, чем его участники. Ему известны имена и сроки. Но он не принимает никаких решений.

Что-то, видимо, не складывается в разложенной перед ним мозаике. Как будто он ждёт последнего, окончательного, неоспоримого доноса.

О том, что этот донос уже написан, он так и не узнает.

19 ноября Александр I скончался.

25 ноября, когда о смерти монарха не было ещё объявлено, отправилось по инстанциям адресованное на высочайшее имя донесение капитана Вятского полка Аркадия Майбороды:

«Ваше императорское величество!

Всемилостивейший государь!

С лишком уже год, как заметил я в полковом моём командире полковнике Пестеле наклонность к нарушению всеобщего спокойствия. Я, понимая в полной мере сию важность, равно как и гибельные последствия, могущие произойти от сего заблуждения, усугубил всё мое старание к открытию сего злого намерения и ныне только разными притворными способами наконец достиг желаемой цели, где представилось взору моему огромное уже скопище, имеющее целию какое-то переобразование, доныне в отечестве нашем неслыханное, почему я как верноподдан-

ный Вашего императорского величества, узнавши обо всём, и спешу всеподданнейше донести…»

Этот офицер не обремененный ни совестью, ни образованием, из незнатных дворян Полтавской губернии Кременчугского уезда, был принят Пестелем в тайное общество недавно. Павел Иванович холил и лелеял его, как чернокнижник лелеет туповатого, но верного ученика, не обращая внимания на косые взгляды старых соратников. И всё бы хорошо, но капитан проворовался. Видя единственное средство ко спасению от военного суда, он написал на своего командира подробнейший донос. Там было изложено про заговор либералов и «Русскую правду» и названы имена — и всё это с пафосом висельника, последняя надежда которого — успеть перекинуть свою петлю на другого.

В неразберихе, последовавшей за кончиной государя, расследованием по этому доносу занялись не сразу. Лишь 5 декабря начальник Главного штаба Иван Дибич отправляет в Тульчин генерал-лейтенанта Александра Чернышёва (эта персона повстречается многим нашим героям на их скорбном пути) с поручением выведать про заговор на месте. Бывший разведчик и партизан, Чернышёв исполнил поручение быстро.

Заговорщики ещё переписывались о делах своих мятежных, а западня для них была уж готова.

А что Пестель? Как Наполеон при Ватерлоо, как Чичиков после бала у губернатора, Павел Иванович захворал. Если бы не телесная немощь, Пестель, возможно, нашёл бы способ спастись: у него было предостаточно информаторов в штабе армии. Но в решительный момент силы его оказались подорваны и воля парализована. Предупреждённый об угрозе, он успел лишь сжечь опасные бумаги и, как ему казалось, надёжно спрятать незаконченную рукопись «Русской правды». (Интересен этот его последний поступок на свободе: стало быть, он ещё надеялся на избавление и на победу.)

12 декабря больной Пестель получает приказ Витгенштейна срочно явиться в Тульчин. Повинуется. 13 декабря прибывает в штаб армии. Там и арестован.

На следующий день в Петербурге будет совершена попытка переворота; в Тульчине об этом узнают лишь 23-го.

После довольно-таки бесплодного допроса, проведенного Чернышёвым, 27 декабря Пестель отправлен в кандалах в Петербург. 3 января состоялся разговор наедине с новым императором,

содержание неизвестно. В тот же день доставлен в Петропавловскую крепость и помещён в камере № 13 Алексеевского равелина. Опять эта странная ухмылка судьбы: задуманный им план броска на Петербург осуществился почти в те самые сроки, на которые был намечен. И цели достигнуты: Зимний дворец и невская крепость. Только вместо верных полков — фельдъегерь, а вместо победного знамени — кандалы.

На протяжении всего следствия Пестель содержался в строгой изоляции. При этом постоянно подвергался допросам, с ним было проведено множество очных ставок. В своих ответах Следственной комиссии он многое открыл, не менее того скрыл, при этом назвал немало имён — именно тех, кого сам готов был принести в жертву. Сводя счёты с Васильковской управой, вывел следствие на Общество соединённых славян. Поведал о давних цареубийственных планах Лунина. Однако своих ближайших соратников не выдал. На него самого материалов собрано было предостаточно, и самых убийственных. Откровенно топили Пестеля северяне, особенно Трубецкой. Сваливали на него вину и многие южане, из тех, что были на вторых ролях. Усердствовал Майборода (за это получит награды и

будет долго и успешно продвигаться по службе, пока не «вонзит себе кинжал в левую часть груди», как сказано в акте врачебного освидетельствования). «Русскую правду», конечно же, не удалось скрыть: о ней рассказывали на допросах, её рукопись вскоре обнаружили.

…12 июля 1826 года, близ полудня, подследственных стали извлекать из камер и собирать в Комендантском доме Петропавловской крепости. Как оказалось, суд над ними уже состоялся. Их призвали, чтобы только объявить приговор.

Первыми в комнату заседаний были введены пятеро.

Из воспоминаний Николая Лорера:

«Огромный стол, накрытый красным сукном, стоял покоем. В середине его сидели четыре митрополита, а по фасам Государственный совет и генералитет. Кругом всего этого на лавках, стульях амфитеатром — сенаторы в красных мундирах. На пюпитре лежала какая-то огромная книга, при книге стоял чиновник… Все были в полной парадной форме».

Пятерым объявлен смертный приговор. Пестель — нумер первый.

Перед казнью Пестелю разрешили свидание, первое и последнее, — с отцом.

Казнь совершилась на рассвете.

Священник Пётр Мысловский:

«Пестель с прочими товарищами своими изведён был из крепости в кронверк уже в оковах… Он стал на колени и говорил мне твёрдым голосом: „Отец святой! Я не принадлежу вашей церкви, но был некогда христианином… От чистого сердца прошу вас: простите меня в моих грехах и благословите меня в путь дальний и ужасный“».

Рассказывали, что Пестеля во время следствия пытали: когда его вели на казнь, он выглядел совершенно измученным и еле волочил ноги, на его голове якобы видели рубцы от пыточного железа. Но достоверно известно, что во время ареста Пестель был серьёзно болен, к нему приглашали врача: это зафиксировано в следственном деле; из Тульчина в Петербург он был отправлен в болезненном состоянии. Вряд ли содержание в камере Алексеевского равелина способствовало поправке его здоровья. Что касается рубцов на голове, то об этом рассказывали только те, кто не мог их видеть. Никто из встречавшихся с Пестелем на очных ставках или присутствовавших при казни ни о каких следах истязаний не упоминает.

Из свидетельств очевидцев казни:

«Эшафот был отправлен на шести возах, и

неизвестно по какой причине вместо шести возов прибыли к месту назначения только пять возов, шестой, главный, где находилась перекладина с железными кольцами, пропал…»

«Не так ли что было сделано или забыли что, не знаю, — говорили потом, что будто перекладина пропала, а кто их знает, вряд ли правда. Как ей пропасть? Что-нибудь там, может, повредилось… Копались с виселицею долго. Как ни понукали, как ни спешили, а всё уже дело-то подходило ко дню, в четыре часа ещё виселицу ставили».

«Преступники шли в оковах, Каховский шёл вперед один, за ним Бестужев под руку с Муравьёвым, потом Пестель с Рылеевым под руку же и говорили между собою по-французски… слышно было, что Пестель, смотря на эшафот, сказал: „C'est trop“»[14].

«В воротах чрез высокий порог калитки с большим трудом переступали ноги преступников, обременённых тяжкими кандалами… Пестеля должны были приподнять в воротах — так он был изнурён».

«Никаких кандалов не было… Только ремни.

---

[14] Примечания: 14
Это слишком *(фр.)*.

Ремнями были связаны и руки, и ноги…»

Барон Андрей фон Розен, со слов очевидцев:

«Пестель оставался спокойным до последнего мгновения, он никого ни о чем не просил; равнодушно смотрел, как заковали ноги его в железо, и когда под конец надели петлю, когда из-под ног столкнули скамейку, то тело его оставалось в спокойном положении, как будто душа мгновенно отделилась от тела…»

Дело № 2

Из приговора Верховного уголовного суда:

«…По собственному его признанию, умышлял на цареубийство, назначал к свершению оного лица, умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуготовлял к тому средства, усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приготовлял способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить Манифест о разрушении правительства, сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов, приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных, возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам при-

ходил на площадь».

Кондратий Фёдорович Рылеев
Вероисповедание православное[15].

Родился в сентябре 1795 года; дата точно не установлена, как и место рождения. (Обычно указывают: 18 сентября, деревня Батово. Первое под вопросом, второе неверно: Батово было приобретено матерью Рылеева значительно позже.)

Отец – Фёдор Андреевич Рылеев, отставной полковник (подполковник? бригадир?). Мать – Анастасия Матвеевна, урождённая Эссен. Родители с некоторого времени жили раздельно.

В 1800 году зачислен в малолетнее отделение Первого кадетского корпуса; по окончании корпуса, в феврале 1814 года, выпущен прапорщиком в 1-ю конную роту 1-й резервной артиллерийской бригады. Был в Заграничном походе; отличий и наград не имел. Уволен в отставку по прошению с производством в подпоручики в 1818 году. С 1821 по 1824 год

[15] Примечания: 15
В официальной терминологии того времени — греко-российское.

– заседатель Санкт-Петербургской палаты уголовного суда по выборам от дворянства; в 1824–1825 годах правитель канцелярии Российско-американской торговой компании.

В 1819 году женился на Наталье Михайловне Тевяшовой, дочери воронежского помещика; в браке родилась дочь Анастасия.

Приобрёл известность своими сочинениями, преимущественно в стихах. В 1822–1825 годах совместно с Александром Бестужевым издавал в Петербурге альманах «Полярная звезда».

Масон.

Участвовал в событиях 14 декабря 1825 года.

Арестован в ночь с 14 на 15 декабря у себя на квартире, в доме Российско-американской компании (Мойка, 72).

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение 13 июля 1826 года в Петербурге.

Род Рылеевых восходит к середине XVI века. Из всех Рылеевых ко времени рождения будущего декабриста до генеральского чина дослужился

лишь один — Никита Иванович, петербургский обер-полицмейстер и гражданский губернатор, в 1797 году вышедший в отставку тайным советником; но в какой степени родства он состоял с нашим героем — не установлено. Отец декабриста, Фёдор Андреевич, хотя и служил когда-то под началом Суворова, но в чинах продвигался туго — вероятно, по причине ершистости и безалаберности характера, и лишь при отставке был пожалован в полковники (иные говорят — в бригадиры, но это маловероятно)[16]. Видимо, тогда он и женился на девице Настасье Эссен (из каких именно Эссенов — неизвестно). Вскоре после рождения сына брак разладился: отец уехал в Киев, мать поселилась в новоприобретённой деревеньке Батово близ Гатчины, а мальчика на шестом году отдали в Первый кадетский корпус. Или, вернее, сначала отправили сына учиться, а потом разъехались. Так или иначе, сыну более

---

[16] Примечания: 16

С чином Рылеева-отца не всё ясно. В шведской кампании 1790 года он подполковник; в польскую кампанию 1792 года в бою под Миром «был с баталионом во многих движениях…». Командир батальона — должность майорская или подполковничья. При Павле I (не позднее 1797 года, а вероятно, и раньше) он уже в отставке. Сведений о его продвижении по службе в 1790-е годы нет, следовательно, в отставку он, скорее всего, вышел с производством в следующий чин — полковником. Однако в некоторых документах покойная мать Рылеева именуется подполковницей; если это не ошибка, то муж её был уволен без повышения, за провинность.

не довелось увидеться с отцом: в 1813 году Фёдор Андреевич скончался.

О том, хорошо ли было обучение в Первом кадетском корпусе и каково жилось там воспитанникам, существуют разные мнения. Сам Рылеев, судя по всему, не сохранил особенно тёплых воспоминаний о школе. К военной службе он вообще оказался несклонен, а характером упорен и ершист — в отца.

Николай Греч, литератор и педагог, о кадете Рылееве:

«…Показывал с детства большую любознательность, учился довольно хорошо, чему учили в корпусе, вёл себя порядочно, но был непокорен и дерзок с начальниками, и с намерением подвергался наказаниям: его секли нещадно, он старался выдержать характер, не произносил ни жалоб, ни малейшего стона и, став на ноги, опять начинал грубить офицеру».

Кондратий Рылеев, кадет, в письме отцу своему от 7 декабря 1812 года, о том, чему учит его сердце:

«„Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твёрдостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесёшься

превыше человеков!“ Тут я восклицаю: „Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О, я повинуюсь сердцу!“».

(Далее следует просьба о присылке денег.)

Фёдор Рылеев — сыну в ответном письме:

«…Человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце и… для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами».

Николай Греч о Рылееве:

«…Человек не важный и сам не знал, чего хотел…»

В стенах Кадетского корпуса (бывшего дворца временщика Меншикова) непокорный мечтатель провёл почти половину своей жизни. Выпуск состоялся в феврале 1814 года. Всеевропейская война из российских пределов откатилась далеко на запад, во Францию. Рылеев, как успешный в науках, был определён прапорщиком в конную артиллерию и отправился в Европу догонять свою бригаду.

Странные игры играет с человеком его судьба. Конно-артиллерийская рота, в которую назначен был Рылеев, действовала в составе подвижного отряда генерала Александра Ивановича Чернышёва. Через 12 лет этот самый Чернышёв станет

главным инквизитором следственной эпопеи декабристов; он же будет присутствовать при казни, и, по словам очевидцев, когда Рылеев, вздёрнутый первый раз, сорвётся с виселицы, именно он, Чернышёв, скомандует вешать снова… А вот интересно: поторопись новоиспечённый прапорщик тогда, в 1814 году, или окажись выпущен из Корпуса немного раньше — и, может быть, обрёл бы в генерале не палача, а отца-командира. Может быть, сдружило бы их поле боя… Кто знает.

Однако повоевать Рылееву не довелось: 19 марта русские вступили в Париж, через пять дней Наполеон отрёкся от власти. Кондратий Фёдорович провёл более года в разъездах по Европе на службе под крылом своего родственника генерал-майора Михаила Николаевича Рылеева, военного коменданта Дрездена. Мир установился, русским войскам было велено отправляться домой.

Роте, в которой служил Рылеев, надлежало квартировать в Белогорье Острогожского уезда Воронежской губернии. О том, как тянулись его армейские будни в 1816–1818 годах, достоверных сведений мало: надо думать, не обошлось без гарнизонной скуки с картами и водкой.

Из письма Рылеева матери, 10 августа 1817 года:

«Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятельским беседам, или прогулке; ездим по горам и любуемся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шелесте лесочка, на противоположном берегу растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей жизни, и чрез минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем — и наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в объятиях сна ищем успокоения».

Однако неподалёку от Белогорья обнаружилась точка притяжения для офицерской молодёжи — имение хлебосольного помещика Михайла Тевяшова, а там — две барышни на выданье: Настасья и Наташенька. Образованный прапорщик взялся обучать девиц русской словесности и иным наукам — и… Словом, через некоторое время он посватался. К младшей.

Из письма Рылеева матери, 17 сентября 1817 года:

«…Милая Наталия, воспитанная в доме родителей и не видевшая никогда большого света, имеет только тот порок, что не говорит по-

французски. Её невинность, доброта сердца, пленительная застенчивость и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, в состоянии сделать счастье каждого… Я люблю её, любезнейшая матушка, и надеюсь, что любовь моя продлится вечно…»

В хорошем обществе такого рода дела не делаются быстро. Через полгода благословение матушки было получено; засим ещё через полгода последовало прошение об отставке. Приказом от 26 декабря 1818 года прапорщик 12-й конно-артиллерийской роты был уволен от службы с производством в следующий чин. 22 января 1819 года в Острогожске отставной подпоручик Рылеев обвенчался с девицей Натальей Тевяшовой. В мае 1820-го у них родилась дочь, наречённая, как бабушка и тётушка, Анастасией. Вслед за этим семейство перебралось в Петербург.

Из письма Натальи Рылеевой сестре Анастасии в деревню; Петербург, дата не установлена:

«…Скажу вам, сестрица, какие тут добрые дамы. Я ни в одной не заметила, чтобы были насмешницы… Офицеры сюда почти каждый день ходят, а мне так и так, когда там сижу, очень грустно делается, и уйду в свою половину, и лежу или что-нибудь делаю».

Александр Пушкин, из «Table talk»:

«Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. „Я женат“, — отвечал Рылеев. „Так что же, — сказал Дельвиг, — разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?“»

До сей поры, как видим, жизнь Кондратия Фёдоровича складывается размеренно, тихо, заурядно. Как положено средней руки дворянину — учение, служба, отставка, женитьба, дети, «имением не управляй оплошно»… С переездом в Петербург всё меняется. Как будто новый человек вылупился из прежней оболочки.

Всё началось со стихов.

Стихи он писал и раньше — как до́лжно чувствительному юноше. То было творчество альбомного формата, не более. В декабре 1820 года вышла октябрьская книжка журнала «Невский зритель». В ней просвещённая петербургская публика с трепетно-злорадным чувством прочитала: «К временщику. Подражание Персиевой сатире „К Рубеллию“».

Надменный временщик, и подлый, и коварный,

Монарха хитрый льстец и друг небла-

годарный,

Неистовый тиран родной страны своей,

Взнесённый в важный сан пронырствами злодей!

Чувства публики понятны: никакой Рубеллий здесь ни при чём, а подлый временщик — доверенный слуга императора граф Алексей Аракчеев. Имя Рылеева, автора злободневнейшего стихотворения, сразу сделалось известным в литературных и, что важнее, политически мыслящих кругах.

Надо сказать, Рылеев вонзил свою стихотворную рапиру в сплетение нервов околопрестольной жизни. В годы после Наполеоновских войн в ближайшем окружении Александра I соперничали три наиболее влиятельные персоны: упомянутый Аракчеев, начальник Главного штаба князь Пётр Михайлович Волконский (известный нам по делу Пестеля) и князь Александр Николаевич Голицын, министр духовных дел и народного просвещения. Сие необычное, как говорили, «сугубое» министерство было учреждено именно для князя Голицына и держало под контролем не только учебные заведения и рели-

гиозные организации всех конфессий, но также и книгоиздательство, печать и цензуру. По сути, это было дальнее предзнаменование «идеологических отделов ЦК» в советской России. Нарочито добродушный, обходительный и очень-очень благочестивый Голицын представлял собой чуть ли не ангела, спустившегося с небес к правому плечу государя, тогда как Аракчеев призван был играть роль дьявола, который теребил августейшее левое плечо. Под покровительством Голицына (прямым или косвенным, явным или скрытым) выпускались различные издания и произрастали общества дозволенно-вольнодумного направления. «Невский зритель» состоял в дружбе с Вольным обществом любителей российской словесности, которое пользовалось милостями сугубого министра. Ни для кого не было секретом, что между Голицыным и Аракчеевым существует непримиримая вражда. Пощёчина, нанесённая последнему в стихах, сделала Рылеева видным игроком на стороне первого.

Рылеев продолжил сотрудничать в «Невском зрителе» и вскоре был принят в Вольное общество любителей российской словесности. Чуть ли не все основатели последнего были масонами. Вероятно, не без их содействия Рылеев становится

членом ложи «К пламенеющей звезде». Кажется, еще шаг — и он участник тайных обществ. Однако на этом этапе его больше привлекает литературная известность, а затем и возможность самому направлять литературный процесс. В 1822 году вместе с новым другом, Александром Бестужевым, он получает разрешение на издание альманаха «Полярная звезда». Название — парафраз имени той самой масонской ложи.

Несомненно, Рылеев и Бестужев попали в свою колею. Альманах стал большим литературным событием. В первом его выпуске, вышедшем в декабре 1822 года, встретились — в первый и, наверно, в последний раз под одной обложкой — сочинения Пушкина и Булгарина, Дельвига и Сенковского, Вяземского и Греча, Жуковского, Дениса Давыдова, Фёдора Глинки, Крылова, Баратынского, Гнедича, Бестужева (будущего Марлинского) — словом, полный парад тогдашней русской словесности. Второй выпуск «Полярной звезды» ровно через год разошёлся значительно бóльшим тиражом, чем первый.

В «Полярной звезде» заметное место занимали стихи самого Рылеева. Он вообще сделался влиятельным поэтом. И весьма плодовитым: за три года успел написать и выпустить две книги

стихов (это помимо разошедшегося в списках). Самым заметным стал сборник, состоящий из двух с лишним десятков длинных стихотворений или, вернее, небольших поэм на исторические темы под общим названием «Думы». Одновременно с «Думами» издаётся книгой длиннющая поэма, тоже историческая, «Войнаровский» (1825).

Честно признаться, нам стихи Рылеева не нравятся. Тут мы согласны с Пушкиным: в начале лета 1825 года он писал Вяземскому: «„Думы“ дрянь, и название сие происходит от немецкого dumm[17], а не от польского, как казалось бы с первого взгляда». А самому Рылееву примерно в то же время указывал без лицеприятия:

«Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые… Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение».

В самом деле, стихи Рылеева проникнуты неестественным пафосом, наполнены ходульными образами, чадят напыщенной риторикой с обилием тягучих древле-славянизмов и, как со-

---

[17] Примечания: 17
Глупый *(нем.)*.

вершенно точно определил Александр Сергеевич, слеплены из общих мест, подпёртых прямой, как жердь, моралью. Но в околодекабристском кругу строфы про всевозможных врагов отечества пришлись многим по вкусу. Более того, оказали огромное влияние на всё последующее развитие русской гражданской музы.

Для Рылеева настаёт время славы, причём поэзия — лишь средство достижения ещё более сияющих вершин. В нём открываются амбиции государственного человека. Вероятно, свои надежды на этом поприще он так или иначе связывал с неугасимой (как казалось) звездой князя Александра Голицына. Но в 1824 году звезда сия закатилась: князь-иллюминат, командор Мальтийского ордена, был уволен, а сугубое министерство упразднено. Ещё раньше отправлен в бессрочный отпуск князь Пётр Волконский. Вблизи престола остался один Аракчеев, влияние коего безмерно. Автору стихов о подлом временщике не на что рассчитывать при такой конфигурации сил.

Рылеев вступает в Северное тайное общество.

Когда это произошло, точно неизвестно; скорее всего, в конце 1823 года. И почти сразу — ещё один крутой жизненный поворот: он определяется на

службу в Российско-американскую компанию[18], на значимую должность правителя канцелярии. Акционером компании, заметим, является сам государь император.

Вообще, последние два года жизни Рылеева — как восхождение альпиниста: через зияющие расселины к вершине. Окрыляющий успех второго выпуска «Полярной звезды»; влиятельная должность в крупнейшей колонизаторской структуре российской империи; смерть нежно любимой матери; литературная известность, благодаря которой он становится властителем дум; смерть младенца-сына; внезапное выдвижение в лидеры тайного общества — всё это совершилось чуть более чем за полгода.

В ноябре 1824 года в Петербурге случилось страшное наводнение. Девять лет спустя Пушкин напишет о нём поэму «Медный всадник», эпицентр действия которой — Сенатская площадь. А тогда, под свежим впечатлением, откликнулся из Михайловского шуткой:

---

[18] Примечания: 18

Это было монопольное акционерное предприятие, созданное в самом конце XVIII века и осуществлявшее торговую и административную деятельность в Русской Америке; с его помощью государство контролировало купеческий капитал и принимало участие в распределении сверхприбылей (основную прибыль приносил промысел пушнины).

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась «Полярная звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.

«Полярную звезду», готовый тираж которой был уничтожен стихией, действительно пришлось спасать от краха. И не только её. Рылеев держал корову — при конюшне во дворе дома Русско-американской компании, — чтобы детям молоко всегда было свежее и недорого. Во время наводнения, как сказывали очевидцы, хозяин собственноручно и с немалыми усилиями пытался втащить её на второй этаж. Очевидно, последняя строчка пушкинского восьмистишия подразумевает под скотами не только братьев-писателей. Впрочем, спаслись не все: лошадей вытащили, а корова утопла…

Из письма Рылеева жене от 14 декабря 1824 года:

«…Попортилось только моё бюро, письмен-

ный стол, твой рабочий столик, половина моей библиотеки и ещё кое-что. Прочее всё спасено, да потонула корова. В комнатах воды было на полтора аршина».

Но бурные воды схлынули, и жизнь потекла по предначертанному руслу. Обитатели рылеевско-бестужевского ковчега по-прежнему собирались на поздних завтраках у Рылеева, разглагольствуя о всякой всячине и не ведая того, какие мятежные волны захлестнут эту мирную квартиру и Сенатскую площадь всего лишь через год.

Михаил Бестужев, брат Александра, о «русских завтраках» у Рылеева:

«Завтрак неизменно состоял: из графина очищенного русского вина[19], *нескольких кочней кислой капусты и ржаного хлеба».*

Капустой закусывали не только литераторы, но и политические заговорщики. Рылеев, новичок в этой среде, рядом с аристократами и столпами Северного общества — князем Сергеем Трубецким, князем Евгением Оболенским, Никитой Муравьёвым — становится центральной фигурой и двигателем конспирации. И Северное общество, и Южное в это время переживают кризис. Их от-

---

[19] Примечания: 19
То есть водки.

цы-основатели, «старики» (те, кому под тридцать и за тридцать), обзаводятся семействами, продвигаются в чинах и от этого теряют заговорщицкую хватку; некоторые вовсе отошли от движения, иные готовы отойти. Но кровь юных кипит, и энергия тех, кто годится «старикам» в младшие братья, требует выхода. На них-то и направлено действие Рылеева. Он вводит в общество новых членов — поручиков Сутгофа и Панова, подпоручика Андреева, штабс-капитана князя Щепина-Ростовского, корнета князя Александра Одоевского, морских офицеров, своего соседа по имению подпоручика Чернова — и привлекает к себе их сердца. Одно из средств привлечения — стих.

Помнится, в школе, классе этак в седьмом (это были советские семидесятые годы), нас заставляли учить наизусть стихотворение Рылеева «Гражданин». И правильно заставляли: оно легко учится и хорошо запоминается, несмотря на обилие малопонятных слов. В этом особенность пропагандистского текста: его не обязательно понимать, его нужно выучить.

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан…

Стихотворение это традиционно считается манифестом-завещанием Рылеева, созданным накануне декабрьской катастрофы. На самом деле написано оно было полутора годами раньше, летом 1824 года, то есть когда автор деятельно собирал под своё знамя гвардейскую молодёжь, ещё не зная точно, на какие подвиги её поведёт. И вовсе тут никакое не завещание, а прямая угроза тем, кто не согласен беззаветно следовать за автором, куда он укажет. Тут сказано: «Пусть юноши, своей не разгадав судьбы, постигнуть не хотят предназначенье века…» Зато он, автор, уже разгадал и постиг:

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдёт ни Брута, ни Риеги.

Сказано хлёстко. Момент истины настанет, когда народ, восстав, примется утверждать свои права и свободы в бурном мятеже. Рылеев не знал, что нечто в этом духе действительно случится в 1917 году и обернётся страшными разрушениями и жертвами. Причём результатом поисков прав станет установление жесточайшего режима, по

сравнению с которым «тирания» Александра I или даже Ивана Грозного покажется не более чем строгостями воспитательницы института благородных девиц. Конечно, те, кого эти события застанут «в объятьях праздной неги», то есть в спокойной, благоприятной жизненной обстановке, окажутся жертвами «бурного мятежа» — по той причине, что не захотели сделаться Брутами и Риегами. А кто такие Брут и Риего? Брутов в римской истории было несколько. Один — Брут Древний — полулегендарный персонаж, о нём сказывают, что он вынес смертный приговор собственному сыну, а потом погиб в междоусобной войне. А другой Брут, Марк Юний, был одним из главных убийц Цезаря, который его, Брута, до этого усыновил и всячески продвигал по службе. А Риего, как мы уже говорили в первой части, возглавил военный мятеж против испанского короля, чем спровоцировал гражданскую смуту, в ходе которой был повешен. Финал стихотворения Рылеева можно прочесть так: всякий дельный юноша должен произвести кровопролитие, зарезать своего приёмного отца, казнить сына и в конце концов окончить жизнь на виселице. А иначе ему и жить-то не следует.

Такого рода воззвания легко воспламеняют

молодые души. Поэтому вполне естественно, что Рылеев становится подлинным вождём обновлённого Северного общества.

Николай Греч:

«Рылеев был не злоумышленник, не формальный революционер, а фанатик, слабоумный человек, помешавшийся на пункте конституции. Бывало, сядет у меня в кабинете и возьмёт „Гамбургскую газету“; читает, ничего не понимая, строчку за строчкою; дойдёт до слова „constitution“, вскочит и обратится ко мне: „Сделайте одолжение, Николай Иванович, переведите мне, что тут такое. Должно быть, очень хорошо“».

Николай Бестужев:

«Освобождение отечества или мученичество за свободу для примера будущих поколений были ежеминутным его помышлением».

Александр Бестужев, из показаний на следствии:

«Он веровал, что если человек действует не для себя, а на пользу ближних и убеждён в правоте своего дела, то, значит, само Провидение им руководит».

Очень горделивое верование, ибо кому дано определять пользу ближнего?

В сентябре 1825 года разыгралась история, в ко-

торой «увлечённые люди» смогли применить на практике поэтические максимы Рылеева. Дуэль Новосильцева с Черновым. О ней много сказано и написано, так что мы только вкратце напомним, что там случилось.

Владимир Новосильцев, молодой красавец, гвардии поручик и флигель-адъютант, посватался к дочери генерала Чернова Екатерине. Сватовство было с радостью принято, но мать жениха (и, кстати, двоюродная сестра известного нам по южным делам генерала Михаила Орлова) медлила с благословением. Дело стало затягиваться, свадьба откладывалась. На этой почве у брата невесты Константина возник конфликт с женихом. Может быть, всё разрешилось бы мирно, но, увы, Константин Чернов недавно был введён Рылеевым в Северное общество. Поэт-гражданин счёл себя обязанным вмешаться. С его точки зрения (пылко разделяемой соратниками), Новосильцев от имени всех временщиков и тиранов нанёс страшную обиду истинным сынам отечества, чего стерпеть ни в коем случае нельзя. Он своей аристократической спесью унизил благородного, но незнатного Чернова. Чернов послушался Рылеева, и дело кончилось дуэлью.

Нам сейчас нелегко понять, в чём, собственно,

состояло оскорбление. Новосильцев не отказывался от женитьбы, его родительница в конце концов скрепя сердце согласилась. В чинах Чернов и Новосильцев равны, оба поручики гвардии — нельзя сказать, что волк обидел ягнёнка. По происхождению ещё неизвестно, кто выше — Чернов, сын генерала, выслужившегося из нижних чинов, или Новосильцев, отец которого хоть и из столбовых дворян, но вышел в отставку бригадиром[20]. Вся соль, однако, в том, что Новосильцев был пожалован во флигель-адъютанты, то есть пребывал в милости у царя. А такому нельзя простить малейшего неловкого шага.

Дуэль состоялась 10 сентября 1825 года. Оба её участника были смертельно ранены. Новосильцев умер на четвёртый день, Чернов промучился две недели. Одному было 25 лет, другому 22.

Из письма Никиты Муравьёва жене Александре Григорьевне о похоронах Новосильцева:

«…Это было душераздирающее зрелище, пришлось отрывать мать от тела сына».

Похороны Чернова стараниями Рылеева были превращены в политическую демонстрацию, в смотр сил Северного общества. По сему случаю

---

[20] Примечания: 20

Бригадир — чин V класса, выше полковника и ниже генерал-майора; упразднён в 1799 году.

пущено гулять в списках стихотворение:

Клянёмся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам!
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!

Автором этих строк одни считают Кюхельбекера, другие — Рылеева. Но в любом случае перед нами политическое заклинание, в котором важен не смысл, а энергия, напор. Применительно к реальной жизненной драме здесь нет ни слова правды. Какой же Новосильцев тиран? Кого он готовился «угнесть»? Милый молодой человек, подававший большие надежды… Но заклинание выкрикнуто и возбуждает страшно: «Питомцы пришлецов надменных!», «Я ненавижу их, клянусь!», «Смерть, гибель, кровь за поруганье!». В общем, «вражда и брань» со всех сторон.

Эта история показала: накал страстей в околорылеевской среде достиг нужного градуса. Пора действовать.

Как раз в это время и в Южном обществе, и в Северном складываются туманные планы военного переворота. Единомыслия, однако, нет ни в одном пункте: то ли начинать летом следующего года, то ли весной; то ли застрелить царя,

то ли захватить в плен; то ли истребить царское семейство, то ли отправить куда подальше — в Америку. Последнее предприятие, при всей его фантастичности, всерьёз обсуждается на квартире Рылеева в доме Российско-американской компании; участвуют заговорщики-моряки (доставить августейший груз к месту назначения, в Якутат или Ситху, лучше всего кругосветным путём, через Атлантику и Тихий океан) и отставной инженер-подполковник Гавриил Батеньков, недавно принятый Рылеевым в общество, а теперь намечаемый на должность главного правителя Русской Америки.

Смерть Александра I смешала все карты.

Что происходило в кругу заговорщиков между 27 ноября и 13 декабря 1825 года, доподлинно установить трудно: события развивались сумбурно, а показания их участников на следствии далеко не всегда правдивы. Но ясно, что именно Рылеев становится центром заговорщицкого коловращения, а его квартира — местом шумных сходок и принятия неисполнимых решений.

Собственно говоря, только одно имело смысл и значение: выступать или нет. Как выразится впоследствии Михаил Бестужев: «To be or not to

be»[21].

Решено было выступать: накопленная энергия требовала выхода. Никакого внятного плана действий за две недели так и не выработали, да это было и невозможно. Ведь «выступать» означало захват власти военной силой, иного средства заговорщики не знали. Но этой силы у них как раз и не было, вернее, может, и была, да неизвестно, достаточно ли. Одни горячие головы (и даже простреленные, как Якубович) кричали, что много, что стоит только кинуть клич, как вся гвардия явится на зов. Другие говорили гораздо тише, что не сыщется надёжных не то что полков, даже нескольких рот. Третьи, подобно пылкому князю Александру Одоевскому, восклицали: «Ах, как славно мы умрём».

(Рылеев, заметим в скобках, говорил решительно, но в буквальном смысле слова негромко. Он уже вторую неделю хворал ангиной — как тогда говорили, «жабой»: ходил с завязанным горлом и только-только начал поправляться. Странно, правда? В решительный момент — и Пестель, и он… И эта повязка на горле — как будто тень от петли…)

---

[21] Примечания: 21
Быть или не быть *(англ.)*.

Из донесения Следственной комиссии государю императору Николаю Павловичу о последнем собрании на квартире Рылеева вечером 13 декабря:

«Собрание их в сей вечер было так же многочисленно и беспорядочно, как предшедшее: все говорили, почти никто не слушал… Корнилович, только что возвратившийся в Петербург, уверял, что во 2-й армии готово 100 тысяч человек; Александр Бестужев отвечал на замечания младшего Пущина (Александра Павловича. — *А. И.-Г.*): *„По крайней мере об нас будет страничка в истории“.* б…с *Когда же барон Штейнгель, удостоверясь более прежнего в ничтожности сил их тайного общества… спрашивал Рылеева: „Неужели вы думаете действовать!“, то он сказал ему: „Действовать, непременно действовать“…* б…с *…Положено приготовлять солдат к возмущению изъявлением сомнений в истине отречения государя цесаревича и с первым полком, который откажется от присяги, идти к ближайшему, а там далее, увлекая один за другим… потом все войска, которые пристанут, собрать пред Сенатом и ждать, какие меры будут приняты правительством.* б…с *Рылеев говорил только, что должно было войскам, ими возмущенным,*

прийти на Сенатскую площадь и начальнику их, Трубецкому, действовать по обстоятельствам…»

Сей «план» немаловажного предприятия — государственного переворота! — как будто написан поэтическим почерком Рылеева: содержание не важно, всё решат вдохновение, ярость, напор. А там — по обстоятельствам.

Интересно, что в роковой день Рылеев не предпринял ни малейшей попытки возглавить восстание — даже когда стало ясно, что намеченный в диктаторы Трубецкой самоустранился, а выбранный ему в помощники Оболенский не в состоянии руководить. Что делал Рылеев в течение этого дня — не вполне ясно. Одни утверждают, что даже не появился на площади, другие заверяют, что своими глазами видели его среди восставших. Поздним вечером или, скорее, ночью он был арестован у себя на квартире. После допроса у императора в Зимнем дворце доставлен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Оттуда, как оказалось, дорога вела на вал кронверка, на эшафот.

Приказ государя императора коменданту Петропавловской крепости генерал-адъютанту Сукину (ударение на последнем слоге):

«Присылаемого Рылеева посадить в Алексеевский равелин, но не связывая рук; без всякого сообщения с другими; дать ему бумагу для письма, и что будет писать ко мне собственноручно, мне приносить ежедневно».

Во время следствия Рылеев давал развёрнутые и, по-видимому, откровенные показания, называл имена, излагал факты, даже без принуждения сознался в том, что уговаривал Петра Каховского совершить убийство Николая Павловича[22]. В ответ на это признание император назначил пенсион жене и дочери Рылеева. Своим дальновидным оком он уже видел, что жена Рылеева — вдова, а дочь — сирота.

В темнице с Рылеевым что-то произошло. Одни говорят, что он раскаялся, другие — что духовно надломился, впал чуть ли не в мистицизм… Мы же ничего не будем говорить на эту тему. Потому что не знаем.

Князь Сергей Трубецкой о встрече на очной ставке:

«Вид Рылеева сделал на меня печальное впечатление, он был бледен чрезвычайно и очень похудел; вероятно, мой вид сделал на него подобное же

---

[22] Примечания: 22
Подробнее об этом — в главке о Каховском.

впечатление».

Из записей Рылеева, сделанных в крепости:

«Наша жизнь состоит из внутренней и внешней. Внутренняя есть Христос, и потому единая истинная, вечная… внешняя есть ложная, временная… Плоть скорбит и плачет; дух покоен; тайна причащения воскрешает в нас вновь умершего за грехи наши Христа… Любовь и жизнь в нас борются; первая долженствует победить… Окропиши мя иссопом, и очищуся, омыеши мя, и паче снега убелюся (Пс. 50, ст. 9)».

Приговор был объявлен осуждённым вечером 12 июля. После этого их развели по камерам. Пришёл священник Пётр Мысловский. Рылеев исповедовался долго, тщательно. Причастился. Оставалось ещё немного времени перед выходом.

Из последнего письма Рылеева жене (ночь с 12 на 13 июля 1826 года):

«Бог и Государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертию позорною. Да будет Его святая воля! б…с *Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе.* б…с *Я просил нашего священника посещать*

тебя. Слушай советов его и поручи ему молиться о душе моей. Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей. б…с *Молю за тебя и Настиньку и за бедную сестру Бога, и буду всю ночь молиться.* б…с *Прощай! Велят одеваться. Да будет Его Святая воля.*

Твой истинный друг К. Рылеев.

У меня осталось здесь 530 р. Может быть, тебе отдадут».

Казнь, как мы знаем, совершилась ранним утром.

Помощник квартального надзирателя, присутствовавший при казни (имя и фамилия не установлены):

«Крикнули: „Пожалуйте, господа!“ Они уже были готовы и вышли в коридор. Руки и ноги их были связаны… б…с *Они протянули друг другу руки и крепко поцеловались. Рылеев глазами и головой показал на небо.* б…с *Мы двигались вперед медленно, потому что преступники со связанными ногами не могли почти идти. Таким порядком вышли мы на кронверк.* б…с *Погода была чудная, а тут солнце всходит, и музыка играет…* б…с *Потом на них надели этакие мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса. На шеи им на веревках надели аспидные доски с именами и*

виною их… б…с *Мешки им очень не понравились, они были недовольны, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: „Господи! К чему это?“* б…с *На шеи преступникам надели петли, и помост, на котором они стояли, опустился из-под их ног. Так это было уж устроено. Они повисли и забились, заметались. Тут трое средних и сорвались. Веревки лопнули, они и упали вниз. Только на краях остались висеть Пестель и Каховский.* б…с *Подняли тут помост и опять накинули петли. В это время, когда помост был поднят, Пестель и Каховский опять достали до него ногами. Пестель ещё был в это время жив и, кажется, начал немного отдыхать. Тут некоторые стонали, должно быть, от ушиба и боли. Их повесили опять. А говорят, вешать в другой раз не следовало».*

Существует легенда, что Рылеев, сорвавшись с виселицы, будто бы произнёс: «Что за страна! Здесь даже повесить как следует не умеют!» В некоторых версиях эти слова приписывают Сергею Муравьёву-Апостолу.

Трудно представить, что человек, провисевший несколько секунд в петле, а затем рухнувший с четырёхметровой высоты, может изрекать афоризмы. И в ожидании повторной казни у него

вряд ли появится желание мрачно острить на эту тему. Да и что можно было расслышать в суматохе, вызванной нештатной ситуацией?

Заметим также, что декабристам не свойственно было насмехаться над родной страной — эта традиция восходит к следующему поколению борцов с самодержавием, ко временам Герцена.

Тела казнённых были увезены и захоронены в тайном месте.

Дело № 3

Из приговора Верховного уголовного суда:

«…По собственному его признанию, имел умысел на цареубийство, изыскивал средства, избирал и назначал к тому других, соглашаясь на изгнание императорской фамилии, требовал в особенности убиения цесаревича и возбуждал к тому других, имел умысел и на лишение свободы государя-императора, участвовал в управлении Южным тайным обществом во всем пространстве возмутительных его замыслов, составлял прокламации и возбуждал других к достижению цели сего общества к бунту, участвовал в умысле отторжения областей от империи, принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других, лично действовал в

мятеже с готовностью пролития крови, возбуждал солдат, освобождал колодников, подкупил даже священника к чтению перед рядами бунтующих лжекатехизиса, им составленного, и взят с оружием в руках».

Сергей Иванович Муравьёв-Апостол

Вероисповедание православное.

Родился 23 октября 1795 года в Петербурге.

Отец – Иван Матвеевич Муравьёв, камергер двора Его императорского величества, тайный советник, в 1801 году с высочайшего соизволения присоединил к своей фамилии фамилию материнского рода – Апостол. Мать – Анна Семёновна, урождённая Черноевич, сербского происхождения. Из значительного числа братьев и сестёр, родных и сводных, отметим участников тайных обществ Матвея (о нём – в Части пятой) и Ипполита (застрелился 3 января 1826 года, когда мятеж в Черниговском полку был подавлен).

Детство провёл в Париже, учился в престижном частном пансионе; в 1810 году поступил в Институт Корпуса инженеров

путей сообщения; в 1812 году прервал учебу и направлен в действующую армию в чине подпоручика; участвовал в Бородинском и иных сражениях, за храбрость награждён золотой шпагой и орденом Святой Анны 3-й степени; в декабре 1812 года произведён в поручики с переводом в батальон Её высочества великой княгини Екатерины Павловны (в это время окончил обучение в Корпусе); в 1813 году зачислен в лейб-гвардии Семёновский полк; за участие в походе 1813–1814 годов награждён орденами Святого Владимира с бантом и Анны 2-й степени; в 1817 году произведён в штабс-капитаны; в 1819 году в капитаны; в 1820-м переведён в чине подполковника в Полтавский пехотный полк, а затем в Черниговский, командиром батальона.

Масон ложи «Трёх добродетелей».

Женат не был. Детей не имел.

Арестован 3 января 1826 года, 19 января 1826 года доставлен в Петербург.

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение 13 июля 1826 года в Петербурге.

Серж Муравьёфф. Баловень судьбы. Золотой мальчик.

Мало кому так везёт от рождения, как ему. Человек, в котором всё прекрасно: внешний облик, душевные качества, умственные способности, воспитание, образование; не забудем и о положении и связях родителей.

Род Муравьёвых старинный, известный с XV века. Предки Сергея Ивановича служили в чинах не великих, но на глазах государей и за столетия нажили немало родственных и служебных связей. Дед, Матвей Артамонович, женился на внучке гетмана Украины, одноглазого Данилы Апостола, Елене, против воли её родителей. Сын Матвея и Елены, Иван, помирился с родственниками матери и после пресечения прямой линии рода Апостолов испросил у императора Павла Петровича разрешение присоединить их фамилию к своей.

Этот самый Иван Матвеевич, отец нашего героя, весьма преуспел при дворе Екатерины II и Павла I: некоторое время служил воспитателем великих князей Александра (будущего императора) и Константина, затем был назначен в Коллегию иностранных дел. Вскоре после рождения Сергея (второго сына и четвёртого ребёнка в семье)

был направлен послом в Ольденбург, Гамбург и Копенгаген; спустя четыре года произведён в тайные советники и назначен вице-президентом той же Коллегии. Милость императора Павла Петровича не нашла, однако, отклика в душе Ивана Матвеевича: он был замешан в цареубийственном заговоре 1801 года. Роль его в этих событиях неясна; ходили слухи о каком-то подготовленном им конституционном проекте, ограничивающем власть монарха. Так или иначе, возведённый заговорщиками на престол Александр I изволил удалить бывшего своего наставника подальше, отправив его в 1802 году послом в Испанию. Жена Ивана Матвеевича, Анна Семёновна, предпочла суровому Мадриду просвещённый Париж — там поселилась с детьми. Сыновья и дочери были устроены в престижные пансионы.

Родным языком Сергея, его братьев и сестёр был французский. Русскому языку старшие мальчики в семье, Сергей и Матвей, начали обучаться лишь в отрочестве, лет с тринадцати. Отметим также, что семейству Муравьёвых удалось благополучно пережить в Париже 1805–1807 годы, когда Россия вела с Францией войну.

Вероятно, в эти годы родилась семейная легенда. Якобы сам император Наполеон, посетив

школу, обратил внимание на русского мальчика и сказал: «Как он похож на меня! Верно, его ждёт великая будущность» — или что-то в этом роде.

Драгоценная легенда. «Мы все глядим в Наполеоны».

По всему видно, что Сергей был в семье главным сокровищем, любимцем матери.

Из писем Анны Семёновны Муравьёвой-Апостол мужу, 1808 год (оригинал по-французски):

«…У Сергея глубокий ум, и я верю, что он сделает нечто великое в науке. Матвей начинает хорошо работать, но он не имеет способностей своего брата».

«Прошлую неделю твой маленький Сергей был третьим в классе по французскому чистописанию, по риторике — наравне с мальчиками, которым всем почти 16 или 17 лет, а преподаватель математики очень доволен Сергеем, и сказал мне, что у него хорошая голова. Подумать только, что ему нет и 13 лет! б…с *Он очень любит читать и охотнее проведёт целый день за книгой, чем пойдёт прогуляться, и притом он такое дитя, что иногда проводит время со своими маленькими сёстрами, играет в куклы и шьёт им одежду. В самом деле, он необыкновенный».*

Между тем, впав в немилость государя, Иван

Матвеевич оставил службу. Лишившись казённого содержания и имея вкус к хорошей жизни, он принялся растрачивать доходы от своих имений и преуспел в этом. Пребывание в Париже стало чересчур дорого для многочисленного семейства. В 1809 году Муравьёвы-Апостолы вернулись в Россию. Сохранился мемуарный рассказ: четырнадцатилетний Сергей, ярый патриот неведомого ему отечества, после пересечения границы бросился обнимать первого попавшегося русского — таковым оказался бородатый казак из пограничной стражи…

Мать вскоре умерла, отец удалился в своё украинское имение Хомутец и повёл там жизнь патриция в изгнании, старшие же сыновья были определены в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, училище новое и одно из немногих в России, где можно было получить разностороннее и систематическое образование.

Учение, однако, было прервано войной. Произведённые в офицерские чины Сергей и Матвей отправились в действующую армию. И вновь обратим внимание на выдающиеся качества Сергея: пройдя самую тяжкую фазу войны, побывав в Бородинском сражении, заслужив две боевые награды, он успевает вернуться в Петер-

бург, окончить курс (брат Матвей так и остался недоучкой) и осенью 1813 года догоняет русскую армию уже в германских землях.

Поход завершен. Сергей возвращается в Петербург поручиком лейб-гвардии Семёновского полка, кавалером орденов Владимира и Анны, с золотым оружием «За храбрость». Ему нет ещё и двадцати лет.

Оказавшись среди светской родни, в кругу блестящего гвардейского офицерства, как же он, по-настоящему образованный «французский русский», не вступит в масоны? Как не сделается членом тайного общества? И вот он — обрядоначальник ложи «Трёх добродетелей», и вот он — на сходках Союза спасения. В тайных обществах он ведет серьёзные разговоры. А на светских раутах с благожелательным интересом на него посматривают маменьки юных барышень. Красавец, прекрасно воспитанный, одарённый молодой человек.

Николай Греч:

«Он был не очень сообщителен, но учтив, приветлив и приятен в обращении, разумеется, с душком аристократическим. В тесном кругу был он весел и остёр».

Из воспоминаний Юзефа Казимира Игнация

Руликовского, помещика в Панской Мотовиловке, близ Василькова (оригинал по-польски):

«Он имел красивую наружность, черты лица обнаруживали величавость вместе с кротостью; при этом он был красноречивый, общительный, человечный, доступный и по мере возможности оказывал помощь и содействие как своим военным товарищам, так и сторонним… Вследствие этого он приобрёл общую приязнь у близких и далёких».

Путь его прям и устремлён ввысь. В 1819 году он уже гвардии капитан, впереди флигель-адъютантские перспективы, непременно удачная женитьба, а там и генеральство, и генерал-губернаторство, и… чего только не мерещится там, в ослепительном будущем.

Всё переменилось в несколько дней.

В ночь с 16 на 17 октября 1820 года 1-я «государева» рота Семёновского полка взбунтовалась. Не то чтобы взбунтовалась — выступила против полкового командира. Солдаты роты самовольно собрались на перекличку и выступили жалобой на несправедливое обращение. При этом и многие офицеры в полку были настроены дерзко по отношению к своему полковнику. Возникла довольно неприятная заваруха, роту отправили

под арест, в полку — общее брожение. Но всё можно было бы как-нибудь уладить, если бы не два обстоятельства. Первое: то был полк, шефом которого был государь, и рота именно та, которая (в ином составе, конечно) двадцатью годами ранее, сразу же после внезапной смерти императора Павла Петровича, первой присягнула Александру I. Второе: государь находился в отъезде, за границей, в городишке Троппау[23], на важном международном конгрессе. Принять решение без него относительно такого особенного полка никто не решался. Пока генералы Аракчеев, Волконский, Васильчиков и прочие выясняли, что делать и кто виноват, иностранные дипломаты с ехидной улыбкой доложили царю, что его любимый полк затеял в Петербурге чуть ли не революцию. Александр I находился в Троппау как раз для того, чтобы возглавить борьбу своих европейских партнёров против революционной заразы в их странах, — а тут его собственный полк. Государь разгневался и решил показательно покарать семёновцев. Полк был расформирован, солдаты разосланы по разным гарнизонам, многие подвергнуты телесным на-

[23] Примечания: 23
Ныне Опава в Чехии.

казаниям; под суд отданы полковой командир полковник Фёдор Шварц и несколько офицеров, а остальные переведены в армейские полки без права отставки.

Сергей Муравьёв-Апостол, никоим образом не причастный к бунту, оказался подполковником[24] в Полтавском пехотном полку. Оттуда вскоре переведён командиром батальона в Черниговский полк, в городок Васильков, между Белой Церковью и Киевом. Из столицы в глушь, из возлюбленных царём гвардейцев в заштатную пехтуру.

Обида — могучее чувство. Приходится признать: обида была не последним мотивом многих лиц декабристского круга.

Вот, например, граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, сын одного из фаворитов Екатерины Великой и невероятный богач. В 1812 году он на свои средства набрал кавалерийский полк, который так и называли Мамоновским, и в составе московского ополчения отправился воевать с Наполеоном. Правда, полк, сформированный на скорую руку и из кого попало, оказался мало на что годен, мародёрствовал, в боях участвовал

[24] Примечания: 24

Чин капитана гвардии приравнивался к чину армейского подполковника.

только в самом конце войны, а как только война закончилась, Александр I поспешил его расформировать. Дмитриеву-Мамонову при этом была выражена высочайшая благодарность и вручено золотое оружие, но он страшно обиделся на императора и немедленно организовал тайное общество, целью коего провозгласил переворот и установление конституционного строя (некоторые участники мамоновского «Ордена русских рыцарей» позднее будут замечены в составе декабристских обществ). Граф во всеуслышание огласил мысль, которую втайне вынашивали иные представители старинных дворянских родов: Александр I не имеет прав на русский престол, ибо происходит от голштинца — Петра III; есть в России куда более родовитые персоны, например он, Дмитриев-Мамонов, потомок смоленских князей, ведущих свой род от Рюрика. За этой звонкой оплеухой царствующему дому предугадывалась вторая, неозвученная: Александр I — лишь внук Екатерины Великой, а он, граф Матвей, может быть, и сын: что-то уж больно поспешно императрица женила его отца, своего любимца, на княжне Щербатовой менее чем за год до рождения Матвея. В дальнейшей деятельности тайных обществ граф Дмитриев-Мамонов

не участвовал и удалился в свои имения, но в 1825 году отказался присягать Николаю I. В итоге он был признан сумасшедшим (а возможно, и в самом деле тронулся рассудком) и подвергнут принудительному лечению. Началось же всё, подчеркнём, с обиды.

В 1822 году возникает Васильковская управа Южного тайного общества. Во главе её — Сергей Муравьёв-Апостол.

Кое-кто из современников считал, что вступление Муравьёва-Апостола в заговор было вызвано обидой из-за «семёновской истории». Конечно, это была не единственная причина, он был движим и идейными мотивами, и, наверное, обидой за отца, отправленного в отставку. Так или иначе, вступив в тайное общество, Сергей Муравьёв-Апостол, русский офицер, похожий на Наполеона, не мог не сделаться лидером.

В это самое время в далёкой Испании, где когда-то служил послом Иван Матвеевич Муравьёв-Апостол, вспыхнула ярким светом звезда героя, способного, казалось, соперничать с Бонапартом. В январе 1820 года в Кадисе Рафаэль Риего поднял восстание против короля Фердинанда под знаменем свободы и народовластия. Через два месяца мятежные войска вошли в Мадрид,

король вынужден был провозгласить конституцию, а Риего сделался вождём торжествующих либералов. Этот пример чрезвычайно вдохновил Сергея Ивановича. Вот оно — то, к чему стремился его беспокойный дух! С кучкой соратников, с несколькими ротами верных солдат совершить бросок от окраины к столице, захватить власть, заставить монарха быть исполнителем мятежной воли! Что может быть прекраснее? И сколь многозначительны эти совпадения: Риего тоже воевал с Наполеоном, тоже пребывал в несправедливой опале, тоже подполковник… Что это, если не указание свыше? Правда, дальнейшие события в Испании развивались не столь вдохновляюще: гражданская война завершилась французской интервенцией, поражением либералов, пленением и повешением Риего в ноябре 1823 года. Но это — следствие ошибок испанского вождя, их не допустит вождь русский.

Герой ведёт за собой толпу туда, куда укажет ему перст Божий. Так должно быть. Если же и случается не так, то это лишь досадное недоразумение.

Сергей Муравьёв-Апостол (из показаний на следствии Александра Поджио):

«La masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront

les individus que sont tout»[25].

Сергей Муравьёв-Апостол (из «Записок» Ивана Горбачевского):

«…Солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будут орудиями и произведут переворот».

Александр Пушкин:

Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.

Возглавив Васильковскую управу, дерзновенный Сергей Муравьёв-Апостол довольно скоро перехватывает у методичного Павла Пестеля инициативу в Южном обществе. Тихий, мирный Васильков становится центром самостоятельного, неподвластного Пестелю заговора.

Не то удивительно, что там и сям являются одержимые вожди, уверенные в своей избранности и покорности масс. Удивительно, что у них всегда находятся приверженцы и последователи. Помимо нескольких офицеров Черниговского полка, готовых в огонь и в воду, у Сергея Муравьёва-Апостола имелись два «верных Личарды» — старший брат Матвей и юный подпоручик Полтавского

---

[25] Примечания: 25
Массы ничто, они будут тем, чего захотят личности, которые всё *(фр.).*

полка Михаил Бестужев-Рюмин. Этот последний, правда, вел свою игру… Факт, однако, что подполковник и подпоручик сдружились если не до полного единомыслия, то до вдохновенного взаимодействия.

К осени 1825 года васильковский заговор стал обретать контуры и наполняться энергией. В него вливаются молодые силы, именующие себя Обществом соединённых славян, — несколько десятков жаждущих действия офицеров 1-й армии. План захвата, а доведётся — и убийства «тирана» во время смотров и манёвров в будущем году согласован через князя Трубецкого с Северным обществом. Шпаги позвякивают в ножнах, и сапоги подплясывают от нетерпения — повторить и превзойти подвиг Риеги.

О кончине Александра I в Василькове узнали в последних числах ноября.

Из рукописи, найденной среди бумаг подполковника Черниговского полка Муравьёва-Апостола после его ареста:

«Бог умилосердился над Россиею — послал смерть Тирану нашему… Страдания наши тронули Всевышнего — днесь он посылает нам свободу и спасение… Отныне Россия свободна!»

Странное явление — убеждённость в своей

правоте. Похоже, армейский штаб-офицер, лучше изъясняющийся по-французски, чем по-русски, искренне убеждён, что вся необозримая Россия думает и чувствует точно как он, только не может выразить этого должным образом…

Однако Россия не услышала восклицаний черниговского подполковника. Сначала спокойно присягнула новому «тирану» Константину, а через две недели принялась равнодушно переприсягать Николаю.

Происходившее сбило с толку всех. Боевитая Васильковская управа целый месяц фактически бездействовала. Да и как действовать? Её силы разбросаны по гарнизонам, не имеют ни плана, ни готовых ресурсов, ни надёжной связи между собой.

Между тем донос Майбороды[26] и розыски в бумагах Пестеля породили волну арестов. А 24 декабря, в ночь перед Рождеством, Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы узнали о событиях десятидневной давности в Петербурге. Узнали они об этом, когда прибыли по делам в Житомир, в штаб корпуса. Стало ясно: тайные общества раскрыты, ареста надо ожидать со дня на день.

---

[26] Примечания: 26
Об этом — в главе о Пестеле.

Что делать? Нести новому императору свои повинные головы? Или воспользоваться моментом, совершить дело, достойное Риеги? У испанца было всего две роты в начале восстания, у Сергея — полк Черниговский, полк Полтавский (полковник Тизенгаузен в заговоре), полк Ахтырский гусарский (командир Артамон Муравьёв — давно ли? два месяца назад — клялся собственноручно застрелить царя-«тирана»), затем 17-й егерский, за который ручался подпоручик Александр Вадковский, затем 8-я артиллерийская бригада, чуть не все офицеры которой состоят в Обществе соединённых славян. А стоит только восстать — поднимутся и другие. Прочь сомнения! Надо начинать, начинать как можно скорее! Немедленно!

На пути в Васильков братья заночевали в деревне Трилесы. Глубокой ночью с 28 на 29 декабря туда же прибыл командир Черниговского полка подполковник Густав Гебель с жандармом: у него был приказ об аресте обоих Муравьёвых, а вслед за ним четверо офицеров муравьёвского батальона, участников заговора. При попытке арестовать братьев Гебель подвергся нападению со стороны прибывших офицеров, был тяжело ранен (медики насчитают у него, помимо уда-

ров прикладом, 14 штыковых ран и перелом руки). Офицеры подняли расквартированные в Трилесах и в ближайших деревнях две роты и двинулись на Васильков. Восстание началось. 31 декабря на площади в Василькове перед строем полка был прочитан необыкновенный текст. Читать его было приказано полковому священнику Даниилу Кейзеру. (За это отец Данило будет лишён сана, осуждён на тюрьму и ссылку; умрёт через 33 года ссыльнопоселенцем в Смоленской губернии и войдёт в историю как единственный декабрист духовного звания.)

Текст этот начинался как церковная проповедь: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» и построен как катехизис — в виде вопросов и ответов.

Из «Православного катехизиса» Муравьёва-Апостола — Бестужева-Рюмина:

Вопрос. Для чего Бог создал человека?

Ответ. Для того, чтоб он в Него веровал, был свободен и счастлив. б…с

Вопрос. Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ. Без Свободы нет счастия. Святый апостол Павел говорит: «Ценою крови куплены есте, не будите раби человеком».

Вопрос. Для чего же русский народ и русское

воинство несчастно?

Ответ. Оттого, что цари похитили у них Свободу.

Вопрос. Стало быть, цари поступают вопреки воле Божией?

Ответ. Да, конечно. Бог наш рек: «Болий в вас да будет вам слуга». А цари тиранят только народ.

Вопрос. Должно ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле Божией?

Ответ. Нет. Христос сказал: не можете Богу работати и мамоне; оттого-то русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

б…с

Вопрос. Что же наконец подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою Богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на Него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России. А кто отстанет, тот яко Иуда предатель будет анафема, проклят. Аминь.

Всё ясно, не правда ли? Уничтожь царя, хри-

столюбивое российское воинство, — и настанет счастье всеобщее, окончательное, то самое, для которого Бог создал человека. Убеждённый человек превращает Бога в орудие своей воли. Но Бог хитёр: Он не спорит, Он только делает по-своему.

С 8-й артиллерийской бригадой связаться не удалось. Артамон Муравьёв отказался действовать, не имея ни фуража, ни продовольствия для зимнего похода. Полтавский полк не шевельнулся. Друзья в Киеве не поддержали. 17-й Егерский передислоцирован. 31 декабря подполковник Муравьёв-Апостол скомандовал выступать в направлении на Житомир. 1 января повернули на Белую Церковь. К этому времени уже стало ясно: восстание захлебнулось. Чтобы удерживать над солдатами власть, вождь принялся раздавать деньги и водку. По пути движения полка начались грабежи, насилие, мародёрство. 3 января у села Устимовка мятежники были встречены правительственными войсками — несколькими ротами гусар и артиллерией. Подполковник скомандовал идти в атаку по открытому полю и не стрелять. Артиллерия открыла огонь картечью. Первым же залпом вождь восстания был ранен в голову, оглушён, контужен. После второго-третьего залпа солдаты побежали. За ними уже

гнались гусары.

В результате этого — не рискнём сказать «боя» — убиты поручик Михаил Щепилло (один из пытавшихся спасти Сергея Муравьёва-Апостола от ареста в деревне Трилесы и напавший на полковника Гебеля) и шестеро солдат; застрелился девятнадцатилетний прапорщик Ипполит Муравьёв-Апостол (младший из братьев, ему девятнадцать лет)[27]; в плен взяты: подполковник Сергей Муравьёв-Апостол, отставной подполковник Матвей Муравьёв-Апостол, штабс-капитан Вениамин Соловьёв, поручик Анастасий Кузьмин (застрелился в этот же день), подпоручик Андрей Быстрицкий, подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин, 895 солдат (некоторые из них погибнут от телесных наказаний). Поручик Иван Сухинов скрылся (через полтора месяца он будет схвачен в Кишинёве).

4 января все пленные доставлены в Белую Церковь. Оттуда по отдельности — в Могилёв, в штаб 1-й армии (братья Сергей и Матвей уже не обнимутся никогда). Оттуда в Петербург. Сергей

---

[27] Примечания: 27

Ипполит, только что назначенный в штаб 2-й армии в Тульчин, выехал из Петербурга 13 декабря и присоединился к братьям 31 декабря. Судьба спасла его от петербургской катастрофы, чтобы бросить на кровавый снег близ Устимовки.

Муравьёв-Апостол — в кандалах, в сопровождении штаб-офицера и лекаря (ранение тяжёлое, нужно доставить живым). 20 января — в столице, той же ночью в Зимнем дворце — царский допрос. Из дворца — в крепость. Кандалы разрешено снять.

В своих показаниях Следственной комиссии Сергей Муравьёв-Апостол чистосердечен, пока речь идёт о нём самом, но о других — сдержан. Раскаивается в том, что многих вверг в беду, но не в самих намерениях. Золотой мальчик.

Впрочем, его поведение на следствии мало на что могло повлиять. Приговор ему, как предводителю военного мятежа, был предрешён. Он услышал его вместе с четырьмя товарищами по несчастью 12 июля. Возвращён в камеру. Вновь закован в кандалы (или связан, как утверждает безымянный помощник квартального).

Помощник квартального надзирателя:

«Никаких кандалов не было. Я как теперь вот на них смотрю. Только ремни…»

Несколько времени (сколько — неизвестно) оставалось до того, как прозвучат слова: «Пожалуйте, господа». Как раз хватило, чтобы написать (до чего неудобно это делать в оковах!) несколько строк карандашом на вложенном в Библию

листке бумаги.

Предсмертная записка Сергея Муравьёва-Апостола, по-церковнославянски и по-французски. Представляет собой цитату из Послания апостола Павла Тимофею, глава 4, стихи 6–7:

«Се время моего отшествия наста. Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Et le tems du mon départ a approché. J'ai combattu le bon combat, j'ai achevé ma course, j'ai gard la foi. Epitre de A Paul à Timothée chap. IV[28].

Писано в крепости после объявления смертного приговора.

Сергий Муравьёв-Апостол 1826 году».

Обращаем внимание на особенность французского текста. «J'ai combattu le bon combat» («подвигом добрым подвизахся») можно перевести и так: «Я провёл славное сражение», и так: «Я бился в изрядной битве». Какое сражение имел в виду Муравьёв? Бородинское? Или у села Устимовка? Или какое-то совсем иное? Неведомо.

---

[28] Примечания: 28

Дословный перевод: «…И время моего ухода приблизилось. Я сражался в хорошем сражении, я закончил свой путь, я сохранил веру. Послание а[постола] Павла Тимофею, гл. IV». Из многочисленных переводов Нового Завета на французский язык данный текст наиболее близок к переводу Давида Мартена (1744), но в некоторых деталях отличается от него.

Дело № 4

Из приговора Верховного уголовного суда:

«…По собственному его признанию, имел умысел на цареубийство, изыскивал к тому средства, сам вызывался на убийство блаженные памяти государя императора и ныне царствующего государя императора, избирал и назначал лица к свершению оного; имел умысел на истребление императорской фамилии, изъявлял оный в самых жестоких выражениях рассеяния праха, имел умысел на изгнание императорской фамилии и лишение свободы блаженные памяти государя императора и сам вызывался на совершение сего последнего злодеяния, участвовал в управлении Южного общества, присоединил к оному Славянское, составлял прокламации и произносил возмутительные речи, участвовал в сочинении лжекатехизиса, возбуждал и приготовлял к бунту, требуя даже клятвенных обещаний целованием образа, составлял умысел на отторжение областей от империи и действовал в исполнении оного, принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других, лично действовал в мятеже с готовностию пролития крови, возбуждал офицеров и солдат к бунту и

взят с оружием в руках».

Михаил Павлович Бестужев-Рюмин

Вероисповедание православное. Закону привержен, но на исповеди и у причастия бывал не каждогодно.

Родился 23 мая 1801 года в селе Кудрёшки Горбатовского уезда Нижегородской губернии. В следственном деле неверно указан возраст – 26 лет, отчего годом рождения долгое время считали 1799. Истинная дата установлена по записи в церковной метрической книге.

Отец – Павел Николаевич Бестужев-Рюмин, городничий в Горбатове; вышел в отставку в чине надворного советника. Мать – Екатерина Васильевна, урождённая Грушецкая, племянница второй жены Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола. Старшие братья – Иван и Николай.

Образование домашнее. В 1818 году поступил юнкером в Кавалергардский полк; в марте 1820 года переведён в лейб-гвардии Семёновский полк подпрапорщиком; в декабре, после возмущения в полку, отправлен в Полтавский пехотный полк

тем же чином; через месяц, в январе 1821 года, произведён в прапорщики; в 1824 году – в подпоручики.

Женат не был. Детей не имел.

Арестован 3 января 1826 года.

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение 13 июля 1826 года в Петербурге.

Мишель Бестужев-Рюмин. Странный молодой человек.

Мы даже не можем представить, как он выглядел: не существует ни единого портрета, лишь беглая карандашная зарисовка в профиль, сделанная во время допроса, по одним сведениям, помощником правителя дел Следственной комиссии Адлербергом, по другим — секретарём Андреем Ивановским. Трудно составить о нём определённое впечатление. Его образ в свидетельствах современников противоречив и неясен.

Иван Дмитриевич Якушкин, декабрист:

«Странное существо был этот Бестужев-Рюмин. Если про него нельзя было сказать, что он решительно глуп, то в нём беспрестанно проявлялось что-то похожее на недоумка. В обыкновенной жизни он беспрестанно говорил

самые невыносимые пошлости и на каждом шагу делал самые непозволительные промахи».

Николай Греч:

«…Нечестивый, бестолковый фанатик, не знавший сам, что говорит и делает».

Юзеф Казимир Игнаций Руликовский, помещик (оригинал по-польски):

«…Очень обходительный, имел приятную и милую внешность; смелый и красноречивый…»

А вот мнение о Бестужеве-Рюмине советского историка Милицы Васильевны Нечкиной:

«Энергичный и талантливый, всецело отдающий себя подготовке восстания, выдающийся организатор движения и пламенный оратор».

Он сам прекрасно знал эту свою особенность — производить впечатление дурачка, причём даже на людей самых близких. За два года до ареста он задумал было жениться, однако не получил на то согласия от своих родителей. По этому поводу писал посвящённому в семейные дела приятелю (оригинал по-французски): «Они уверены, что я простачок, которого всякий проведёт в собственных интересах. Я не знаю, утешительно ли такое мнение о 24-летнем сыне, но мне хочется верить, что оно несправедливо».

Кстати, о родителях. Принято считать, что они

были какие-то заштатные дворяне, не чета тем же Муравьёвым или Пестелю. Действительно, отец Мишеля, Павел Николаевич Бестужев-Рюмин, хотя и хорошего рода (дальний родственник известного канцлера елизаветинских времён), в чинах не преуспел и, отслужив городничим в провинциальном уездном Горбатове (помните городничего в «Ревизоре»?), вышел в отставку надворным советником[29]. Не имея собственных больших владений, он жил в имении жены, в Кудрёшках, возле городишки, в котором нёс службу. Однако жена его, маменька Мишеля и владелица Кудрёшек, происходила из рода Грушецких и состояла в свойстве не с кем-нибудь, а с самими царями Романовыми. Её прапрадед приходился двоюродным братом царице Агафье.

Девица Агафья Семёновна из польско-русского рода Грушецких в 1680 году была избрана в невесты юному царю Фёдору Алексеевичу. Ей недолго суждено было пребывать в царицах — ровно год, до безвременной кончины в родах. Сын, царевич Илья, пережил мать всего на неделю. Посему

---

[29] Примечания: 29

Чин, равный армейскому подполковнику. При отставке производили в следующий чин, стало быть, отец декабриста завершил службу коллежским асессором (VIII класс Табели о рангах). Это не выше, чем гоголевский Сквозник-Дмухановский.

её родня, Грушецкие, не успели закрепиться у престола. Заметим, однако, что сестра царицы Агафьи, Анна, была выдана замуж за князя Василия Сибирского, потомка Кучума; их правнук, генерал-лейтенант Александр Сибирский, окажется дивизионным командиром полковника Пестеля. Так что большой вопрос, кто знатнее — сын сибирского генерал-губернатора и потомок шута Пестель или Мишель Бестужев-Рюмин, родня в пятом колене князя Кучумовича Сибирского и царицы Агафьи.

Такое родство не может не подхлёстывать самолюбие сына уездного городничего.

Ах, Мишель, Мишель… А почему, собственно, Мишель? Михайло Павлович — так его именуют непросвещённые люди, крестьяне да чиновники. А в кругу равных имя его звучит на парижский лад. Как видно, в семействе отставного надворного советника не в чести была русская речь, ибо сын его, когда угодит в крепость, вынужден будет просить у Следственной комиссии позволения давать письменные показания по-французски, поелику он, «к стыду своему, по-русски изъясняться менее привычен». В таковом прошении ему будет строго отказано, однако разрешено пользоваться словарями. И из его камеры № 17 в

Невской куртине (слышимость там, надо сказать, отменная) дни напролёт будет доноситься шелестение словарных страниц[30].

А покамест семнадцатилетний юноша со сложным характером определяется на службу. Готовится (как сам потом укажет следствию) к карьере дипломата — не без оснований, поскольку скрытность и умение прикидываться простачком весьма уместны в этой профессии. Экзамены специальной комиссии при Московском университете, необходимые для продвижения по статской службе, сданы на «хорошо» и «очень хорошо» и получен аттестат. Однако за этим следует определение юнкером в Кавалергардский полк и переезд в Петербург.

Думаем, не обошлось без протекции. В этот полк не так-то просто попасть. Младшие офицеры-кавалергарды бывают приглашаемы на домашние балы в великокняжеский Аничков дворец, ибо они отменные партнёры в танцах. Кстати, тут заключена подсказка относительно внешности Мишеля, которую никто не запечатлел ни в портретах, ни в мемуарах: он, скорее

---

[30] Примечания: 30

Разумеется, Бестужев-Рюмин прекрасно владел разговорным русским, но затруднялся формулировать по-русски политические и философские тонкости.

всего, был статный голубоглазый блондин, ибо таковых предпочитали брать в кавалергарды.

Полтора года службы в «гвардии кавалеров» завершились, однако, переводом в Семёновский полк. Причины таковой перемены доподлинно неизвестны, но, видимо, связаны с каким-то служебным конфликтом. В письмах близких и в документах имеются невнятные указания на «недолжное поведение» и служебное нерадение эстандарт-юнкера Бестужева: к примеру, 12 ноября 1819 года — наряд на три дежурства вне очереди «за незнание своего дела». Любопытно, что в этом же приказе взыскание в виде одного внеочередного дежурства наложено на юнкера Ивана Анненкова «за то, что у него каска не вычищена». Через шесть с половиной лет оба они, Бестужев-Рюмин и Анненков, снова окажутся в одном списке наказанных, и вновь с разницей в две ступени: первого осудят вне разрядов — на смертную казнь, второго — на 15 лет каторги по второму разряду.

Перевод в Семёновский полк можно было бы считать большой удачей — как-никак его императорского величества полк! — если бы не одно печальное обстоятельство: всего через полгода, в октябре 1820-го, разыгралась «семёновская

история», которая вдребезги разбила карьерные амбиции многих блистательных офицеров[31]. Наш юный Мишель был низвергнут туда же, куда и мужественный Сергей Муравьёв-Апостол, — в Полтавский пехотный полк, прапорщиком.

Где и когда познакомились эти двое, умница Серж и чудаковатый Мишель? Точно сказать трудно: быть может, в Семёновском полку, а возможно, и раньше, во время пребывания Двора и сводного гвардейского корпуса в Москве в конце 1817 — начале 1818 года. Это тем более вероятно, что их родители были связаны свойством: мать Мишеля доводилась племянницею мачехе Сергея. Во всяком случае, уже в Полтавском полку они друзья, и потом, после перевода Сергея в Васильков, дружба их крепнет, невзирая на разность в возрасте и чине. Странная дружба, заботливая и нежная, хотя и не чуждая разногласий и даже полуссор, как бывает между близкими людьми.

Неизвестный рассказчик (возможно, со слов Матвея Муравьёва-Апостола):

«Сначала Сергей Иванович Муравьёв-Апостол постоянно вышучивал Михаила Павловича Бестужева-Рюмина в своём офицерском кружке как

---

[31] Примечания: 31
См. в главе о С. Муравьёве-Апостоле.

неосновательного, слабохарактерного юношу. Эта забава очень не нравилась Матвею Ивановичу. Он наконец начал выговаривать брату, что не с его добрым сердцем злоупотреблять детскою привязанностию молодого человека, если и бесхарактерного, еще не установившегося, но все-таки человека не без известных дарований. Сергей Иванович с благодарностью обнял своего старшего брата, который во многом его сдерживал. После этого он уже стал относиться к Бестужеву-Рюмину сердечно, по-дружески и впоследствии принял членом Тбайногос Оббществас. Польщённый приятной переменой обхождения своего кумира, восторженный юноша привязался к Сергею Ивановичу до безумия, безусловно верил в непогрешимость его действий и в полный успех всякого его предприятия…»

Сергей Муравьёв-Апостол ввёл друга в Южное общество, но если бы он этого не сделал, Мишель нашёл бы способ проникнуть туда сам. Очень скоро выяснится, что несуразный прапорщик (с мая 1824 года подпоручик) для дела тайного общества значит больше, чем иные полковники. Кстати, полкового командира сорокапятилетнего полковника Тизенгаузена он не только вовлечёт в заговор, но будет вертеть им как куклой в ин-

тересах дела.

Секрет Бестужева-Рюмина в том, что он — революционер, заговорщик, карбонарий не в силу стечения обстоятельств, а по природе.

Он, пожалуй, единственный настоящий заговорщик среди играющих в заговоры участников декабристских «тайных» обществ. По своим личным качествам, по образу действий он — предтеча организаторов революционного террора последующих времён: зловещего Сергея Нечаева, конспираторов-народовольцев, беспощадных эсеров. То же стремление идти избранным путём до конца, то же подчинение нравственных принципов — «вопросов чести» — потребностям дела, то же умение скрывать свои намерения, менять образ, лицедействовать, и это при полном отвержении внешнего честолюбия. Для Рылеева, Пестеля, Муравьёва-Апостола на первом месте различно понимаемая слава; для Бестужева-Рюмина — дело и конечная цель. Те — не могут поступаться честью или играть дурацкие роли. Он — может.

Иван Якушкин:

«Решительный до безумия в своих действиях, он не ставил никогда в расчёт препятствий, какие могли встретиться в предпринимаемом им деле,

и шёл всегда вперёд без оглядки».

Начальник штаба 1-й армии барон Толь (оригинал по-немецки):

«Он был главным связующим звеном между заговорщиками».

Рискнём предположить: если бы замыслы южных заговорщиков осуществились, во главе дела стал бы он, Михаил Бестужев-Рюмин. Во всяком случае, для подготовки военного восстания он сделал больше, чем его старшие соратники, вместе взятые.

Наиболее значимы два его деяния: установление контактов с Польским патриотическим обществом и объединение Южного общества с Обществом соединённых славян.

Первое представляло собой чисто национальное объединение офицеров и шляхетства, ставившее целью восстановление независимой Польши в границах как минимум 1772 года и, как следствие, отторжение от России огромных территорий. С русскими тайными обществами, дышавшими патриотическим духом, ему было явно не по пути. Неудивительно, что весть о переговорах с поляками вызвала холодную реакцию Сергея Муравьёва-Апостола и ярое негодование Михаила Орлова. Последний назвал действия Бе-

стужева-Рюмина вздором, его самого нерусским и порвал отношения с Васильковской управой. Что ж, невелика потеря после отстранения Орлова от командования дивизией. Зато восстание в армии Царства Польского, ежели оно случится, отвлечёт главные силы русского царя. К тому же главнокомандующий польским войском — цесаревич Константин; он либо присоединится к восстанию против брата, либо окажется заложником в руках повстанцев. Нужно ли объяснять, сколь выгодны оба варианта для дела? Беспринципно, но целесообразно. Заметим, и тут Бестужев-Рюмин прокладывает путь будущим российским революционерам вплоть до Ленина: все они так или иначе будут играть на польском вопросе.

Впрочем, Бестужев-Рюмин прекрасно понимал, что с поляками его сближают лишь ближайшие тактические цели. Нужны люди, преданные идее русской революции. Таковых он нашёл среди членов Общества соединённых славян (характерное название).

Этот союз возник в 1823 году на основе идеи совершенно фантастической, а потому милой сердцу русской офицерской молодёжи: объединения всех славянских народов и стран в единую федеративную республику. Каким образом в

этом государстве уживались бы хорваты и сербы, болгары и македонцы, почему к оному братству причислялись венгры, албанцы и валахи, куда следовало бы девать мордву, татар, бурят и прочих подданных русского царя — на эти вопросы ответов не имелось, да они не очень-то интересовали участников общества. Было бы за что бороться, а главное — против кого. А борьбы-то они жаждали настоящей, такой, чтобы небу стало жарко. Создатели общества и большинство членов — молодые армейские обер-офицеры, прапорщики и подпоручики, горько переживавшие, что на их долю не досталось крови и славы Наполеоновских войн. К тому же мелкопоместные или вовсе безземельные дворяне, обречённые долго тянуть служебную лямку и не имеющие надежд вырваться из могилёвско-бобруйско-житомирско-волынской глуши иначе как путём революции. Бестужев-Рюмин оценил взрывной потенциал этой искренней, чистой и наивной публики. В сентябре 1825 года, во время пребывания войск в полевых лагерях близ Лещина, вожди объединённых славян были представлены «апостолу Сергею». В ходе бурных дискуссий славянское общество влилось в состав Южного, образовав крайне-радикальное его крыло. Никто

из «славян» не был согласен на что-либо меньшее, чем цареубийство и немедленное установление республики.

После присоединения Общества соединённых славян заговор начал обретать плоть и кровь. Несколько полков и 8-я артиллерийская бригада — это больше, чем всё, что было в распоряжении васильковцев ранее. Если бы далее всё потекло в том же русле… Но…

Смерть — тот рычаг, которым Бог переменяет человеческие умыслы.

Захваченный, как и все, врасплох кончиной государя и внезапным политическим водоворотом, Бестужев-Рюмин — единственный, кто сделал всё, что мог, для общего дела. Но что он мог? Десять дней от начала необратимого развития событий до ареста заполнены непрерывным движением. 25 декабря он встречает Рождество в Василькове, на квартире Сергея, пребывая ещё в мирной надежде — получить отпуск, посетить могилу матери, повидаться с недавно овдовевшим отцом. Сам Сергей вместе с братом Матвеем поехал в Житомир, в штаб корпуса, «просить корпусного командира о исходатайствовании сего позволения Бестужеву» и повидаться с Александром и Артамоном Муравьёвыми. Праздничное

настроение омрачено невнятными вестями о вступлении на престол Николая, а затем и вовсе уничтожено явлением жандармских офицеров с приказом об аресте подполковника Муравьёва-Апостола. Едва жандармы ушли, Мишель мчится спасать друга и находит его 27 декабря в Любаре у Артамона Муравьёва; там вовсю обсуждают свежие известия из Петербурга. Предупредив Сергея, Мишель спешит далее, имея намерение связаться со «славянами», но в местечке Коростышеве едва не попадает в руки жандармов. Дороги на север и на запад для него закрыты, остаётся только путь назад, в Васильков. Туда он прибывает 30 декабря и присоединяется к мятежу. Рассказывают, что это именно он дочитывал перед строем «Катехизис», когда голос батюшки Данилы пресёкся от страха.

События следующих дней описаны выше.

3 января подпоручик Бестужев-Рюмин взят в плен в поле у Устимовки и приведён вместе с другими мятежниками в Белую Церковь.

19 января доставлен в оковах в Петербург, в Главный штаб. Допрошен государем и отправлен в Петропавловскую крепость.

Собственноручная записка его императорского величества Николая Павловича:

«Присылаемого Рюмина посадить по усмотрению и содержать как наистроже. Дать писать, что хочет».

Из письма Михаила Бестужева-Рюмина императору Николаю I от 26 января 1826 года (оригинал по-французски):

«Государь!.. я принял решение просить у Вас аудиенции, чтобы искренно изложить всё о положении вещей, об организации выступления, о разных мнениях в Обществе, о средствах, которые оно имело в руках… Есть много вещей, которых… я не могу открыть Вашим генералам; о том я сообщил бы очень подробно Вашему Величеству».

Аудиенции, разумеется, не было.

Письменные показания Бестужева-Рюмина, данные им в ходе следствия, подробны, тщательно обдуманы и выстроены таким образом, чтобы, не сболтнув лишнее, добиться у суда снисхождения. В отличие от друга Сергея, он, по-видимому, рассчитывал на таковое.

Но суда тоже не было — был только приговор. Без снисхождения.

Помощник квартального надзирателя:

«Тут я один раз в жизни и видел виселицу. Это просто, братец мой, качели. Знаешь, как качели делают на двух столбах с перекладиной? Ну, вот

тебе и виселица. Качели! только вместо доски к перекладине на верёвках людей подвесят. б…с *Мы могли хорошо видеть их лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело.* б…с *Солдаты этак осужденных сзади натискивали, чтоб они знали, куда идти. Так они все подвигались понемножку вперед, по этому деревянному откосу; наконец стали на место. Страшно, братец! ух, страшно! У нас волосы стали дыбом на голове, когда мы подошли под перекладину. Тут нас свели прочь, и мы немножко вздохнули. У меня еще беда, в правый ботфорт попал камушек, а может быть, сухая хлебная крошка, черт её, не знаю! Только тёрло мне, братец мой, ногу ужасно. До крови ведь стёр».*

Дело № 5

Из приговора Верховного уголовного суда:

«…По собственному его признанию, умышлял на цареубийство и истребление всей императорской фамилии и был предназначен посягнуть на жизнь ныне царствующего государя императора, не отрекся от сего избрания и даже изъявил на то согласие, хотя уверяет, что впоследствии поколебался, участвовал в распространении бунта

привлечением многих членов, лично действовал в мятеже, возбуждал нижних чинов и сам нанес смертельный удар графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранил свитского офицера».

Пётр Григорьевич Каховский

Вероисповедание православное.

Время и место рождения достоверно неизвестны; вероятнее всего, 1797 год, село Преображенское Смоленского уезда Смоленской губернии.

Отец – Григорий Алексеевич Каховский, коллежский асессор. Мать – Нимфодора (Настасья) Михайловна, урождённая Оленина. Оба родителя умерли до 1825 года. Из родственников известен брат Никанор Григорьевич, капитан-лейтенант в отставке.

Обучался в пансионе при Московском университете. В 1816 году поступил юнкером в лейб-гвардии Егерский полк; в том же году разжалован в рядовые с переводом на Кавказ в линейный батальон 7-го Егерского полка; в 1817 году по высочайшему повелению произведён в юнкеры за отличие; в 1818 году – в пор-

тупей-юнкеры; в том же году переведён корнетом в Астраханский кирасирский полк; в 1819 году произведён в поручики. В 1821 году за болезнию уволен от службы тем же чином. Наград не имел.

Женат не был. Детей не имел.

Участвовал в происшествии на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

Арестован 15 декабря.

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение 13 июля 1826 года в Петербурге.

Биография Петра Каховского, довольно тёмная и неясная, высвечена двумя яркими датами: 14 декабря 1825 года и 13 июля 1826 года. Вспышка! Выстрел. Раненый всадник припадает к луке седла, конь уносит его в декабрьскую мглу. Вспышка! Еще выстрел, человек в гренадерском мундире падает на затоптанный снег… И снова вспышка — виселица на фоне рассвета, пять коконов на верёвках под перекладиной — сейчас из-под них выбьют скамью… Темнота.

О детстве и юности Петра известно довольно мало. Лишь несколько фраз из писем знакомых да строчки косвенных документов проливают некий свет на историю его семейства. Из этих

отрывочных источников мы узнаём, что отец его, Григорий Алексеевич, имел скромный титул коллежского асессора и владел небольшим имением Преображенское близ Смоленска, мать же, Настасья Михайловна, происходила из рода смоленских Олениных.

Однако и эти скудные сведения заключают в себе нечто интересное. В смоленских пределах известно было несколько помещиков Каховских, и все они принадлежали к оному разветвлённому роду. Генеалогия их и родственные связи прослеживаются плохо, однако можно быть уверенным, что Григорий Алексеевич приходился родственником, хотя и дальним, генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Каховскому, нижегородскому генерал-губернатору, а тот был женат на Марии Денисовне, урождённой Давыдовой, двоюродной сестре поэта Дениса Давыдова и декабриста Василия Давыдова. Эта своенравная Мария смогла добиться расторжения брака с генералом Каховским и второй раз вышла замуж за Петра Ермолова, от которого родила сына Алексея, будущего героя Отечественной войны и завоевателя Кавказа. При этом в первом браке она успела произвести на свет сына Александра, который в 1798 году с группой товарищей соста-

вил тайное общество (так называемое Общество каналий), в котором вынашивались планы свержения и даже убийства императора Павла I. Заговор был раскрыт, полковник Александр Каховский отделался парой лет заключения в крепости и остаток дней доживал в своём смоленском имении. Вполне возможно и даже очень вероятно, что отец нашего героя поддерживал отношения с опальным родственником. Юному Петру Каховскому было с кого брать пример в цареубийственных умышлениях.

Что же касается матери, Настасьи Михайловны, то и у неё имелась достойная родня: её племянница, дочь брата Ивана Михайловича Оленина, была замужем за помещиком Пассеком, приятелем будущего декабриста Якушкина, а жена того же брата Ивана приходилась тёткой другому будущему декабристу — Повало-Швейковскому.

Как видим, родственные связи предопределяют в Петре Каховском бунтаря и заговорщика.

Только со слов самого Петра Григорьевича мы узнаём, что учиться он был отдан в Московский университетский благородный пансион. В этом же заведении учились будущие декабристы Николай Тургенев, Владимир Раевский, Иван Бурцев, Николай Крюков, но ни один из них не

вспоминает об однокашнике Каховском. Правда, все они старше или младше его, так что в школьном коллективе вполне могли друг друга не заметить.

Всезнающий Николай Греч, опять же со слов Каховского, передаёт интересную историю про приключения в 1812 году в занятой французами Москве:

«Пансион разбежался, и Каховский остался где-то на квартире. В этом доме поселились французские офицеры и с мальчиком ходили на добычу. Однажды приобрели они несколько склянок разного варенья. Нужно было откупорить. За это взялся Каховский, но как-то неосторожно засунул палец в горлышко склянки и не мог его вытащить. Французы смеялись и спрашивали, как он освободит свой палец. „А вот как!“ — сказал мальчик и, размахнувшись, разбил склянку об голову одного француза».

Если год рождения в следственном деле указан верно, то Каховскому в это время 14–15 лет. «Это начало обещало многое, — прибавляет Греч, — и он сдержал обещанное». Сущая правда, однако на этот раз Каховский отделался побоями; в другой раз дело кончится виселицей…

Тот же мемуарист кратко и нелицеприятно

описывает его внешность в зрелые годы:

«Он был человек с виду невзрачный, с ничтожным лицом и оттопырившейся губою, которая придавала ему вид какой-то дерзости».

Насчёт дерзости — да, но относительно невзрачности позволим себе усомниться. В двадцатилетнем возрасте Каховский принят корнетом в Астраханский кирасирский полк, а это значит, что роста он был значительного и телосложения крепкого. Кирасиры — тяжёлая кавалерия, задача коей — кромсать пехоту трёхфунтовыми[32] палашами. Тут нужны мощь и стать; кстати, и твёрдая рука, в которой не дрогнет увесистый кавалерийский пистолет. Эти качества — твёрдость руки и меткость — станут для него роковыми.

Ко времени перехода в кирасиры за ним уже числилось многое, помимо патриотической истории о банке с вареньем. Поступил юнкером в гвардейский Егерский полк — и тут же по повелению шефа полка цесаревича Константина Павловича разжалован в солдаты (как написано в приказе, за «шум и разные неблагопристойности в доме коллежской асессорши Вангерсгейм, за неплатеж денег в кондитерскую лавку и леность

---

[32] Примечания: 32
Фунт — около 410 г.

к службе») и отправлен на Кавказ. «За разные шалости в армии» не раз бывал «в штрафах». Заметим: слово «шалость» здесь родственно не игривому «шалун», а опасному «шалый». Каховский — шалый человек. Это подтвердилось и на Кавказе: не успел прибыть в линейный батальон, как уж снова произведён в юнкера за отличие — явно за боевое: какое ещё отличие может быть на Кавказе? Оттуда перешёл, как сказано, в кирасиры, и уже через год — поручик. Очень быстрое продвижение для недавно разжалованного. Но успешная служба вдруг прерывается: сначала отпуск «за болезнию», потом и вовсе увольнение. Какая такая болезнь сразила 23-летнего кирасира? Ни от кого, кроме как от самого больного, мы о ней ничего не услышим. Вероятный диагноз: нелады с сослуживцами и начальством. По-другому говоря — шалость.

Следующие три года его биографии — полный провал. Где он и чем занимается — известно только с его слов, и как-то невнятно. То ли тоскует в своём смоленском имении, то ли исцеляется на кавказских водах, то ли прохлаждается за границей. Последнее сомнительно: откуда деньги? Кстати, материальная составляющая его жизни тоже какая-то тёмная, неясная. По формуляр-

ному списку числится за ним подмосковное имение в 230 душ, а на деле — ни гроша денег и крохотное смоленское поместье, разделённое с братом. Промотал? Отписал кому-то? Неясно. В декабре 1824 года он явится в Петербурге — гол как сокол.

Правда, перед этим луч света сверкнёт в этой странной судьбе.

Конечно же, любовь. Или, по крайней мере, влюблённость.

И тут перед нами предстаёт совершенно другой Каховский, не похожий ни на шалого кирасира, ни на невзрачного неудачника с оттопыренной губой.

Из письма осьмнадцатилетней Sophie Салтыковой подруге Alexandrine от 22 августа 1824 года (оригинал, разумеется, по-французски):

«Пётр Григорьевич Каховский, двоюродный брат тётушки… приехал из Смоленска в Крашнево… Ах, дорогой друг, что это за человек! Сколько ума, сколько воображения в этой молодой голове! Сколько чувства, какое величие души, какая правдивость! Сердце его чисто, как кристалл».

Сочинительница сего послания — дочь Михаила Александровича Салтыкова, камергера и чиновника Коллегии иностранных дел. Писано в

Крашневе, имении ее дядюшки по матери, Петра Пассека, того самого, чьим другом был Якушкин, а женой — двоюродная сестра Каховского. Из этого же письма мы, между прочим, узнаём, что Каховский дружен с Вильгельмом Кюхельбекером, и сей последний тоже гостит у Пассеков. Когда и где успели подружиться? Вероятно, на Кавказе, где Кюхельбекер служил под началом Ермолова. Поистине, узок круг!

Отношения молодого человека и барышни приобретают вполне закономерный характер, о чём Софи не может не поведать Александрине:

«Наши беседы с ним вдвоём день ото дня становились всё более частыми… Я почувствовала, что полюбила его всею душою… За столом, украдкою, мы бросали взгляды друг на друга и тотчас отводили глаза в сторону, причём оба краснели».

Конечно, тут много изящной словесности — недаром обе корреспондентки воспитывались в петербургском девичьем пансионе мадам Шрётер и словесности обучались у известного литератора Петра Александровича Плетнёва. Нас, однако, более интересуют не чувства юной девы, а те качества, которые она обнаруживает в отставном поручике:

«Он также очень образован, очень хорошо

воспитан, и хотя никогда не говорит по-французски, однако знает этот язык, читает на нём, но не любит его в такой мере, как русский; это меня восхитило, когда он мне сказал об этом. Русская литература составляет его отраду; у него редкостная память, — я не могу сказать тебе, сколько стихов он мне продекламировал! и с каким изяществом, с каким чувством он их говорит! Пушкин и в особенности его „Кавказский пленник“ нравятся ему невыразимо; он знает его лично и декламировал мне много стихов, которые не напечатаны и которые тот сообщал только своим друзьям. б…с *Он говорит, что ему мало вселенной, что ему всё тесно и что он уже был влюблён с семи лет…»*

Что-то неожиданное, до странности противоречивое открывается в этом покорителе девичьего сердца, который «по-французски не говорит, но знает». То ли лорд Байрон, которому мало вселенной, то ли Хлестаков: «Я, признаюсь, литературой существую… С Пушкиным на дружеской ноге». Заметим: нигде, кроме этого письма, не находится упоминаний о знакомстве Каховского с Пушкиным. Возможно, прихвастнул.

Чувствительная Софи ещё долго рассказывает подруге о достоинствах «милого Пьера»

и пространно излагает содержание своих с ним возвышенных бесед, но это уже чистая беллетристика, роман в письмах. Однако же несомненно, что и в жизни роман имел место. Как известно, жизненные истории несколько отличаются от литературных. Поэтому сократим повествование до лапидарного эпилога: Каховский сватался, ему было отказано. Ничего удивительного в этом нет: она богата, он беден. Злые языки утверждали, что отставной поручик проигрался в пух и хотел удачной женитьбой поправить своё состояние. Возможно, это неправда и милый Пьер действительно не мыслил жизни без своей Софи. Известно, что в конце 1824 года он последовал за ней в Петербург и там получил окончательный и бесповоротный отказ.

Луч света погас. Но занималась уже заря главного дня в жизни Петра Григорьевича: он вступил в Северное общество.

Есть люди, в которых странным образом уживается несоединимое — буйство и нежность; ухо, внемлющее гармонии, и пятерня, тоскующая по пистолету. Мы не знаем, за что Каховский был разжалован в солдаты, но, во всяком случае, не за чтение стихов барышням при луне. Нам неведомо, чем пленил он юную воспитанницу

Плетнёва, но уж точно не меткостью стрельбы по живым мишеням. Тем не менее в его натуре соединилось то и это. В тайном обществе цареубийц он оказался, вероятно, благодаря дружбе с Кюхельбекером: кто ещё мог ввести интересующегося поэзией отставного кавалериста в круг петербургских вольнодумцев? Сама по себе эта дружба представляет собой воплощённое единство противоположностей: астраханский кирасир и чудак-лицеист. Да и была ли это дружба или взаимное притяжение двух внутренне одиноких людей?

Каховский, безусловно, одинок. В мемуарах декабристов он — как чёрная тень: появляется редко. Не видно рядом с ним ни родни, ни друга — никого, за исключением близорукого и тугоухого Кюхли. Да и этот в будущем постарается не вспоминать о повешенном приятеле, которого уличал на очной ставке…

(Впрочем, один раз вспомнит. Об этом — в самом конце главы.)

Каховский был принят в общество Рылеевым и с ним, как ни с кем другим, сблизился в последний год перед катастрофой. Правда, это было странное сближение.

Барон Владимир Штейнгель, из «Записок о

восстании»:

«К несчастию, под рукою у Рылеева находился человек, чем-то очень огорчённый, одинокий, мрачный, готовый на обречение, одним словом — Каховский».

Во мнении окружающих (и участников заговора, и посторонних) Каховский сделался чем-то вроде кинжала в руках Брута-Рылеева. Мы выскажемся осторожнее: дружбы между ними не было, но имел место взаимный интерес. Каховский бедствовал, иной раз не имел копейки, должал, голодал; Рылеев поручался по его векселям, иногда ссужал деньгами, но не из филантропии (практичен был Кондратий Фёдорович, если не сказать, прижимист), а с намерением подчинить бесповоротно. Он, как артиллерист, оценил твёрдость руки кирасира и контрастность его характера: такое орудие только успей вовремя зарядить и верно направить. Однако Каховский и сам искал случая совершить что-нибудь необыкновенное, такую шалость, чтобы прогреметь на весь мир.

Но всё это — намерения и разговоры. Неизвестно, выстрелило бы заряженное орудие или порох отсырел бы от долгого лежания без дела. С получением известия о смерти государя события

понеслись стремительно, затягивая в свой водоворот людей, лошадей и предметы.

О событиях 13–14 декабря и о роли в них Каховского свидетели, конечно же, дают совершенно разные показания. Сам ли он вызвался быть тираноубийцей, Рылеев ли навязал ему эту роль — вопрос запутанный, предмет нескольких очных ставок. Установленным является тот факт, что вечером 13-го Каховский был на совещании у Рылеева и днём 14-го явился на Сенатскую площадь в партикулярном сюртуке и фуражке, но с пистолетом и кинжалом наготове. Ожидалось, что он пойдёт стрелять в Николая, но этого не произошло.

Из вопросных пунктов Рылееву и его ответов 24 апреля 1826 года.

Следователь, генерал-адъютант Бенкендорф. Действительно ли на одном из совещаний ваших Каховский произнёс: «С этими филантропами ничего не сделаешь; тут просто надобно резать, да и только»?

Рылеев. Не знаю. При мне этого не было. Но однажды утром, кажется, дни за два до 14 декабря, входит он ко мне и говорит: «Ну что ж, господа! ещё нашёлся человек, готовый пожертвовать собою. Мы готовы убить кого угодно для цели

общества».

Бенкендорф. Действительно ли 13 декабря ввечеру вы, обняв Каховского, сказали: «Любезный друг, ты сир на сей земле; я знаю твоё самоотвержение… Истреби Царя!»?

Рылеев. 13 декабря, ввечеру я действительно предлагал Каховскому убить ныне царствующего государя.

Бенкендорф. На вопрос, какие может найти к тому средства, вы предлагали ему надеть офицерский мундир и рано поутру, прежде возмущения, идти во дворец и там убить Государя? или на площади, когда выедет Его Величество?

Рылеев. Я говорил, что это можно исполнить на площади.

Рылеев имел в виду Дворцовую, где Николай принимал присягу верных полков. Но всё случилось на другой площади и по-иному.

Мятежные войска стояли в бездействии между бронзовым Петром и Сенатом, согревая себя криками: «Ура! Константин!» Было холодно. Офицеры и штатские беспорядочно перебегали туда-сюда, размахивая руками и оружием. Кругом густела и шумно волновалась любопытствующая публика, словно перед ярмарочным балаганом. Время от времени на пространстве, стеснённом

оградой строящегося Исаакиевского собора, появлялось то или иное начальственное лицо, пытающееся уговорить бунтующих, но тут же отправлялось восвояси под гогот и улюлюканье толпы. Приезжал митрополит Серафим, растерянный, боязливый старик, и тоже был прогнан.

Вдруг солдаты первой шеренги вытянулись без команды и сделали «на караул», в их глазах как будто заиграли походные огни. К мятежному каре приблизился всадник в генеральском мундире, верхом на гнедой конногвардейской лошади. Он возгласил, сжимая рукоять шпаги, и слова его отражались световым эхом на солдатских лицах.

— Ручаюсь этою шпагою! Цесаревич жив! Я сам получил от него письмо! Он добровольно отрёкся от престола!

Кто-то с ружьём в унтерской шинели подбежал, ударил всадника штыком в бок. Генерал, не обернувшись, отвёл рукою колющую сталь, набрал в грудь воздуха, будто намереваясь выкрикнуть что-то последнее, самое главное. Солдаты замерли, готовые повиноваться его магическому слову. В сей момент звук, похожий на хлопок пробки от шампанского, разнёсся над площадью и тут же повторился то ли эхом, то ли повторными хлопками. Один был выстрел? Или несколько?

Об этом потом говорили по-разному. Но многие видели, как перед тем высокий господин в штатском сюртуке и фуражке выбросил вперёд руку с пистолетом. Генерал шатнулся как от удара и стал заваливаться набок. Лошадь, не правимая никем, повлекла его в сторону от каре. Его сняли с седла, унесли.

Первой кровавой жертвой этого странного дня стал военный генерал-губернатор Петербурга, любимый солдатами граф Милорадович. Вторым вскоре станет полковник Стюрлер, прибежавший на площадь увещевать своих лейб-гренадеров. Оба ранены пистолетными пулями, первый не доживёт до утра, второй умрёт на следующий день. Кто стрелял и чьи именно выстрелы оказались смертельными? Из следственных материалов не следует с полной очевидностью, что убийца — Каховский. Но как-то все сошлись на том, что именно он. Третьим пострадал случайный штабс-капитан, получивший удар кинжалом в лицо — на сей раз точно от Каховского. За что и почему — не мог потом объяснить и сам виновник.

В сумерках началась стрельба картечью. И день завершился.

Что делал Каховский после? Вечером заходил к Рылееву, там зачем-то вручил барону Штейнгелю

кинжал, которым пытался изувечить несчастного штабс-капитана. Ушёл. Дома не ночевал, но на следующий вечер явился. Там его ждали.

Ночью — на допросе у государя. Долгая беседа. Утром 16 декабря доставлен в Петропавловскую крепость.

Записка Его императорского величества коменданту Сукину:

«Присылаемого Каховского посадить в Алексеевский равелин, дав бумагу, пусть пишет, что хочет, не давая сообщаться».

Из письма Каховского генерал-адъютанту Левашову от 21 декабря 1825 года:

«…Прошу одной милости, чтобы облегчили судьбу Сутгофа, Панова, Кожевникова и Глебова. У них у всех многочисленные семейства, которых я убийца. Панов имеет невесту, он помолвлен, посудите о его положении! Ваше Превосходительство, вы имеете сердце, не отрыньте мольбу мою!»

Сутгоф, Панов, Кожевников и Глебов — офицеры, вовлечённые Каховским в заговор.

На следствии Каховского более всего донимали вопросами о стрельбе в Милорадовича и Стюрлера. Каховский поначалу признавал лишь, что стрелял в генерала, но утверждал, что и другие стреляли; в гибели же Стюрлера свою вину от-

рицал. Было несколько очных ставок, особенно мучительная с Рылеевым. Все показывали против него — одни, как князь Одоевский, уверенно, большинство же осторожно-уклончиво. Данные медицинской экспертизы не привлекались. Оружие, из которого были сделаны выстрелы, обнаружено не было, да его и не искали. Версия о ранении Милорадовича штыком как о причине смерти не фигурировала. На выяснение истины не было ни времени, да и что есть истина? Нужен был виновный. Виновным в двух убийствах и одном покушении признали Каховского. Причём признали все — и судьи, и осуждённые, и почтеннейшая публика.

Из письма Каховского генерал-адъютанту Бенкендорфу, написанного на двенадцати листах после серии очных ставок:

«Ваше Превосходительство! Милостивый государь!

Простите, что до сих пор я имел низость обманывать доброе Ваше обо мне мнение. Очные ставки раздражили меня; и они никогда не могли бы вынудить меня сознаться; я на них видел лишь подлость душ клеветников — показателей… мне совестно было лгать пред Вами, — но раз сделанное показание хотел удержать. Мне больно,

что я не сознался во всем Милосердому Государю Императору, право я о себе не думал, но я щадил других, притом Его Величество одним словом сам удержал меня, сказав: „А нас всех зарезать хотели“. Вы знаете, Ваше Превосходительство, сердце человеческое: каково сознаться в столь ужасном преступлении? Я не родился злодеем, я гадок теперь самому себе. б…с

Рылеев, видя во мне страстную любовь к родине и свободе, пылкость и решительность характера, стал действовать так, чтобы приготовить меня быть кинжалом в руках его. б…с *Он думал, что он очень тонок, но был так груб, что я не знаю, какой бы невежа его не понял… Рылеев рассказывал мне, что будто Якубович решился убить покойного Императора в параде на Царицынском лугу… Он говорил: „Не правда ли, Каховский, славный бы поступок был Якубовича?.. какой бы урок царям, тиран пал среди тысяч своих опричников…“ — „…Идти убить Царя, мудрёного ничего нет, и всех зарезать не штука; но, низвергнувши правление, надо иметь возможность востановить другое; а иначе, брат, безумно приступать… я готов сей час собой пожертвовать, но хочу, чтобы из того была польза“.*

Рылеев тоже говорил мне, что… в случае неуда-

чи мы отретируемся в Новогородское поселение и зажжем город, чтоб и праха немецкого не было. Я на сие ему сказал: „Нет, Рылеев, пока будет во мне хоть одна капля крови, я не дам жечь города: чем виноваты бедные обыватели? В вечеру 13 декабря, Вам уже известно, что Рылеев соглашал меня идти убить Государя, причём был Николай и Александр Бестужевы и прочие… все меня обнимали и со слезами просили на сие решиться.

Без оправданий я убил Милорадовича, Стюллера и ранил свитского офицера. б…с *Коварство, подлость вынудили меня открыть вам всё…* б…с *Бог свидетель! Заблуждения и пылкость сделали меня злодеем, но подлецом и клеветником меня ничто не в силах сделать…»*

Двенадцать листов неровным, захлёбывающимся почерком. Как будто из этого обжигающего материала слепил Достоевский своего Митю Карамазова. И ждал Каховский приговора — как Митя — каторжного. Получил — смертный.

Помощник квартального надзирателя:

«Взглянули они в последний раз на небо, да так, братец мой, взглянули жалостливо, что у нас вся внутренность перевернулась и мороз подрал по коже. Каховский, правда, немножко того, сробел. Вцепился этак в батюшку, что его едва оторва-

ли. б…с *Палачи им стянули руки покрепче. Один конец ремня шёл спереди тела, другой сзади, так что они рук поднимать не могли. На палачей они смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи.* б…с *За рвом было немного народу. Рано было, и никто ничего не знал; оттого и не собрались. Народ тоже это зашумел что-то. Кутузов на них закричал, а музыка ещё громче стала играть… простые марши играла и разные штуки. Прошло этак с полчаса; доктор говорит, что они давно померли. Велели их снимать».*

Из дневника Вильгельма Кюхельбекера, 12 мая 1840 года:

«Чудный видел я сегодня поутру сон: будто я в какой-то земле, где Р[ылеев] и К[аховский] — святые; вдобавок Р[ылеев] будто тут жив, — а между тем мне рассказали его смерть: он, говорили мне, когда объявили ему его жребий, попросил надеть белую рубашку и потом простился с женою, дочерью в какой-то комнате и с тестем на дворе, куда старика привели в кандалах. Дочь при прощанье он взял на руки и стал поднимать всё выше, выше, до потолка, покуда ребенок не закричал. Спрашивал я: „Почему же и К[аховский] не надел белой рубашки? — ему позволили бы“, — и

был ответ: „Да он об этом не просил“».

Часть III
В когтях северного сфинкса

14 декабря: действующие лица

Северным Сфинксом называли Александра I за его умение загадывать политические загадки и сохранять в тайне свои намерения. За это же невзлюбили его участники тайных обществ. Именно при этом царе были воздвигнуты здания, составившие обрамление центральных столичных площадей — Дворцовой и Петровской (Сенатской). Адмиралтейство, Главный штаб, дом Лобанова-Ростовского со львами, Конногвардейский манеж… Те самые стены, возле которых разворачивались события, вызванные его смертью — последней из загаданных им загадок. Драма 14 декабря была сыграна в декорациях, задуманных и подготовленных Северным Сфинксом.

Лукавый дух витал над этими площадями и зданиями в декабрьские дни 1825 года. Как будто Сфинкс обморочил всех. В Зимнем дворце, в Сенате никак не могли решить, кто же император — Константин или Николай; власть пребывала в оцепенении. Заговорщики, наоборот, кипели суетливой энергией и, собираясь на шумные сходки у Рылеева, у Оболенского, убеждали сами

себя в непременном успехе вооружённого выступления и строили планы, которым не суждено было осуществиться. Они не знали ни сколько у них войска, ни кто из власть имущих готов переметнуться на их сторону, но были уверены, что стоит только начать, а там само пойдёт. Но и в покоях Николая Павловича, выходящих окнами на Адмиралтейство, за которым угадывался простор Сенатской площади, не ведали, кто свой, кто чужой; на кого можно положиться, а кто держит за пазухой цареубийственный пистолет.

Вожди без войска / войско без вождей

Страшнее всего для власти в тот день была именно неизвестность — откуда ждать мятежного подвоха. В последующие дни и недели победившая сторона искала всюду не только явных, но и скрытых врагов — тех, кто на площадь не вышел, или тех, кто вышел в строю правительственных войск, но сочувствовал мятежникам. Арестованы были многие, причастные к восстанию косвенно, а также и вовсе случайно оказавшиеся не в то время не в том месте.

Анализируя ситуацию, государь император Николай Павлович всё яснее осознавал, что мя-

тежники не имели ясных политических планов, но этот мятеж созрел в сердцах людей, в их настроениях, в образе мыслей и чувств. Искоренять надобно именно это — образ мыслей.

14 декабря 1825 года на площади перед Сенатом в общей сложности собралось около трёх тысяч нижних чинов, более двадцати действующих офицеров и четверо штатских, из которых двое — бывшие офицеры. Ещё двое — Рылеев и Трубецкой — при войсках не находились, но стояли во главе заговора. Из 120 осуждённых Верховным уголовным судом только 46 человек были в Петербурге в день восстания и вышли или могли выйти на площадь. Из сего видно, что большинство осуждённых не принимали непосредственного участия в мятеже.

Иные же принимали участие, и очень деятельное.

Дело № 6

Из приговора Верховного уголовного суда:

«Умышлял на цареубийство и соглашался с предложением других; предлагал лишение свободы императора и императорской фамилии при занятии Дворца; управлял Северным тайным обществом, имевшим целью бунт, и согласился

именоваться главою и предводителем воинского мятежа, хотя в нём лично и не действовал».

Князь Сергей Петрович Трубецкой

Вероисповедание православное.

Родился 29 августа 1790 года в Нижнем Новгороде.

Отец – князь Пётр Сергеевич Трубецкой, вышел в отставку

в чине действительного статского советника. Мать – Дарья Александровна, урождённая княжна Грузинская, по отцу внучка царя Картли Бакара III, по матери – князя Александра Меншикова; умерла, когда Сергею было шесть лет. Братья Пётр, Павел (умер в детстве), Никита; сестра Елизавета.

Образование получил дома; сверх того, слушал лекции в Московском университете. В 1808 году принят подпрапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк; в 1810 году произведён в прапорщики, в 1812 году (до начала войны) в подпоручики; в 1813 году в поручики. Во время похода 1813–1814 годов награждён орденом Святой Анны 4-й степени за участие

в сражениях при Люцене и Бауцене; орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом за сражение при Кульме; имеет также награды королевства Прусского. В сражении под Лейпцигом ранен в ногу. В 1816 году произведён в штабс-капитаны, в 1819-м в капитаны и назначен старшим адъютантом Главного штаба; затем более двух лет в отпуске, во время которого путешествовал и женился; в 1821 году переведён в лейб-гвардии Преображенский полк; в 1822 году произведён в полковники[33]. В 1823 году за отличную службу и труды награждён орденом Святой Анны 2-й степени. В 1824 году назначен дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса.

Масон, наместный мастер ложи «Трёх добродетелей».

В 1821 году женился на Екатерине Ивановне, урождённой графине де Лаваль.

Участвовал в подготовке мятежа 14 декабря 1825 года.

Арестован 15 декабря.

---

[33] Примечания: 33

Чины майора и подполковника в гвардии не присваивались.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок каторги сокращён до 13 лет[34].

Приметы: рост два аршина одиннадцать с четвертью вершков[35], лицом чист, глаза карие, нос большой, длинный, горбоватый, волосы на голове и бороде темно-русые, усы бреет, подбородок острый, сухощав, талии стройной, на правой ляшке выше колена имеет рану от ядра.

Отбывал каторгу в Николаевском заводе, Благодатском руднике, Читинском остроге, Петровском заводе. Страдал кровохарканьем. В 1839 году переведён на поселение; жил в селе Оёк Иркутской губернии. В 1856 году, как и все оставшиеся в живых декабристы, помилован и восстановлен в правах дворянства, но без княжеского титула (титул был дарован детям высочайшим указом).

---

[34] Примечания: 34

Осуждённые по всем разрядам, кроме XI, приговаривались к лишению чинов, наград, сословных и имущественных прав; за осуждёнными по XI разряду сохранялись права дворянства. Каторжные сроки декабристов сокращались поэтапно несколькими указами. Мы приводим только сроки, отбытые осуждёнными фактически.

[35] Примечания: 35

Примерно 191 см.

Умер в 1860 году в Москве.

Князю Сергею Трубецкому не повезло: его не повесили. Ему не суждено было стать героем. В традиционной историографии декабристов всем выданы белые одежды, всем — кроме двоих: Каховского и Трубецкого. Первый, по общему мнению, повинен в убийстве Милорадовича, второй — в провале восстания. Как столетием позже Александр Фёдорович Керенский будет по гроб жизни объяснять, что не бежал из Петрограда в платье сестры милосердия, а в командирском френче уехал к войскам, так и Сергею Петровичу оставшиеся 35 лет жизни придётся каждым словом и поступком доказывать, что он не предал, не струсил, не сбежал, не падал на колени…

А начиналось всё прекрасно.

Отпрыск знатнейшего боярского рода по отцу, потомок грузинских царей и петровского фаворита Меншикова по матери, он был от рождения предназначен совершить торжественный марш по страницам российской истории.

Правда, при выдающемся росте и длине носа нет в его образе ярких красок: не красавец, не самоотверженный герой — в военных походах чем-либо выдающимся себя не проявил.

Стремительного продвижения по службе не получилось: к тридцати годам гвардии капитан, хотя и в Главном штабе, — результат хороший, но не блестящий. Зато как удачно женился! Катерина Ивановна, тоже не первостатейная красавица (зачем некрасивому мужу блистательная супруга?), но женщина добрая, преданная, весёлая, обаятельная. И за нею приданое: достойная доля наследства прадеда по материнской линии, уральского горнозаводчика-миллионщика Ивана Семёновича Мясникова. Нет, брак этот не по расчёту: князь и сам не беден — но женино богатство возводит его на почти недосягаемую в светском обществе высоту.

Свадьбой в Париже увенчалось длительное путешествие князя и семейства его невесты по Европе. И вновь удача: отсутствие в Петербурге избавило его от неприятностей, связанных с «семёновской историей». Из Семёновского полка он переведён не в армейское захолустье, а во второй «коренной» гвардейский полк, Преображенский, с оставлением при Главном штабе. Более того, вскоре по возвращении из заграничного вояжа произведён в полковники.

Его жизненные перспективы безоблачны. Салон его жены и тёщи — центр светской жизни

имперской столицы. Что может быть лучше положения «образованного добряка» в доме богатой супруги, в пяти минутах ходьбы от престола всемилостивого императора?

Николай Греч:

«Длинный, сухопарый, носастый, женатый на дочери графа Лаваля, образованный по-французски, как все ему подобные, умом ограниченный, сердцем трус и подлец, не знаю, почему он вошел в славу и почет у наших либералов».

«Князя Трубецкого все знали за добряка и самого ничтожного человека…»

Интересно, знал ли Александр I князя-молодожёна в другой роли? Жалуя Трубецкому эполеты полковника, знал ли, что тот уже шесть лет состоит в тайных обществах, злоумышляющих против него, императора? Наверняка знал. Он вообще видел и понимал куда больше, чем казалось.

В 1816 году поручик Сергей Трубецкой был одним из создателей Союза спасения. 1 января 1822 года, на момент производства в полковники, уже состоит в тайных переговорах с основателями Северного общества.

Из письма Василия Жуковского Александру Тургеневу о событиях 14 декабря 1825 года в Петербурге:

«И в эту же ночь все заговорщики схвачены. Но подумай, кто ещё взят? Трубецкой… Во время дела он нигде не являлся; но план заговора и конституции, писанные его рукою, находится в руках императора».

В словах Жуковского, неплохо знавшего подоплёку событий и многих их участников, сквозит изумление. Как, и Трубецкой? Неужто Трубецкой! Отчего Трубецкой?

Действительно, отчего?

В далёком будущем, в 1907 году[36], когда не останется уже на свете никого из участников декабристской драмы, в Петербурге будут изданы «Записки князя С. П. Трубецкого», подготовленные его дочерью Зинаидой Свербеевой. Воспоминаниям князя предпослано так называемое «Письмо к детям». По содержанию и жанру это, однако, не письмо родителя к своим отпрыскам, а послание к потомкам, манифест-предисловие к книге. Оно начинается словами:

«Со времени вступления дома Романовых на Российский престол малая только часть государей наследовала его спокойно по праву рождения; но бóльшая часть перемен царствований были

---

[36] Примечания: 36

На титуле этого издания указан 1906 год, на обложке — 1907-й.

следствием насилия или обмана».

Читающий да разумеет. Князь Трубецкой начинает рассказ о судьбе своего мятежного предприятия с провозглашения фактической нелегитимности династии — не того или иного монарха, а всего царствующего рода. Что такое «перемена царствования вследствие насилия» — понятно: убийство Павла I, свержение и гибель Петра III, горькая участь Ивана Антоновича. А что имеется в виду под обманом? Конечно, лживые заявления о смерти самодержца «от апоплексического удара», «от желудочной колики» сопутствовали насильственным переворотам. Но разделительный союз «или» подразумевает некий случай обманного захвата власти, не сопровождавшийся насилием. Пожалуй, единственное событие, которое можно истолковать таким образом, — избрание на царство династии Романовых в злодейских, неправедных, обманных обстоятельствах Смуты.

Кто такие Романовы? Потомки служилых бояр, «холопов» московского князя, хитростью захватившие престол в обход природных князей, Рюриковичей и Гедиминовичей. По высшей истине, а не по многомятежному хотению человеческому, отпрыски исконных княжеских

родов имеют куда больше прав властвовать на Руси, нежели выкрикнутые собранным наспех Земским собором прихлебатели Ивана Грозного.

Таков скрытый подтекст роли, которую готовил для себя князь Сергей, и соратники понимали это. Опасения, что в случае успеха князь постарается заменить династию Романовых династией Трубецких, высказывались в окружении Рылеева, та же мысль сквозит в тюремных признаниях полковника Булатова (смотри далее). В 1613 году царский венец не дался князю Дмитрию Трубецкому, а вдруг теперь достанется его дальнему сородичу?

Впрочем, это всё — в глубине души, в тайных помыслах. Въяве — довольно-таки сдержанное участие в собраниях с Николаем Тургеневым, Иваном Пущиным, князем Евгением Оболенским, деловитые обсуждения конституционных планов Пестеля и Никиты Муравьёва. В узкий круг лидеров Северного общества он входит неторопливо, великосветской неслышной походкой.

Он вообще осмотрителен и умеет действовать скрытно, в обход и с фланга. Неспроста — офицер Главного штаба.

Ещё в 1817 году, на заре Союза спасения, имела место одна история. О ней по-разному рассказали

два её участника. Сводный корпус гвардии находился тогда в Москве, Трубецкой же оставался в Петербурге.

Из «Записок» Сергея Трубецкого (ранняя редакция):

«Сомнение, что он (государь. — *А. И.-Г.*) *ищет более своей личной славы, нежели блага подданных, уже вкралось в сердце членов общества. Немало способствовал тому сделавшийся известным членам общества откровенный наедине разговор государя с председателем Госуд[арственного] Совета к[нязем] Лопухиным… Государь говорил князю о решительном своём намерении дать свободу крестьянам и, наконец, сказал: „Если дворяне будут противиться, я уеду со всей моей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ“. Некоторые члены, бывшие в Москве, узнали этот разговор государя с к[нязем] Л[опухиным], и в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия может подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность (если б государь оказал себя таким врагом Отечества) принести его в жертву, не щадя собственной жизни».*

Трубецкой умалчивает о том, каким образом «некоторые члены» «узнали этот разговор» и ко-

го именно поразила роковая мысль. Но вот что слышим от другого мемуариста.

Из «Записок» Ивана Якушкина:

«Александр Муравьёв прочёл нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах. Во-первых, что царь влюблён в Польшу. Это было всем известно… Во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с пятнадцатого года. В-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно. Наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву».

Стало быть, членам общества, находящимся в Москве, сообщил тревожную информацию не кто иной, как князь Сергей, притом с подробностями (отторжение территорий, перенос столицы), о которых не упоминает в своём мемуарном рассказе. Да, но позвольте: ему-то откуда известно, о чём «откровенно разговаривали наедине» государь и один из высших сановников империи?

Мы неспроста привели цитату из «Записок» Трубецкого не по каноническим изданиям, а по

рукописи, недавно обнаруженной в архиве[37] и содержащей раннюю версию текста. В более позднем варианте — том, что был опубликован сначала Герценом, а затем дочерью князя, — отсутствует указание на должность Лопухина, отчего считалось, что речь идёт о князе Павле Петровиче, члене Союза спасения, полковнике, флигель-адъютанте. Конечно, странно, что государь так откровенничает с одним из свитских офицеров, но путь утечки информации понятен: один участник тайного общества передаёт сведения другому. Однако указание должности меняет ситуацию. Конфиденциальный разговор императора с председателем Государственного совета светлейшим князем Петром Лопухиным (отцом флигель-адъютанта) представляется вполне естественным, но зато становится непонятно, каким образом Трубецкой мог столь детально узнать его содержание. Во всяком случае, не из первых рук. Между тем реакция московских соратников, прежде всего Якушкина, не позволяет сомневаться в том, что в письме Трубецкого намерения царя и его слова были представлены как подлинные.

Если сказать попросту: Трубецкой выдал до-

[37] Примечания: 37

Обнаружена в 2001 году П. В. Ильиным в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

шедшие до него слухи за истину, а возможно, вовсе сочинил этот разговор, чтобы воздействовать на соратников в нужном ему направлении. И у него получилось. Порывистый и простодушный Якушкин до того поразился перспективой переноса столицы в Варшаву, что немедленно схватился за цареубийственный кинжал и вызвался собственноручно «нанесть смертельный удар» тирану. Товарищам по обществу стоило немалого труда успокоить Ивана Дмитриевича. От своего безрассудного намерения он отказался, однако объявленное в запале «умышление» аукнется ему десятью годами каторги и двадцатью годами ссылки.

Умение действовать с помощью интриг и манипуляций князь Трубецкой проявил, стремясь стать во главе сначала Северного общества, а затем и Южного. На севере его соперником был Рылеев, на юге — Пестель. Весной 1824 года Пестель приехал в Петербург по делам службы, скрытая же цель визита — объединение северян и южан на основе общей программы действий. Трубецкой как будто не против, но несколько отходит в сторону, предоставив Рылееву вести переговоры. Пестель и Рылеев сталкиваются лбами: кандидат в Наполеоны и певец Брута не находят

общего языка, встреча заканчивается размолвкой на грани ссоры. В результате объединительные планы рушатся, разгневанный Пестель отправляется в свой полк несолоно хлебавши. Правда, Северное общество Трубецкому так и не удалось взять под полный контроль — велика харизма Рылеева, — зато планам Пестеля был нанесён чувствительный удар и лидерство его на юге поколеблено.

В конце того же года полковник Трубецкой назначен дежурным штаб-офицером штаба[38] 4-го пехотного корпуса, в Киеве. Назначение отвечало его желанию. Всего в сорока верстах городок Васильков, где жаждут действия соратники Сергея Муравьёва-Апостола. Да и сам новоназначенный корпусной командир князь Алексей Щербатов — покровитель и чуть ли не единомышленник Трубецкого. Прибыв в Киев, князь Трубецкой немедленно устанавливает связи с разбросанными по гарнизонам и усадьбам членами Южного общества. Ему нужно ослабить лидерство Пестеля, и он вступает в переговоры с Сергеем Муравьёвым-Апостолом. Во главе южных заговорщиков становится триумвират:

---

[38] Примечания: 38

В современной терминологии примерно соответствует должности замначштаба.

Трубецкой, Муравьёв-Апостол, Бестужев-Рюмин. Они обсуждают замысел военного переворота во время манёвров, намеченных на весну 1826 года.

Осенью 1825 года князь Сергей испросил отпуск и отправился из Киева в Петербург. В его намерения, очевидно, входила подготовка почвы для синхронного с югом выступления в столице.

В Петербурге его догнала весть о кончине государя.

Началось тревожное междуцарствие.

Дальнейшее развитие событий вызывает множество вопросов. Когда, кем и как в Северном обществе принимались решения о восстании? Был ли план действий? Или вовсе не было чёткого плана? Или же существовало два разных плана — Трубецкого и Рылеева? Эти вопросы обсуждают историки. Бесспорен факт участия Трубецкого в собраниях заговорщиков, в том числе и 12–13 декабря на квартире Рылеева. Несомненно также, что он был захвачен событиями врасплох. Выработанный на юге замысел рухнул: манёвры отменяются из-за коронации. Силы и средства в настоящий момент к действию не готовы. Успех выступления сомнителен. Но момент соблазнительный. Другого междуцарствия ждать не приходится: у Николая Павловича есть

наследник. Возможности переиграть партию нет. Итак, либо отказаться от выступления и понести новому государю повинную голову, либо рискнуть, благо настроения в гвардии и придворных кругах не в пользу Николая. «Направо поедешь — коня потеряешь; налево поедешь — сам жив не будешь…»

Если бы осмотрительный князь Трубецкой решал эту головоломку единолично, он, скорее всего, предпочёл бы первый вариант. Но энтузиазм, кипевший на собраниях у Рылеева, не оставлял ему выбора. Отойди он в сторону — судьба власти решится без него и вся оставшаяся жизнь будет отравлена бесплодной досадой. Мятежникам же он не просто нужен — необходим: как старший в чине и, главное, высший по положению, первейший боярин, сородич королей Польши, царей Грузии.

Собрания у Рылеева закончились решением выступать. Главнокомандующим избран князь Трубецкой, он же — главой правительства или даже диктатором в случае успеха. По сути, ему предложена роль регента престола, что при отсутствии общепринятого кандидата на престол равняется верховной власти.

Из письма полковника Александра Булатова

великому князю Михаилу Павловичу о собрании 12 декабря у Рылеева и об избрании Трубецкого диктатором:

«Рылеев… говорит: „Не правда ли, господа, что мы избираем достойного начальника?“ Я ещё не видел никаких достоинств… заметил только то, что он принял важность настоящего монарха (выделено мной. — *А. И.-Г.*), *усмехнулся и молчал. Якубович с усмешкою отвечал: „Да, он довольно велик“. Рылееву показалось немного обидно, он спрашивает Якубовича: „Что ты говоришь?“ Но тот обратил разговор в шутку, и толкование об князе кончилось. Странно для меня было, что мысли мои были во всем сходны с Якубовичем, и я его начинал час от часу более и более любить».*

Наступает утро понедельника, 14 декабря. Погода слегка морозная, пасмурная. Снежные искорки порхают в рассветном воздухе.

Каковы бы ни были конкретные планы заговорщиков, в целом они строились на двух опорах: принуждение Сената (попутно Синода и Государственного совета) к провозглашению временного правления и привлечение на свою строну гвардейских полков с последующим захватом Зимнего дворца. Но с самого начала всё пошло не так. Мятежные роты Московского полка

подошли к зданию Сената, а оно оказалось пусто, сенаторов, долженствовавших собраться на церемонию присяги новому императору, не было. Из полковых казарм приходили противоречивые сведения. Некоторые полки уже присягали Николаю на Дворцовой площади. Шансы на успех таяли с каждой минутой.

Что делал в это время князь Сергей Трубецкой?

Неизвестно.

На площади перед Сенатом, где мёрзли в бездействии солдаты и суетилась кучка сбитых с толку заговорщиков, он не появился. Видели его проезжающим в санях по Большой Морской и по Миллионной, видели в Главном штабе. В час пополудни он оказался вдруг у своей сестры Елизаветы Потёмкиной на Исаакиевской площади. Там, в сестриной молельне перед иконами, с ним, как говорили, случился обморок, и его пришлось два часа приводить в чувство. Так оно было или не так, но за это время ход событий определился окончательно. В сумерках загремела артиллерия. В доме Лавалей рядом с Сенатом, где с супругой жил-поживал князь Сергей, вылетели оконные стёкла. Ночевать князь отправился к сестре жены, Зинаиде. Её муж — граф Людвиг Лебцельтерн, австрийский посланник, его дом — убежище…

Из воспоминаний графини Зинаиды Лебцельтерн (оригинал по-французски):

«Мы все вместе… сидели в кабинете г-на Лебцельтерна… разговор шёл о происшедших днём событиях; зять мой не говорил ни слова, но подбородок его дрожал. Мы знали, что он дружен был с теми, о ком говорили, и его волнение нас не удивляло».

Между тремя и четырьмя часами ночи хозяин дома был разбужен громким шумом в передней. Кто это? Министр иностранных дел граф Карл Несельроде в сопровождении флигель-адъютанта. Что угодно его сиятельству? Его сиятельство получил сведения, что полковник князь Трубецкой находится в доме вашего сиятельства. Его сиятельство господин министр имеет поручение государя императора арестовать князя Трубецкого и доставить его в Зимний дворец.

Допрос у императора красочно изображён самим Трубецким в «Записках», но это сочинение лукаво и имеет главную цель: опровергнуть широко разошедшуюся легенду о вымаливании князем пощады на коленях. Во всяком случае, жизнь ему была обещана: записка со словами «я буду жив» написана в присутствии государя и отправлена жене. За эту милость пришлось

заплатить если не падением на колени, то дорогой княжеской шубой: в общей суматохе, коей был охвачен дворец, она бесследно исчезла. В крепость диктатор был доставлен в шинели, одолженной у сапёрного полковника[39].

Приказ государя коменданту Петропавловской крепости Александру Сукину:

«Трубецкого, при сем посылаемого, посадить в Алексеевский равелин. За ним всех строже смотреть, особенно не позволять никуда выходить и ни с кем не видеться».

Во время следствия Трубецкой повёл борьбу за выживание с той же расчётливой осмотрительностью, с которой участвовал в подготовке заговора. Его показания осторожны, изворотливы, направлены против Рылеева и Пестеля, но щадят и прикрывают многих других подследственных. Единственное, что следует добавить: вопреки легенде, на колени перед царём он всё-таки не падал. Пощажён же был благодаря удачно выбранной линии защиты, а главное, потому, что был слишком высок для виселицы — если

---

[39] Примечания: 39

Так утверждает князь в своих «Записках». Между тем среди вещей, препровождаемых из канцелярии Санкт-Петербургского военного губернатора в канцелярию Комитета о злоумышленном обществе 31 июля 1826 года, значится принадлежавшая «бывшему князю Трубецкому шинель на енотовом меху».

не в прямом смысле, то по своему положению в российской околопрестольной иерархии.

Приговор — вечная каторга — таил в себе надежду, ибо в этом мире нет ничего вечного. Судьбой ему были уготованы 13 лет каторжной тюрьмы и 17 лет поселения в Сибири.

В ночь на 24 июля бывший князь, а ныне государственный преступник Трубецкой в кандалах и в сопровождении фельдъегеря отправился из Петропавловской крепости в дальний путь на восток.

Собственно говоря, на этом рассказ о князе Сергее Петровиче Трубецком можно было бы и закончить. На каторге и на поселении он ничего особенно выдающегося не совершил, кроме того, что оказался человеком добросердечным и семьянином примерным. Мнения о нём различны как среди товарищей по несчастью, так и в последующих поколениях.

Но верно говорит апостол Павел: неверующий муж освящается женой верующей. Каким бы ни был князь Сергей Трубецкой, жена спасает его от прижизненного и посмертного осуждения. Катерина Ивановна Трубецкая, урождённая графиня де Лаваль.

Жёны декабристов — конечно, отдельная тема.

В этой книге мы лишь затронем её. Однако нельзя не отметить особую роль Катерины Ивановны. Полуфранцуженка, нежное растение, взлелеянное в оранжереях богатейшего из особняков имперской столицы, она проложила жёнам других осуждённых путь за тридевять земель, чрез пугающую Сибирь в Забайкалье. Она была первой. Она решилась — и пошла к достижению поставленной цели, преодолевая все препятствия, с верой и непреклонностью, на которые способна только любящая женщина. Любовь есть осознанная необходимость.

Конечно, ей, даме высшего света, свояченице посла австрийского императора, было проще, чем кому-либо другому, добиться личной аудиенции государя. Но и сопротивление пришлось преодолеть бóльшее. Противились родители, стращал император, уговаривала императрица. Правда, государыня Александра Фёдоровна первая поняла, что с женою, решившейся последовать за мужем в преисподнюю, ничего поделать невозможно. Лишение сословных и имущественных прав — мелочь, недостойная обсуждения; тяготы пути — желанное испытание.

Катерина Ивановна умела добиваться своего. Было получено высочайшее разрешение, и уже

в августе она в дороге, в сентябре — в Иркутске. 10 февраля 1827 года в селении при Благодатском руднике, что рядом с Горным Зерентуем, она увидела мужа. В 330 верстах от Нерчинска, в 600 верстах от Читы, в полутора тысячах вёрст от Иркутска, в семи с лишним тысячах вёрст от Петербурга.

Из письма исправляющего должность иркутского губернатора Ивана Зеркалеева (адресовано Марии Юшневской, но содержание в точности относится и к Екатерине Трубецкой, и к другим жёнам государственных преступников):

«…Следуя за своим мужем и продолжая супружескую с ним связь, Вы естественно сделались причастными его судьбе и потеряете прежнее звание, т. е. будете признаваться не иначе как женою ссыльнокаторжного, а дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казённые крестьяне. Ни денежных сумм, ни золотых и серебряных и других многоценных вещей Вам с собою брать не дозволяется… составится для описи вещей комиссия из нескольких чиновников, которой Вы должны предъявить имеющие при Вас деньги, золотые, серебряные и другие ценные вещи. Комиссия обязана, по осмотре всего, оставить вам для употребления платье, белье

и другие необходимые для дороги, но не ценные вещи, и то число денег, которое необходимо для дороги».

Евгений Оболенский, из «Воспоминаний»:

«…Она с того времени никогда не покидала нас и была во всё время нашей общей жизни нашим ангелом-хранителем».

Из Благодатского рудника заключённых перевели в Читинский острог, оттуда через три года в Петровский завод. В 1839 году по выходе на поселение Трубецкие обосновались в селе Оёк неподалёку от Иркутска.

Имелось одно обстоятельство, до некоторой степени способствовавшее решимости Екатерины Трубецкой воссоединиться с мужем. Ко времени разлуки они уже пять лет состояли в браке, но детей у них не было. За девять лет жизни в Петровском заводе у них родились шестеро детей и ещё двое в Оёке. До взрослых лет дожили: Александра, Елизавета, Зинаида и Иван. Дольше всех прожили Елизавета, в замужестве Давыдова, и Зинаида, в замужестве Свербеева. Их стараниями в 1907 году впервые в России изданы те самые «Записки князя С. П. Трубецкого», которые мы цитировали выше.

Дело № 7

Князь Евгений Петрович Оболенский

Вероисповедание православное.

Родился 6 октября 1796 года в Новомиргороде.

Отец – князь Пётр Николаевич Оболенский, был вице-губернатором Тульской губернии, короткое время – тульским губернатором, вышел в отставку в чине действительного статского советника и жил в Москве. Мать – Анна Евгеньевна, урождённая Кашкина, была второй женой овдовевшего князя П. Н. Оболенского; умерла в 1810 году от родильной горячки, оставив восьмерых детей. Среди многочисленных родных и сводных братьев и сестёр отметим младшего брата Константина, проходившего по делу о восстании 14 декабря и освобождённого от наказания.

Получил домашнее образование; сверх того, по его словам, слушал лекции по политической экономии профессора Куницына, но где именно – неясно. В 1814 году поступил юнкером в лейб-гвар-

дии артиллерийскую бригаду; в 1816 году произведён в прапорщики; в 1817-м переведён в лейб-гвардии Павловский полк; в 1818-м подпоручик; в 1821-м произведён в поручики и назначен старшим адъютантом 2-й гвардейской пехотной дивизии; в 1824 году переведён в лейб-гвардии Финляндский полк; в 1825 году назначен старшим адъютантом штаба гвардии. Награждён орденом Святой Анны 3-й степени за отличие по службе.

Участвовал в мятеже 14 декабря 1825 года и перед самым подавлением принял командование. При обстреле мятежных войск картечью был легко ранен в ногу.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок каторги сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина семь с половиной вершков[40], лицом бел, волосы на голове, бороде и бровях светло-русые, на левой щеке имеет бородавку, на правой ноге на берцовой кости знак прежде быв-

---

[40] Примечания: 40
Примерно 175 см.

шей раны, говорит шепеляво, корпуса среднего.

Отбывал каторгу в Усолье, Благодатском руднике, Читинском остроге, Петровском заводе. С 1839 года на поселении в селе Итанца Иркутской губернии, Туринске и Ялуторовске Тобольской губернии. В 1846 году женился на горничной Варваре Барановой, в этом браке рождено девять детей. После амнистии жил в Калуге, где умер 26 февраля 1865 года.

В нанесении смертельной раны петербургскому генерал-губернатору графу Михаилу Александровичу Милорадовичу был обвинён Пётр Каховский; он сам в конце концов сознался в этом, и его повесили. Милорадович умер через 15 часов после ранения от поражения внутренних органов, кровопотери и «антонова огня», то есть гнойного воспаления. Причиной сочли пистолетную пулю, вошедшую в левый бок и застрявшую под правой лопаткой. Операцию по её извлечению проводил доктор медицины и хирур-

гии Василий Петрашевский[41]. Но в его отчёте упоминается ещё одна рана — «острым орудием в правый бок близ поясничных позвонков, между последним ребром и подвздошною костью, которая проницала до брюшной полости». Такое ранение тоже может стать причиной «антонова огня» и кровоизлияния в печени. А вдруг причина гибели генерала — не пуля, а штык?

Удар штыком нанёс Милорадовичу поручик князь Оболенский. Не исключено, что Каховский отправился на виселицу вместо него.

Удивительно, однако, не это. А то, что кандидатом в убийцы генерала-героя оказывается безобидный, добрый человек, симпатичнейший Евгений Петрович Оболенский.

Николай Греч:

«…Молодой человек благородный, умный, образованный, любезный, пылкого характера и добрейшего сердца…»

Николай Лорер:

«Все, кто знал его, не мог не любить и не ува-

---

[41] Примечания: 41

Причудливы узоры истории: сын врача, извлекшего пулю из тела жертвы мятежников, Михаил Васильевич Петрашевский, окажется жертвой правительственного рвения по искоренению мятежного духа и будет осуждён на смертную казнь «расстрелянием» почти в годовщину смерти Милорадовича, в декабре 1849 года. От пули его спасёт «царская милость» и замена смертной казни каторгой. По этому же делу будет осуждён отставной поручик Фёдор Достоевский.

жать этого милого молодого человека. Он был душою нашего кружка…»

Евгений Якушкин, сын декабриста, в письме жене, Ялуторовск, 1855 год:

«Он олицетворённая доброта, и его никак нельзя не любить».

Всё, что мы знаем о нём до и после того рокового дня, подтверждает аттестацию, единодушно выданную современниками. Образцовый офицер, почтительный сын, заботливый опекун младших братьев. Позднее, в каторжной тюрьме и ссылке — безупречный товарищ, верный друг своих друзей. Чудаковат, правда, и с годами всё более, но сами чудачества его трогательно безобидны.

Евгений Якушкин:

«Он хочет уверить себя и других, что он с головы до ног православный и самый ревностный поклонник самодержавия и особенно Николая Павловича, — кроме этого, он имеет свойство… защищать своё мнение так, что, слушая его, другие убеждаются в совершенно противном. Поэтому разговор с ним бывает иногда чрезвычайно забавен».

Да уж, чтобы после 13 лет каторги и 16 лет сибирского ссыльнопоселенчества выступать ревностным поклонником того самого царя,

волею которого оказался в «местах весьма отдалённых», нужно иметь незлобивый характер и доброе сердце. Именно такой человек смотрит на нас с поздних фотографий и с юношеского портрета: мягкий овал лица, грустный понимающий взгляд, покладисто лежащие волосики.

Правда, при таких своих качествах он заговорщик со стажем: в Союзе благоденствия с 1818 года, в Северном обществе с самого момента его образования. Но и тут его роль добродетельно-вспомогательная. Он неустанно к услугам, всё время чей-то помощник, всегда второй-третий и никогда первый. Никита Муравьёв творит Конституцию — князь Евгений внимательно читает, обдумывает, подсказывает дельное, уходит в тень. Пестель приехал вести объединительные переговоры — князь Евгений участвует, призывает всем быть вместе, ни на чём не настаивает, скромно отступает, ничего не добившись. Перед Рылеевым высказывает странное сомнение: «Имеем ли мы право, как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, мо-

жет быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего?» Рылеев в ответ решительно: «Право имеем!» — и Оболенский безоговорочно соглашается.

В дни междуцарствия он постоянный участник взволнованных собраний. Рылеев там — двигатель; князь Трубецкой — завтрашний диктатор; Якубович — порох, готовый взорваться; Каховский — кинжал в руках Рылеева; даже случайно оказавшийся в этой гуще полковник Булатов — кандидат в боевые командиры. Кто же Оболенский? Ах да, Оболенский… Ну конечно же, начальник штаба при главнокомандующем. Человек номер два, на которого, за неимением первого, посыпятся все шишки.

Участники последнего вечерне-ночного совещания у Рылеева, разойдясь по домам, спали мало и беспокойно. Оболенский, должно быть, не спал вовсе. Ранним утром 14 декабря он уже седлает коня: в непроглядной декабрьской тьме спешит по Фонтанке в Измайловский полк, в Пионерный батальон, возвращается домой, снова мчится в предутреннюю мглу: Гвардейский экипаж на Мойке, Семёновский полк на Загородном, Егерский и Московский полки от Загородного к Фонтанке. Утомив коня, ловит извозчика и летит

через полгорода к Таврическому саду в казармы Преображенского полка. Дела всюду плохи: полки готовятся присягать Николаю, идти к Сенату никто не готов, лишь некоторые колеблются. На обратном пути (уже светло) встречает колонну, движущуюся от Московских казарм по Гороховой к Адмиралтейству. С ней — на Сенатскую площадь. Время близится к полудню.

Там, на площади, выясняется: не только других полков нет, но нет и главнокомандующего князя Трубецкого, и полковника Булатова. Рылеев мелькнул и исчез. Якубович закладывает странные виражи между каре восставших и свитой Николая против Адмиралтейской башни. Пущин, Каховский, нелепый Кюхельбекер — в штатском, солдатам они не указ. Из военных вождей заговора — только он, Оболенский. Начальник несуществующего штаба при отсутствующем главнокомандующем.

Да и как начальствовать? Хрупкий план, которым так вдохновлялись накануне, разлетелся вдребезги. Тех сил, что собрались перед Сенатом, ничтожно мало. Теплится ещё надежда, что вот, подойдут измайловцы, финляндцы, гренадеры… Что решится наконец Конная гвардия… Что с восставшими Флотский экипаж…

Остаётся только ждать. Топтать испачканный снег. Время от времени для бодрости духа вместе с солдатами кричать: «Ура! Константин!»

Ожидание — как струна, которую невидимая рука натягивает всё сильнее. Тянется, тянется да и оборвётся.

Генерал-губернатор Милорадович приехал в санях, развернулся, уехал. Вскоре снова появился — при полном параде, с орденами и лентой, верхом.

Через 30 лет один любопытный молодой человек, сын старого приятеля, будет расспрашивать бывшего князя, как оно было на самом деле.

Рассказ Оболенского о ранении Милорадовича, записанный по памяти Евгением Якушкиным в 1855 году:

«…Видите ли, как это было: я стою на площади впереди с застрельщиками; вдруг Милорадович едет к нам и хочет говорить солдатам. Я кричу ему: „Ваше сиятельство, я не могу вам позволить говорить“. Он не слушает меня и подъезжает ближе. Я опять ему закричал: „Ради бога, уезжайте отсюда“. Но он меня не послушал и начал было говорить, тогда я кинулся к нему и ударил его штыком в бок, лошадь в это время поворотила и поскакала, он упал к ней на шею. Я не

слыхал выстрела и не знаю, когда выстрелил в него Каховский, но очень хорошо видел, что ранил Милорадовича, потому что когда ударил его штыком, то сквозь мундир показалась рубашка и кровь».

Всё это рассказано, по свидетельству Евгения Якушкина, «с жаром». А под конец интересное психологическое признание: «Одного я тут не понимаю: я на него кинулся с какою-то яростью — за минуту перед этим и всё время после я был совершенно спокоен». «Кинулся с яростью», как одержимый, а перед и после «был совершенно спокоен». Единственная вспышка ярости чуть ли не за всю благолепную жизнь.

Показания Оболенского на следствии умеренно-подробны и в общем правдивы. Категорически не признался он по трём пунктам: 1) никаким начальником штаба не был, командовать избран на площади за час до развязки; 2) полковника Стюрлера саблей не бил, да и сабли никакой при себе не имел; 3) Милорадовича ударил штыком, но глубоко ранить не мог, а стрелял в него Каховский. Третий пункт — главный, следствием принят без особенных колебаний.

Каторгу и жизнь на поселении Евгений Петрович прошёл безропотно.

Только под занавес — ещё один яркий поступок. На 51-м году бывший князь женился. Да так, что всех изумил — и близких, и дальних. Друг Пущин, с которым несколько лет прожили под одной крышей, — тот поначалу даже видеть его не хотел, лишь мало-помалу сменил гнев на милость.

А дело было так.

Иван Пущин, человек энергичный и бодрый, по выходе на поселение прижил дочку Аннушку (с кем прижил — вопрос тёмный; сейчас не об этом). Девочку он взял к себе, очень любил и старательно воспитывал. Однако официально своим ребёнком признавать не собирался. Но, оставаясь холостяком, пригласил няню, дабы она согревала малышку своим женским душевным теплом. Няню звали Варенька, была она девушка лет двадцати с чем-то, поведения скромного, внешности средней, неграмотная, отпущенная из крепостных. Вот она вместе со старой служанкой Михеевной и ходила за Аннушкой, а заодно и за не очень практичным Иваном Ивановичем, и за Евгением Петровичем, бывшим князем, который жительствовал в том же доме. Было это в городке Ялуторовске, куда Пущин и Оболенский перебралась из Туринска в 1843 году.

И вот, проходят три года, Оболенский женится

на няне Варваре Самсоновне Барановой. Разница в возрасте 25 лет, но это пустяк в сравнении с той бездной, которая отделяет Рюриковича, потомка Черниговских князей, от служанки из крепостных. Очень характерно, что декабристы — борцы за народное счастье и свободу — осудили этот брак. Если и не все осудили, то уж точно никто не приветствовал.

Надо отдать должное Евгению Петровичу: он без колебаний принял бремя общественного осуждения и в конце концов добился признания. На втором году супружества их стали понемножку принимать и ходить к ним в гости. Варвара Самсоновна мало-помалу обучилась грамоте и хорошим манерам. В 1856 году, по объявлении манифеста о прощении, супруги Оболенские выехали из Сибири в Европейскую Россию и были относительно терпимо приняты аристократической роднёй.

За 19 лет брака у них родилось девять детей. До взрослых лет, правда, дожили только два сына и дочь. С высочайшего соизволения детям был возвращён княжеский титул, коего лишён был их отец.

Князья Иван Евгеньевич и Пётр Евгеньевич прожили не очень долгую и не особенно бога-

тую событиями жизнь. Видимо, унаследовали покладистый родительский характер. Варвара Самсоновна пережила мужа и сыновей и скончалась в 1894 году. Княжна Ольга Евгеньевна Оболенская замуж не вышла. Женщина она была благочестивая и добродетельная; в начале XX века заведовала приютом для девочек-сирот в селе Спас-Чекряк Орловской губернии, между Белёвом и Болховом. Приют, кстати сказать, был основан и содержался попечением известного общественного деятеля протоиерея Георгия Коссова, ныне почитаемого Церковью в лике святых. Ольга Евгеньевна обихаживала девочек-сироток вплоть до революции. В 1918 году её как бывшую княжну чуть было не расстреляли местные чекисты. Ей пришлось скрываться; далее следы её теряются.

Дело № 8

Александр Иванович Якубович

Вероисповедание православное.

Родился в 1796 или 1797 году; место рождения неизвестно.

Отец – Иван Александрович Якубович, ротмистр, помещик. Мать происходила из рода князей Кейкуатовых, иных сведений нет. Братья – Пётр, отставной

поручик; Иван, по болезни не служил; сестра Анна, в замужестве Новицкая.

Обучался в Московском университетском пансионе. В службу вступил в 1813 году, юнкером в лейб-гвардии Уланский полк; участвовал в походе 1813–1814 годов; в 1816 году произведён в корнеты. За участие в дуэли в 1818 году переведен на Кавказ в Нижегородский драгунский полк прапорщиком; в том же году произведён в поручики; за отличие в сражении произведён в 1820 году в штабс-капитаны; в 1823 году награждён орденом Владимира 4-й степени с бантом, также за отличие в сражении; во время экспедиции против закубанских народов получил тяжёлое пулевое ранение в голову; в 1824 году произведён в капитаны и вскоре уволен в отпуск для излечения в клинике при Медико-хирургической академии в Петербурге.

Участвовал в мятеже 14 декабря 1825 года.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии

срок каторги сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина десять вершков[42]; лицом смугл, глаза карие, большие; волосы на голове, бровях и бороде чёрные; бороду бреет; на лбу повыше правой брови имеет рану от пули, с повреждением кости; на правой руке безымянный палец и мизинец не сгибаются; на правой руке ниже плеча имеет рану от пули навылет в спину повыше лопатки; на левой ноге, в пахе, имеет рану от пули навылет, с повреждением кости; сухощав, плечист.

Отбывал каторгу в Александровском заводе[43], Благодатском руднике, Читинском остроге, Петровском заводе.

С 1839 года на поселении в деревне Большая Разводная Иркутской губернии, в 1841 году переведён в село Назимово Енисейской губернии.

Женат не был.

Умер 3 сентября 1845 года в Енисейске.

---

[42] Примечания: 42

Примерно 186 см.

[43] Примечания: 43

Это будущий Александровский централ, где предстоит побывать многим врагам самодержавия.

Александр Якубович был как будто создан для того, чтобы вдохновлять, ужасать, терзать, рушить планы, сбивать с толку. Здоровенный, темнолицый, усы чёрные, глазищи выпуклые, а над ними густые сросшиеся брови. Такого встретишь на узкой дорожке — испугаешься.

Чуковский, наверное, срисовал Бармалея с его портрета.

Сходство тем очевиднее, что Якубович не знает ни страха, ни жалости, и это написано у него на физиономии. Но детей любит.

Из записок П. А. Каратыгина:

«Это был замечательный тип военного человека: он был высокого роста, смуглое его лицо имело какое-то свирепое выражение; большие чёрные, навыкате глаза, словно налитые кровью; сросшиеся густые брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и чёрная повязка на лбу, которую он постоянно носил в то время, придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое значение. Когда он сардонически улыбался, белые, как слоновая кость, зубы блестели из-под усов его и две глубокие, резкие черты появлялись на его щеках, и тогда эта улыбка принимала какое-то зверское выражение. Любили мы с братом слушать его любопытные

рассказы о кавказской жизни и молодецкой боевой удали. Эти рассказы были любимым его коньком; запас их у него был неистощим. Он вполне мог назваться Демосфеном военного красноречия».

Николай Андреевич Белоголовый, врач, из «Воспоминаний сибиряка о декабристах»:

«…Его внешность сильно врезалась в мою детскую память: это был высокий, худощавый и очень смуглый человек, с живыми чёрными глазами и большими усами; все движения его были полны живости и энергии; детей, видно, он очень любил, потому что тотчас же занялся с нами с великой охотой…»

В формулярном списке значится: «Из дворян Черниговской губернии; за отцом его состоит крестьян мужеска пола 1200 душ в Полтавской и Черниговской губерниях». Немало. Но ни о контактах Александра с отцом и братьями, ни о родне по материнской линии мы ничего не знаем. Он — сам по себе. Даже возраст его точно неизвестен: в том же формулярном списке, составленном в 1824 году, написано 32 года, но тогда получается, что в службу он вступил в 21 год, очень поздно по тогдашним меркам; сам же в ответах следствию указывает 29 лет — это, по-видимому, ближе к истине.

В Заграничном походе участвовал, но на поля сражений не успел, лишь по возвращении достиг офицерского чина корнета. Однако служебным благополучием наслаждался недолго. Через год «по высочайшему приказу выписан за неприличные гвардии офицеру поступки» в Нижегородский драгунский полк, в Грузию. (Через 20 лет в этом же полку встретятся переведённый из гвардейских гусар прапорщик Михаил Лермонтов и осуждённый за участие в декабрьском мятеже рядовой Александр Одоевский.)

«Неприличные поступки» — участие в дуэли.

Эта история не менее знаменита и столь же нелепа, как дуэль Новосильцева и Чернова[44]. Детали в разных пересказах расходятся, но общая канва такова. Танцовщица Императорского Большого театра в Петербурге девица Евдокия (Авдотья) Истомина была юна, обворожительна и пользовалась невероятным успехом у гвардейских офицеров: «Блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна…» Это её «души исполненный полёт» пропустил Евгений Онегин, опоздав к началу спектакля. Примерно тогда же, когда Онегин посещал Большой театр, или

---

[44] Примечания: 44
См. в главе о Рылееве.

чуть раньше, к ней за кулисы стал захаживать двадцатилетний штаб-ротмистр лейб-гвардии кавалергардского полка Василий Шереметев. Мы уже имели случай отметить, что кавалергарды обладали особой статью — красавцы как на подбор. Василий Васильевич не был исключением; к тому же родовит, хорошо обеспечен и с прекрасными перспективами по службе. Семнадцатилетняя балерина не стала отвергать ухаживания и в скором времени переселилась к нему на квартиру. Их счастливое совместное жительство продолжалось более года, однако в ноябре 1817 года случилась ссора, и Авдотьюшка сбежала от кавалергарда к подруге. Через пару дней Истомина в столичном коловращении повстречалась с другим своим закулисным знакомым, Александром Грибоедовым, молодым чиновником Коллегии иностранных дел и приятелем Васи Шереметева. Тот позвал её на чашку чая и привез на квартиру своего приятеля, графа Сашки Завадовского, богача, камер-юнкера и безудержного гуляки, у которого жил. Злые языки утверждали, что чаепитие с танцами затянулось на несколько суток. Как показывала потом Авдотья на следствии, Завадовский «предлагал ей о любви, но в шутку или в самом деле, того не

знает». Обо всём, естественно, стало известно Шереметеву. Вот тут и вмешался в дело третий Александр — неугомонный Якубович. Будучи знаком со всеми участниками вышеописанного многоугольника, он поведал Шереметеву о случившемся в тонах крайне неблагоприятных для самолюбия влюбленного мужчины. Впоследствии все утверждали, что именно Якубович настоял на том, что имеет место страшное оскорбление и что честь кавалергардского мундира может быть спасена только дуэлью. Через него Шереметев передал вызов Завадовскому. Стреляться было постановлено на шести шагах. Попутно Якубович успел обидно зацепить Грибоедова, поединок между секундантами должен был стать продолжением мелодрамы.

12 ноября, в два часа пополудни, съехались на Волковом поле. Секунданты разметили на снегу дистанцию, соперники стали сходиться. Шереметев стрелял первым, на ходу, и промахнулся: пуля оторвала клочок воротника сюртука Завадовского. Тот выстрелил. Рассказывали, что Шереметев подпрыгнул несколько раз и упал, катаясь по земле от дикой боли. Поговаривали также, будто Якубович тут же, на месте, рукою вытащил пулю из раны и, показав её Грибоедову, воскликнул:

«Это для тебя!» Насколько верны эти детали, сказать трудно. Полученное Шереметевым ранение очень похоже на то, что настигнет через восемь лет Милорадовича: в живот насквозь, почти навылет. Результат — тот же: смерть от «антонова огня» в течение суток.

Шум из-за гибели кавалергарда вышел большой. Началось следствие. Якубовича через два месяца услали в армейский полк, стоявший в Грузии. Туда же, согласно высшей начальственной мудрости, вскоре был отправлен и Грибоедов. Осенью 1818 года на окраине Тифлиса секунданты смогли наконец закончить выяснение отношений. По одним сведениям, близорукий Грибоедов стрелял первым и промахнулся, по другим — первым стрелял Якубович. Как бы то ни было, Грибоедов получил ранение в кисть левой руки с повреждением сухожилий[45]. Поговаривали, что такую рану Якубович нанес Грибоедову, прекрасному пианисту, намеренно.

Подробности службы Якубовича на Кавказе неизвестны, но из послужного списка видно, что воевал он отчаянно. За шесть лет из прапорщиков

---

[45] Примечания: 45

Интересно, что в описании примет государственного преступника Якубовича будет зафиксирован след точно такого же ранения, только в правую руку.

повышен до капитана и отмечен орденом, и всё это с формулировкой «за отличие храбростию в сражении». Таким манером можно и в генералы попасть. Но быстрый служебный рост остановлен вражеской пулей: в одном из боёв Якубович был ранен в голову, да так, что чудом жив остался. С тех пор носил на лбу повязку, и ходили слухи, что иногда позволял любопытствующим заглянуть под неё: якобы там можно было видеть пульсирующий мозг.

Ранение обернулось сильными головными болями, но не особенно изменило характер Якубовича. В нём было что-то ноздрёвское. Трудно сказать, являлся ли он членом какого-либо тайного политического сообщества; судя по всему, не являлся. Однако он убедил князя Сергея Волконского, прибывшего на Кавказ, в существовании тайного союза в Кавказском корпусе во главе чуть ли не с главнокомандующим Ермоловым и в том, что этот союз готов по первому кличу поднять оружие против царствующего государя. Ничего такого в помине не было, но Волконский уехал ободрённый и вскоре уже излагал Пестелю перспективы совместного с «кавказскими» выступления.

В конце 1824 года капитан Якубович получает

отпуск для проведения хирургической операции и в начале следующего года появляется в Петербурге. Он не входит в состав Северного общества, но, конечно, всех там знает. Собрания на квартире Рылеева не обходятся без него. Он кипит неукротимой энергией. Он с полной уверенностью обещает поднять Измайловский полк, затем и Флотский экипаж, повести его на штурм Зимнего. Ну конечно, без убийства и в этом случае не обойдётся. Он, оказывается, одержим жаждой мести царю и сам намерен совершить цареубийство…

Полковник Александр Булатов в письме великому князю Михаилу Павловичу о вечере 12 декабря:

«Якубович сказал, что для пользы нашего успеха надобно убить ныне царствующего государя, тут он продолжал: „Я, потеряв всю мою службу, жертвовал собою против горских народов для того единственно, дабы иметь случай отмстить государю, которого я ненавидел, ждал его прибытия и умел бы отмстить за себя. Но, господа, должен вам сказать, что я, к несчастию, имею доброе сердце и на себя не надеюсь; нынешний государь мне не сделал никакого зла, и я не могу его ненавидеть, а отважиться на жизнь человека

и государя — надобно иметь злобную душу“».

Очень странное заявление в устах человека, в течение шести лет после наказания за дуэль трижды повышенного в чине. Чего-чего, а злобы в нём нет…

Надо сказать, что цитируемое послание Булатова написано им в Петропавловской крепости, под арестом, за считаные дни до трагической гибели. А постигла полковника горькая участь по милости Рылеева и того же Якубовича. Приехав в Петербург по имущественным делам в сентябре 1825 года, отважный, но отчаянно наивный Булатов повстречал в театре своего старинного приятеля Рылеева. И оказался втянут в заговор за несколько дней до восстания. Рылеев и Якубович так сумели вразумить доблестного служаку, героя Отечественной войны, что он согласился взбунтовать Гренадерский полк, в котором имел давние связи, и даже возглавить при необходимости военные операции против сторонников Николая. Условием своего участия он поставил выступление Якубовича во главе Измайловского полка. На том и порешили.

На собрании у Рылеева, по-видимому накануне восстания, Якубович будто бы предложил пустить солдат грабить кабаки, вынести хоругви из

церкви и идти ко дворцу. До какой степени это правда — никто никогда достоверно не узнает.

Из показаний князя Евгения Оболенского:

«Якубович при мне действительно предлагал разбить солдатам один кабак по крайней мере, для возбуждения рвения солдат… Но Рылеев первый восстал против сей мысли, говоря, что мы подвизаемся к поступку великому, не должны употреблять низкие средства… Что же касается до грабежа и выноса хоругвей из церкви, я предложения сего от него не слыхал».

В тёмную декабрьскую ночь с 13-го на 14-е число заговорщики покидали квартиру Рылеева, пребывая в уверенности, что ранним утром Якубович не менее чем с тремя-четырьмя ротами измайловцев и с моряками пойдёт на Зимний дворец, как некогда ходил на штурм горских аулов. Успех казался им предрешённым.

Ничего подобного не случилось.

Ни затемно, ни на рассвете драгунский капитан во главе войск не появился.

Ранним утром он, по свидетельству Александра Бестужева, просто сообщил, что передумал.

Но когда взбунтованные другими офицерами роты Московского полка маршировали под его окнами, вышел к ним как настоящий разбойник

— с двумя пистолетами и с саблей наголо.

Говорят, что, подняв шляпу на сабле, с криком «Ура, Константин!» шагал впереди мятежных рот… Затем, когда московцы выстроились в каре перед пустым зданием Сената, снова куда-то делся. Через некоторое время, однако, его видят возле Адмиралтейства, где Николай в окружении не слишком надёжной свиты собирал со всех сторон тревожные донесения. И капитан даже заявил новому императору: «Я был с ними, но, услышав, что они за Константина, бросил и явился к вам». Потом он снова пред Сенатом, убеждает мятежников держаться крепко. Потом опять спешит к Николаю…

Что это было и в чём тут смысл — не мог никто понять ни тогда, ни на следствии, не берёмся и мы решить этот ребус.

Приговор Верховного уголовного суда в отношении Якубовича — вечная каторга, сокращённая в итоге, как и всем прочим, до 13 лет.

21 июля 1826 года отправлен закованным в кандалы в Сибирь. Каторгу отбывал на Александровском винокуренном заводе, на Благодатском руднике, в Читинском остроге, Петровском заводе. В 1839 году обращён на поселение в деревне Большая Разводная Жилкинской волости Ир-

кутской губернии. В 1841 году по собственному прошению переведён в Енисейскую губернию, в село Назимово, где служил управляющим золотопромышленной компании.

Из донесения полковника корпуса жандармов Якова Казимирского, 1845 год:

«…Одержим тяжкою болезнью, лишился употребления ног и от раскрытия головной раны нередко бывает в припадке безумия».

2 сентября 1845 года доставлен в Енисейск, в больницу, где и умер на следующий день «от водяной болезни в груди».

Дело № 9, до суда не дошедшее

Александр Михайлович Булатов

Формулярный список в следственном деле отсутствует. Из других источников известно следующее.

Родился в 1793 году.

Отец – Михаил Леонтьевич Булатов, умер в 1825 году в чине генерал-лейтенанта. Мать – Софья Казимировна Лещинская (внучка польского короля Станислава Лещинского), умерла в 1796 году. Сводные братья (от второго брака отца) – Михаил и Александр.

Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе, одновременно с Рылеевым. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку, с которым участвовал в кампании 1812 года; под Смоленском был тяжело ранен, но вернулся в строй и сражался на Бородинском поле. Во время Заграничного похода награждён золотым оружием «За храбрость», орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом и Святой Анны 2-й степени. Впоследствии переведён в 12-й егерский полк; с 1823 года полковник, командир означенного полка.

Был женат на Елизавете Ивановне Мельниковой, дочери тайного советника И. А. Мельникова. Жена умерла в 1823 году в возрасте двадцати двух лет.

Дочери – Пелагея и Анна.

Осенью 1825 года получил отпуск и прибыл в Петербург для оформления прав на отцовское имение, но дело в Сенате затянулось. За несколько дней до восстания стал членом Северного общества.

Вечером 14 декабря явился в Зимний дворец, где был арестован.

Умер в Военно-сухопутном госпитале в

ночь с 18 на 19 января 1826 года.

Мы оставили полковника Булатова выходящим из дома Рылеева в декабрьскую ночь с намерением поднять против присяги Николаю лейб-гренадеров. Однако поутру, не встретившись, как условлено было, с Якубовичем, Булатов растерялся. Несколько часов он разъезжал по городу, не зная, на что решиться. На площади перед войсками так и не появился и даже принёс присягу новому государю. Но вечером того же дня при полном параде явился в Зимний дворец, добился высочайшей аудиенции, объявил себя виновным во всех злодеяниях вплоть до цареубийственного умысла и был отправлен в Петропавловскую крепость.

Правда, содержался, по всей вероятности, не в каземате, а на квартире коменданта, как бы под домашним арестом. Оттуда написал несколько полубезумных писем на имя великого князя Михаила Павловича (одно из них мы цитировали), и в них обстоятельнейшим образом, час за часом описал своё вступление в заговор, подготовку к восстанию и всё, что делал 14 декабря, а также потребовал себе смертной казни как неотмоленному злодею и преступнику. Более всего терзало

его душу то, что он бросает на произвол судьбы двух своих дочерей-малюток, а также то, что втянул (как ему казалось) лейб-гренадеров и — обратите внимание! — Якубовича в гиблое и преступное дело бунта.

Государь император Николай Павлович, по-видимому, был настроен простить боевого офицера, тем более что тот, строго говоря, ничего преступного совершить не успел, а только метался меж заговором и совестью, как птица в клетке. Но полковником овладело отчаянное, горячечное состояние. Кончилось дело тем, что он перестал принимать пищу, а затем из крепости был доставлен в Военно-сухопутный госпиталь, где и умер 19 января.

Получила распространение версия, что, доведённый до отчаяния, Булатов совершил самоубийство: разбил себе голову, колотясь о стены камеры. Размозжить до смерти самому себе череп о стену практически невозможно, да и в камеру, как было сказано выше, его, по-видимому, не заключали. Свидетельства мемуаристов о якобы слышанных воплях Булатова и звуках ударов недостоверны: те, кто писал об этом, не находились в Петропавловской крепости одновременно с Булатовым. По документам известно, что пол-

ковник вечером накануне смерти был доставлен из крепости в госпиталь, приехавший же наутро за телом полковника его сводный брат видел на голове свежую кровавую рану, проникающую до мозга.

Что это было? Высказывалась версия убийства, но кому и зачем понадобилось убивать несчастного простодушного вояку? Учитывая явно болезненное состояние его души, вероятным представляется намеренное или случайное самоубийство каким-то невыясненным способом.

Дела № 10, 11, 12, 13

Семья Бестужевых, конечно, необыкновенная. Отец братьев-декабристов Александр Федосеевич — столбовой дворянин, дослужился до чина статского советника, умер в 1810 году, а мать — провинциалка, из мещанского сословия. Факт для столичной знати того времени, можно сказать, беспрецедентный. Как гласит семейное предание, в шведской кампании 1790 года Александр Федосеевич участвовал как морской артиллерист, и случилось так, что в бою у острова Сескар он был тяжко ранен. Его доставили на берег едва живого и оставили на попечении местных жителей. Выходила тридцатилетнего офицера юная

девица простого звания, из нарвских городских обывателей, Прасковья; поручик выздоровел и женился на своей спасительнице. Так ли это было — сказать сложно: братья Бестужевы, по крайней мере двое старших, были писатели-романтики и могли усилить романтические тона в истории необычного брака своих родителей. Согласно документам, Александр Федосеевич вступил в законный брак с Прасковьей Михайловной в 1798 году, после чего старшие дети были узаконены им. Семейная легенда всё-таки на одну ногу прихрамывает. Так или иначе, через год после сескарского боя у Александра и Прасковьи родился первенец, наречённый Николаем. И далее, в течение 16 лет, ещё семеро детей: Елена, Мария, Ольга, Александр, Михаил, Пётр, Павел.

Отец семейства в 1797 году перешёл на статскую службу, по горному делу (управлял канцелярией Мраморной экспедиции графа А. С. Строганова) и по художественному (был конференц-секретарем Академии художеств), и даже был соиздателем однолетнего «Санкт-Петербургского журнала» (выходил в 1798 году), но военно-морская фабула семейного романа предопределила жизненный путь сыновей: трое из пяти (Николай, Петр и Михаил) станут морскими офицерами, пятый, Павел

— офицером-артиллеристом. Александр, тоже избрав карьеру военного, создаст популярные у читателей повести на военные и морские темы: «Лейтенант Белозор», «Мореход Никитин», «Фрегат „Надежда“»… И смерть найдёт его в боевой схватке у берега моря.

Заметна ещё одна необыкновенная особенность этой семьи: в ней все разнообразно (хотя и не чрезмерно) талантливы. Николай — историк, писатель, художник, да еще и механик-изобретатель. Александр — поэт, беллетрист, вдохновенный агитатор. Михаил — наблюдательный мемуарист, прекрасный рассказчик. Самый младший, Павел — изобретатель и мастер золотые руки, под стать старшему Николаю. Об одном только Петре мы ничего не знаем по части талантов: слишком рано на его душу опустилась завеса безумия. Четверо братьев были осуждены по разным разрядам за участие в восстании, младший брат, Павел, суду предан не был.

Сёстры Елена, Мария, Ольга, все незамужние, при внешней неяркости были наделены общим талантом: творить добро, служить ближним; после смерти матери переехали на жительство к братьям Николаю и Михаилу в Селенгинск.

В этом созвездии самая яркая звезда — Алек-

сандр, в свое время известный писатель и литературный критик, печатавшийся под псевдонимом Марлинский. Он явно обладал лидерскими качествами и для многих был путеводной звездой. Недаром издававшийся им вместе с Рылеевым альманах получил «звёздное» имя.

Александр Александрович Бестужев

Родился 23 октября 1797 года в Петербурге.

Воспитывался в Горном кадетском корпусе, курса не окончил. В 1816 году поступил юнкером в лейб-гвардии Драгунский (Конно-егерский) полк. Эскадрон квартировал близ дворца Марли в Петергофе, отсюда литературный псевдоним Марлинский (с 1830 года). В 1817 году прапорщик, в 1820-м поручик; с 1822 года адъютант главноуправляющего путями сообщения А. Ф. Бетанкура, с 1823 года – адъютант принца Александра Вюртембергского. В 1825 году произведён в штабс-капитаны.

Литератор. Начал печататься в 1818 году. В 1823–1825 годах издавал вместе с Рылеевым альманах «Полярная звезда».

14 декабря 1825 года возглавил мятеж Московского полка.

15 декабря добровольно явился в Зимний дворец с повинной.

Осуждён по I разряду в каторжные работы на 20 лет, но уже через месяц срок сокращён до 15 лет.

Приметы: рост два аршина и семь с четвертью вершков[46], лицо белое, чистое, круглое, глаза карие, нос большой, широкий, волосы на голове и бровях темно-русые.

Первый год отбывал заключение в Роченсальмской крепости[47], в 1827 году по высочайшему повелению отправлен на поселение в Якутск; в 1829 году определён рядовым в действующие полки на Кавказ. В 1833 году произведён в унтер-офицеры, в 1835-м за отличие – в прапорщики.

Пропал без вести (очевидно, погиб в бою) 7 июня 1837 года в районе мыса Адлер.

---

[46] Примечания: 46
Примерно 180 см.

[47] Примечания: 47
Ныне — Котка в Финляндии.

Николай Греч:

«Добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантов, красавец собой».

Про Александра Бестужева можно сказать: нетипичный типичный декабрист. С одной стороны, он как никто другой являет собой идеальный набор декабристских качеств: молод, душою чист, отчаянно храбр, прямолинеен до наивности, предан идее, как рыцарь Прекрасной даме, полон мечтательных фантазий и готов свою жизнь и жизни близких положить на алтарь этой мечты. Именно таков характер его литературных произведений, романтически наивных, но обаятельных. С другой стороны, завершённость творческой биографии ставит его особняком в ряду подобных. Из всех декабристов он, пожалуй, единственный, кто реализовал себя и свой природный дар в полной мере. Он прожил недолгую жизнь, но за него не обидно.

Недоучившись в Горном корпусе и не осмелившись податься по стопам старшего брата Николая в Морской корпус из-за неодолимого отвращения к математике, осьмнадцатилетний Александр вступил в лейб-драгунский полк. Лейб-драгуны выглядят довольно блёкло на фоне блистательных кавалергардов или отчаянных гусар, да и

квартируют они в нелюбимом императорским двором Петергофе. С тем бóльшим рвением Александр Бестужев стремится из казарм в омуты светской жизни. Балы, пирушки, сердечные увлечения — четыре года типичной жизни молодого офицера. Затем — поход: долгие манёвры близ западных границ. По возвращении в Петербург в 1822 году получает перспективную должность адъютанта Главного управления путей сообщения; его непосредственный начальник — сначала знаменитый инженер генерал Бетанкур, затем герцог Александр Вюртембергский, брат вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, дядя императора.

Александр попадает в гущу петербургской жизни. Но теперь главное для него — не пиры и балы, а вхождение в круг литераторов, творцов общественных настроений. Знакомство с Рылеевым быстро перерастает в дружбу и в творческий союз, основанный на общем деле. Неожиданно Александр Бестужев, до той поры успевший опубликовать весьма немногое (стихи довольнотаки посредственные, путевой очерк «Поездка в Ревель», переводы, несколько сумбурных критических статей), оказывается литературным лидером и незаменимым соиздателем «Полярной

звезды» — альманаха, объединившего под своей обложкой произведения чуть ли не всех русских литераторов того времени. Тандем Рылеев — Бестужев чрезвычайно успешен, потому что устроен по принципу союза безногого со слепым: Рылеев — идея, власть, воля без человеческого тепла; Бестужев — обаяние таланта, бестолкового, но жаркого, как пламя.

Успех первого выпуска «Полярной звезды» определился в начале 1823 года. Этот год стал в жизни Александра Бестужева переломным. Его критические обзоры, написанные горячо и пристрастно, делают его авторитетом в писательской среде. Главное же — романтическая проза, изысканное чтение для всех, то, чего так не хватает русской словесности. Повести «Роман и Ольга», «Замок Нейгаузен», «Вечер на бивуаке», «Ревельский турнир» приносят читательский успех, который вскоре перерастёт в настоящую славу.

В 1824 году Александр Бестужев вступает в Северное общество. Собственно говоря, это было предрешено дружбой с Рылеевым.

Николай Греч:

«…Пошлый, необразованный Рылеев успел увлечь за собой людей, которые были несравненно выше его во всех отношениях, — например, Александра

Бестужева».

Вскоре он и поселился у Рылеева на квартире. Чтобы участвовать в собраниях общества, ему надо лишь перейти из одной комнаты в другую. Он полностью и безоговорочно принимает бруто-риеговский курс старшего товарища и новых людей вовлекает в общество не умными аргументами и головокружительными планами, а единственно своим вдохновляющим обаянием.

Именно в этом — в обаянии личности, воздействовавшем и на солдат, и на начальников, — заключается роль, которую ему суждено было сыграть 14 декабря 1825 года.

Тёмное утро, начало десятого, казармы лейб-гвардии Московского полка на Гороховой улице за Фонтанкой; офицеры-заговорщики поднимают роты против присяги Николаю. Образумить их по долгу службы пытаются бригадный начальник генерал-майор Василий Шеншин, командир полка генерал-майор Пётр Фредерикс, батальонный командир полковник Павел Хвощинский. Кругом недоумённо-яростно бурлит солдатское море.

Из показаний Александра Бестужева на следствии:

«…Прибыл я в Московский полк в роту брата моего, и из оной ходил в роту Щепина-Ростовско-

го… б…с *Князь Щепин-Ростовский, в то время как мы вышли на двор, отдал мне подержать свой черкесский пистолет — я и грозил им генерал-майору Фридриксу, но нарочно, чтоб пистолет сей не выстрелил, завернул назад курок…* б…с *Щепин отдал мне подержать пистолет свой для того, что в одной руке была у него сабля, в другой кинжал, а шпага на боку. Когда генерал-майор Фридрикс прибежал с генерал-майором Шеншиным к нам навстречу, то около нас столпился тесный кружок; тогда-то я, склонив на него пистолет, сказал: „Отойдите прочь, генерал“, он от меня отвернулся и в то же мгновение был поражён по голове саблею Щепина, генерал-майор Шеншин тоже. Я отвратился от этого кровавого зрелища и закричал: „Вперёд!“…»*

Из этих показаний, подтверждаемых другими материалами следствия, мы видим, что сцена в Московском полку была сыграна прямо-таки по правилам трагедии Эсхила — двумя актёрами и массовкой. Мятежные офицеры поднимают солдат на брань за Константина и конституцию, повергая ниц противостоящие им фигуры в генеральских эполетах. При этом штабс-капитан Щепин-Ростовский мастерски орудует саблей — чуть не зарубил насмерть двух генералов и

полковника. Возглашает же и ведёт за собою массы штабс-капитан Бестужев. Всё это происходит в сумбуре: забыли взять знамёна, вернулись, взяли, столпотворение у ворот…

Позвольте, но был ведь ещё третий актёр на этих подмостках. Отвечая на вопросы следствия, Александр Бестужев старательно избегает упоминать о нём — выгораживает. Этот третий — младший брат Михаил. Без него драма в Московских казармах не могла быть сыграна: он-то как раз и есть главный заводила мятежа, ибо в этом полку командовал ротой.

Михаил Александрович Бестужев

Родился 22 сентября 1800 года в Петербурге.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1814 году гардемарин, в 1817-м мичман, в 1822-м лейтенант; участвовал в морских плаваниях. В 1825 году переведён поручиком в лейб-гвардии Московский полк; в 1825 году произведён в штабс-капитаны и назначен командиром фузилерной роты.

14 декабря участвовал в мятеже.

Арестован в тот же день или на следу-

ющий.

Изобрёл «стенную азбуку» – систему передачи слов путём перестукивания через стены камер.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок каторги сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина пять с половиной вершков[48], волосы на голове и бровях чёрные, лицом чист, смугловат, глаза темно-карие, нос посредственный, острый, под шеей на левой стороне маленькие два пятнышка, на правой щеке родимое пятнышко, а на левом боку бородавка.

Был заключён вместе с братом Николаем в Шлиссельбургскую крепость, затем оба отправлены в Читинский острог, оттуда переведены в Петровский завод. С 1839 года братья находились на поселении в Селенгинске Иркутской губернии. Там Михаил вступил в брак с Марией Николаевной Селивановой – из казачьей офицерской семьи. В браке имел чет-

---

[48] Примечания: 48
Примерно 166 см.

верых детей, из них никто не дожил до взрослых лет.

Умер 22 июня 1871 года в Москве.

Михаил всегда оставался в тени старших братьев. Однако именно он, будучи ротным командиром, подготовил к восстанию солдат Московского полка. А если бы не подготовил, то не вышли бы на площадь эти роты, пошумели бы в казармах и успокоились. И не было бы ни восстания, ни самого слова «декабристы», и не о ком было бы нам вспоминать сейчас, через двести лет.

На склоне лет Михаил Бестужев, отвечая на письма-вопросы историка Михаила Семевского, создал серию автобиографических очерков, которые, по сути дела, представляют собой единый, хотя и незаконченный роман «о том, что было и чего не было». Это яркое, беллетризованное описание декабрьских событий, смысл которого — прославить «своих» и заклеймить «чужих». Нарисованная картина стилистически выдержанна, идейно целостна, кинематографична, именно она легла в основу популярных книг и фильмов о восстании декабристов. Там всё ясно, как в эпическом сказании: святые идут сражаться

и погибать в борьбе с царством тьмы. Так создаются легенды (одна из них — о попытке штурма Петропавловской крепости по льду Невы). Не то чтобы этого вовсе не было… Но при сопоставлении разновременных свидетельств участников и очевидцев восстания, включая и разные версии самого Михаила Бестужева, обнаруживается множество несоответствий, смещённых акцентов, прямых противоречий. Что-то в этой картине не так.

А как же было на самом деле?

…Неопасно раненный Хвощинский убежал, истекающего кровью Фредерикса оттащили куда-то. (Ах, какие похожие сцены, только более массовые и жестокие, будут разыгрываться в петроградских казармах в феврале–марте 1917 года!) Преодолев сопротивление боязливых, высыпали толпой на набережную Фонтанки. Восемьсот примерно солдат с тремя офицерами. Построились.

Шаго-ом…арш!

Напрра-а…во!

По Гороховой к Сенату.

Михаил Бестужев:

«При нашем выходе из казарм мы увидели брата Александра. Он стоял подле генерала Фридрикса и убеждал его удалиться. Видя, что его убеждения

тщетны, он распахнул шинель и показал ему пистолет. Фридрикс отскочил влево и наткнулся на Щепина, который так ловко рубнул его своею острою саблею, что он упал на землю. Подходя к своду выхода, Щепин подбежал к генералу бригадному Шеншину, уговаривавшему отдельную кучку непокорных, и обработал его подобно Фридриксу. Под сводом выхода полковник Хвощинский стоял с поднятыми вверх руками, крича солдатам воротиться. Щепин замахнулся на него саблею, Хвощинский побежал прочь, согнувшись в дугу от страха, и Щепин имел только возможность вытянуть ему вдоль спины сильный удар саблею плашмя. Хвощинский отчаянным голосом кричал, убегая:

— Умираю! умираю!

Солдаты помирали со смеху».

Николай Греч:

«…Отправился он на площадь, впереди увлечённого батальона, размахивая саблею и крича: „Ура Константин! Долой Николая! Извести картофельницу!“ б…с[49] *Народ думал, что не офицеры ведут солдат, а солдаты их гонят».*

Из показаний князя Дмитрия Щепина-Ростов-

---

[49] Примечания: 49

Имеется в виду Александра Фёдоровна, жена Николая I. Этот мотив, и с теми же именами, повторится в феврале 1917 года.

ского:

«Во время пути буянили люди дорогою, спрашивая партикулярных людей, которой стороне они держатся, Константина Павловича или Николая Павловича…»

Из показаний Александра Бестужева:

«Когда я шёл в М[осковский] полк, то прежде молился Богу с горячими слезами: „Если дело наше право, помоги нам, — думал я, — если ж нет, да будет Твоя воля“».

Подойдя к Сенату, обнаружили его пустым. Никого из начальствующих — ни Трубецкого, ни Булатова. И измайловцев не видно, и гренадеров. Оставалось построиться в каре, ждать и думать, на правое ли дело решились и какова окажется воля Божия. Или *не* думать. Буянить.

Тусклое декабрьское солнце, осмотрительно прячась за тучами, приближалось к полудню.

По краям площади отдельные кучки глазеющих обывателей понемногу сгущались в толпу, и толпа эта начинала гудеть, как гора перед землетрясением.

Дробный рокот строевого шага и возгласы донеслись со стороны Конногвардейского манежа. Тёмная людская масса влилась в пространство площади. Морской экипаж в полном составе при-

соединился к одинокому каре. Во главе колонны — капитан-лейтенант Николай Бестужев.

Николай Александрович Бестужев

Родился 13 апреля 1791 года в Петербурге.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1807 году гардемарин, в 1809-м мичман; с 1810-го подпоручик, в штате Морского корпуса до 1813 года, затем переведён во флот мичманом; в 1814 году лейтенант, в 1820–1822 годах в Кронштадте, помощник смотрителя балтийских маяков; в 1822 году прикомандирован к Адмиралтейскому департаменту для написания истории русского флота; в 1823 году за учреждение литографии при Адмиралтейском департаменте награждён орденом Святого Владимира 4-й степени; в 1824 году за отличие по службе произведён в капитан-лейтенанты; в 1825 году назначен смотрителем Модель-каморы, она же Морской музеум (ныне Центральный военно-морской музей). Участвовал в морских походах по Балтийскому, Северному морям и Атлан-

тическому океану.

Масон ложи «Избранного Михаила».

14 декабря 1825 года руководил выступлением Флотского экипажа.

Арестован 16 декабря в селении Косном, что на острове Котлин, в восьми верстах от Кронштадта, при попытке пробраться на Толбухин маяк.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок каторги сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с половиной вершков[50], лицом чист, смугловат, волосы на голове и бровях темно-русые, глаза серые, нос посредственный, острый, на бороде и бакенбардах волосы рыжеватые, на шее, на левой стороне ниже уха, был ранен, бородавки природные на лбу и на левой стороне на шее.

Был заключён вместе с братом Михаилом в Шлиссельбургскую крепость, затем вместе с ним отправлен в Читинский острог, оттуда переведён в Петровский завод. С 1839 года – вместе с братом на

---

[50] Примечания: 50
Примерно 171 см.

поселении в Селенгинске.

Литератор, художник-портретист – автор акварельных и карандашных портретов почти всех сосланных в Сибирь декабристов[51].

Изобретатель.

Умер 15 мая 1855 года в Селенгинске.

Николай Лорер:

«У него были золотые руки, и всё, к чему он их ни прикладывал, ему удавалось. Он был отличный писатель, астроном, поверял и чинил наши часы, устроил в нашем дворе солнечные… Вскоре товарищи возделали свой собственный огород на отведённом поле — и тут без Бестужева не обошлось: он придумал и устроил поливательную машину. В свободное время он снял все наши портреты…»

Александр Беляев, декабрист:

---

[51] Примечания: 51

При сравнении бестужевских акварелей с фотографиями некоторых декабристов видим, что художник несколько приукрашивал их в романтическом духе. Многие из его работ (прежде всего карандашные) пропали, сохранилось около 150 портретов, вариантов и зарисовок. Со многих из них художник Л. Питч сделал перерисовки, совсем утратившие индивидуальные портретные черты. Литографии с этих прорисовок были опубликованы в 1906 году сибирским предпринимателем М. М. Зензиновым (отцом известного деятеля эсеровской партии), широко растиражированы и составили основу популярной иконографии декабристов.

«Николай Александрович Бестужев устроил часы своего изобретения с горизонтальным маятником… Это было истинное великое художественное произведение, принимая в соображение то, что изобретатель не имел всех нужных инструментов».

Старший из братьев Бестужевых — человек серьёзный.

Вступив в Северное общество примерно за год до главных событий, он сразу же взял решительный курс на военную революцию ради общего блага и не сворачивал с этого пути до конца. В совещаниях перед восстанием он постоянный и весомый участник. Его смугловатое, овеянное морскими ветрами лицо неулыбчиво.

Да, весёлость, лёгкость характера, чувство юмора — не самые распространённые среди декабристов качества. Николай Бестужев даже в этом кругу выделялся вдумчивой серьёзностью. Любимый его предмет — часы, и сам он премудрый мастер-механик. Неудивительно, что для него Рылеев как поэт выше Пушкина: ведь Пушкин живой, из плоти и крови, и смеётся, и плачет вместе с нами, а Рылеев-поэт — в тоге и на котурнах, статуя Командора, механизм. Николай Бестужев тогу не носил, но чёрный

флотский мундир с золотыми эполетами сидел на нём строго, внушительно. Возможно, поэтому его появление в казармах незадолго до полудня 14 декабря сыграло решающую роль в выступлении Гвардейского экипажа.

Вообще, он тут главная пружина. Ранним утром, затемно, спешит в казармы Морского экипажа на Екатерингофском проспекте, попутно поднимает с постелей офицеров-заговорщиков Чижова и Арбузова. Уверившись, что моряки готовы, отправляет ещё одного подручного, мичмана Тыртова, в Измайловский полк узнать, каково там и скоро ли подоспеет Якубович. Но Якубовича нет, повисает пауза. Николай Бестужев не теряет времени: едет к Рылееву на Мойку, обсуждает с ним сложившуюся обстановку, возвращается в казармы. Там — разброд и шатания, всё идёт не по плану, никто не знает, что делать. Никто, кроме него.

Из показаний мичмана Василия Дивова:

«Когда слышна была стрельба, кто-то сказал 1-й роте: „Ребята, что вы стоите, это ваших бьют“, а Бестужев произнёс: „Пойдёмте за мной на площадь выручать своих“. С сими словами экипаж побежал со двора».

Из показаний лейтенанта Александра Цебри-

кова:

«Капитан-лейтенант Бестужев, подойдя с братом своим мичманом Бестужевым к правому флангу батальона… повёл за собою первую роту, а за нею пошёл и весь экипаж».

Происходившее в казармах Морского экипажа — дубль того, что было в Московском полку. Правда, бригадному генералу Шипову повезло больше, чем Фредериксу со товарищи: его не тронули; командир же экипажа капитан первого ранга Качалов вообще куда-то делся. И офицеры здесь выступили более дружно: лейтенанты Арбузов, Кюхельбекер, Бодиско 1-й, Окулов, Вишневский, Мусин-Пушкин, мичманы Бодиско 2-й, Дивов, братья Беляевы — весь младший офицерский состав оказался на площади.

Да, и конечно же, мичман 27-го экипажа Пётр Бестужев рядом с братом.

Пётр Александрович Бестужев

Родился в 1804 году в Петербурге.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1817 году гардемарин, в 1820-м мичман, адъютант кронштадтского военного губернатора вице-адмирала Ф. В. фон Моллера. Участвовал в плаваниях по

Балтийскому и Северному морям.

Явился 14 декабря на площадь вопреки воле братьев, однако увлечённый их примером.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по XI разряду, приговорён к разжалованию в рядовые в дальний гарнизон с выслугой.

Служил на Кавказе, участвовал в войнах с Ираном и Турцией; в 1828 году произведён в унтер-офицеры; в 1829 году ранен при штурме Ахалциха.

В связи с развившейся душевной болезнью в 1832 году уволен от службы и передан на попечение матери, с воспрещением въезда в столицы.

Умер в 1840 году в больнице Всех Скорбящих на Петергофской дороге[52] близ Петербурга.

Из воспоминаний Михаила Бестужева:

«Брат Пётр был нрава кроткого, флегматического и любивший до страсти чтение сурьёзных сочинений; постоянно молчаливый, был красно-

---

[52] Примечания: 52
Ныне проспект Стачек, д. 158.

речив, когда удавалось его расшевелить, и тогда он говорил сжато, красно и логично».

Вышли на площадь, под барабанный бой начали построение. «Колонной к атаке!» Ротные командиры деловито равняли ряды. Николай Бестужев, как старший в чине, не будучи офицером Гвардейского экипажа, поручил командование лейтенанту Антону Арбузову.

(Игра истории: всё это происходит возле здания Сената — бывшего дворца канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Четверо мятежных Бестужевых — у стены, воздвигнутой их великодержавным однофамильцем.)

Построились. Что дальше?

Появление Морского экипажа почти в полном составе — более тысячи человек! — взбодрило замерзающих… Ненадолго.

Руководства не было. Действия не было. И чем дольше тянулось бездействие, тем шире становился простор для сомнений. А правда ли царь — Константин? А так ли уж плох Николай? Уж не тёмную ли какую игру играют не явившиеся на площадь предводители? Да то ли мы делаем, что нужно, господа?

Николай Бестужев, из отрывка «14 декабря 1825 года»:

«…Бездействие поразило оцепенением умы; дух упал, ибо тот, кто в начатом поприще раз остановился, уже побеждён вполовину. Сверх того, пронзительный ветер леденил кровь в жилах солдат и офицеров, стоявших так долго на открытом месте… „ура“ солдат становилось реже и слабее. День смеркался. Вдруг мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны, и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами…»

Зевы извергли пламя. И всё кончилось.

Из очерка Михаила Бестужева «Мои тюрьмы»:

«„За мной, ребята!“ — крикнул я московцам и спустился на реку. Посредине её я остановил солдат и с помощью моих славных унтер-офицеров начал строить густую колонну с намерением идти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять её. Если бы это удалось, мы бы имели прекрасное point d'appui[53], *куда бы могли собраться все наши и откуда мы бы могли с Николаем начать переговоры, при пушках, обращённых на дворец. Я уже успел выстроить три взвода, как завизжало ядро, ударившись в лёд и прыгая рикошетами вдоль реки. Я оборотился*

---

[53] Примечания: 53
Точка опоры *(фр.)*.

назад, чтобы посмотреть, откуда палят, и по дыму из орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста. Я продолжал строить колонну, хотя ядра вырывали из неё то ряд справа, то слева. Солдаты не унывали…»

Такой героический порыв — попытка атаковать по льду твердыню самодержавия — Петропавловскую крепость — едва ли мог иметь место в действительности. В мятежном строю на площади находились около трёх тысяч солдат и матросов. После картечных залпов бóльшая часть Гвардейского экипажа (человек до тысячи) отступила в относительном порядке, пехота же бросилась врассыпную, лишь часть оказалась на Неве. Собрать и в считаные минуты организовать для боя можно было от силы семь-восемь сотен штыков. Притом в декабре лёд на Неве ненадёжен даже в сильные морозы, а в те дни погода стояла довольно мягкая. Лёд стал проламываться не от пушечной пальбы, а под тяжестью плотной массы людей. Нельзя и думать о движении по столь слабому льду в плотном боевом порядке (несколькими часами раньше гренадеры переходили Неву врассыпную). С такими силами и в таком построении идти на штурм Петропавловской крепости немыслимо.

В показаниях на следствии Михаил Бестужев описывает этот эпизод куда более реалистично:

«…Моё было: собрать сколько можно было их (солдат. — *А. И.-Г.*) *на Неве и вести без ружей, чтоб повергнуться с раскаянием к стопам Монарха, и мне удалось остановить некоторых, но лёд начал ломаться, и они все разбежались».*

Итак, всё кончилось.

Кончилось? Или началось?

Многие декабристы — вероятно, большинство… может быть, подавляющее большинство… словом, почти все — после приговора жили с мыслью, что для них главное — в прошлом. Мы же, наблюдая замысловатые колеи их жизненных дорог с расстояния в два столетия, зачастую начинаем подозревать, что, может быть, настоящая жизнь у кого-то из них только начиналась.

Вот, например, братья Бестужевы.

На следствии все четверо вели себя мужественно, лишнего не говорили, не выкручивались, вины своей не отрицали. Приговоры получили разные, но, в общем-то, ожидаемые. Можно даже сказать — справедливые.

Исключение — младший брат Павел. В событиях 14 декабря он по юности (17 лет) не участвовал, но под раздачу попал: из Артиллерийского учи-

лища был переведён юнкером на Кавказ. Там он прослужил девять лет, участвовал во многих военных походах, там судьба свела его с осуждёнными братьями Александром и Петром. Изобрёл артиллерийский прицел, введённый в употребление в 1835 году. В том же году назначен старшим адъютантом при Главном управлении военно-учебных заведений. С 1839 года в отставке. Женился на дочери богатого помещика Екатерине Трегубовой. Имел сына. Умер в 1846 году от рака.

Брат Пётр (старше Павла на четыре года) по приговору суда был отправлен туда же, на Кавказ, рядовым. Поначалу служба его шла неплохо, в 1829 году он получил унтер-офицерские галуны на мундир, можно было рассчитывать на производство в офицеры… Но год или два спустя его постигла беда, и на сей раз не от государя. Безумие. Нам неизвестны детали, но, судя по отрывочным данным из писем и воспоминаний близких, это была мания преследования. Он, например, временами переставал есть, опасаясь, что его отравят. Брат Михаил впоследствии будет винить во всём солдатскую службу и злобное начальство; сам он с Петром так и не увидится: страдалец, прожив десять лет под надзором в

имении матери, скончается в больнице для умалишённых в 1840 году.

А вот в судьбе брата Александра главными всё-таки оказались 11 лет после судебного приговора. Читательский успех, краткая, но яркая литературная слава писателя Марлинского — это 1830-е годы. В 1836 году со сцены императорских театров некто Хлестаков объявил семейству городничего и всей России, что и «Фрегат „Надежда“» — его, Хлестакова, сочинение. Значит, повесть Марлинского в это время читалась уездными барышнями. Это ли не вершина литературного успеха!

Но путь к вершине пришлось преодолевать вначале в кандалах узника, затем в солдатских сапогах. По личному усмотрению государя Александру Бестужеву не дано было изведать каторги. Из Петропавловской крепости он был отправлен в крепость Роченсальмскую, в Финляндию. Оттуда через год — в Сибирь, в Якутск, на поселение. В крепостном каземате рождается и на брегах Лены обретает стихотворную плоть повесть «Андрей, князь Переяславский» — поэма, конечно, слабая, длинная и немного смешная в своей наивности, но, между прочим, именно в ней блеснула строчка: «Белеет парус одинокий…» Этот лучик кольнёт сердце осьмнадцатилетнего Лермонтова

и, преломившись в нём, рассыплется радугой стихотворения «Парус».

В 1829 году из Якутска Александр переброшен на Кавказ. Солдатская служба, затем унтер-офицерская.

Жизнь признанного гения романтической прозы, однако, не может обойтись без жестокоромантического мотива. В 1833 году в Дербенте юная девица Ольга Нестерцова, дочь унтер-офицера, оказалась смертельно ранена выстрелом из пистолета на квартире рядового Грузинского линейного 10-го батальона Александра Бестужева. Следствие не нашло в происшедшем ничьей вины: на основании показаний самой умирающей, её матери и присутствовавшего при кончине священника было установлено, что несчастье случилось от неосторожного обращения потерпевшей с оружием. Ходили, конечно, слухи об убийстве из ревности… Рисуется в голове сюжет: нечто среднее между «Отелло» и чеховской «Драмой на охоте»… Но нет: конечно, трагическая случайность.

Сколько ещё отмерено жизни под пулями горцев? В 1835 году заслужен долгожданный офицерский чин прапорщика. В 1836 году в самом читаемом российском журнале «Библиотека для

чтения» опубликована повесть «Мулла-Нур» — пожалуй, лучшее из написанного Марлинским. Одно из последних произведений — перевод с кавказско-татарского (азербайджанского) стихотворения Мирзы-Фатали Ахундова «На смерть Пушкина». Текст написан Бестужевым, видимо в конце июня 1837 года, а опубликован через 37 лет. (Странная магия чисел: 37-й год плюс 37 лет, и 37 лет было Пушкину.)

«…Прицелились в него смертной стрелой. Исторгли корень его бытия. Чёрная туча по воле их одною градиною побила плод его жизни…»

Через несколько дней, 7 июня 1837 года, прапорщик Бестужев в составе десанта высадился на мысу Адлер и вступил в бой с черкесами. В последний раз его, кажется, видели раненым… На следующий день, при обмене телами погибших, тело Бестужева обнаружено не было.

Что касается братьев Николая и Михаила, то не исключено, что для них обоих жизнь обрела подлинный смысл и значение на поселении в Селенгинске. Быть нужными людям — что может быть благороднее? Там, на берегах Селенги, их деятельность куда плодотворнее, чем мятежные мечтания о всеобщем благоденствии и конституции. Чего стоит только сидейка-бестужевка,

двухколёсная повозка, приспособленная братьями-изобретателями для поездок по трудным горным дорожкам Забайкалья. И рукодельные часы, и оптические приборы, и прочие изобретения и усовершенствования, на которые были так тороваты оба. И изучение местной природы, и этнографические описания, и обучение детишек разным наукам и ремёслам, и исцеления болящих, и помощь неимущим. Обо всём этом надо было бы писать отдельную книгу. Недаром память о них сохранилась в Селенгинске и Кяхте на многие десятилетия.

И она, эта память, породила легенды. Согласно одной из них, Николай Бестужев в Селенгинске жил в гражданском браке с местной буряткой и имел от неё двоих детей. Дети росли в семье известного селенгинского купца Дмитрия Старцева и получили его фамилию.

Эта легенда оказалась настолько успешной, что внедрилась даже в научное декабристоведение. Она подтверждена (без указания источника) авторитетным изданием «Декабристы: биографический справочник» (М., 1988) и растиражирована повсюду. Попутно из одного популярного издания в другое кочуют рассказы о бумагах, якобы обнаруженных после смерти предпринимателя

Алексея Дмитриевича Старцева в 1908 году, из коих явствует, что он на самом деле сын Николая Бестужева. Что это за бумаги и куда они делись — не сообщается. Между тем ни в материалах семьи Бестужевых, ни в воспоминаниях современников (за одним-единственным исключением, о чем ниже) решительно нет упоминаний о таковом браке и детях. И кстати, год рождения реального Алексея Старцева по документам — 1838-й, тогда как Николай и Михаил Бестужевы после освобождения из каторжной тюрьмы поселились в Селенгинске только в сентябре 1839 года.

Первоисточник, к которому восходит легенда, — одна-единственная фраза из воспоминаний П. И. Першина-Караксарского, опубликованных в ноябрьском номере «Исторического вестника» за 1908 год (т. 114, с. 543): «…Он (Николай Бестужев. — *А. И.-Г.*) оставил сына, рождённого от бурятки, воспитание которого поручил своему другу, Дмитрию Дмитриевичу Старцеву, а последний его усыновил и воспитал нераздельно со своими детьми». И более никаких подробностей. Это, конечно, трогательно и вовсе не невозможно, но стоит отметить, что мемуарист приехал в Селенгинск в 1859 году, через четыре года после смерти Николая Бестужева, знаком

же был с братом Михаилом, но от него ли или от кого другого почерпнул приведённые сведения — не сообщает. Написан же данный мемуар, как сам автор указывает, ещё почти через полвека. Понятно, что это не более чем слухи[54].

Прошло ещё почти полстолетия, и перспектива обнаружения потомства декабриста вдохновила советскую исследовательницу М. Ю. Барановскую. В своей книге «Декабрист Николай Бестужев» (М., 1954) она, ссылаясь на Першина, пишет о существовании бурятского отпрыска Бестужева уже как о непреложном факте. Более того, стараниями Барановской у Николая Александровича появляется ещё и дочь: «В июне 1941 года, — пишет исследовательница, — молодой бурятский учёный Р. Ф. Тугутов в беседе со старым колхозником Цыренжапом Анаевым, сыном домашней работницы М. Бестужева, выяснил, что „Николай Бестужев имел детей: сына Алексея и дочь Екатерину, после смерти отца воспитывавшихся у

[54] Примечания: 54

Першин вообще не идеально точен. Например, рассказ Михаила Бестужева о 14 декабря в его передаче: «Когда мои молодцы были притиснуты к стенам Синода и Сената…» (с. 541). Но Бестужев не мог сказать так: в 1825 году «стен Синода» на Петровской площади не было, Синод размещался в здании Двенадцати коллегий на Васильевском острове. Комплекс зданий Сената и Синода был построен в 1829–1834 годах.

Старцевых“»[55]. Старому колхознику Цыренжапу Анаеву, если он был сыном прислуги Николая Бестужева, было, вероятно, лет девяносто, когда он беседовал с молодым энтузиастом-ученым. Иначе говоря, эта информация не кажется нам абсолютно достоверной. Далее М. Ю. Барановская вводит в оборот обнаруженное ею в архиве письмо Николая Бестужева Дмитрию Завалишину от 10 мая 1853 года, где автор, действительно, упоминает о болезни своей дочери. Но более нигде в материалах семьи Бестужевых тень её не промелькнет, что всё-таки странно. Нельзя исключить, например, что имеется в виду крёстная дочь: Николай Александрович крестил детей в семье Старцевых и участвовал в их воспитании. Заметим также, что в книге опубликовано не само письмо, а цитата из него и фотография страницы без даты и подписи. Насколько нам известно, целиком этот документ так и не был опубликован. А может, это письмо не Николая, а Михаила (почерки-то похожи)? А может, оно написано не в 1853 году, а позднее, например в 1855-м, когда у Михаила уже была собственная годовалая дочь? Вопросы без ответов.

---

[55] Примечания: 55

Цитируем по электронной версии: URL http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000154/st005.shtml.

Как видим, остаётся только неясное, требующее уточнения упоминание в письме и невнятный слух, зафиксированный далёким от семьи Бестужевых мемуаристом. Но легенда есть легенда, и по закону жанра бестелесные тени обрастают плотью. Тень матери бестужевских потомков обретает контуры: в справочнике 1988 года она уже уверенно именуется Сабилаевой; через три десятилетия всезнающая Википедия уточняет: Дулма Сабилаева; кто-то ещё пишет: Жигмит Собилаева… Откуда взялось имя — абсолютная загадка. Причём речь идёт уже не просто о матери детей Николая Бестужева, а о гражданской жене — то есть Бестужев с ней жил одним домом (но почему в доме Бестужевых её присутствие не заметили ни брат, ни сёстры?). Обретает биографию дочь: оказывается, она вышла замуж за некоего Гомбоева и, дожив до глубокой старости, скончалась в 1930 году в Харбине[56]. Много интересного становится известно и о сыне Алексее, его детях и внуках, и… В общем, если, путешествуя по диким степям Забайкалья, вы встретите кочевое племя потомков славного декабриста — не удивляйтесь,

[56] Примечания: 56

Источник этих сведений — статья Е. М. Даревской «О семье дочери декабриста Н. А. Бестужева», напечатанная в литературном журнале «Сибирь» (1979, № 5). Степень доказательности та же.

как не удивились бы встрече с живыми сыновьями лейтенанта Шмидта.

Дело № 14

Среди декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом, восемь носителей княжеского титула: двое Гедиминовичей, шестеро Рюриковичей. Князь Щепин-Ростовский — единственный среди них прямой потомок Всеволода Большое Гнездо, а через него — и Владимира Мономаха. Думал ли он о шапке Мономаха, когда саблей прокладывал своей роте путь к Сенатской площади? Трудно сказать. Неведомо, о чём он думал и к чему стремился.

Князь Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский

Вероисповедание православное.

Родился в 1798 году.

Отец – князь Александр Иванович Щепин-Ростовский, капитан, умер в октябре 1825 года. Мать – княгиня Ольга Мироновна, урождённая Варенцова; овдовев, жила в Москве и в имении в Ярославской губернии.

Учился в Морском кадетском корпусе,

в 1813 году гардемарин, в 1816-м произведён в мичманы; в 1819-м поступил на службу в Гвардейский экипаж; в 1821-м произведён в лейтенанты; в 1822-м уволен от службы с производством в капитан-лейтенанты; в 1823 году поступил на службу в лейб-гвардии Московский полк поручиком, в 1824-м штабс-капитан.

Арестован 14 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок каторги сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина шесть вершков[57], лицом бел, сухощав, глаза карие, нос продолговат, прямой, волосы на голове и бровях темно-русые.

Был заключён в Свартгольмской крепости[58], затем отправлен в Читинский острог, оттуда переведён в Петровский завод. С 1839 года на поселении в селе Тасеевском Енисейской губернии, в 1842 году по ходатайству матери получил разрешение жить в городе Кургане. После

---

[57] Примечания: 57
Примерно 169 см.

[58] Примечания: 58
Крепость на острове около совр. города Ловийса, Финляндия.

амнистии с января 1857 года жил в своём имении в селе Иванькове Ярославской губернии.

Умер 22 октября 1858 года в Шуе Владимирской губернии.

Капитон Голодников, из воспоминаний «Декабристы в Тобольской губернии»:

«Д[митрий] А[лександрович] замечателен был тем, что, будучи брюнетом, имел один ус чёрный, а другой совершенно белый».

Щепин-Ростовский — один из самых яростных участников событий 14 декабря, в этом он не уступает Каховскому: тот орудовал издали, из пистолета, а этот саблей располосовал четверых (четвёртый — случайно подвернувшийся под руку солдат). И при этом о нём известно очень немного.

Что, собственно, известно? Послужной список: моряк, служил в Гвардейском экипаже, перешёл в гвардейскую пехоту (в этом его судьба схожа с судьбой Михаила Бестужева). На 1826 год в Ярославской губернии за ним числится 114 душ крестьян мужеска полу (побольше, чем у гоголевской Коробочки). Отец умер, мать живёт в деревне. Что ещё? Играет на скрипке.

Членом тайных обществ, как установило следствие, не был, но присутствовал на совещаниях заговорщиков накануне восстания. Если не участвовал в тайных организациях, то что делал на совещаниях?

Из воспоминаний Михаила Бестужева:

«Щепина-Ростовского, хотя он не был членом общества, я нарочно привёл на это совещание, чтобы посмотреть, не попятится ли он. Будучи наэлектризован мною, может быть чрез меру, и чувствуя непреодолимую силу, влекущую его в водоворот, бил руками и ногами и старался как бы заглушить и отуманить рассудок всплеском воды и брызгами».

По другим сведениям, был принят в общество Александром Бестужевым.

Приверженность конституционной форме правления на следствии отрицал. Но идеей неприсяги Николаю проникся до глубины души. Эта идея и руководила им 14 декабря.

Можно подумать, что бесы вселились в этого, в общем-то, не особенно приметного человека.

Из показаний Щепина-Ростовского на следствии:

«Генерал-майор Фридрихс, продолжая говорить, подошёл к колонне; но в эту минуту, не упомню

как, нанёс я ему рану. Потом показался Шеншин с полковником Хвощинским и атаковали меня; будучи окружён солдатами, и стремительным ударом на них они опрокинуты. Ранен ли был Шеншин при сём случае или нет, того не помню. Мне казалось, что Александра Бестужева, которой рубил полковника Хвощинского, сабля свистнула мимо меня и по генералу Шеншину, но так как генералу угодно сложить эту вину на меня, то и принимаю на себя, может быть, что и я его ранил, но лежащего его не заметил и по ногам отнюдь не рубил… Я прошу у них возможного снисхождения, потому что, право, ничего лично не имел в рассуждении их превосходительств, чтобы их ранить, также и против Хвощинского, которого я тоже раз ударил по руке в пылу, не помня себя».

«Не упомню как, нанёс я ему рану», «ранен ли был Шеншин… того не помню», «лежащего его не заметил»… Если верить этим словам, действовал в каком-то высшем самозабвении, «не помня себя». Не верить же нет оснований: показания его коротки, ясны и в общем правдивы.

Бесы изгнаны. Перед нами добропорядочный, просящий о снисхождении человек.

Из показаний Щепина-Ростовского на след-

ствии:

«Штабс-капитан Бестужев в сие время (на площади. — *А. И.-Г.*) *подносил мне пучок пятирублёвых ассигнаций и предлагал послать унтер-офицера за вином, в чём я ему отказал».*

Ждал смертного приговора. Вместо этого вышло: год в крепости, 12 лет в каторжных тюрьмах, 17 лет на поселении. Во всё это время его невысокая фигура почти теряется во мраке безвестности. Имя его в воспоминаниях декабристов и о декабристах упоминается редко. Как будто давно умер. А он тем не менее был жив.

Михаил Спиридов, декабрист, из письма Ивану Пущину, 4 апреля 1841 года:

«Щепин… живёт по обыкновению своему со всевозможною умеренностью, до сих пор не слыхать, чтобы нуждался; сердится на мужиков, почему они не снимают перед ним шапки…»

Капитон Голодников о пребывании в Кургане:

«Со Щепиным-Ростовским… я встречался чаще всего в доме чиновника Дмитрия Евграфовича Щепина, за молоденькой и хорошенькой сестрой которого Дмитрий Александрович крепко ухаживал, стараясь казаться ещё не старым

bonvivan'ом»[59].

Вероятно, описанная манера поведения и породила слухи о его женитьбе. А может быть, и в самом деле женился — документы об этом не обнаружены. Там же, в Кургане, не обошлось без конфликта с городничим; в чём суть — опять-таки неясно, дело закончилось ничем. Видно, тлел в этом человеке огонь под слоем пепла…

Поселившись в январе 1857 года в своём имении, в селе Иванькове Ростовского уезда Ярославской губернии, был крайне стеснён в средствах. Высочайше повелено было выплачивать ему 114 рублей 28 копеек серебром ежегодно — сумму, которую он получал на поселении.

Унесённые морским ветром

В восстании 14 декабря оказалось замешано немало флотских офицеров, из них 14 осуждены Верховным уголовным судом. Если прибавить ещё Михаила Бестужева, Щепина-Ростовского и Штейнгеля, служивших ранее в морской службе, то окажется, что среди офицеров-мятежников примерно половина моряки. Отчего так? Сами

---

[59] Примечания: 59

Бонвиван — живущий в своё удовольствие.

осуждённые объясняли свои бунтарские настроения скверным состоянием флота и всяческими неправедными делами, творившимися в морском ведомстве. Не обошлось и без указаний на засилье иностранцев (плохих морских министров И. И. де Траверсе и А. В. фон Моллера). Однако именно в царствование Александра I и незадолго до декабрьских событий силами русского императорского флота были осуществлены масштабные кругосветные, тихоокеанские, арктические и антарктические экспедиции И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, В. М. Головнина, Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. П. Лазарева, Ф. П. Литке. И вскоре после этих событий были одержаны победы в Наваринском морском сражении и в войне с Турцией. Стало быть, не таким уж бедственным было положение дел на флоте и мятежная энергия копилась в сердцах флотских офицеров по иным причинам.

Отметим также, что морские офицеры в декабристском кругу были наиболее квалифицированными специалистами, образованными и просто умелыми людьми. Особенно те, кто участвовал в дальних исследовательских экспедициях.

О том, какую роль сыграли офицеры Гвардейского морского экипажа и примкнувшие к ним в

событиях на Сенатской площади, мы уже говорили. А вот что случилось через полгода.

В ночь с 12 на 13 июня 1826 года осуждённые моряки в офицерских мундирах были доставлены в Кронштадт. В шесть часов утра началась церемония на палубе корабля «Князь Владимир». Пушечный выстрел. Поднят чёрный флаг. Адмирал Роман Крон, запинаясь, но громогласно зачитывает приговор. Вслед за этим над головами осуждённых торжественно ломают заранее подпиленные сабли. Срывают эполеты, затем и мундиры. Всё это как ветошь брошено за борт. На осуждённых надеты арестантские бушлаты. Отныне они заключённые. Сейчас их отправят на судно с зарешеченными иллюминаторами. Далее пути их следования разойдутся.

В большинстве своём они не состояли в тайных обществах или же вступили в Северное общество в последние дни перед восстанием, в «происшествии 14 декабря» приняли участие под влиянием стремительно развивавшихся обстоятельств. Поэтому дела их мы представим в кратком виде.

Дело № 15

Антон Петрович Арбузов
Вероисповедание православное.

Родился в 1797 или 1798 году.

Отец – Пётр Арбузов, помещик; за ним в Тихвинском уезде Новгородской губернии числилось 50 душ крестьян. Мать – урождённая Завьялова, других сведений нет. Брат Георгий, тихвинский помещик; сёстры Прасковья, Ирина.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1812 году гардемарин, в 1815-м мичман; в 1819 году переведён в Гвардейский экипаж; в 1820 году лейтенант.

В декабре 1825 года стал членом Северного общества.

Участвовал в мятеже 14 декабря 1825 года: командовал Гвардейским экипажем на площади.

Арестован в ночь с 14 на 15 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён к вечной каторге; впоследствии срок каторги сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков[60], лицо смугловатое, чистое, продолговатое, глаза темно-карие, нос остр, волосы на голове и бровях темно-русые.

---

[60] Примечания: 60
Примерно 173 см.

Был заключён в Роченсальмскую крепость, затем отправлен в Читинский острог, оттуда переведён в Петровский завод.

С 1839 года на поселении в селе Назаровском Енисейской губернии (ныне город Назарово), где умер в 1843 году.

О тех, кто в событиях 14 декабря играл самые заметные роли, мы зачастую знаем меньше, чем о статистах. Без Каховского и Щепина-Ростовского декабрьская драма имела бы предсказуемый конец; биографии же их подобны письму, залитому чернилами: прочитать удаётся только отдельные строки.

Лейтенант Арбузов на Сенатской площади командовал третью мятежных войск, а известно о нём очень мало — почти ничего. Участвовал в плаваниях по Балтийскому морю и Северной Атлантике. Кстати говоря, один из кораблей, на котором он служил, — шлюп «Мирный», за три года до того под командованием капитана 2-го ранга Лазарева совершил экспедицию в антарктические моря, результатом чего стало открытие ледового континента.

В Гвардейском экипаже создал некое общество

вольнодумцев, впрочем, без ясной программы. Незадолго до декабрьских событий через братьев Бестужевых присоединился к Северному обществу. По-видимому, единственный из мятежных офицеров открыл правду своим матросам, что идут они на площадь не за Константина, а за конституцию и общее переустройство. Пожалуй, всё.

Кое-что ещё проясняется из следственных материалов.

Сказанное Арбузовым накануне восстания в передаче Василия Дивова:

«Господа, зная ваш образ мыслей, кажется, я могу говорить с вами открыто. Завтра, вы знаете, что будет присяга. Мы не должны присягать и приготовим к сему и роты. Завтра, когда люди откажутся от присяги, пользуясь сим, выведем роты на Петровскую площадь, где уже будут все полки, и там принудим Сенат утвердить составленную давно уже конституцию, чтобы ограничить государя».

Из показаний Александра Беляева:

«…Арбузов и Завалишин говорили, что лучше истребить [императорскую семью]… Из любви к отечеству истинный человек должен на всё решиться».

«Арбузов и старее нас был летами, но пылко-

стью и мечтательностью чуть ли не превосходил нас».

«Он был любитель романов».

Суровые люди эти мечтатели. Роман, героем которого Арбузов сделал самого себя, начался основанием крохотного тайного общества в Гвардейском экипаже, получил развитие со вступлением в Северное общество накануне восстания. Кульминация — на Петровской площади. Долгое и невесёлое продолжение в каторжных тюрьмах: там, кстати, бывший лейтенант флота освоил портняжное ремесло и сделался, говорят, хорошим закройщиком.

Финал — на поселении. В Назаровском он жил один, помощи от родственников не получал, с товарищами по ссылке виделся очень редко.

Из письма Михаила Спиридова Ивану Пущину, 4 апреля 1841 года:

«Арбузов в Ачинском уезде живёт умеренно и воздержанно… Завёл маленькую пашню и несколько ульев и кое-как перебивается…»

Рассказ о смерти Арбузова в дневниковой записи В. Д. Философова (будущего главного военного прокурора и мужа известной общественницы Анны Философовой) со слов декабриста Ивана Киреева:

«В мороз в 30 градусов он, больной, отправился ловить рыбу, стал прочищать старую прорубь, но слабые силы изменили ему, он упал прямо в воду, выкарабкался, но не пошёл домой, продолжал ловить рыбу, закинул бродец и, к счастью, поймал нужное количество для расплаты с хозяйкой. Придя домой, он прехладнокровно заплатил ей свой долг и сказал, что больше ни в рыбе, ни в чём нуждаться не будет. Она подумала, что он намекает на то, что к нему присланы деньги, и пошла было за ним ухаживать. Он лежал уже мёртвый на постели».

Дела № 16 и 17

Братья Бодиско в Северном обществе не состояли, но участвовали в так называемом Обществе Гвардейского экипажа, созданном Арбузовым.

Борис Андреевич Бодиско 1-й

Вероисповедание лютеранское.

Родился в 1800 году в селе Богородицкое (Жадомо, Соковнино) Чернского уезда Тульской губернии.

Отец – Андрей Андреевич Бодиско, коллежский асессор, директор Московского ассигнационного банка, возведён в

дворянское достоинство в 1803 году, тульский помещик, имел 400 душ крестьян. Мать – Анна Ивановна, урождённая Оргон де Сен-Поль. Братья: Михаил (декабрист), Александр (в будущем – посланник России в Североамериканских Соединённых Штатах), Константин, Андрей, Яков; сестры: Шарлотта, Анна, Елизавета.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе, в 1814 году гардемарин, в 1817-м определён мичманом в Гвардейский экипаж, в 1822-м лейтенант.

Участник восстания 14 декабря 1825 года.

Арестован в ночь с 14 на 15 декабря.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к лишению сословных и имущественных прав и разжалованию в матросы; отправлен рядовым на Кавказ.

Участник Русско-персидской войны, в апреле 1828 года произведён в унтер-офицеры. 24 мая 1828 года погиб в бою.

Бодиско 1-й планам вооружённого выступления против присяги Николаю Павловичу не сочувствовал, но и не противился.

Из следственного дела Александра Беляева:

«Обратясь к Бодиско [Арбузов], сказал: „Вероятно, и вы не откажетесь содействовать“, но Бодиско ему отвечал, что он с своею ротою не будет, ибо „как могу действовать, не зная вашего плана. Вы бываете между теми, с которыми составили заговор, знаете весь план и, может быть, даже уверены в хорошем окончании оного; я же, не зная ни плана, ни одного из ваших сообщников, как могу вам дать слово к содействию“».

14 декабря Бодиско 1-й объявил своей роте, что не может приказывать присягать или не присягать Николаю Павловичу и что это дело совести каждого. Вместе с командирами других рот Гвардейского экипажа был арестован по приказу генерал-майора Шипова, но освобождён после вмешательства Николая Бестужева. Вместе с ротой отправился на Сенатскую площадь.

Из «Памятных записок» Петра Бестужева о Борисе Бодиско, 1828–1829 годы:

«Молодой человек с умом, с хорошими познаниями, доброй души, правил строгих до педантизма. Никогда не даёт он полную волю сердцу, не предаётся ни радости, ни горести ни удовольствиям, ежели холодный рассудок находит тут что-нибудь предосудительное, противное при-

личиям, — унижает его солидность. Характер твёрдый, но мрачный и угрюмый».

Михаил Андреевич Бодиско 2-й

Брат Бориса Бодиско. Родился 5 марта 1803 года.

Вероисповедание лютеранское.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1817 году гардемарин, в 1820-м произведён в мичманы и определён в 1-й флотский экипаж; в 1823-м переведён в Гвардейский экипаж и назначен адъютантом морского министра И. И. де Траверсе.

Во время мятежа 14 декабря находился на Сенатской площади.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по V разряду, приговорён в крепостную работу на пять лет. Отправлен в Бобруйскую крепость. По окончании срока определён рядовым в егерский полк. Участвовал в польской кампании 1831 года. В 1833 году унтер-офицер; в 1837-м произведён в прапорщики. Уволен от службы в 1838 или 1839 году. Жил под надзором в родительском имении Бого-

родицкое (Соковнино) Чернского уезда Тульской губернии. Поступил в статскую службу в 1852 году; уволен в отставку в 1861 году с производством в чин надворного советника.

Женился в 1847 (?) году на Людмиле Павловне Тиличеевой; в этом браке родились шестеро детей.

Умер в Богородицком 28 июня 1867 года.

Из показаний Михаила Бодиско:

«Чрезвычайное несчастие, постигшее меня утром 14 декабря 1825 года, в которое, опасаясь преступить клятву, произнесённую на верность и подданство цесаревичу, впал в большее заблуждение, не присягнув его императорскому величеству Николаю Павловичу, в чём совершенно виноват и не имею никакого оправдания. б…с *Вечером того же дня, когда все люди собрались и приехал корпусной командир, с совершенным раскаянием перед Богом произнёс клятву на верность и подданство его императорскому величеству Николаю Павловичу».*

Дела № 18 и 19

Братья Беляевы, как и братья Бодиско, не были членами Северного общества, но состояли в Обществе Гвардейского экипажа. Александр — также в «Ордене восстановления», выдуманном лейтенантом Дмитрием Завалишиным.

Александр Петрович Беляев 1-й

Родился в 1803 году.

Вероисповедание православное.

Отец – Пётр Гаврилович Беляев, коллежский советник, управляющий имениями графа А. К. Разумовского, масон. Мать – Шарлотта Ивановна (?), урождённая Верениус, шведского происхождения. В семье, кроме двух сыновей, было пять (?) дочерей.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1817 году – гардемарин, в 1820-м определён мичманом в Гвардейский экипаж.

14 декабря находился с Гвардейским экипажем на Сенатской площади.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по IV разряду, приговорён

к 12 годам каторги (срок сокращён до 8 лет).

Приметы: рост два аршина шесть вершков[61], лицо белое, чистое, продолговатое, глаза голубые, нос большой, широковат, остр, на левую сторону покрививши, волосы на голове и бровях светло-русые, на правой щеке природная бородавка.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1832 году переведен на поселение в Иглинский винокуренный завод Иркутского округа, в 1833 году в Минусинск. В 1840 году поступил рядовым в действующую армию на Кавказ. В 1842 году за отличие произведён в унтерофицеры; в 1844 году – в прапорщики. В 1846 году уволен в отставку подпоручиком. В 1856 году по амнистии освобождён от надзора.

Умер в Москве, где провёл последние годы жизни, 28 декабря 1887 года.

Пётр Петрович Беляев 2-й

Родился в 1805 году в селе Ершово Пензенской губернии.

---

[61] Примечания: 61
Примерно 169 см.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1819 году гардемарин, в 1822 году определён мичманом в Гвардейский экипаж. Был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени за спасение погибающих во время петербургского наводнения 7 ноября 1824 года[62].

Дальнейшая судьба совпадает с судьбой брата, Беляева 1-го.

Приметы: рост два аршина $6^5/_8$ вершков[63], лицо белое, чистое, круглое, глаза светло-серые, нос небольшой, остр, волосы на голове и бровях светло-русые.

Умер в 1864 году в Саратове.

По выходе в отставку оба были женаты, имели детей.

Александр служил управляющим имениями в Оренбургской и Саратовской губерниях, Пётр — управляющим пароходного общества «Кавказ и Меркурий».

---

[62] Примечания: 62

У Пушкина в «Медном всаднике»: «В опасный путь средь бурных вод / Его пустились генералы / Спасать и страхом обуялый / И дома тонущий народ». Тем катером, на котором был отправлен спасать гибнущих генерал А. Х. Бенкендорф, управлял 19-летний мичман Пётр Беляев.

[63] Примечания: 63

Примерно 172 см.

Из воспоминаний Александра Беляева:

«В нашей тюрьме всегда и все были заняты чем-нибудь полезным…»

«[В тюрьме Петровского завода] происходили также публичные чтения из разных отраслей знания. Здесь читал математику по Франкеру Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин, который был преподавателем ещё в муравьёвском училище. Спиридов читал свои записки на историю Средних веков, Оболенский читал философию, Одоевский курс, им составленный, русской словесности с самого начала русской письменности и русскую грамматику его сочинения. Сколько могу припомнить, Никита Михайлович Муравьёв и Репин читали из военных наук».

«Если бы мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочёл эту ссылку».

Дело № 20

Фёдор Гаврилович Вишневский

Вероисповедание православное.

Родился в 1798 или 1799 году.

Отец – коллежский советник Гавриил Фёдорович Вишневский, из помещиков Московской и Костромской губерний,

служил в Казани. Мать – Софья Михайловна, урождённая Еропкина, содержала в Казани пансион для благородных девиц.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1813 году гардемарин, в 1816-м определён мичманом в Гвардейский экипаж; в 1821-м лейтенант. В 1822–1825 годах совершил кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» под командой капитана 2-го ранга М. П. Лазарева – одного из первооткрывателей Антарктиды, будущего адмирала; в этом же плавании участвовал мичман Завалишин (см. дело № 69). Награждён орденом Святого Владимира 4-й степени.

В тайных обществах не состоял.

14 декабря 1825 года вместе со своей ротой присутствовал на Сенатской площади.

Арестован в ночь с 14 на 15 декабря. Под следствием содержался вначале в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, затем в Ревельской крепости[64].

Осуждён по XI разряду, приговорён к

---

[64] Примечания: 64
Ревель — совр. Таллин.

разжалованию в солдаты с выслугой и определением в дальние гарнизоны, без лишения дворянства.

Служил на Кавказе, участвовал в войнах с Ираном и Турцией. За отличие при взятии крепости Сардар-Абад награждён знаком отличия военного ордена Святого Георгия. В 1832 году произведён в мичманы и переведён во флот. В 1833 году перешёл на статскую службу; с 1835 года состоял чиновником для особых поручений при главном начальнике Уральских горных заводов. С 1842 года в отставке.

В 1847 году женился на Александре Петровне Потуловой, урождённой Желтухиной. Дочь Софья, в замужестве Ржевская; возможно, были и другие дети.

Умер в 1865 году в Москве.

У Фёдора Гавриловича было несколько сестёр. Сестра Ульяна была замужем за Владимиром Андреевичем Глинкой, который хоть и состоял членом Союза благоденствия, но своевременно покинул оный и потому к следствию не привлекался. Став главным начальником Уральских горных заводов, генерал-лейтенант Глинка

принял на службу шурина-декабриста. Другая сестра, Вера, вышла замуж за князя Михаила Михайловича Долгорукова. Партия не слишком блистательная, ибо князь не продвинулся в чинах и не был особенно богат. Дочери их воспитывались в Смольном институте. В 1866 году на семнадцатилетнюю смольнянку Катеньку Долгорукову изволил обратить внимание государь император Александр Николаевич. И вскоре племянница декабриста сделалась личным другом императора. А впоследствии и законной его женой, светлейшей княгиней Юрьевской…

Вот уж, действительно, «судьбы скрещенья»!

Дело № 21

Василий Абрамович Дивов

Вероисповедание православное.

Родился 25 июля 1805 года.

Отец – Абрам Гаврилович Дивов, казанский судейский чиновник, умер в год рождения сына. Мать – Аграфена Борисовна, девичья фамилия неизвестна. В семье было ещё пятеро детей старше Василия. Дядя Павел Гаврилович Дивов – действительный статский советник, сенатор, член Верховного уголовного суда

по делу 14 декабря.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1818 году гардемарин, в 1821-м мичман; в 1823 году определён в Гвардейский экипаж. В 1824-м плавал на шлюпе «Мирный» (вместе с лейтенантом Арбузовым).

14 декабря находился на Сенатской площади.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, но вместо сибирской каторги был заключён в Шлиссельбургскую, затем в Бобруйскую крепость; впоследствии срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина четыре вершка[65], лицом бел, волосы на голове и бровях темно-русые, глаза серые, на лбу рубец; на левом боку одно, на спине два, ниже пупка одно и на левой щеке одно – всего пять родимых маленьких пятен; на бороде и усах волосы рыжеватые, нос средний.

---

[65] Примечания: 65
Примерно 160 см.

В 1839 году определён рядовым в линейный батальон на Кавказ. Служил в Анапе, а в 1841 году по собственному прошению прикомандирован к отряду, в котором служили братья Беляевы. В декабре того же года ранен в бою у станицы Червлённая. Умер в лазарете 9 февраля 1842 года.

Василий Дивов, по-видимому, самый молодой из мятежников 14 декабря. Он не участвовал в Северном обществе, но был членом Общества Гвардейского экипажа.

Будучи заключён в Петропавловскую крепость, по собственной инициативе дал развёрнутые показания, в которых указал ряд фактов и назвал имена лиц, дотоле неизвестных следствию.

Из воспоминаний Александра Беляева о том, что последовало за оглашением приговора 12 июля 1826 года:

«…Нас, моряков, повели на берег, посадили в арестантское закрытое судно и ввели в каюту с двумя маленькими окнами с железными решётками, и мы поплыли в Кронштадт… Ещё прежде, нежели нас заключили в эту плавучую тюрьму, к нам на площади подошёл Дивов, бросился нам на шею и со слезами на глазах сказал: „Братья

Беляевы, простите ли вы мне, ведь это я погубил вас всех!“»

Существует легенда, что зимой 1841/1842 года за смертельно раненным в стычке с горцами Дивовым ухаживала местная девушка, племянница самого имама Шамиля; Дивов уже шёл на поправку, но внезапно заболел лихорадкой и умер. Через восемь месяцев после его смерти девица родила сына. Младенца, окрещённого Николаем, взял на воспитание и усыновил один из родственников декабриста, тоже Дивов… Красивая, но ничем не подтверждённая легенда.

Дело № 22

Епафродит Степанович Муси́н-Пушкин

Православного вероисповедания.

Родился 20 апреля 1791 года в имении отца в Весьегонском уезде Тверской губернии.

Отец – Степан Аггеевич Мусин-Пушкин, отставной прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка, владелец имения (20 душ крепостных). О матери сведений нет. Сестра Ольга, брат Степан (отставной капитан-лейтенант, женат на дочери матроса – редкий случай).

Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1808 году гардемарин, участвовал в морских сражениях Шведской кампании 1808 года; в 1810 году мичман; в 1813-м переведён в Гвардейский экипаж; в 1816-м лейтенант.

Был членом масонской ложи «Российский орёл».

В тайных обществах не состоял, но 14 декабря привёл свою роту на Сенатскую площадь.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по XI разряду, приговорён к разжалованию в солдаты, с выслугою, без лишения дворянства. Отправлен на Кавказ.

Женат не был.

Умер 14 июля 1831 года в укреплении Гагра Бзыбского округа Абхазского княжества, по всей вероятности от малярийной лихорадки.

Согласно показаниям свидетелей, был одним из тех офицеров, которые «не допускали» петербургского митрополита Серафима к «увещеванию баталиона». Каким именно образом не допуска-

ли, о том имеется рассказ очевидца.

Из воспоминаний о 14 декабря Аполлинария Бутенева:

«…Архипастырь в полном облачении с другою духовною особою посажены в карету… Карета, быв довезена до угла забора Исаакиевской церкви, остановилась, и Серафим из неё вышел, но, послышав дерзкие насмешки, хохот войска и взбалмошной толпы, пастырь душ отложил миролюбивые намерения; а срамные ругательства, угрозы солдат, в цепи находящихся, побудили 68-летнего старца в страхе укрыться за забор, где он и простоял до получения дозволения возвратиться назад».

Дело № 23

Михаил Карлович Кюхельбекер

Вероисповедание лютеранское.

Родился в 1798 году.

Отец – статский советник Карл Кюхельбекер, из саксонских дворян; за службу по управлению Павловским парком ему пожаловано имение Авинорм в Эстляндии. Мать – Юстина Яковлевна, урождённая Ломен. Брат Вильгельм, декабрист; сёстры Юстина и Юлия.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1813 году гардемарин; в 1814-м зачислен в Гвардейский экипаж; в 1815-м мичман, в 1820-м лейтенант. Участвовал в плаваниях на бриге «Новая Земля» в Северном Ледовитом океане и на шлюпе «Аполлон» через Атлантический, Индийский и Тихий океаны к берегам Камчатки; награждён орденом Святого Владимира 4-й степени.

В тайных обществах не состоял.

14 декабря 1825 года участвовал в восстании вместе со своей ротой.

15 декабря добровольно сдался начальнику 1-й гвардейской дивизии великому князю Михаилу Павловичу.

Осуждён по V разряду, приговорён в каторжные работы на 8 лет, срок сокращён до 5 лет.

Приметы: рост два аршина $7^{7}/_{8}$ вершков[66], лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос большой, остр, широковатый, на левую сторону кривоват, волосы на голове и бровях темно-русые.

---

[66] Примечания: 66
Примерно 178 см.

Был заключён в Кексгольмскую крепость, затем отправлен в Читинский острог, Петровский завод. В 1831-м переведён на поселение в город Баргузин Иркутской губернии.

В 1834 году женился на Анне Степановне Токаревой, из мещан; в браке родились шесть дочерей.

После амнистии 1856 года был восстановлен в правах потомственного дворянина, освобождён от надзора в 1858 году.

Умер 29 сентября 1859 года в Баргузине.

Из показаний Михаила Кюхельбекера:

«Баталион не хотел присягать, бросился с криком „Ура!“ в ворота и побежал в расстройстве… Главное побуждение к возмущению было, что кто-то во фраке приехал и, проехав сквозь двор, сказал: „Ребята, император Константин приехал“».

Если это правда, а не попытка отвести вину от своих собратьев-офицеров, то человек во фраке и фуражке, скорее всего, Каховский: он и раньше бывал в Гвардейском экипаже, смущал офицеров. Возможно, тем мятежным утром явился снова агитировать нижних чинов.

На поселении с Михаилом Карловичем случилась отчасти печальная, отчасти счастливая история, озарившая мерцающим светом всю его дальнейшую почти тридцатилетнюю жизнь.

Дело было так.

В Баргузине холостой ссыльный определился на жительство в обывательский дом; хозяйка — немолодая вдова по фамилии Токарева, воспитывала дочь Аннушку. Девушка, дабы не обременять семейство, нанялась в услужение и уехала в другое селение, верстах в пятидесяти. По возвращении же домой выяснилось, что она беременна (такое случается иногда с молодыми девушками). Разгневанная мать готова была проклясть дочь и выгнать из дому, но поселенец, тронутый горем и слезами юной особы, объявил, что возьмёт на себя посильное попечение о ребёнке. По рождении дитяти Михаил Карлович отправился с молодой матерью в церковь, принял участие в крещении и, хоть и лютеранин, был записан в восприемники. Он, одинокий моряк, решился воспитать младенца как собственного сына. Но по прошествии времени оказалось, что отношения его с матерью младенца, с коей пребывал он постоянно под одной крышей, перестали быть только дружескими. Они вновь

отправились в церковь, на сей раз с целью вступить в законный брак. По закону крёстные не могут сочетаться браком с родителями своих крестников. Но добрый священник баргузинского Спасо-Преображенского храма то ли по благословению священноначалия, то ли по собственному усмотрению обвенчал их, тем более что невеста вновь пребывала в положении, на сей раз уже от жениха.

Брак, по всей видимости, складывался счастливый, но силы зла никогда не дремлют. Некий мелкий священнослужитель, обиженный тем добрым священником (как утверждают, наказанный за пьянство), написал донос в Иркутское епархиальное управление, откуда дело перешло в Синод. И вот, как гром с неба, пришло синодское постановление: брак Михаила Кюхельбекера и Анны Токаревой (в коем, заметим, было уже рождено двое детей) расторгнуть, а беззаконных супругов разлучить.

К этому времени в Баргузине был переведён на поселение и Вильгельм Кюхельбекер, брат Михаила. Приняв близко к сердцу беду, обрушившуюся на брата, Вильгельм написал проникновенное письмо шефу жандармов генерал-адъютанту Александру Бенкендорфу, одному из своих быв-

ших следователей. Из этого-то письма мы и знаем нюансы данной истории.

А Михаил Кюхельбекер, будучи вызван для объявления ему его участи, написал следующее.

«1837-го марта 5-го дня в присутствии Баргузинского совестного суда судьёю сего суда объявлено мне решение Правительствующего Синода, и потому, если меня разлучают с женою и детьми, то прошу написать меня в солдаты и послать под первую пулю, ибо мне жизнь не в жизнь. Михайла Кюхельбекер».

Всё-таки счастливые финалы случаются не только в сказках, но и изредка в жизни. Письмо Вильгельма, а паче того ходатайство на высочайшее имя от Юстины Карловны Глинки, урождённой Кюхельбекер, возымели действие. Хотя брак и не был признан законным, но принудительное разлучение супругов фактически отменено: они продолжали жить вместе до смерти Михаила Карловича. Единственный сын Анны Токаревой, рождённый ею до брака и крещённый в православную веру лютеранином Кюхельбекером, умер во младенчестве. Что касается дочерей (Юстины, Юлиании, Александры, Екатерины, Анны, Анастасии), то после смерти Михаила, благодаря хлопотам его сестры Юстины, четыре

из них были удочерены дальним родственником, генералом. Две к этому времени уже, вероятно, были замужем. Дальнейшая их судьба прослеживается плохо.

К сказанному добавим: при безусловном внешнем сходстве с братом Вильгельмом (узкое измождённое лицо, плешивый лоб толкачиком, длинноватый нос, сутулость) Михаил по складу личности совершенно иной человек. В нём нет той нескладной чудаковатости, из-за которой так потешались над бедным Кюхлей, а то и принимали его за помешанного. Михаил, морской офицер, прошедший все четыре земных океана, и в тюрьме, и в ссылке оставался деятельным, инициативным человеком. В Чите и Петровском заводе прекрасно трудился в портновской артели — шил одежду для собратьев. На поселении успешно хозяйствовал, устроил школу для баргузинских ребятишек, изучал природу Забайкалья, а после амнистии и восстановления в правах не поехал домой в Европу, а занялся разработкой золотых россыпей. Правда, в этом деле не успел себя проявить: умер в Баргузине в 1859 году.

Дело № 24

Николай Павлович Окулов (в следственном деле Акулов)

Православного вероисповедания.

Родился в 1797 или 1798 году.

Отец – отставной прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Павел Прокофьевич (по другим данным Матвеевич) Окулов, от него унаследовано в Пошехонском уезде Ярославской губернии имение (18 душ крепостных)[67]. Мать – урождённая Румянцева, других сведений нет. Братья: Александр и Иван, дослужились до штаб-офицерских чинов. Сёстры: Елена и Елизавета[68].

Воспитывался в Морском кадетском корпусе; в 1812 году гардемарин, в 1815-м

---

[67] Примечания: 67

Есть сведения, что дед декабриста имел чин действительного статского советника, а бабка была дочерью контр-адмирала. Из чего следует, что отец декабриста был весьма неудачлив: наследство оставил крохотное и по службе, вероятно, имел неприятность, так как уволен в самом младшем офицерском чине, без повышения.

[68] Примечания: 68

Интересный факт: сестра декабриста Елена вышла замуж за лейтенанта флота В. Ленина; потомство от сего брака могло бы именоваться Акуловы-Ленины.

мичман, в 1820-м лейтенант. В 1825 году определён в Гвардейский экипаж.

Был членом Общества Гвардейского экипажа.

14 декабря вывел свою роту на Сенатскую площадь (Николай Павлович – против Николая Павловича).

Арестован 15 декабря.

Осуждён по XI разряду, приговорён к лишению чинов и написанию в солдаты без лишения дворянства, с выслугою, и к отправке в дальние гарнизоны. Служил в Томском гарнизоне, затем переведён на Кавказ. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией. В 1829 году произведён в унтер-офицеры. Служебные его пути на Кавказе пересекались с путями Бестужевых. В 1837 году за отличие произведён в прапорщики. В 1838 году уволен от службы по прошению «за болезнию».

Вернулся в родительское имение Владычное Пошехонского уезда в том же чине, что и его отец.

Умер 1 апреля 1871 года.

Об Окулове из «Памятных записок» Петра Бе-

стужева, 1828–1829 годы:

«Старый товарищ мой на море, в шалостях, в горе и радости. Любезный человек! Добр, как нельзя более, честнейших правил, на всё готовый для друга. Чувствительный ко всему обидному его или близких ему гордости. С ним не раскаивался бы я провести всю жизнь, уверенный, что никакое обстоятельство в свете не могло б переменить его участие и расположение. Ум его образован столько, чтобы не краснеть в хорошем обществе. Характер живой, но мнительный — во всём подозревает он неискренность; думает, что его обманывают в дружбе, в приязни, и, может стать, редко ошибается. Простительный его недостаток есть маленькое фанфаронство, которое с его фигурою делается смешным».

Дело № 25

Николай Алексеевич Чижов

Православного вероисповедания.

Родился 23 марта 1803 года в Петербурге.

Отец – Алексей Петрович Чижов (умер до 1822 года), военный советник. Мать – Прасковья Матвеевна, помещица в Тульской губернии, после смерти мужа

у нее было 550 душ крепостных, владела конным заводом. Братья: Пётр, Павел, Дмитрий, Михаил. Дядя – известный математик, профессор Петербургского университета Д. С. Чижов.

Воспитывался в благородном пансионе при Черноморском штурманском училище в Николаеве. В 1813 году записан гардемарином Черноморского флота, в 1818 году в чине мичмана переведён в Петербург во 2-й флотский экипаж. В 1821 году участвовал в плавании на бриге «Новая Земля» под командованием лейтенанта Фёдора Литке с целью обследования архипелага Новая Земля и Мурманского берега. В 1823 году в журнале «Сын отечества» опубликовал статью «О Новой Земле». В 1824 году произведён в лейтенанты.

Принят в Северное общество в октябре 1825 года Николаем Бестужевым.

14 декабря прибыл на Сенатскую площадь и присоединился к Гвардейскому экипажу, но, удостоверившись, что «сие предприятие не может иметь никакого успеха», ушёл, не дожидаясь развязки.

Арестован 17 декабря.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке в Сибирь на поселение вечно; срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина восемь с половиною вершков[69], лицом бел, глаза голубые, нос большой прямой, брови, волосы и бакенбарды светло-русые, бороду бреет, на руках имеет пятна от прививания коровьей оспы.

В ссылке жил в Олёкминске Якутской области; в 1833-м переведён в Александровский винокуренный завод, затем в село Моты Иркутской губернии. В том же году по ходатайству матери ему разрешено поступить в рядовые в один из Сибирских линейных батальонов. Служил в Иркутске, Тобольске, Омске. В 1837-м произведён в унтер-офицеры, в 1840-м в прапорщики. В 1843 году уволен от службы с разрешением проживать в родительском имении Покровское Тульской губернии под надзором. Был нанят управлять имениями княгини Натальи

---

[69] Примечания: 69
Примерно 180 см.

Горчаковой (жены губернатора Западной Сибири князя Петра Горчакова; к этому времени супруги жили раздельно), в связи с чем ему разрешено жительство в губерниях, где находились эти имения.

Умер 12 апреля 1848 года в имении княгини Горчаковой в селе Троицком Орловской губернии.

В бытность свою в Тобольске Николай Алексеевич дружил с ссыльнопоселенцами и с местной интеллигенцией — в частности, с учителем Тобольской гимназии Петром Ершовым, уже тогда известным как автор «Конька-Горбунка». Поскольку и сам Чижов был не чужд поэтическим вдохновениям, они принялись сочинять на пару и сочинили забавный водевиль «Черепослов», в насмешку над модной тогда медицинской лженаукой френологией. Лет через пятнадцать, уже после смерти Николая Алексеевича, водевиль попался на глаза другому приятелю Ершова, чиновнику Владимиру Жемчужникову, тоже литератору. Итогом всего этого стала пьеса «Черепослов, сиречь Френолог», напечатанная в журнале «Современник» за 1860 год под именем, известным ныне каждому, — Козьмы Пруткова.

Таким образом декабрист Чижов посмертно сделался одним из создателей великого Козьмы.

Дело № 26

Константин Петрович Торсон

Вероисповедания лютеранского.

Родился 27 сентября 1793 года.

Отец – Пётр Торсон, шведского происхождения, офицер. Мать – Шарлотта-Христина, урождённая Тиман; сестра Екатерина.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе (зачислен «сверх комплекта на казённое содержание»); в 1806 году гардемарин; в 1809 году за отличие в бою со шведским флотом у островов Пальво и Судсало до срока произведён в мичманы. В июле 1812 года при высадке десанта в Либаве ранен в ногу. Награждён орденом Святой Анны 3-й степени и серебряной медалью в память 1812 года. В 1814 году произведён в лейтенанты. В 1819–1821 годах участвовал в антарктической экспедиции под командованием капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена на шлюпе «Восток», за что награждён

орденом Святого Владимира 4-й степени. (Именем Торсона был назван остров в архипелаге Южные Сандвичевы острова, но после событий 14 декабря 1825 года переименован в остров Высокий.) В 1823 году назначен адъютантом начальника Морского штаба; в 1824 году произведён в капитан-лейтенанты.

В 1825 году принят в Северное общество. Разрабатывал свой проект конституции, который частично изложил в виде критики Конституции Никиты Муравьёва. Деятельно обсуждал планы мятежа, но в восстании 14 декабря участия не принимал: исполнял свои служебные обязанности в Морском штабе, в здании Адмиралтейства.

Арестован 15 декабря; вначале содержался в Свеаборгской крепости; в апреле переведён в Петропавловскую.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, впоследствии срок сокращён до 10 лет.

Был заключён в Петропавловскую крепость, затем отправлен в Читинский острог, Петровский завод.

Приметы: рост два аршина шесть вершков[70], лицо белое, круглое, глаза голубые, нос средний, остр, волосы на голове и бровях светло-русые.

В 1835 году определён на поселение в Акшинскую крепость Иркутской губернии, в 1837 году переведён в Селенгинск. В 1838 году туда же разрешено прибыть его матери и сестре Екатерине. (Из воспоминаний Михаила Бестужева: «Константин Петрович был кумир, боготворимый ими».)

Умер в Селенгинске 4 декабря 1851 года.

Из показаний Торсона на следствии:

«В начале (как помнится) декабря 1825 года Рылеев спросил, можно ли иметь надёжный фрегат, т. е. положиться на капитана и офицеров, я отвечал: „Не знаю, но если меня сделают начальником, не знаю офицеров, но думаю, что может быть“, и спросил его, для чего это? — „Отправить царствующую фамилию за границы“».

Из ответов Михаила Бестужева на вопросы

---

[70] Примечания: 70
Примерно 169 см.

историка В. И. Семевского:

«…Самый близкий, неизменный друг его (брата Николая. — *А. И.-Г.) был Константин Петрович Торсон. Он только годом раньше брата вышел из корпуса. Они всё время пребывания их в корпусе жили в одной комнате, спали бок о бок, служили в одном и том же Кронштадте, помещались на одной квартире и одно или два лета служили вместе на бранвахтском фрегате… поступили почти одновременно в тайное общество, вместе погибли, вместе жили в каземате, в Селенгинске, и, наконец, Торсон и умер на руках брата. Торсон был баярд идеальной честности и практической пользы; это был рыцарь без страха и упрёка на его служебном и частном поприще жизни. Обладая неимоверною силою воли в достижении своих благородных целей, он, вместе с сим, владел огромным запасом терпения при неудачах… Голова его была постоянно занята проектами о разных преобразованиях, исключительно касающихся флота».*

По некоторым сведениям, Константин Торсон состоял в незаконном сожительстве с некоей Прасковьей Кондратьевой (или Кондратьевной) и имел с ней детей, но эти данные столь же ненадёжны, как и в случае с Николаем Бестужевым.

Из воспоминаний Жимгит Анаевой, записанных В. Поповым в 1926 году:

«Я, в девушках, года три жила прислугой у Торсон. Семья состояла из Константина Петровича, его матери Шарлотты Карловны и сестры Катерины Петровны. У Торсон жила ещё экономка Прасковья Кондратьевна, приехавшая из России. Ведение домашнего хозяйства лежало на Катерине Петровне. Держали коров, лошадей, овец, свиней, разводили птицу (кур, индеек, уток). Был большой огород, садили картофель, капусту, морковь и пр., устраивали парники, где выращивались крупные дыни и арбузы. За огородом ухаживала сама Катерина Петровна. До Бестужевых и Торсон парников здесь не устраивали. Разводили американский табак и куда-то его отправляли. Константин Петрович занимался сельским хозяйством, хлеба сеяли десятины полторы-две. Была конная мельница. Хлеб молотили для себя».

Гренадеры, конногвардейцы, измайловцы, кавалергарды…

Безмерно переоценивая свои силы, заговорщики вечером 13 декабря были уверены, что

наутро, кроме моряков и московцев, на их стороне выступят в полном составе Измайловский, Гренадерский, Финляндский полки, конногвардейцы, конноартиллеристы, а там, глядишь, семёновцы, егеря, кавалергарды… После полудня, однако, к мятежникам на площади присоединилась лишь часть лейб-гвардии Гренадерского полка. В остальных казармах накал страстей так и не дошёл до точки кипения.

Тем не менее угли бунта тлели во многих частях гвардейского корпуса.

Дело № 27

Александр Николаевич Сутгоф
Православного вероисповедания.
Родился 4 декабря 1801 года в Киеве.

Отец – генерал-майор Николай Иванович Сутгоф, из выборгских купцов. Мать – Анастасия Васильевна, урождённая Михайлова. Сестра Анна, замужем за генерал-майором Кириллом Нарышкиным (братом декабриста Михаила Нарышкина).

Учился в Московском университетском пансионе (курса не окончил). В 1817 году определён юнкером в 7-й егерский полк;

в 1819 году произведён в прапорщики, переведён в 25-й егерский полк; в 1820 году подпоручик, в 1822-м поручик; в 1823 году переведён тем же чином в лейб-гвардии Гренадерский полк.

В 1825 году принят в Северное общество Каховским.

Участвовал в мятеже 14 декабря: привёл свою роту на площадь к Сенату.

Арестован вечером того же дня.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок сокращён до 13 лет.

Был заключён в Свартгольмскую крепость, затем отправлен в Читинский острог, оттуда переведён в Петровский завод.

Приметы: рост два аршина восемь с половиною вершков[71], лицом бел, сухощав, глаза голубые, нос прямой, волосы на голове и бровях русые.

С 1839 года на поселении в селе Введенщина Жилкинской волости Иркутской губернии, с 1841 года в селе Куда, с 1842 го-

---

[71] Примечания: 71
Примерно 180 см.

да в деревне Малая Разводная. В 1848 году определён рядовым в Кавказский отдельный корпус. В 1850 году произведён в унтер-офицеры, в 1854-м в прапорщики. В 1855-м уволен по болезни в отпуск в Москву. Манифестом 1856 года восстановлен в прежних правах, служил в Кубанском пехотном полку в Екатеринославской губернии, затем в фехтовально-гимнастической команде в Москве; в 1859 году подпоручик. В марте–ноябре 1859 года был смотрителем кисловодских зданий углекислых вод, а затем управляющим имением и дворцом великого князя Михаила Николаевича в Боржоми. В 1864 году в чине поручика переведён в Кубанский пехотный полк; в 1867 году произведён в штабс-капитаны, в 1870-м в капитаны.

С 1839 года состоял в браке с Анной Федосеевной, урождённой Янчуковой, дочерью горного штаб-лекаря. Детей у них не было.

Умер 14 августа 1872 года в Боржоми.

Заговорщики, как уже было сказано, рассчитывали на выступление Гренадерского полка,

полагаясь на авторитет полковника Булатова, ранее там служившего и весьма любимого солдатами, а также на отважных питомцев Каховского — поручиков Сутгофа, Панова и подпоручика Андрея Кожевникова. Однако Булатов, как мы знаем, утром 14 декабря в полку не появился. От зачинщиков мятежа вестей не поступало. Ближе к полудню командиры начали приводить роты к присяге. Офицеры-заговорщики не знали, что делать. Подпоручик Кожевников попытался было сорвать присягу, но успел только прокричать что-то вроде: «Ребята! Не присягайте! Обман!» — и тут же был арестован (и так спасся от каторжного приговора). Присяга совершилась. Но едва только начали расходиться, как на сцену явилось новое действующее лицо.

Из показаний Александра Сутгофа на следствии:

«После присяги прибыл корнет князь Одоевской ко мне, который сказал: „Что вы делаете, вы изменяете своему слову, все полки уже на площади“. На сие пошёл я в 1-ю роту и объявил ей, что, видно, нас обманули, ибо все полки на Сенатской площади; на что они отвечали, что они готовы идти, и были в шинелях без ранцев, в фуражках, с ружьями, имея по несколько боевых патронов».

Сутгоф повёл роту в порядке, при оружии и, главное, в шинелях, а не в одних мундирчиках, как привели московцев. Путь неблизкий: Гренадерские казармы далеко за Невой, на Карповке, оттуда бодрой ходьбы до Сенатской почти час. Когда пришли, оказалось, что на площади отнюдь не все полки — соврал Одоевский. Другие роты, по словам того же Сутгофа, подошли «в большом беспорядке», «спустя полчаса или более» после выхода первой роты. Полковник Стюрлер, швейцарец, бежал за своими бойцами, на ломаном русском уговаривая их воротиться. Так и достиг площади. На свою погибель.

Из показаний Сутгофа:

«В сию минуту услышал я выстрел из пистолета и видел Стюрлера, бежавшего назад, поддерживая свой бок, и преследуемый несколькими людьми во фраках, со шпагами и пистолетами, между коими заметил я Каховского…»

Ранение Стюрлера, как мы знаем, оказалось смертельным.

Александр Николаевич Сутгоф стал единственным из осуждённых по I разряду, кому удалось после лишения чинов вновь подняться по служебной лестнице.

В 1859 году наместник Кавказа князь Александр

Иванович Барятинский пригласил своего тёзку-декабриста на должность смотрителя зданий кисловодских углекислых вод. Князь страдал подагрой, лечение на водах приносило ему облегчение. Кавказская война заканчивалась, налаживалась мирная жизнь, и новые курорты в горных долинах Грузии и Абхазии привлекали всё большее количество «чающих движения воды». Как раз в это время стала распространяться слава целебных боржомских вод и не менее чудодейственного воздуха долины Боржоми. Туда князь Барятинский вскоре перевёл Сутгофа — также смотрителем вод, а заодно и воинским начальником, управляющим казённым имением, лесничим и смотрителем строящегося дворца. В 1862 году Барятинского сменил в должности наместника великий князь Михаил Николаевич. Под его руководством Сутгоф продолжал службу в Боржоми. И успешно: в 1870 году был произведён в капитаны.

Дело № 28

Николай Алексеевич Панов
Вероисповедание православное.
Родился в 1803 году.
Из дворян. О родителях сведений нет.

Брат Дмитрий.

Образование домашнее. В 1820 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Гренадерский полк; в 1821 году произведён в прапорщики, в 1823-м в подпоручики и назначен батальонным адъютантом; в 1824 году произведён в поручики, переведён строевым командиром.

В Северное общество принят Каховским незадолго до восстания.

14 декабря 1825 года, после принесения присяги государю императору Николаю Павловичу, когда 1-я рота была уведена поручиком Сутгофом на Сенатскую площадь, взбунтовал большую часть полка.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; впоследствии срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина четыре с половиною вершка[72], лицом бел, круглолиц, глаза голубые, волосы на голове и бровях светло-русые, нос мал.

Был заключён в Свартгольмскую кре-

---

[72] Примечания: 72
Примерно 162 см.

пость, затем отправлен в Читинский острог, оттуда переведён в Петровский завод. В 1839 году водворён на поселение в селе Михайловское Жилкинской волости Иркутского округа; в 1845 году разрешено переселиться в село Урик близ Иркутска.

Умер 14 января 1850 года в Иркутске.

Всё, что происходило в Гренадерском полку после ухода 1-й роты, было бестолково и бурно, как будто бесы вселились в людей и потащили неизвестно куда. Сначала приказали всем разойтись по казармам, но тут же пришла команда выступать в шинелях, с патронами. В это время к Сенатской площади уже стягивались со всех сторон присягнувшие полки, и Гренадерскому тоже полагалось участвовать. Тут-то и настал час поручика Панова.

Из следственного заключения о поручике Панове:

«…Пришёл во 2-ю гренадерскую роту, а из оной в 4-ю, поселил в нижних чинах подозрение к учинённой присяге, говоря, что их обманули, что настоящий царь наш Константин, что весь Гвардейский корпус не присягает Николаю Павловичу, собравшись на Петровской площади, что им бу-

дет худо за то, что приняли легковерно присягу, приказывал скорее людям одеваться в шинели и обещал их вести на Петровскую площадь, если они согласны будут за ним следовать. б…с *Когда же оба баталиона, состоявшие из 4-х рот второго и двух первого, были построены вместе… взошёл в средину колонны, первый подал знак к возмущению криком „Ура!“ и повёл роты в совершенном расстройстве…»*[73].

Из Гренадерских казарм двинулись полтора батальона, человек девятьсот, по направлению к Неве. Чтобы миновать узкий и ветхий плашкоутный Петербургский мост, решились перебегать цепочками по льду. Колонна развалилась, на набережную вышли толпой. Издали Панову показалось, что в ограде Зимнего дворца мелькают мундиры дружественных московцев и измайловцев.

Из показаний Николая Панова:

«Мы прошли наискось к Мраморному дворцу, зашли во дворец Зимний, думая, что тут московцы, но, найдя на дворе сапёров, вернулись назад вдоль бульвара на площадь».

---

[73] Примечания: 73

На всякий случай поясним современному читателю: сие не значит, что Панов пребывал в сильном расстройстве от происходящего, а значит, что войска шли не строем, а как попало.

Из следственного дела:

«Во время смятенного следования поручик Панов был всегда впереди и заходил с правым флангом на двор Зимнего дворца; но, увидав сапёров, стоявших там в карауле, закричал: „Рябята! Это не наши, налево кругом, на Петровскую площадь! Ура!“».

От Зимнего кинулись вдоль Адмиралтейства к Сенату. На пути движения маячила группа всадников в окружении рот Преображенского полка. Кто же это посреди них? Он самый — Николай Павлович, то ли государь, то ли враг. Несколько сотен вооружённых гренадеров могли атаковать — силы примерно равны, — и тем самым, быть может, решить исход дела… Но кругом бушевало людское море, для оценки обстановки у Панова не было времени, да и что он мог видеть за строем шинелей и чернотой толпы? В хаосе звуков и лиц только и было внятно: «Ура Константин!» или «Ура Николай!».

Оставалось одно: прорваться к своим на площади.

Из показаний Николая Панова:

«Встретив кавалерию, нас останавливающую, я выбежал вперёд, закричал людям: „За мною!“ и пробился штыками. Придя на площадь, мы стали

возле Московского полка кареем»[74].

Был уже второй час пополудни. К восставшим более никто не присоединился. Вокруг площади постепенно смыкалось вражеское кольцо.

Утром 15 декабря поручик Панов сам явился в Петропавловскую крепость, где и был арестован.

Проводимое в отношении него следствие оказалось осложнено весьма неординарным мотивом — что-то вроде сеанса чёрной магии…

Из донесения полковника Шипова 2-го на имя государя:

«…Поручик Панов 2-й в продолжении уже двух лет носил на руке железное кольцо, вызолоченное внутри, а снаружи имело вид перстня, в средине коего написано золотом: 71-н. Подобное кольцо видели и у переведённого лейб-гвардии из Гренадерского полка в 12-й Егерской полк капитаном Богуславского…»

Поручику Панову от генерал-адъютанта Бенкендорфа опросный пункт:

«Вы и ещё некоторые офицеры носили железные кольцы, имевшие вид перстня, внутри вызолоченные и с означением цифры 71-н. Комитет… требует собственного показания вашего: с каким

---

[74] Примечания: 74
То есть в каре.

намерением вы имели означенное кольцо? что означала цифра 71? и кто ещё имел такие же кольца?»

Показание поручика Панова в ответ на вопросный пункт:

«Точно, я имел железное кольцо, внутри выложенное золотом с означением цифры 71 и со следующею внутри надписью, взятой из стихотворения г. Жуковского: „Для дружбы всё что в мире есть“. Цель, с которым сделано было сие кольцо, не что иное как желание иметь знак памяти и дружбы. Я и бывшие мои сослуживцы гг. Суморокoв, Богуславский и Порохов, которые выходили из полку, хотели друг другу оставить память и сделали вышеозначенные кольцы. Цифра 71 означает имя Николай, а так как мы все четверо носим это имя, то и поставили его сверху. В доказательство истины слов моих я прилагаю исчисление:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15
А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. И. І. К. Л. М. Н. О.
Н — 14
И — 9
К — 11
О — 15
Л — 12

А — 1
Й — 9
Итого 71

...В добавление скажу, что железо означало непоколебимость нашей дружбы, золото её чистоту, а змея, окружавшая цифру 71, её вечность».

Из служебной переписки. Запрос:

«Богуславский переведён из лейб-гвардии Гренадерского в 12-й Егерской капитаном. Справиться: когда переведён, служит ли и где находится? Весьма нужное».

Из служебной переписки. Ответ:

«Лейб-гвардии Гренадерского полка штабс-капитан Богуславский переведён 14 апреля 1824-го в 12-й Егерской полк капитаном, из коего 2 апреля 1825-го уволен от службы за болезнями для определения к статским делам с повышением чина. Столоначальник Иванов».

На сём расследование по делу о таинственном кольце обрывается.

Из воспоминаний Николая Белоголового, относящимся к 1842 году (автор воспоминаний был тогда ребёнком):

«Особенно боялся я декабриста Панова, который... любил потешаться надо мной. Это был

небольшого роста плотный блондин, с большими выпуклыми глазами, с румянцем на щеках и с большими светло-русыми усами; за обедом он начинал стрелять в меня шариками хлеба и, должно быть, любуясь моим конфузом, приставал ко мне с вопросами обыкновенно всё в одном и том же роде: „А зачем у тебя мои зубы? когда ты у меня их стащил? давай же мне их тотчас же назад!“ Следующие разы повторялись те же вопросы по поводу носа, глаза; я краснел до ушей, готов был провалиться под стол...»

Да, мы забыли сказать: до ареста у Николая Панова была невеста. Кто она и что с нею сталось — неизвестно.

Дело № 29

Князь Александр Иванович Одоевский

Вероисповедания православного.

Родился 26 ноября 1802 года.

Отец – генерал-майор князь Иван Сергеевич Одоевский. Мать – Прасковья Александровна, урождённая княжна Одоевская.

Образование домашнее. В 1815 году зачислен канцеляристом в Кабинет его величества; в 1818 году получил чин гу-

бернского секретаря, уволен в 1820-м. В 1821 году поступил унтер-офицером в лейб-гвардии Конный полк; признан в дворянском достоинстве и повелением цесаревича Константина Павловича произведён в юнкеры; в 1823-м – в корнеты.

В Северное общество принят в 1825 году Александром Бестужевым.

14 декабря участвовал в мятеже на Сенатской площади.

16 декабря добровольно явился к петербургскому обер-полицмейстеру генерал-майору А. С. Шульгину и был им арестован.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжные работы на 12 лет, срок сокращён до 6 лет.

Приметы: рост два аршина $7^{7}/_{8}$ вершков[75], лицо белое, продолговатое, глаза темно-карие, нос остр, продолговат, волосы на голове и бровях темно-русые, на левой брови небольшой шрам от конского ушиба.

Был заключён в Петропавловскую кре-

[75] Примечания: 75
Около 177 см.

пость, затем отправлен в Читинский острог, оттуда в Петровский завод. В 1832 году определён на поселение в Тельминскую казённую фабрику Иркутской губернии, в 1833-м переведён в село Елань той же губернии, затем в Ишим Тобольской губернии. В 1837 году определён рядовым в Кавказский отдельный корпус, в Нижегородский драгунский полк (служил в одном полку с М. Ю. Лермонтовым).

Женат не был.

Умер во время военных действий в Псезуапсе (ныне Лазаревское) от малярии в августе 1839 года.

В Александре Одоевском — конногвардейце, каторжнике, солдате — есть что-то ребячье.

«Я чувствую беспорядок в моих мыслях — иначе не умею истолковать всех моих действий. Я скрылся не знаю зачем; ходил Бог знает где, и наконец сам, по собственному побуждению, возвратился в город и явился к тебе, Государь! Теперь начинаю я опамятоваться и не могу доверить себе: я ли это? Я был в горячке… кровь бросилась в голову, как со мною часто случается; услышал

ура, крики толпы и в совершенном беспамятстве присоединился к ней».

Это не нашаливший восьмиклассник кается перед директором школы, это пишет офицер-кавалерист государю императору.

Пишет, конечно, неправду. Но искренне.

С ним от рождения всё не так, как надо.

Князь Рюрикова рода, со связями и совсем не беден (несколько сотен крестьянских душ в Ярославской и Вологодской губерниях), однако в 23 года всего-навсего корнет. Равные по положению сверстники уже давно поручики. Заглянув в формулярный список, обнаруживаем и другие необыкновенные вещи. Начать с того, что канцеляристом в наипервейшую канцелярию империи, в Кабинет его величества, зачислен двенадцатилетним мальчишкой. Едва исполнилось шестнадцать — он уже губернский секретарь, то есть получает сразу чин XII класса, по Табели о рангах равный армейскому поручику. Заметим, что чин этот мог присваиваться лицам, не имеющим прав дворянства. И далее самая интересная запись: «Признан в дворянском достоинстве». Потомок Рюрика и по отцовской линии, и по материнской официально стал дворянином лишь за две недели до своего девятнадцатилетия! Что

за странная история? В чём тут дело?

Биографические сведения об Александре Одоевском до его появления в рядах декабристов крайне скудны. Определённо известно, однако, что его мать приходилась его же отцу двоюродной сестрой. Брак в недозволенной степени родства не мог быть официально заключён — вероятно, тайно венчан в нарушение закона[76]. Посему и сын не мог наследовать прав родителей и вместо гвардии был определён на фиктивную службу — не дворянскую и в то же время почти придворную. В 1820 году княгиня скончалась, оставив сыну весьма приличное наследство. Благодаря хлопотам отца Александр был узаконен и зачислен в соответствующий его титулу Конный полк, шеф которого — цесаревич Константин.

Из ответов Александра Одоевского на вопросные пункты Следственного комитета:

«Я воспитывался дома, моею матерью, которая не спускала меня с глаз по самую свою кончину, случившуюся в 1820 году. Её неусыпное попечение о моём воспитании, 18 лет её жизни,

---

[76] Примечания: 76

Запись о венчании родителей князя Ивана и княжны Прасковьи Одоевских в Князь-Владимирском храме на Петербургской стороне датирована 10 февраля 1802 года, но имелось ли на этот брак разрешение Синода — неизвестно.

совершенно посвящённые на оное, — всё это может подать некоторое понятие о правилах, мне внушённых».

Из «Воспоминаний о Грибоедове» декабриста Дмитрия Завалишина:

«Редко встречаются люди, так легко переходящие от восторженного удивления к самому язвительному порицанию, от дружбы к вражде и обратно, как это случалось с Одоевским».

Маменькин сынок, натура пылкая, импульсивная, противоречивая. Сразу видно — поэт. Впрочем, о его творчестве в юные годы мало что известно — всего несколько десятков стихотворных строк, написанных до декабря 1825 года. Но круг литераторов манит его, и он лёгкой поступью входит в этот круг. Грибоедов именует Одоевского своим питомцем. Александр Бестужев зовёт сотрудничать в «Полярную звезду». Тот же Бестужев и принимает его в начале 1825 года в Северное общество: со стихами можно обождать, а вот свои люди в Конном полку очень нужны заговорщикам.

Но проку от пламенного корнета немного. Им принят в общество корнет Рынкевич, и, кажется, это всё. (Роль оного Рынкевича в дальнейших событиях ничтожна, и ждёт его всего лишь перевод

тем же чином на Кавказ, где он и сгинет.)

В декабрьские совещания Одоевский вносит дополнительную порцию энтузиастического сумбура.

Из показаний на следствии барона Владимира Штейнгеля:

«…Все говорили и мало слушали. Князь Одоевский с пылкостью юноши твердил только: „Умрём! Ах, как славно мы умрём!“»

Эти восклицания (если не сочинил их Штейнгель) звучали на сходке у Рылеева 12 декабря. 13 декабря Одоевский назначен в караул в логово врага, в Зимний дворец, где исправно дежурит до утра 14-го, а затем со своей командой отправляется присягать новому императору…

(Не правда ли, странный заговор? Один из его участников идёт с пистолетом на царя, а стреляет в кого попало, другой во главе нескольких сот вооружённых бойцов пробегает мимо того же заговорённого противника, третий дисциплинированно несёт караул в его покоях ночь напролёт, чтобы затем весь день метаться по городу, ища возможности с ним разделаться…)

А 14-го утром корнет, как в омут головой, бухнулся в пучину событий.

Из показаний Александра Одоевского:

«…Пошёл я к Рылееву, который сказал мне дожидаться на площади, доколь придут войска. Я пришёл на площадь, не найдя на оной никого, пошёл домой и у ворот встретил Ренкевича, взял у него сани, поехал чрез Исаакиевский мост в Финляндский полк, дабы узнать, приняли ли присягу, здесь встретил я квартирмейстерского офицера, которого видел у Рылеева и который известил меня, что Гренадерский полк не подымается, и звал меня ехать к оному. Прибыв туда, нашёл некоторых офицеров на галерее, от коих узнал, что полк присягнул… Приехав назад, на Исаакиевскую площадь, нашёл уже толпу Московского полка и некоторых из моих друзей, к коим я пристал. С ними кричал я „ура Константину“. б…с *В колонне остался я, доколе оная была расстроена и разогната картечью».*

Последний луч света для восставших — прорыв лейб-гренадеров. Но вслед за этим батальон присягнувшего Николаю Павловского полка занял проём Галерной улицы, отрезая путь отступления. Эскадроны конногвардейцев выдвигаются из-за массивного плеча дома Лобанова-Ростовского.

Перед тем как мятежные войска были «разогнаты картечью», имела место странная встреча

Александра Одоевского с однополчанами.

Из дневника барона Василия Каульбарса, штабротмистра лейб-гвардии Конного полка:

«Тут мы увидали остальные четыре эскадрона нашего полка, стоявшие неподалёку от нас, спиною к Адмиралтейскому бульвару и лицом к каре. б…с *Они были принуждены сделать несколько атакообразных демонстраций, которые, конечно, были неудачны ввиду гололедицы и столь близкого расстояния. При первой попытке они были встречены ружейным залпом, при последующих в них даже не стреляли, напротив, шутливо посмеивались над ними в каре.* б…с *Из каре выступил один из наших офицеров, князь Одоевский, и обратился к нам со следующими словами: „Конногвардейцы, неужели вы хотите проливать русскую кровь?“ На это мы крикнули: „Ура, Николай!“ — и, послав по его адресу несколько злобных слов, увидели, как он немедленно отретировался обратно».*

Брань, коею однополчане осыпали вдохновенного корнета, была лишь предвестием картечи, хлестнувшей по всем. После третьего залпа, когда строй рассыпался, князь Одоевский, согласно его собственным показаниям, из Галерной улицы пробился «чрез переулок на Неву, перешёл чрез

лёд на Васильевский остров». Два дня скрывался, переодевшись в штатское. В итоге 16 декабря «прибыл к дяде своему Д. С. Ланскому, который отвел… к Шульгину».

Заметим, Дмитрий Сергеевич Ланской, действительный тайный советник и сенатор, был женат на родной сестре княгини Прасковьи Одоевской, Варваре. После осуждения Александра Одоевского именно к ней перейдут его имения, унаследованные от матери. Так что у Ланских имелись основания поскорее избавиться от племянника, передав его в руки властей. Что касается обер-полицмейстера Шульгина, то он через месяц будет отставлен от должности: по одной версии — за то, что долго служил под началом цесаревича Константина, по другой — за пьянство. А может быть, за обе вины вместе.

Судьба корнета Одоевского на этом заканчивается. И начинается судьба Одоевского-поэта. Поэта слабого, второразрядного, но тем не менее вошедшего в русскую литературу как малая звёздочка между настоящими светилами — Пушкиным и Лермонтовым.

В январе 1827 года из Москвы в свой дальний (и, как оказалось, смертный) путь на восток отправлялась Александра Муравьёва, жена осуждённого

на 15-летнюю каторгу Никиты Муравьёва. В её дорожном секретере среди прочих бумаг лежал листок, исписанный беглым почерком, ныне знакомым всякому школьнику: «Во глубине сибирских руд…» Послание Пушкина было передано ею заключённым Читинского острога в феврале. А в марте туда же прибыл осуждённый по IV разряду Александр Одоевский. Неизвестно, когда был написан стихотворный ответ Пушкину и был ли написан рукой Одоевского или записан кем-то с его слов: Александр не любил предавать бумаге плоды своих вдохновений.

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И – лишь оковы обрели.

Звуки пушкинской лиры дошли до самого сердца читинского каторжника и отразились двухвековым эхом.

Вот ведь удивительно: одна-единственная строчка «Из искры возгорится пламя» сделала Александра Одоевского поэтом на все времена.

Дело № 30

Андрей Николаевич Андреев

Православного вероисповедания.

Родился в 1803 или 1804 году.

Отец – Николай Андреев, коллежский советник. Мать – Марья Васильевна. Родители владели селом Кривино Новгородского уезда (более двухсот душ крепостных и заброшенная суконная фабрика; имение в весьма расстроенном положении). Братья: Василий, Александр (поручик лейб-гвардии Московского полка), Дмитрий (поручик лейб-гвардии Измайловского полка), Иван.

Обучался в Петербургской губернской гимназии (впоследствии 2-я петербургская). В 1820 году поступил в лейб-гвардии Измайловский полк подпрапорщиком; в 1823 году произведён в прапорщики, в 1824-м в подпоручики.

Принят в Северное общество Рылеевым или того же полка подпоручиком Кожевниковым за неделю до мятежа.

14 декабря на Сенатской площади не был; вместе с полком принёс присягу го-

сударю императору Николаю Павловичу.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к лишению чинов и дворянства и ссылке на поселение вечно; срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с половиною вершков[77], волосы на голове темно-русые, бороду и усы бреет, глаза большие, чёрные, лицо продолговатое, смуглое, брови чёрные, нос прямой, средней величины.

Поселён в Олёкминске Якутской области, занимался хлебопашеством; в 1831-м подавал прошение о разрешении поступить в услужение к частным лицам для снискания себе пропитания; на что последовал отказ, но дано высочайшее разрешение поселиться в Верхнеудинске. Выехав из Олёкминска, добрался до села Верхоленское Иркутского округа, где заночевал у декабриста-ссыльнопоселенца Николая Репина. Той же ночью (с 27 на 28 сентября 1831 года) в доме случился

---

[77] Примечания: 77
Примерно 171 см.

пожар, в котором оба погибли.

Из заключения Следственной комиссии:

«Накануне 14 декабря в бытность у Рылеева на него возложено стараться, сколь возможно, уговаривать солдат отвергать присягу и следовать на площадь, где ожидать дальнейших приказаний».

На Измайловский полк заговорщики надеялись крепко. Поднять его обещался Якубович. Сигнала к выступлению ждали капитан Богданович, подпоручики Андреев, Кожевников, Лаппа… Не дождались. Полк в полном составе присягнул Николаю. Вечером того же дня капитан Иван Богданович был найден дома мёртвым — по общему мнению, покончил с собой. Остальные арестованы.

Дело № 31

Нил Павлович Кожевников

Вероисповедание православное.

Родился в феврале 1804 года в Петербурге.

Отец – Павел Александрович Кожевников, отставной чиновник VII класса. Мать – Екатерина Петровна, урождён-

ная Яхонтова, двоюродная сестра Дарьи Алексеевны Державиной (урождённой Дьяковой), жены знаменитого поэта. Родители владели в Новоржевском уезде Псковской губернии имением Бородино (около 70 душ крепостных). Брат Александр, юнкер, затем офицер лейб-гвардии Измайловского полка; сёстры: Александра и Авдотья.

Получил домашнее образование, затем учился в частном пансионе барона Шлитера; перед вступлением в службу, находясь в доме тайной советницы Дарьи Державиной, брал уроки математики и истории у преподавателей Петербургского университета. В 1820 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; в 1823 году произведён в прапорщики, в 1824-м в подпоручики.

Участие в тайных обществах не доказано, однако присутствовал на совещаниях 12 декабря 1825 года у Оболенского и 13 декабря у Рылеева.

14 декабря на Сенатской площади не был; вместе с полком принёс присягу государю императору Николаю Павловичу.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по IX разряду, приговорён к лишению чинов и дворянства и определению рядовым в дальний гарнизон.

Отправлен в Оренбургский гарнизонный полк; в августе 1826 года высочайше повелено перевести в войска Кавказского корпуса «до отличной выслуги». С января 1827 года в Тифлисском полку, в 1828 году произведён в унтер-офицеры и переведён в 42-й егерский полк. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией, получил несколько ранений. В 1833 году произведён в прапорщики. В 1835 году переведён в пехотный князя Варшавского полк.

Женат не был.

Датой смерти считается 30 октября 1837 года; место и обстоятельства неизвестны.

Из заключения Следственной комиссии:

«…Склонял солдат не принимать присяги и взять с собою патроны. После присяги во всё время находился при полку и более ничего не сделал…»

Дело № 32

Матвей (Иосиф Матфей Михаил) Демьянович Лаппа (Лаппо)

Вероисповедание римско-католическое.

Родился в 1799 или 1800 году.

Отец – Демьян Лаппа, владелец имения Рудобелки в Минской губернии (около 300 душ крепостных). О матери сведений нет. Младший брат Александр.

Воспитывался в Могилёвском иезуитском пансионе и в Петербурге, в Петришуле, у пастора Коллинса. В 1819-м поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; в 1822 году в прапорщики, в 1824-м в подпоручики.

Был принят в Северное общество Михаилом Назимовым в конце 1824 года.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади не был; вместе с полком принёс присягу государю императору Николаю Павловичу.

Арестован 23 декабря.

Осуждён по XI разряду, приговорён к разжалованию в рядовые и отправ-

ке в дальние гарнизоны, без лишения дворянства. Отправлен в Петровский гарнизонный батальон, вскоре вместе с Кожевниковым направлен в Тифлисский пехотный полк Кавказского корпуса. В 1828 году произведён в унтер-офицеры. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией. В 1832 году переведён в 42-й егерский полк, в 1833 году произведён в прапорщики с переводом в 6-й Грузинский линейный батальон. В 1835 году уволен в отставку по болезни: чахотка. Жил в своем имении Рудобелки Бобруйского уезда, где и умер в 1840 году.

Из воспоминаний Александра Гангеблова, привлекавшегося к следствию по делу 14 декабря[78]:

«В этом человеке мне нравились безыскусственность, открытость в обращении и логичность во взглядах. Первые мои к нему поездки развлекались отчасти игрою в шахматы, а иногда и музыкой… б…с *Он говорил, что в массе человече-*

[78] Примечания: 78

Александр Гангеблов суду предан не был; после девятимесячного заключения в Петропавловской крепости переведён тем же чином на Кавказ; участвовал в войнах с Ираном и Турцией; в 1832 году вышел в отставку и более нигде не служил; умер в 1891 году, не дожив две недели до 92 лет.

ства меньшинство, которому одному доступно эстетическое чувство, совершенно ничтожно по своей численности; что громадное большинство, можно сказать, всё человечество, в искусствах не может знать толку, стало быть, в них не нуждается».

23 декабря, после ареста Гангеблова, объявил полковому командиру, что принадлежит к тайному обществу, вследствие чего был арестован.

На следствии упоминал об участии с 1819 года в некоем тайном обществе, руководимом итальянцем-учителем Джильи, но что это за общество — неясно. Если учесть, что Лаппе на момент знакомства с загадочным итальянцем не исполнилось и двадцати лет и он ещё не был офицером, можно полагать, что участие в этой затее серьёзного политического значения не имело. В дни, предшествовавшие новой присяге, вёл мятежные разговоры с товарищами по полку — поручиком Гангебловым и подпоручиком Кожевниковым.

Имеющееся в воспоминаниях Гангеблова указание на умопомешательство Лаппы, якобы имевшее место в последние годы его жизни на почве чрезмерной католической религиозности, не находит никаких подтверждений.

Дело № 33

Александр Александрович Фок

Родился в 1803 или 1804 году.

Вероисповедание православное.

Отец – Александр Карлович Фок, коллежский советник, вятский обер-форштмейстер (старший лесничий), вдовец (о матери сведений нет); владел домом в Вятке и именьем Браейшево (20 душ крепостных) в Уфимском уезде Оренбургской губернии. Четверо братьев; семь сестёр. Двоюродный брат – декабрист Нил Павлович Кожевников.

Получил домашнее образование; в 1819 году вместе с Нилом Кожевниковым жил в доме Державиных и, вероятно, брал уроки у тех же преподавателей. В 1821 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; в 1823-м произведён в прапорщики, в 1825-м в подпоручики.

В тайных обществах не состоял. 13 декабря был у Каховского. О заговоре знал и вел агитацию среди солдат против присяги Николаю I.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по XI разряду, приговорён к разжалованию в рядовые и отправке в дальние гарнизоны, без лишения дворянства, с выслугой. Определён в Устькаменогорский гарнизонный батальон, в 1827 году переведён в Кавказский корпус и зачислен в 41-й Егерский полк; в 1828 году произведён в унтер-офицеры, в 1830-м переведен в 44-й Егерский полк, в 1833 году в прапорщики с определением в 10-й Оренбургский линейный батальон. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией. В 1835 году уволен от службы по причине ранений, с пенсионом, под секретный надзор и с запрещением въезда в столицы. Женат, вероятно, с того же времени. Оставшиеся годы проживал в имении жены – в деревне Андреево (Андреевка? хутор Андреев?) Бирского уезда Уфимской губернии, где и умер в августе 1854 года.

Из показаний Александра Фока:

«…За несколько дней до происшествия был в ресторации „Лондон“, где слышал от двух офицеров, полагаю конногвардейских, что присяги

принимать не должно и что Сенат её отринет, и об этом говорил капитану Богдановичу, который ничего утвердительного не сказал, но уверял, что оное тоже слышал».

Из следственного заключения:

«Отклонял людей от присяги, а ещё прежде оной говорил разжалованному унтер-офицеру Болтушкину: „Скоро будет перемена, смотри, не выдавай нас!“ Сверх сего, унтер-офицеру Карпову и многим другим сказал, что присягать не должно и чтобы взяли боевые патроны… В продолжение мятежа находился в полку у своего места и более ничего не делал».

Дело № 34

Николай Петрович Репин

Вероисповедания православного; по некоторым сведениям, увлекался учениями французских философов.

Родился в 1796 году.

Отец – Пётр Афанасьевич Репин, умер в 1811 году в чине статского советника. Мать – Екатерина Сергеевна, урождённая Авсова (Овсова), умерла в 1808 году. Сестра Анна, замужем. Родственник – адмирал Пётр Карцов, член Верховного уголовного

суда по делу 14 декабря 1825 года.

Получил домашнее образование, учился в частном пансионе Жакинó. В 1811-м поступил на службу юнкером в лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду. Участвовал в кампании 1812-го и в Заграничных походах 1813–1815 годов. Осенью 1812 года произведён в прапорщики с переводом в 3-ю артиллерийскую бригаду; в 1814 году переведён в 8-ю артиллерийскую бригаду[79]. В 1818 году произведён в подпоручики и переведён в лейб-гвардии Финляндский полк. В 1822 году поручик, в 1825-м штабс-капитан.

В Северное общество принят, вероятно, Рылеевым за несколько дней до восстания, участвовал в совещаниях. Однако ранее имел контакты с членом петербургской управы Южного общества Петром Свистуновым.

14 декабря 1825 года был на Сенатской площади.

Арестован 15 декабря.

---

[79] Примечания: 79

Эта бригада через несколько лет станет одним из главных рассадников вольнодумства: пятеро её офицеров будут осуждены за участие в южном заговоре.

Осуждён по V разряду, приговорён в каторжные работы на 8 лет; срок сокращён до 5 лет.

Приметы: рост два аршина пять с четвертью вершков[80], лицо белое, чистое, глаза голубые, нос средний, остр, волосы на голове и бровях темно-русые, левый глаз немного крив.

Отбывал каторгу в Читинском остроге, Петровском заводе. В 1831 году обращён на поселение в селе Верхоленское Иркутской губернии. В ночь на 28 сентября того же года погиб в пожаре вместе с декабристом Андреем Андреевым.

Художник-любитель: сохранилось несколько его акварелей, сделанных в Читинском остроге.

Из рапорта командира лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майора Воропанова 1-го от 15 декабря 1825 года петербургскому коменданту генерал-лейтенанту П. Я. Башуцкому:

«Имею честь препроводить к вашему превосходительству… штабс-капитана Репина, бывшего

---

[80] Примечания: 80
Примерно 164 см.

в дружественном сношении с Рылеевым и Бестужевым… подав прошение об увольнении его в отставку и рапортуясь больным с 26 октября сего года, коль скоро услышал о произошедшем беспорядке, тотчас приехал к полку…»

Из показаний штабс-капитана Репина:

«В день 14-го числа, услыша, что на площади есть шум, я пошёл в шинели на оную, чтоб увидать, в чём оный состоит. Придя, нашёл Московского полка карей, кричащий „ура“. Я подошёл к карею и от оного пошёл в свой полк, интересуясь, что в оном делалось. В полку был я минуту, убоясь быть встреченным генералом по причине моей болезни. Возвратился домой, но час спустя по нетерпению пошёл опять на площадь; не мог более подойти к войску, а стоял с народом на бульваре. Когда же начались выстрелы, я отправился к полку, который стоял у моста. В то время подходил я к поручику Розену, который сказал мне отойтить и просил навестить жену его и успокоить на его счёт. Я пришёл к Розену на квартиру и просидел у него до вечера, а потом пошёл спать домой».

Из показаний Александра Бестужева:

«Он дал большую надежду на Финляндский полк, но потом спустил тон. Говорил очень го-

рячо о том, что не надобно упускать времени и что России нужна перемена. В день 14 декабря он приехал к каре, но Пущин сказал, чтобы он без солдат и не являлся, он уехал, обнадеживая, что это будет, и уже я его не видал».

Дело № 35

Николай Романович Цебриков

Вероисповедания православного.

Родился в 1800 году.

Отец – Роман Максимович Цебриков, член Российской академии, служил в Коллегии иностранных дел, умер в 1817 году в чине действительного статского советника. Мать – урождённая Караулова, имя неизвестно. Братья: Александр[81], Константин, Иван; сестра Наталья.

Воспитывался в Горном кадетском корпусе, курса не кончил. В 1817 году поступил юнкером в лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду; в том же году

---

[81] Примечания: 81

Александр Романович Цебриков (1802–1876) в 1825 году был лейтенантом Гвардейского экипажа, кратковременно присутствовал 14 декабря на Сенатской площади, был арестован 15 декабря, через полгода освобождён и восстановлен на службе; дослужился до чина вице-адмирала (1860).

переведён в лейб-гвардии Финляндский полк; в 1819 году в прапорщики, в 1822-м в подпоручики, в 1825-м в поручики.

14 декабря рапортовался больным, по этой причине не был у присяги.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по XI разряду, приговорён к лишению дворянства и разжалованию в солдаты без выслуги, однако вскоре отправлен на Кавказ до отличной выслуги. Поступил в пехотный полк графа Паскевича. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией. В 1828 году за отличие в сражении произведён в унтер-офицеры; в 1837 году за отличие в экспедиции против горцев – в прапорщики. Уволен от службы по болезни в 1840 году. Поступил управляющим имением Льва Нарышкина, жил под надзором в селе Завьялове Балашовского уезда Саратовской губернии. В 1841 году разрешено вступить в гражданскую службу помощником окружного начальника государственных имуществ в Елатьме Тамбовской губернии; в 1843 году уволен за превышение власти. В дальнейшем жил в Тамбовской

и Тульской губерниях, был управляющим имениями частных лиц. В 1855 году был освобождён от надзора и получил разрешение на въезд в столицы.

Состоял в невенчанном браке с Анной Андреевной Тётушкиной, в 1850 году у них родился сын Николай (Цебриков подавал прошение о его усыновлении в 1857 году).

Умер в 1865 году в Петербурге.

Под следствием Николай Цебриков содержался вначале в Петропавловской крепости, однако по высочайшему повелению «за упорство в признании и за употребление дерзости в выражениях при допросе Комитета» был закован в ручные кандалы и отправлен в Нарвскую крепость, где в оковах содержался три с половиной месяца.

В тайных обществах не состоял. Вину не признал — единственный из офицеров, преданных суду за участие в восстании 14 декабря 1825 года, и это невзирая на длительное содержание в железах. Приговор, вынесенный «по важности вредного примера, поданного им присутствием его в толпе бунтовщиков в виду его полка», свидетельствует о том, что сами судьи не были

уверены в степени его виновности. На площади присутствовал, от присяги уклонился, и в показаниях других бунтовщиков имя его упоминается.

Из показаний Николая Цебрикова:

«Я, рапортуясь больным, жил у брата в Гвардейском экипаже, из которого 14-го числа отправился в десять часов утра в полк[82]*, дабы узнать, что в нём происходит. В полку никого не застал… и, возвратясь в Гвардейский экипаж, меня в оный более не пустили. Взяв тогда извозчика, поехал я чрез Исаакиевский мост к полку и, увидя на площади толпу, я остановился… из любопытства».*

«…Увидя колонну Экипажа, подошёл к ней и унимал, чтобы люди не стреляли. Несколько после отошёл прочь…»

Из показаний Александра Бестужева:

«С ним (Репиным. — *А. И.-Г.*) *приехал Цебриков, которому я назначил место на угол каре к монументу».*

Из показаний Александра Беляева:

«У конногвардейского манежа точно встретил нас поручик Цебриков, кричавший: „В каре против кавалерии“».

Из записок Николая Греча:

---

[82] Примечания: 82
На Васильевский остров.

«Он закричал им: „Куда вас чёрт несет, карбонары!“ Это подслушал какой-то квартальный и донёс, что Цебриков кричал: „В каре против кавалерии!“».

Из показаний Александра Беляева:

«Я был с ним знаком, но ни в каких совещаниях наших он не участвовал… Пылкий молодой человек, который несчастием своим обязан несчастному приходу его утром к Арбузову, который посылал его в полк».

Предоставляем читателю самостоятельно вынести вердикт о степени виновности поручика Цебрикова.

Дело № 36

Барон Андрей Евгеньевич (Андреас Германн Генрих) фон Розен

Лютеранского вероисповедания.

Родился 3 ноября 1799 года на мызе Ментак (ныне Мяэтагузе) Эстляндской губернии.

Отец – барон Евгений Октавий фон Розен, эстляндский помещик (к 1826 году 900 душ крепостных, которые за ним числились, будут проданы в связи со «стесненным положением»). Мать – Барбара

Хелена, урождённая Сталь фон Голштейн, умерла вскоре после ареста сына. Братья: Владимир (Вольдемар), Отто, Юлий.

Обучался в Нарвском народном училище; в 1815 году поступил в 1-й Кадетский корпус (там познакомился с Рылеевым). В 1818 году выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк; в 1820 году подпоручик, в 1823-м поручик.

В апреле 1825 года женился на Анне Васильевне Малиновской. Их первенец Евгений родился за две недели до вынесения приговора по делу декабристов; из шестерых детей, родившихся впоследствии, до взрослых лет дожили четверо.

В тайных обществах не состоял, но присутствовал на собраниях заговорщиков 11 и 12 декабря 1825 года у штабс-капитана Репина и поручика князя Оболенского; был и у Рылеева.

Участвовал в восстании 14 декабря.

Арестован 15 декабря.

Осуждён по V разряду, приговорён в каторжные работы на 10 лет; срок сокращён до 6 лет.

Приметы: рост два аршина девять

вершков[83], лицо белое, чистое, продолговатое, глаза голубые, нос длинный, волосы на голове и бровях светло-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1832 года на поселении в городе Курган Тобольской губернии. В 1837 году по высочайшему повелению определён рядовым в Кавказский корпус, однако перед отъездом сломал ногу, отчего нести полноценно службу не мог. В 1839 году по болезни уволен рядовым с дозволением проживать под строгим надзором безвыездно в имении брата в Эстляндии, близ Нарвы. В 1855 году освобождён от надзора с запрещением въезда в столицы. По амнистии 1856 года восстановлен в правах дворянства, после 1861-го жил в имении Каменка Изюмского уезда Харьковской губернии, где на два трёхлетия избирался мировым посредником.

Писал мемуары.

Умер 1 мая 1884 года в селе Окнино Харьковской губернии.

---

[83] Примечания: 83
Примерно 182 см.

Участие Розена в событиях 14 декабря 1825 года своеобразно. По его команде батальон Финляндского полка застрял посреди Исаакиевского моста, между мятежом и властью — ни на той стороне, ни на этой.

Из записок декабриста В. И. Штейнгеля:

«Командир 1-го взвода Финляндского полка барон Розен скомандовал „стой“, в момент, когда солдаты проходили по Исаакиевскому мосту, чтобы обойти восставшие полки. Полк весь остановился, только часть его, не дошедшая до моста, перешла по льду на Английскую набережную».

Андрей Евгеньевич Розен проживёт долгую жизнь, оставит обширные, тщательно продуманные и искусно написанные воспоминания. В них он предстанет сознательным борцом с неправдой, апологетом своих товарищей по восстанию, образцовым декабристом. Но был ли он таковым в потоке событий, в предрождественском мареве 1825 года?

Многие участники той драмы стали классическими декабристами в Нерчинске, Чите, Петровском заводе, на поселении, в солдатах, в кавказских линейных батальонах, отточив мысли, накопив обиды, наобщавшись с себе

подобными, поднабравшись идейной мудрости от основоположников движения. Но тогда, в декабрьские дни, и ещё долго после, в камерах Петропавловки, они мыслили и чувствовали по-другому. Это относится прежде всего к молодым офицерам гвардейских полков, ставшим впоследствии поэтами, мемуаристами или героями чьих-то мемуаров, — к Одоевскому, Гангеблову, Цебрикову, Александру Беляеву, Анненкову, пожалуй, отчасти к Михаилу Бестужеву… И конечно же, к Розену.

Он не увлекался либеральными учениями и действительно не состоял ни в каких тайных обществах — тут сходятся показания всех опрошенных в ходе следствия. И лишь за четыре дня до восстания узнал от штабс-капитана Репина, что что-то затевается. Узнав, бодрым строевым шагом пошёл туда, где затевалось. 11 и 12 декабря он — деятельный, хотя и осмотрительный участник заговорщицких совещаний: среди общего восторженного «авось» его высказывания звучат разумно и отрезвляюще. Вывести войска к Сенату могут только полковой или батальонные командиры, а они не с нами, — говорит он Рылееву и Оболенскому. И на ответное: «Пусть верные офицеры одни явятся на площадь» — про-

рочески возражает: «Что будет там со стадом без пастыря?» И тем не менее, ясно осознавая недостаточность сил и неясность планов, он — готов действовать.

Почему? Не мог же остзейский барон, ни в чём таком ранее не замеченный, в два-три дня проникнуться до жертвенного пыла идеями конституции и республики, всеобщего равенства и вольности.

Какая идея им двигала?

Мы полагаем, как ни странно, — идея порядка.

Розен — человек порядка. Междуцарствие приподняло завесу, скрывающую тайну российского государственного организма: оказывается, при внешней строевой выправке внутри него всё — хаос и анархия. «Во всём выказывалось колебание, недоумение, всё предоставлено было случаю, — напишет Розен в мемуарах. — Правительственные лица думали о сохранении своих мест и доходов… оставив в стороне отечество и государство». Путаную переприсягу Николаю он воспринял как пролог к грядущей смуте — и решился встать на пути хаоса.

Вот это он и сделал — встал на пути.

В казармах Финляндского полка на Васильевском острове после присяги оставался один

батальон: другой был в караулах, третий вовсе зимовал за городом. Около полудня поступил приказ корпусного командира: вывести батальон на оцепление площади.

Из «Записок декабриста» Розена:

«Мы тронулись ротными колоннами; у Морского кадетского корпуса встретил нас генерал-адъютант граф Комаровский[84] *верхом, который государем послан был за нашим батальоном. Нас остановили на середине Исаакиевского моста подле будки; там приказали зарядить ружья».*

Сейчас последует приказ — стрелять по своим. Сие есть смута, этого допустить он не мог. Но и присоединиться к восстанию не мог тоже, ибо и в том лагере царил хаос.

«…Восстание не имело начальника, следовательно, не могло быть единства в предприятии».

«Не желая напрасно жертвовать людьми, а также не будучи в состоянии оставаться в рядах противной стороны, я решился остановить взвод мой. В ту минуту, когда граф Комаровский и мой бригадный командир скомандовали всему батальону: „Вперёд!“ — взвод мой единогласно и

---

[84] Примечания: 84

Временный военный губернатор Петербургской и Выборгской сторон.

громко повторил: „Стой!“».

Поручик Розен заткнул горлышко бутылки, изо всех сил стараясь не выпустить джинна.

«Дважды возвращался ко мне бригадный командир, чтобы сдвинуть мой взвод, но напрасны были его убеждения и угрозы. Между тем я остановил не один мой стрелковый взвод, за моим взводом стояли еще три роты… С лишком два часа стоял я неподвижно, в самой мучительной внутренней борьбе».

И всё же джинн вырвался — картечью из пушечных стволов…

Далее арест, суд, Сибирь.

Мы условились, что о жёнах декабристов подробно рассказывать не будем. Но всё же о баронессе Розен не упомянуть не можем.

Из письма Анны Васильевны Розен мужу; 29 июня 1830 года, Калиново близ Перми (оригинал по-французски):

«Ни слова о разлуке с ребёнком и со всеми моими дорогими. Я их поручила Божьему Промыслу, вот всё, что могу сказать… когда увидела удаляющуюся карету, в которой пребывало всё, что мне дорого, я почувствовала, как земля поколебалась подо мной, и не знаю, какая милость Неба меня поддерживала».

Анна Васильевна — дочь первого директора Царскосельского лицея Василия Фёдоровича Малиновского и Софьи Андреевны, урождённой Самборской. Оба деда священники; дед по матери, протоиерей Андрей Самборский — законоучитель и какое-то время духовник Александра I; бабушка Елизавета Самборская — англичанка, принявшая православие. Анна Васильевна вступила в брак с бароном Андреем Розеном в апреле 1825 года и ко времени ареста мужа пребывала на сносях. Лишь в 1829 году, когда первенец их Евгений подрос, баронесса смогла подать прошение об отъезде к мужу. Как и всем жёнам декабристов, ей пришлось преодолеть сопротивление не только властей, но и близких. К тому же, заметим, брать с собой детей не разрешалось. Оставив четырёхлетнего сына на попечение сестры, Марии Вольховской, Анна Васильевна отправилась в далёкий путь и воссоединилась с мужем в селе Ононский Бор, близ Верхнеудинска, во время перехода каторжников из Читы в Петровский завод в августе 1830 года. С тех пор они не разлучались до самой смерти баронессы в декабре 1883 года. Осьмидесятитрёхлетний барон пережил супругу всего на четыре месяца.

Дело № 37

Анна Розен (урождённая Малиновская), ровесница лицеистов первого выпуска, была хорошо знакома с ними: директорская семья Малиновских жила при Лицее. Мария, ее сестра, потом выйдет замуж за лицеиста первого выпуска В. Д. Вольховского. Быть может, и Анне нравился кто-нибудь из этих забавных юнцов. Например, Жанно Пущин — такой положительный, весёлый, красивый. Или его младший брат Михаил, кадет, которого она видела изредка, — и тот не хуже. Но лицейские годы кончились, пути барышень Малиновских и братьев Пущиных разошлись. Бывшая баронесса Розен встретится с государственным преступником Иваном Пущиным на пути к тюрьме Петровского завода. Возможно, повстречавшись, они поведали друг другу об участи своих близких. Вспомнили и Михаила Пущина, который попал в декабрьскую передрягу совершенно безвинно.

Михаил Иванович Пущин
Православного вероисповедания.
Родился 25 мая 1800 года в Петербурге.
Отец – Иван Петрович Пущин, генерал-

лейтенант, генерал-интендант флота, сенатор. Мать – Александра Михайловна, урождённая Рябинина. За отцом около 400 душ крепостных в Тверской и Минской губерниях, дом в Петербурге[85]. Братья: Иван (декабрист), Николай, Пётр; сестры: Анна, Евдокия, Екатерина, Мария, Елизавета, Варвара.

Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе. В 1816 году выпущен прапорщиком в 1-й сапёрный батальон; в 1818 году переведён в лейб-гвардии Сапёрный батальон; в 1819 году произведён в подпоручики (заслужил одобрение великого князя Николая Павловича, будущего императора) и переведён в лейб-гвардии Конно-пионерный[86] эскадрон; в конце того же года произведён в поручики, в 1822-м в штабс-капитаны, в 1824-м за отличие в капитаны; в 1825-м назначен командиром лейб-гвардии Конно-пионерного

---

[85] Примечания: 85

Набережная реки Мойки, дом 14; в трёх минутах от Зимнего дворца и рядом с домом княгини Волконской, где будет суждено умереть Пушкину.

[86] Примечания: 86

Пионерные войска — то же, что сапёрные.

эскадрона.

В тайных обществах не состоял.

Был у Рылеева накануне восстания.

15 декабря арестован.

Осуждён по X разряду[87], приговорён к лишению чинов и дворянства и к отдаче в солдаты до выслуги. Отправлен в Красноярский гарнизон; в 1827 году переведён на Кавказ, в 8-й пионерный батальон. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией, фактически руководил сапёрно-инженерной работой в армии Паскевича. За отличие при осадах Аббас-Абада, Сардар-Абада и Эривани в 1827 году произведён в унтер-офицеры, в 1828-м в прапорщики, в том же году в подпоручики. При штурме Ахалцихской крепости в 1829 году ранен в грудь навылет; за проявленную отличную храбрость представлен к ордену Святого Георгия, но взамен сей награды по высочайшему соизволению произведён в поручики. Встречался с Пушкиным во время его пребывания в действующей армии, в походе

[87] Примечания: 87

По этому разряду был осужден только Михаил Пущин: так государь император решил отметить своего бывшего любимца.

на Эрзерум. В 1831 году уволен от службы с производством в следующий чин, однако под тайный надзор и с запрещением въезда в Петербург. В том же году разрешено вступить в гражданскую службу; был чиновником для особых поручений при псковском губернаторе А. Н. Пещурове, затем попечителем богоугодных заведений. В 1835 году вышел в отставку, жил в имении отца в Бобруйском уезде Минской губернии.

По амнистии 1856 года был освобождён от надзора. По ходатайству князя А. М. Горчакова, бывшего лицеиста, министра иностранных дел, был представлен Александру II. После высочайшей аудиенции восстановлен в чине гвардии капитана, а вскоре награждён орденом Святого Георгия 4-й степени за подвиг почти тридцатилетней давности. Позднее был членом Московского губернского дворянского комитета по подготовке отмены крепостного права; произведён в действительные статские советники. В 1865 году переименован в генерал-майора и назначен комендантом Бобруйской

крепости[88]. Награждён орденами Святого Владимира 3-й степени и Святого Станислава 1-й степени.

В 1831 году женился на Софье Петровне Пальчиковой; овдовел через четыре года. В 1838 году вступил в брак с Марьей Яковлевной Подкользиной (на её сестре Варваре позднее женится декабрист Михаил Назимов); детей у них не было.

Мемуарист.

Умер в 1869 году.

Как видим, служба Михаила Ивановича идёт более чем успешно. Осень 1825 года: он ожидает перевода в армию с производством в полковники. Ему всего 25 лет. Смерть Александра I и неожиданный поворот престолонаследного сюжета рождают новые надежды: у будущего государя Николая Павловича, шефа конно-пионеров, он на самом лучшем счету — лучше некуда. Его прочат в гвардии полковники, во флигель-адъютанты.

Из воспоминаний Михаила Пущина:

«Еще прежде кончины императора у Петра Колошина из бюро пропали деньги; жена его Мария

---

[88] Примечания: 88

В этой крепости когда-то содержались некоторые из осуждённых декабристов.

Сергеевна настоятельно требовала, чтобы он поехал к гадальщице Киргоф и через нее отыскал вора. По просьбе Колошина я согласился с ним поехать к Киргоф и даже просить её и мне погадать… Когда дошла очередь до меня, она опять развернула на столе свою перетасованную колоду и сказала: „Вы ищете перемены по службе, подавали об этом три бумаги; перемена вам будет, но не та, которую вы ожидаете; странно говорят карты, вы будете солдат. — Потом опять перебрала свои карты и прибавила: — Это не должно вас тревожить, вы солдатом прославитесь; денег же, денег у вас будет столько, что вы будете бросать золотом без счету; конец ваш будет тихий и благополучный“».

Перемена произошла в считаные дни.

Михаил Пущин не знал о существовании тайных обществ: старший брат скрывал от него своё в них участие.

Из воспоминаний Михаила Пущина:

«Во время междуцарствия совсем неожиданно приехал из Москвы брат Иван Иванович… Сейчас по приезде брат стал говорить, что если назначена будет новая присяга, то присягать не следует, что нельзя дозволить так легко обращаться с чужой совестью, особенно необразованного наро-

да. Однажды он мне сказал: побывай у Рылеева, тебе будет яснее нынешнее наше положение. Из любопытства на другой день утром я пошёл к Рылееву…»

Разумеется, от Рылеева командир конно-пионерного эскадрона узнал, что готовится благословенный переворот, что сил для него предостаточно, что «Корнилович с юга, а Якубович с Кавказа привезли известие о самом лучшем настроении войск». Ясное дело, без Якубовича не обошлось: тот «за завтраком и за бутылкою вина» наговорил доверчивому капитану по-ноздрёвски с три короба. И… Словом, 13 декабря Михаил Пущин вновь оказался на квартире Рылеева. В прихожей висело множество шуб, в гостиной — толпа народу, знакомого и незнакомого. Капитан хотел было идти восвояси, но Рылеев «после обычного приветствия сказал: „Господа, это наш; я его с детства знаю, он не выдаст“». Уйти стало неловко. И Михаил Пущин вошёл в комнату, где вокруг заваленного бумагами стола в жарких спорах вырабатывали планы на будущий день Бестужев, Арбузов, Панов, Сутгоф, Кожевников, Коновницын…

14 декабря гвардии капитан Пущин никакого участия в мятежных действиях не принимал;

свой эскадрон привёл к присяге Николаю I.

Тем не менее 15 декабря арестован.

За что? Из приговора: «Знал о приготовлении к мятежу, но не донёс». Прав был Рылеев: «Это наш, не выдаст». Зато на него донесли.

Дело № 38

В бессонные ночи и наполненные допросными трудами дни, последовавшие за мятежом, государь император Николай Павлович не скрывал своих эмоций. «Какие фамилии!» — восклицал он, бледный, читая всё новые и новые донесения. Действительно: Трубецкой, Оболенский, Орлов, Волконский, Муравьёвы, Одоевский, Розен… Какие фамилии!

Но, быть может, более всего изумился он, узнав, что и молодой граф Пётр Коновницын замешан в злосчастном восстании 14 декабря. Те — князья, бароны, потомки родовитых бояр или отпрыски временщиков — могли считать себя или своих родителей обойдёнными в чинах и почестях. Но этот — сын генерала, обласканного властью, пожалованного графским титулом; баловень судьбы, любимец света, красавец, богач… Ему-то чего было надо?

Граф Пётр Петрович Коновницын

Вероисповедание православное.

Родился в 1803 году.

Отец – Пётр Петрович Коновницын, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года, в 1815–1819 годах военный министр, в 1819 году возведён с нисходящим потомством в графское достоинство. Мать – Анна Ивановна, урождённая Корсакова. Младшие братья: Иван (привлекался к следствию по делу о 14 декабря 1825 года, суду не был предан, отправлен на службу в 23-ю конно-батарейную роту на Кавказ), Григорий, Александр. Сестра Елизавета, замужем за Михаилом Нарышкиным (декабрист, осуждён по IV разряду), последовала за мужем в каторгу и ссылку.

Получил домашнее образование; сверх того, слушал курс химии и физики профессора Санкт-Петербургского университета М. Ф. Соловьёва. В службу вступил в 1821 году колонновожатым в свиту Его императорского величества по квартирмейстерской части (иначе говоря – юнкером при Главном штабе) и сразу

же произведён в прапорщики; в 1823 году переведён в Гвардейский генеральный штаб; в 1825 году произведён в подпоручики; в декабре того же года назначен состоять при Училище колонновожатых в Петербурге[89].

Принят в Северное общество князем Оболенским (когда – неизвестно, деятельного участия не принимал). 13 декабря 1825 года был на квартире Рылеева во время происходившего там совещания.

14 декабря принёс присягу Николаю Павловичу. Появлялся на Сенатской площади (по его утверждению, разыскивал там брата) и в казармах Гренадерского полка, но в мятежных действиях не участвовал.

Арестован 17 декабря.

Осуждён по IX разряду, приговорён к лишению чинов, дворянства и к разжалованию в солдаты с определением в дальние гарнизоны. Отправлен на Кавказ в сапёрный батальон. Участвовал в войне с Турцией. В 1828 году произведён

[89] Примечания: 89
Это училище — прообраз будущей Академии Генерального штаба.

в прапорщики, в 1829-м в подпоручики, в 1830-м в поручики. В феврале 1830 года уволен в отпуск для свидания с матерью. Приказом от 3 сентября того же года исключён из списков умершим: по одним сведениям, умер от холеры, по другим – от чахотки.

До 14 декабря 1825 года его ждала блестящая военно-академическая карьера… Пётр Коновницын — один из немногих декабристов, кому впоследствии дана была возможность продвинуться в чине выше прежнего. Казалось, всё плохое позади, впереди возобновление карьеры.

Что же ему было надо? В его ответах во время следствия сказано: «Цель общества сего была истребовать прав и законов государству». Неужто хотел жить по закону?!

Дело № 39

Коновницын ничего против власти не сделал, но в обществе состоял, знал и не донёс. Михаил Пущин не состоял, но тоже знал и не донёс. Оржицкий ничего не знал, да и знать, по-видимому, не хотел. Хорошо обеспеченный гуляка, имевший слабость пописывать стишки, он как-то забрёл

по своим делам к литератору Рылееву, застал там шумную компанию… Как оказалось, зашёл не вовремя.

Николай Николаевич Оржицкий
Вероисповедание православное.
Рождён 11 июля 1796 года вне брака.

Отец – граф Пётр Кириллович Разумовский, сын последнего гетмана Украины и племянник фаворита императрицы Елизаветы Петровны; мать – Александра Васильевна Деденева (вдова полковника А. М. Деденева). По ходатайству отца, внебрачному сыну были пожалованы права дворянства и фамилия Оржицкий.

Образование получил в иезуитском пансионе, других частных пансионах и в Петербургской губернской гимназии. В 1813 году поступил юнкером в Ахтырский гусарский полк, с которым участвовал в Заграничном походе 1813–1815 годов. В 1813 году произведён за отличие в корнеты; в 1817 году поручик[90]; в 1819 году уволен от службы за болезнью с произ-

[90] Примечания: 90

В кавалерии чин подпоручика отсутствовал, из корнетов производили в поручики.

водством в штаб-ротмистры.

В тайных обществах не состоял, в событиях 14 декабря 1825 года не участвовал. Однако 13 декабря был у Рылеева. То есть знал о планах Северного общества и не донёс.

Арестован 23 декабря.

Осуждён по IX разряду, приговорён к лишению чинов, дворянства и ссылке в дальние гарнизоны. Определён в Кизлярский гарнизонный батальон; в 1827 году переведён в Нижегородский драгунский полк. Участвовал в войнах с Ираном и Турцией. За отличие в сражении при Джеван-Булаке 5 июля 1827 года произведён в унтер-офицеры. В 1828 году – в прапорщики. В 1832 году уволен от службы с запрещением въезда в столицы и с обязательством жить в деревне. С этого времени почти безвыездно жил в имении Красная Мыза (Оржицы) в Ораниенбаумском уезде Петербургской губернии. В 1843 году высочайше дозволено приезжать в Петербург с разрешения шефа жандармов. В том же году женился на Софье Федоровне Крюковской, в браке имел

троих сыновей и четырёх дочерей.

В 1856-м освобождён от всех ограничений и восстановлен в правах (ему и детям дарованы права потомственного дворянства).

Из дела Николая Оржицкого:

«Мичмана Дивов и Беляев 1-й показывают, что лейтенант Завалишин, говоря об истреблении императорской фамилии, присовокупил однажды, что прекрасно выдумал его знакомец Оржицкий: построить виселицу, первым повесить государя, а там к ногам его братьев».

Вопросный пункт Н. Оржицкому:

«Комитет, видя из последнего ответа вашего совершенную готовность говорить истину и что вы нисколько не стараетесь опровергать возможности сказанных Завалишину слов о виселице, — требует от вас чистосердечного положительного показания: когда сообщали вы Завалишину об означенной выдумке вашей, какого содержания был разговор ваш с ним при сем случае, какое и к чему делали вы применение выдумке сей, не было ль ещё кого при том, не сообщали ль о ней ещё кому-нибудь?»

Ответ Оржицкого:

«Если бы из приписываемой мне Завалишиным выдумки помнил бы хотя полслова… Но я не только сам этого не говорил, но и не помню, чтобы слышал про это от кого-нибудь».

Вопросный пункт подпоручику Рылееву:

«Завалишин, спрошенный по сему, отвечал, что однажды вечером у вас, в присутствии многих, Оржицкий рассказывал, что он очень сердит на московских господ, помешавших ему в деле женитьбы, причём сказал, что он всех бы их перевешал, если бы то было в его воле, а чтоб не издерживаться даром, то поставил бы высокую виселицу и повесил бы первого С. С. Апраксина, а к ногам его всех, кто ему мешал…»

Из выписки показаний на Н. Оржицкого:

«Из показаний других открывается, что Завалишин, рассуждая о всех вообще в Европе государях и великих князьях российских, хвалился выдумкою Оржицкого построить виселицу и повесить одного к ногам другого. Противу сего Оржицкий объяснил, что… ежели столь сумасбродная мысль могла быть им изложена, то не иначе как в минуту шалости, в шутку… но применения к императорской фамилии Оржицкий не делал».

Дело № 40

Александр Осипович Корнилович

Вероисповедание римско-католическое.

Родился 7 июля 1800 года в Подольской губернии, в Тульчине или в Могилёве.

Отец – Осип (Юзеф) Яковлевич Корнилович, таможенный чиновник, умер в 1814 году. Мать – Розалия Ивановна, также из рода Корниловичей. Родители владели имением Барсуковицы Ушицкого уезда Подольской губернии. Старший брат Михаил; сёстры: Мария, Жозефина, Юстиния.

Образование получил в Одесском благородном пансионе (позднее преобразованном в Ришельевский лицей) и затем в Московском учебном заведении для колонновожатых. В службу вступил в январе 1816 года колонновожатым свиты Его императорского величества по квартирмейстерской части и откомандирован в распоряжение военного историка, штаб-ротмистра Дмитрия Бутурлина (впоследствии действитель-

ного статского советника и сенатора) для занятий в архивах Коллегии иностранных дел. В том же году произведён в прапорщики, в 1818-м в подпоручики; переведён на службу в канцелярию генерал-квартирмейстера[91] Главного штаба с продолжением исторических изысканий в архивах. В 1821 году произведён в поручики с назначением в Гвардейский генеральный штаб; в 1822 году за отличие по службе произведён в штабс-капитаны. В 1824 году награждён орденом Святой Анны 3-й степени. Преподавал в петербургском Училище колонновожатых.

Публиковал исторические сочинения и материалы в «Северном архиве», «Сыне отечества», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Полярной звезде»; был соиздателем альманаха «Русская старина». Член Вольного общества любителей российской словесности и других литературных и исторических обществ.

Был принят в Южное общество осенью 1825 года во время поездки в родитель-

[91] Примечания: 91
В современной терминологии — оперативный отдел.

ское имение. 12 декабря возвратился в Петербург. 13 декабря участвовал в совещании у Рылеева.

14 декабря был замечен в разных местах, в том числе и на Сенатской площади.

Арестован того же числа около полуночи на квартире штабс-капитана Н. И. Шенига.

Осуждён по IV разряду, приговорен в каторжные работы на 12 лет; срок сокращён до 8 лет. Доставлен в Читинский острог в марте 1827 года, но уже через год возвращён в Петербург, в крепость, «для истребования от него объяснений» по поводу якобы имевшихся у заговорщиков связей с заграничными организациями. Корниловичу разрешено пользоваться книгами, и от него начинают поступать различные записки по экономическим, торговым, военным и административным вопросам, содержание которых докладывается царю. В 1829 году попросился в действующую армию на Кавказ, на что высочайшего согласия не последовало. В 1832 году направлен рядовым в

Ширванский пехотный полк, в Грузию.

Умер 30 августа 1834 года «от жёлтой горячки» (вероятно, от гепатита).

Николай Греч:

«…Добрый, образованный, любезный человек, занимался с успехом литературой и особенно русской военной историей».

Николай Шениг, сослуживец Корниловича по штабу и Училищу колонновожатых:

«Малороссийское его наречие, странное и добросердечное обращение делало его сначала посмешищем товарищей; но, узнав его короче, все полюбили его искренно. Он был кроткого нрава, доброты необыкновенной, но слабого характера… Хорошо знал русский, немецкий, французский, итальянский и латинский, в короткое время выучился английскому, шведскому и голландскому».

Почему и как оказался замешан в декабристскую историю этот милый, учёный молодой человек, столь успешно продвигавшийся по службе? Многие считали, что случайно, по наивности. Николай Шениг был уверен, что всему виною поездка осенью 1825 года к матери в деревню. Уезжал «ревностный защитник императора

и властей», а воротился сеятель смуты. «Проездом заезжал он в Васильков и попался в руки Пестелю, Муравьёвым и прочим бунтовщикам Черниговского полка». Сии искусители «прислали его к северным бунтовщикам с разными поручениями, и он вообразил себя важным агентом в этом великом деле». Ну, Пестель тут ни при чём, его в Василькове не было.

Сам Корнилович в своих показаниях уточняет:

«В Киеве познакомился я с С. И. Муравьёвым-Апостолом… После разговора, продолжавшегося около 2 или 3 часов, убедил он меня сделаться членом Южного патриотического общества».

Однако ж, сколь выдающейся личностью ни был Сергей Муравьёв-Апостол, трудно поверить, что ему за два-три часа удалось верного слугу царя (и не мальчика всё-таки, а штабс-капитана) переделать в заговорщика и потенциального цареубийцу. Значит, всё же зрело семя бунтарское в кроткой душе Корниловича.

Тот же Шениг рассказывает забавную историю. Мол, Корнилович, копаясь в архивах, наткнулся на подлинное дело царевича Алексея Петровича, осуждённого царём-отцом на смерть и замученного в Петропавловской крепости. И так увлёкся сим материалом, что тайком унёс из хранилища,

повёз показывать кому-то, ну и, конечно, по дороге потерял. По счастью, некий честный прохожий подобрал драгоценные документы и отнёс их в дом Аракчеева, там они попали в руки Батенькова (о нём — дело № 49), а последний, догадавшись, кто мог похитить их из архива, вернул Корниловичу. История похожа на сказку, но сам факт знакомства добросердечного штабс-капитана с секретным делом об убиенном наследнике престола вряд ли выдуман. Может быть, эта мрачная семейно-политическая драма и заронила в душу Корниловича мятежную искру? Написал же Рылеев тираноборческую думу (запрещённую, кстати, цензурой) «Царевич Алексей».

Дело № 41

Николая I не могло не уязвить то обстоятельство, что из рук вон крамольным оказался Кавалергардский полк — особо привилегированный, любезный как императорскому двору, так и его двору, великокняжескому. Верховным уголовным судом осуждены шесть действующих офицеров Кавалергардского полка: ротмистры Ивашев и Чернышёв, поручики Анненков и Крюков, корнеты Свистунов и Муравьёв; правда, из них только двое присутствовали 14 декабря в

Петербурге, но всё же… Ещё семь офицеров-кавалергардов — корнеты Арцыбашев, Васильчиков, князь Вяземский, Депрерадович, поручики Горожанский и Свиньин, да и полковник Поливанов туда же! — за причастность к происшествию наказаны внесудебно, содержанием под арестом и переводом в армию[92]. Если прибавить, что в этом же полку когда-то служили такие закоренелые преступники, как Лунин, Вадковский, Артамон Муравьёв, Бестужев-Рюмин, Пестель, то ситуация складывалась вопиющая.

Не мог молодой император не размышлять и о неблагодарности человеческой: вот род Муравьёвых, вознесённый из безвестности его отцом и старшим братом, — генералы, сенаторы, дипломаты, из них иные были допущены к воспитанию августейших особ! А сыновья их? Семеро представителей сего рода среди злостных участников бунтарского движения: их более чем даже Бестужевых!

Вероятно, негодование в отношении кавалергардов слилось в императорском сердце с гневом на Муравьёвых — и родило бурю. Иначе трудно

---

[92] Примечания: 92

А. С. Горожанский впоследствии по причине острого душевного расстройства был отправлен в Соловецкий монастырь, где содержался в заточении 15 лет, пока не умер.

объяснить, за что отправился в каторгу простодушный корнет, маменькин сынок и заика, чья роль в декабрьских событиях ничуть не больше, чем его сослуживцев, отделавшихся переводом в армию.

Александр Михайлович Муравьёв

Православный.

Родился 19 марта 1802 года в Петербурге.

Сведения о родителях см. далее, в деле старшего брата Никиты Муравьёва (дело № 66).

Получил домашнее образование. В формулярном списке отсутствует запись о поступлении в Кавалергардский полк юнкером, но указано, что в 1824 году из эстандарт-юнкеров произведён в корнеты.

Участвовал в Союзе благоденствия и Северном обществе.

Арестован 19 декабря, отправлен в Ревельскую крепость, где содержался до конца апреля, затем доставлен в Петропавловскую.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжные работы на 12 лет, срок сокра-

щён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина семь с половиною вершков[93], лицо белое, продолговатое, глаза голубые, нос прямой, остр, волосы на голове и бровях светло-русые. Заметно заикается.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе.

По указу 1832 года подлежал освобождению от каторжной работы, но испросил разрешения быть вместе с братом Никитой, на что получил согласие «оставаться в том же положении, в котором был до состояния всемилостивейшего указа» (то есть в каторжном). Указом 1835 года освобождён вместе с братом и обращён на поселение в селе Урик Иркутской губернии. После смерти Никиты испросил разрешение вступить в гражданскую службу. С 1845 года канцелярский служитель в Тобольске; в 1852 году получил чин коллежского регистратора (низший в Табели о рангах, равный армейскому корнету).

---

[93] Примечания: 93
Примерно 176 см.

В 1839 году женился на двадцатипятилетней Жозефине Бракман, племяннице гувернантки дочери Никиты Муравьёва. Невеста до этого служила гувернанткой в богатых иркутских семействах. Брак был вполне счастлив, в нём родились шестеро детей, из которых до взрослых лет дожили четверо: Михаил, Екатерина, Елена, Александра.

Александр Муравьёв умер в Тобольске 24 ноября 1853 года.

По его собственным показаниям, подтверждённым через много лет мемуаристами, был принят в тайное общество другом семьи Михаилом Луниным, но когда точно — не мог вспомнить: то ли в 1819 году, то ли в 1820-м. О целях общества тоже ничего определенного не мог сказать. В 1824 году Матвей Муравьёв-Апостол вновь принял его и поручил руководству князя Оболенского. Словом — находился под опекой старших товарищей. Сам принял в общество трёх человек, никак в деле заговора не проявившихся. Незадолго до восстания заходил к Оболенскому и к Рылееву, слышал обсуждения планов, потом говорил на эту тему с товарищами по полку: Анненковым,

Арцыбашевым, Горожанским. Ни до чего определённого не договорились. Воскресенье накануне восстания провёл на службе и дома при матери, коей нездоровилось.

14 декабря с утра корнет Муравьёв был в полку; присягнул государю Николаю Павловичу, хотя и не без колебаний — увы, высказанных вслух. На площади среди мятежников не был, а находился по другую сторону, при своей команде, когда полк был выведен против восставших.

Дело № 42

Иван Александрович Анненков
Вероисповедание православное.
Родился 5 марта 1802 года в Москве.
Отец – Александр Никанорович Анненков, умер в 1803 году в чине статского советника, на военной службе дослужился до гвардии капитана. Мать – Анна Ивановна, урождённая Якоби, дочь генерала от инфантерии[94]. Брат Григорий,

[94] Примечания: 94

Зигзаги судеб: дед декабриста Анненкова, Иван Варфоломеевич Якоби, долгие годы служил в Забайкалье, именно в Селенгинске, а с 1783 по 1789 год был иркутским генерал-губернатором — словно местечко готовил для внука и его друзей… И солидное состояние матери Анненкова в значительной части было нажито её отцом в Сибири.

в 1824 году убит на дуэли; сестра Мария, не замужем.

Получил домашнее образование; также слушал лекции в Московском университете, но курса не кончил. Принят в Кавалергардский полк юнкером в августе 1819 года, сдал экзамен на офицерский чин и в декабре того же года произведён в корнеты; в 1823 году в поручики.

В 1824 году принят в петербургское отделение Южного общества; участвовал и в деятельности Северного общества.

Арестован 19 декабря 1825 года. Содержался в Выборгской крепости, затем в Петропавловской. Не выдержав психологического давления, сознался, что знал о планах цареубийства.

Осужден по II разряду, приговорен в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина $7^{7}/_{8}$ вершка[95], лицо белое, продолговатое, глаза голубые, нос длинный, широковат, волосы на голове и бровях темно-русые.

---

[95] Примечания: 95
Примерно 178 см.

Близорук.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе.

В 1836 году определён на поселение в село Бельское Иркутской губернии; в 1837-м разрешено переехать в город Туринск Тобольской губернии, прибыл в Туринск в начале 1839-го. В том же году по ходатайству матери высочайше разрешено поступить на гражданскую службу. Принят канцелярским служителем в туринский земский суд, позднее служил в тобольском губернском правлении, в тобольской экспедиции о ссыльных, в приказе общественного призрения. В 1848-м получил чин коллежского регистратора, в 1854-м за отличие произведён в коллежские секретари. В 1856 году по амнистии восстановлен в правах. В следующем году произведён в чин титулярного советника и назначен состоять для особых поручений при нижегородском губернаторе[96]. С 1861 года несколько

[96] Примечания: 96

Что интересно, нижегородский губернатор — Александр Николаевич Муравьёв, основатель Союза спасения, в прошлом — государственный преступник, теперь же в генеральских чинах.

раз избирался нижегородским уездным предводителем дворянства, участвовал в подготовке крестьянской реформы; в 1868 году председатель Нижегородской земской управы.

С 1828 года был женат на Прасковье (Полине) Егоровне Гёбль; в браке родились семеро детей.

Умер в Нижнем Новгороде 21 января 1878 года.

Иван Анненков — человек достойный, но среди декабристов не самая заметная персона. Накануне 14 декабря и в день мятежа вел себя примерно так же, как и прочие заговорщики-кавалергарды, — то есть никак. 14 декабря 1825 года он находился на Сенатской площади, вместе с присягнувшим Николаю полком, в строю наблюдая за финалом драмы.

А вот история его женитьбы представляет несомненный интерес.

История эта многократно рассказана в стихах и прозе и языком кино. Тем не менее никак не удержаться от того, чтобы не рассказать её ещё раз.

Только сначала необходимо пояснить, как смотрели на брак в те времена в среде русского

дворянства. Целью брака считалось процветание дворянского рода: его продолжение, материальное обеспечение и укрепление на государевой службе. Поэтому женитьба была делом чрезвычайно ответственным, в котором обязанности, а не чувства были на первом плане[97]. Посему порицались мезальянсы: они наносили роду ущерб и материальный, и репутационный, а также ставили в трудное положение детей. Женитьба на недворянке, да ещё бедной, принималась в штыки даже в самой либерально настроенной дворянской среде, что мы видели на примере брака Евгения Оболенского. Но к романтическим связям молодых (и не очень) дворян с представительницами низших сословий, вплоть до постоянного сожительства, если за этим не возникала перспектива брака, тогдашнее общество относилось терпимо и даже благосклонно. При этом подразумевалось, что благородный господин должен материально обеспечивать свою подругу и детей.

И всё-таки истории про Золушку случались.

---

[97] Примечания: 97

Это, кстати, важно для понимания мотивов, руководивших жёнами декабристов: отправиться вслед за мужьями на каторгу велело им сознание долга, и сама любовь в значительной мере основывалась на долге.

Но у этой истории на сказку о Золушке похоже только начало.

Итак, блистательный кавалергардский поручик двадцати трёх лет, красавец и богач[98] — настоящий принц на белом коне, — отправился из Петербурга по делам службы — покупать лошадей для полка (это называлось «для ремонту»). И вот где-то по пути познакомился с юной прекрасной девицей.

Если сказать правду, она была не совсем юна: старше принца года на два. И не то чтобы невероятно прекрасна: на имеющихся портретах можно увидеть миловидную даму, но не выдающуюся красавицу. Она обладала живым, бодрым и вообще удивительным характером, что будет видно из дальнейшего. Приехала пару лет назад из Франции и трудилась в торговом доме Дюманси кем-то вроде управляющей модной лавкой. Мадемуазель звали Полина Гёбль.

Где и как познакомились Полина Гёбль и Иван Анненков — неизвестно. И когда — тоже. В мемуарах, записанных с её слов дочерью Ольгой, об этом рассказано как-то невнятно. Судя по тому,

---

[98] Примечания: 98

На момент ареста за ним в Вологодской губернии числилось более 400 крепостных; за его матерью — в разных губерниях несколько тысяч крепостных.

что первое дитя их, Александра, родилось в апреле 1826 года, знакомство состоялось не позднее начала июля, а вероятнее, в мае–июне 1825 года. Они стали часто видеться и чуть ли не жить вместе, насколько позволяли приличия и служебные обязанности Ивана Анненкова. Блистательный кавалергард настолько увлёкся Полиной, что даже предложил ей венчаться. Но его возлюбленная была благоразумна и понимала, как сей брак будет воспринят обществом. Она поставила условием женитьбы благословение матери, Анны Ивановны Анненковой, зная, что гордая дама никогда такового благословения не даст.

Так обстояли дела к началу декабря 1825 года.

С получением известия о кончине императора Александра I кавалергард должен был возвратиться в полк, в Петербург. В первых числах декабря Полина и Иван простились.

Полина узнала об аресте своего друга в исходе января, будучи на седьмом месяце беременности. А через три месяца после рождения дитяти последовал приговор.

Всё изменилось: карета превратилась в тыкву, а её возлюбленный — из сказочного принца в каторжника.

Стало быть, брак возможен.

Полина приехала в Петербург и, хотя не имела на то никаких прав, добилась встреч с осуждённым… А затем его отправили на каторгу.

Она решилась на невероятную дерзость — писать самому государю императору, причём, в нарушение всех правил, по-французски (русский она так толком и не освоила до самой смерти), и молить его о дозволении следовать за осуждённым. Но самое удивительное, что государь прочёл это письмо и даже прислал денег на дорогу. Оставив дочь на попечение старой барыни Анны Ивановны Анненковой, Полина отправилась в дальний путь. 23 декабря 1827-го выехала из Москвы, 5 марта прибыла в Читу. 4 апреля 1828 года в Михайло-Архангельской церкви Читы прошло венчание. Жених был приведён в кандалах, их сняли для совершения таинства, потом снова надели. Полина Гёбль стала Прасковьей Егоровной Анненковой.

Брак оказался удивительно удачным и продлился 48 лет. Если же считать от начала знакомства, то супруги были вместе полвека. Причём обстоятельства их семейной жизни были исключительно непростыми: восемь лет в тюрьме и двадцать на поселении; а выжить на поселении, по свидетельству дочери Ольги, было

существенно сложнее, чем в тюрьме. Успешности брака способствовало редкостное сочетание характеров: Иван Александрович умён, красив, прекрасно воспитан, раздумчив, абсолютно непрактичен, беспомощен и близорук; Прасковья Егоровна энергична, деятельна, весела и, самое главное, наделена житейской мудростью и прочно укоренена в земной реальности.

Из письма Ивана Пущина Ивану Якушкину, 2 мая 1841 года:

«Вы знаете, что я не большой поклонник г-жи Анненковой, но не могу не отдать ей справедливости: она с неимоверною любовью смотрит на своего мужа, которого женой я никак бы не хотел быть».

Из семерых их детей до взрослых лет дожили шестеро; родившаяся в Читинском остроге Анна умерла в раннем детстве; судьбы остальных сложились, насколько можно издалека видеть, благополучно.

В 1850 году Прасковья Анненкова вместе с жёнами декабристов Жозефиной Муравьёвой и Натальей Фонвизиной примет участие в тайной встрече с этапируемыми через Тобольск петрашевцами, о чём будет благодарно вспоминать Фёдор Достоевский.

Персоны в штатском

Хотя в подавляющем большинстве своём декабристы ко времени ареста носили военные мундиры, были среди них и отставные офицеры, и штатские. 14 декабря на площади, вблизи строя мятежных войск, разгуливали, как сказано в одной из корреспонденций, некие «личности гнусного вида в статском». Одним из таковых был, как мы знаем, Каховский. Двое других — Иван Пущин и Вильгельм Кюхельбекер. Четвёртый — опрометчивый юноша Глебов. Кто же ещё? Из числа осуждённых Верховным уголовным судом и жительствовавших тогда в Петербурге военный мундир не полагался князю Валериану Голицыну, барону Владимиру Штейнгелю, сенатскому обер-прокурору Краснокутскому. К ним присоединим подполковника Гавриила Батенькова — он к этому времени уже в отставке. Впрочем, из последних четверых никто на площади замечен не был.

Дело № 43

О лицейских друзьях-товарищах Пушкина на-

писано и рассказано столько, что к этому трудно что-либо прибавить. О том, каким было 14 декабря 1825 года в судьбе Вильгельма Кюхельбекера, мы уже начали рассказ в первой части («Кое-что о неудачниках»). Поэтому здесь ограничимся краткими биографическими сведениями о лицеистах, принявших участие в восстании, а также присовокупим нечто в завершение истории их личных отношений.

Вильгельм Карлович Кюхельбекер

Лютеранин.

Родился 10 июня 1797 года в Петербурге.

Брат декабриста Михаила Кюхельбекера (сведения о родителях см. в деле № 23).

Образование получил в частном пансионе Бринкмана в городе Верро (ныне Выру в Эстонии), затем в Царскосельском лицее (принят по протекции генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли, коему приходится дальним родственником). В 1817 году, по окончании Лицея, с чином IX класса зачислен в Коллегию иностранных дел (как и Пушкин). Преподавал русский и латинский языки в Благородном

пансионе при Главном педагогическом институте. В 1820 году вышел в отставку. В 1820–1821 годах путешествовал по Европе в качестве секретаря обер-камергера А. Л. Нарышкина. В конце 1821 года с чином коллежского асессора поступил чиновником для особых поручений при кавказском наместнике генерале А. П. Ермолове, однако через полгода вновь вышел в отставку из-за участия в дуэли. Около года жил в имении своей сестры Юстины Глинки в Смоленской губернии. Затем – в Москве, где преподавал в Университетском пансионе. В апреле 1825 года переехал в Петербург.

Литератор. Соиздатель вместе с князем Владимиром Одоевским альманаха «Мнемозина».

В ноябре 1825 года вступил в Северное общество.

14 декабря 1825 года явился на Сенатскую площадь, вооружённый палашом и пистолетом, неудачно стрелял в великого князя Михаила Павловича и генерала А. Л. Воинова (пистолет дважды дал осечку).

Бежал из Петербурга. Арестован 19 января 1826 года.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет. Отправлен в Кексгольмскую крепость (ныне Приозерск), затем в Шлиссельбургскую. В 1827 году по высочайшему повелению Сибирь заменена арестантскими ротами при Динабургской крепости (позднее Двинск, ныне Даугавпилс). В 1831 году переведён в Ревель, в Вышгородскую крепость, затем, в том же году, в Свеаборг.

Приметы: рост два аршина девять с половиною вершков[99], лицом бел, чист, волосом чёрн, глаза карие, нос продолговат, с горбиною. Близорук.

В 1835 году освобождён из крепости и отправлен на поселение в город Баргузин Иркутской губернии, куда прибыл в январе 1836-го. В 1839 году переведён в Акшу; зарабатывал частными уроками; в 1844 году разрешено перебраться в деревню Смолино Курганского округа,

---

[99] Примечания: 99
Почти 185 см.

затем в Курган. В 1846 году переехал для лечения из Кургана в Тобольск, где и умер 11 августа того же года.

В 1837 году женился на Дросиде Ивановне Артеновой, дочери баргузинского почтмейстера, из мещанского сословия. Их дети: Михаил и Юстина.

Пётр Каховский из каземата генерал-лейтенанту Бенкендорфу:

«Вы видели, ваше превосходительство, Кюхельбекера, этот человек… покушался убить великого князя! Я… ссыпал порох с полки и возвратил пистолет Кюхельбекеру. Он опять пошёл стрелять в Воинова, но пороху не было на полке. Он говорил мне: „Какое несчастье, пистолет всё осекается“…»

Из показаний Петра Бестужева:

«В это самое время, когда его высочество Михаил Павлович подъехал к фронту и уговаривал солдат, стоял я за вторым взводом Гвардейского экипажа и внимательно слушал слова его. В сию самую минуту, чрез правое плечо моё, сзади выставился пистолет, направленный прямо в великого князя; я оглянулся, это был Вильгельм Кюхельбекер. Первое моё движение было отвести

его руку, сказав: „Кюхельбекер! Подумайте, что вы делаете?“ Он посмотрел на меня, не отвечал ничего, спустил курок, но пистолет осекся. После сего видел я действительно, что Каховский взял пистолет от Кюхельбекера и ссыпал с полки порох; но вскоре Кюхельбекер опять хотел стрелять в генерала Воинова, но пистолет опять осёкся. б…с *Прежде не говорил я ничего о сём поступке г. Кюхельбекера потому, что видел в нем не злого человека, но энтузиаста, который в чаду непонятного ослепления мог сделать преступление… Он был добродетельный, чувствительный безумец».*

…На четвёртом картечном ударе всё побежало, и отставной коллежский асессор, по его словам, «был увлечён противу воли общим стремлением».

Из записей барона Василия Каульбарса, штабротмистра лейб-гвардии Конного полка:

«…Успели уже убрать с площади всех убитых и отнести их, положив в один ряд под забором, окружавшим церковь. Так как на площади всё уже успокоилось, то я сейчас же отправился туда со многими другими. Тут лежало, как я сосчитал, 56 тел».

Из Петербурга Вильгельм Кюхельбекер, пре-

одолев посты и заставы, скрылся вместе со своим крепостным слугой Семёном: тот переоделся барином, а барин слугою. Была надежда уйти за границу. Но оба были задержаны при въезде в Прагское предместье Варшавы. Кюхельбекер опознан, допрошен и отправлен в Петербург, в Петропавловскую крепость.

Со всем этим связана одна любопытная история.

Диалог, основанный на материалах следственного дела Кюхельбекера.

Следователь. Участвуя в происшествии 14 декабря, имели ли вы какое при себе оружие? И с каким намерением?

Кюхельбекер. Я имел пистолет с одним зарядом. Когда по неосторожности извозчика опрокинулись сани и я выпал из оных, то пистолет упал в снег и сделался к употреблению неспособным… Потом палаш получил я, не знаю уже от кого, на Сенатской площади… Вооружился я для того, что в подобных случаях без оружия не бывают.

Следователь (с усмешкой). Вы так много суетились и такое деятельнейшее принимали участие в предприятии, что успевали быть в разных полках, сзывать членов общества и действовать на площади. (Листает бумаги.) Однако при пер-

вом допросе вы сказали, что будто вызывались ссадить из пистолета его высочество Михаила Павловича и что вы прицеливались.

Кюхельбекер. Ах! Эту цель указал мне Пущин… Когда великий князь подъехал и люди начали слушать его слова, то Пущин спросил по-французски, вызвав меня с другой стороны, где я стоял, хочу ли я его из пистолета ссадить. Тут меня двинули вперед, и я, зная по опыту, что пистолет мой замокши, стрелять не может… И сверх того боясь, чтоб на сие кто другой не решился… Я прицелился.

Следователь. Вы, как вы утверждаете, прицеливались в его высочество по двум причинам: потому что пистолет ваш, будто бы подмокший, не мог стрелять, и потому, чтобы никто другой на это не решился… Сами вы должны согласиться, что слова сии как явная несообразность не заслуживают никакой веры.

Кюхельбекер. Ах, я вовсе не жил в настоящем мире и никогда не помышлял о сетях и опасностях, его окружающих… Всегда увлекался побуждением и никогда не помышлял о пагубных для себя последствиях своих малообдуманных поступков.

Следователь. Это в сторону. Вы показали, что

стрелять в великого князя вас вызывал именно Пущин. (Листает бумаги.) Вы не отвергаете этого вашего показания?

Кюхельбекер. Господи! Помози моему неверию! В глубине души моей рождается живое упование на другую лучшую жизнь — и да не вниду в неё обремененный лжесвидетельством…

Следователь. Господин Кюхельбекер! Извольте отвечать по существу.

Кюхельбекер. Сказанное мною в сем случае о Пущине — к несчастию, истинно… Да, да, даже помню точно, он сказал мне вполголоса: «Вуле ву десендр Мишель?»[100]

Следователь (обращаясь к Пущину). Видели ль вы сего господина среди возмутителей на Сенатской площади?

Пущин. Господина Кюхельбекера я видел на Сенатской площади при войске с пистолетом в руках. Но куда он потом девался, мне совершенно неизвестно.

Следователь. Что вы имеете сказать по поводу слышанных вами его собственных слов?

Пущин. Напрасно господин Кюхельбекер показывает на меня сие — я никогда сего и в мыслях

---

[100] Примечания: 100
Желаете ли ссадить Михаила? *(фр.)*

не имел.

Следователь (Кюхельбекеру). Что вы имеете ответить на это?

Кюхельбекер (после паузы). Право, я… Хоть в душе я уверен, что он был тем, кто меня вызвал на нанесение удара… Однако же, сомневаясь в сегодняшнем благоустройстве моих умственных сил и способностей, не считаю своего внутреннего убеждения достаточным к его обвинению. Пусть и его спросят по чести и совести; ужели он останется глухим для голоса их? Если он оправдает сам себя, да оправдает его Бог: а я ни слова не произнесу уже в свое защищение! Да будет воля Господня!

Следователь (Пущину). Что вы имеете сказать?

Пущин. Сколько ни испытываю память и совесть свою, не могу сего взять на себя, ибо не имел о том и мысли.

Генерал. Так как же, господин Кюхельбекер?

Кюхельбекер. Я… Право, я… Я совершено уверен…

На очной ставке Пущин решительно отверг своё подстрекательство стрелять в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова. По сути, милый Кюхля, недотёпа, заложил своего

лицейского товарища Жанно́ Пущина. Или даже, может быть, наклепал на него, чем, конечно, усугубил приговор Следственной комиссии.

Годы спустя, сохраняя дружбу с Вильгельмом, Пущин отплатит ему своеобразной монетой.

Из письма Пущина бывшему лицейскому директору Егору Антоновичу Энгельгардту, 21 марта 1845 года, Ялуторовск:

«Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житие в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством… Зачитал меня стихами донельзя, по правилу гостеприимства я должен был слушать и вместо критики молчать».

Ирония не без яда чувствуется в этих словах, так и рисуется картинка: долговязый писака, конвоируемый женой, за верёвочку тянет тележку, доверху гружённую исписанной бумагой.

Это про творчество. А вот про спутницу жизни:

«Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака, и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав её необыкновенно тяжёл, и симпатии между ними никакой. Странно то, что он в толстой своей

бабе видит расстроенное здоровье и даже нервические припадки… Баба беснуется на просторе; он же говорит: „Ты видишь, как она раздражительна!“».

Всё-таки это зло сказано. Как-то плохо вяжется с объятиями и «прежним лицейским чувством».

Но вот что интересно. Вскоре после смерти Кюхельбекера Пущин сблизится с его вдовой, Дросидой Ивановной. Несколько лет они проживут вместе. И сын Иван родится у неё в октябре 1849 года в доме одинокого Жанно́. Отец возьмёт его к себе на воспитание, но официально признать не сочтёт возможным: в метрической книге дитя запишут как Ивана Николаевича Васильева, и его усыновит дядя Николай Пущин и даст свою фамилию. А Дросида Ивановна, которой на данный момент всего 34 года, уедет доживать свой век в родной Баргузин. Старшие её дети, от Кюхельбекера, будут отправлены к родственникам в далёкую Европейскую Россию, чтобы там у них было воспитание и положение в обществе.

За дальностью расстояния видеться с детьми ей не приходилось. В 1869 году у вдовы Кюхельбекер возникла краткая переписка с дочерью, которая собирала материалы о своём отце в связи с пуб-

ликацией его стихов.

Из письма Дросиды Кюхельбекер дочери Юстинии Косовой, 1869 год:

«Любезная моя дочка Тиночка, ты очень порадовала меня приятною вестию, что сочинения твоего покойного отца будут вскоре напечатаны. Правду он говорил мне: вспомнят меня рано или поздно… Прибыл он в Баргузин… в начале тридцатых годов, а в каком именно, не упомню, и по прибытии поселился там на житьё у брата его Михаила Карловича Кюхельбекера… Обладая практическим знанием агронома, он с любовью занимался на собственные средства хлебопашеством и сенокошением… Впоследствии ему как-то наскучила возня с сельским хозяйством… обстановка поселянина для него была тяжким бременем жизни, через что он часто грустил — даже до болезни…

Он до самой почти смерти был в движении, а за день до смерти ходил по комнате и рассуждал о том, что, несмотря на дурную погоду, он чувствует себя как-то особенно хорошо…

Отец твой был религиозный, любил помогать бедным, но характера от болезни был раздражительного».

Дело № 44

Иван Иванович Пущин

Православный.

Родился 4 мая 1798 года.

Брат декабриста Михаила Пущина (о семье см. дело № 37).

Воспитывался в Царскосельском лицее. В 1817 году, по окончании Лицея, вступил в службу прапорщиком в лейб-гвардии Конную артиллерию. В 1820 году произведён в подпоручики, в 1822-м в поручики. Увлёкшись идеей общественного служения, подал прошение об увольнении от военной службы для определения в статскую. В 1823 году принят сверхштатным членом в Петербургскую уголовную палату с чином титулярного советника; в том же году назначен судьёй Московского надворного суда. В 1825 году произведён в коллежские асессоры.

Был членом ранних декабристских организаций; в Северном обществе был членом Коренной думы и председателем Московской управы. В дни междуцарствия приехал из Москвы в Петербург

и принял участие в подготовке выступления.

14 декабря присутствовал на Сенатской площади, посильно руководил мятежниками.

Арестован 16 декабря.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращен до 13 лет.

Приметы: рост два аршина восемь вершков[101], лицом чист, смугловат, волосы на голове, бровях и бороде темно-русые, глаза карие, нос средственный, островат; на обеих руках от прививной оспы пятна; ноги ниже колен в жилах от английской болезни; от удара лошадиного на обеих ногах по пятну.

Был заключён в Шлиссельбургскую крепость, в 1827 году отправлен в Читинский острог, затем в Петровский завод. В 1839 году обращён на поселение в Туринск Тобольской губернии. В 1843 году вместе с Евгением Оболенским перебрался в Ялуторовск.

---

[101] Примечания: 101
Примерно 178 см.

После амнистии в 1857 году приехал в Петербург для свидания с сестрой Е. И. Набоковой, затем в Москву. В том же году женился на вдове декабриста Фонвизина, Наталье Дмитриевне, урождённой Апухтиной. Жил в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии.

Внебрачные дети: Анна (1842–1863), Иван (1849–1923; воспитывался братом Николаем).

Умер 3 апреля 1859 года в Марьине.

Евгений Якушкин (сын декабриста) в письме жене из Ялуторовска, 1855 год:

«Пущин, несмотря на то что ему теперь 57–58 лет, до такой степени живой и весёлый человек, как будто он только что вышел из Лицея. Он любит посмеяться, любит заметить и подтрунить над чужой слабостью и имеет привычку мигнуть, да такую привычку, что один раз, когда ему не на кого было мигнуть, то он долго осматривался и наконец мигнул на висевший на стене образ… Он готов для всякого сделать всё, что может, он одинаково обращается со всеми, и с губернатором, когда тот бывает в Ялуторовске, и с мужиком, который у него служит, и

с чиновниками, которые иногда посещают его».

Из воспоминаний декабриста Николая Басаргина о товарищах по сибирской ссылке:

«Его открытый характер, его готовность оказать услугу и быть полезным всякому, его прямодушие, честность, в высшей степени бескорыстие высоко ставили его в нравственном отношении, а красивая наружность, особенный приятный способ объясняться, уменье кстати безвредно пошутить и хорошее образование увлекательно действовали на всех…»

В конце жизни написал воспоминания о Пушкине.

Из письма Пущина бывшему лицеисту Фёдору Матюшкину, Ялуторовск, 1853 год:

«Когда будешь ко мне писать, перебери весь наш выпуск по алфавитному списку. Я о некоторых ничего не знаю. б…с

Мне бы хотелось иметь в резких чертах полные сведения о всех. Многих уже недосчитываемся.

Пушкина последнее воспоминание ко мне 13 декабря 1826 года: „Мой первый друг“ и пр. — я получил от брата Михайлы в 1843-м году собственной руки Пушкина. Эта ветхая рукопись хранится у меня как святыня. Покойница А. Г. Муравьёва привезла мне в том же году список с

этих стихов, но мне хотелось иметь подлинник, и очень рад, что отыскал его».

Николай Греч:

«Иван Иванович Пущин, один из воспитанников Царскосельского лицея, первого блистательного выпуска, благородный, милый, добрый молодой человек, истинный филантроп, покровитель бедных, гонитель неправды. В добродетельных порывах, для благотворения человечеству вступил он на службу, безвозмездно, по выборам, в Уголовную палату, познакомился, на беду свою, с Рылеевым, увлекся его сумасбродством и фанатизмом и сгубил себя. Он выстрадал с лишком тридцать лет в Сибири; был освобождён с прочими, женился и в нынешнем (1859) году умер от болезни в Петербурге. Я не имел случая видеть его по возвращении. Память о его уме, сердце и характере и глубокое сожаление о его несчастии останется навеки в глубине души моей».

Дело № 45

Невозможно не изумляться трудолюбию и памятливости государя императора Николая Павловича. С первого дня царствования и до самой смерти он вникал в дела всех участников событий 14 декабря, за судьбой каждого следил, никого не

оставлял без внимания. В этом отношении перед ним все равны — и сиятельные князья, и безродные проходимцы, и сенаторы, и канцеляристы, и генералы, и прапорщики. Судьба коллежского секретаря Глебова тому доказательство.

Михаил Николаевич Глебов
Православный.
Родился в 1804 году.

Отец – коллежский советник Николай Михайлович Глебов, умер до 1826 года. Семейство на момент ареста: мать – Мария, отчество и девичья фамилия неизвестны, владела в Курской губернии имением, довольно большим, но расстроенным и обременённым долгами (она скончается через два года, не получив ответа на прошение о помиловании сына). Братья: Николай, подпрапорщик; Виктор, отставной юнкер; Порфирий, юнкер лейб-гвардии артиллерийской бригады; Дмитрий, Александр; сестры: Софья, Екатерина (замужем за отставным гвардии штабс-капитаном), Клавдия и Ольга.

С 1818 года учился в Благородном пансионе при Главном педагогическом ин-

ституте (Петербургском университете). В 1821 году, по окончании курса и сдаче экзамена, получил право на чин XII класса и определён в департамент Министерства юстиции. В 1824 году произведён в коллежские секретари и назначен в Государственную комиссию погашения долгов помощником письмоводителя при управляющем.

В тайных обществах не состоял.

14 декабря был на площади среди мятежников, взяв у кого-то из них шпагу. Заметя, что солдаты Московского полка мёрзнут, дал деньги (100 рублей) на покупку им вина. Кем и как была израсходована эта сумма – следствием не установлено.

Арестован 17 декабря.

Осуждён по V разряду, приговорён в каторжные работы на 10 лет, срок сокращён до 6 лет.

Приметы: рост два аршина $6^3/_8$ вершка[102], лицо белое, чистое, круглое, глаза серые, нос большой, широкий, волосы на

[102] Примечания: 102
Примерно 171 см.

голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1832-м обращён на поселение в селе Кабанское Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Для изыскания средств к существованию завёл там мелочную лавку. Дважды просил о переводе из-за болезни в Братский острог Нижнеудинского округа; повторное ходатайство в 1841 году отклонено по причине «замеченной закоснелости в своих заблуждениях».

Обнаружен мёртвым в своём доме в Кабанской слободе 19 октября 1851 года. По обстоятельствам смерти наряжено следствие, коим установлено, что смерть наступила вследствие побоев и отравления. Виновными в причинении смерти и ограблении признаны унтер-офицер этапной команды Илья Жуков и крестьянская дочь Наталья Юрьева.

Записка Николая I коменданту Петропавловской крепости:

«Чиновника Глебова посадить под арест, где удобно, он случайно пристал, но содержать

строго».

Бедняга Глебов ужасно похож на Евгения из «Медного всадника»: молод, где-то служит, дичится знатных (из фигурантов дела знаком лишь с Кюхельбекером, Каховским да шапочно с Рылеевым) и живёт, возможно, в Коломне… Потомок старинного рода, беднеющего и мельчающего на глазах. И буря застигла его, как Евгения, у Громкамня, у подножия бронзового Петра.

Вся его вина в том, что давал деньги на вино для солдат. Оставался с мятежным каре, пока не выстроилась конная гвардия. Конечно, шпага тоже.

Он поступил в пансион в 1818 году — значит, латинской и русской словесности учился у Вильгельма Кюхельбекера. Похоже, в бедствиях Михаила Глебова повинен Вильгельм Карлович: это он, учитель подслеповатый, сбил юношу с пути истинного и сделал из него подобного себе неудачника.

Дело № 46

Семён Григорьевич Краснокутский (Краснокуцкий)

Православный.

Родился в 1787 или 1788 году.

Отец – Григорий Иванович Краснокут-

ский, умер в 1813 году в чине статского советника, киевский губернский прокурор. Мать – Софья Степановна, урождённая Томара, владела имением Мицаловка в Полтавской губернии (более 200 душ крепостных). Братья: Александр, в 1826-м генерал-майор в отставке, автор описания дипломатической поездки в Стамбул в 1808 году; Николай, отставной майор; сестра Надежда, в замужестве Лукашевич.

Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе. В 1805 году выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк. Участвовал в военной кампании 1807 года, за сражение под Фридландом награждён золотой шпагой; в том же году произведён в подпоручики; в 1809-м в поручики, в 1811-м в штабс-капитаны. Участвовал в кампании 1812 года (был в сражениях при Бородине, Тарутине, Малоярославце) и в Заграничном походе 1813–1814 годов. Награждён орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени, знаком прусского ордена Железного креста (Кульмский крест). В

1813 году капитан; в 1816-м переведён в армию с производством в полковники, назначен командиром Олонецкого пехотного полка. В 1821 году уволен от службы с производством в генерал-майоры, с мундиром и пенсией. В 1822 году назначен обер-прокурором отделения департамента Сената с переименованием в действительные статские советники.

Масон ложи «Елизавета к добродетели».

В 1818 году принят Пестелем в Союз благоденствия. Был ли членом Южного и Северного обществ – неясно. Планам их сочувствовал.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади не замечен, но накануне был у Трубецкого и Рылеева; сообщил последнему, что наутро назначена присяга Сената, и рекомендовал действовать.

Арестован 27 декабря, доставлен в Петропавловскую крепость, но содержался как неарестованный, не в камере, а на

офицерской квартире[103].

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке на поселение на 20 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с половиною вершков[104], лицо продолговатое, несколько черноватое, чистое, нос большой, несколько загнувшийся книзу, глаза серые, брови темно-русые, на голове волосы чёрные, бакенбарды темно-русые.

Отправлен в Верхоянск, но по причине болезненного состояния место жительства изменено на Якутск, куда прибыл в 1827 году. В том же году переведён в Витим, оттуда в 1829 году в Минусинск Енисейской губернии. В 1831 году выехал для лечения на Туркинские минеральные воды, но был вынужден по дороге остаться в Красноярске. В 1837 году по ходатайству сестры ему разрешили переехать в Тобольск. Прошения о выезде на

---

[103] Примечания: 103

Вероятно, это было связано с болезнью: у него временами почти полностью отнимались ноги. В тогдашней терминологии это называлось «ревматизм».

[104] Примечания: 104

Примерно 171 см.

Кавказские воды были отклонены.
Умер в Тобольске 3 февраля 1840 года.

Из доклада жандармского полковника Маслова:

«Краснокутский построил себе в Минусинске домик, завёл большой огород, запасся скотом и всем необходимым. Знаком со всеми минусинскими чиновниками, занимается… разведением табачной рассады и вишнёвых деревьев… Получает лучшие огородные семена и снабжает ими жителей…»

Жандармские сведения особенно примечательны, если учесть, что Краснокутский в это время уже полный инвалид и не может передвигаться без посторонней помощи. Его матери было даже разрешено прислать наёмного слугу для ухода за сыном. Правда, это уже в Красноярске, куда Краснокутскому удалось перебраться в 1831 году. Табак и вишню в тех краях до него, насколько известно, никто не выращивал.

Но состояние ссыльного ухудшалось.

Невесёлая история Краснокутского даёт нам повод кое-что пояснить о материальном положении российского дворянства той поры.

В ответах на вопросные пункты от 2 января

1826 года Краснокутский, отвергая возможность злоупотреблений по службе, с негодованием восклицает: «Подлое лихоимство чуждо душе моей, я беден, но честен!»

Не удивительно ли, что довольно большой начальник в генеральском чине, из семьи помещиков средней руки — и вдруг «беден»! Прибедняется? Но вот и в письме сестре из Тобольска, за две недели до смерти, он советует не слишком хлопотать о разрешении выехать на Кавказские воды, потому что негде «взять какие-нибудь три тысячи рублей, необходимые для издержек на мою перевозку в болезненном моём положении». Сестре, чтобы собрать такие деньги, потребовалось бы «заложить последнюю юбку». Семья, в которой двое братьев дослужились до генеральских чинов, едва сводит концы с концами. Как это понимать? Если коротко, это кризис поместно-служилой системы.

У русского дворянства было два источника материального обеспечения: поместные владения и государева служба. Однако жалованье, которое государь платил офицерам и чиновникам, было во все времена «хорошее, но очень маленькое». А поместья, мельчающие из-за наследственных разделов, приносили всё меньше доходов. К тому

же войны с Наполеоном сильно расстроили государственные финансы, а нашествие 1812 года обернулось тотальным разорением целых областей. В результате — дороговизна и падение курса ассигнационного (бумажного) рубля. Заметим также, что на дворянах лежало немало обременительных обязанностей: помещики несли ответственность за уплату крестьянских податей; офицеры должны были за свой счёт справлять обмундирование (недешёвое, особенно в гвардии); командиры, начиная с ротных, отвечали за расходование казённых средств; и так далее. Причём положение тех, кто выше чином, было не лучше, чем у нижестоящих: жалованье солиднее, но дорогостоящих обязанностей больше. Редкий полковник, к примеру, обходился без того, чтобы из своего кармана покрывать дыры в полковом бюджете, а при передаче дел или в случае внезапной ревизии далеко не каждый избегал вложения собственных средств во избежание отдачи под суд.

«Жить жалованьем» означало прозябать на грани бедности. Для решения любой существенной житейской задачи (например, женитьбы) необходимо было получить дополнительные средства. Откуда? От поместья (собственного или

родительского). Но поместье, как любое аграрное предприятие, зависит от непредсказуемых факторов: урожая, состояния рынка и прочего. В природных условиях России экономически устойчивы только крупные агропредприятия. Поэтому помещикам средней руки, не говоря уже о мелких, приходилось то и дело брать деньги в долг под залог земли — закладывать свои поместья.

Знакомясь с материальным положением декабристов, мы выясняем, что у многих из них поместья заложены, обременены долгами, пребывают в «расстроенном состоянии». И уже в этом поколении не всякому удаётся получить от родителей долю, достаточную для прокормления своей семьи.

Положение русского дворянства становится очень странным: оно — опора престола, всюду служит и отвечает за всё и при этом не сегодня завтра пойдёт по миру. Эта тревожная мысль занозой сидела в умах участников тайных обществ, и можно смело сказать, во многом определила их протестные настроения и беспокойное состояние духа.

Ежели нет помощи от государя, надо брать дело общего спасения в свои руки. От Союза спасения

— к стрельбе на Сенатской площади.

Впрочем, были среди декабристов и те, кому разорение не грозило. Например, князь Валерьян Голицын — «всевышней волею Зевеса наследник всех своих родных».

Дело № 47

Князь Валерьян Михайлович Голицын

Православный.

Родился 23 сентября 1803 года в Ярославле.

Отец – князь Михаил Николаевич Голицын, в 1801–1817 годах ярославский губернатор, с 1817 года действительный статский советник. Мать – Наталья Ивановна, урождённая Толстая. Братья: Александр (привлекался к следствию по делу о 14 декабря 1825 года) и Леонид; сестра Екатерина.

Из его собственных показаний известно, что «до 11 лет воспитывался дома, потом был отдан в Иезуитский институт, находящийся тогда в Петербурге, в оном пробыл год, после поступил в партикулярный пансион Жонсона, где находился два года, по истечении сего времени был

еще два года в пансионе профессора Шлецера в Москве, от коего же поступил… в Пажеский корпус». Выпущен в 1821 году прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк; в 1822 году подпоручик, в 1823 году поручик. Уволен от военной службы в феврале 1824 года, жил в деревне, через год поступил в департамент внешней торговли с переименованием в титулярного советника (чин, равный капитану); в мае пожалован в камер-юнкеры двора его императорского величества.

Принят в тайное общество (по его словам, сам не знал в какое) в 1823 году.

На совещаниях заговорщиков не присутствовал, на площади 14 декабря 1825 года не был.

Арестован 23 декабря.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке в Сибирь на поселение вечно; срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина четыре вершка (160 см! малыш!), лицом бел, сухощав, нос средний, волосы на голове и бровях чёрные, глаза карие.

Отправлен в Киренск Иркутской губернии. В 1829 году высочайше повелено определить рядовым на Кавказ. Успел принять участие в войне с Турцией, в 1835 году произведён в унтер-офицеры. Служил в различных полках Кавказского корпуса. В 1837 году произведён в прапорщики и уволен за болезнью для определения к статским делам с чином коллежского регистратора в Астрахань; затем служил в Ставрополе. В 1839 году уволен от службы по болезни; жил под секретным надзором в Орле.

В 1843 году вступил в брак с княжной Дарьей Андреевной Ухтомской; дети от этого брака: Леонилла и Мстислав. С 1843-го жил в селе Архангельское (Хованщино) Епифанского уезда Тульской губернии. В 1856 году, будучи восстановлен в правах (ему и детям возвращён княжеский титул), получил наследство от дядюшки по матери, графа Остермана-Толстого – имение Матокса Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии. Там прожил последние два года, там же умер 8 октября 1859 года (как принято считать,

от холеры).

В списке декабристов Валерьян Голицын оказался из-за фамилии.

14 декабря на площади не был. В подготовке восстания не участвовал. Правда, в тайное общество, по его собственному признанию, был принят «подполковником Поджием в 23 году», но на совещаниях «никогда не был, да и не знал, что они были». Не прочь потолковать про конституцию — но ведь и блаженной памяти государь император Александр Павлович тоже был не прочь. Вполне можно было бы в качестве наказания отправить в деревню под надзор или, в крайнем случае, капитаном в Кавказский корпус.

Но он получил Сибирь.

И всё из-за родства.

Начать с того, что в родовитости Голицыны превосходили всех, даже Трубецких, состояли в родстве-свойстве не только с Романовыми, но и с древней Московской династией. Но это дела прошлые; куда большее значение имели близкие родственные связи князя Валерьяна. Один его дядя, брат матери, Александр Толстой, унаследовавший также фамилию, титул и огромные владения графов Остерманов, — генерал от ин-

фантерии, герой Бородина и Кульма и, между прочим, негласный противник восшествия на престол Николая Павловича. Другой дядя, брат отца — Александр Голицын, один из двух ближайших вельмож Александра I, соперник Аракчеева и скрытый покровитель Рылеева. Он был одним из шести человек (Александр I, великий князь Константин, императрица Мария Фёдоровна, митрополит Филарет, А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын), кто был посвящён в престолонаследную тайну: знал о передаче престола Николаю. На него поступали доносы о причастности к декабристскому заговору. Не без умысла включил его Николай I в состав суда над декабристами.

Валерьян Голицын оказался на пересечении силовых линий околопрестольного поля — и сгорел.

Впрочем, не сгорел — обжёгся. От погибели его спасла любовь.

На эту тему сочинила душещипательный рассказ такая Екатерина Ивановна Раевская, родственница нашего князя. Вроде бы мемуары, но в них много путаницы, так что степень достоверности установить затруднительно. Якобы дело было так. В доме княгини Натальи Ивановны, матери князя Валерьяна, воспитывалась юная

княжна Dolly, Дарья Ухтомская, красавица и умница. Княгиня брала её с собой на Кавказские воды, и там княжна познакомилась с несчастным Валерьяном. Между ними вспыхнула любовь. Но он — государственный преступник, лишённый дворянства и титула. Княгиня Наталья Ивановна была категорически против: «Не хочу, чтобы мои внуки были Голицыны, и при этом не князья». Влюблённые расстались. Шли годы. К обворожительной Dolly сватались многочисленные женихи, но она никому не давала надежды. Лишь после смерти старой княгини влюблённые смогли соединиться.

В этой истории несомненной правдой является то, что в 1843 году Валерьян Голицын женился на Дарье Ухтомской. Через 13 лет ему и его потомству был возвращён княжеский титул, так что внук княгини Натальи Голицыной Мстислав стал-таки князем. Мало того, в 1863 году, уже после смерти отца, он был высочайше утверждён в праве наследования фамилии и титула графов Остерманов и отныне стал именоваться: князь Мстислав Валерьянович Голицын граф Остерман.

Дело № 48

Барон Владимир Иванович Штейнгель (встречается написание Штейнгейль)

Православный (невзирая на немецкое по отцу происхождение).

Родился 13 апреля 1783 года в уездном городе Обвинске Пермского наместничества (ныне село Карагайского района Пермской области).

Отец – барон Иоганн Готфрид Штейнгейль, в Россию прибыл в 1772 году из Пруссии, на момент рождения сына Владимира капитан-исправник или городничий в Обвинске, умер в 1804 году. Мать – Варвара Марковна, урождённая Разумова, купеческая дочь.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1795 году гардемарин. В 1799-м определён мичманом в Балтийский флот. В 1802 году направлен в Охотск. В конце 1806 года переведён в Иркутскую морскую команду; в 1807-м произведён в лейтенанты и назначен командиром оной команды; обследовал водные пути

между Иркутском и Амуром. В 1809 году снова на Балтике. В феврале 1810 года назначен чиновником для особых поручений при сибирском генерал-губернаторе Пестеле и командирован в Иркутск, однако через десять месяцев уволен от службы «за болезнью» с производством в капитан-лейтенанты. В 1812 году вступил в Петербургское ополчение; участвовал в кампаниях 1812–1814 годов. Награждён орденами Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1814 году назначен адъютантом (управляющим канцелярией) к московскому главнокомандующему генералу от кавалерии А. П. Тормасову, с переименованием в майоры (1815). В 1816 году за отличие по службе произведён в подполковники. В 1819 году уволен для определения к статским делам, однако на государеву службу не поступил и служил у различных частных лиц. Подал на имя государя несколько пространных записок политического характера.

Был ли участником тайных обществ – неизвестно. Был знаком с Рылеевым

не позднее чем с лета 1823 года, также имел контакты с Пущиным, Трубецким, обсуждал с ними Конституцию Никиты Муравьёва. Присутствовал на совещаниях в декабре 1825 года.

14 декабря к мятежникам не примкнул, хотя на площади появлялся. Через неделю после восстания беспрепятственно выехал из Петербурга в Москву.

Арестован 2 января, 6 января доставлен в Петропавловскую крепость.

Осуждён по III разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина пять с половиною вершков[105], лицом бел, круглолиц, волосы на голове и бровях темно-русые с сединою, глаза светло-голубые, нос большой с горбиной, подбородок раздвоившийся.

Был заключён в Свартгольмскую крепость, в 1827 году отправлен в Сибирь. Отбывал каторгу в Читинском остроге, Петровском заводе. В 1835 году обращён

---

[105] Примечания: 105
Примерно 167 см.

на поселение в селе Елань Иркутской губернии; в 1837 году переведён в Ишим Тобольской губернии; в 1840 году – в Тобольск. Из-за конфликта с генерал-губернатором Западной Сибири П. Д. Горчаковым в 1843 году переведён в село Тара; в 1852 году разрешено вернуться в Тобольск.

После амнистии 1856 года и восстановления в правах получил разрешение жить в Петербурге. С 1858 года получал пособие,

В 1810 году женился на Пелагее Петровне Вонифатьевой, дочери директора Кяхтинской таможни. От этого брака родились десять детей. Вернувшись в Петербург в 1856 году, поселился у сына Вячеслава, инспектора Александровского лицея.

Внебрачные дети, родившиеся в Сибири: Андрей и Мария, получившие фамилию Бароновы и права личного почётного гражданства.

Писал мемуары.

Умер 20 сентября 1862 года в Петербурге.

Биография Штейнгеля, прямо скажем, нестандартна. Из всех декабристов, осуждённых и неосуждённых, лишь единицы бывали до 1826 года в Сибири и на Урале. Он же родился в пермской глубинке, рос на Камчатке, куда нелёгкая служба занесла его отца; сам начинал службу на Дальнем Востоке, бывал в плаваниях по Охотскому морю, Ангаре, Селенге и Байкалу, жену нашёл в Кяхте…

При этом стоит обратить внимание на два обстоятельства.

Лейтенант Штейнгель вполне мог бы спеть арию в рок-опере «„Юнона“ и „Авось“»: он участвовал в событиях, легших в основу её сюжета, и был лично знаком с графом Резановым, лейтенантом Хвостовым и мичманом Давыдовым. Гавриил Давыдов, командир тендера «Авось», — однокашник Штейнгеля по Морскому корпусу; Николай Хвостов, командир «Юноны», — сослуживец в Охотске; все трое отправились бороздить тихоокеанские воды в 1802 году. Что касается Николая Резанова, то с ним Штейнгель повстречался в Якутске, когда тот, оставив в Сан-Франциско свою милую Кончиту, поспешал в Петербург, не ведая, что путь его навсегда оборвётся в Красноярске. Бог знает, о каких тайнах беседовал влюблённый правитель русско-американских колоний с

любознательным мичманом… Это — лирика. Но заметим: судьба Штейнгеля не раз сводила его с выдающимися авантюристами-неудачниками, каковыми являются и Хвостов с Давыдовым[106], и Резанов, и старший Пестель.

Второе обстоятельство связано с первым. Штейнгель всегда там, где готовится какой-нибудь грандиозный проект, однако каждый раз для него всё заканчивается провалом. Масштабнейшее из начинаний начала XIX века — русская колонизация Аляски и создание Российско-американской компании, — Штейнгель уже приглашён Резановым участвовать в деле. Но Резанов умирает; от охотского начальства, с которым Штейнгель в ссоре, приходится спасаться в Иркутск. Освоение направления через Забайкалье в Поднебесную и далее к Японскому морю тоже открывает великие перспективы. Этот проект будет реализован через столетие в ходе строительства Транссиба и КВЖД. Штейнгель одним из первых исследует путь за Аргунь и Амур, находит на этом пути жену… Но внезапно оказывается в отставке.

---

[106] Примечания: 106

Эти офицеры в 1806 и 1807 годах совершили нападения на принадлежавшие Японии острова Сахалин и Итуруп, едва не спровоцировав русско-японскую войну. Оба погибли при невыясненных обстоятельствах в Петербурге 4 октября 1809 года.

Патриотическая эпопея 1812 года вновь открывает перед ним величественные горизонты. Какое деяние может быть грандиознее для победившей империи, чем восстановление сожжённой Москвы? Штейнгель — глава канцелярии московского главнокомандующего, через его руки проходит колоссальной важности документация… И вновь конфликт, на сей раз с обер-полицмейстером А. С. Шульгиным (в той же должности Шульгин окажется в Петербурге в декабрьские дни 1825 года и будет снят с нее из-за пьянства). Засим обвинение в служебных злоупотреблениях, отстранение от дел, отставка.

К сорока годам неудача — его постоянная спутница. Но вне деятельности имперского масштаба он себя не мыслит. Раз нет доступа к реальному делу — остаётся писать проекты. Один за другим выходят из-под его пера объёмистые сочинения, прямо или косвенно предназначенные высочайшему вниманию: «Нечто о наказаниях» (1817), «Рассуждение о законе на богохульников» (1819; направлено князю Александру Голицыну), «Некоторые мысли о гражданстве и купечестве в России» (1819, Аракчееву), «О лёгкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми» (1823; поднесено государю), о внешней

торговле, о старом и новом календарном стиле, о проекте частного заведения для образования юношества…

В 1824 году в Петербурге затевается новый великий проект под названием Северное общество. Перспектива — полное изменение государственного порядка в России. Как обойтись без Штейнгеля? Конечно, он тут.

Безобидный, в сущности, интеллигентный неудачник. В очках. Много думает. Любит излагать свои мысли на бумаге.

Определить степень его реального участия в декабрьских событиях сложно. Он и тут, и там, но что зависит от его присутствия? Он не стреляет в генералов, не рубит их саблей, не ведёт за собой взбудораженных солдат. Возможно, участвует в написании манифеста и ещё каких-то бумаг — что-что, а писать он умеет, — но и это не вполне доказано. Вина его настолько неопределённа, что целых две недели высочайшее следствие о нём не вспоминало. Когда вспомнило, он преспокойно прогуливался по Москве. Там и был арестован.

У него жена и куча ребятишек. Отпустите его, государь Николай Павлович!

Но нет. Искоренять надо образ мыслей.

Значит, каторга.

Штейнгель пережил каторгу и поселение и через 30 лет вернулся в Петербург, нисколько не изменившимся. Разве что большая белая борода скрыла раздвоенный подбородок и сделала похожим на библейского патриарха.

В тюрьме Петровского завода им написаны: «Дневник достопамятного нашего путешествия из Читы…», «Излияние сердца… в Петровской тюрьме», «К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири»; на поселении — «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии», мемуарные записки, статьи, уйма писем… Конечно, и искусство ссориться с властями не позабыто: конфликт с князем Петром Горчаковым, генерал-губернатором и большим самодуром, обернулся для Штейнгеля переселением из приличного Тобольска в захолустную Тару и породил новый цикл публицистических посланий.

По возвращении в Петербург — долгожданные публикации в печати, новые послания государю императору, статьи, письма…

Неугомонный старик.

Последнее написанное им письмо датировано 26 августа 1862 года и адресовано Гавриилу Степановичу Батенькову. Оно коротенькое и, как

свойственно письмам стариков, главным образом о здоровье. Заключительные слова: «Прости! Иду молиться: колокол зовёт».

Дело № 49

А может, не так уж и безвинен Штейнгель? Ведь он имел отношение к Российско-американской компании. А это организация непростая, и роль её в декабрьских событиях до конца не выяснена. Глава её канцелярии — Рылеев, крупные акционеры — родня Сергея Трубецкого и братьев Муравьёвых. Ей подвластны колонии в Америке, куда Рылеев замышлял тайно вывезти царское семейство.

В ноябре 1825 года на должность правителя русских владений в Америке был приглашён подполковник Батеньков. Загадочный персонаж декабристской драмы.

Гавриил Степанович Батеньков (встречается написание Батенков)

Православный.

Родился 25 марта 1793 года в Тобольске, двадцатый, и последний, ребёнок в семье.

Об отце известно, что он отставной обер-офицер; умер до 1810 года. Мать из мещан, имя не установлено, девичья фамилия Урванцева.

Воспитывался в Военно-сиротском отделении Тобольского народного училища, затем в Дворянском полку при 2-м Кадетском корпусе в Петербурге. В 1812 году выпущен прапорщиком в 13-ю артиллерийскую бригаду. Участвовал в кампании 1812 года и походах 1813–1815 годов; в 1813 году за отличие произведён в подпоручики. В 1814 году при Монмирале ранен (от полученных ран много болел впоследствии) и попал в плен, но вскоре освобождён. Награждён орденом Владимира 4-й степени с бантом. В 1816 году за ранами уволен от строевой службы и определён инженером 3-го класса по Корпусу инженеров путей сообщения с назначением в Сибирский округ, служил в Тобольске и Томске. В 1819-м прикомандирован к генерал-губернатору Сибири М. М. Сперанскому и произведён в капитаны (о производстве в штабс-капитаны в формулярном спис-

ке записи нет), в 1821-м в майоры; в том же году переведён в Особый сибирский комитет в Петербург, правителем дел. В 1823 году назначен для особых поручений по части военных поселений; в 1824-м – членом Совета главного над военными поселениями начальника (Аракчеева) с производством в подполковники.

Масон ложи «Избранного Михаила» (знаком с Николаем Бестужевым).

Был членом Северного общества. В дни, предшествовавшие восстанию, был у Рылева.

14 декабря 1825 года на Сенатской площади не был, принёс присягу на верность новому императору.

Арестован 28 декабря.

Осуждён по III разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет; срок сокращён до 15 лет. Отправлен в Свартгольмскую крепость. В июне 1827-го по особому высочайшему повелению перемещён в Петропавловскую крепость.

Приметы: рост два аршина восемь

вершков[107], лицом смугл, с рябиною и долголиц, волосы на голове и бровях темно-русые, глаза чёрные, близорук, нос посредственный, острый.

Вместо каторги оставался заключённым в Петропавловской крепости. В 1846 году по высочайшему повелению отправлен на жительство в Томск с учреждением за ним строгого надзора. После амнистии 1856 года Батенькову были возвращены права потомственного дворянства, поселился в селе Петрищеве Белёвского уезда Тульской губернии, в имении Авдотьи Петровны Елагиной[108].

В 1857 году переехал в Калугу, где и умер 29 октября 1863 года.

Батеньков — единственный из осуждённых декабристов, кому явлена была императорская милость: освобождение от каторжных работ.

---

[107] Примечания: 107
Примерно 178 см.

[108] Примечания: 108
Вдова ближайшего друга-однополчанина Батенькова, Алексея Андреевича Елагина, племянница поэта Жуковского, по первому мужу Киреевская, мать славянофилов Ивана и Петра Киреевских. В своих письмах Батеньков называет её сестрой.

Правда, милость очень странная: вместо 15 лет каторги — 20 лет одиночного заключения в «секретном доме» Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

Среди «северных» декабристов он белая ворона: мало того что сибирский уроженец и не говорит по-французски, так ещё и дворянское происхождение его сомнительно. Сын безвестного обер-офицера и тобольской мещанки, без связей — и при этом свой человек в домах Аракчеева и Сперанского, знакомец Трубецкого, накоротке с Рылеевым. Математический ум, инженерные знания, склонность к бумажной работе, усидчивость (в контексте его дальнейшей судьбы это слово звучит злой иронией), толика канцелярского цинизма и искорки поэтического пламени в душе — его качества. Он успешно делает карьеру вблизи сильных мира сего, причём каждый следующий его покровитель могущественнее предыдущего: глава путейских инженеров Бетанкур, сибирский владыка Пестель, придворный реформатор Сперанский, доверенный друг царя Аракчеев. От последнего Батеньков уходит в ноябре 1825 года, ему уготована должность почти что царская: правитель русских колоний в Америке.

Декабрьский вихрь подхватил его и вместо

привольной Аляски забросил в камеру «секретного дома».

Двадцать лет одиночного заключения. Почему? Ответа нет.

И первыми, кто задался сим вопросом, были жандармские чины, ответственные за содержание государственных преступников и надзор за ними.

Из записки, подготовленной в канцелярии III Отделения, 1845 год:

«Причины, по которым Батеньков не был отправлен в Сибирь и заключён в крепость, III Отделению неизвестны».

Из резолюции Николая I на всеподданнейшем докладе главноуправляющего III Отделением графа Алексея Орлова от 22 января 1846 года:

«…Он содержится только оттого, что был доказан в лишении рассудка…»

Изумительная резолюция! Всех лишённых рассудка следует держать по 20 лет в секретных тюрьмах?

Что происходило с Батеньковым в течение этого времени? Никто не знает. Любопытно, что он сам об этом как будто не знает и после освобождения таит свой опыт: в письмах и мемуарных фрагментах лишь общие слова, практически

нет подробностей. Только две вехи тюремного двадцатилетия отмечены в том же всеподданнейшем докладе:

«В 1828 г. Батеньков намерен был голодом и бессонницею лишить себя жизни и показывал признаки сумасшествия, а в 1835 два раза представлял через коменданта запечатанные пакеты на высочайшее имя, в коих оказались записки его бессвязного и запутанного содержания, обнаруживающие в нём явное помешательство ума».

Абсурдность ситуации породила легенды. Кто-то из современников утверждал, что Батенькова попросту забыли в темнице. Другие искали объяснения в дерзких письмах, которые он писал из крепости царю. Третьи винили Сперанского: якобы Батеньков знал некие секреты своего бывшего начальника и тот постарался обезвредить его, упрятав в одиночную камеру. Четвёртые предполагали, что его нельзя было отправлять в Сибирь по причине имеющихся у него в тех краях связей и влияния.

Вышеуказанные версии никуда не годятся. На протяжении 29 лет, двух месяцев и четырёх дней, до самой смерти, Николай I внимательнейшим образом отслеживал линии судеб участников

восстания, про каждого помнил, о каждом принимал хорошо обдуманные решения. Тем более невозможно представить, чтобы в самой главной тюрьме России, в Петропавловской крепости (дымки́ над печными трубами её Секретного дома хорошо видны из окна императорского кабинета), содержался кто-то, о ком забыли. Для Сперанского прятать своего бывшего протеже туда было бы всё равно что в ящик письменного стола Николая. Что касается сибирских связей, то неужели они имелись у Батенькова в каждом ссыльно-каторжном закоулке на расстоянии семи тысяч вёрст от Тобольска до Верхнеколымска? Вот дерзкие письма, конечно, более весомый аргумент… Но где они? Написанное Батеньковым во время следствия — объяснения, признания, аналитические записки и проекты — всё корректно, даже верноподданно, хотя и содержит крамольные мысли. И кстати, сам государь санкционировал эти писания, ибо дважды указывал коменданту Сукину: «Батенкова содержать строжайше, дав писать что хочет», «…Объявить Батенькову, что ему не воспрещается писать всё, что ему угодно». Написанное же им на десятом году изоляции, в 1835 году, действительно производит впечатление бессвязного бреда сумасшедшего.

Может быть, он и в самом деле страдал приступами умопомешательства? Он ведь и сам в посланиях государю из тюрьмы и в письмах другу Елагину, написанных до ареста, называет какие-то свои состояния сумасшествием. Может быть, Николай I распознал в нём сию болезнь? Тогда понятны государевы указания Сукину: «…так как он больной и раненый, то облегчить его положение по возможности» и финал резолюции по докладу Орлова 1846 года: «…надо его переосвидетельствовать и тогда представить, как далее с ним поступить можно».

А может быть, особенная судьба Батенькова всё-таки связана с той должностью, к которой он готовился в ноябре–декабре? Носитель власти в тех краях, где до Бога значительно ближе, чем до царя, и где нет иного закона, кроме воли уполномоченного Российско-американской компании… И сама эта компания, акционерами которой были Александр I и члены его семьи, — какова её роль в декабристском заговоре? Случайно ли то обстоятельство, что планы заговорщиков обсуждались в здании её правления на Мойке? И что моряки — Завалишин, Торсон, тот же Штейнгель — совершали плавания в интересах этой компании? Наконец, вспомним рылеевский план депорта-

ции неудобных представителей царствующего дома на надёжном судне с надёжной командой куда-то туда, на Аляску…

Из материалов следствия (заключение по делу Назимова):

«Рылеев… сказывал… что Общество предполагало возмутить Калифорнию и присоединить её к северо-американским российским владениям и что один из членов, коего имени он не сказал, отправлялся туда для исполнения сего».

Может быть, Батеньков — никакой не подполковник, а президент Русской Калифорнии? Вполне безумная идея. Но интересная.

И ещё одна загадочная деталь в деле Батенькова. В «пакетах» 1835 года он предстаёт абсолютным безумцем; десять лет спустя царь считает, что он «доказан в лишении рассудка»… И вот он выходит на свободу. Живёт в Томске, потом в тульской деревне, потом в Калуге — ещё 17 лет. Общается с людьми. Много пишет: письма, воспоминания, стихи. И ни малейшего следа безумия. Здравый рассудок, твёрдая память. Крепкое здоровье. Будто и не провёл 20 лет в каменном мешке.

Как такое может быть?

Мы теряемся в догадках.

А где, собственно, доказательства того, что он все эти годы был в равелине? Может быть, он в сумерках прогуливался под ручку с государем императором по аллеям петергофской Александрии и излагал ему свои взгляды на обустройство России и развитие Сибири?

Из письма Батенькова неизвестному адресату, после освобождения:

«Мне объявили свободу и состоявшееся именное повеление, которого альфа и омега заключаются в слове „он опасен“.

Две недели пробыл я в этом положении. Каждый день пил чай у коменданта и раз был в соборе у обедни. Ни с кем не мог видеться, потому что уже вовсе ничего не знал, как дикий. Даже едва умел ходить, а видеть и говорить вовсе отвык. Любопытные приходили смотреть на меня. б…с

Чудны дела Провидения, и я уверен, что сделал всё, что мог, из своей жизни. К довершению разве женюсь ещё…»

Часть IV
Обречённый эскадрон

Не участвовали, но виновны

О существовании заговорщицких обществ Николай Павлович узнал за два дня до восстания. Способность оных действовать и серьёзность намерений были явлены 14 декабря. Находясь в самой гуще событий, слыша выстрелы, видя яростные лица пробегавших мимо гренадеров, он не мог не вспоминать о своих убиенных отце и деде. Вечером того же дня в Зимнем начались допросы. Выяснилось, что в кругу заговорщиков обсуждались планы истребления всего царствующего семейства. Он вёл допросы всю ночь и весь следующий день в своей великокняжеской приёмной, уже предназначенной к переделке в учебную комнату для семилетнего наследника. Озирая эти стены, царь вздрагивал. Его преследовало неотвязное видение: щербины от пуль, битое стекло, осыпавшаяся штукатурка, жена и дети в кровавых лужах на полу…

С каждым новым допросом расширялась география заговора, открывались всё более опасные планы, звучали новые имена — и какие! Казалось, тайной сетью опутана вся гвардия, вся армия, вся империя. На вторые-третьи сутки адовой

работы царь отчётливо понял: как хирург, спасая раненого в полевом лазарете, он должен отсечь повреждённую часть тела вместе со здоровой плотью, иначе не угашенный «антонов огонь» погубит всё, как погубил несчастного Милорадовича.

Надо искать не только тех, кто действительно был при мятежном каре или мог там оказаться, но и тех, кто не мог, не хотел, кто хотел, да раздумал, кто колебался, боялся… Словом, всех тех, кто *имел умысел*.

Из Петербурга помчались фельдъегери с приказами об аресте: в Москву, Киев, Псков, Могилёв, Тульчин — во все стороны…

«Курьеры, курьеры, курьеры… Тридцать пять тысяч одних курьеров!»

Эхо петербургских залпов

На курьерских скакать от Петербурга до Москвы двое суток. Первые приказы об арестах московской братии были подписаны в ночь с 18 на 19 декабря и поспели к месту назначения поздним вечером 20-го. В них значились фамилии непосредственных участников заговорщицких ячеек в полках гвардии, лишь по случайности

оказавшихся в решительный момент вдали от Петербурга. Но круг обречённых стремительно расширялся. Вскоре и те, кто намеренно пытался избежать участия в выступлении, и те, кто давным-давно покинул тайные общества, оказались захвачены карательным водоворотом. И не только на улицах Москвы и губернских городов, но и на просёлочных дорогах, ведущих в затерянные средь лесов и полей помещичьи усадьбы, зазвенели фельдъегерские колокольцы.

Дело № 50

Пётр Николаевич Свистунов

Православный. Однако, по некоторым данным, до выхода на поселение испытывал глубокие сомнения в вере.

Родился 12 августа (ранее считалось 27 июля) 1803 года в Петербурге.

Отец – действительный камергер Николай Петрович Свистунов, масон, умер в 1815 году. Мать – Мария Алексеевна, урождённая Ржевская, перешла из православия в католичество. Брат Алексей, в 1826 году юнкер лейб-гвардии Конного полка, впоследствии тайный советник, директор департамента Министерства

иностранных дел. Сёстры: Александра, Глафира, Варвара. В 1825 году за семьей числится до 5000 душ крепостных в разных губерниях, а также каменный дом в Петербурге, на Большой Морской улице.

Воспитывался в иезуитском пансионе, в пансионе барона Шабо, затем в Пажеском корпусе, в 1823 году выпущен корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк.

В том же году или в начале следующего принят в Южное общество корнетом Кавалергардского полка Фёдором Вадковским; в 1824 году по указанию Пестеля вместе с Вадковским возглавил Петербургскую управу общества; участвовал также и в Северном. Вовлёк в общество других офицеров-кавалергардов. Обсуждал планы цареубийства.

Музыкален: великолепный виолончелист.

13 декабря 1825 года выехал из Петербурга в Москву вместе с прапорщиком Ипполитом Муравьёвым-Апостолом (последний направлялся далее в Киев и Васильков, к брату).

Приказ об аресте подписан в Петер-

бурге 19 декабря; в ночь на 21 декабря арестован в Москве, 23-го доставлен в Петербург. Находясь под арестом в Петропавловской крепости, в июне 1826 года намеревался покончить жизнь самоубийством: ел битое стекло, а перед тем совершил попытку утопиться.

Осуждён по II разряду, приговорён к каторжным работам на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина шесть вершков[109], лицо белое, продолговатое, глаза серые, нос большой с маленькою горбинкою, волосы на голове и бровях светло-русые, на левой стороне шеи родимое небольшое пятнышко.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1836 года жил на поселении в Идинском остроге (село Каменка) Иркутской губернии; в 1837 году переведён в Курган. В 1841-м разрешено поступить канцелярским служителем в Тобольское губернское правление. В 1849-м за отличие произведён в коллеж-

[109] Примечания: 109
169 см — для кавалергарда рост невысокий.

ские регистраторы, затем по выслуге – в губернские секретари.

В 1842 году женился на приёмной дочери курганского земского исправника Татьяне Александровне Дурановой (по отцу Неугодниковой)[110]. Из их детей до взрослых лет дожили Магдалина, Иван, Екатерина, Варвара.

После амнистии 1856 года жил в Калуге, с 1863 года – в Москве. От своего брата, тайного советника, получил часть отцовского наследства: имения в Калужской губернии (более 700 душ крепостных). При начале крестьянской реформы в 1859 году был избран в состав Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. Впоследствии служил в Калужском по крестьянским делам присутствии, в губернском статистическом комитете, преподавал французскую словесность в калужской женской гимназии. В 1875 году овдовел.

Опубликовал несколько мемуарно-публицистических статей, в которых резко

[110] Примечания: 110

Сотоварищ Свистунова по курганской ссылке А. Ф. Бригген в одном из писем характеризует её родню как плутов и пьяниц.

полемизировал с Дмитрием Завалишиным (из всех декабристов-мемуаристов они оставались в живых последними).

Умер 15 февраля 1889 года в Москве.

Ещё в отрочестве, бродя по залам Русского музея, мы замирали перед портретом смольнянки Глафиры Алымовой кисти Дмитрия Левицкого. Румяная насмешница, перебирая перстами по струнам арфы, парит в кружевах и шелках, в каскадах света.

Это — юная бабушка декабриста Свистунова.

Не диво, что в сию осьмнадцатилетнюю барышню влюбился семидесятилетний вельможа Иван Иванович Бецкой, попечитель всех благородных девиц России, и даже не прочь был на ней жениться. Но она, пожив годик у него во дворце, предпочла всё-таки выйти замуж за другого вельможу — сорокалетнего Алексея Ржевского, поэта и масона. Потом, овдовев, она изберёт себе в мужья француза-учителя моложе её на 20 лет. Внук-заговорщик навестит её в Москве за день до своего ареста.

Дочь Глафиры и Алексея Ржевских Мария тоже не искала простых путей в жизни: её брак с камергером Николаем Свистуновым вызвал немилость

императора Павла I, а наступившее через 15 лет вдовство привело её в лоно римско-католической церкви. Поэтому старшего сына своего отдала она в обучение иезуитам.

В характере Петра Свистунова неукротимый бабушкин темперамент стянут корсетом иезуитского воспитания и одет в сюртук масонской таинственности.

Наверное, потому он и вступил в тайное общество — не по политическим мотивам, а по велению натуры.

И на фотографии, сделанной вскоре после возвращения из ссылки, он — в чёрной тройке, при галстуке, с усами и бакенбардами — сгусток нерастраченной энергии, пластичен и бодр в свои 54 года.

Из воспоминаний Марии Владимировны Брызгаловой, внучки Ивана Анненкова, о встрече со Свистуновым в 1885 году:

«…Послышались лёгкие, быстрые шаги, и мы увидели перед собой маленького сухого старика с белой бородой, одетого в чёрный костюм… Меня поразила элегантность: и изящество его манер, и изысканная вежливость».

Скрытая энергия ищет выхода, но, когда находит, разрушает и всё вокруг, и свою оболочку.

Конфликт внутреннего пламени и внешнего холода определил противоречивое поведение Свистунова-заговорщика. Более года он деятелен: вовлекает в конспирацию офицеров-однополчан одного за другим, готовит их к решительному бою. Он радикален: единомышленник Пестеля, республиканец, ярый сторонник цареубийства… И вдруг словно теряет интерес к заговору. Вероятно, причиной тому — неприятие северянами Пестеля, окончательно выявившееся к осени 1825 года, и всё же поворот Свистунова слишком резок. Созданная им боевая кавалергардская дружина замирает на всём скаку, причём именно тогда, когда её выступление могло бы стать решающим. В сумятице междуцарствия его как бы нет, а в день восстания нет и в прямом смысле: он намеренно уезжает накануне в Москву, и единственное, в чём соглашается содействовать товарищам по заговору, — вместе с Ипполитом Муравьёвым-Апостолом доставить письмо Трубецкого московскому союзнику Михаилу Орлову.

В Москве его настигает известие о петербургских событиях. Он сжигает письмо Орлову, прощается с Ипполитом, спешащим навстречу судьбе, а сам преспокойно делает визиты (к дяде Ржевскому, бабушке Глафире, госпоже Полине

Гёбль с весточкой от Анненкова) и дожидается ареста.

Результат разрушителен: он сам и все, кто был с ним, — в казематах, юный Ипполит — мёртвый на заснеженном поле близ Устимовки: застрелился, не желая сдаваться.

Нет, Свистунов не мямля и не трус. Его взор ясен и рука тверда; его показания на следствии практически не меняются от первого допроса к последнему и подтверждаются показаниями других. Он не запирается, не откровенничает, не маневрирует, не выбирает тактику, не исписывает листы признаний, а всё излагает кратко, ёмко, как есть. Будто бы он спокоен и ему всё равно. Вдруг попытка самоубийства, глотание стекла…

Из рапорта коменданта Сукина от 17 июня 1826 года:

«…Подпоручик Фролов для освежения воздухом арестанта Кавалергардского полка корнета Свистунова вёл по берму[111] *вдоль стены от бастиона императрицы Екатерины 1-й к Трубец-*

[111] Примечания: 111

Берм, берма — уступ у подошвы крепостной стены.

кого[112]. *Свистунов, подходя к тому бастиону, побежал в реку; но как в сем месте на довольное расстояние от берега весьма мелко, то Фролов с фейерверкером Федотовым удобно могли его поймать и отвели в каземат».*

Не удалось. И снова ледяное спокойствие. Выслушивает приговор, едет в Сибирь, живёт девять лет в каторжных тюрьмах.

Только через полвека выяснится, каково ему было там, в тюрьме, под непрестанный говор и бряцание цепей.

Из статьи Александра Фролова, написанной при участии Свистунова, «Воспоминания по поводу статей Д. И. Завалишина» (1881 год):

«Первое время пребывания в Читинском остроге помещение наше поистине было ужасно: в небольшой сравнительно комнате с нарами помещалось 16 человек, так что, когда ложились спать, то на каждого не приходилось и аршина. Нельзя было перевернуться с одного бока на другой, не разбудив товарища».

После каторги жизненный путь Свистунова

---

[112] Примечания: 112

То есть от Невских ворот мимо Нарышкина бастиона и Екатерининской куртины к Трубецкому бастиону. Сия прискорбная сцена разыгралась на том самом месте, где сейчас пляж и в солнечную погоду безмятежно загорают петербуржцы.

бесхитростен, прям и долог. И не омрачён материальными проблемами. Его семейство не только богатое, но и дружное: сначала мать, а после её смерти брат и сёстры помогают ему насколько возможно, так что уже в 1838 году в Кургане он обзаводится собственным домом за три с лишним тысячи рублей (вспомним: именно этой суммы недоставало Краснокутскому для целебной поездки на кавказские воды). Прочно обустроившись, вступает в брак, весьма удачный и, главное, бесконфликтный, о чём мы можем судить по отсутствию пересудов вокруг женитьбы.

Пожалуй, последняя вспышка сокрытого в этом человеке пламени — полемика, а лучше сказать, смертельная публицистическая дуэль с бывшим соузником по каторжной темнице Дмитрием Завалишиным. Вдаваться в её подробности мы не будем, но не упомянуть не можем по той причине, что отсюда тянется шлейф обвинений Свистунова в разврате и прочих смертных грехах. Это не что иное, как месть одержимого манией величия Завалишина тому, кто гением его не признал. Доверять россказням осьмидесятилетнего старца о девицах и мальчиках, совращённых в незапамятные времена его конкурентом-критиком, не стоит, хотя и опровергнуть невозможно. Не утвер-

ждая, что корнет, а затем каторжник Свистунов всегда был морально безупречен, мы лучше приведём другое, более нейтральное свидетельство.

Из письма Евгения Якушкина (сына декабриста) жене, 1855 год:

«Свистунов рассказывал мне, как он обратился. По окончании срока каторжной работы он был сослан на поселение, где должен был жить совершенно один… Жизнь ему стала чрезвычайно тяжела, не с кем было перемолвить слова, читать было нечего, делать тоже нечего. Он делался всё мрачнее и мрачнее; не имея никакой веры в будущее, он завидовал тем, у которых есть религиозная вера, и, как говорил сам, старался даже поверить, наконец поверил, стал молиться, и ему сделалось очень легко.

Он, разумеется, уверяет, что на него сошла благодать Божия».

Дело № 51

Фёдор Фёдорович Вадковский

Православный.

Родился в 1800 году в имении родителей, селе Пятницком Елецкого уезда.

Отец – Фёдор Фёдорович Вадковский, друг юности императора Павла I, сенатор,

умер в 1806 году. Мать – Екатерина Ивановна, урождённая графиня Чернышёва, тётка Захара Чернышёва (декабриста, см. дело № 53), помещица (в 1826 году за ней числилось более 800 душ крепостных, из них почти 200 были в залоге). Старшие братья: Иван и Павел; младший Александр, подпоручик, участник Южного общества[113]. Сёстры: Екатерина, Софья.

Воспитывался в Московском университетском пансионе, затем в Петербурге, в частных пансионах. В 1818 году вступил в службу подпрапорщиком лейб-гвардии Семёновского полка; в 1820 году (до «семёновской истории») переведён юнкером в Кавалергардский полк; в 1822-м корнет. В 1824 году отправлен с переименованием в прапорщики в Нежинский конно-егерский полк, в Ахтырку Харьковской губернии, «за неприличное поведение» (за шутки в адрес венценосных особ).

Участник тайных обществ, вероятно с 1823 года. Впоследствии по указанию Пестеля вместе со Свистуновым органи-

[113] Примечания: 113

Суду предан не был, после полугода заключения в крепости отправлен на Кавказ.

зовал в Петербурге отделение Южного общества. Имел умыслы на цареубийство[114].

Арестован в Курске 11 декабря 1825 года (за три дня до восстания)[115] и доставлен в Шлиссельбург, оттуда 21 декабря в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; срок сокращён до 13 лет. Был заключён в Кексгольмской, затем Шлиссельбургской крепостях, каторгу отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе.

Замечательный скрипач. В тюремном квартете играл первую скрипку (вторая скрипка – Николай Крюков, альт – Юшневский, виолончель – Свистунов).

Приметы: рост два аршина десять

---

[114] Примечания: 114

Причём весьма оригинальные: например, вместе с товарищами-кавалергардами заколоть всю императорскую семью во время дворцового бала или подкараулить Александра I во время прогулки на Каменном острове и застрелить из духового ружья.

[115] Примечания: 115

Получается, что именно его арестом открывается тюремно-каторжная эпопея декабристов. «Первым декабристом» часто называют майора Владимира Раевского, арестованного в 1823 году (о нём мы упоминали в деле Пестеля). Но нам это представляется не вполне корректным: всё-таки к декабрьским событиям В. Ф. Раевский не имел ни прямого, ни косвенного отношения.

вершков[116], лицом бел, чист, волосом светло-рус, глаза карие, нос продолговат.

В 1839 году был определён на поселение в селе Манзурка Иркутской губернии, куда из-за чахотки не смог ехать. С высочайшего дозволения отправился для излечения на Туркинские воды, затем в Иркутск, после чего получил разрешение на жительство в селе Оёк Иркутской губернии. Там жил, занимаясь хлебною торговлей, с марта 1841 года до смерти, последовавшей 8 января 1844 года после мучительной болезни.

Записка Николая I коменданту Сукину, 21 декабря:

«Надо держать Ватковского совершенно втайне, но дать ему писать, что хочет, на мое[117] лицо или кому хочет».

Почему же он арестован за три дня до восстания? И почему надо «держать его совершенно втайне»?

Дело в том, что 3 декабря 1825 года, будучи в

---

[116] Примечания: 116
Примерно 186 см.

[117] Примечания: 117
Именно так: Николай I презирал и никогда не употреблял букву «ё».

Курске, Вадковский написал письмо Пестелю. И не нашёл для доставки лучшей оказии, чем с военно-поселенческим унтер-офицером Иваном Шервудом, коего знал уже около года как надёжного человека, сочувствующего планам заговорщиков. В тот же день Шервуд передал письмо казачьему полковнику Николаеву, командированному в Курск с секретной миссией. Тот же, не медля ни минуты, помчался в Таганрог, и утром 8 декабря конверт был уже в руках начальника Главного штаба генерал-адъютанта И. И. Дибича. Содержание письма — на полутора десятках страниц убористым почерком — не оставляло ни малейшего сомнения: и автора, и адресата надобно схватить немедленно. Что и было сделано.

Из письма Вадковского Пестелю (оригинал по-французски):

«Полк, в котором я служил и в котором нас было, как вы помните, только четверо, обладает теперь уже десятью членами. Так же хорошо идёт дело и в других полках. В Измайловском, например, по заявлению Свистунова, он надеется в скором времени принять пятерых или шестерых. б…с *Я принял также здесь при их проезде трёх членов, один из них служит в конной гвардии, дру-*

гой в кирасирах императрицы, третий в корпусе Щербатова, своего собственного дяди. б…с

Я думаю, что смерть Александра есть одно из тех событий, которое должно сколь возможно ускорить наши действия. По моему мнению, если бы можно было её предвидеть, принять соответствующие меры, это был бы подходящий момент для открытого выступления…»

Как видим, раскрыто всё, что можно раскрыть.

И вдобавок о Шервуде:

«Я принял его в общество, и приём этот, хотя и поспешный, всё же самый прекрасный и самый замечательный из всех, которые я когда-либо делал. б…с *По складу характера он англичанин, непреклонной воли, проникнутый чувством чести, верный своему слову и устремленный к одной цели».*

В этих словах правда только то, что Шервуд англичанин. По меньшей мере с лета того же года, а вероятно, раньше, он осуществлял слежку за участниками Южного общества и регулярно доносил кому следует — не только Дибичу, но даже лично государю императору.

Как Вадковскому удалось попасть до такой степени впросак? Ведь ему всё же не восемнадцать лет, а двадцать пять и он уже года два в заговоре.

Неужто столь наивен? Или тут присутствует хитроумный расчёт и некая скрытая от нас цель? Раньше не сомневались в прекраснодушной простоте прапорщика; в наше время, когда в декабристах перестали видеть исключительно рыцарей чести, краснеющих от единого слова неправды, популярностью пользуется предположение о скрытой цели.

Какой же? Видимо, это и хотел узнать Николай I, повелевая держать его в совершенной тайне, но при этом дать писать что хочет.

…На поселении верной подругой Вадковского была скрипка, с которой он не расставался до последних дней жизни. Говорят, прислана она была в Сибирь кем-то из близких, а приобретена в Париже за шесть тысяч франков — это цена большого каменного дома в Иркутске. Перед смертью Вадковский завещал свою певучую подругу собрату-музыканту, ссыльному поляку; дальнейшая судьба её неизвестна.

Дело № 52

Василий Петрович Ивашев
Православного вероисповедания.
Родился 13 октября 1797 года.
Отец – Пётр Никифорович Ивашев,

генерал-майор, военный инженер, в кампанию 1812 года отвечал за наведение переправ, участвовал в строительстве полевых укреплений на Бородинской позиции. Мать – Вера Александровна, урождённая Толстая. Сёстры: Елизавета, Екатерина (в замужестве княгиня Хованская, будущая воспитательница детей своего брата), Мария (глухонемая от рождения), Александра. Семья богатая: в Симбирской губернии 3000 душ крепостных, дом в Москве, оценённый в 100 тысяч рублей.

Получил домашнее образование, затем учился в Пажеском корпусе, откуда в 1815 году выпущен корнетом в Кавалергардский полк. В 1816 году поручик, в 1818-м штаб-ротмистр. В 1821 году произведён в ротмистры и откомандирован адъютантом к главнокомандующему 2-й армией П. Х. Витгенштейну в Тульчин.

По его собственному признанию, был принят в Союз благоденствия то ли в 1819, то ли в 1820 году. В Тульчине близко сошёлся с Пестелем, Юшневским, князем Барятинским и другими вольнодумцами

и под их влиянием примкнул к Южному обществу. Участвовал в собраниях, соглашался на захват государя императора и его семьи и даже на цареубийство.

В подготовке переворота и декабрьских событиях 1825 года не участвовал: с февраля находился в годичном отпуске, в имении родителей Ундоры Симбирской губернии. Выехал к месту службы во второй половине января 1826 года.

Приказ об аресте подписан 30 декабря. Арестован 23 января 1826 года в Москве, доставлен в Петербург.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина $5^5/_8$ вершка[118], лицо белое, продолговатое, глаза голубые, нос небольшой, продолговат, волосы на голове и бровях светло-русые, левая рука от перелома немного короче.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и в Петровском заводе.

В 1831 году в Петровском заводе всту-

[118] Примечания: 118
Примерно 168 см.

пил в брак с Камиллой Петровной Ле-Дантю, француженкой, дочерью гувернантки в семействе Ивашевых.

В 1835 году определён на поселение с женой и детьми в Туринске Тобольской губернии. Был соседом и другом Пущина и Оболенского. В 1839 году овдовел.

Умер скоропостижно в ночь с 27 на 28 декабря 1840 года и был похоронен в годовщину смерти жены.

Сюжет о любви декабриста Василия Ивашева и юной француженки Камиллы Ле-Дантю не менее романтичен, чем Ивана Анненкова и Полины Гёбль. Он почти принц, она почти служанка, между ними вспыхивает любовь, но они не могут и помыслить о браке; но вот его уносит злой рок, она бросается за ним следом, отыскивает в темнице… И так далее. Подобные истории очень нравятся публике. Герцен в «Былом и думах» развернул ее в социально-политическом ключе. В фильме «Звезда пленительного счастья» лирическое напряжение данной сюжетной линии достигает героического пафоса. А вот как передают эту историю очевидцы, товарищи Ивашева по ссылке.

Из очерка Ивана Якушкина «Воспоминания о К. П. Ивашевой»:

«M-me Ledantu[119] жила гувернанткой при сёстрах Ивашева с своей дочерью Камиллою; молодой кавалергард, бывши в отпуску, от нечего делать за ней ухаживал; жениться же на ней, как он сам после рассказывал, ему не приходило на мысль; она также в то время не помышляла быть его женой… Когда Ивашев был сослан в Сибирь, его родители и сёстры, страстно его любившие, желая облегчить его положение, предложили ему жениться на m-lle Ledantu[120]; он не видал её уже лет семь и осемь, долго колебался и, согласившись на предложение родных, не был уверен, что поступает разумно, соединяя судьбу свою с судьбою молодой особы, которую почти не знал. Какие причины заставили m-lle Ledantu ехать добровольно в ссылку, чтобы быть женой Ивашева, трудно вполне определить, но очень верно только то, что в природе её не было ничего восторженного… Имея очень неблестящее положение в свете, выходя замуж за ссыльно-каторжного государственного преступника, она вместе с

---

[119] Примечания: 119
Мадам Ле-Дантю *(фр.)*.

[120] Примечания: 120
Мадемуазель Ле-Дантю *(фр.)*.

тем вступала в знакомую ей семью как невестка генерала Ивашева, богатого помещика…»

(Полагаем всё же, что влюблённость в обаятельного кавалергарда, даже и с некоторой долей восторженности, имела место со стороны Камиллы. Француженкам вообще свойственно совмещать самые искренние чувства с трезвым житейским расчётом — искусство, недоступное большинству русских девушек. Но это так, к слову.)

Продолжает Якушкин:

«Согласившись на предложение ехать в Сибирь и быть женой Ивашева, она написала письмо к императрице, в котором рассказала давнишнюю и непреодолимую любовь свою к изгнаннику и просила одной милости: дозволения соединиться с ним законным браком. Письмо это произвело желанное действие…»

Вспоминает Мария Волконская:

«Свадьба состоялась при менее мрачных обстоятельствах, чем свадьба Анненковой: не было больше кандалов на ногах, жених вошел торжественно со своими шаферами (хотя и в сопровождении солдат без оружия). Я была посаженой матерью молодой четы; все наши дамы проводили их в церковь. Мы пили чай у молодых и

на другой день у них обедали».

Продолжает Якушкин:

«После свадьбы Ивашева перешла к мужу и поместилась с ним в небольшом каземате, довольно тёмном и во всех отношениях для женщины очень неудобном… Всё окружавшее бедную Ивашеву было ей чуждо, и даже с своим мужем она была ещё мало знакома. Все неудобства такого существования первое время явно тяготили её; но это продолжалось недолго. Ивашев… кротким и разумным своим поведением всякий раз успокаивал молодую свою жену, и окончательно умел возбудить в ней чувства, которые она прежде не знала. б…с *С этих пор супруги пошли рука об руку и шли, пока смерть не разлучила их, деля и радость жизни, и горе — всё пополам».*

Камилла Петровна умерла, родив пятого ребенка (ребенок тоже погиб). Даже и смерть разлучила Ивашевых ненадолго: ровно на год.

Из писем Ивана Пущина Якушкину. 19 января 1840 года:

«Верно, молва прежде меня уже известила вас о несчастии в семействе Ивашева — он лишился доброй и милой Камиллы Петровны. 30 декабря она скончалась, после десятидневной нервической горячки… Ивашев с покорностию переносит

тяжёлую потерю; почтенная m-me Ledantu примером своим поддерживает его. Счастие для него и для сирот, что она здесь».

17 января 1841 года:

«Ивашев… распорядился насчет службы в кладбищенской церкви к 30-му числу… пошёл перекрестить сонных детей, благословил их в кроватках и отправился наверх спать… Пришедши к себе, послал за доктором — и лёг в постель. Через полчаса пришёл Карл. Тронул его пульс — рука холодная… Ивашев уже не существует».

Детям Марии, Петру и Вере после смерти родителей было разрешено вместе с бабушкой, Марией Ле-Дантю, выехать в Симбирск: воспитывались они у тётки — княгини Екатерины Петровны Хованской под фамилией Васильевых. В 1856 году, после амнистии, им были возвращены отцовская фамилия и дворянство.

Дело № 53

Граф Захар Григорьевич Чернышёв

Православный.

Родился 14 декабря 1797 года.

Отец – граф Григорий Иванович Чернышёв, царедворец и масон, владелец огромных имений, чьё состояние после

кончины в 1831 году оценивалось почти в три миллиона рублей. Мать – Елизавета Петровна, урождённая Квашнина-Самарина. Дед по отцу – фельдмаршал граф Иван Григорьевич; прадед – Григорий Петрович, денщик Петра Великого, граф и генерал-аншеф, основатель наследственного имения Ярополец[121]. Прадед по матери – фельдмаршал Пётр Салтыков, победитель Фридриха Великого при Кунерсдорфе. Сёстры: Софья, в замужестве Кругликова, с 1832-го графиня Чернышёва-Кругликова[122]; Александра, жена осуждённого по I разряду Никиты Муравьёва; Елизавета, в замужестве Черткова; Наталья, жена Николая Муравьёва (в прошлом участника тайных обществ, впоследствии генерала от инфантерии Н. Н. Муравьёва-Карского); Вера, в за-

---

[121] Примечания: 121

Любопытно, что одним из прежних владельцев этого села был пленный гетман Украины Пётр Дорошенко, заклятый враг московского самодержавия.

[122] Примечания: 122

Софья Григорьевна Чернышёва (1799–1847) вышла замуж в 1828 году за полковника Ивана Гавриловича Кругликова, в 1832 году передала ему графский титул и майорат Чернышёвых. Помимо собственных детей, в семье Чернышёвых-Кругликовых воспитывались две старшие дочери декабриста Василия Давыдова, осуждённого по I разряду.

мужестве графиня Пален; Надежда, в замужестве княгиня Долгорукова. Двоюродный брат – осуждённый по I разряду Фёдор Вадковский.

Получил домашнее образование, затем учился в Московском учебном заведении для колонновожатых. В службу вступил в 1815 году колонновожатым в свиту по квартирмейстерской части. В 1817 году переведен эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк; в 1818-м корнет; в 1819-м поручик; в 1821-м штаб-ротмистр; в 1824-м ротмистр. С 19 сентября 1825 года в отпуске.

В Северное общество принят в 1825 году (когда именно – не упомнит) корнетом Александром Муравьёвым.

Приказ об аресте подписан 17 декабря. Арестован в отцовском имении Тагино Орловской губернии. Доставлен в Петербург и помещён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён в каторжные работы на два года; срок

сокращён до года[123]. Отправлен из Петропавловской крепости в Читинский острог в феврале 1827 года.

Приметы: рост два аршина семь и три четверти вершка[124], лицо круглое, белое, глаза темно-карие, нос прямой, продолговатый, волосы темно-русые.

С июня 1828 года жил на поселении в Якутске, в одном доме с Александром Бестужевым. Через год определён рядовым в Нижегородский драгунский полк на Кавказ, затем переведён в 41-й егерский полк. В 1830 году ранен пулей в грудь навылет. В 1832 году произведён в унтер-офицеры, в 1833-м в прапорщики, в 1834 году произведён в подпоручики.

В 1834 году женился на Екатерине Алексеевне Тепловой, дочери сенатора. Их единственный сын Григорий, родившийся в 1836 году, прожил всего два года.

В 1837 году уволен в отставку подпоручиком. До 1841 года жил безвыездно под

---

[123] Примечания: 123

В зачёт срока не входит время пребывания в Петропавловской крепости.

[124] Примечания: 124

Примерно 176 см.

надзором в имении своей сестры, Софьи Чернышёвой-Кругликовой, Яропольце, близ Волоколамска.

По высочайшему дозволению в 1841 году поступил на службу в Орловское дворянское депутатское собрание с чином губернского секретаря; затем служил в канцелярии московского гражданского губернатора. После амнистии в 1856 году и восстановления в правах выехал с женой за границу. Умер в Риме в мае 1862 года[125].

Из показаний Захара Чернышёва на следствии:

«Я сознаюсь, что точно был принят в тайное общество корнетом Александром Муравьёвым в 1825 году, и он мне открыл, что цель оного была введение конституции».

Захар Чернышёв — добрый малый, немного избалованный богатством. Богатство-то и погубило его. И ещё родственные связи.

Невезение началось с того, что в одном полку с Захаром оказался его двоюродный брат Фёдор

---

[125] Примечания: 125

Похоронен на кладбище Тестаччо. Рядом с ним покоится и его жена, пережившая мужа на 16 лет.

Вадковский. Он хоть и моложе, но энергичнее: словно плохой мальчишка, подчинил своему влиянию хорошего. Как потом напишет Захар Чернышёв в камере Петропавловской крепости: «Он в моих глазах порочил правительство и говорил, что он думает, как все благомыслящие люди». «Все благомыслящие» — это, например, Муравьёв-младший, который в конце концов и принял Захара в общество. Правда, в какое и зачем — не очень отчётливо понимали оба.

Из показаний Захара Чернышёва:

«Корнет Муравьёв, принимая меня, спросил у меня: „Хочешь ли ты быть нашим?“ На мой вопрос: „Что значит вашим?“ — он мне отвечал: „Мы составляем общество благомыслящих людей, хотим со временем ввести Конституцию в государство; есть люди, у которых она уже написана; со временем больше узнаешь“. Таким образом, я, дав ему слово, сделался членом».

«В моём же последнем свидании с Вадковским узнал я, что тайное общество разделялось на Северное и на Южное и что я принадлежал к Северному».

Степень вовлечённости Чернышёва в заговор невелика. Во всяком случае, он нисколько не виновнее тех кавалергардов — Васильчикова,

Депрерадовича и других, — которые отделались переводом в армию. Тем не менее осуждён в каторгу, то есть лишён прав состояния. Ключевое слово тут — последнее. Именно состояние графов Чернышёвых, коего главным наследником являлся Захар, и стало причиной сурового приговора. Так, во всяком случае, считали современники. И прямо указывали виновника.

Подмосковное владение Чернышёвых Ярополец являлось майоратом, то есть нераздельным и наследуемым старшим в роде по нисходящей мужской линии. Таковым был до судебного приговора Захар. Приговор лишил его имущественных прав. Едва только он отправился на каторгу, в Сенат поступило прошение о признании майоратных прав за… — кем бы вы думали? За Чернышёвым Александром Ивановичем, генерал-адъютантом, следователем и ярым преследователем декабристов, кому молва приписывала повторную казнь сорвавшихся висельников. Современники не сомневались, что он-то и добился для Захара приговора, лишавшего его прав.

Однако в этом деле Чернышёву-генералу не повезло: он не смог доказать своё родство с Чернышёвыми-графами. В 1832 году, после смерти графа Григория Ивановича, Ярополецкий майо-

рат вместе с графским титулом перешёл к Ивану Кругликову, мужу Софьи, старшей из сестёр Захара. В имении зятя (которое могло быть его собственным) Захар Чернышёв провёл несколько лет покойной жизни после тюрьмы, солдатчины и полного тревог служения на Кавказе.

Дело № 54

Удалённость от петербургских событий не спасала кавалергардов (да и не только их) от холодной ярости государевой. Свистунов уехал от греха подальше, в Москву; Ивашев и Чернышёв блаженствовали в семейственном кругу, в сотнях вёрст от обеих столиц — и всем им не удалось избежать заточения в казематы. Полковник Поливанов уже год как в отставке, женился, счастлив — но фельдъегерь мчится и за ним.

Иван Юрьевич Поливанов

Православный, но с Великого поста 1824 года на исповеди и у причастия не был.

Родился в 1798 или 1799 году.

Отец – Юрий Игнатьевич Поливанов, генерал-майор, умер в январе 1813 года от раны, полученной в бою с отступающими

наполеоновскими войсками. Имя матери неизвестно, урождённая Свечина; умерла вскоре после вступления сына Юрия в службу. Братья: Александр, Михаил, Егор. Совместное с братом Александром имение в Малоярославецком уезде Калужской губернии (180 душ крепостных) заложено и обременено долгами.

В одиннадцатилетнем возрасте был отдан в пансион при Московском университете, но через три месяца взят оттуда; затем обучался в частном пансионе и дома. В 1814 году поступил эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк; в 1815 году корнет, в 1817-м поручик, в 1819-м штабротмистр, в 1822-м ротмистр. В декабре 1824 года по домашним обстоятельствам (в связи с женитьбой) уволен от службы с производством в полковники[126].

Арестован в Москве 28 декабря; доставлен в Петербург и заключён в Петропав-

---

[126] Примечания: 126

Любопытный факт: уже после вынесения приговора выяснилось, что отставной полковник остался должен рядовому своего полка Кравченко солидную сумму денег: тысячу рублей. Вероятно, взял взаймы на свадебные расходы. Не менее того любопытно, что в долгах у собственных нижних чинов оказались именно кавалергарды, причём отнюдь не бедные: Анненков и Чернышёв.

ловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён в каторжные работы на два года, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина семь с половиной вершков[127], лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос небольшой, продолговат, волосы на голове и бровях темно-русые и на правой щеке возле носа родимое пятнышко.

2 сентября 1826 года отправлен в Военно-сухопутный госпиталь, где 5 сентября скончался.

Поливанов женился по любви и весьма удачно: за невестой, девятнадцатилетней Анной Ивановной Власьевой, солидное приданое — около 900 душ в Московской и Тверской губерниях. Жить бы им в счастье и достатке…

Увы, перед самой отставкой Иван Юрьевич поддался на уговоры Вадковского и Свистунова, и те привели его на встречу с Пестелем. И Поливанов был принят в конспирацию. После чего вскоре уехал в деревню.

---

[127] Примечания: 127
Примерно 175 см.

На этом его участие в деятельности тайных обществ закончилось.

Из показаний Ивана Поливанова:

«…Скажу теперь, что я подвергаю себя наижесточайшей казни, если кто докажет на меня, что я когда-нибудь после приёма моего находился ли в обществах, составленных из членов, чтобы иметь между собою какие-либо сговоры, или имел с кем по сим делам, с кем бы то ни было, переписку».

В тюремной камере с Поливановым стали приключаться болезненные пароксизмы. Жена его ко времени вынесения приговора была на девятом месяце беременности; тяжёлые переживания доводили её, по словам окружающих, до потери рассудка.

Затем прозвучал приговор.

Из рапорта доктора Элькана от 31 августа 1826 года:

«Содержащийся в здешней крепости в куртине между бастионом Екатерины I и Трубецкого, в № 15, лишённый чинов и дворянского достоинства Поливанов заболел сильными нервическими судорожными припадками при значительном расслаблении всего корпуса».

Сын Ивана и Анны Поливановых родился

благополучно. Но отец так и не увидел его. Отправленный вместо каторжной тюрьмы в госпиталь, в три дня он скончался там от неведомой «нервической» болезни.

Дело № 55

Михаил Александрович Назимов

Православный.

Родился 19 мая 1801 года.

Отец – Александр Борисович Назимов, отставной секунд-майор, умер в 1810 году. Мать – Марфа Степановна, урождённая Шишкова. Братья: Борис (убит в кампанию 1813 года), Сергей, Александр (оба чиновники, в небольших чинах), Илья (офицер лейб-гвардии Сапёрного батальона). Сёстры: Варвара и Анна. В 1821 году мать разделила между детьми семейные владения (600 душ крепостных в Псковской губернии), равно как и долги (до 70 тысяч рублей). Михаил получил 100 душ крепостных и принял на себя 40 тысяч рублей долга; незадолго до ареста увеличил своё имение, купив и заложив 80 душ.

По его показаниям, «воспитывался в

Санкт-Петербурге в частном институте у протоиерея Каменского». В 1816 году поступил юнкером в 23-ю конно-артиллерийскую роту, вскоре переименованную в 12-ю[128]. В 1817 году произведён в прапорщики; в 1819-м переведён в лейб-гвардии Сапёрный батальон; в 1820-м – в лейб-гвардии Конно-пионерный эскадрон и произведён в подпоручики (здесь он – сослуживец Михаила Пущина). В 1822 году поручик, в 1825-м штабс-капитан. В сентябре 1825 года подал прошение об отставке.

В тайное общество был принят в 1823 году полковником Михаилом Нарышкиным. Сам принял двоих: офицеров Измайловского полка М. Лаппу и Н. Кожевникова.

В дни междуцарствия находился в своём псковском имении. 18 декабря, узнав о восшествии на престол Николая Павловича, отправился в Петербург. 19 декабря присягнул императору в Пскове. 21-го

[128] Примечания: 128

Это та самая рота, расквартированная в Острогожском уезде, в которой служил прапорщик Рылеев, однако о каких-либо контактах между ними в то время, кроме неизбежных служебных, сведений нет.

приехал в Петербург и явился в эскадрон.

Арестован 27 декабря. Допрошен государем. Освобождён и вернулся на службу. 24 января арестован снова.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке в Сибирь на вечное поселение, срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина девять вершков[129], лицо белое, круглое, глаза и брови чёрные, нос посредственный, прямой, волосы чёрные с проседью, борода и бакенбарды чёрные, рот умеренный, говорит чисто.

Отправлен в Верхнеколымск Якутской области. По причине болезни перенаправлен в Витим. В 1830 году переведён в Курган. В 1832 году брат, штабс-капитан Иван Назимов, ходатайствовал о дозволении Михаилу вступить рядовым в Кавказский корпус, на что был получен отказ. Только в 1837 году по высочайшему повелению определён рядовым в Кабардинский егерский полк. В 1839 году произведён в унтер-офицеры, в 1840-м

---

[129] Примечания: 129
Примерно 182 см.

юнкер, в 1843-м за отличие произведён в прапорщики, в 1845-м в подпоручики. В 1846 году вышел в отставку поручиком. Жил в Псковском уезде под секретным надзором. В 1847 году женился на Варваре Яковлевне Подкользиной.

После амнистии 1856 года включился в общественную деятельность. В 1858–1859 годах состоял в Псковском губернском комитете по улучшению быта крестьян. В 1861 году назначен мировым посредником; в 1865-м избран председателем Псковской губернской земской управы, в 1866-м – почётным мировым судьёй.

Умер в Пскове 9 августа 1888 года.

Назимов был псковским помещиком и подолгу живал в Пскове. Разумеется, навещал своего двоюродного брата Гаврилу Назимова. В доме Гаврилы Петровича пару раз останавливался Пушкин, наезжая из Михайловского. Один из таких приездов имел место летом 1825 года, как раз тогда, когда Михаил Назимов отпросился в отпуск и делил свободное время между имением Горончарово и Псковом. Вполне возможно,

что они с Пушкиным пересеклись. А если не встретились тогда, то могли встречаться раньше: Назимов с 1819 года был в дружеских отношениях с Михаилом Пущиным, братом лицейского друга Пушкина.

Как и Михаил Пущин, Назимов был на хорошем счету у государя, и вполне вероятно, что в декабре 1825 года отправился в Петербург, надеясь триумфально вернуться на службу. А может быть, наоборот: спешил присоединиться к восстанию.

Присягнув Николаю I и будучи допрошен им, Назимов был освобождён и месяц служил, бывал в карауле в Зимнем дворце. Но имя его как участника тайного общества назвали на допросах Оболенский и Нарышкин.

Долгое время полностью отрицал вину. Лишь после того, как ему были предъявлены показания Лаппы, Никиты Муравьёва и других, дал признательные показания.

В 1832 году Николаю I было представлено ходатайство о переводе Михаила Назимова рядовым на Кавказ. Резолюция царя: «Он более виноват, чем другие, ибо мне лично во всем заперся, так что, быв освобождён, ходил в караул во внутренний и был на оном даже 6 января 1826 года». (Николай запомнил, какого числа шесть лет

назад офицер стоял в дворцовом карауле: в праздник Крещения, в день торжественного Великого водосвятия на Неве, в присутствии императорской семьи. Нести караульную службу во дворце в тот день было особенно почетно.)

Спустя много лет суровая судьбина занесла Назимова на Кавказ. Все пути в действующую армию и обратно вели через Ставрополь. Там в тёплом октябре 1837 года имели возможность встретиться несколько человек с необычными для нижних чинов фамилиями: унтер-офицер Голицын, фейерверкер Кривцов, рядовые Одоевский, Нарышкин, Назимов. Навстречу им шагал, возвращаясь в столицу, опалённый горным солнцем драгунский прапорщик Лермонтов. С последним у Назимова наверняка состоялась не одна беседа: Лермонтова живейшим образом интересовали и декабристы, и люди пушкинского круга.

Прошло ещё десять лет. Назимов наконец вышел в отставку. Главным поводом к такому шагу была женитьба. Весной 1847 года отставной поручик обвенчался с Варварой Подкользиной, свояченицей старинного товарища по эскадрону Михаила Пущина. Круг замкнулся…

…Но не совсем. Сестра Михаила Назимова Анна

ещё до ареста брата вышла замуж за подполковника Николая Александровича Набокова, тоже из псковских помещиков. Их сын Дмитрий сделал неплохую карьеру: дорос до министра юстиции и руководил осуществлением либеральной судебной реформы Александра II — можно сказать, претворил в жизнь мечту декабристов. Но революционный пламень, возгоревшийся из той самой декабристской искры, разгулялся столь яростно, что сыну Дмитрия Владимиру пришлось в 1919 году бежать с семьей за границу. Его сын, тоже Владимир, в эмиграции сделался известным писателем, автором «Дара», «Приглашения на казнь», «Лолиты». Таким образом, автор «Приглашения на казнь» приходится декабристу Назимову правнучатым племянником.

Дело № 56

Сергей Иванович Кривцов

Православный.

Родился в 1802 году.

Отец – Иван Васильевич Кривцов, коллежский асессор; умер в 1813 году. Мать – Вера Ивановна, урождённая Карпова. Братья: Николай, послелицейский приятель Пушкина, женат на сестре Фёдора

Вадковского Екатерине; Павел, чиновник Министерства иностранных дел, в будущем – римский знакомец Гоголя; Владимир. Сестры: Анна, Софья, Елизавета, Варвара. Родовое поместье – село Тимофеевское в Болховском уезде Орловской губернии.

Образование получил в Московском университетском пансионе, затем по ходатайству старшего брата Николая направлен за государственный счёт в Швейцарию, в Земледельческий институт Фелленберга (Хофвиль, близ Берна). В 1821 году поступил юнкером в лейб-гвардии Конную артиллерию; в 1822 году произведён в прапорщики, в 1824-м в подпоручики.

Принят в тайное общество Вадковским. Участвовал в собраниях заговорщиков, встречался с Пестелем в дни пребывания последнего в Петербурге.

С 10 октября 1825 года находился в отпуске.

Приказ об аресте подписан 5 января 1826 года. Арестован в Воронеже 14 января, доставлен в Петербург и помещён в

Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до одного года.

Приметы: рост два аршина $9^{7}/_{8}$ вершка[130], лицо белое, продолговатое, глаза светло-карие, нос большой, продолговатый, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. В 1828 году обращён на поселение в Туруханске, где заболел цингой; в 1829 году переведён в Минусинск[131]. В 1831 году определён рядовым в 44-й егерский полк Кавказского корпуса, затем в 20-ю артиллерийскую бригаду. В 1835 году произведён в фейерверкеры[132]; в 1837 году по ходатайству матери получил четырёхмесячный отпуск для свидания с ней в Орловскую губернию, в том же году за

---

[130] Примечания: 130

Примерно 185 см.

[131] Примечания: 131

Жил вместе с С. Краснокутским до перевода последнего в Красноярск; огородничал, растил арбузы, дыни и тыквы (вот когда пригодилось учение в Хофвиле!).

[132] Примечания: 132

Фейерверкер — унтер-офицер артиллерии.

отличие в боях награждён знаком отличия Военного ордена и произведён в прапорщики. В 1839 году уволен от службы за болезнью, с запрещением въезда в столицы. Поселился в своём имении Тимофеевском под надзором.

После амнистии 1856 года вернулся к общественной деятельности. В 1861-м избран членом губернского по крестьянским делам присутствия.

В 1857 году женился на 20-летней Анне Валериановне Сафонович, дочери орловского губернатора. Детей у них не было.

Умер 5 мая 1864 года в Тимофеевском.

Фредерик Дюбуа де Монперрё, франко-швейцарский исследователь, совершивший в 1831–1834 годах путешествие по Крыму и Кавказу, о своём знакомстве в Бамборе (Абхазия) с неким К., очевидно Кривцовым:

«Полковник был так любезен, что попросил г. К., рядового солдата абхазского полка, сопровождать меня и служить мне переводчиком. б…с *„Во всём есть своя хорошая сторона, — говорил он мне, — из петиметра, каким меня знал Петербург, я обратился в философа. Когда я служил в*

гвардии, я стремился, снедаемый честолюбием, только к почестям; я знал жизнь лишь со стороны интриг, светских развлечений и надменного довольства… б…с *Внезапно из человека, всё достоинство которого заключалось в его блестящем мундире, я обратился в человека, ценного только как личность.* б…с *Вычеркнутый из жизни, обречённый на гражданскую смерть, лишенный чести и всякой надежды, я был осуждён и низвергнут, как когда-то светлый ангел, в бездну мрака, вместе с другими мятежными ангелами, и сослан в места, близкие к полюсу…* б…с *Государю угодно было вернуть меня из ссылки и отправить в Абхазию; я — рядовой, я то, что представляют собой многие другие достойные люди. Поверьте, что, хотя положение простого солдата тяжелее всего, что могло быть мне предназначено, я принял известие о своём разжаловании со слезами радости, ибо это роднит меня с другими сынами России».*

К этому исповеданию веры, в котором швейцарские розы прорастают сквозь сибирские снега, путешественник добавляет:

«Высокий рост, чёрные глаза, открытое выражение лица составляли контраст с его болезненным, страдальческим видом».

Болезненный вид — следствие заразы, подхваченной где-то тут, в гибельном климате Абхазии. Кривцов, в отличие от Одоевского, выжил, но все последующие годы страдал астмой.

Дело № 57

Члены Северного общества крепко надеялись на Финляндский полк, и в немалой степени потому, что своим считали офицера этого полка Михаила Митькова. Его можно назвать легендой финляндцев: начал службу ещё в ополченском батальоне, свой первый орден заслужил в 16 лет на поле кровавой битвы с Наполеоном под Фридландом, отличился при Бородине и Малоярославце, Красном и Люцене, дошёл до Парижа; к 23 годам имел три боевых ордена и золотое оружие «За храбрость». С таким командиром солдаты готовы в огонь и в воду.

Михаил Фотиевич Митьков

Вероисповедание православное. По его признанию, «нонешний год был на исповеди и у святого причастия, а прежде сего несколько лет сряду не был».

Родился в 1791 году.

Отец – Фотий Михайлович Митьков, в

военной службе дослужился до майора, перейдя в статскую, имел чин надворного советника. Мать – Александра Максимовна, урождённая Демидова. Родители умерли задолго до декабрьских событий. Братья: Николай, отставной майор; Платон, майор; Валериан, поручик лейб-гвардии Финляндского полка; Владимир. Из родительских имений (1420 душ крепостных в Пензенской и Владимирской губерниях) Михаилу досталась примерно пятая часть.

Воспитывался во 2-м кадетском корпусе. В декабре 1806 года до срока выпущен прапорщиком в императорский батальон милиции. Участвовал в войне с Наполеоном в Пруссии; за сражение под Фридландом 7 июня 1807 года награждён орденом Святой Анны 4-й степени. В 1809 году произведён в подпоручики, в 1810-м в поручики. Участвовал в кампании 1812 года; за сражение при Бородине награждён золотой шпагой «За храбрость», за сражение при Красном – орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В Заграничном походе

1813–1814 годов тоже отмечен наградами: орденом Святой Анны 2-й степени и алмазными знаками к нему. В 1813 году на основе батальона милиции сформирован лейб-гвардии Финляндский полк; Митьков произведён в штабс-капитаны этого полка. В 1816 году капитан, в 1818-м полковник. С января 1824 года в отпуске за границей, лечился на водах в Карлсбаде. Вернулся в Россию в августе 1825 года, поначалу жил в деревне, затем в Москве.

Масон ложи «Соединённые друзья» с 1816 года.

Принят в Северное общество в 1821 году Николаем Тургеневым.

Приказ об аресте подписан 27 декабря. Арестован в Москве 29 декабря, доставлен в Петербург и заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина восемь с

половиною вершков[133], лицо белое, рябоватое, глаза серые, нос небольшой, продолговат, волосы на голове и бровях темно-русые.

Содержался в Свеаборгской, Свартгольмской, Кексгольмской крепостях; в 1828 году отправлен в Сибирь, отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1835-м определён на поселение в селе Олхинское Иркутского округа, однако по причине развившейся болезни (чахотка) оставлен в Иркутске. В следующем году разрешено переехать в Красноярск.

Женат не был.

Умер в Красноярске 23 октября 1849 года.

Из показаний Митькова на следствии (особенности орфографии сохранены):

«Свободной образ мыслей, столь пагубной, и которой меня вовлек в столь ужаснейшее заблуждение, я заимствовал из чтения книг и от сообщества Николая Тургеньева, который наибо-

---

[133] Примечания: 133
Примерно 180 см.

лее способствовал внушению сих мыслей».

«…Я неоднократно от него слышал, что есть, кроме масонских, другие тайные общества, куда не с тем принимают, чтобы только брать деньги, и не всякого, и рассматривают поведение человека: заслуживает ли он быть принят. Я же почитал Тургеньева за хорошего человека и значащего».

В 1823 году на квартире Митькова состоялось собрание и были приняты «правила» Северного общества. Вскоре после этого он уехал за границу и более в деятельности общества не участвовал.

15 декабря 1825 года московские члены общества получили через титулярного советника Семёнова сообщение от Ивана Пущина о готовящемся выступлении с призывом «содействовать, насколько возможно». Вечером 17 декабря собрались в доме Митькова, обсуждали сложившуюся ситуацию. Через день стало известно о провале восстания и об арестах. Снова собрались там же: Якушкин, Муханов и другие; звали генерала Орлова, он не пришёл. Обсуждалась идея «выручать товарищей», заходил разговор и о цареубийстве. Но возможности что-либо сделать не было. Оставалось ждать…

Фельдъегерь… Арест… Крепость. В мятеже не

участвовал. Но ему припомнили былое.

Из материалов следственного дела:

«Подполковник Поджио… показал, что в 1823 году, встретясь у князя Оболенского с полковником Митьковым и камер-юнкером Валерианом Голицыным, говорили об обществе… Митьков спросил его, г. Поджио, какого он мнения? На ответ его, что он принял мнение Южного общества, т. е. введение Республики с истреблением Императорской фамилии, г. Митьков сказал: „Моё мнение — до корня“. С сим согласен был и князь Голицын».

Именно слова об императорской фамилии, сказанные искренне, да не вовремя — «истребить до корня», — превратили героя-полковника в ссыльнокаторжного инвалида.

В Красноярске, на поселении, Митьков обзавёлся домом и огородом, разводил цветы, вёл регулярные метрологические наблюдения — по определению декабриста Александра Беляева, «жил совершенным философом». Но болел. Чем дальше, тем тяжелее. Чахотка свела его в могилу на четырнадцатом году одинокой жизни в Красноярске.

Дело № 58

Пётр Александрович Муханов

Православный.

Родился 7 января, год рождения, вероятнее всего, 1799-й.

Отец – Александр Ильич Муханов, бывший рязанский губернатор, шталмейстер, умер в 1815 году. Мать – Наталья Александровна, дочь сенатора А. А. Саблукова, за ней числилось 380 душ крепостных; переживёт сына-декабриста на год с небольшим. Брат Павел, в будущем председатель Императорской археографической комиссии. Сёстры: Екатерина (её муж Аркадий Альфонский станет ректором Московского университета); Елизавета (замужем за князем Валентином Шаховским).

Получил домашнее образование, был вольнослушателем в Московском университете, затем поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых. В 1816 году произведён в прапорщики свиты по квартирмейстерской части; в 1818 году подпоручик; в 1819-м переве-

дён во 2-й пионерный батальон, затем за отличие в лейб-гвардии Сапёрный батальон; в 1821 году в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1822 году произведён в поручики; в 1823–1825 годах откомандирован на юг, адъютантом к генералу Н. Н. Раевскому (в эти годы состоял в общении с Пестелем и в особенности с Сергеем Муравьёвым-Апостолом); в 1824-м штабс-капитан; в 1825 году возвращён в строевую службу, но с апреля находился в отпуске, который проводил на Кавказе, затем в Москве.

Литератор: автор очерков московской жизни с сатирическим уклоном. Сочинял стихи, участвовал в составлении либретто к опере А. А. Алябьева «Лунная ночь, или Домовые»[134].

В Союз благоденствия принят, согласно его показаниям, в 1818 году Александром Николаевичем Муравьёвым, но практического участия не принимал. В Северном и Южном обществах не состоял. В событиях 14 декабря 1825 года не

[134] Примечания: 134

Почему-то именно ему посвятил Рылеев «Смерть Ермака», самую известную из своих дум («Ревела буря, дождь шумел…»).

участвовал, поскольку находился в это время в Москве.

18 декабря у полковника Митькова оказался почти случайно – по рекомендации генерала Михаила Орлова.

Приказ об аресте Муханова подписан 6 января (его упомянул на допросе Штейнгель). Арестован в Москве 9 января, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжные работы на 12 лет, срок в итоге сокращён до 6 лет.

Приметы: рост два аршина девять вершков[135], лицо белое, круглое, несколько рябоватое, глаза темно-карие, нос широковатый, волосы на голове и бровях темно-русые, на правой стороне шеи небольшая бородавка.

Отправлен в Свеаборг, потом в Выборгскую крепость, оттуда лишь в октябре 1827 года – через Шлиссельбургскую

[135] Примечания: 135
Примерно 182 см.

крепость – в Сибирь[136]. Доставлен в Читинский острог в январе 1828 года; в сентябре 1830-го вместе с другими переведён в тюрьму Петровского завода. С 1832 года на поселении в Братском остроге Нижнеудинского округа Иркутской губернии. С 1842 года жил в селе Усть-Кута Иркутского округа, в 1848 году получил разрешение отправиться для лечения в Иркутск и на Туркинские минеральные воды.

Умер скоропостижно в Иркутске 12 февраля 1854 года.

Из воспоминаний Ивана Якушкина о событиях 18 декабря 1825 года в Москве:

«Взошёл человек, высокий, толстый, рыжий, в изношенном адъютантском мундире без аксельбантов и вообще наружности непривлекательной. б…с *Митьков принял его вежливо; Муханов почти никого не знал из присутствую-*

[136] Примечания: 136

Из донесения сенатора князя Бориса Куракина генерал-адъютанту Бенкендорфу, 18 ноября 1827 года, Томск (оригинал по-французски): «В течение этой недели через Томск прошли, направляясь из Тобольска в Иркутск, три партии арестантов… Третья состояла из трёх: бывших подполковника Александра Поджио, коллежского асессора Ивана Пущина и штабс-капитана Петра Муханова…»

щих, но через полчаса он уже разглагольствовал, как будто был в кругу самых коротких своих приятелей. Он был знаком с Рылеевым, Пущиным, Оболенским, Ал. Бестужевым и многими другими петербургскими членами, принявшими участие в восстании. Все слушали его со вниманием; всё это он опять заключил предложением ехать в Петербург, чтобы выручить из крепости товарищей и убить царя. Для этого он находил удобным сделать в эфесе шпаги очень маленький пистолет и на выходе, нагнув шпагу, выстрелить в императора. Предложение самого предприятия и способ привести его в исполнение были так безумны, что присутствовавшие слушали Муханова молча и без малейшего возражения».

Из донесения князя Бориса Куракина Бенкендорфу, 1827 год (оригинал по-французски):

«Он был очень нехорош собою… теперь же это положительно чудовище. Представьте себе львиную голову, сидящую на плечах большого, толстого человека… видны только глаза, нос и едва-едва рот; при этом кожа, тот её клочок, который можно разглядеть, — огненно-рыжего цвета».

Как бы ни относиться к декабристам, всё же они симпатичнее, чем их судьи и гонители. Чуди-

ще Муханов вызывает у нас куда больше добрых чувств, нежели член Верховного уголовного суда, безликий князь Борис Куракин, отправившийся в 1827 году с ревизией в Западную Сибирь. Благодаря знатности рода и высокому положению отца сделал подобающую придворную карьеру при Александре I; следующее царствование обернулось для него ранней отставкой. Находясь в Томске и осведомляясь о положении государственных преступников, князь возмущён, ибо Муханов «смеётся прямо в лицо и… говорит: „Доволен ли я сопровождающими офицерами? Вполне, ей-богу, да я вообще всем доволен!“».

Тут проявилось одно качество, которое отличает Муханова от большинства декабристов: у него есть чувство юмора и способность к самоиронии. «Да вообще я всем доволен!» Шутник. Вот и 18 декабря у Митькова, видно, неудачно пошутил про пистолет. Не так поняли.

В 1833 году на ходатайстве матери о переводе из Братского острога поближе, в Тобольскую губернию, Бенкендорф, транслируя волю императора, наложил резолюцию: «Отвечать, что этого сделать нельзя, ибо очень дурно себя ведёт и не достоин снисхождения». Дурное поведение заключалось в том, что сестра Елизавета присла-

ла ему письмо, спрятанное в ящике с семенами. Посылку перехватили. Письмо, как выяснилось, имело невинный характер, но нарушение налицо: каторжникам запрещена переписка.

В том же году в его биографии разворачивается любовный сюжет — увы, без счастливого конца. К Муханову в Сибирь отправилась Варвара Шаховская, княжна, из знатной, но обедневшей семьи. Она была сестрой Прасковьи Михайловны Муравьёвой — жены того самого Александра Николаевича Муравьёва, который когда-то завлёк Муханова в тайное общество; а также сестрой князя Валентина Шаховского, женатого на сестре Муханова Елизавете. Возможно, она успела полюбить Муханова ещё до декабристской истории. Или хотела совершить подвиг в свои уже не совсем юные годы. Официально, правда, она поехала не к Муханову, а сопровождать сестру свою Прасковью Муравьёву, вначале в Верхнеудинск, потом в Иркутск, а в 1832 году в Тобольск. В августе 1833 года Муханов обратился к Бенкендорфу с просьбой о разрешении ему вступить в законный брак с княжной Варварой Михайловной Шаховской. И княжна Варвара направила по инстанциям аналогичное прошение. Ответ был отрицательным: «Муханов по

правилам греко-российской церкви по причине родства его с княжной Шаховской не может на ней жениться». Брак в данной степени родства не дозволялся законом. Конечно, в иной ситуации на это обстоятельство могли посмотреть сквозь пальцы, но не в случае с государственным преступником, который «дурно себя ведёт». В итоге Варвара воротилась в Европейскую Россию и в 1836 году умерла от чахотки. Вскоре умерла и сестра Муханова Елизавета. Прасковья Муравьёва скончалась ещё раньше, в декабре 1834 года.

А Муханов остался один. После неоднократных ходатайств матери ему разрешено было переехать в село Усть-Куда, поближе к Иркутску. Там он и жил с весны 1842 года. Выстроил дом, огородничал, возился со скотом и птицей, а сверх того, занимался разведением кактусов, причём, за неимением сих растений в Сибири, научился выращивать их из выписываемых из-за границы семян.

Дело № 59

Александр Фёдорович Бригген (Бриген, Брюгген)

Лютеранин.

Родился 16 августа 1792 года в Петер-

бурге. По семейному преданию, крёстным отцом был Гавриил Романович Державин.

Отец – Фридрих Эрнест фон дер Бригген, из древнего лифляндского рыцарского рода, на русской службе дослужился до премьер-майора, умер в 1797 году. Мать – Мария Алексеевна, урождённая Микешина, во втором браке Вальман, дочь генерал-майора. Единоутробные брат Родион и три сестры.

Воспитывался в Петербурге в школе при лютеранской церкви Святого Петра (Петришуле) и в пансионе Мейера; сверх того, будучи уже офицером, слушал лекции профессора Германа по политической экономии. В 1808 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; в 1811-м произведён в прапорщики; в 1812-м, перед началом войны, в подпоручики. Участвовал в кампании 1812 года и Заграничном походе 1813–1814 годов. За Бородинское сражение, в котором контужен, получил золотую шпагу «За храбрость»; при Кульме ранен в голову, награждён орденом

Святого Владимира 4-й степени с бантом и прусским «Кульмским крестом»[137]. В конце 1813 года произведён в поручики; в 1816-м в штабс-капитаны, в 1819-м в капитаны, в 1820-м в полковники.

Масон ложи «Пётр к истине» не позднее чем с 1817 года.

В Союз благоденствия принят в 1818 году офицерами Измайловского полка Николаем Гойденом и Александром Кавелиным[138]. Имя Бриггена упомянуто в доносе Грибовского 1821 года как «примечательнейшего по ревности» участника тайного общества.

В 1820 году женился на дочери сенатора Михаила Миклашевского Софье; от этого брака дети: Мария, Михаил, Анастасия, Любовь (последняя родилась в 1826 году, после суда над декабристами).

В 1821-м по высочайшему повелению

---

[137] Примечания: 137

Этой наградой были отмечены все русские солдаты и офицеры, участвовавшие в сражении под Кульмом.

[138] Примечания: 138

Оба 14 декабря окажутся на стороне Николая I, благополучно дослужатся до генеральских чинов, а Кавелин будет несколько лет состоять одним из воспитателей при наследнике престола Александре Николаевиче.

уволен от службы «за болезнию»; истинные причины увольнения неизвестны. В последующие годы, живя в Петербурге и в имении тестя в Черниговской губернии, поддерживал знакомство с членами Северного и Южного обществ. Степень его участия в деятельности тайных обществ неясна. Известно, что присутствовал на некоторых собраниях в Петербурге; также предполагается, что в 1825 году выполнял поручения Рылеева по связям с южанами. Разделял либеральные и, возможно, республиканские убеждения.

К событиям 14 декабря 1825 года непричастен – находился в черниговском имении.

Приказ об аресте подписан 3 января. Арестован 10 января в имении сенатора Миклашевского – в деревне Понуровке (Берёзовке) Стародубского уезда Черниговской губернии. 18 января доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до одного года. Отбывал каторгу в Читинском

остроге.

Приметы: рост два аршина семь с половиною вершков[139], лицо белое, чистое, румянец во всю щёку, глаза светло-карие, нос остр, волосы на голове и бровях светло-русые, на левой стороне головы небольшой шрам от полученной в сражении при Кульме контузии.

В 1828 году поселён в городе Пелыме Тобольской губернии (кроме прочих занятий, собирал там исторические сведения о прежних пелымских ссыльных – Минихе, Бироне и других). В 1831 году о желательности его перевода в Курган докладывал государю генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов; на докладе резолюция: «Начали все проситься, надобно быть осторожнее в согласии на это, в особенности ныне». В Курган переведён в 1836 году. В 1838 году разрешено поступить канцелярским служителем в Курганский окружной суд. В 1848 году произведён в коллежские регистраторы (со старшинством от 1844 года), затем

[139] Примечания: 139
Примерно 175 см.

в губернские секретари, назначен заседателем Курганского окружного суда; в 1850 году переведён заседателем в Туринский окружной суд, в 1853 году обратно в Курган, произведён в коллежские секретари. В 1856 году дослужился до чина титулярного советника. После амнистии 1856 года вышел в отставку с обращением получаемого жалованья в пожизненное ежегодное пособие (285 рублей); пребывание в столицах ему было запрещено, в 1857 году получил разрешение жить у младшей дочери в Петергофе, в 1858 году разрешено жить в Петербурге; в марте 1859 года разрешено носить медаль в память Отечественной войны 1812 года и Кульмский крест.

Умер в Петербурге 27 июня 1859 года.

Бригген — очень правильный человек. Настоящий немец, хоть по матери и русский. Трудолюбивый, честный, знающий себе цену, готовый, если надо, идти в бой на смертельно опасного врага. Недаром у него шрам от полученной в сражении контузии. Притом он разумен и не стремится к невозможному. Эти качества, однако,

не уберегли его от семейной драмы и привели к опасному конфликту с властями.

Поселившись в Пелыме, Александр Фёдорович деловито принялся строить дом в ожидании своего уже немалочисленного семейства. Однако в разрешении на переезд вместе с детьми Софье Михайловне Бригген было высочайше отказано, а оставить четверых малолетних детей на попечение родственников она не могла. Подавались новые прошения, дело тянулось почти десять лет. Сын Михаил тем временем был определён в 1-й Кадетский корпус, дочери — в Смольный институт. Домик в Пелыме так и не услышал детских голосов, не обрёл хозяйки. А потом и хозяин оставил его и перебрался в Курган. С семьёй общение продолжалось лишь в письмах. В 1841 году из письма дочери Марии Александр Фёдорович узнал о намерении супруги посетить его в Кургане и ответил довольно сдержанно, что делать этого не следует. Дело в том, что в 1839 году у ссыльного Бриггена родилась дочь от девицы Александры Томниковой, из крестьян деревни Рябковой Курганского округа. В последующие годы они продолжали жить вместе и прижили детей, из которых две дочери и, вероятно, сын дожили до взрослых лет. Воссоединение с законной

семьёй не состоялось.

И новая жизненная стезя не была усыпана розами. В 1850 году разразился судейский скандал, чреватый для Бриггена большими неприятностями. В Курганском окружном суде рассматривалось дело об убийстве некоего крестьянина Власова. Кто-то из местного начальства оказался замешан в этом, и власти решили спустить дело на тормозах, да ещё и подвели под суд какого-то судейского чиновника, доискивавшегося истины. Разумеется, Бригген, будучи заседателем окружного суда, стерпеть этого не мог и добился пересмотра дела в Сенате, но, как и следовало ожидать, навлёк на себя гнев начальства. Ареста, к счастью, удалось избежать, но по приказу сибирского губернатора князя Петра Горчакова «за неуместные его званию суждения и заносчивое поведение» строптивый ссыльный переведён заседателем суда в глухой Туринск, откуда лишь через пять лет ему разрешили вернуться в Курган.

Начиналось новое царствование. В августе 1856 года последовали амнистия и восстановление в правах. И тут перед 64-летним декабристом возникла тяжкая проблема: как быть с семьёй — той, далёкой, почти забытой, и этой, что сло-

жилась в годы ссылки?

Из письма Бриггена Евгению Оболенскому, 22 сентября 1856 года:

«Моя Александра Тихоновна начала выздоравливать от ужасной болезни, которая её постигла с начала этого года. Мысль, что я её оставляю, несмотря на все мои уверения, так сильно на неё подействовала, что она впала в глубокую меланхолию, следствием коей были сильнейшие истерические припадки, так что эта в продолжение 19 лет тихая и кроткая женщина дошла до сумасшествия. В припадках бешенства, на которые было страшно смотреть, рвала она всё на себе, била и бросалась на людей… едва два сильных человека могли, надевши на неё лазаретную рубаху, сажать её под запор».

Развязка семейной драмы неясна. Из Кургана Александр Бригген уехал. Последние два года прожил у своей законной младшей дочери Любови Гербель в Петергофе и Петербурге.

Пропащие бояре

Обсуждая революционные планы на сходках Союза спасения, Михаил Лунин со свойственной ему холодной дерзостью объявил, что для захвата

в плен или убийства государя нужно составить боевой отряд из самых отчаянных соратников, готовых осуществить сие намерение ценою собственных жизней. Сегодня их назвали бы группой террористов-смертников; на лунинском же французском они именовались «la cohorte perdue» — дословно «потерянная когорта». А если обойтись без принятых у декабристов древнеримских аналогий и использовать язык кавалерии, получится «обречённый эскадрон». Если также вспомнить введённое Пестелем деление участников общества на три категории — бояр, мужей и братьев, — то участники лунинского проекта должны называться «пропащие бояре».

Идея была высказана Луниным в самом начале того исторического движения, которое для многих его участников завершилось в рудниках Забайкалья. Сам Лунин очень скоро разочаровался в террористических планах, другие участники и даже лидеры тайных обществ могли и вовсе о них не знать. Но кара постигла незнающих с той же неумолимостью, что знающих, и не очень виновные оказались в одной обречённой когорте с заведомо виновными. Тех, кто стоял у истоков движения, потом отошёл от него и всё же попал под карающий удар, действительно можно на-

звать пропащими боярами.

Дело без номера

Николай Тургенев не имел ни малейшего отношения к событиям декабря 1825 года. До самой смерти отрицал и принадлежность к Северному обществу. В этом случае, пожалуй, лукавил, чем вызвал на старости лет суровую отповедь прямолинейного князя Сергея Волконского. Но что верно — то верно: в самую деятельную — «рылеевскую» — пору общества пребывал в тысячах вёрст от Петербурга, в покойной Германии, в благословенной Италии, в прекрасной Франции. Тем не менее осуждён как опаснейший злодей по первому разряду. Показания, сделанные на него разными лицами, целиком и в виде выписок, занимают в следственном деле 30–40 листов, более половины бумажного объёма. Имена свидетелей — полный список лидеров тайных обществ: Пестель, Рылеев, оба Муравьёва-Апостола, Бестужев-Рюмин, князь Трубецкой, князь Оболенский, Никита Муравьёв, Пущин, Юшневский, Якушкин, Фонвизин, Митьков…

> Николай Иванович Тургенев
> Православный, но не без склонности к

философскому деизму.

Родился 12 октября 1789 года в Симбирске.

Отец – Иван Петрович Тургенев, масон, приятель известного масона и просветителя Николая Новикова; в 1796–1803 годах – директор Московского университета; вышел в отставку в чине действительного тайного советника; умер в 1807 году. Мать – Екатерина Семёновна, урождённая Качалова, умерла в 1824 году. Братья: Андрей, Александр, Сергей.

Образование получил в Московском университетском пансионе, затем в Московском университете, затем в Гёттингенском университете в Саксонии.

Формулярный список в деле отсутствует, поэтому данные о службе неполны. В период обучения в университетах числился чиновником архива Коллегии иностранных дел в Москве. По возвращении из Гёттингена в начале 1812 года был принят на службу в Комиссию составления законов (директор Михаил Сперанский). Во время Наполеоновских войн, в 1813 году назначен состоять от россий-

ского правительства при Центральном административном департаменте союзных правительств (руководитель и вдохновитель – барон Генрих Фридрих фон Штейн). С 1816 года помощник статс-секретаря Государственного совета (начальник Алексей Оленин); с 1819 года управляющий отделением канцелярии Министерства финансов (министр – граф Дмитрий Гурьев). Весной 1824 года испросил отпуск и уехал за границу.

Владел имением в Симбирской губернии (700 душ крепостных).

Из-за перенесённой в детстве болезни («золотухи», в терминологии того времени) сильно хромал.

Масон (посвящён в 1811 году в Париже).

Предполагается, что в 1816–1817 годах участвовал в тайном кружке Матвея Дмитриева-Мамонова и Михаила Орлова, известном под названием «Союз русских рыцарей». Состоял членом литературного общества «Арзамас». В 1819 году вступил в Союз благоденствия. Участие в Северном обществе отрицал.

Призван к следствию и суду в апреле 1826 года. Возвратиться в Россию отказался. Осуждён заочно по I разряду, приговорён к вечной каторге.

С 1826 года жил в Англии, затем во Франции.

В 1833 году в Женеве вступил в брак с Кларой де Виарис, дочерью генерала французской армии. Их дети: Фанни, Альбер (Александр), Пьер-Николя (Пётр).

В 1856 году направил на имя Александра II прошение о помиловании. Манифестом об амнистии от 26 августа 1856 года ему даровано полное прощение и восстановление в прежних правах, кроме имущественных. Приезжал в Россию трижды, в 1857, 1859 и 1864 годах. Последние годы жил в Буживале, близ Парижа. Умер на своей вилле Вер-Буа 10 ноября (по новому стилю) 1871 года.

Из следственного дела Николая Тургенева.

Павел Пестель:

«Тургенев присутствовал в Коренной думе Союза благоденствия».

Матвей Муравьёв-Апостол:

«Тургенев был в числе тех членов Союза благоденствия, которые после объявленного в 1821 году в Москве уничтожения оного решились не прекращать своих действий».

Князь Сергей Трубецкой:

«Тургенев участвовал в собрании, когда учреждена управа и избраны были членами оной для переговоров с Пестелем: князь Трубецкой, Никита Муравьёв и князь Оболенский».

Князь Евгений Оболенский:

«Участвовал в совещаниях 1823 года и был выбран в члены Думы, но отказался».

Никита Муравьёв:

«При переговорах с Пестелем в 1824 году участвовали члены Думы и некоторые члены общества, в том числе и Тургенев».

Михаил Митьков:

«Читались правила, которые написаны были Тургеневым и всеми одобрены. В них заключалось следующее: стараться изыскивать средства к изменению в правительстве, о чём при принятии новых членов не объявлять».

Михаил Бестужев-Рюмин на вопрос, кто из членов общества наиболее стремился к достижению цели введения республики посредством революции советами, сочинениями и влиянием своим,

ответствует:

«Директора общества Николай Тургенев и Никита Муравьёв на севере и Пестель на юге».

Из оправдательной записки Николая Тургенева, приобщённой к делу:

«…Устроенного общества, с определённою целью, с определёнными средствами действовать к достижению известной цели, не было. Всё, что могу сказать, есть то, что в России немощные люди толковали об обществах, пытались составлять общества, сочиняли уставы для обществ, сами никогда не зная, как это сделать, как действовать, к какой цели и какими средствами. б…с *Собираясь вместе, сии люди в совещаниях своих говорили, что надобно помогать друг другу, что надобно распространять чтение книг, распространять известные, так называемые либеральные идеи, которые, впрочем, не были распространяемы».*

«…Перед тем судьёю, который для меня был всегда самым строгим, — перед моею совестию, я… чувствую себя невинным».

Кто же прав — обвиняемый, свидетели или судьи?

Все правы по-своему.

В декабристском сонмище Николай Тургенев

— одна из центральных фигур. При этом он не вдохновенный вития, не военный человек и, строго говоря, не заговорщик. Его зачастую пытаются представить идеологом движения, но это не так: его немногочисленные сочинения на общественные темы, написанные до декабрьских событий, выдержаны в верноподданном тоне и не содержат в себе ничего крамольного. Ни слова о революции, о перемене правительства, о конституции, лишь размышления об отмене крепостного права благодетельным попечением верховной власти.

Он — либеральный барин и просвещённый чиновник, подающий по начальству предложения об улучшении государственного быта, но также любящий потолковать о благодетельных реформах в избранном обществе. Настолько избранном, что именуется оно тайным. Там, в теоретических спорах, в словесных раскладах у него три козырные карты: образование, служебное положение, родство.

Четыре брата Тургеневы — Андрей, Александр, Николай, Сергей — происходят из не особенно знатного рода симбирских помещиков Тургеневых: их родословие прослеживается всего лет на полтораста, до времён царя Михаила Фёдоровича

Романова. Дед их, Пётр Андреевич, дослужился лишь до секунд-майора, но смог прикупить несколько деревенек по соседству с родовым имением Тургенево, что на Волге[140], и оставил сыну Ивану приличное наследство. Иван Петрович служил более успешно, в частности побывал в адъютантах у фельдмаршала и богача Захара Григорьевича Чернышёва (чей внучатый племянник и полный тёзка — декабрист Захар Чернышёв). В отставку вышел бригадиром, поселился в Москве и дружески сошёлся с кружком вольномыслящих умов при Московском университете. Заправлял в этом кружке неутомимый просветитель в российско-французском духе, публицист и масон Николай Новиков. Несколько лет спустя новиковский кружок навлёк на себя гнев императрицы Екатерины Великой и был разгромлен. Иван Тургенев отделался ссылкой в деревню, но приобретённые связи впоследствии пригодились: при восшествии на престол императора Павла он был извлечён из ссылки и неожиданно для всех назначен директором Московского университета. К этому времени его старшему сыну Андрею исполнилось уже пятнадцать лет, младшему Сер-

[140] Примечания: 140
Сейчас затоплено Куйбышевским водохранилищем.

гею — четыре года. Понятно, что сыновья были отданы в Благородный пансион при университете. Затем служба в Коллегии иностранных дел. Все четверо успели послужить там, ни один не пошёл по военной линии — редчайший случай в семье, принадлежащей к высшему дворянству.

Андрей подавал большие надежды, но рано умер, в 1803 году. Рано уйдёт из жизни и Сергей — это случится в 1827 году, вскоре после заочного осуждения брата Николая. Более всех преуспел по службе Александр: в 1805 году он в качестве чиновника Комиссии составления законов сопровождал государя в военном походе в Европу; в 1810 году он уже директор департамента. Он сумел расположить к себе князя Александра Голицына, одного из ближайших доверенных лиц государя. В 1817 году образовано известное нам голицынское «сугубое министерство» духовных дел и народного просвещения. В нём всего два департамента. Александр Тургенев назначен возглавлять Департамент духовных дел. Он — правая рука Голицына, действительный статский советник, а вскоре и камергер Двора его императорского величества. Для брата Николая не может быть лучшей протекции.

(Кстати, и живут братья Тургеневы в доме князя

Голицына, на Фонтанке, напротив Михайловского замка, по соседству с Аракчеевым. Сюда к ним то и дело забегает протеже Александра, бойкий юноша Пушкин, только что из Лицея. Очень многообещающий, но слишком непоседливый молодой человек.)

Николай идёт по стопам брата: служит хоть и не в голицынском министерстве, но в комиссии Сперанского, а затем в канцелярии Государственного совета, при обходительнейшем Алексее Оленине, который умудряется сохранять дружеские отношения и со Сперанским, и с Голицыным, и с их антиподом Аракчеевым. Да-с: это именно Оленин 27 ноября 1825 года вынесет из хранилища секретный пакет и зачитает Государственному совету манифест в Бозе почившего государя Александра I о передаче престола Николаю; это именно Сперанский составит текст приговора декабристам, в частности Николаю Тургеневу. А пока что протекция брата возводит Николая по служебным ступеням всё ближе к вершине государственной пирамиды.

Да, и ещё одно обстоятельство. Гёттингенский университет. Кузница политико-юридических кадров для всей Европы. Когда-то там учился Генрих фон Штейн, прусский министр, заклятый

враг Наполеона, организатор и вдохновитель антифранцузской коалиции 1813 года, к тому же явный покровитель тайного немецкого общества Тугендбунд. Это общество — образец для российских романтиков-вольнодумцев. Николай Тургенев в их глазах окружён тройным сиянием: он, едва ли не единственный среди будущих декабристов, окончил настоящий европейский университет; он служил при Штейне и дружил с ним; он посвящён в прекрасные тайны Тугендбунда.

У него один недостаток: он никогда не состоял на военной службе, и неизвестно, держал ли когда-нибудь в руках оружие. Поэтому его нет среди участников Союза спасения и среди отцов-основателей Союза благоденствия. Но как только этот последний сложился, оказалось, что без хромого Тургенева не обойтись. С 1819 года он авторитетный участник Союза. Этому способствовал выход в свет годом раньше его книги «Опыт теории налогов». Вполне учёное сочинение, но с публицистическим уклоном: там затрагивается больной вопрос русской жизни — о крепостном праве. Гёттингенский выпускник утверждает, что крепостное право вредно и что его надо упразднить, исключительно сверху, правитель-

ственными мерами и, конечно, с соблюдением интересов помещиков. В подтверждение теории совершает практический шаг, казавшийся тогда очень смелым: Николай Тургенев переводит своих крепостных с барщины на денежный оброк. На ту же тему составлена и «Записка о крепостном праве» — она подана государю через петербургского генерал-губернатора Милорадовича и принята весьма благосклонно.

Как видим, до некоторых пор жизнь Николая Тургенева складывалась успешно. Роспуск Союза благоденствия (кстати, на собрании, где об этом было объявлено, председательствовал он, Тургенев) — первый тревожный сигнал: правительству известно, что словопрения участников общества переходят границы дозволенного. Тургенев на распутье: что выбрать — карьеру или заговор? Как уже было сказано выше, дальнейшее своё участие в тайных политических обществах Николай Иванович отрицал, свидетели же единодушно подтверждали. В 1824 году стараниями Аракчеева «сугубое министерство» было упразднено, и звезда князя Голицына закатилась. Для братьев Тургеневых, особенно для Александра, это ставило под сомнение дальнейшие карьерные перспективы. Примерно за два месяца до

официального расформирования министерства Голицына Николай Тургенев подал по начальству прошение на имя государя о длительном отпуске. Государь не стал возражать. Произвёл Тургенева в действительные статские советники и даже пожаловал тысячу червонцев на дорогу.

8 апреля 1824 года Николай Тургенев выехал из Петербурга в направлении Риги. Оттуда на корабле в Любек. В Европу!

Его европейское турне затянется — как в сказке — на тридцать лет и три года.

О петербургских событиях декабря 1825 года он, как и брат Александр, узнает в одном из русских светских салонов в Париже.

Из письма Василия Жуковского Александру и Николаю Тургеневым, 16 декабря 1825 года, Петербург:

«Какой день был для нас 14-го числа! В этот день всё было на краю погибели…»

«…Толпа солдат на Исакиевской площади, и все кричат: ура, Константин! и около них бездна народа. Они прислонились спиною к Сенату, выстроились, зарядили ружья и решительно отреклись от присяги. В их толпе офицеры в разных мундирах и множество людей вооруженных во фраках…»

«Милорадович убит… Император повёл сам батальон гвардии (Преобр[аженский]). Послали за другими полками. Послали за артиллериею».

«Пушечные картечи всё решили! С нескольких выстрелов бунтовщики разбежались, и кавалерия их преследует…»

«Заговор точно существовал, волнение не было внезапным действием беспорядка минутного. Имена заговорщиков были известны не только новому, но и прежнему Императору, и убийцы сами все вместе и в одну минуту явились перед отечеством. Всех главных действователей в ту же ночь схватили».

«Имена заговорщиков известны». «Убийцы явились перед отечеством». Кто из братьев Тургеневых числится в списке? Николай-то уж точно.

В начале января Николай и Александр Тургеневы выезжают из Парижа в Лондон. Их отъезд похож на бегство: как известно, из Англии нет выдачи; во Франции же их могут схватить в любую минуту по требованию российских властей. В Лондоне их настигает ещё одна тревожная весть — о мятеже в Черниговском полку. Месяц спустя становится известно: братья Тургеневы привлечены к следствию. К Сергею, в Неаполе, уже приходили, опечатали бумаги; за Николаем

отправлен фельдъегерь…

Впечатлительный Сергей от перенесённых волнений захворал; через год его жизнь оборвётся. Александр отправился в Петербург, в пасть льва. Он счастливо избежит ареста и суда, но вынужден будет выйти в отставку. Николай получит от брата подробные сведения о показаниях, данных против него, и раздумает ехать. Его обширная оправдательная записка будет получена в Петербурге, приобщена к делу, но на решение суда не повлияет. Заочный приговор — лишение прав и бессрочная каторга. Для него, вынужденного эмигранта, пункт первый существеннее пункта второго. Но и второй тяжек — как дамоклов меч вечно над головой.

Из письма Николая Тургенева брату Сергею, 20 июля 1826 года, Лондон:

«Что вперёд со мною случиться может — кто это знает? Но я знаю по крайней мере, что пребывание моё в Англии, на свободе, вне власти тех людей, которые меня называют преступником, и я не могу не благодарить судьбу, которая каким-то непонятным образом привела меня сюда в самое то время, как фельдъегери искали меня в Италии и в Париже. б…с *Один упрек могу только себе сделать: это некоторая слабость, с*

которою я написал моё оправдание, слабость или неискусство, — может быть. б…с *Я показывал в объяснении, что, будучи в обществе, я имел только одну цель: освобождение крестьян, и что эту цель почитал и почитаю важнейшею для меня в жизни».*

Эмиграция стала для Николая Тургенева своего рода ссылкой на запад, несравненно более комфортной, но столь же безнадёжной, как для его сообщников ссылка на восток. Прощения не было, пути назад тоже. Никакого иного дела, кроме как писать — всё о том же. Объёмные сочинения, собранные в три тома и изданные в 1847 году под названием «La Russie et les Russes» («Россия и русские»), — не что иное, как продолжение тех прожектов в учёно-либеральном духе, которыми Тургенев и некоторые его товарищи занимали внимание Александра и Николая Павловичей.

Амнистия 1856 года открыла ему дорогу в Россию. Он приехал, но на родине не прижился. Там уже вовсю закипали страсти по великим реформам, готовилась отмена крепостного права, реальная, а не теоретическая. Идеи Тургенева, выглядевшие безумно смелыми 30–40 лет назад, теперь явно отдавали старорежимным барством. Освобождение крестьян без земли, освобождение

с малыми наделами, соблюдение землевладельческих прав помещиков… Всё это звучало архаично, а для молодёжи — ретроградно. Его, конечно, уважали, ему кланялись, но не слушали.

Последние годы жизни он куда лучше чувствовал себя в цветущих окрестностях Парижа, нежели в своём многомятежном отечестве. В живописном Буживале, где вдохновляются на пленэре молодые художники в блузах, похожие на санкюлотов, на вилле Вер-Буа (по-русски — Зелёная Роща), приобретённой, между прочим, на деньги, вырученные когда-то братом Александром от продажи имения и крепостных, Николай Иванович скончался в окружении своего французского семейства в возрасте 82 лет.

Дело № 60

Пожалуй, это единственный из осуждённых Верховным уголовным судом, кому действительно была явлена государева милость: вместо каторги — ссылка в Сибирь без лишения чинов и дворянства. Отчего так? Воистину воля Божья — по молитвам жены, Прасковьи Михайловны.

Александр Николаевич Муравьёв
Вероисповедание православное.

Родился 10 октября 1792 года.

Отец – Николай Николаевич Муравьёв[141], генерал-майор, педагог, основатель Московского учебного заведения для колонновожатых. Мать – Александра Михайловна, урождённая Мордвинова, умерла в 1809 году[142]. Братья: Николай, в будущем генерал от инфантерии Муравьёв-Карский; Михаил, в будущем генерал от инфантерии граф Муравьёв-Виленский; Андрей, в будущем церковно-общественный деятель; Сергей, помещик; сестра Софья, умерла в девичестве.

Получил домашнее образование, затем учился в Московском университете. Принят на службу в 1810 году колонновожатым в свиту по квартирмейстерской части; в том же году произведён в подпоручики и назначен осуществлять карто-

---

[141] Примечания: 141

Род Муравьёвых ещё при Петре Великом разделился на две ветви: потомство Ерофея Фёдоровича и потомство Артамона Захаровича. Александр Николаевич Муравьёв принадлежит к Ерофеевской ветви, остальные декабристы Муравьёвы и Муравьёвы-Апостолы — к Артамоновской.

[142] Примечания: 142

Её двоюродный брат Николай Семёнович Мордвинов — кумир русских либералов, которого декабристы прочили в члены временного правительства.

графическую съёмку в юго-западных губерниях. Участвовал в кампании 1812 года; за Бородинское сражение награждён орденом Святой Анны 4-й степени, за бой под Вязьмой – золотой шпагой «За храбрость». В Заграничном походе 1813–1814 годов заслужил ордена Владимира 4-й степени с бантом и Святой Анны 2-й степени, а также иностранные награды. В марте 1813 года произведён в поручики, в ноябре – в штабс-капитаны. В 1814 году причислен к Гвардейскому генеральному штабу и произведён в капитаны. В 1816 году полковник. В 1818 году за неисправность подчинённых унтер-офицеров на параде в праздник Крещения приказом Александра I подвергнут аресту, после чего подал в отставку. Уволен тем же чином.

Масон: в конце 1810 года принят в ложу «Елизавета к добродетели», позднее – наместный мастер ложи «Три добродетели».

Один из основателей ранних декабристских организаций.

В 1818 году женился на княжне Прас-

ковье (Полине) Михайловне Шаховской; в этом браке родились семеро детей. В 1835 году овдовел.

Приказ об аресте подписан 5 января 1826 года. Арестован 8 января. Доставлен в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VI разряду. В июле 1826 года отправлен из Петербурга в Якутск, осенью место ссылки изменено на Верхнеудинск.

В 1828 году был назначен городничим в Иркутск, в 1831 году – председатель Иркутского губернского правления, в 1832 году исполнял должность тобольского гражданского губернатора, в 1833 году переведён председателем уголовной палаты в Вятке, в 1835 году председателем Таврической уголовной палаты.

В 1841 году женился на свояченице, княжне Марфе Михайловне Шаховской.

В 1843 году вернулся на статскую службу, дослужился до чина действительного статского советника. В 1851 году зачислен на военную службу полковником; в 1855 году произведён в генерал-майоры,

в 1861-м в генерал-лейтенанты, сенатор.
Умер в Москве 18 декабря 1863 года.

Молодость Александра Муравьёва — марш от успеха к успеху, и быть бы ему к тридцати годам генералом, но головокружительная карьера оборвалась внезапным и обидным арестом в праздник Крещения в 1818 году. Это был знак государевой немилости. Возможно, император прознал про вольнодумство молодого полковника, ибо тот уже не первый год состоял в масонских обществах с весьма либеральным уклоном. Но возможно, государю стало известно и другое: что Муравьёв — основатель опасных офицерских организаций, из которых неведомо что может вырасти. В 1814 году вместе с братом Николаем и прапорщиком Иваном Бурцевым образовал некую «Священную артель», которая за полтора года увеличилась до десятка человек и в 1816 году слилась с другими подобными кружками; так образовался Союз спасения, в котором Александр Муравьёв играл одну из ведущих ролей. На его квартире в Москве происходило то самое собрание, где во весь голос прозвучал призыв к цареубийству, и, если верить воспоминаниям Якушкина, прозвучал именно из уст полковника

Муравьёва. В 1818 году он с энтузиазмом приступил к созданию Союза благоденствия.

Конечно, он был либерал и ненавидел царя, особенно после несправедливой, по его мнению, отставки. Из него — с его-то умом и образованием! — вышел бы неплохой борец против тирании; если не Риего, то Кирога, если не двигатель, то мозг заговора. Но любовь вывела его из среды заговорщиков, а женитьба спасла Александра Муравьёва от каторги, а может быть, и от виселицы.

Шаховские — соседи Муравьёвых по имению. Дата первой встречи с княжной Прасковьей (Полиной) Шаховской — «6 XII 1816» — была выгравирована на внутренней стороне обручального кольца Александра Николаевича. Через год состоялось обручение, 29 сентября 1818 года они обвенчались.

Из письма Александра Муравьёва брату Николаю, 27 октября 1818 года:

«Любезный брат, я счастлив — неописанно счастлив, я женат на княжне Прасковье Михайловне Шаховской — совершенство в виде жены, — что более могу тебе сказать, любезный Николай! Порадуйся со мною. Воистину, друг мой, состояние сие есть конечное предначертание

всякого чувствующего и мыслящего человека».

Новобрачные поселились в Белой Колпи, родовом имении князей Шаховских, в 25 верстах от Волоколамска; позднее жили в Ботове того же Волоколамского уезда. После женитьбы связи Александра с собратьями по тайному обществу слабели. В 1819 году он уведомил их о выходе из Союза благоденствия.

Ни о каком его участии в событиях декабря 1825 года не могло быть и речи.

Но имя его прозвучало на допросах из уст самых отъявленных заговорщиков. Всплыла и московская история 1817 года — с разговорами о цареубийстве.

5 января 1826 года из Петербурга в Москву помчался фельдъегерь с приказом об аресте. Проститься с женой не дали.

По VI разряду Александру Муравьёву полагалось шесть лет каторги с лишением прав. Государева рука вычеркнула в приговоре каторгу и сохранила права. В июле 1826 года Муравьёв был отправлен из Петербурга в Якутск, но по пути вышло ещё одно послабление: по ходатайству тёщи, княгини Е. С. Шаховской, местом жительства определён вместо сурового Якутска относительно мягкий Верхнеудинск. Туда ссыльный прибыл

в январе 1827 года; ещё раньше, в Иркутске, к нему присоединились родные: жена с дочерью Софьей и свояченица Варенька (невеста декабриста Муханова).

К началу следующего года получено дозволение вступить в статскую службу — городничим в Иркутске. Далее служебная череда с постепенным приближением к Европе: Иркутск — Тобольск — Вятка. Перевод в Вятку, правда, с понижением из-за конфликта с генерал-губернатором Западной Сибири Вельяминовым. Затем благословенная Таврида, должность председателя уголовной палаты в Симферополе. Из-за столкновения с графом Михаилом Воронцовым, генерал-губернатором Новороссии, он вскоре оставит Симферополь и получит назначение гражданским губернатором в Архангельск. Но и там прослужит недолго. В 1839 году в связи с крестьянскими беспорядками в Ижемской волости уволен от должности без прошения.

В Симферополь статский советник Муравьёв прибыл в глубоком трауре. Его милая Полина умерла в феврале 1835 года в Вятке. Из семерых детей остались в живых лишь двое: дочь Сонечка и рождённый в Иркутске сын Иван (только ему суждено пережить отца, и то всего на год).

Перерыв в службе, однако, позволил решить кое-какие семейные вопросы. Детей Муравьёвых после смерти Полины воспитывала её младшая сестра Марфа. В 1841 году Александр Николаевич вступил с ней в законный брак. Жениху было почти пятьдесят лет, невесте — за сорок. Общих детей у них не было.

Меж тем братья Николай и Михаил успешно продвигались по службе, да и многие друзья юности поднимались по карьерной лестнице всё выше и выше. Не без их протекции и он был возвращён в строй: в 1843 году причислен к Министерству внутренних дел, в 1846-м назначен членом Совета министров, ездил по губерниям с ревизиями, был произведён в действительные статские… На пороге шестидесятилетия Александр Николаевич стал проситься на военную стезю. В 1851 году его просьбы были уважены: в чине полковника причислен к Генеральному штабу. С началом Крымской войны состоял при штабе действующей армии. В должности начальника штаба 2-го пехотного корпуса получил известие о кончине государя императора Николая Павловича.

Наступала новая эпоха. Александр Николаевич Муравьёв надел-таки генеральский мундир: од-

ним из первых при новом государе, своём полном тёзке, произведён в генерал-майоры. В 1856–1861 годах в должности нижегородского военного губернатора осуществлял великую реформу — ту самую отмену крепостного права, о которой так пылко и сбивчиво говорили когда-то товарищи его юности. В 1861 году назначен сенатором.

Дело № 61

Из письма девицы Sophie Салтыковой[143] по-другу Alexandrine от 30 июля 1824 года (оригинал по-французски):

«…Он очарователен, прекрасно воспитан, умён… Все говорят (и я не нахожу в этом преувеличения), что этот молодой человек положительно совершенство; природа не отказала ему даже во внешних выгодах: у него лицо совершенно своеобразное, но очень приятное и полное

ума».

Из воспоминаний декабриста Николая Басаргина об Иване Якушкине:

«Он отличался замечательным прямодушием и был доверчив, как ребёнок».

Прямодушный, бесхитростный, добрый, по-

[143] Примечания: 143

О ней смотри в части II, «Вне разрядов», в деле Каховского.

рывистый. И ранние его портреты, и поздние стариковские фотографии подтверждают: хороший человек. Может быть, поэтому ему никогда не удавалось осуществить задуманное.

Иван Дмитриевич Якушкин
Православный[144].
Родился 28 декабря 1793 года.

Отец – Дмитрий Андреевич Якушкин, смоленский помещик, в отставку вышел в чине титулярного советника, умер до 1826 года. Мать – Прасковья Филагриевна, урождённая Станкевич, в 1826-м жила в Ливенском уезде Орловской губернии, в имении своего зятя, поручика В. В. Воронца (за которым была замужем сестра Ивана Дмитриевича Варвара).

Получил домашнее образование, затем числился своекоштным студентом на словесном факультете Московского университета (жил у профессора А.

[144] Примечания: 144

Со временем превратился в наивного материалиста. Таким он предстаёт в своей статье «Что есть жизнь», написанной в конце 1830-х годов, и особенно в поздних «Записках». Однако эти последние были записаны с его слов и отредактированы сыновьями Вячеславом и Евгением и опубликованы после смерти автора. Нельзя исключить, что некоторые идеологичсекие пассажи в них выражают в большей степени взгляды сыновей, нежели самого Ивана Дмитриевича.

Ф. Мерзлякова). В 1811 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк. Участвовал в кампании 1812 года. За Бородинское сражение отмечен знаком военного ордена для нижних чинов (так как не был ещё офицером). Произведённый в прапорщики, отправился в Заграничный поход 1813–1814 годов. Награждён орденом Святой Анны 4-й степени и прусским Кульмским крестом. В 1816 году произведён в подпоручики и в том же году по прошению переведён в армию, в 37-й егерский полк, штабс-капитаном (полком командовал полковник Михаил Фонвизин, о котором речь впереди). В 1818 году уволен в отставку, также по прошению, с производством в капитаны, после чего поселился в имении Жуково Вяземского уезда Смоленской губернии (около 200 душ).

В 1822 году женился на Анастасии Васильевне Шереметевой; в этом браке родились сыновья Вячеслав и Евгений.

Приказ об аресте подписан 4 января 1826 года. Арестован 9 января. Доставлен в Петербург, заключен в Петропавлов-

скую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет. Отправлен в Роченсальмскую крепость, оттуда в Сибирь в октябре 1827 года. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе.

Приметы: рост два аршина шесть и одна восьмая вершка[145], лицо смугловатое, круглое, глаза темно-карие, нос большой, продолговат, на правую сторону кривоват, волосы на голове и бровях чёрные с сединами.

С сентября 1836 года на поселении в Ялуторовске.

После амнистии 1856 года вернулся в Москву, жил у младшего сына; затем в Тверском уезде, в имении своего друга Н. Н. Толстого.

Умер 11 августа 1857 года в Москве.

Обратим внимание на две даты. Перевод в армию под начало Фонвизина датирован 5 июня 1816 года, — стало быть, прошение подано в мар-

---

[145] Примечания: 145
Примерно 167 см.

те–апреле. То есть через считаные недели после того, как на собрании у Муравьёвых-Апостолов при участии Якушкина, князя Сергея Трубецкого, Александра Николаевича и Никиты Михайловича Муравьёвых было принято решение о создании Союза спасения. Вторая дата — 1 февраля 1818 года, отставка — почти совпадает с арестом и крахом карьеры Александра Муравьёва. На Якушкина сильно воздействует закон товарищества.

Между этими событиями — ещё одно, сыгравшее в судьбе Якушкина, и не только его, роковую роль: «московский заговор» 1817 года на квартире Александра Муравьёва (об этом мы рассказывали в деле Сергея Трубецкого). Собственно, заговора никакого не было: поверили слухам об ужасных намерениях Александра I и возмутились. Но ненависть к царю прорвалась в высказанной во весь голос мысли о цареубийстве. Ответный удар в виде каторжного приговора получат не только говорившие, но и слушавшие: Михаил Фонвизин, князь Фёдор Шаховской, Никита Муравьёв… Якушкину же воздастся особо.

Из «Записок» Ивана Якушкина:

«Александр Муравьёв перечитал вслух ещё раз письмо Трубецкого, потом начались толки и со-

крушения о бедственном положении, в котором находится Россия под управлением императора Александра. Меня проникла дрожь… Наконец Александр Муравьёв сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести. Затем наступило опять молчание. Фонвизин подошёл ко мне и просил меня успокоиться…»

Полковник Фонвизин говорил дело: надо было успокоиться. Царь не перенёс столицу в Варшаву и не отдал Русь на растерзание ляхам. Якушкин к тому же, от природы человек пылкий, в то время переживал ещё и личную драму: пламенная влюблённость в сестру друга, князя Ивана Щербатова, Наталью Дмитриевну, была безжалостно отвергнута.

Ах, декабристы, какие же вы всё-таки романтики! История этой несчастной любви похожа на сентиментальный роман. Как и положено герою романа, Якушкин, получив бесповоротный отказ, опасно заболевает; выздоровев же, решается

по-другому свести счёты с жизнью: убить царя и самому быть убитым… Всё это напрасно: «Вертер» уже написан. Княжна Наталья Щербатова через два года выйдет замуж за князя Фёдора Шаховского — выбор этот окажется ничуть не лучше (почему? скоро узнаем). Якушкин же, не осуществив своё жестокое намерение, с азартом ринулся претворять в жизнь туманные идеалы только что образованного Союза благоденствия. О главном его деянии в этом направлении — попытке освободить собственных крепостных крестьян — мы вкратце рассказывали в первой части («Знакомые незнакомцы»). Неудача в этом деле закономерна, но самоотверженная доброта Ивана Дмитриевича подкупает, так же как и его крайняя наивность…

Все его начинания терпят неудачу. Подготовленный им проект ультиматума государю от имени Союза благоденствия отвергнут друзьями, да и сам Союз, толком не оформившись, разваливается. Желание участвовать в греческом восстании не успевает осуществиться: движение Ипсиланти разгромлено. На этом безрадостном фоне единственный проблеск истинного счастья — женитьба.

Невесте Якушкина Анастасии Васильевне

Шереметевой ко времени свадьбы ещё не исполнилось 16 лет. Вышла замуж она не по большой любви, а по желанию матери. Впрочем, жених ей, конечно же, нравился — Иван Дмитриевич не мог не нравиться. Свадьба состоялась в ноябре 1822 года. Настало время вполне счастливое для обоих супругов. Первенец родился у них, как положено, менее чем через год. Назвали его Вячеслав. К лету 1825 года Анастасия Васильевна вновь была на сносях. По всем расчётам родить ей предстояло в январе.

А в декабре до поместья Якушкиных донеслась весть о междуцарствии. Якушкин примчался из деревни в Москву и принял участие в известных нам собраниях 15–18 декабря у Митькова, да ещё и призывал действовать. Это обстоятельство не явилось главной причиной дальнейших его неприятностей, но усилило наказание разряда на три.

После допроса в Зимнем дворце отправлен в Петропавловскую крепость с собственноручным предписанием государя: «Присылаемого Якушкина заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать как злодея». Был помещён в Секретном доме Алексеевского равелина. Кандалы повелено снять лишь

в апреле.

И всё из-за безрассудно высказанного восемь лет назад намерения.

С женой ему было не суждено более прожить ни дня под одной крышей. И увидятся они только на кратких свиданиях в крепости да один раз при его этапировании в Сибирь, 15 октября 1827 года в Ярославле. Здесь он увидит и младшего сына Евгения, коему выпал жребий родиться через две недели после ареста отца. Намерение Анастасии Якушкиной отправиться в Сибирь не осуществилось.

Ответ генерал-адъютанта Дибича на письмо Василия Жуковского, которым тот сопровождал ходатайство о дозволении жене Якушкина последовать за мужем; 3 февраля 1828 года:

«Государь император отозваться соизволил, что исполнение Якушкиной сего желания на существующих для того правилах ей не возбраняется. Но при этом его величеству благоугодно, дабы ей поставлено было на вид, что в месте пребывания мужа своего не найдёт она никаких способов к воспитанию детей, устройству будущего состояния коих полагает она чрез то немалую преграду, а потому нужно ей предварительно размыслить о всех последствиях своего предприятия, дабы

избегнуть позднего и бесполезного раскаяния».

Анастасия Васильевна «размыслила» — и выбрала будущность детей.

Одна из особенностей приговора декабристам заключалась в том, что у него не было срока действия. Одиночное заключение, кандалы, каторга, поселение, солдатчина могли закончиться, но наказание — никогда. Вернее, только тогда, когда государь пожелает. Государь не пожелал. Условия отбывания смягчались, но никому из осуждённых не было позволено вернуться к обычной жизни в царствование Николая Павловича. Этот закон распространялся и на тех, кто последовал за осуждёнными: на жён, сестёр и даже детей — обратного пути для них не было. Тем же, кто не последовал, не только ничто не грозило, но даровались различные милости. Сыновья Ивана Якушкина выросли, получили образование, поступили на службу и, кстати, оба с пользой для общества служили потом в Сибири. Младшему, Евгению, выпало стать одним из первых собирателей и исследователей материалов по истории декабристского движения.

Анастасия Васильевна умерла в 1846 году, не дожив до сорока лет. В память о ней Иван Дмитриевич основал в Ялуторовске школу для девочек.

Училище для мальчиков там было официально открыто ещё в 1842 году, — в этом деле Якушкин участвовал вместе с другими ялуторовскими декабристами и протоиереем Стефаном Знаменским[146].

Из воспоминаний Александра Семёнова, почтового служащего в Ялуторовске:

«Якушкин вёл строгий образ жизни, занимаясь больше науками и чтением книг… Летом его можно было видеть каждый день на реке, где он подолгу купался. Купался он почти до заморозков, а с первым льдом купанье переменял на коньки».

Из публикации Капитона Голодникова «Декабристы в Тобольской губернии» (1899):

«…Между мещанами города распространился слух, что Якушкин, занимаясь чёрною магией, устроил у себя машину, которая посредством нечистой силы с визгом и скрипом разгоняет над городом тучи[147]*, что фармазон Якушкин давно уже продал дьяволу свою душу…»*

Из заметок Августы Созонович (воспитанницы

---

[146] Примечания: 146

Так как государственным преступникам было запрещено заниматься общественной деятельностью, отец Стефан, энтузиаст народного образования, взял на себя организационную сторону дела.

[147] Примечания: 147

Речь шла о ветрометре.

М. И. Муравьёва-Апостола) по поводу воспоминаний Голодникова:

«Иван Дмитриевич в самом деле подозревался в чернокнижии за собрание растений (он составлял гербарий растений Тобольской губ.), постоянную письменную работу, за клейку различной величины глобусов из картона, чтение книг, сначала даже и за катанье на коньках в отдаленной от города местности по р. Имбирею, так как он позднею порой при лунном свете неожиданно вылетал стрелой из развалин водяной мельницы и исчезал из вида случайных наблюдателей. При подобной обстановке в высокой, почти остроконечной шапке, в коротенькой шубейке, перетянутой кожаным ремешком, весь в чёрной одежде, при его худобе он должен был казаться народу колдуном, стремительно летевшим на пир или на совет к нечистой силе».

После амнистии, в 1856 году, Якушкин приехал в Москву и поначалу поселился у сына Евгения, инженер-полковника. Однако постоянно жить в столицах ему дозволено не было. Последний год жизни он провёл в имении своего старого друга Николая Толстого, деревне Новинки под Тверью, временами наезжая в Москву.

Дело № 62

Роковая любовь многих достойных юношей, княжна Наталья Щербатова, предпочла впечатлительному Якушкину более уравновешенного, практичного князя Фёдора Шаховского, своего дальнего родственника. Прожить в браке им суждено было девять с половиной лет, из них три года и четыре месяца в вынужденной разлуке, а последние недели — в монастыре, в доме умалишённых.

Князь Фёдор Петрович Шаховской

Вероисповедание православное.

Родился 12 марта 1796 года в селе Заостровье Холмского уезда Псковской губернии.

Отец – князь Пётр Иванович Шаховской[148], тайный советник, умер через год после осуждения сына. Мать – Анна Фёдоровна, урождённая княжна Щербатова, умерла незадолго до ареста сына,

---

[148] Примечания: 148

Род Шаховских многочисленный и разветвлённый; к этому же роду, но к другой, далёкой ветви принадлежит семейство волоколамских Шаховских, из коего происходят обе жены Александра Николаевича Муравьёва.

в ноябре 1825 года. Сёстры: Прасковья, Екатерина. Князю Фёдору родителями были выделены имения в подмосковном Серпуховском уезде (село Верзилово, 146 душ крепостных) и в Козельском уезде Калужской губернии (село Фроловское, 116 душ крепостных, заложено).

Получил домашнее образование, год проучился в пансионе Жакино́; сверх того, уже будучи офицером, слушал курс политических наук профессора Христиана Шлёцера. В 1813 году зачислен в резервную команду лейб-гвардии Семёновского полка. В январе 1814-го определён подпрапорщиком в Семёновский полк, находившийся в походе во Франции; в мае произведён в прапорщики. В 1817 году подпоручик; в 1818-м переведён в 38-й егерский полк штабс-капитаном. В 1819 году откомандирован адъютантом к генерал-лейтенанту И. Ф. Паскевичу, состоявшему тогда при великом князе Михаиле Павловиче. В 1820 году произведён в капитаны, в 1821-м возвращён в полк. В 1822 году вышел в отставку майором.

12 ноября 1819 года женился на княжне Наталье Дмитриевне Щербатовой. После выхода в отставку поселился в селе Ореховце Ардатовского уезда Нижегородской губернии, которое было получено в приданое за женой (420 душ крепостных). В браке родились двое сыновей: в 1821 году Дмитрий и в октябре 1826 года, уже после осуждения отца, Иван.

Был членом масонских лож «Соединенные друзья», «Три добродетели» и «Сфинкс».

28 февраля 1826 года был вызван в Нижний Новгород, оттуда доставлен в Петербург, содержался под арестом в Главном штабе, затем заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к лишению дворянства и ссылке на поселение в Сибирь вечно.

Приметы: рост два аршина восемь с половиною вершков[149], волосы на голове и бровях светло-русые, глаза темно-голубые, лицом бел и худощав, нос прямой,

[149] Примечания: 149
Примерно 180 см.

подбородок выдается вперёд, на верхней губе с левой стороны небольшая бородавка.

Определён на поселение в городе Туруханске Енисейской губернии; через год переведён в Енисейск. В 1829 году в связи с психическим заболеванием помещён в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь.

Умер 22 мая 1829 года.

В юности князь Фёдор Шаховской вступил в офицерскую «Священную артель» в Семёновском полку, затем в Союз спасения, успел отметиться также и в Союзе благоденствия, побывал и в масонах. Женившись, отошёл от тайных обществ, а после отставки не имел регулярных контактов с их членами, поскольку жил в деревне. Однако, на свою беду, оказался у Александра Муравьёва на том злосчастном собрании, где Якушкин проявил цареубийственный энтузиазм. А может, и не побывал. Кто-то запомнил его там, кто-то не запомнил. Разумеется, имя Шаховского рано или поздно должно было прозвучать в ходе следствия.

2 марта 1826 года по вызову губернатора он

прибыл из деревни в Нижний Новгород, оттуда отправлен в Петербург в сопровождении полицейского чиновника.

На следствии не сознался ни в чём противозаконном. Следует отметить, что из 120 осуждённых Верховным уголовным судом не признали вину и не покаялись перед лицом карающей власти трое: Цебриков, Тургенев, Шаховской. При этом Николай Тургенев находился за границей, он был осуждён заочно и не испытывал давления следствия, которое в первую очередь стремилось добиться именно признания вины.

Да, он был принят в общество, но определённо знал лишь о планах «способствовать правительству к утверждению благосостояния России», а вскоре и вовсе уехал в деревню. О присутствии его на собрании 1817 года утвердительно высказались только двое, причём один из них, Михаил Фонвизин, заявил, что намерение цареубийства было князем Шаховским решительно осуждено и отвергнуто. По сути, единственным свидетельством против князя явились показания Матвея Муравьёва-Апостола, утверждавшего, что на той самой сходке в ответ на призыв к свержению царя Шаховским была высказана идея привлечь к делу Семёновский полк. Сам князь это показа-

ние решительно отверг, прочие же свидетели подтвердить отказались.

Но суд над декабристами был не судом права, а судом высочайшей воли. Воля же сия формировалась на основе личного впечатления. Осуждён тот, в ком проницательный глаз государя обнаружил неискоренимую крамолу.

Поначалу у ссыльного Шаховского всё складывалось не так уж плохо. Конечно, Туруханск не Париж, и живут там не парижане, а тунгусы, но всё-таки не рудник и не одиночная камера. С женой переписывались; Наталья Дмитриевна исправно присылала деньги и книги. Ехать в Сибирь с грудным дитятей она, конечно, не решалась, да ей бы и не дозволили. Что ж, надо переждать. Из писем мужа видно, что он в ссылке обустроился, разводит картофель и овощи, много читает, по учёным книгам лечит местных жителей и учит их детей. Составляет описание Туруханского края. Его уважают, ценят. Даже власти, от местного казачьего сотника до енисейского губернатора, настроены к нему благосклонно. В 1827 году потратил часть присланных денег на вспомоществование голодающим от неурожая, и гражданскому губернатору А. П. Степанову было велено перевести поселенца в иное место. Ша-

ховского перевели в Енисейск — это ещё и лучше: больше похоже на город и гораздо южнее.

В мае 1828 года Наталья Дмитриевна получила от мужа странное, больное письмо. В июне губернатор Степанов сообщил Бенкендорфу о явном расстройстве рассудка у ссыльнопоселенца Шаховского.

Из письма вышедшего на поселение Сергея Кривцова к Александре Муравьёвой, жене осуждённого Никиты Муравьёва, 24 июля 1828 года (оригинал по-французски):

«Проезжая через Енисейск, я нашёл бедного Шаховского в жалком положении: худой, тусклые и блуждающие глаза, сотрясается непрестанно конвульсиями… Он говорил мне о своих беседах с Богом, о непрекращающихся искушениях от дьявола, об его Конституции, по которой уже управляют Сибирью, и т. п., и всё это выпаливается с такой скоростью и так перемешано, что можно подумать, будто говорят сразу нескольких человек… Уже много месяцев он не пишет своей жене и не получает никаких известий».

От Александры Муравьёвой Наталья Дмитриевна и узнала о случившемся. На её ходатайство о дозволении перевезти больного в дальнее имение, где она могла бы ухаживать за ним,

высочайшего согласия не последовало. Приняв в соображение тяжёлое и непрестанно ухудшающееся состояние осуждённого, государь повелел отправить его в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где с екатерининских времён существовало «заведение для безумствующих колодников» (в переводе на современный язык тюремная психбольница). Супруге было дозволено проживать рядом с монастырём, дабы иметь попечение о муже. Дозволено было также крепостному человеку ухаживать за ним.

Бывшего князя доставили под конвоем в Спасо-Евфимиев монастырь в феврале 1829 года. Зимняя дорога добавила к душевному недугу телесные повреждения: при осмотре оказались отмороженными «три пальца левой ноги, нос, ухо и два мизинных на руках с лишением на одном из них ногтя». Жена со старшим сыном приехала в Суздаль, но было уже поздно. С 6 мая больной совершенно отказывался принимать пищу и умер от истощения 22 мая.

Дело № 63

Михаил Александрович Фонвизин
Православный.
По данным метрической книги, родил-

ся 20 августа 1787 года; сам же считал, что в 1788 году.

Отец – Александр Иванович Фонвизин, подполковник, брат драматурга Дениса Фонвизина, умер в 1819 году. Мать – Екатерина Михайловна (девичья фамилия неизвестна), умерла в 1823 году. Брат Иван, привлекался к следствию по делу о событиях 14 декабря 1825 года, но был освобождён от суда. К началу 1826 года за братьями Михаилом и Иваном в совместном владении до 1200 душ крепостных в Костромской губернии; кроме того, за Михаилом – около 500 душ в Московской, Тверской и Рязанской губерниях.

Получил домашнее образование, затем учился в школе при лютеранской церкви Святого Петра (Петришуле) в Петербурге и в Московском университетском пансионе; слушал лекции в Московском университете. В 1803 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк, в 1804-м произведён в прапорщики, в 1806-м в подпоручики, в 1808-м в поручики. Участвовал в кампании 1805 года против Наполеона (был под

Аустерлицем), в войне со Швецией 1809–1810 годов. В кампанию 1812 года под Смоленском ранен, награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом; за Бородинское сражение – орденом Святой Анны 2-й степени, за сражение при Малоярославце – золотой шпагой. Был отряжен действовать с партизанами. В январе 1813 года произведён в штабс-капитаны, в июле в капитаны, в декабре в полковники. В 1814 году под Бар-сюр-Об во Франции раненым попал в плен; отправлен в Бретань, был одним из организаторов восстания военнопленных. За участие в Заграничном походе награждён алмазными знаками ордена Святой Анны и прусскими наградами. С июня 1815 года командир 37-го егерского полка, с которым вернулся из Заграничного похода в начале 1816 года. В 1817 году назначен командиром Перновского гренадерского полка, в 1818 году командиром 38-го егерского полка (в следующем году полк включён во 2-ю армию Витгенштейна). В 1820 году произведён в генерал-майоры и назначен командиром бригады. С осени

того же года фактически в отпуску в связи с женитьбой – «назначен состоять по армии». В 1822 году вышел в отставку.

Масон ложи «Александра Тройственного спасения».

В 1822 году женился на Наталье Дмитриевне Апухтиной; в этом браке родились и до взрослых лет дожили двое сыновей (Дмитрий и Михаил).

Приказ об аресте подписан 3 января 1826 года. Арестован в своем подмосковном имении Крюково 9 января, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловской крепости.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжные работы на 12 лет, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков и три четверти[150], лицо белое, круглое, глаза серые, нос средний, немного широковат, волосы на голове и бровях темно-русые и по верхней части головы волос не имеет, а при разговоре на правую

[150] Примечания: 150
176,5 см.

сторону рта делается косоватость[151].

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе.

В 1834 году отправлен на поселение в Енисейск. В 1835 году переведён в Красноярск, в 1838 году в Тобольск. В 1853 году ему было разрешено проживать в имении брата Марьино Бронницкого уезда Московской губернии, с воспрещением въезда в Москву и Петербург, под строжайшим надзором.

Умер в Марьине 30 апреля 1854 года.

В тайное общество Михаила Фонвизина вовлек, по-видимому, Якушкин, который был переведён в его полк вскоре после образования Союза спасения. Тогда же или чуть позже Фонвизин вступил в масонскую ложу «Александра Тройственного спасения». Как он сам писал в ответах на вопросы следственной комиссии, «великие события Отечественной войны, оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности».

Это желание привело его в 1817 году на осен-

---

[151] Примечания: 151
Чудесная формулировка.

ние собрания других беспокойных участников тайного общества. О его присутствии при чтении письма Трубецкого и о том, как он успокаивал Якушкина, мы уже знаем. Придёт время, и всем, кто там был, напомнят о «московском заговоре».

Фонвизину напомнят и о Союзе благоденствия, и о Московской управе, в которой он состоял, и о шумном собрании в январе 1821 года, проходившем в его доме. Тогда было принято решение о роспуске Союза, но на самом деле готовились сплотить круг и создать новую конспирацию…

В 1821 году генерал Фонвизин посватался. Согласие последовало не сразу. В сентябре 1822 года Михаил Фонвизин обвенчался с Натальей Дмитриевной Апухтиной, своей дальней родственницей. Новобрачные поселились в подмосковном имении Крюково (сейчас на этом месте микрорайон Зеленограда). Первенец Дмитрий родился у них в 1824 году. Ко времени декабрьской катастрофы Наталья Дмитриевна была на сносях, сын Михаил появится на свет в феврале 1826 года.

Жена последовала за мужем в Сибирь, оставив сыновей на попечение родных. В марте 1828 года прибыла в Читу. В 1830 году состоялся перевод заключённых государственных преступников в специально выстроенную тюрьму Петровского

завода.

Из «Записок декабриста» Андрея Розена:

«…Назначено было идти двумя отрядами… б…с *Для вещей были наняты подводы; ехать было дозволено только больным и раненым, как то: Фонвизину, Трубецкому, Лунину, Волконскому, Якубовичу, Швейковскому, Митькову, Давыдову и Абрамову. Через каждые два дня перехода имели днёвки; поход наш, слишком в 700 вёрст, продолжался 48 дней».*

Из «Записок» Ивана Якушкина:

«Нарышкина, Фонвизина и княгиня Волконская, не имевшие детей, следовали за нами в собственных экипажах и видались с своими мужьями, когда мы останавливались ночевать, а во время днёвок были с нами целые дни вместе».

Из воспоминаний Николая Басаргина:

«…Наше комическое шествие… открывалось почти всегда Завалишиным в круглой шляпе с величайшими полями и в каком-то платье чёрного цвета своего собственного изобретения, похожем на квакерский кафтан. Будучи маленького роста, он держал в одной руке палку гораздо выше себя, а в другой книгу, которую читал. За ним Якушкин

в курточке à l'enfant[152], *Волконский в женской кацавейке; некоторые в долгополых пономарских сюртуках, другие в испанских мантиях, иные в блузах; одним словом, такое разнообразие комического, что, если б мы встретили какого-нибудь европейца… то он непременно подумал бы, что тут есть большое заведение для сумасшедших и их вывели гулять».*

В Петровском заводе у Фонвизиных родились двое сыновей; оба умерли во младенчестве.

Из воспоминаний Марии Дмитриевны Францевой, воспитанницы Фонвизиных, о жизни на поселении в Енисейске:

«Фонвизины жили… уединенно, хотя в средствах не нуждались. Они занимали прекрасный каменный дом с садом; обстановка у них была очень приличная и комфортабельная. Наталья Дмитриевна Фонвизина была весьма красивая молодая женщина и большая любительница цветов. Небольшой её садик был настоящая оранжерея, наполненная редкими растениями; она по целым дням иногда возилась в нём».

Прошение бывшего генерала об определении рядовым на Кавказ, поданное в 1839 году, остав-

---

[152] Примечания: 152
По-детски *(фр.)*.

лено без ответа.

В самом начале 1851 года из Одессы в Тобольск пришло известие о смерти старшего сына Дмитрия от чахотки. Летом того же года скончался и сын Михаил.

В 1853 году по ходатайству главного начальника Третьего отделения князя Алексея Орлова Фонвизину разрешено выехать из Сибири и безвыездно проживать под строжайшим полицейским надзором в подмосковном имении Марьино, где он и умер.

Наталья Дмитриевна через три года выйдет замуж за возвратившегося из Сибири Ивана Ивановича Пущина. О ней, вдове двух декабристов, пережившей четверых своих детей, требуется отдельное повествование. Здесь отметим только, что в январе 1850 года она посещала в тобольской темнице направляемых в каторгу государственных преступников, одного из которых звали Фёдор Достоевский. Однако наибольшее сострадание у Натальи Дмитриевны вызвал другой осуждённый — глава кружка вольнодумцев Михаил Петрашевский. Вряд ли жена декабриста знала, что это сын того доктора, который извлёк пулю из груди смертельно раненного Милорадовича. А может быть, и знала. Круг-то тесен.

Дело № 64

Михаил Фонвизин уже две недели дышал сырым воздухом Трубецкого бастиона, когда в его московский дом на Рождественском бульваре нагрянули незваные гости. Среди друзей отставного генерала был подполковник Норов, тоже в отставке. Той зимой он приехал в Москву и поселился у Фонвизина. Вот его-то и искали.

Из «Записок» Александра Кошелева, троюродного брата Василия Норова:

«Сидим мы у Норова и беседуем. Вдруг около полуночи без доклада входит полицеймейстер и спрашивает, кто из нас Вас. Серг. Норов. Когда хозяин встал и спросил, что ему нужно, тогда полицеймейстер объявил, что имеет надобность переговорить с ним наедине. б…с *Опечатали все бумаги Норова, позволили ему только в сопровождении полицеймейстера взойти к старухе-матери, чтобы с нею проститься, и повезли его в Петербург».*

Василий Сергеевич Норов

Вероисповедание православное.

Родился 5 апреля 1793 года в селе Ключи Балашовского уезда Саратовской

губернии.

Отец – Сергей Александрович Норов, отставной майор, саратовский губернский предводитель дворянства. Мать – Татьяна Михайловна, урождённая Кошелева. Братья: Авраам, в будущем министр народного просвещения; Александр, литератор; Дмитрий. Сёстры: Евдокия, Екатерина. Семья владела имениями в разных губерниях (до 1500 душ крепостных).

Воспитывался в Пажеском корпусе, из коего выпущен досрочно 27 августа 1812 года (на следующий день после Бородинского сражения) прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк; участвовал в кампании 1812 года с сентября, награждён орденом Святой Анны 4-й степени. Участвовал также в заграничном походе 1813 года; в июле произведён в подпоручики; в августе при Кульме ранен, отправлен на излечение. За участие в походе награждён орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом и Анны 2-й степени. В 1816 году произведён в поручики, в 1818-м в штабс-капитаны, в 1821-м в капитаны. Весной 1822 года

за «непозволительный поступок против начальства» по высочайшему повелению подвергся шестимесячному аресту, после чего прощён государем и переведён в армию подполковником в пехотный принца Вильгельма Прусского полк. Подал в отставку и уволен от службы в марте 1825 года «за раною».

В 1818 году был принят в Союз благоденствия Александром Муравьёвым. Активного участия в деятельности общества не принимал.

Приказ об аресте подписан 22 января. Арестован в Москве, в доме Фонвизиных, 27 января, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы на 15 лет, срок сокращён до 9 лет.

Приметы: рост два аршина пять с четвертью вершков[153], лицо смуглое, круглое, рябоватое, глаза чёрные, нос небольшой, остр, волосы на голове и на бровях чёрные, на левой ляжке имеет

---

[153] Примечания: 153
Примерно 166 см.

рану от пули. Пышная мелкокурчавая шевелюра свидетельствует о том, что среди предков Василия Норова были выходцы с Ближнего Востока или из Африки.

Отправлен в Свеаборг, оттуда в феврале 1827 года переведён в Выборгскую крепость, а в октябре через Шлиссельбургскую крепость в Бобруйск, в крепостные арестанты без означения срока. С 1829 года содержался отдельно от прочих арестантов. В 1835 году определён рядовым в линейный батальон на Кавказ. В 1837 году произведён в унтер-офицеры. В январе 1838-го уволен от службы «за ранами» с дозволением жить в отцовском имении Надеждино в Дмитровском уезде Московской губернии под секретным надзором. В 1841 году последовало высочайшее дозволение приезжать в Ревель для пользования морскими ваннами. Здесь Норов прожил 12 лет, временами отлучаясь к брату Александру, в село Ключи Саратовской губернии.

Умер в Ревеле 10 декабря 1853 года.

«Непозволительный поступок против на-

чальства», за который Норов в 1822 году был арестован, — это ни много ни мало вызов на дуэль великого князя Николая Павловича. Того, который в конце 1825 года стал государем.

Если суммировать разные версии, эта история такова. Гвардия возвращалась из западных губерний после несостоявшегося похода в Европу. На одном из смотров шеф полка цесаревич Константин за какой-то непорядок обругал нескольких офицеров и попытался, в свойственной ему манере, ущипнуть подвернувшегося под руку Норова. Тот непочтительно отстранился. Николай Павлович присутствовал при этой сцене. Через несколько дней на разводе, следуя верхом вдоль строя и поравнявшись с Норовым, Николай Павлович дал шпоры коню; конь взбрыкнул, и капитана окатило грязью. В тот же день Норов отправил начальству прошение об отставке, а великому князю вызов на дуэль. Николай Павлович, конечно, вызов не принял — поединки запрещены законом. Тогда ещё несколько офицеров полка подали в отставку. Дело дошло до государя, который, наказав Норова арестом, заставил всё же брата принести капитану извинения.

Из письма великого князя Николая Павловича дивизионному командиру Ивану Паскевичу:

«Вы посудите, сколь я терплю от сего несчастного приключения; одно меня утешает, что я не виноват ни в чем».

У Норова с Николаем Павловичем давняя неприязнь. Ещё в бытность пажом Василий Норов, умный, хорошо воспитанный мальчик, бывал приглашаем ко двору товарищем игр великого князя. Как-то раз у них во время игры в солдатики вышла ссора, чуть ли не до драки. Видно, с тех пор оба затаили друг на друга обиду. «Но с иным накладно вздорить», — эти слова Пушкин напишет много позже; ни в 1822-м, ни в 1826 году Норов принять их во внимание не мог.

Был признан виновным в принадлежности к Союзу благоденствия и в том, что разделял намерения ввести конституционное правление, но главное — знал о планах Южного общества захватить в плен Александра I во время манёвров.

Находясь в заключении, написал «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя», опубликованные анонимно в 1834 году.

Эта книга интересна тем, что она поразительно малоинтересна. Автор её, сорокалетний узник, юным прапорщиком оказался в гуще великих событий, прошёл с боями от подмосковного

Тарутина до чешского Лютцена. Сейчас он расскажет нам о событиях, коих был участником, повествование его будет насыщено бесценными деталями и наблюдениями… Ничего подобного! Прежде всего, в «Записках» Норова нет самого Норова. Нет его взвода, роты, батальона, полка. Нет людей, с которыми он делил полевой ночлег и кусок размоченного сухаря у зимнего костра. Нет солдат, унтер-офицеров, обозных, лекарей, раненых; не слышны их голоса, крики, стоны, шутки, ругательства. Вообще никаких «записок» нет — есть изложение событий в историческом масштабе, откуда-то сверху и издали. Главные герои — Наполеон и Кутузов, герои помельче — Милорадович и Дохтуров, Ней и Даву… Всех их автор вряд ли мог видеть даже издали. Однако только великое достойно его внимания и передачи потомкам.

Как это характерно для декабристов, предпочитающих серьёзного поэта Рылеева пустому шалуну Пушкину! Взирать на мир с высоты своего предназначения и не замечать под ногами мелких камушков — даже после того, как грохнулся, об них споткнувшись!

Дело № 65

Михаил Михайлович Нарышкин
Православного вероисповедания.
Родился 4 февраля 1798 года.

Отец – Михаил Петрович Нарышкин, подполковник, богатый помещик (более 8000 душ крепостных), умер в августе 1825 года, за четыре месяца до ареста сына. Мать – Варвара Алексеевна, урождённая княжна Волконская (умерла 1 марта 1827 года). Старший брат Кирилл, генерал-майор, женат на Анне Николаевне, сестре декабриста Александра Сутгофа; младший брат Александр. Сёстры: Маргарита[154], Варвара, Софья, Евдокия, Мария,

---

[154] Примечания: 154

О старшей сестре Маргарите нужно сказать особо. На Бородинском поле, близ деревни Семёновской, расположен монастырь. Его главный храм во имя Нерукотворного образа Спасителя стоит на том месте, где, по словам очевидцев, 26 августа 1812 года в беспощадном бою за Багратионовы флеши погиб генерал Александр Тучков; тело его не было найдено. За семь лет до этого он женился на разведённой Маргарите Нарышкиной, и брак их был на редкость счастлив. После войны, в 1818 году, вдова выкупила эту землю и начала строить церковь. Ещё восемь лет спустя умер их единственный сын, а брат, который по разнице в возрасте был для неё как сын (разница в возрасте — 18 лет), отправился на каторгу в Сибирь. Маргарита Михайловна поселилась одна при Спасо-Бородинском храме; впоследствии здесь образовался монастырь, в котором Маргарита Тучкова приняла постриг и стала игуменьей Марией.

Наталья.

Получил домашнее образование, кроме того, уже вступив в службу, посещал занятия в Московском учебном заведении для колонновожатых, а затем в Петербурге слушал частные лекции профессоров Куницына, Германа и Соловьева. В 1815 году поступил подпрапорщиком в Псковский пехотный полк и в том же году произведён в прапорщики; в 1817-м в подпоручики и переведён в лейб-гвардии Московский полк. В 1818 году поручик, в 1819-м штабс-капитан, в 1822-м капитан. В конце 1823 года произведён в полковники и переведён в лейб-гвардии Измайловский полк, в 1824 году в пехотный Бородинской полк. Весной следующего года он, без официального перевода, командует батальоном в Тарутинском полку (стоял в Подмосковье).

В 1824 году женился на графине Елизавете Петровне Коновницыной.

Приказ об аресте подписан 30 декабря 1825 года. Арестован в Москве, по-видимому 6 января, доставлен в Петербург 8 января, заключён в Петропавловскую

крепость[155].

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжные работы на 12 лет, срок сокращён до 7 лет.

Приметы: рост два аршина восемь с половиною вершков[156], лицо белое, круглое, глаза карие, нос широкий, остр, волосы на голове и бровях темно-русые, на бороде на левой стороне небольшая природная бородавка, и глазами близорук.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1833 году переведён на поселение в Курган Тобольской губернии. По высочайшему повелению в 1837 году отправлен рядовым в Кавказский корпус. В 1838 году произведён в унтер-офицеры, в 1840-м переименован в юнкера, в 1841-м в подпрапорщики; в 1843-м произведён за отличие в прапорщики. В 1844 году уволен от службы

---

[155] Примечания: 155

Любопытная деталь: содержался Нарышкин в нумере 16 куртины, расположенной между Трубецким и *Нарышкиным* бастионами (последний в те времена именовался бастионом Екатерины I).

[156] Примечания: 156

Примерно 180 см.

с обязательством безвыездно жить в селе Высокое Тульского уезда. В ноябре 1855 года освобождён от надзора, после амнистии 1856 года от всех ограничений.

Умер в Москве 2 января 1863 года.

По всему судя, в 1825 году готовилось назначение Михаила Нарышкина командиром Тарутинского полка — нечто вроде свадебного подарка.

В сентябре 1824 года Михаил Нарышкин вступил в брак с графиней Елизаветой Петровной Коновницыной, дочерью военного министра и сестрой известного нам подпоручика графа Петра Коновницына. Венчались в церкви села Кярова Гдовского уезда, в имении Коновницыных. Невеста была скромна, образованна, благочестива и вообще милейшее создание. Новобрачным предстояла, казалось, счастливая жизнь в достатке и взаимной любви.

Однако в 1818 году Михаил Нарышкин имел неосторожность вступить в Союз благоденствия. Дальнейшее его участие в тайных обществах заключалось в чтении Конституции Никиты Муравьёва, да ещё он принял в ряды заговорщиков своего однополчанина, графа Владимира Мусина-Пушкина. Последний, впрочем, вольнодумством

увлекался куда меньше, чем карточной игрой, что и спасло его от Сибири.

Тем не менее имя Нарышкина прозвучало на допросах вскоре после 14 декабря 1825 года.

Жена его Елизавета Петровна приехала в Читу летом 1827 года.

Из письма Елизаветы Нарышкиной сёстрам, сентябрь 1830 года (оригинал по-французски):

«Мы приехали сюда 23-го и уже третьего дня я с Михаилом в его тюрьме… Что мне рассказать вам о комнате, которую мы с ним занимаем? Она тёмная, сырая и её никак нельзя проветривать, что делает её не слишком подходящей для моего здоровья. Истинное чудо, что я ещё не совсем расхворалась и что до сих пор у меня только сильный кашель. Но Господь милостив, и я всецело на Него уповаю».

Александр Беляев, из воспоминаний о Петровском заводе:

«…Мы часто наслаждались пением дуэтов Марьи Николаевны Волконской с Елизаветой Петровной Нарышкиной, а иногда и скрипка Вадковского к ним присоединялась».

Из письма Петра Свистунова брату, Петровский завод, 1832 год (оригинал по-французски, писан рукою Екатерины Трубецкой):

«С особенным удовольствием я слушаю пение госпожи Нарышкиной. У неё контральто, напоминающее голос нашей Алины. Полагаю, что и ты испытывал на себе власть музыки, особенно когда музыка пробуждает в нашей душе дорогие нам воспоминания».

В Кургане, куда Нарышкин был определён на поселение, на имя Елизаветы Петровны был куплен дом над берегом Тобола, ставший местом встреч и своего рода клубом курганских ссыльнопоселенцев.

В 1837 году Нарышкин определен рядовым на Кавказ, через семь лет, дослужившись до прапорщика, он выйдет в отставку и будет обязан жить в селе Высокое Тульского уезда, испрашивая разрешение для каждой отлучки.

Всё же выезжать изредка разрешалось. Навестили супруги Нарышкины своих старинных друзей Фонвизиных в подмосковном Марьине. Это было уже незадолго до смерти Фонвизина.

Мария Францева о Михаиле и Елизавете Нарышкиных в 1853 году:

«В его благообразной старческой фигуре (он был в молодости очень красив собой) сияло что-то детское, мягкое. Приветливо-ласковое его обращение привлекало к нему невольно всех. Жена его,

Елизавета Петровна, имела самостоятельный характер: она хотя была и некрасива собой, но удивительно умное выражение лица заставляло не замечать этого; ум у неё был в высшей степени острый, игривый и восторженный; она всё подметит и ничего не пропустит без замечания».

В августе 1856-го по амнистии Михаил Нарышкин был освобождён от всех ограничений. В 1859 году ездил в Париж и на Юг Франции.

Жена пережила его на пять лет. Своих детей у супругов не было, но ещё в 1830 году, в Петровском заводе, Елизавета Петровна взяла на воспитание девочку Ульяну Чупятову, незаконно прижитую одной местной обывательницей. Они называли её Улинькой, а она их — бабушкой и дедушкой.

Из письма Михаила Нарышкина Елизавете Нарышкиной, 1837 год, Кавказ:

«Всех вас и Улиньку, моего друга, с Анисьюшкой[157] целую. Христос с вами. Лиза, друг мой, будь здорова и присылай портрет. Твой верный и благодарный друг М. Нарышкин».

---

[157] Примечания: 157

Анисья Мельникова, крепостная Коновницыных, сопровождавшая Елизавету Петровну в Сибири; в 1832 году получила вольную, но осталась в семье Нарышкиных.

Дело № 66

Никита Муравьёв — один из ключевых участников декабристской драмы. Он везде: в масонских ложах и вольнодумных союзах, в заговоре с северянами, в дружбе с южанами. Никита и его младший брат, кавалергард Александр, всегда вместе и совершенно не похожи друг на друга. Александр — милый мальчик, маменькин сынок; Никита — непоседа, беспокойная личность. Александр слушает, Никита увлекает за собой, вечно что-то придумывает. Главная придумка, решившая его собственную судьбу и судьбы близких, — Конституция. Как только называют его имя, тут же вспоминают Конституцию. Образ автора теряется, расплывается в её либеральном благолепии.

Никита Михайлович Муравьёв

Родился 9 сентября 1795 года в Петербурге.

Отец – Михаил Никитич Муравьёв,

литератор[158], сенатор, последние пять лет жизни был попечителем Московского университета, умер в 1807 году. Мать – Екатерина Фёдоровна, урождённая Колокольцова, дочь сенатора, наследница миллионного состояния[159]. Брат Александр, декабрист (см. дело № 41).

Получил домашнее образование, затем учился в Московском университете. В 1812 году в чине коллежского регистратора определён в департамент Министерства юстиции. Летом 1813 года зачислен прапорщиком свиты по квартирмейстерской части и командирован в армию. Участвовал в сражениях при Дрездене, Лейпциге, Гамбурге, за что награждён орденами Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени. В 1814 го-

---

[158] Примечания: 158

Стихотворец, сочинитель эклог, басен и «Опытов истории» (его считают предшественником Н. М. Карамзина). Заметим также, что в 1780–1790-х годах он преподавал русскую словесность и историю внукам Екатерины II Александру, будущему императору, и Константину, будущему цесаревичу.

[159] Примечания: 159

Её отец, Фёдор Михайлович Колокольцов, один из богатейших людей в России, в 1801 году был удостоен почему-то баронского титула (якобы Александр I пожаловал его бароном в минуту весёлого настроения, в ответ на дошедший до высочайшего слуха шёпот о желании честолюбивого старца непременно сделаться графом).

ду после завершения военных действий переведён в Гвардейский генеральный штаб, состоял при дежурном генерале Главного штаба в Вене, затем в Париже. По возвращении в Россию в 1816 году произведён в подпоручики, в 1818-м в поручики. В январе 1820 года уволен в отставку по прошению; через полтора года вновь вступил в службу в Гвардейский генеральный штаб. В 1823 году произведён в штабс-капитаны. Некоторое время служил в должности квартирмейстера 2-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (командир бригады – великий князь Николай Павлович). В 1825 году произведён в капитаны.

Масон ложи «Трёх добродетелей».

В 1823 году женился на Александре Григорьевне Чернышёвой; в браке родились шестеро детей.

Один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия и Северного общества; автор проекта конституции.

Арестован 20 декабря 1825 года в селе Тагино Орловской губернии, доставлен к московскому генерал-губернатору, затем

в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина шесть вершков и три четверти[160], лицо смугловатое, глаза карие, нос большой, продолговатый, волосы на голове и бровях чёрные с сединами, на шее подле подбородка от золотухи несколько шрамов.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1836 году прибыл на поселение в Урик близ Иркутска, где умер 28 апреля 1843 года.

Особняк в Петербурге на Фонтанке близ Аничкова моста, приобретённый Екатериной Фёдоровной Муравьёвой в 1814 году, — мемориальное место. Имена знаменитостей, живших или регулярно бывавших тут, составляют длинный список. Наездами квартировал племянник покойного Михаила Никитича поэт Константин Батюшков до своего прискорбнейшего сума-

---

[160] Примечания: 160
Примерно 172 см.

сшествия, пять лет жил великий Карамзин с семейством. Художники Орест Кипренский и Николай Уткин (сын барина, Михаила Никитича, и крепостной девушки) обитали и работали где-то там, в дальних закоулках дома… Когда повзрослеет Никита, он станет проводить здесь тайные собрания: двоюродный брат Мишель Лунин, Николай Тургенев, Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, Александр Николаевич Муравьёв — цвет вольнодумной знати. Пройдёт немного времени, оба сына Екатерины Фёдоровны угодят в Сибирь, невестка последует за мужем туда же; дом на Фонтанке опустеет и будет продан, хозяйка уедет в Москву…

До приобретения усадьбы на Фонтанке семья жила в Москве.

В июне 1812 года войско Бонапарта вторглось в пределы России.

Рассказывает Пётр Свистунов, видимо со слов самого Никиты Муравьёва:

«17-летний студент Московского университета неотступно просил у матушки своей Екатерины Фёдоровны позволения вступить в ряды защитников отечества. Нежно его любившая мать не могла решиться на такое пожертвование. Однажды докладывают ей, что сын её,

отлучившись из дому на рассвете, не возвращался. Посылают всюду его искать и не находят. б…с *Он в лёгком платье, с топографической картой в кармане, отправился пешком по Смоленской дороге в надежде добраться до какого-либо отряда нашего войска. Усталость и голод заставили его зайти в деревню отдохнуть. Он попросил хлеба и молока, за которые по неопытности вздумал расплатиться золотою монетою, что возбудило подозрения крестьян. Найденная у него карта как бы обличала его. Признали его за шпиона, связали ему руки и привезли в Москву.* б…с *Когда его привезли к графу Растопчину, тот с первых его слов признал в нём восторженного юношу и, радуясь такому порыву любви к отечеству, отослал его в родительский дом…»*

И все-таки восторженный юноша настоял на своём: летом следующего года направлен в действующую армию.

В Никите Муравьёве как будто жили два совершенно разных человека. Первый был хорошо известен родным и друзьям: нежнейший сын, бесконечно любящий супруг, образцовый отец, мягкий в общении, добрейшая душа… Словом, сокровищница человеческих добродетелей.

Николай Греч:

«…Благородный, образованный, добрый человек, несколько серьёзный и дикий… Он был мечтателем, фанатиком либерализма».

Другого увидел император Николай I на допросе в Зимнем дворце в ночь с 25 на 26 декабря 1825 года: действительно фанатика, заговорщика с младых ногтей, вовлекшего в омут тайных обществ множество неустойчивых душ.

Мы, глядя на портрет молодого штабного офицера, доверчиво воспринимаем первое его лицо, обращённое к нам вполоборота. Проникновенный, с искрою, взор, цыганский разлёт бровей, нежный овал лица, припухлые губы…

В феврале 1823 года сей чернобровый красавец-умница вступил в брак с Александрой Григорьевной Чернышёвой (сестрой будущего декабриста Захара Чернышёва). Молодая жена — очаровательное создание, тепличный цветок восемнадцати лет от роду. Никитушка нежно любит свою Бабасиньку[161], любовь приносит плод один за другим: весной 1824 года на свет появилась дочь Екатерина (Тото), через год сын Михаил (Коко). В конце 1825 года Александра Григорьевна снова на сносях, ждёт третьего ребёнка. В сен-

[161] Примечания: 161

Другие придуманные им прозвища для жены: «Сашарази», «птичка», «козочка-зайчик» или в одно слово «козазайчик».

тябре Никита берёт четырёхмесячный отпуск и вместе с женой уезжает в имение тестя Тагино, в Орловскую губернию. По дороге разлучается с ней на несколько недель, чтобы заехать по хозяйственным нуждам в нижегородское имение. Разлука, даже кратковременная, невыносима!

Из письма Никиты Муравьёва жене, 2 октября 1825 года:

«…Я сижу один в маленькой комнате за 800 вёрст от козочки-зайчика. Я хожу по комнате, а потом ложусь спать. Как только начинаю засыпать, я ищу мою Бабасиньку и не нахожу её… Я целую тебе, Бабасинька, ручки, ножки, губки, носик, ротик… Мне не терпится соединиться с тобой… Обнимаю детей. Я хочу вам привезти пряники из деревни графа Орлова…»

К семье в Тагино он приехал в начале ноября. Еще месяца полтора длилось счастье…

А 29 декабря он пишет жене, уже из Петербурга (оригинал по-французски):

«Мой добрый друг, помнишь ли ты, как в момент нашего расставания ты говорила мне: „Чего тебе бояться, ведь ты не сделал ничего дурного?“ Этот вопрос пронзил тогда моё сердце, и я не ответил на него. Увы! Да, мой ангел, я виновен — я один из вождей этого только что рас-

крытого общества. Я виновен перед тобой, так часто просившей меня не иметь от тебя никаких секретов, мне следовало бы быть добродетельным. Сколько раз за время нашего супружества я хотел раскрыть тебе роковую тайну. Данный мною обет молчания, а прежде всего ложный стыд скрыли от моих глаз всю жестокость и беспечность того, что я сделал, связав твою судьбу с судьбой преступника. Я являюсь причиной твоего несчастия и несчастия всей твоей семьи. Мне кажется, что я слышу, как все твои близкие проклинают меня. Мой ангел, припав к твоим ногам, умоляю тебя о прощении».

Это пишет другой Никита: масон с 1817 года, член ложи «Трёх добродетелей», главное же — один из основателей и деятельнейший участник всех антиправительственных обществ, возникших в России за десятилетие после Наполеоновских войн.

В Союзе спасения он если не основатель, то один из первых присоединившихся. И сразу — пропагандист представительного правления, певец конституционной монархии. Его увлекает именно схема власти, другие вопросы на втором плане: отмена крепостного права, верховенство закона, неприкосновенность личности и собственности

— это потом, это приложится, а первое и главное — Конституция при образцовом монархе, если же такового не случится — то при республике. Эту идею он проводит и в Союзе благоденствия. Там он опять на первых ролях: участвует в написании устава общества — «Зелёной книги», у него дома собираются наиболее рьяные мечтатели о всеобщем благе. Что уж говорить про Северное общество: он в числе его инициаторов. Он не сомневается в возможности и благотворности военного переворота. Образованная аристократия, гвардейское офицерство не только право имеет, но и обязано взять судьбу России в свои руки.

Он участвует в переговорах с южанами, с Пестелем. Взаимопонимания, правда, не получается. Пестель силён своей таинственной, до конца не разглашаемой «Русской правдой». В противовес ему Никита составляет и редактирует собственное священное писание под названием Конституция.

Конституция Никиты Муравьёва традиционно считается программным документом Северного общества. Отчасти это так: её читали и обсуждали идеологи заговора. Однако она, во-первых, от слова до слова списана с иностранных книг; а во-вторых, неприложима к российской действи-

тельности. Соперничая с Пестелем, «беспокойный Никита», пожалуй, перещеголял его если не в политическом радикализме, то в абстрактном схематизме своих либеральных мечтаний. Но, как и южный лидер, сумел заворожить соратников многозначительностью риторики; о его Конституции в кругах, близких к Северному обществу, говорили, таинственно понижая голос…

Сумрачным вечером 20 декабря 1825 года в селе Тагино на дороге, ведущей к барской усадьбе, послышался тревожный звон колокольчика. Тройка подбежала к крыльцу, из саней вышел осанистый офицер…

Не будем описывать последовавшую сцену. Гром грянул. 23 декабря Никита был препровождён в Москву, в дом генерал-губернатора. Оттуда доставлен в Петербург в ночь с 25 на 26 декабря.

«Бабасинька» поехала за мужем в Сибирь. Она стала второй из жен декабристов, после Екатерины Трубецкой, решившихся на этот шаг. Троих детей[162], мал мала меньше, ей пришлось оставить на попечение родственников. Вряд ли, уезжая, она думала, что не увидит их никогда… А может быть, знала — прозорливость приходит

---

[162] Примечания: 162
Дочь Елизавета родилась после ареста Никиты.

в беде. Насколько безоблачной была её жизнь до того мига, когда в декабрьской мгле скрылся фельдъегерский возок, увозивший мужа, настолько мрачным оказалось всё, что последовало далее.

Жёны декабристов, отправившиеся в Сибирь, попали в иную реальность, о существовании которой дотоле даже не подозревали. Проще других было француженкам, Ивашевой и особенно Анненковой: они привыкли самостоятельно прокладывать себе путь в суровом мире, и Сибирь была для них всего лишь дальним углом той же непростой, но пригодной для жизни России. Катерину Трубецкую в Сибири спасало вожделенное материнство, Фонвизиной помогал выживать неукротимый темперамент. Бедная Александрин Муравьёва, хрупкое создание, оказалась один на один со всеми мыслимыми бедами. Забайкальские морозы, отсутствие привычной прислуги, приставания пьяного надзирателя — с этим можно справиться терпением и молитвой. Рождение дочери Софьи (по-домашнему прозванной Нонушкою) в 1829 году — последний луч света в её жизни. Одно за другим доходят из дому чёрные вести: о смерти двухлетнего сына, о смерти отца, о состоянии старшей дочери, у которой

всё заметнее признаки умственного расстройства. Родившиеся после Нонушки две девочки похоронены одна за другой. В 1832 году, бегая на октябрьском ветру из дома в тюрьму, от дочери к мужу и обратно, Александрин простудилась, слегла и через неделю скончалась.

Друзья по каторге рассказывали, что Никита, когда это случилось, поседел за одну ночь. Впрочем, декабристы, как нам известно, большие мастера описывать жизнь романными красками.

В 1836 году Никита Михайлович был переведён на поселение и обосновался вместе с Нонушкой, братом Александром и доктором Вольфом в селе Урик близ Иркутска. В деньгах они не нуждались, выстроили неплохой дом, занялись хозяйством.

Из воспоминаний местных жителей:

«Никита Михайлович всегда ходил по полевым работам пешком, с тросточкой. Оба брата были чрезвычайно набожны, церковь посещали неупустительно. На местной церкви вместо деревянной кровли сделали железную… Обсадили церковную ограду тополями… б…с *Сад развели большой, в который крестьяне возили всякие сибирские деревья, а тополи из-за Ангары и Иркута за хорошую цену.* б…с *На Пасхе собирались к*

ним все деревенские молодые люди качаться на качелях и играть в разные игры…»

Родственники отправили Нонушке из Петербурга гувернантку, Каролину Карловну Кузьмину. Надо сказать, впоследствии Нонушка, Софья Никитична Бибикова, не вспомнит свою мадам добрым словом. Ходили слухи, что Каролина была влюблена в Никиту и мечтала женить его на себе. Это у неё, однако, не получилось; больше повезло её племяннице Жозефине, которая, как мы знаем, вышла-таки замуж за покладистого Александра Михайловича.

Каролине Карловне пришлось покинуть дом Муравьёвых и уехать в Петербург, но она не сложила оружие.

Из письма декабриста Михаила Спиридова Ивану Пущину, 4 апреля 1841 года:

«Муравьёвы, узнав, что mad.[163] *Кузьмина приехала с купцом Кузнецовым в Иркутск, дали ей знать, что они не хотят ни под каким предлогом видеть её. Однако Каролина Карловна… приезжает в Урик прямо к дому Муравьёва — входит в комнаты: Александр начинает ругаться самыми неприличными выражениями, а жена его, не*

---

[163] Примечания: 163
Мадам *(фр.)*.

взглянув на тётку, уходит в другую комнату, между тем Каролина Карловна следует к Никите, который по обыкновению начинает жаться к стене, Александр продолжает ругаться, приказывает не распрягать лошадей, приказывает выбросить вынутые вещи из повозки, словом, он в полном ходу неистовства! б…с *Наконец, Каролина Карловна должна была, обруганная, выгнанная… отправиться обратно… Зачем Кузьмина без приглашения Муравьёва… приехала обратно из Петербурга? Некоторые, зная её знакомство и доступ до двора, подозревают, не имеет ли она шпионских поручений».*

Никита Муравьёв умер в Урике 28 апреля 1843 года в том же возрасте, что и Александр I: не дожив до 48 лет. Незадолго до смерти он сжёг свои бумаги, среди которых были, вероятно, черновики воспоминаний и письма милой Бабасиньки. Каролина Карловна куда-то сгинула: по версии из поздних рассказов Нонушки, отравилась; в действительности в 1845 году была назначена начальницей Иркутского института благородных девиц (правда, второе не исключает первое). Тринадцатилетней Нонушке наконец дозволили отправиться к бабушке в столицу; её определили в императорский Екатерининский

институт под фамилией Никитина. Ей суждено было прожить не слишком долгую и не особенно счастливую жизнь, похоронить мужа и детей… Но это уже другие времена, другие судьбы.

Post scriptum

Предписание коменданта Нерчинских рудников генерал-лейтенанта Лепарского от 20 июня 1836 года управляющему Петровским заводом горному инженеру штабс-капитану Арсеньеву:

«Государственный преступник Никита Муравьёв при отъезде его отсель объявил мне, что он ставил над гробом покойной жены его образ Христа Спасителя, писанный на кипарисе в сребренной ризе покрытой золотом, ценою в триста рублей; почему дабы оный не мог утеряться, я прошу вашего благородия приказать записать его в церковную опись, и меня о последующем уведомить. Генерал лейтенант Лепарский 1-й».

Дело № 67

Никита Муравьёв, возможно, не покинул бы так рано свою горячо любимую дочь, если бы ещё одна печальная история не ускорила его кончину. 27 марта 1841 года в Урике был арестован его двоюродный брат и товарищ по ссылке Михаил Лунин. Из всех осуждённых Верховным

уголовным судом он единственный, кто угодил в тюрьму вторично, после выхода на поселение. Там, в Акатуйской тюрьме, Лунин и погибнет, — правда, Никита уже не узнает об этом.

Тут особенно удивляться нечему: не такой Лунин человек, чтобы умереть в своей постели.

Из записок Николая Николаевича Муравьёва (Муравьёва-Карского):

«Лунин умён, но нрава сварливого (bretteur)[164]*. В Петербурге не было поединка, в котором бы он не участвовал, и сам несколько раз стрелялся».*

Пётр Свистунов о Лунине:

«В нём проявлялась та особенность, что ощущение опасности было для него наслаждением».

«В Сибири… один отправлялся в лес на волков то с ружьём, то с одним кинжалом и с утра до поздней ночи наслаждался ощущением опасности, заключающейся в недоброй встрече или с медведем, или с беглыми каторжниками».

Михаил Сергеевич Лунин

Из православного вероисповедания перешёл в римско-католическое.

Родился в 1787 году в Петербурге; по

---

[164] Примечания: 164
Бретёр, забияка *(фр.).*

семейному преданию – 18 декабря, по данным метрической книги – 29 декабря.

Отец – Сергей Михайлович Лунин, действительный статский советник, умер в 1817 году, оставив сыну в наследство около 1000 душ в Тамбовской и Саратовской губерниях. Мать – Феодосия Никитична Муравьёва, родная тётка декабристов Никиты и Александра Муравьёвых, скончалась в 1792 году. Младший брат Никита, погиб в 1805 году; сестра Екатерина, в замужестве Уварова.

Получил домашнее образование. В 1803 году вступил в службу юнкером в лейб-гвардии Егерский полк. В 1805 году переведён в лейб-гвардии Кавалергардский полк, произведён в корнеты. Участник войны 1805–1807 годов. В 1807 году за сражение при Гейльсберге награждён орденом Святой Анны 3-й степени[165]; в конце того же года произведён в поручики, в 1810 году в штабс-ротмистры. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов. В 1813 году про-

[165] Примечания: 165

С 1815 года эта низшая степень ордена Святой Анны стала именоваться 4-й.

изведён в ротмистры, в 1815 году вышел в отставку. В 1822 году вернулся на службу ротмистром Польского уланского полка, в 1824 году переведён в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, с назначением состоять при великом князе Константине Павловиче, в декабре 1825 года состоял в чине подполковника.

Масон ложи «Трёх добродетелей».

Арестован 9 апреля 1826 года в Варшаве; доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина $8^5/_8$ вершка[166], лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос средний, волосы на голове и бровях темно-русые.

Был заключён в Свеаборгскую крепость, оттуда в 1827 году переведён в Выборгскую крепость, в 1828 году отправлен в Читинский острог, в 1830 году в Петровский завод. С 1836 года жил на поселении

[166] Примечания: 166
Примерно 180 см.

в Урике Иркутской губернии. Арестован 27 марта 1841 года за публицистическое сочинение, отправлен в Акатуйский тюремный замок при Нерчинских горных заводах.

Умер 3 декабря 1845 года.

Может быть, раннее сиротство причиной тому, что Мишель вырос настоящим enfant terrible?[167]

Воспитание и образование Лунина — наглядный пример того, как в тогдашней «передовой» дворянской среде «все учились понемногу», а также и того, что учили все понемногу. Учителя Михаила Лунина — англичанин Форстер, три француза (Бюте, Картье и аббат Вовилье), франко-швейцарец Малерб и швед Кирулф — словом, «интернационал». Кто они и по какой части специалисты — неизвестно, известно только, что один из французов — иезуит. Но степень учёности не важна, ведь для дворянского мальчика ученье — ступень на пути к военной карьере.

Лунин принят юнкером в лейб-гвардии Егерский полк, когда ему не исполнилось ещё и

---

[167] Примечания: 167
Ужасное дитя *(фр.)*.

шестнадцати. В 1805 году он уже корнет лейб-гвардии Кавалергардского полка. Как раз в это время русская императорская гвардия во главе с самим государем бодро маршировала по дорогам Чехии навстречу аустерлицкой катастрофе. Марш кавалергардов завершился на поле битвы при Аустерлице знаменитой атакой у Раусницкого ручья, прославившей полк, но не спасшей армию и государя от тяжкого поражения. Как именно корнет Лунин участвовал в этой атаке, мы не знаем, во всяком случае, остался в живых, — а вот его брат Никита погиб, не дожив до 17 лет.

Мишель же продолжал странствия по военным дорогам. В кампанию 1805–1807 годов его шпагу украсил крест ордена Святой Анны. В 1812 году он участвует во всех сражениях, где действуют кавалергарды: в Смоленском, Бородинском, Тарутинском, Малоярославецком, Красненском… Но наградами не отмечен. Видимо, слишком непокорен, bretteur, с начальством не ладил. Смелости-то ему было не занимать, как и авантюрного духа.

Николай Муравьёв:

«Он… просил, чтобы его послали парламентёром к Наполеону с тем, чтобы, подавая бумаги императору французов, всадить ему в бок кин-

жал. Он даже показывал мне кривой кинжал, который у него на этот предмет хранился под изголовьем».

В январе 1813 года произведён в ротмистры. Русская армия уже продвигалась по Европе. С нею дошёл до Парижа. Кавалергардский полк вернулся в Петербург одним из первых, в октябре 1814 года, и Лунин с ним. Но в мирное время служба не клеится: через год, в конце 1815-го уволен в отставку.

Вообще-то, надёжных сведений о жизни и службе Лунина мало. То ли был награждён золотым оружием, то ли не был. То ли по своей воле вышел в отставку, то ли вынужденно, за дуэль. Зато колоритных историй сколько угодно, хоть поэму пиши в байроническом духе.

Вот некоторые из тех, что составляют неподражаемую «Лунииниану».

Лунин в Петербурге, на пари, ночью, меняет вывески модных петербургских лавок. Утром почтенный господин заходит к табачнику за сигарой и оказывается в магазине дамского белья, а модница — в овощной лавке.

Лунин с Волконским (тоже кавалергардом) квартируют на окраине Петербурга, на Чёрной речке. Там любит прогуливаться приличная

публика. Как не подшутить над ней? Вот они и завели пару медведей, да свору злющих собак, и пугают обывателей (а наипаче обывательниц).

Как раз перед тем был заключён Тильзитский мир. Наполеон из врага и узурпатора превратился в друга-союзника, дворянство возмущено, армия ропщет. Лунин выбирает самого страхолюдного пса из той своры, обучает его по команде «Бонапарт!» кинуться на прохожего и стащить с него шляпу. «Мы этим часто забавлялись, к крайнему неудовольствию прохожих», — напишет потом Волконский в воспоминаниях.

Однажды офицеры целой ватагой залезли на дерево под окнами какой-то красотки и ну вопить при всём честном народе шутовскую серенаду. Один из них, конечно, Лунин.

Похожая сцена — у Каменноостровского дворца, где живёт нелюбимая супругом императрица Елизавета Алексеевна. На сей раз кавалергарды, средь коих заводила Лунин, подплывают к дворцу белой ночью на лодке и поют во всё горло песнь любви императрице. Дворцовая охрана на большом катере пускается за ними в погоню, но смельчаки благополучно удирают по мелководью.

Лунин на балконе третьего этажа беседует

с красавицей Валевской (той самой, к которой безуспешно сватался Пестель). Она сетует, что нет нынче рыцарей, никто не бросится в пропасть по велению прекрасной дамы. Лунин тут же перемахивает через перила и прыгает вниз. К счастью, улица была не мощена (дело происходило в Одессе), и Лунин, угодив в грязь, не расшибся.

Лето, жарко. Кавалергарды в лагерях близ Петергофа. Полковой командир запретил офицерам купаться в пруду близ дороги, дабы не смущать проезжающих дам. Тогда Лунин, на глазах у начальства, лезет в воду в полном обмундировании.

Лунин едва-едва не вызывает на дуэль наследника престола цесаревича Константина Павловича после неосторожных слов последнего о готовности дать сатисфакцию любому недовольному им офицеру. «Не могу не воспользоваться такой честью», — говорит Лунин. Наследнику приходится выкручиваться из неловкой ситуации.

Следующую историю рассказал бывший кавалергард Пётр Свистунов, на правдивость которого, как мы знаем, можно положиться:

«Кто-то из молодёжи заметил шуткой Михаилу Сергеевичу, что А. Ф. Орлов ни с кем ещё не дрался на дуэли. Лунин тотчас же предложил Ор-

лову доставить ему случай испытать новое для него ощущение. б…с *От вызова, хотя и шутливой формой прикрытого, нельзя было отказаться. Орлов досадовал. Лунин сохранял свою беспечную весёлость и как испытанный в поединках наставлял своего противника и проповедовал ему хладнокровие. А. Ф. Орлов дал промах. М. С. выстрелил на воздух, предлагая А. Ф. попытаться другой раз… Вторая пуля прострелила М. С. шляпу; он опять выстрелил на воздух, продолжая шутить… Тут Михаил Фёдорович, секундант своего брата, уговорил его прекратить неравный бой».*

В этой новелле примечательно то, что Михаил Орлов в будущем один из главных участников Южного общества, а Алексей, его брат, также в будущем — начальник Третьего отделения и шеф жандармов.

К сказанному о Лунине Свистунов добавляет две характеристические детали:

«Раз в Петербурге… к нему подошёл человек, прилично одетый, прося у него на бедность. Он тотчас ему отдал свой бумажник».

«Он не выказывал ни печали, ни гнева, ни любви и даже осмеивал заявление нежных чувств, признавая их малодушием или притворством».

Герой романа! Сильвио, Печорин и Ставрогин в одном лице.

Выйдя в отставку, Лунин уехал в Париж. О его жизни за границей тоже слагались легенды.

Якобы он, не получая от отца ни копейки, живёт в крайней бедности, снимает мансарду у молодой, но прижимистой вдовы; его соседи — нищие художники и вечно голодные студенты. Он зарабатывает себе на хлеб, трудясь писарем на рынке, обучая бедняцких детей арифметике и французской грамоте. Ночами сочиняет роман о Лжедмитрии, а в свободное время общается с карбонариями, сводит знакомство с социалистом Сен-Симоном, строит планы отъезда в Южную Америку, в армию Боливара. Вдруг — известие о смерти отца; прямо в мансарду к Лунину является банкир Лафитт и вручает бумаги на наследство в сто тысяч франков. Хозяйка тут же влюбляется в «князя Мишеля», а он, закатив пир на весь мир, щедро одарив хозяйку и соседей, уезжает в Россию.

Что тут правда, что вымысел — разбирайся кто хочет. Но наследником солидного состояния после смерти отца он действительно сделался в 1817 году и тогда же вернулся на родину. Примерно в это время Лунин вступает в тайные

общества. Он — масон, член ложи «Трёх добродетелей». Союз спасения и Союз благоденствия не могут обойтись без его участия. И вот, на одной из сходок Лунин высказал идею, которая обеспечила ему каторжный приговор.

Государь часто ездит из Петербурга в Царское Село. Нетрудно, устроив засаду в придорожных кустах, напасть на него и прикончить. Для этого нужны только маски, плащи, кинжалы и отряд отважных — их-то Лунин и назвал «la cohorte perdue», пропащая когорта.

Нелепость? Чепуха? А с точки зрения декабристов — героический план действий. Не то важно, что он не осуществился и не мог осуществиться, как и идея заколоть Наполеона. Важно, что это высказано. «Думы» Рылеева тоже о том, что неосуществимо, чего не бывает в реальности.

Лунин, как и многие декабристы, как будто существует в двух измерениях: презренная низкая реальность, о которой и говорить-то не стоит, и героическое высокое, куда устремлены все его помыслы.

Но высоты достигаются на государевой службе. Цесаревич, сам не чуждый рыцарского бретёрства, помнит отчаянного шутника Мишеля и приглашает в недавно созданный Литовский

корпус. В январе 1822 года Лунин зачислен ротмистром в Польский уланский полк, квартирующий близ Слуцка. В 1824 году он уже в Варшаве, назначен состоять при его высочестве Константине Павловиче, в чине подполковника Гродненского гусарского полка.

Декабрьские вихри захватили его не сразу, хотя имя Лунина звучало на допросах. Утверждают, что его аресту долго противился цесаревич Константин Павлович, он даже уговаривал Лунина бежать за границу, пока есть время, но услышал в ответ спокойный отказ. Первые свои показания Лунин дал 24 марта 1826 года в виде ответов на вопросные пункты, присланные в Варшаву. И после этого высокое покровительство сдерживало удар. Лишь 9 апреля по настоятельному требованию из Петербурга подполковник Лунин был арестован и через неделю доставлен в Петропавловскую крепость.

Следственное дело Лунина короткое: всего 27 листов. Ответы на вопросы лапидарны и порой вызывающе решительны. «Я никем не был принят в число членов тайного общества; но сам присоединился к оному»; «Основателей же оного я не могу назвать, ибо это против моей совести и правил». И наконец: «Свободный образ мыс-

лей образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить».

Суровый приговор был неизбежен.

Через десять лет тюрем и каторги обращён на поселение в Урике — там же, где и братья Муравьёвы. В деньгах не нуждался, сестра присылала достаточно. Построил дом. Написал «Письма из Сибири» и ещё ряд сочинений. С «Писем» началась для него вторая волна неприятностей.

«Письма из Сибири» — по форме как бы к сестре, Екатерине Сергеевне Уваровой, а на самом деле это политическая публицистика. К эпистолярному жанру они имеют такое же отношение, как и несколько ранее появившиеся «Философические письма» отставного ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка Петра Чаадаева. Там и там речь идёт о России, о её прошлом, настоящем и будущем. Там и там много плодотворных наблюдений и дельных мыслей. Лейб-гусар более возвышен, теоретичен; кавалергард практичнее. Лейб-гусар взирает с западных высот, кавалергард выглядывает с востока, из недр Сибири. Оба выдающихся творения написаны по-французски. Беда в том, что их авторы умели по-русски командовать эскадронами и разговаривать с крепостными, но мыслили по-французски. Не то чтобы они не

знали Россию — знали по служебным и хозяйственным делам неплохо. Но правды сказать о ней не могли, потому что русское «ничего» и «давай» не переводится на французский. В отличие от Чаадаева, Лунин сам себя пересказал по-русски. Получилось не совсем плохо, но сразу видно — перевод: «Судьба моя, возмущенная бурями, обратилась в постоянную борьбу с людьми и вещами», «Народное мнение движется быстро, когда его следят, но не управляют им», «Освобождение крестьян не представляет затруднений и опасностей, которые робкие или корыстолюбивые умы усиливаются выставлять», «Единственное оружие моё — мысль, то в ладу, то в несогласии с движением правительственным…». Тяжёлая русская речь тянет ко дну изящную французскую мысль.

Трудно сказать, каким способом предполагал Лунин публиковать свои сочинения. Как государственному преступнику ему была запрещена любого рода публичная деятельность, в том числе выступления в печати. Рассчитывал на распространение в списках? на печатание за границей? Разумеется, очень скоро «Письма» оказались на столе Бенкендорфа. Реакция сверху не заставила себя долго ждать. В октябре 1838-го Лунину запре-

тили вести всякую переписку. Через год, правда, разрешили. Ещё через год генерал-губернатору Восточной Сибири Руперту поступил донос от иркутского чиновника Успенского: к доносу прилагалось сочинение Лунина «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год».

«Власть, на всё дерзавшая, всего страшится. Общее движение её не что иное, как постепенное отступление под прикрытием корпуса жандармов перед духом т[айного] о[бщества], который охватывает её со всех сторон. Отделались от людей, но не от их идей».

Тут Лунин прав, хотя выяснится это не сразу. Отступление власти продолжится ещё лет семьдесят, идеи тайных обществ будут реализованы в череде реформ разной степени либеральности, и всё закончится революционной катастрофой, которая уничтожит потомство декабристов как класс.

Руперт, естественно, доложил по начальству. В ответ высочайше повелено сделать в доме Лунина обыск, всё, им написанное, отправить в Третье отделение, а самого автора — в строгое заключение.

Арестован 27 марта 1841-го в Урике, отвезён в Иркутск, оттуда в Акатуй, в тюрьму при Нерчин-

ских горных заводах. Четыре с половиной года его пребывания в Акатуйской тюрьме покрыты мраком неизвестности. Умер в Акатуе в ночь на 3 декабря 1845 года при невыясненных обстоятельствах.

Пётр Свистунов о Лунине:

«Он был того мнения, что настоящее житейское поприще наше началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили».

Николай Басаргин:

«Он, по своему оригинальному характеру, уму, образованию и некоторой опытности, приобретённой в высшем обществе, был человек очень замечательный и очень приятный… Мы с любопытством слушали его рассказы о закулисных событиях прошедшего царствования…»

Дело № 68

Николай Васильевич Басаргин

Вероисповедание православное.

Родился в 1799 или 1800 году в деревне Липна (Липня, Липки) Владимирской губернии.

Отец – Василий Иванович Басаргин, майор, за ним числились 56 душ крепост-

ных в Покровском уезде Владимирской губернии и небольшое имение в Венёвском уезде Тульской губернии, умер в 1822 году. Мать – Екатерина Карловна, урождённая Бланк, дочь известного московского архитектора, умерла в 1815 году. Братья Александр и Иван.

Получил домашнее образование, затем поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых, из которого выпущен прапорщиком квартирмейстерской части в 1819 году (вместе с Николаем Крюковым, братьями Бобрищевыми-Пушкиными, Иваном Аврамовым – будущими членами Южного общества). Оставлен при училище на год для преподавания математики. В 1820 году откомандирован в главную квартиру 2-й армии в Тульчин. В 1821 году за отличие по службе произведен в подпоручики. В том же году причислен к 31-му егерскому полку в чине поручика и назначен адъютантом начальника штаба 2-й армии генерал-майора П. Д. Киселёва. В 1822 году зачислен в лейб-гвардии Егерский полк с оставлением в прежней должности. В

1825 году – старший адъютант штаба 2-й армии.

Состоял в Союзе благоденствия и Южном обществе.

В сентябре 1824 года женился на княжне Марии Михайловне Мещерской (умерла в августе 1825 года).

Приказ об аресте подписан 30 декабря 1825 года, арестован в Тульчине. Доставлен в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжные работы на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина восемь вершков[168], лицо белое, рябоватое, глаза карие, нос небольшой, продолговат, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1836 году прибыл на поселение в Туринск Тобольской губернии.

В 1839 году женился на Марии Елисеевне Мавриной (умерла в 1846 году).

---

[168] Примечания: 168
Примерно 178 см.

В 1842 году переведён в Курган; в 1846 году вступил в гражданскую службу, дослужился до коллежского регистратора.

В 1847 году женился на Ольге Ивановне Медведевой (урождённой Менделеевой).

После амнистии 1856 года вернулся в Европейскую Россию, приобрел имение Вареево в Покровском уезде Владимирской губернии.

Умер в Москве 3 февраля 1861 года.

Николай Басаргин женился по любви на бесприданнице княжне Марии Мещерской. Дочь Софья родилась у них в июле 1825 года, а через месяц, в августе, от некой скоротечной болезни молодая мать умерла, и Николай Васильевич остался вдовцом.

Из воспоминаний Николая Басаргина:

«Весь сентябрь я был болен: у меня отнялись ноги. В октябре же взял отпуск… По окончании отпуска, в декабре месяце… на дороге к Москве, в Богородске, остановясь на несколько минут у одного родственника своего, я узнал, совсем неожиданно, о кончине императора Александра».

Известия о декабрьских событиях в Петербур-

ге настигли Басаргина в Могилёве, по дороге в Тульчин.

Из воспоминаний Басаргина:

«Это было в самое Рождество Христово… Старики-генералы ужасались, бранили мятежников, превозносили нового государя. Молодёжь молчала и значительно переглядывалась между собою. Я заметил в некоторых симпатию к побеждённым. Впоследствии оказалось, что между ними было несколько членов нашего общества».

Перед женитьбой Басаргин поведал своей невесте тайну. Уже несколько лет он состоял членом антиправительственных обществ: Союза благоденствия и Южного общества.

Прибыл к Киселёву в Тульчин 28 декабря. В это самое время в 250 верстах к северо-востоку от Тульчина, близ Василькова, разгорался огонь мятежа Черниговского полка. Приказ об аресте Басаргина последовал 30 декабря. 6 января отправлен с жандармским унтер-офицером в Петербург, куда доставлен 14 января.

Из показаний Николая Басаргина, январь–март 1826 года:

«Я никакому тайному обществу не принадлежал, но в 1819 году или 1820 в Москве дал согласие быть в масонской ложе, о коей мне говорил чи-

новник, живший в Москве, Бруннер. С тех пор я об оной не слыхал и ничего не знал».

Из заключения по делу Басаргина:

«Полковник Пестель показывает: 1) что Басаргин знал о положении Коренной думы в 1820 году ввести в России республиканское правление и не противоречил; 2) что в 1821 году был на совещании в Тульчине при возобновлении общества, причём единодушно подтверждено продолжение вышеозначенной цели; 3) что в то же время одобрен решительный революционный способ действия с упразднением престола и в случае крайности с изведением тех лиц, кои представят в себе непреодолимые препоны; 4) что Басаргин вместе с прочими разделял цель сию и способы достижения оной. Басаргин, не допуская до очной ставки с Пестелем, согласился с вышеприведённым его показанием. Бездействие Басаргина по обществу с 1822 года подтверждают князь Волконский и Ивашев».

Итак, не противоречил республиканским планам, одобрял революцию и «изведение» противников, и хотя в последнее время бездействовал и раскаялся, был осужден по II разряду и приговорен к каторге. Его дочь Софья воспитывалась бабушкой, княгиней Мещерской; в Чите

Басаргин получит известие о смерти дочери.

Декабрист Александр Беляев о небольшом происшествии, бывшем во время перехода государственных преступников из Читы в Петровский завод:

«Буряты имеют страсть к шахматной игре, и на днёвках, около юрт, всегда составлялись шахматные партии… Некоторые из зайсанов играли с нами, и играли так хорошо, что один из наших лучших игроков, Николай Васильевич Басаргин, первую партию проиграл. Нужно было видеть общий восторг, когда буряты увидели своего победителем. Впрочем, торжество их продолжалось недолго. Басаргин… когда увидал силу своего противника, то защипал свой ус — это была его привычка — и, конечно, сделал ему мат».

С 1836 года жил на поселении в Туринске. Получил 30 десятин земли — завёл хозяйство, а через три года женился.

Из писем Ивана Пущина Евгению Оболенскому, 23 октября 1839 года:

«Басаргин с августа месяца семьянин: женился на девушке 18 лет — Марье Алексеевне[169] *Мавриной, дочери служившего здесь офицера ин-*

---

[169] Примечания: 169
Ошибка Пущина: жену Басаргина звали Марья Елисеевна.

валидной команды. б…с *Она его любит, уважает, а он надеется сделать счастие молодой своей жены…»*

1 декабря 1839 года:

«Басаргин в полном смысле хозяин. Завёлся маленьким домиком и дела ведёт порядком: всё есть и всё как должно».

И вновь счастливый брак омрачён горем: сыновья-погодки, родившиеся в 1840 и 1841 годах, умерли один за другим. В 1842 году Басаргин с супругой перебрался в Курган. Семейная драма получила там продолжение: скорбя о детях, Марья Елисеевна пыталась было уйти в монастырь; правда, вскоре вернулась к мужу, но стала хворать. В 1846 году Басаргин овдовел вторично. В том же году ему было разрешено вступить в гражданскую службу канцелярским служителем в Омске, куда по воле генерал-губернатора князя Петра Горчакова были переведены из Тобольска губернские учреждения.

В Омске, на пороге пятидесятилетия, вновь поманило его семейное счастье. Говорят, несчастливцы притягиваются друг к другу. Басаргин познакомился с тридцатитрёхлетней вдовой Ольгой Ивановной Медведевой, и вскоре они поженились. Читателю небезынтересно узнать,

что девичья фамилия Ольги Ивановны — Менделеева: да-да, родная сестра того самого Дмитрия Менделеева. (Басаргин не узнает о грядущей славе своего шурина: тот младше сестры на 20 лет и не скоро ещё станет светилом науки.) Супруги взяли на воспитание дочь недавно умершего декабриста Николая Мозгалевского Полиньку; впоследствии она выйдет замуж за другого брата приёмной матери, Павла Менделеева.

После амнистии, в 1857 году, Басаргин с семейством выехал в Европейскую Россию. На пороге старости посетил дорогие сердцу места.

Из «Журнала» (дневниковых записей) Басаргина, о поездке в Тульчин в 1857 году:

«Хотя на старом кладбище осталось только несколько холмиков и два-три разрушившихся памятника, но я сейчас же отыскал могилу жены и дочери… Памятник её был разрушен, тополи, которые были тогда посажены, не существовали. Скот ходил свободно по обросшему травою лугу… Могилы жены моей и младенца-дочери я на другой же день приказал поправить и уложить дёрном, чтобы защитить, сколько можно, от бродящего скота».

Первое время по возвращении жил в Смоленской губернии у родственника, полковника

Андрея Барышникова, потом на родине, во Владимирской губернии, где приобрёл именьице Вареево. Писал статьи и мемуары. Частенько бывал в Москве, где и умер — за две недели до подписания императорского манифеста об освобождении крестьян.

Дело № 69

Список декабристов, которые в ходе следствия или после приговора повредились рассудком, прискорбно длинен: Булатов, Пётр Бестужев, Горожанский, князь Шаховской, Николай Бобрищев-Пушкин, Андрей Борисов, Ентальцев, возможно Батеньков, вероятно Враницкий… Но, похоже, среди участников движения был ещё один, чьё безумие начало развиваться задолго до декабрьских событий и кого при этом никто не почитал за сумасшедшего. Просто удивлялись странному его характеру. Между тем чтение многочисленных сочинений Дмитрия Завалишина (преимущественно мемуарного содержания) не оставляет сомнений в том, что он с юных лет страдал манией величия.

Странный вообще человек. Маленького роста, сероглазый, с детским личиком, которое за время каторги дополнилось длинной, как будто

приклеенной бородой, и главное — страшно неуживчивый. Трудно назвать того, с кем он не поссорился и кого не обвинил во всех смертных грехах в своих сочинениях.

В эпопее декабристов он занимает особенное место. Кое-кто из товарищей по каторге вовсе не признавал за ним право именоваться декабристом — например, Пётр Свистунов. Трудно сказать, был ли Завалишин участником какого-либо тайного общества и заговора, — вернее всего, он был основателем и единственным членом собственного тайного общества, вождём и единственным участником собственного — всемирного — заговора.

Дмитрий Иринархович Завалишин
Православный.
Родился 13 июня 1804 года в Астрахани.
Отец – Иринарх Иванович Завалишин, генерал-майор, умер в 1821 году. Мать – Мария Никитична, урождённая Черняева, умерла в 1810 году[170]. Ма-

[170] Примечания: 170

У неё был младший брат Григорий, его сын Михаил (двоюродный брат Завалишина) станет генералом, прославится в 1865 году взятием Ташкента, побывает в роли главнокомандующего Сербской армией в неудачной войне с турками и завершит свою карьеру генерал-губернатором Туркестана.

чеха – Надежда Львовна, урождённая Толстая[171]. Братья: Николай (мореплаватель), Александр, Ипполит. Сёстры: Екатерина, Надежда.

Воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда определён в 1816 году гардемарином. В 1819 году выпущен мичманом и после четырёхмесячного крейсирования по Финскому заливу оставлен при Кадетском корпусе[172]. В 1822–1824 годах находился в кругосветном плавании на фрегате «Крейсер». Предпринял попытку создать организацию «Орден восстановления», о чем в 1822 году написал Александру I. В декабре 1824 года произведён в лейтенанты, в начале 1825 года

---

[171] Примечания: 171

Она — родная сестра Екатерины Львовны, жены надворного советника Ивана Тютчева; их сын Фёдор, дипломат и знаменитый поэт, приходится, таким образом, племянником мачехе Завалишина.

[172] Примечания: 172

Тут начинаются неясности: сам Завалишин в мемуарах пишет, что поразил всех своими успехами в математике и был поэтому в 16 лет назначен преподавать кадетам оный предмет. Однако его критики из числа декабристов ставят этот факт под сомнение, утверждая, что никто из их знакомых, учившихся или служивших в те годы в Корпусе, ни о каких лекциях Завалишина не ведал. В формулярном списке отмечено пребывание его по службе при Корпусе, но не указано, в какой должности. Несомненно, офицерский чин Завалишин получил очень рано, даже до достижения пятнадцатилетнего возраста (если, конечно, верна указанная дата рождения), что свидетельствует о его

незаурядной одарённости.

поступил в 8-й флотский экипаж.

В событиях 14 декабря 1825 года участия не принимал: находился в отпуске в Симбирске.

Приказ об аресте подписан 30 декабря 1825 года. Арестован в Симбирске, доставлен в Петербург, после допроса освобождён. Вновь арестован 2 марта 1826 года, содержался в Главном штабе, затем заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно; срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина четыре и одна восьмая вершка[173], лицо смугловатое, глаза серые, нос посредственный, туповат[174], волосы на голове и бровях темно-русые.

Каторгу отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1839 году обращен на поселение в Читу. В том же году

---

[173] Примечания: 173

Примерно 160,5 см.

[174] Примечания: 174

Опять пример блистательного тюремного стиля: не сразу поймёшь, кто туповат — нос или его владелец.

женился на Аполлинарии Семёновне Смольяниновой (умерла в 1847 году).

После амнистии 1856 года оставался в Чите, в 1863 году был выслан в Казань, затем жил в Москве. В 1871 году вторично женился – на Зинаиде Павловне Сергеевой.

Умер в Москве 5 февраля 1892 года.

Александр Беляев, из «Воспоминаний»:

«Это был молодой человек с необыкновенными способностями. Он отлично учился в Корпусе, отлично знал математику, а когда приехал в Петербург, он уже знал многие языки, изучив их во время плавания».

Об успешном начале службы говорит и назначение летом 1822 года на фрегат «Крейсер»: судно готовилось к далёкому и весьма ответственному плаванию, и отбор офицеров в команду был строгим. На «Крейсере» Завалишин принял участие в кругосветной экспедиции под командованием капитана 2-го ранга Михаила Лазарева (в этом же предприятии участвовал лейтенант Вишневский, в будущем декабрист), однако плавания не закончил: в мае 1824 года был отозван из Новоархангельска (ныне Ситка, США). Прибыл в

Петербург в ноябре того же года. Что было причиной отзыва? Конечно, не обошлось без конфликта с командой, но главное не это. По версии Завалишина, его призвал государь для личной встречи и обсуждения некоего важнейшего проекта. Всё дело в том, что ещё в начале плавания, в Англии, Завалишин составил некую секретную записку и отправил её императору Александру I. Речь в ней шла об учреждении всемирного сообщества под названием «Орден восстановления», цель которого — распространять всё хорошее и противостоять всему плохому.

Из «Записок» Завалишина:

«Свободное обсуждение дел в печати свободной страны (Англии. — *А. И.-Г.) открыло мне несомненно, что государь опять склонился в сторону ошибочной политики, поэтому я решился не медлить более… и написать ему на Веронский конгресс, требуя личного свидания и желая объяснить, что он не туда идёт и не туда ведёт Россию, куда следует. Я знал, что этот поступок мог стоить мне потери всей карьеры, может быть, и вечного заточения, если бы меня сочли за сумасшедшего, но в моём убеждении это была последняя минута, когда можно было остановить государя. К сожалению, письмо моё не заста-*

ло уже государя на конгрессе, и мне пришлось отправиться из Англии в поход далее. Тогда я решился воспользоваться по крайней мере этим случаем, чтобы устроить дело о присоединении Калифорнии».

Цитируемый фрагмент не оставляет сомнений в диагнозе. Восемнадцатилетний мичман, начитавшийся английских газет, точно знает, куда следует вести Россию, и пишет об этом сорокапятилетнему императору, заседающему на международном конгрессе, требуя немедленно призвать его в советники. В ожидании ответа он готов мимоходом разрешить второстепенный вопрос — о присоединении Калифорнии к российской короне. Мы не знаем, что именно подумал Александр I (сам, кстати, в прежние годы не чуждый глобальному прожектёрству), когда ознакомился с посланием, но принятое им решение вполне понятно: отозвать бойкого офицерика из экспедиции, пока не натворил чего, и держать под присмотром в Петербурге, наградив чином за усердие.

По прибытии в Петербург Завалишин около месяца ждал высочайшей аудиенции, но вместо неё получил два известия, одно радостное, другое не очень: он произведён в лейтенанты, но проект

«Ордена восстановления» государем расценен как неудобоисполнимый. В январе 1825 года лейтенант Завалишин получил назначение в 8-й флотский экипаж с предписанием «находиться при береге».

Не имея возможности реализовать проект во всемирном масштабе или хотя бы в масштабе Русской Калифорнии, Завалишин принялся искать сподвижников в Петербурге и вербовать их в свою секту. Имея прямое отношение к Русско-американской компании (экспедиция Лазарева финансировалась отчасти ею), беспокойный лейтенант не мог не вступить в контакт с Рылеевым. Последнего, как мы знаем, очень интересовали вольнодумные флотские офицеры. Независимо от того, был Завалишин принят Рылеевым в Северное общество или нет, он оказался дополнительным связующим звеном между заговорщиками и флотом.

Из следственного заключения:

«Показания на него по роду своему разделяются на 4 разряда: 1) действия Завалишина на Беляевых, Арбузова и Дивова и приуготовление их ко введению в России федеративного республиканского правления; 2) убеждение в необходимости истребления императорской фамилии; 3) известность

Завалишина о тайных обществах, их главнейших намерениях и предприятиях и времени исполнения оных; 4) Орден восстановления как средство к ниспровержению в России самодержавия…»

Не предвидя от судьбы подвоха, лейтенант испросил отпуск и в конце 1825 года отправился в родовое имение, в Симбирскую губернию. Там находился во время междуцарствия и декабрьских событий. Имя его было названо на допросах Дивовым, а затем и другими моряками.

В дальнейших действиях власти по отношению к Завалишину наблюдаются неуверенность и колебание. 30 декабря подписан приказ о его аресте; фельдъегерь мчится за ним в симбирскую глушь. 18 января он допрошен в Петербурге — и тут же освобождён. Два месяца спокойно служит начальником Модель-каморы — Морского музея, главою которого совсем недавно был Николай Бестужев. 3 марта вызван в Главный штаб и снова арестован. Месяц содержался там же, в Главном штабе, и лишь 4 апреля переведён в Петропавловскую крепость.

Немедленно пишет прошение на высочайшее имя, дабы «лично быть представленным его величеству для открытия всей истины и доказать неприкосновенность свою к какому-либо пре-

ступлению». Николай I, как и покойный брат его, уклонился от встречи с настойчивым преобразователем мира. Через председателя Следственного комитета Татищева и коменданта Сукина Завалишину было предписано, «если он действительно невинен… тем более желать, чтобы законным и подробным образом исследованы были все имеющиеся против него показания». От арестанта последовало новое прошение — сослать его в монастырь. В оном также отказано.

Следственное дело Завалишина — одно из самых объёмных среди дел декабристов. За три месяца оно распухло почти до двухсот листов — в семь раз больше, чем дело Лунина. Вопросные пункты, очные ставки, сличение показаний, два письма покойному императору, приобщённые к делу… Возникает впечатление, что сами следователи не могут понять, всерьёз ли это и надобно ли арестанта покарать или же, пожалев, отпустить на поруки доктора. Свидетельства о республиканском правлении и намерении истребить августейшую фамилию, независимо от степени их достоверности, перетянули чашу весов.

Свою роль в судьбе Дмитрия Завалишина сыграл и его младший брат, восемнадцатилетний юнкер Ипполит. Это вообще потрясающая лич-

ность — патологический доносчик. Много лет спустя один из его начальников, западно-сибирский генерал-губернатор Густав Гасфорт, подсчитает, что только за семь лет пребывания в Кургане ссыльнопоселенец Ипполит Завалишин подал по инстанциям 183 доноса и кляузы. Интересно, что доносил он не только на врагов, но и на друзей, благодетелей и даже на родных. Вероятно, первой пробой пера стал его донос на брата Дмитрия — развёрнутый опус, который он не затруднился лично вручить Николаю I, когда тот прогуливался в Елагином парке. В бумаге было написано, что брат Дмитрий — государственный изменник и получает огромные деньги от иностранных держав для осуществления переворота в России[175].

В результате Дмитрий Завалишин оказался в Сибири.

С товарищами по каторге отношения у Завалишина по понятным причинам не сложились. Отзывы о нём делятся на две группы: отчуждённо-удивлённые и откровенно неприязненные.

---

[175] Примечания: 175

Дальнейшая история Ипполита Завалишина весьма интересна и поучительна, но выходит за рамки нашей книги. Укажем только, что последующие полвека он провёл в солдатах, на каторге и в ссылке и при этом всюду раскрывал несуществующие заговоры и изощрялся в доносах.

Александр Бестужев, из показаний на следствии:

«Флота лейтенант Завалишин — бойкая особа, но чересчур с заносчивым воображением».

Александр Фролов, Пётр Свистунов, из статьи «Воспоминания по поводу статей Завалишина»:

«Д. И. Завалишин с нами не обедал (пищу его составляли кедровые орехи по преимуществу), а гулял на том же дворе с отпущенной бородой, что было тогда диковинкой, в шляпе с широкими полями и с Библией в руках, чем и обратил на себя внимание горного унтер-офицера, приносившего нам обед, который, передавая о жизни заключённых жене горного чиновника Смольяниновой, сообщил ей, что в числе узников есть святой человек, который не ест никогда скоромного и всегда читает душеспасительные божественные книги. Г-жа Смольянинова, будучи сама женщиной религиозной, познакомилась с Д. И. Завалишиным и тут же предложила ему невесту — свою младшую любимую дочь (свадьба состоялась через 12 лет)».

С 1839 года жил на поселении в Чите. Женился на Аполлинарии Семёновне Смольяниновой, дочери горного чиновника. В 1847 году овдовел. После амнистии 1856 года остался в Чите. Зани-

мался писанием мемуаров, публицистикой и разоблачительной деятельностью, направленной, в частности, против губернатора Восточной Сибири Николая Муравьёва (с 1858 года — графа Муравьёва-Амурского), инициатора присоединения к России Приамурья и Дальневосточного Приморья. Дело кончилось тем, что в 1863 году по высочайшему повелению Завалишин был выслан из Читы под надзор в Казань — редчайший случай высылки из Сибири на запад, в Европу. Вскоре получил разрешение на жительство в Москве. В 1871 году женился вторично на девятнадцатилетней Зинаиде Павловне Сергеевой, дочери титулярного советника. В этом браке родились шестеро детей, из которых до взрослых лет дожили дочери Мария, Вера, Зинаида и Екатерина. В последние десятилетия жизни яростно полемизировал в печати с другими остававшимися в живых декабристами. Пережил их всех, а также и свою вторую жену.

Часть V.
Пламя юга

Заговорщики в армии

Северное общество, Южное общество — условные наименования. По сути, тайное общество было одно и имело несколько центров — Петербург, Москва, Киев, Тульчин, Каменка, Васильков, — разделяемых расстояниями и разногласиями. У «северян» поместья на юге; «южане» по службе связаны с Петербургом; многие замечены и там, и там. И всё же между северным заговором и южным есть существенное различие. Основа первого — гвардия, второй вызревал в армейских полках и штабах.

Перемещаясь из гвардейского столичного круга в армию, мы попадаем в другой мир. Ни блестящих мундиров, ни парадов, ни дворцовых караулов; проспекты, сияющие особняки и гранитные набережные сменяются немощёными улочками, обрамлёнными обывательскими домишками и утопающими в густой зелени; собор с высокой колокольней и несколько каменных строений вокруг площади, посредине коей красуется вечная миргородская лужа. Куры, гуси, свиньи с поросятами; бабы в платках и понёвах, возы с сеном, управляемые неказистыми лич-

ностями в серых зипунах; кое-где долгополый еврейский лапсердак мелькает… В казённом здании — полковой штаб; туда и оттуда то и дело заходят и выходят офицеры в мундирах с аксельбантами и без, унтера с бумагами, обыватели по хозяйственным делам. Вот подкатила коляска, из неё выкарабкивается толстый полковник. Офицеры и унтера вытягиваются во фрунт, обыватели кланяются… Отдав ответный поклон, полковник поднимается на крыльцо. Едва только его фигура скрылась за дверью, вон те два молодых офицера переглянулись и бодро зашагали в направлении хорошенького обывательского домика, приветливо выглядывающего из-за купы деревьев в конце улицы…

Две наиболее боеспособные армии были расквартированы на юго-западе империи. 1-я армия — на обширной территории от Минска до Киева; её Главная квартира — в Могилёве; главнокомандующий — граф Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен. 2-я армия, значительно меньшая по численности, располагалась более компактно: в Подолии, Побужье и Бессарабии, с Главной квартирой в Тульчине; командовал ею всеми уважаемый и любимый граф Пётр Христианович Витгенштейн.

Офицеры этих армий составляли два практически не пересекающихся сообщества: коренные служаки и столичные штучки. Первые — абсолютное большинство — мелкопоместные дворяне близлежащих губерний, а то и вовсе не дворянского происхождения, выслужившиеся из нижних чинов. Столичных штучек, однако, было тоже немало, особенно во 2-й армии: это переведённые из гвардии по прошению, переведённые без прошения тем же чином (в наказание) и прикомандированные — адъютанты командующих, а также специалисты с образованием, так называемые офицеры свиты по квартирмейстерской части. Разумеется, столичные толпились в основном около командования — в штабах армий и корпусов, при Главных квартирах; некоторые служили полковыми командирами. В этой среде людей амбициозных, знающих себе цену, неплохо образованных, а бывало, обиженных государевым невниманием или наказанием зародился южный заговор. К нему вскоре присоединилось немало коренных служак, — как оказалось, у простого армейского офицерства оснований для недовольства не меньше, чем у просвещённой столичной аристократии.

Тульчинские тайны

Местечко Тульчин в Подолии вряд ли приобрело бы известность, если бы не великолепная усадьба богатых графов Потоцких и не Главная квартира 2-й армии, разместившаяся здесь вскоре после завершения Наполеоновских войн. Главнокомандующий Витгенштейн умел привлекать к себе людей, а главное, умел и любил заботиться о подчинённых. Служить под его началом было почётно и перспективно. Сюда охотно отправлялись молодые амбициозные кавалергарды, лейб-гусары, офицеры свиты по квартирмейстерской части. Вскоре Тульчин сделался чем-то вроде филиала столицы, а концентрация ума и честолюбия здесь — побольше, чем в Петербурге. Тульчинская управа Союза благоденствия оказалась куда радикальнее прочих и пережила его распад. Уже в марте 1821 года было образовано Южное общество. Его лидером был Пестель; участники по-пестелевски делились на три категории: бояре, мужи и братья; управляла обществом Директория (фактически — Пестель). Хотя в начале 1822 года Пестель отбыл к своему полку в Линцы, центром тайного общества оста-

вался Тульчин, где служили Юшневский, князь Барятинский, Бурцев, Ивашев, Басаргин, братья Крюковы, Вольф, куда наезжали по делам службы прочие заговорщики 2-й армии: Павел Аврамов, Лорер, Фохт, Михаил Орлов, князь Волконский.

Дело № 70

Из «Записки» государя императора Николая Павловича, 1848 год:

«Сергей Волконский — набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле».

Евгений Якушкин в письме жене, 1855 год:

«Особенного ума у него действительно нет — хоть и вовсе нельзя его назвать глупым человеком или даже простым. А так себе — человек, каких встречаешь много».

Самарский-Быховец, чиновник, о Волконском, по впечатлениям 1824 года:

«Человек доброго сердца и недалёкого ума».

Странно: три независимых друг от друга свидетеля высказываются об уме князя Сергея Григорьевича Волконского отрицательно, но в разных градациях. «Набитый дурак» — «человек недалёкого ума» — «не особенного ума, а среднего». И почему они выдвигают это качество на

первое место? И Николай Павлович, припечатывая своего давнего противника клеймом дурака, как будто забывает, что тот стал генералом в двадцать четыре года, а в тридцать четыре заслужил высочайшую похвалу Александра I за образцовое командование бригадой.

Так дурак он или умный?

Из «Записок» Сергея Волконского, о происшествии на смотре 2-й армии в присутствии государя в 1823 году:

«Когда моя бригада прошла мимо царя, я… услыхал следующие слова, им ко мне адресованные: „Я очень доволен вашей бригадой; Азовский полк — из лучших в моей армии; Днепровский немного отстал, но видны и в нём следы ваших трудов. И, по-моему, гораздо для вас выгоднее будет продолжать оные, а не заниматься управлением моей империи, в чём вы, извините меня, и толку не имеете“».

Это, конечно, предупреждение заговорщику, но и оценка, бесспорно, высокая. Заметим, что воспоминания Сергея Волконского, написанные им в старости, — вовсе не дурацкая болтовня, а продуманное, содержательное, правдивое повествование, автор которого наделён прекрасной памятью, точен в формулировках и весьма непло-

хо владеет словом.

Нет, на дурня и солдафона он не похож. В чём же дело?

Мы полагаем, что дело не в уме, а в убеждениях. Образ мыслей Сергея Волконского не соответствует ни самодержавному фанатизму царя Николая, ни фанатизму либеральному, свойственному продолжателям дела декабристов. Он не самозабвенный слуга престол-отечества и не прозелит вольных учений. У князя на многое собственный взгляд. А это качество не приветствуется и частенько награждается дурацким колпаком.

Кстати, один дальний родственник Сергея Григорьевича, князь Никита Фёдорович Волконский, был официально назначен шутом при дворе императрицы Анны Иоанновны. Тоже, видимо, за самостоятельность взглядов.

Князь Сергей Григорьевич Волконский
Православный.
Родился 8 декабря 1788 года в Москве.
Прозвища в дружеской среде: Бюхна, месье Серж.
Отец – князь Григорий Семёнович Волконский, генерал от кавалерии, оренбургский военный губернатор, умер в

1824 году. Мать – Александра Николаевна, урождённая княжна Репнина, дочь фельдмаршала, статс-дама, гофмейстерина, дама большого креста ордена Святой Екатерины. Братья: Николай Репнин-Волконский, с 1816 по 1834 год генерал-губернатор Малороссии; Никита, генерал, дипломат, придворный. Сестра Софья, замужем за князем Петром Михайловичем Волконским, другом государя, начальником Главного штаба, впоследствии министром Двора и уделов.

Образование получил домашнее, затем, с четырнадцати до шестнадцати лет, воспитывался в пансионе аббата Никóля в Петербурге[176]. В службу был записан ещё в екатерининское царствование, семи лет от роду, сержантом армии. В действительной службе с 1806 года, поручиком лейб-гвардии Кавалергардского полка (его сослуживцы – будущий государственный преступник Михаил Лунин и будущие члены Следственной комиссии Александр Чернышёв и Василий

[176] Примечания: 176

Его отзыв об этом учебном заведении мы приводили в первой части («Знакомые незнакомцы»).

Левашов). Воевал в 1806–1807 годах против Наполеона в Польше и Восточной Пруссии, награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, золотым оружием «За храбрость», золотым знаком участника сражения при Прейсиш-Эйлау. В 1808 году произведён в штаб-ротмистры. В 1810–1811 годах на войне против Турции. В 1811 году пожалован во флигель-адъютанты и произведён в ротмистры. В кампанию 1812 года участвовал в партизанских действиях в отряде генерала Ф. Ф. Винцингероде; в сентябре произведён в полковники. В Заграничном походе 1813–1814 годов был во множестве сражений. За эти кампании награждён орденами Святого Владимира 3-й степени, Святого Георгия 4-й степени, Святой Анны 2-й степени и алмазными знаками к нему, Святой Анны 1-й степени, а также иностранными наградами. В сентябре 1813 года произведён в генерал-майоры с оставлением в свите Его императорского величества. По окончании военных действий путешествовал по Европе; был в Вене при

начале Венского конгресса, в Париже во время возвращения Наполеона и его «ста дней». В 1816–1818 годах командир бригады уланской дивизии. В 1818 году временно не у дел, в 1819–1820 годах в отпуску; отправился на юг России, побывал в Одессе, Киеве и Тульчине. В январе 1821 года назначен командиром 1-й бригады 19-й пехотной дивизии в составе 2-й армии Витгенштейна; Главная квартира бригады – в Умани. В 1825 году принял командование дивизией на время отпуска дивизионного командира.

Масон ложи «Соединенных друзей», «Сфинкса» и «Трёх добродетелей».

В конце 1819 года, в бытность свою в Киеве, вступил в контакт с участниками Союза благоденствия и вскоре сам сделался его членом, а позднее и членом Южного общества.

В ноябре 1825 года женился на Марии Николаевне Раевской.

Приказ об аресте подписан 30 декабря 1825 года. Доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён

к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: два аршина восемь с четвертью вершков[177], лицом чист, глаза серые, лицо и нос продолговатые, волосы на голове и бровях темно-русые, на бороде светлые, имеет усы, корпусу среднего, на правой ноге, на берце, имеет рану от пули, зубы носит накладные при одном натуральном переднем верхнем зубе[178].

Отправлен закованным в Сибирь, отбывал каторгу в Николаевском заводе, Благодатском руднике, Читинском остроге и Петровском заводе. В 1835 году освобождён от каторжной работы и обращён на поселение в Петровском заводе, затем в селе Урик Иркутской губернии, с 1845 года жил в Иркутске. После амнистии 1856 года восстановлен в правах, без возвращения титула (княжеский титул дарован детям). Первое время жил

---

[177] Примечания: 177
Примерно 179 см.

[178] Примечания: 178
Интересно, где князь зубы потерял, да в таком цветущем возрасте? Никаких упоминаний о ранении в область головы мы в его жизнеописании не находим. Цингой он до ареста тоже вряд ли страдал. Может быть, за этим кроется какая-то тайна его биографии?

в Москве, выезжал за границу, с весны 1865 года жил в селе Воронки в Черниговской губернии.

Умер 28 ноября 1865 года.

О роде князей Волконских следует сказать два слова. Род исключительный по своей знатности. Князь Сергей Григорьевич — единственный из декабристов (кроме скромного князя Валерьяна Голицына), кто мог бы поместничать с Трубецким, ибо до высших служебных чинов поднималась его родня и по отцовской, и по материнской линии. Князья Волконские и Репнины возводят себя к общему предку с Оболенскими и Барятинскими — князю Юрию Тарусскому, а через него к святому благоверному князю Михаилу Черниговскому, потомку Рюрика в десятом поколении, убиенному в Орде в 1246 году. В последующие два столетия родословие Волконских сбивчиво, но со времён московского государя Василия Ивановича они всё время присутствуют на государевой службе. Род разделился на три ветви; к старшей принадлежит вышеупомянутый князь Пётр Михайлович; Сергей Григорьевич — ко второй. Среди его предков по отцовской линии два думных боярина, остальные представители

этой ветви выше стольника и генерал-аншефа не поднимались. Более успешной по местническим меркам была материнская линия: князья Репнины, ветвь Оболенских. Здесь будущий декабрист мог похвалиться супротив предков Трубецкого двумя Репниными — боярами при Иване Грозном, тремя — при Романовых, да ещё двумя генерал-фельдмаршалами при Петре Великом и Павле Петровиче. Последний из сих достигших высшего государственного чина — дед будущего декабриста, князь Николай Васильевич Репнин, оказался и последним в роде, его титул был передан старшему внуку Николаю Григорьевичу Репнину-Волконскому, брату Сергея.

Имея такую родословную, князь Сергей Григорьевич при начале карьеры не мог не ожидать самой блестящей будущности. В случае же служебной неудачи в рядах заговорщиков ему тоже было обеспечено одно из первых мест.

Из «Записок» Сергея Волконского:

«Познакомившись с семейством графини Потоцкой-Тульчинской, я был приглашён… посетить Тульчин во время обычного туда съезда на Масленице. Это пребывание в Тульчине ввело меня в круг людей мыслящих и мечтавших о преобразовании внутреннего быта в России… Я

вступил в тесную связь с Пестелем и с Юшневским, председательствующими Южной думы этого общества».

В Тульчине состоялось главное событие его жизни — знакомство с Пестелем. Да, пожалуй, так: главнее, чем даже женитьба. Ибо это знакомство определило и его собственную судьбу, и судьбу его будущего семейства на три с лишним десятилетия вперёд.

Из «Записок» Сергея Волконского:

«Общие мечты, общие убеждения скоро сблизили меня с этим человеком и вродили между нами тесную дружескую связь, которая имела исходом вступление моё в основанное ещё за несколько лет перед этим тайное общество под названием Союз благоденствия».

Из показаний Николая Басаргина на следствии о Волконском:

«Преданный совершенно полковнику Пестелю, который завладел им преимуществом своих способностей».

Басаргин нашёл точное слово — «преданный». В характере месье Сержа присутствовало это коварное качество — преданность тому, кого признал над собою первенствующим. Именно не идеям, а лицу. В юности он — преданный сын

своей матери; во всех коллизиях войны сохранял преданность партизанскому командиру Винцингероде; и вот теперь вновь нашёл того, кто достоин неколебимой верности.

Князь Волконский никогда не стремился быть первым, его роль — надёжный, незаменимый второй. И ещё: он человек не разговоров, а действия. Поэтому в Союзе благоденствия, обществе по преимуществу говорильном, он не мог заметным образом проявить себя. Но в 1821 году оный союз распался, породив в предсмертной конвульсии Южное общество. Звезда Пестеля уверенно восходила тогда над тульчинскими холмами. Как раз в это время генерал-майор князь Волконский получил бригаду в составе 2-й армии.

«Сто прапорщиков хотят переделать Россию» — эту едкую характеристику декабристского заговора приписывают Александру Сергеевичу Грибоедову, и в ней, кроме грибоедовского остроумия, присутствует изрядная доля истины. В Петербурге, в Тульчине, в полках и артиллерийских бригадах 1-й и 2-й армий брожение умов и жажда деятельности захватывали в основном офицерскую молодёжь. В решительный момент в строю мятежных войск на Сенатской площади не окажется ни одного офицера чином выше капи-

тана. Между тем для успеха военного переворота (к коему уже явно склонялись лидеры движения) требовалось как минимум семь-восемь полков в столице и не меньшее количество на Юге, следовательно, необходимо было участие полковых командиров и генералов — командиров бригад и дивизий. Но чем выше поднимались участники тайных обществ по служебной лестнице, тем прохладнее становилось их отношение к заговору. К началу 1822 года в Южном обществе состояли два строевых генерала: дивизионный командир Михаил Орлов и бригадный — Волконский. Но Орлов был слишком отдельная фигура: под началом полковника Пестеля действовать бы не согласился, сам же арию вождя не вытягивал. Племянник екатерининского временщика и в недавнем прошлом любимец царя Александра, он вообще не понимал конспирации и своими вольными действиями привлёк к себе и своему окружению пристальное внимание властей. Результатом стала передряга в его дивизии, о которой мы кратко рассказывали в главе про Пестеля, а затем и отрешение самого Орлова от командования. В это же самое время и Пестель отправился из Тульчина к полку в Линцы. Южный круг заговорщиков раскололся. Князь Волконский — верный чело-

век! — не раздумывал долго: остался в Пестелевой обойме. С лета 1822 года он — главная опора Пестеля в войсках, его полномочный представитель на встречах с соратниками-соперниками в Киеве, Москве, Петербурге. Второй человек в заговоре, незаменимый и очень надёжный.

Выше мы обмолвились, что преданность — качество коварное. Преданный характер идёт по избранному пути без рассуждений, а это иногда плохо для дела. В 1824 году князь Сергей испросил отпуск для поправки расстроенного здоровья и уехал на Кавказские воды. По правде сказать, со здоровьем у него было всё в порядке, но в сердце сидела заноза по имени Марья Николаевна Раевская. Дочь генерала от кавалерии, правнучка Михайлы Ломоносова, приятельница поэта Пушкина, вдохновительница польского поэта Олизара. Влюбчивый месье Серж до этого имел немало сердечных историй, но на сей раз решил твёрдо: жениться или искать погибели на Кавказе. О сватовстве стал хлопотать через давнего приятеля, того самого Михаила Орлова, три года как женатого на старшей сестре Марьи Николаевны, Катерине. В ожидании ответа отбыл на Кавказ и там повстречался с Якубовичем.

Прямолинейный Волконский видел в нём храб-

реца и дуэлиста — следовательно, человека, не способного ко лжи. Пожалуй, так оно и было, ибо Якубович не лгал, а просто до самозабвения увлекался фантазиями, рождавшимися в его простреленной голове по всякому поводу. Зная отчаянность его натуры, князь предположил в нём единомышленника — и Якубович тут же принялся играть с князем в конспираторы. Князь поинтересовался, существует ли заговор в Кавказском корпусе. Ещё бы! — воскликнул Якубович. — Как не быть?! Половина офицеров давно в тайном обществе, да и сам командующий Ермолов.

Ноздрёв, да и только! Ничего ведь этого не было, или почти ничего. Но Волконский поверил и сообщил Пестелю и прочим.

Из «Записок» Сергея Волконского:

«Это меня ободрило к большей откровенности, и я уже без околичностей открыл Якубовичу о существовании нашего общества и предложил, чтобы Кавказское общество соединилось с Южным… Якубович мне отвечал: „Действуйте, и мы тоже будем действовать, но каждое общество порознь… В случае неудачи вашей мы будем в стороне, и тем будет ещё зерно, могущее возродить новую попытку. У нас на Кавказе и более сил, и во

главе человек даровитый…“».

Надежда на поддержку боевого Кавказского корпуса существенным образом подтолкнула южан к разработке плана военной революции.

Меж тем дело князя в семействе Раевских приняло благоприятный оборот. Отчасти тому способствовало сложное имущественное положение Раевских: три дочери на выданье, а имения обременены долгами; за князем же Волконским числилось более тысячи душ в Нижегородской губернии и полтысячи в Ярославской (правда, тоже не без долгов), да ещё десять тысяч десятин земли в губернии Таврической. 11 января 1825 года в Киеве князь Сергей Волконский и девица Мария Раевская обвенчались. Через год, 2 января, у них родится сын Николай. Но князю Сергею не суждено было увидеть своего первенца.

Получив известие об аресте Пестеля, он отвёз жену в Болтышки, киевскую деревню Раевских, а сам вернулся к дивизии. Ни о каком мятежном выступлении в отсутствие Пестеля князь не помышлял, несмотря на сигналы из Василькова. 30 декабря от невских берегов на юг помчался фельдъегерь с приказом о его аресте. Генерал-майор Волконский был вызван в штаб 2-й армии, 5 января арестован и 14 января доставлен в Пе-

тербург.

Из всех мест декабристской каторги самым тяжёлым был Благодатский рудник. Восемь осуждённых, первыми отправленные из Петропавловской крепости в Сибирь, — Сергей Трубецкой, Сергей Волконский, Артамон Муравьёв, Василий Давыдов, Евгений Оболенский, Александр Якубович, Александр и Пётр Борисовы. Они были доставлены туда 25 октября 1826-го и пробыли до 20 сентября следующего года. В феврале к ним в Благодатск добрались Екатерина Трубецкая и Мария Волконская.

О мытарствах княгини Волконской, о её тяжёлом расставании с отцом, о разлуке (как оказалось, навечно) с ребёнком, о тяготах пути и проблемах обустройства в каторжном селении хорошо известно. Приведём лишь несколько цитат из писем родным, причём Мария Николаевна старается не слишком пугать и без того убитую горем свекровь и других близких (оригиналы по-французски).

12 февраля 1827 года:

«Я наконец водворена в том селении, где мой обожаемый Сергей… Не могу передать вам, как исхудал и как болезненно выглядит мой бедный муж. Его здоровье меня тревожит…»

12 марта:

«Умоляю вас, милая матушка, пишите ему исправнее; уже один вид вашего почерка — утешение для него…»

4 июня:

«Я привыкла к климату, к образу жизни и даже к людям, окружающим меня. б…с *Мне кажется, что до Благодатска я вовсе не жила, потому что только здесь я научилась понимать всю ценность жизни».*

18 июня:

«…Его здоровье сильно беспокоит меня, оно всё никак не восстановится б…с *зачастую, оставив его как будто здоровым, я через три дня нахожу изменившимся, ослабшим… боль в груди изнуряет его.* б…с *Вообразите, ведь он выехал из Петербурга, едва оправившись от воспаления в лёгких… P. S. Будьте добры, милая матушка, пришлите мне банок и искусственных пиявок… Здесь нет ни того ни другого, а болеют часто».*

2 сентября:

«Я по-прежнему вижу Сергея раз в три дня; как ни редки и как ни стеснены эти свидания, они очень облегчают наши страдания. Подле Сергея я счастлива, но, не видя его, чувствую себя невыразимо одинокой; только письма родных дают на

несколько минут успокоение».

9 сентября:

«Вчера комендант сообщил, что послезавтра нас отправят в Читинский острог. Я этому очень рада: местность, где мы теперь живём, летом совсем нездорова; сильный зной производит ужасную заразу, а крайняя сырость в рудниках очень вредна для здоровья мужа».

В Чите и Петровском заводе жизнь мало-помалу наладилась. В 1829 году, после смерти Александрин Муравьёвой, последовало милостивое разрешение жёнам проживать совместно с мужьями в пределах тюремной ограды. Можно стало немного хозяйствовать. В 1832 году Волконский по ходатайству матери был избавлен от каторжных работ и с увлечением занялся сооружением на тюремном дворе парников и выращиванием всякого огородного овоща. Видно, уже тогда в нём заговорил рачительный хозяин-земледелец, каковым он сделался на поселении.

Сын Николенька, оставленный на попечение близких, умер, прожив на свете всего два года. В Петровском заводе и на поселении у Волконских родились ещё дети, из них до взрослых лет дожили сын Михаил (Мишель) и дочь Елена (Нелинька): обоим была уготована долгая и нелёгкая

жизнь.

В 1835 году бывший князь вышел из тюрьмы и был поселён сначала при Петровском заводе, но вскоре последовало разрешение переехать в Урик, близ Иркутска. С 1837 по 1845 год Волконские жили там, а летом — и на заимке под названием Камчатник, в двух верстах от Урика. Затем получили дозволение поселиться в Иркутске, где обзавелись порядочным домом.

Из письма Марии Юшневской Ивану Пущину, 1847 год:

«Дом у них прелестный, на горе поставленный, вид из окошек богатейший, из каждого окошка другой… Иркутск со всех сторон виден: окрестности города, река Ангара, Иркут, всё вблизи кажется. Просто чудеса, какое место выбрано для дома».

Мария Николаевна насадила у дома цветник с камелиями и розами и сделала их дом центром светской жизни. Сергей же Григорьевич держался несколько в стороне от общества декабристов и иркутского образованного круга. Образ его в глазах современников обрисовывается теперь чертами странноватыми, едва ли не предосудительными.

Николай Белоголовый, из «Воспоминаний си-

биряка о декабристах»:

«…Он как-то резко порвал связь с своим блестящим и знатным прошедшим, преобразился в хлопотливого и практического хозяина и именно опростился, как это принято называть нынче… Водил дружбу с крестьянами; летом пропадал по целым дням на работах в поле, а зимой любимым его времяпровождением в городе было посещение базара, где он встречал много приятелей среди подгородних крестьян и любил с ними потолковать по душе о их нуждах и ходе хозяйства… В салоне жены Волконский нередко появлялся запачканный дёгтем или с клочками сена на платье и в своей окладистой бороде, надушенный ароматами скотного двора…»

В 1856 году Волконскому были возвращены права дворянства, а детям дарован княжеский титул. Местом жительства было определено Петровское-Зыково (тогда подмосковное село, теперь почти центр столицы), но жил бывший князь по большей части в самой Москве.

Из воспоминаний Николая Белоголового:

«Я нашёл его хотя белым, как лунь, но бодрым, оживлённым и притом таким нарядным и франтоватым, каким я его никогда не видывал в Иркутске; его длинные серебристые волосы были

тщательно причёсаны, его такая же серебристая борода подстрижена и заметно выхолена… Он стал гораздо словоохотливее и тотчас же начал живо рассказывать мне о своих впечатлениях и встречах, особенно за границей; политические вопросы снова его сильно занимали».

В 1863 году скончалась Мария Николаевна. Сергей Григорьевич к тому времени страдал ногами и почти не мог ходить. Овдовев, он перебрался в имение дочери и зятя Воронки Черниговской губернии, где и умер.

Дело № 71

Бывают люди, не особенно заметные: нет у них ни импозантной внешности, ни яркого характера, не совершают они отчаянных поступков. Однако дело своё знают, и задним числом выясняется, что на них-то всё дело и держалось. Таким малозаметным, но незаменимым человеком в Южном обществе был Юшневский, генерал-интендант 2-й армии, говоря современным языком — начальник тыла.

Алексей Петрович Юшневский
Вероисповедание православное.
Родился 12 марта 1786 года.

Отец – Пётр Христофорович Юшневский, из польских дворян, служил по таможенной части; умер до 1826 года в должности начальника Дубоссарского таможенного округа. Мать – Наталья Ивановна, урождённая Матвеева. Отцом куплены имения в Подольской и Киевской губерниях, всего за ним числилось более 700 душ крепостных. Братья: Семён и Владимир. (Семён был арестован в январе 1826 года, но суду не предан и через полгода по высочайшему повелению выпущен под надзор.)

Обучался дома, а также в Благородном пансионе при Московском университете и затем в самом университете, но курса не окончил. С 1801 года на службе в канцелярии подольского гражданского губернатора; в 1805 году переведён в Коллегию иностранных дел, более трёх лет служил в Петербурге. В 1808 году, во время войны с Турцией, направлен на театр военных действий, переводчиком миссии в Молдавии и Валахии (официально «состоял при председательствующем в диванах» этих двух княжеств). В 1809 году

произведён в чин коллежского асессора. В 1811 году назначен секретарём при председательствующем. По завершении войны с Турцией в 1812 году определён секретарём в штат начальника Бессарабской области. За службу в Молдавии, Валахии и Бессарабии награждён орденами Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 2-й степени. В 1813 году надворный советник. В 1814 году уволен по прошению от дел. В 1816 году вновь принят на службу в Коллегию иностранных дел с причислением к главнокомандующему 2-й армией по дипломатической части; прибыл в Тульчин. В 1819 году произведён в коллежские советники и вскоре назначен генерал-интендантом армии с переименованием в военные чиновники 6-го класса. В 1820 году за отличие произведён в чиновники 5-го класса, в 1823 году в чиновники 4-го класса (чин, равный генерал-майору) и награждён орденом Святого Владимира 3-й степени.

Прекрасный музыкант: пианист и альтист.

С 1811 (или 1812) года был женат на

Марии Казимировне, урождённой Круликовской, по первому мужу Анастасьевой.

Член Союза благоденствия и Южного общества.

Арестован 13 декабря 1825 года. Доставлен в Петербург 7 января 1826 года, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с половиною вершков[179], лицом бел, нос посредственный, волосы на голове и бровях темно-русые, с просединою, на бороде и усах рыжеватые, глаза карие, на правом плече природная бородавка, на левой ноге ниже колена рубец и пятно. На обеих ногах, кроме большого, все пальцы кривые, а на правом глазе на реснице нарост, зубов нет шести[180].

Отправлен из Петропавловской крепости в Шлиссельбург, оттуда через год с

---

[179] Примечания: 179

Примерно 171 см.

[180] Примечания: 180

Так и сказано в тюремном описании: «на ногах, кроме большого» и «на реснице… зубов нет…».

небольшим в Читинский острог, затем в Петровский завод. С 1839 года жил на поселении близ Иркутска. Умер в селе Оёк при отпевании Фёдора Вадковского 10 января 1844 года.

История женитьбы, как и вообще всё, касающееся частной жизни Юшневского, скрыта от посторонних глаз. Между тем Мария Казимировна, набожная католичка, ради Алексея Петровича пошла на разрыв с первым мужем, а затем добилась и развода, что в те времена было невероятно трудно. Второй брак её был счастливым, но, увы, бездетным. Дочь от первого брака Софья выйдет потом замуж за известного художника-портретиста Карла Рейхеля[181] и вместе с мужем и детьми переедет поближе к овдовевшей матери, в Иркутск.

В Тульчине Юшневский вступил в Союз благоденствия, как предполагается, в 1819 году; о его деятельности в этом обществе мало что

[181] Примечания: 181

У Карла Яковлевича Рейхеля был брат Яков; он с 1811 года трудился медальером на Монетном дворе, расположенном не где-нибудь, а в Петропавловской крепости. Именно по его рисунку был изготовлен штамп для монеты с изображением и надписью императора Константина I, чеканку которой собирались начать 14 декабря. «Константиновский рубль», изготовленный в нескольких пробных экземплярах, стал первым вещественным памятником декабрьским событиям.

известно. Но в 1821 году, когда князь Волконский и Бурцев привезли из Москвы весть о роспуске Союза благоденствия, именно Юшневский, по свидетельству Пестеля, «проговорил свою речь, которая… самолюбие каждого подстрекнула», результатом чего стало образование Южного общества. Юшневский был избран одним из его директоров. В 1822–1825 годах он участвует во всех съездах южан, во всех действиях Тульчинской управы. Он — верный друг и поистине правая рука Пестеля, более того, его око в Главной квартире армии после отбытия самого Пестеля в Линцы. Он — единомышленник вятского полковника во всех теоретических вопросах: о республиканском строе, о принципах будущего государственного устройства, о необходимости истребления императорской семьи. Возможно, он даже немного соавтор «Русской правды»: Пестель плохо владел литературным слогом и не раз просил Юшневского, вращавшегося когда-то в Петербурге в кругу дипломатов и литераторов, поправить тяжеловатый текст. Разумеется, он участвовал в разработке плана военного переворота и, как интендант, наверняка готовил для него материальную базу. Но эта часть его деятельности покрыта особенно плотным мраком.

Неудивительно, что роль Юшневского в заговоре стала известна властям ещё до декабрьских событий: его имя названо в донесениях Шервуда и Майбороды.

Арестован и допрошен в Тульчине 13 декабря 1825 года; на допросе всё отрицал, обыск у него на квартире результатов не принёс.

Из показаний Юшневского на первом допросе:

Вопрос. Давно ли вы известны о тайном обществе, к коему принадлежите вы, и какое именно принимаете в оном участие?

Ответ…Имею честь объяснить, что ни о каком тайном обществе не знаю, ниже ни к какому не принадлежал и не принадлежу, следовательно, и участия никакого не принимаю.

Вопрос. Нет ли руки вашей писанных сочинений о преобразовании всего или части государства, или же не поправляли вы какие-либо статьи собственной рукою подобного сочинения и в чем оное состоит?

Ответ…Таковых не сочинял и никаких не поправлял, и потому не знаю ни о каких.

Расположенный к Юшневскому главнокомандующий 2-й армией Витгенштейн пытался вызволить своего генерал-интенданта. Но 24 декабря в Тульчине узнали о «происшествии» в Петербур-

ге. Вскоре прибыл фельдъегерь с предписанием доставить в столицу «под верным присмотром» Пестеля и его присных. Участь Юшневского была решена. Оснований для сурового приговора более чем достаточно.

Мария Казимировна последовала за мужем, но преодолеть правительственные препоны ей удалось не сразу. На ходатайство об отъезде вместе с дочерью, тогда ещё незамужней, дозволения не последовало. Четыре с лишним года в прошениях и ожиданиях; дочь вышла замуж; Марье Казимировне было разрешено ехать одной. После пятилетней разлуки, в августе 1830 года, она встретила своего суженого на дороге из Читы в Петровский завод, куда как раз в это время переводили государственных преступников.

Из письма Марии Юшневской деверю Семёну Юшневскому, 27 сентября 1830 года:

«Я ужаснулась, любезный братец Семён Петрович, увидя моего мужа, так он похудел, одна тень его осталась. Не жалуется, чтобы страдал какою-либо болезнью, но спит очень мало и почти ничего не ест; я боюсь, чтобы не впал в чахотку».

Девять лет они прожили в Петровском заводе. В 1839 году Алексей Петрович был переведён на

поселение. После непродолжительной смены мест Юшневские осели в деревне Малая Разводная, в пяти верстах от Иркутска. Дом построили над обрывистым берегом Ангары, в соседстве товарищей по ссылке Артамона Муравьёва и братьев Борисовых. Развели огород, где выращивали тыквы и неведомую в Сибири кукурузу, которую Алексей Петрович ужасно любил варёную. Зарабатывал он в Иркутске уроками фортепиано, а ещё тем, что брал к себе в дом на обучение и воспитание детей состоятельных иркутян. Один из них — в будущем известный врач и мемуарист Николай Андреевич Белоголовый.

Из воспоминаний Николая Белоголового:

«Юшневский как-то сразу покорил наши детские сердца… Это был человек среднего роста, довольно коренастый, с большими серыми навыкате и вечно серьёзными глазами, бороды и усов он не носил и причесывался очень оригинально, зачесывая виски взад и вверх, что ещё более увеличивало его и без того большой лоб. Ровность его характера была изумительная; всегда серьёзный, он даже шутил не улыбаясь…»

Смерть его была неожиданна, как знамение. В начале января 1844 года в Оёке от тяжёлой болезни скончался декабрист Вадковский. На

его похороны 10 января съехались декабристы, жившие в Иркутске и поблизости. Приехал и Юшневский. В церкви, при отпевании, во время чтения Евангелия он поклонился в землю и вдруг стал падать. Его подхватили, пытались привести в чувство — понапрасну: он был мёртв. Вскрытие показало обширнейшее кровоизлияние в мозг.

Мария Казимировна, тяжело пережив внезапную утрату, предполагала вернуться на родину, но на её прошение и на ходатайство генерал-губернатора Руперта последовал отказ. Она осталась в Разводной. Близкие люди один за другим уходили из жизни. По счастью, дочь Софья с мужем-художником не убоялись Сибири и переехали на жительство в Иркутск.

В 1855 году, незадолго до амнистии, вдове Марии Юшневской было наконец дозволено выехать в Европейскую Россию. Скончалась она в 1863 году в Киеве.

Дело № 72

Василий Львович Давыдов

Православный.

Родился 28 марта 1793 года (также указывают 1792 и иногда 1790 год).

Домашнее прозвище Бека.

Отец – Лев Денисович Давыдов, генерал-майор, умер в 1801 году. Мать – Екатерина Николаевна, урождённая Самойлова, племянница светлейшего князя Григория Потёмкина; в первом браке была замужем за полковником Николаем Семёновичем Раевским; из детей, рождённых в браке со Львом Давыдовым, взрослых лет достигли четверо: кроме Василия, Александр (дослужится до генерал-майора), Пётр (дослужится до тайного советника) и Софья (выйдет замуж за генерала А. М. Бороздина).

Получил домашнее образование, затем два года учился в известном пансионе аббата Никóля, и снова дома. В 1807 году принят юнкером в лейб-гвардии Гусарский полк, а через год уже произведён в корнеты. В 1811 году – поручик, адъютант командира полка. В начале кампании 1812 года состоял адъютантом при князе П. И. Багратионе; за Бородинское сражение награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, за отличие в сражении при Малоярославце – золотым оружием «За храбрость». Участвовал в

Заграничном походе 1813–1814 годов; в Кульмском сражении ранен; под Лейпцигом ранен и попал в плен, но через несколько дней при отступлении противника освобождён. В 1813 году произведён в штаб-ротмистры; награждён орденом Святой Анны 2-й степени. В 1816 году ротмистр; в 1817-м переведён подполковником в Александрийский гусарский полк. В 1819 году уволен в отпуск по болезни. В 1820 году назначен состоять по кавалерии. В 1822 году уволен в отставку полковником.

Масон, член ложи «Александра тройственного спасения».

Член Союза благоденствия и Южного общества.

Приказ об аресте подписан 30 декабря 1825 года. Арестован в Киеве, доставлен в Петербург и заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина пять верш-

ков и три четверти[182], лицом чист, глаза светло-русые, нос большой, волосы на голове чёрные, на бороде темно-русые, имеет усы, на обеих ногах имеет раны от штыков, повыше левой груди имеет рану от пики, позади левого плеча имеет рану от пики же, на правой руке на большом и между указательными и передними пальцами[183] имеет два шрама от сабли, собою ныркист[184].

Отправлен закованным в Сибирь. Отбывал каторгу в Александровском винокуренном заводе, Благодатском руднике (здесь болел некими язвами на животе и на ногах; по мнению местного лекаря – чесоткой), в Читинском остроге, Петровском заводе. С 1839 года жил на поселении в Красноярске.

Умер 25 октября 1855 года.

---

[182] Примечания: 182

Примерно 168 см.

[183] Примечания: 183

Опять тюремная выразительность: несколько указательных пальцев на правой руке, имеются также передние пальцы.

[184] Примечания: 184

Нам не удалось выяснить, что это значит — нечто загадочное, но острохарактерное. В издании «Декабристы. Биографический справочник» заменено на слово «плотен».

Замечательна родня Василия Львовича. Его матушка, племянница Григория Потёмкина, знаменитого фаворита Екатерины II (поговаривали, что на самом деле не племянница, а дочь, и едва ли не плод связи с самой императрицей!), была рано выдана замуж за полковника Николая Раевского, родила в первом браке двух сыновей и в двадцать лет овдовела. Сын её Николай стал генералом — тем самым Раевским, героем 1812 года, отцом княгини Марии Волконской. Екатерина Николаевна вышла замуж вторично, за Льва Давыдова, в этом браке родились восемнадцать детей, но лишь четверо дожили до взрослых лет.

К сказанному следует добавить, что у отца, Льва Денисовича, были брат Василий и сестра Марья (в первом браке за генералом Михаилом Каховским; о ней мы упоминали в деле Петра Каховского). Сын первого — Денис Давыдов, гусар, партизан и поэт; сын второй — Алексей Ермолов, генерал, герой 1812 года, а позднее — командующий Кавказским корпусом.

Таким образом, генерал Николай Раевский приходится нашему Давыдову единоутробным братом, а Денис Давыдов и генерал Ермолов — двоюродными.

Для полноты картины укажем, что дядюшка

Василия Львовича по матери и опекун детей Давыдовых после смерти отца — Александр Самойлов, граф и бывший генерал-прокурор, был одним из наследников имений всемогущего Потёмкина, а через женитьбу породнился с князьями Трубецкими.

Не лишне заметить, что отец будущего декабриста владел крупными имениями в Подмосковье и в Тамбовской губернии, да ещё домами в Москве. Владения матери были ещё обширнее, принадлежавшее ей имение Каменка Чигиринского уезда Киевской губернии станет местом жительства всего семейства Давыдовых и одним из центров деятельности тайных обществ.

Из записок Самарского-Быховца (провинциального чиновника), 1824 год:

«Каменка — занятное местечко над самым правым берегом Тясмина. Дом Давыдовых обширный, построенный разными зигзагами, некоторые части были в два этажа, и видно было, что его перестраивали и пристраивали несколько раз. Это было нечто вроде древнего рыцарского замка. Недоставало только подъёмного моста при въезде и звуков рога замковой стражи. Дом был покрыт черепицей тёмного цвета и обвит вьющимися растениями. Сейчас можно было заметить, что

господа живут аристократически. Из открытых окон слышались звуки фортепьяно, а на них стояли клетки с попугаями».

В 1819 году служба Василия Давыдова фактически заканчивается: сначала отпуск «до излечения болезни», продление его под разными видами и в начале 1822 года — отставка с производством в полковники. Получив отпуск, Василий Львович поселился в Каменке и зажил большим барином.

Вскоре, как полагают, в 1820 году, он вступил в Союз благоденствия. Не то что вступил — сразу сделался и там большим барином. При таком родстве, да и с полнокровием, присущим давыдовско-самойловской натуре, это было неизбежно.

Из «Записок» князя Сергея Волконского:

«Василий Львович Давыдов — личность замечательная по уму и теплоте чувства к делу; его я назову коноводом по влиянию его бойких обсуждений и ловкого увлекательного разговора, а местожительство его в селе Каменке Чигиринского уезда было ежегодным сборным пунктом для совещаний».

В Каменку съезжались умные и могучие мужи, обсуждались великие вопросы, относящиеся к будущности России. Гостил там и молодой чинов-

ник при наместнике Бессарабии, известный поэт Пушкин; отношение к нему маститых заговорщиков было доброе, но несколько свысока.

И там же резвилось юное существо — дочь покойного чиновника Потапова Сашенька. Ещё до определения Василия на службу в гусары матушка Екатерина Николаевна, как бы взамен многих своих умерших малюток, взяла на воспитание девочку-сиротку. В тот год, когда двадцатисемилетний Бека водворился в семейственном гнезде, Сашеньке исполнилось семнадцать. Он был красив, удачлив, умён, полон жизни; она мила, простодушна и готова к великой любви.

Таковая любовь и случилась между ними. Увы, без дозволения со стороны закона и Церкви. За шесть лет — пятеро детей-погодков: три дочери и два сына. Цветущим маем 1825 года Василий Львович и Александра Ивановна наконец-то обвенчались, утвердив плодотворное сожительство законным церковным браком.

Пышная украинская природа вселила отвагу и беззаботность в сердце Василия Львовича. Мало того что он собирал в своём имении вольнодумцев из Союза благоденствия, он сделался одним из соучредителей Южного общества. Во время выездов в Киев «на контракты» (так назывались

закупочные сессии, в основном по военным заказам) он встречается с отъявленными заговорщиками — Пестелем, Юшневским, Волконским, Муравьёвым-Апостолом.

Из показаний Василия Давыдова на следствии:

«…Я увиделся с Пестелем на контрактах (кажется, в 1823 году), был вечером приглашён на квартиру г-на Юшневскаго, куда приехали к[нязь] Волконской, С. Муравьев, о Бестужеве не помню, думаю, что его не было. Мы пили чай вместе, когда полковник Пестель адресовался к нам и предложил свою мысль о республике и преступном средстве для достижения сей цели, говоря, что в Тульчине сие уже одобрено. б…с *Предложение Муравьёва было овладение высочайшею особою государя, а не покушение на жизнь его императорского величества… хотели употребить на сие какую-то роту или несколько рот переодетых офицеров в солдат и исполнить ночью преступное предприятие сие.* б…с

На контрактах обедали у меня… Пестель, Юшневский и ещё три полковника: Враницкий, Швейковский, с коими я тут и познакомился, и Тизенгаузен… к[нязь] Борятинской, и брат мой был почти всё время тут… После же обеда полковник Пестель взял в сторону Швейковского и

рассуждал о возобновлённом предложении Муравьёва действовать. Я раза три подходил к ним и говорил против сего…»

Можно продолжать дальше, но и этого вполне достаточно.

В счастливом и законном браке, в окружении розовощёкого потомства Давыдову суждено было прожить всего лишь полгода. Приказ об аресте отставного полковника Давыдова подписан 30 декабря. Подозреваемый вызван в Киев, где арестован 14 января. Доставлен в Петербург 20 января и утро следующего дня встретил в Петропавловской крепости.

Читатель ни минуты не сомневается, что Александра Ивановна последовала за мужем. И это действительно так. Не будем распространяться о трудностях её решения, о тяготах пути и новой жизни. Пятерых детей ей пришлось оставить на попечение родных. В марте 1828 года она прибыла в Читу. Далее 11 лет жизни при тюрьмах, четверо детей, рождённых до выхода на поселение, и ещё трое на поселении. Уникальное явление: никто из них не умер в детском и юном возрасте.

Записка Александры Давыдовой Василию Давыдову, переданная через коменданта Лепар-

ского, 1830 или 1831 год, Петровский завод:

«Друг мой милай. Я сейчас перешла к себе на квартиру. По здешнему довольно хорошая, у меня одна комната и через сени кухня, в которой ещё живут хозяева, но они перейдут на другую квартиру, тогда просторнее будет мне. Я, слава Богу, здорова, и Васинька тоже, он тебя цалует и ручки твои, когда ты его увидишь, ты его совсем не узнаешь, как он переменился. Сашиньку очень любит и баюкает её сам, целует ручку у ней. Скажи Сергей Петровичу, что Саша очень мила становится. Друг мой, с каким нетерпением я жду того счастливого дня, в который тебя увижу, так грустно, что терпенья недостаёт, с тобой, друг мой, я всё забываю, даже этот ужасный острог, от которого сердце кровью обливается. Я и в нём буду счастлива с тобой. Прощай, бесценный мой Бека. Обнимаю тебя от души и цалую ручки твои».

Это написано, когда жёнам с детьми ещё не разрешалось жить на территории тюрьмы, то есть до смерти Александры Муравьёвой. Васинька, о котором говорится в письме, — сын Давыдовых, родившийся в 1829 году в Чите. Сашинька, Саша — старшая дочь Трубецких Александра. Сергей Петрович — Трубецкой.

В 1839 году, по выходе из тюрьмы, Давыдов был поселён в Красноярске, где прожил шестнадцать лет, до самой смерти. Житьё-бытьё бывшего лейб-гусара, героя Наполеоновских войн, на брегах Енисея нельзя сказать, чтобы яркое: семья, хозяйство, вечное безденежье, дом, дети.

Из письма Евгения Якушкина жене, 1855 год:

«Давыдов меня чрезвычайно поразил. Это был первый из виденных мною сосланных, который опустился совершенно и совершенно одряхлел. Это развалина во всех отношениях, и в физическом, и в духовном».

Насчёт духовного мы, конечно, не уверены. Отец тринадцати бодрых и весёлых детей, из коих старшие уже сами обзаводятся семействами, вряд ли может считаться совсем уж духовно несостоятельным. Возможно, тридцатилетний Евгений Якушкин просто не увидел в нём того, что хотел: несгибаемого борца за народную свободу. Но, пожалуй, Давыдов таковым никогда и не был. А был он гусар и барин с идеалами. И главное — человек, полный жизни. Это качество отразилось многократным эхом в его потомстве.

Через месяц после встречи с Евгением Якушкиным Давыдов скончался.

Старшие дети Давыдова, рождённые до брака,

были по ходатайствам влиятельных родственников со временем узаконены; воспитанием их занимался дядюшка Пётр Львович, дочерей Елизавету и Екатерину в 1832 году взяла на воспитание графиня Софья Чернышёва-Кругликова, сестра декабриста Захара Чернышёва; впоследствии они приехали к родителям в Красноярск. Сын Пётр тоже отправился в Сибирь и там женился на дочери Сергея Трубецкого Елизавете. Из семерых рождённых в Сибири двое, Иван и Лев, с высочайшего дозволения были определены в Московский кадетский корпус под фамилией Васильевы. Лев, кстати говоря, впоследствии женился на сестре композитора Чайковского. В 1856 году всем детям были возвращены права дворянства и право именоваться по отцу.

Дело № 73

Александр Викторович Поджио

Вероисповедания римско-католического; по собственному признанию, до ареста несколько лет не бывал на исповеди.

Родился 14 апреля 1798 года в Николаеве, детство прошло в Одессе.

Отец – Витторио Амадео (Виктор Яковлевич) Поджио (Poggio), прибыл в Рос-

сийскую империю и принят на службу подлекарем в 1783 году; вышел в отставку секунд-майором, умер в 1812 году в Одессе[185]. Мать – Магдалина Осиповна, урождённая Даде, владела селом Яновка Чигиринского уезда Киевской губернии (около 400 душ крепостных), заложено и в долгах[186].

Образование получил дома и в частном учебном заведении, именуемом Одесским институтом. Отец намеревался отдать сына в иезуитский пансион в Петербурге, забрав его из училища, однако не успел осуществить это намерение, и до вступления в службу Александр Поджио находился дома.

В 1814 году принят на службу подпрапорщиком в гвардейский резерв и вскоре причислен к лейб-гвардии Преображенскому полку. В 1816 году произведён в прапорщики, в 1818-м в подпоручики, в

[185] Примечания: 185

Версия о происхождении Витторио Поджио из старинного и знатного генуэзского рода подтверждения не находит; вдова его и потомство признаны в дворянском достоинстве по выслуге.

[186] Примечания: 186

Находилось неподалёку от Каменки Давыдовых и Болтышки Раевских.

1820-м в поручики, в 1823-м в штабс-капитаны; в том же году переведён майором в Днепровский пехотный полк. В марте 1825 года уволен в отставку по прошению с производством в подполковники.

Не позднее 1823 года вступил в Южное общество.

Приказ об аресте подписан 27 декабря 1825 года. 3 января арестован в своём имении, селе Яновка. Доставлен в Петербург 11 января.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков[187], лицом бел, чист, волосом чёрн, глаза жёлто-карие, нос продолговат, с горбиною.

Отправлен в Сибирь через Кексгольмскую и Шлиссельбургскую крепости. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1839 года жил на поселении в Иркутской губернии, где оставался некоторое время после амни-

---

[187] Примечания: 187
Примерно 173 см.

стии 1856 года. В 1859 году вернулся в Европейскую Россию. Выезжал за границу.

Умер 6 июня 1873 года в имении С. Г. Волконского Воронки Черниговской губернии.

Какими путями Александр Поджио попал в круг заговорщиков и состоял ли в Союзе благоденствия — не вполне ясно.

Из показаний Александра Поджио:

«В 1819 году начался мой ропот, а с 1820 года первоначальное мое вольнодумство. Сношения мои со многими из членов способствовали к сему».

Но от «первоначального вольнодумства» до участия в заговоре далеко.

Как этот безродный иностранец оказался в самой гуще русской дворянской крамолы? И кто он вообще — итальянец по крови, одессит по воспитанию, гвардии офицер по службе, сибиряк по будущему (и основному) месту жительства? Сам себя он всегда будет называть русским, хотя так до самой смерти не избавится от заморского акцента.

Пожалуй, самое точное слово, определяющее

его, — вольнодумец. Не хочет он жить по указке, заниматься благонамеренной рутиной, выслуживать чины и награды. Служба ему тесна, северный имперский лёд враждебен жаркому южному сердцу. Вот и портрет его — портрет типичного вольнодумца: чернокудрый итальянский карбонарий с затаённой русской мечтой во взоре.

Но, помимо свойств натуры, в тайное общество привело его столичное гвардейское знакомство. Возможно, имело место влияние Лунина, этого мастера поджигать наполненные горючей смесью сердца: с ним Поджио познакомился в 1821 году, во время похода гвардии к западным границам империи. Возможно, сыграло роль опасное обаяние Никиты Муравьёва. Именно от него, отправляясь в 1823 году из Петербурга в киевское имение матери, Александр получил письмо для передачи Пестелю. С этим пакетом прибыл в Киев, в дом Василия Давыдова, давнего знакомца и соседа по имению. Результат — вхождение в круг самых вдохновенных южных заговорщиков, где верховодят Давыдов, Муравьёв-Апостол, Пестель. Идеи последнего — как раз то, чего требовал темперамент Поджио: ниспровержение постылой имперской повседневности, заговор ради неведомой, но прекрасной свободы.

Из показаний Александра Поджио:

«Пестель мне говорил в Линцах о необходимости составления временного правления, которое должно было сосредоточить все отрасли властей… Пестель мне читал отрывки Русской правды в 1824 году при начале его сочинения. Помню, читал мне статью о разделе земель и вольности мужиков, составление волостей общественных…»

«Пестель мне говорил здесь о всём плане его введения чистого народодержавного правления. Должно было быть учреждено временное Правительство, основательное же составлено должно было быть из трёх членов; Верховная Дума (Senat Conservateur) и Народное Вече из представителей народа. Я во всём с ним соглашался… К сему исполнению мне Пестель сказал: мне нужно теперь двенадцать человек надёжнейших и… кажется упомянул что и Бестужеву дал сие поручение. Сей неоднократно в разговорах наших мне говорил: „Я имею людей для удара…“ Я меры сии одобрял».

Имя Александра Поджио сразу же замелькало в материалах следствия.

Хуже всего то, что явились показания о намерении подполковника в декабрьские дни взбунтовать войска на выручку Пестеля и других

арестованных. И даже что-то о готовности самому пойти на цареубийство. Вероятно, это было сказано сгоряча: темперамент…

В 1839 году обращён на поселение в селе Усть-Куда близ Иркутска, вместе с братом Осипом (о котором — следующее дело). Позднее жил в Урике и в Иркутске. Из всех декабристов ближе всех был с семейством Волконских. (Злые языки объясняли этим якобы возникшее охлаждение между Сергеем и Марией Волконскими, но это не более чем сплетни губернского города.) Болел порой очень опасно, по-видимому мочекаменной болезнью; однажды, в 1841 году, вовсе был при смерти, но выжил и вполне поправился. Занимался земледелием, зарабатывал уроками иностранных языков — в частности, был учителем сына Волконских Михаила и сыновей иркутского купца Андрея Белоголового.

Из воспоминаний Николая Белоголового:

«При всей страстности и живости своего южного темперамента, которых из него не могли вытравить ни крепость, ни ссылка, он не был ни раздражителен, ни вспыльчив, и его обращение с нами отличалось большою ровностью и чисто женственною нежностью… кроме того, он всегда был искренен в своих поступках и не допускал

ни малейшей фальши».

В 1851 году Александр Поджио женился. Невеста — Лариса Андреевна Смирнова — была вдвое младше мужа и служила классной дамой в Иркутском женском институте. Брак оказался счастливым и принёс Александру Викторовичу утешение его старости — дочь Вареньку.

Сохранилась фотография, сделанная в Женеве в 1865 году. Две девочки, подростки, стоят, приобнявшись; одна черноволосая, в летнем платьице, другая в одежде тёмной, с очень светлым лицом. Варенька и Сонечка. Фамилия черноволосой — Поджио, светлолицей — Перовская. Их родители случайно встретились в благословенной Швейцарии, а до этого имели знакомство в Иркутске. Отец Вари был когда-то приговорён к смертной казни за умысел цареубийства, и вот он жив. Девочке Соне не удастся избежать этой участи: через 16 лет она будет повешена за участие в убийстве царя Александра II и станет первой в России женщиной, казнённой за политическое преступление.

После амнистии Поджио ещё два года прожил в Иркутске. Попытки заняться предпринимательством — модной тогда золотодобычей — успехом не увенчались. В 1859 году уехал из Сибири.

Поначалу поселился у племянника Александра Осиповича в псковском имении, но с хозяином не поладил. Служил управляющим имениями своих знакомых (в частности, имением Елены Сергеевны Кочубей — Неллиньки Волконской). Несколько лет жил в Италии и Швейцарии. Но всё-таки вернулся в Россию — чтобы умереть.

Умер в имении Волконских и похоронен рядом с Сергеем и Марией Волконскими.

Дело № 74

Иосиф (Осип) Викторович Поджио

Католик, крестник Иосифа де Рибаса, устроителя Одессы; старший брат Александра Поджио.

Родился в 1792 году, по разным данным – 30 августа или 22 ноября, в Николаеве.

Воспитывался в пансионе иезуитов в Петербурге. В 1811 году принят подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Участвовал в кампании 1812 года, сражался при Бородине. В конце декабря 1812 года произведён в прапорщики. В 1813–1814 годах в Заграничном походе. В 1816 году подпоручик, в 1817-м поручик. В 1818 году уволен в

отставку по болезни с производством в штабс-капитаны.

В 1816 году женился на Елизавете Матвеевне Челищевой, дочери статского советника; в 1820 году овдовел. От этого брака дети: Александр, Софья, Наталья, Мария.

Член Южного общества.

В 1825 году женился на Марье Андреевне Бороздиной, дочери сенатора. От этого брака сын Лев.

Приказ об аресте датирован 7 января 1826 года. Арестован в своём имении Яновке Киевской губернии 14 января, доставлен в Петербург 20 января.

Осуждён по IV разряду. Приговорён к 12 годам каторги, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина девять с одной восьмою вершков[188], лицо белое, круглое, глаза карие, нос продолговат, остр, волосы на голове и бровях темно-русые, на обеих щеках по два родимых небольших пятнышка и во рту четырех передних зубов от конского ушиба нет.

---

[188] Примечания: 188
Примерно 183 см.

Содержался в одиночном заключении в Свеаборге, Свартгольме и с октября 1827 по июль 1834 года в Шлиссельбургской крепости. Семье не сообщали, где он находится; только в 1829 году ему было разрешено писать родным без указания места пребывания. В 1834 году отправлен на поселение в Восточную Сибирь.

Умер 6 или 8 января 1848 года.

В круг заговорщиков Осип Поджио был введён младшим братом. В 1824 году Василий Давыдов принял его в Южное общество. Заметного участия в деятельности оного не принимал.

За что же такая горькая участь — восемь лет в одиночных камерах? Никакими тайными знаниями он не обладал и никому ни малейшей угрозы не представлял. Кроме, кажется, одного человека — своего тестя.

В 1825 году Осип Поджио женился вторым браком, как тогда говорили, «по страстной любви», на Марии Андреевне Бороздиной, дочери того самого генерала Андрея Бороздина, таврического губернатора, который был женат на сестре Беки Давыдова. Мария Андреевна приходилась Беке племянницей; стало быть, Осип Поджио оказался

в родстве с Давыдовыми. Но счастья это ему не принесло. Сын Лев родился уже после ареста отца.

Именно генерал Бороздин добился для зятя замены каторги крепостью, ибо решительно не желал отпускать свою дочь в Сибирь вслед за мужем. Во всяком случае, такая версия излагается в мемуарах современников.

Из воспоминаний Николая Белоголового:

«Бороздин, как благонамеренный чиновник, хотел во что бы то ни стало, чтобы его дочь порвала всякую связь с своим преступным мужем и смотрела на него как на покойника; для этого он не пускал жену в крепость, но принял все меры, чтобы письма ни от мужа к жене, ни от жены к мужу не доходили по назначению. Однако, как он ни старался очернить зятя в глазах дочери, последняя рвалась к мужу и сильно тосковала, не будучи в состоянии добиться о нем известий, и когда наконец решение суда состоялось и декабристы отправились в сибирскую ссылку, а вслед за ними поехали туда же и их жены, то и г-жа Поджио, несмотря на все уговоры отца, стала собираться в дальний путь… Тогда Бороздин прибегнул к решительному, бесчеловечному средству, чтобы разлучить навсегда дочь с мужем:

он стал хлопотать и, при его больших связях, ему удалось добиться приказа — не отправлять его зятя в Сибирь, а оставить его в крепости на неопределенное время».

С 1834 года жил в селе Усть-Куда Иркутского округа. В том же году, устав бороться с судьбою и с отцом, Мария Андреевна вышла замуж за князя Александра Гагарина.

Судьбы детей Осипа Поджио, насколько можно судить по сохранившимся отрывочным сведениям, сложились в общем благополучно.

Он умер в январе 1848 года в Иркутске, в доме Волконских, к которым приехал погостить за два дня до смерти.

Дело № 75

Из восьми княжеских родов, представители которых 12 июля 1826 года выслушали приговор Верховного уголовного суда, род Барятинских далеко не самый успешный и знатный. На службе у московских государей только князь Юрий Никитич, победитель Стеньки Разина, достиг чина думного боярина. При императрице Анне Иоанновне князь Иван Фёдорович, внук Юрия Никитича, за год до смерти был пожалован в генерал-аншефы. Его внук Фёдор Сергеевич

участвовал в перевороте Екатерины II и был одним из тех, кто причинил «желудочную колику» свергнутому императору Петру III, от коей тот скончался.

Любопытная наследственность: пращур спасает государев престол от мятежной казачьей вольницы, его праправнук повергает ниц законного государя и злодейски лишает его жизни. Чьим примером вдохновлялся князь Александр? Поступком дядюшки-цареубийцы? Или желал спасти российский престол от крепнущей тирании и грядущих мятежей? Или ему просто скучно жилось на свете?

Князь Александр Петрович Барятинский

Вероисповедание православное[189].

Родился 7 января 1799 года в Москве.

Отец – князь Пётр Николаевич Барятинский, служил управляющим казанской и пензенской удельными конторами; умер

[189] Примечания: 189

Из показаний в следственном деле: «Греко-российской веры. Прежде я не всякой год исповедовался и был у Святого Причастия; но последние шесть лет всякой год без изъятия». Однако имел сильные сомнения в бытии Божием, о чём свидетельствует приложенная к делу писанная по-французски поэма. В последние годы жизни склонялся к вере. Перед смертью исповедался и причастился.

вскоре после ареста сына. Мать – Анна Андреевна, девичья фамилия не установлена; последние лет двадцать жила отдельно от мужа. Сёстры: Варвара и Екатерина. После отца остались имения в Калужской, Рязанской и Тульской губерниях, сильно расстроенные и в долгах.

Воспитывался в иезуитском благородном пансионе в Петербурге. В 1815 году сдал экзамен при Педагогическом институте, и не по собственному выбору, а «по воле родительской» был принят на службу переводчиком в Коллегию иностранных дел. В 1817 году определился в службу военную: в лейб-гвардии Гусарский полк юнкером. В том же году произведён в корнеты. В 1819 году поручик. В 1820-м откомандирован в Тульчин, адъютантом к главнокомандующему 2-й армией графу П. Х. Витгенштейну. В марте 1825 года произведён в штаб-ротмистры.

Был членом Южного общества.

Приказ об аресте датирован 27 декабря 1825 года. Арестован в Тирасполе, в Петербург доставлен 15 января.

Осуждён по I разряду, приговорён в ка-

торжную работу вечно, срок сокращён до 13 лет. Отправлен в Кексгольмскую крепость, где пробыл полгода, затем в Шлиссельбургскую (ещё почти полгода), оттуда в Сибирь.

Приметы: рост два аршина семь вершков и три четверти[190], лицом бел, круглолик, нос посредственный, глаза голубые, волосы светло-русые, с левой стороны под горлом шрам, говорит заиковато[191].

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1839 года жил на поселении в Тобольске.

Умер 19 августа 1844 года.

Гусар по всей форме: и покрасоваться, и покутить, и подвиг совершить. Правда, до подвига дело так и не дошло. Покрасоваться же и покутить, судя по найденным при обыске счетам, удалось. К тому же он сочинитель стихов, исключительно по-французски. Стихотворный сборничек под названием «Quelques heures de loisir à Toulchin» («Часы досуга в Тульчине»), куда

---

[190] Примечания: 190
Примерно 177 см.

[191] Примечания: 191
Говорил он заиковато, вероятно, по причине начинающейся болезни.

вошли некоторые из них, напечатан крохотным тиражом в 1824 году в Москве. Сии творения ничем не примечательны, кроме посвящений Ивашеву и Пестелю. Да, и ещё незаконченная поэма, сохранившаяся в следственном деле, в которой что-то слишком уж вольно говорится о Божественном творении и о самом бытии Божием. Впрочем, это всё по-французски, — может быть, и не всерьёз…

А вот участие в тайных обществах — это серьёзно. Был ли князь Александр в Союзе благоденствия — точно не установлено, но о республиканских планах некоторых его участников знал и не противоречил. В Южном же обществе состоял и действовал с истинной страстью. Должность адъютанта главнокомандующего могла бы сделать из него второго Пестеля. Для этого, правда, ему недоставало чина, возраста, авторитета… Но он гусар, а гусар всего хочет добиться лихой атакой.

Из следственного дела князя Александра Барятинского:

Следствие. Подполковник Сергей и Матвей Муравьёвы показывают, что вместе с начальным принятием намерения истребить императорскую фамилию Пестель располагался составить партии из отважных людей, …а подполковник

Поджио свидетельствует слышанное (после уже сего) от Пестеля, что он поручил вам избрать 12 человек самых надёжнейших и что вы имели уже готовых несколько.

Барятинский. Несчастная слабость полковника Пестеля была хвастаться даже и тем, чего не бывало… я ему сказывал, что все свицкие офицеры пылают ревностью к цели общества; но сие не означало, чтобы можно было составить из них шайку убийц.

Следствие. Подполковник Фаленберг признаётся, что при принятии его вами в тайное общество… вы взяли с него клятвенное обещание жертвовать всем для пользы общества и даже покуситься на жизнь государя.

Барятинский. Я не могу выйти из удивления, чтобы подполковник Фаленберг мог на меня навлечь такое странное подозрение…

Следствие. 1826 года апреля 13-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета дана очная ставка квартермейстерской части подполковнику Фаленбергу с адьютантом главнокомандующего 2-ю армиею штабс-ротмистром князем Борятинским в том, что первый из них удостоверительно показывал, что при принятии его, Фаленберга, в тайное общество дал он Боря-

тинскому безрассудное обещание посягнуть на жизнь блаженной памяти государя императора… Князь Борятинский сознался, что показание подполковника Фаленберга справедливо.

Князь Барятинский сознался и в том, что принял в общество многих — того же Фаленберга, двух братьев Крюковых, Бобрищева-Пушкина, Поливанова, Вадковского… И наконец, как сказано в следственном заключении, «за несколько недель до кончины покойного императора Пестель провозгласил Барятинского начальником Тульчинской управы и дал ему наставление стараться поддерживать дух в членах».

Гусарская атака прекрасна и сулит успех при набеге на неподготовленного противника, но она не может изменить ход большого сражения. Участь штабс-ротмистра князя Барятинского была решена.

В Читинском остроге Барятинский стал сильно хворать. После перевода в Петровский завод его сразу же поместили в больницу, где он пробыл до выхода на поселение. Николай Бестужев, мастер на все руки, пытался лечить его магнетизмом (чем-то вроде гипноза) — конечно же, безуспешно. В 1832 году Барятинского уже считали при смерти, но он выжил. Что это была за хвороба?

Недоброжелатель бывшего князя и всеобщий злопыхатель Дмитрий Завалишин распустил слух, что сифилис. Но по описанию симптомов в письмах и документах (затруднённое дыхание и глотание, частичная, а иногда полная потеря голоса) и по характеру течения болезни (периодические улучшения и ухудшения на протяжении пятнадцати лет) это скорее всего туберкулёз горла — как тогда говорили, горловая чахотка.

Под влиянием ли болезни или по каким-то другим причинам в нём совершился (или, по крайней мере, наметился) духовный перелом. От богоборчества и игр в атеизм он приходит к чему-то иному… Кто знает, к чему? Возможно, к вере. Или к любви?

Из писем друзей и близких (оригиналы по-французски; ответы Барятинского не сохранились).

Варвара Винкевич-Зуб, сестра Александра Барятинского, брату:

«Как мне любо всё то, что ты говоришь о чувствах, рождённых в тебе… строками, которые я переписала тебе из письма Полины. Всё, о чём ты говоришь, я испытываю вместе с тобой… Это ведь… не рухнувшая надежда, которая примешивает горечь к твоей печали…»

Полина Барыкова, знакомая молодости князя

Александра, сестре его Варваре:

«Поверьте мне, Варинька, когда я узнала о несчастье Александра, моим первым чувством было сожаление, что я не могу разделить его судьбу… Я сделала бы это не колеблясь, если бы могла поверить хоть на мгновение, что он сохранял ещё хотя бы малейшее воспоминание о чувстве, которое обнаруживал ко мне в то недолгое время, когда мы виделись».

Варвара — брату:

«Я сказала ей, что при счастливом стечении обстоятельств, если бы мне было дано выбирать сестру для себя и спутницу для моего брата, я непременно предпочла бы её всем женщинам земли».

Полина — Барятинскому:

«В вашем последнем письме вы сказали… что есть несчастья, в которых утешение не может прийти от человека, но только от Высшего Существа».

Варвара — брату:

«Прости, мой друг, что не отправила тебе до сих пор эту книгу (Святцы. *— А. И.-Г.), мне не верилось, что ты торопился получить её».*

Варвара — брату, июнь 1836 года:

«Как я благодарю тебя, мой друг, что ты при-

общился Святых Таин…»

В 1839 году обращён на поселение. По ходатайству родных тяжелобольной Барятинский был определён жить в Тобольске.

Женат не был. Рождённый им вне брака в 1841 году сын Пётр формально был усыновлён ялуторовским купцом Терпуговым; воспитывался в семье декабриста Петра Свистунова. Матерью дитяти, по всей вероятности, была прислуга в доме Барятинского и Бобрищевых-Пушкиных некая Розалия Сонгайло, сосланная в Сибирь за уголовное преступление. По имеющимся сведениям, сын бывшего князя Пётр Терпугов всю взрослую жизнь служил сельским учителем в Тобольской губернии и умер в 1909 году.

Полина Барыкова так и не вышла замуж; скончалась от грудной чахотки в мае 1844 года. Александр Барятинский умер в тобольской больнице 19 августа того же года.

Дела № 76 и 77

В братском тандеме Крюковых, как и в случаях с Муравьёвыми-Апостолами и Поджио, безусловным лидером по части вольнодумства и бунтарства оказывается младший брат. Он ведёт за собой, а лучше сказать, тащит старшего в исто-

рический водоворот, из которого нет выхода.

Александр Александрович Крюков 1-й Православный.

Родился 19 января 1792 года (ранее считалось 14 января 1793 года) в Петербурге.

Отец – Александр Семёнович Крюков, в молодости служил в Конной гвардии, впоследствии перешёл на статскую службу; ко времени ареста сыновей – нижегородский гражданский губернатор. Мать – англичанка, урожденная Манжен; согласно метрической книге, «аглинского купца Ивана Манжона дочь Елизавета». Брак родителей был официально заключён лишь в 1802 году, следовательно, два старших сына, Александр и Николай, числились внебрачными и были узаконены позднее. Третий брат Платон; сестра Надежда. У отца имение в Тульской губернии (более 300 душ крепостных) и конный завод.

Воспитывался в частных пансионах и в школе при лютеранской церкви Петра и Павла (Петришуле). Записан в статскую службу ещё подростком. Данные

об этой службе в формулярном списке и в показаниях на следствии разнятся – «числился по архивам». В 1812 году вступил в Конный полк нижегородского ополчения с переименованием в корнеты (из чего видно, что в статской службе имел низший классный чин коллежского регистратора). Участвовал в походах 1813–1814 годов, но не на основном направлении, а на севере Германии. После роспуска ополчения в 1815 году он определён тем же чином в Ольвиопольский гусарский полк. В 1817 году произведён в поручики. В начале 1819-го последовало назначение адъютантом к главнокомандующему 2-й армией П. Х. Витгенштейну. В этой должности оставался до событий декабря 1825 года. Повышением по службе стало причисление к гвардии: сначала к Конно-егерскому, а затем, в 1822 году, к Кавалергардскому полку.

Член Южного общества.

Приказ об аресте подписан 18 декабря 1825 года. Арестован в Тульчине, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Приметы: рост два аршина $7^5/_8$ вершка[192], лицо смугловатое, продолговатое, чистое, глаза карие, нос длинный, остр, волосы на голове и бровях темно-русые.

Как и брат Николай, осуждён по II разряду. Оба приговорены к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет. Отбывали каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1835 году обращены на поселение, с 1837 года жили в Минусинске.

В 1852 году вступил в гражданскую службу, дослужился до коллежского регистратора. Последние годы жизни провёл в Брюсселе, где умер от холеры 3 августа 1866 года.

Николай Александрович Крюков 2-й

Православный, но имел глубокие сомнения в вере, от которых, по собственному признанию, исцелился в темнице.

Родился 19 декабря 1799 года в Петербурге.

Воспитывался в Московском университетском пансионе, затем, после назначения отца нижегородским губернатором,

---

[192] Примечания: 192
Примерно 173 см.

в частном пансионе в Нижнем Новгороде, затем ещё три года обучался дома. В 1817 году поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых. В 1819 году выпущен прапорщиком в свиту по квартирмейстерской части. В 1820–1824 годах осуществлял топографическую съёмку в Подольской губернии, то есть был прикомандирован к штабу 2-й армии. В 1822 году произведён в подпоручики и за труды награжден орденом Святой Анны 4-й степени. В 1825 году произведён в поручики и командирован для съёмки в Киевскую губернию.

Прекрасный музыкант, играл на скрипке.

Член Южного общества.

Арестован не позднее 15 декабря 1825 года, доставлен из Тульчина в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Приметы: рост два аршина $6^{7}/_{8}$ вершка[193], лицо белое, круглое, глаза голубые, нос прямой, продолговат, волосы на голо-

[193] Примечания: 193
Примерно 169 см.

ве и бровях светло-русые.

Умер в Минусинске 30 мая 1854 года, куда был переведён на поселение после окончания каторги.

К следственному делу младшего Крюкова приобщены два листка с выписками из французского перевода Плутарха и с какими-то набросками по-русски, как указано в описи, «до конституции касающимися».

Из записей в бумагах Николая Крюкова:

«Кто достигнет до количества положенного законами имения и захочет иметь больше, того отрешить от должностей.

Бедных всегда будет больше богатых, след[овательно,] всегда будет достаточное число граждан для исполнения должностей. Исследовать могущее произойти зло.

Позволить переменить конституцию, не иначе как переменив всех депутатов и набрав новых для сего дела. б…с

„Был издан закон, который постановлял, что ни один гражданин не мог иметь более пяти арпанов земли. Этот закон на некоторое время обуздал корыстолюбие богачей. Но впоследствии богатые соседи нашли способ пользоваться

арендой этих земель с помощью подставных“. Плут[арх]. Тиберий и Кай Гракхи».

Листки свидетельствуют: квартирмейстерский поручик склонялся к конституционному правлению и имел взгляды, которые вскоре назовут социалистическими. Особенно его волнует земельный вопрос; из сонма героев древности он выбирает не Брута и не Перикла, а вождей аграрных революций, Солона, Агиса, Тиберия и Гая Гракхов. Упоминание последних двух в записке Крюкова особенно знаменательно: два брата, два трибуна-революционера, младший решительнее старшего, но оба погибнут в борьбе за народное дело…

Однако бумага бумагой, а действие действием. Оказавшись в 1820 году в Тульчине, Николай Крюков нашёл плодородную почву для взращиваемых им идей конституционных прав и аграрного равенства.

На следствии он будет упомянут Юшневским, Поджио и другими как участник Южного общества с самого момента его создания. Ещё раньше его имя назовёт в своём доносе Майборода. Он, Крюков 2-й, в начале 1821 года, был принят в общество князем Барятинским. Он в 1822 году присутствовал в Тульчине на совещании, где

решено военным путём свергнуть государя. В августе–сентябре 1825 года на манёврах близ Житомира он узнал от Пестеля, что всё готово «к начатию возмутительных действий», причём Пестель вёл с ним речь о заготовке армейских мундиров офицерам квартирмейстерской части для скорого похода. Он в конце ноября 1825 года примчался без позволения начальства в Васильков к Муравьёву-Апостолу с известием о том, что правительство проведало о существовании Южного общества. И главное: именно ему, Николаю Крюкову, Пестель отдал часть бумаг своих, до политических дел относящихся, с тем, чтобы сохранить их, спрятать или при необходимости уничтожить. Из чего видно, до какой степени главный заговорщик 2-й армии доверял оному поручику.

Николая Крюкова ждали неминучие тюрьма и каторга. Арест его, после того как взяли Пестеля, был неизбежен. Арестован 14 или 15 декабря в Тульчине, отправлен в Петербург 28-го, доставлен и помещён в крепость 6 января.

Из показаний Николая Крюкова:

«Пылая любовию к человечеству, но нетвёрдый в христианской религии я… отверг многие богослужебные обряды как нелепые обычаи, пита-

ющие лишь суеверие. Потом стал сомневаться в Ипостасной Троице как неудобопостижимой для ума человеческого… Здесь только, в крепости, я образумился… Здесь, наконец, вникнув с должным вниманием в Святое Евангелие и послания святых апостолов, я обратился к христианству».

А что же Александр?

О каких-либо действиях Крюкова 1-го в южном заговоре сведений нет. Но его имя было в доносе Майбороды, и посему 30 декабря пришли и за ним. 8 января Крюков 1-й был доставлен в Петербург, пред светлые очи государя. Поначалу даже эти очи не усмотрели на нём вины, ибо в записке Николая I коменданту Сукину значится: «Посадить, где лучше, и содержать строго, но хорошо, ибо полагать должно, что не виноват».

Но предположение государя не оправдалось.

Виноват он был или нет — но из показаний Волконского, Ивашева и прочих следовало, что состоял и в Союзе благоденствия, и в Южном обществе, а по словам Юшневского, Барятинского и ещё некоторых, выходило, что и взгляды на перемену правления разделял, и в замыслах цареубийства участвовал. Последнее обвинение Александр Крюков категорически и с негодованием отверг, что, впрочем, не помешало внести

соответствующий пункт в обоснование приговора.

Декабрьские события застали Крюкова 1-го в самых что ни на есть приятных хлопотах: он собирался жениться. Прекрасная его невеста — Софья Карловна Левенштерн. Брак по любви, но и практическая сторона благоприятна: он — гвардии поручик, обеспеченный и с хорошими служебными перспективами, она — дочь генерала, начальника артиллерии 2-й армии. В январе, после Святок, можно играть свадьбу. И тут арест. Ни жених, ни отец не решаются сообщить невесте правду о происшедшем. «Он отправлен по службе, куда и сколь надолго — секрет». Она безмятежно ждёт, пишет письма; он отвечает, ни словом не обмолвясь о крепостном каземате, в котором находится. Идёт время; тревога понемногу проникает в сердце невесты… Что она почувствовала, когда узнала о суде и приговоре, мы не знаем и фантазировать на эту тему не будем. Последние её письма родителям жениха датированы 1827 годом: она ещё лелеет надежду отправиться за Александром в Сибирь… На этом сюжет обрывается, и тень девицы Софьи Левенштерн теряется во мраке безвестности.

В 1835 году братья Крюковы вышли на по-

селение. Вначале им было определено жить в селе Онашино Енисейской губернии, через год разрешено перебраться в Минусинск. Там они жили вместе, занимаясь земледелием и разведением скота. Хозяйствовал в основном Николай, Александр более жил светской жизнью в маленьком, но симпатичном минусинском обществе. Ходатайства их собственные и родственников о переводе на Кавказ рядовыми оставлены без удовлетворения.

Из дневника Владимира Философова[194], чиновника для поручений при сенаторе Толстом, побывавшего в Минусинске в 1843 году:

«Видел государственного преступника Крюкова 1-го. Играл с ним в préférence[195]. Сановитая, благородная наружность, высокий рост, с проседью волосы, приятный разговор… Брат его, высокий, худощавый мужчина в усах, с пребольшой лысиной, кажется, совершенно примирился со своим положеньем, торгует хлебом, скотом и составил порядочное состояние».

В 1852 году обоим братьям разрешено вступить

---

[194] Примечания: 194

Впоследствии он, Философов, станет главным военным прокурором империи и мужем известной общественницы Анны Философовой.

[195] Примечания: 195

Преферанс.

в гражданскую службу канцелярскими служителями.

Александр в том же году обвенчался с Анной Николаевной Якубовой, с которой уже лет десять пребывал в сожительстве. По имеющимся данным, происходила она из крестьян Лифляндской губернии и была сослана в Сибирь за уголовное преступление. Судьбы их детей прослеживаются плохо.

Николай тоже женился, и тоже далеко не сразу узаконил брак: дело в том, что государственные преступники, коими все декабристы оставались до амнистии 1856 года, обязаны были испрашивать разрешение высших властей на женитьбу, и это не всегда хорошо кончалось, как мы знаем на примере Муханова. Обвенчался Николай в 1853 году с Марфой Сайлотовой. Она когда-то служила кухаркой у братьев Беляевых, а по происхождению своему была дочерью вольного хакаса и русской крестьянки. Сыновья Николая и Марфы, как рождённые до законного брака, носили фамилию матери. Старший, Пётр, рано умер, а младший, Тимофей Сайлотов, прожил долгую жизнь, служил чиновником в Минусинске и деятельно участвовал в создании Минусинского музея (ныне Минусинский региональный крае-

ведческий музей им. Н. И. Мартьянова, один из лучших музеев Сибири). Возможно, что в библиотеке музея году этак в 1901-м он встречал невысокого рыжеватого политического ссыльного Владимира Ульянова, жительствующего в селе Шушенском, в 60 верстах от Минусинска… Но это уже другая история.

Николай умер в Минусинске в 1854 году. Старший, Александр, после амнистии выехал из Сибири не сразу — окончательно только в 1859 году. Жил в Киеве, а в 1865 году отправился, видимо для лечения, за границу. Умер в Брюсселе в 1866 году.

Дело № 78

В делах декабристов часто встречается эта фраза: «Принят в тайное общество тогда-то таким-то». А что это значит — принят? Внесён в секретные списки? Принёс клятву верности? Получил ответственное поручение? Подписал договор собственною кровью?

Нет, никаких списков в этих обществах не было, и учёт не вёлся. Кровью договоры не скреплялись. Что касается клятв и поручений, то они могли быть, а могли и не быть.

Вот Александр Крюков объясняет следовате-

лю, как он оказался членом тайного общества: «Князь Барятинский… пришедши ко мне на квартиру однажды летом в 1820 году, после краткого постороннего разговора сказал… „Желаешь ли ты добра России?“ — „Желаю, — отвечал я, — но что это значит?“ — „Есть несколько людей, — продолжал он, — которые… соединились для сей цели между собою и составили общество, в которое я хочу тебя принять“». На свой вопрос «Что это за общество?» Крюков в ответ услышал, что называется оно Союз благоденствия и занимается распространением просвещения. Через несколько дней князь снова заглянул к поручику и продиктовал ему коротенькую расписку. «В нескольких строках, — продолжает Крюков, — я давал в оной обещание никому не открывать о существовании общества».

Вот, собственно, и всё. А каковы последствия!

Большинство угодивших в каземат даже и таких бумажек не подписывали. Павел Аврамов, наставник и воспитатель военной молодёжи, последние десять лет жизни проведёт в тюрьме и в ссылке только из-за того, что когда-то оказался в обществе людей, которые желали блага России и не знали толком, что это значит.

Павел Васильевич Аврамов

Православный.

Родился 29 июня 1789 года в Петербурге.

Отец – Василий Михайлович Аврамов, коллежский советник, служил при Академии наук. Мать – Анна Фёдоровна, урождённая Раупах, дочь придворного капельмейстера, лютеранка. Родители умерли в 1831 году. Братья: Василий (служил в Вятском полку под командованием Пестеля); Александр, Павел, Михаил – все офицеры. Сёстры: Варвара, Екатерина, Мария.

Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе, выпущен в 1806 году подпоручиком в 3-й артиллерийский полк 13-й артиллерийской бригады. В 1810 году произведён в поручики. В 1811-м назначен служить в 1-м Кадетском корпусе. В 1812 году, за месяц до начала войны, командирован в Тамбов «для обучения порядку военной службы» формирующегося пехотного полка. В сентябре–октябре того же года находился с полком при действующей армии, а затем по приказу М. И. Кутузо-

ва «обращён для такового же занятия к баталионам», то есть вновь отправлен обучать новобранцев. В этом деле показал себя с наилучшей стороны и в 1813 году за отличие награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. По окончании военных действий в 1814 году возвращён в Кадетский корпус. В 1816 году произведён в штабс-капитаны. В 1818 году по прошению переведён в Гренадерский короля прусского полк капитаном, а через два месяца, в январе 1819 года, – во 2-й карабинерный полк майором[196]. В августе того же года назначен старшим адъютантом штаба 2-й армии с причислением к Охотскому пехотному полку и уже в декабре произведён в подполковники. Награждён орденом Святой Анны 2-й степени. В 1822 году назначен командиром учебного батальона при Главной квартире 2-й армии, затем командиром Казанского пехотного полка. В 1823 году

[196] Примечания: 196

Служба в 1-м Кадетском корпусе приравнивалась к гвардейский, поэтому Аврамов, как обер-офицер, переведённый в армию по прошению, был повышен на два чина. Назначение в Гренадерский полк было, очевидно, номинальным.

произведён в полковники.

Член Союза благоденствия и Южного общества.

Осуждён по IV разряду, приговорён к 12 годам каторги, срок сокращён до 6 лет.

Приметы: рост два аршина и пять с половиною вершков[197], лицо белое, немного рябоватое, глаза голубые, нос большой, широкий, волосы на голове и бровях русые, на правой стороне подле уха природная небольшая бородавка.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1833 года на поселении: вначале несколько месяцев в Чите, затем в Акше Иркутской губернии.

Умер 5 ноября 1836 года.

В бытность свою в Тульчине Павел Аврамов находился в близких дружеских отношениях с семейством Юшневских. Тесно общался также с Пестелем, Ивашевым и особенно с капитаном Бурцевым. Этим последним и был в 1819 году принят в Союз благоденствия.

В судьбе Аврамова роковую роль сыграла друж-

---

[197] Примечания: 197
166,5 см.

ба. Видимо, был склонен поддаваться влиянию приятелей. Да и друзья-то всё люди достойные, начитанные, интересные. В Главной квартире 2-й армии вообще немало ярких личностей, с которыми не соскучишься. Умнейший Пестель, храбрец Бурцев, милый бонвиван Ивашев, вольный гусар Барятинский… Вот Аврамов, человек неброский, и пошёл у них на поводу.

Да, он думал о конституции, да, присутствовал при образовании Южного общества, но, увидев, куда клонит Пестель — к революции! — более ни в чём не участвовал. Так, во всяком случае, он будет объяснять следователю генерал-адъютанту Александру Чернышёву. Будет надеяться на справедливость суда и милость государя. Совершенно напрасно.

Имя Аврамова упомянуто в доносе Майбороды, поэтому решение о привлечении его к следствию было принято уже 19 декабря. Но брать под стражу его не спешили. После допроса в Тульчине приказом главнокомандующего 2-й армии 30 декабря полковник Аврамов был «командирован» в Петербург. По прибытии 11 января арестован и помещён в крепость.

Из заключения по делу Аврамова:

«В 1821 году по случаю определения в Москве

уничтожить Союз благоденствия Аврамов доказывал необходимость существования оного… В конце 1821 или начале 1822 года на совещаниях у Пестеля отбирал мнения насчёт Конституционного правления… После возобновления общества Аврамов был в совершенном бездействии по оному».

Из писем Марии Юшневской Семёну Юшневскому.

28 апреля 1833 года:

«Меня очень беспокоит Павел Васильевич. Бог знает, как он живёт. Быть может, родные всё так же мало занимаются его нуждами. Ради Бога, мой друг, брат твой и я просим тебя, не медли выслать ему процентные деньги».

23 марта 1834 года:

«Он доволен своим поселением. Родные часто о нём пишут и заботятся о нём. Он хочет заняться хлебопашеством и старается понемногу разводить своё хозяйство».

Из письма Павла Аврамова Семёну Юшневскому, 1 февраля 1835 года:

«Я, слава Богу, здоров… Один день совершенно как и другой, и все одинаково скучны».

По-настоящему обзавестись хозяйством Павел Аврамов не успел: в ноябре 1836 года он умер. О

причинах смерти мы ничего не знаем. Просто взял и умер. Свой дом и всё имущество одинокий акшинский ссыльнопоселенец завещал селенгинскому ссыльнопоселенцу Константину Торсону.

Дело № 79

Пётр Иванович Фаленберг

Лютеранин.

Родился 29 мая 1791 года в Риге.

Отец – Иван (Иоганн) Фаленберг, прибыл из Саксонии в Россию по приглашению князя Потёмкина-Таврического для устройства суконных фабрик. О матери, братьях и сёстрах сведений нет.

Образование до 14 лет получал дома, затем в школе при Домском соборе в Риге (Домшуле) и, наконец, в царскосельском Лесном училище. В 1811 году выпущен с чином XIII класса и зачислен колонновожатым в свиту по квартирмейстерской части. В 1812 году, до начала войны, произведён в прапорщики. В кампании 1812 года находился в составе 3-й армии, действовавшей отдельно от главных сил. Участвовал в походах 1813–1814 годов и

во взятии Парижа; в 1813 году произведён за отличие в подпоручики, в 1814 году – в поручики. Награждён орденами Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени, а также прусскими наградами. В 1815–1817 годах выполнял квартирмейстерские обязанности при штабе 7-го корпуса генерала Горчакова. В 1817–1820 годах осуществлял топографическую съёмку в Бессарабской области. В 1817 году штабс-капитан, в 1819-м капитан. В 1820 году причислен к главной квартире 2-й армии. В 1821 году назначен старшим адъютантом штаба армии. В 1822 году произведён в подполковники; в 1823-м награждён орденом Святой Анны 2-й степени.

В Южное общество был принят князем Барятинским в 1822 или 1823 году.

Приказ об аресте подписан 5 января. Арестован в Тульчине, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по IV разряду, приговорён к 12 годам каторги, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина семь с

половиною вершков[198], лицо чистое, смугловатое, круглое, глаза серые, нос средний, широковат, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе; затем жил на поселении. По амнистии 1856 года восстановлен в прежних правах.

Умер 13 февраля 1873 года.

О своём вступлении в Южное общество Фаленберг совершенно по-разному рассказал на следствии и в воспоминаниях, написанных много лет спустя, причём в ходе следствия Фаленберг с азартом возводит на себя ужасные обвинения, в мемуарах же отрекается от них. По-видимому, и тут и там мы имеем дело в значительной степени с фантазиями впечатлительной саксонской натуры. В первом случае автор вдохновлён надеждой поразить воображение следователей своей искренностью и тем добиться государевой милости. Во втором случае, в воспоминаниях, написанных от третьего лица, Фаленберг создаёт нечто вроде романтической повести о самом себе.

---

[198] Примечания: 198
Примерно 175 см.

Совмещая одно с другим, получаем примерно такую картину.

Пышное украинское лето. По дороге из Тульчина в Клебань едут два офицера: в гусарском доломане князь Барятинский, в тёмно-зелёном штабном мундире подполковник Фаленберг. Едут они к подполковнику Аврамову по делам службы. Разговор меж ними, вероятно, вращается вокруг тех же служебных дел, а может быть, отчасти и штабных сплетен. Внезапно гусар оборачивается к квартирмейстерскому и произносит тоном повышенной серьёзности нечто вроде:

— Желаешь ли ты, Фаленберг, блага России?

И, не дожидаясь ответа, открывает тайну о существовании Южного общества.

— Какая же цель этого общества? — спрашивает Фаленберг.

— Вначале распространение просвещения; затем и введение конституционного правления.

— Это прекрасно! — восклицает Фаленберг. — Будет здорово, если получится!

— Знай же, что я член этого общества и могу принять тебя. Желаешь ли быть нашим собратом?

Фаленберг осторожно интересуется, кто состоит в сем обществе и, услышав в ответ имена Пестеля

и Юшневского, соглашается.

— Готов ли ты жертвовать собой ради общего блага? — вопрошает Барятинский.

Фаленберг готов, он даже приходит в восторг от такой возможности.

Вскоре он будет приглашён на собрание членов общества. Там он узнает, что жертвование собой может заключаться в попытке захвата и даже, возможно, убиения государя. Он не возражает вслух, но идея эта не вызывает у него энтузиазма. От участия в деятельности общества он уклоняется и постепенно начинает забывать о случившемся. Тем более что в его жизни появляется иная путеводная нить: он влюблён и собирается жениться. Его избранница — Евдокия Васильевна Раевская, дочь отставного майора и дальняя родственница генерала Раевского. Сватовство успешно, предложение принято, и в начале 1825 года сыграна свадьба.

Счастье новобрачных не продлится и года.

В декабре молодая жена опасно захворала.

В январе, вскоре после Крещения, в Тульчин доставлен приказ о задержании подполковника Фаленберга и препровождении его в Петербург. 15 января он был отправлен и 22-го доставлен на гауптвахту Главного штаба, 31 января переведён

в Петропавловскую крепость.

Поначалу виновность Фаленберга выглядела ещё более сомнительно, чем виновность Александра Крюкова: в течение недели его содержали на гауптвахте, что укрепляло надежду на скорое освобождение. 30 января он внезапно просит о личной беседе с генерал-адъютантом Левашовым. На следующий день поступает приказ о переводе его в крепость.

О чём хотел поведать Фаленберг Левашову и состоялась ли их встреча, неизвестно. Но дальнейшие его показания, имеющиеся в следственном деле, представляют собой цепь признаний, одно отчаяннее другого. В заговоре участвовал. Революционные планы разделял. Самое главное: «имел безрассудность дать обещание в покушении на жизнь покойного государя императора».

Что случилось? Почему подполковник признал себя виновным в деяниях, которых, вероятнее всего, не совершал и которые влекли за собой суровое наказание?

Можно строить разные предположения. Доподлинно это неизвестно.

Жена за мужем в Сибирь не последовала, а после его осуждения вышла замуж вторично.

С 1833 года Фаленберг жил на поселении: внача-

ле при Троицком заводе, затем в селе Шушенском Минусинского округа Енисейской губернии (том самом Шушенском, куда в далёком 1897 году будет сослан ещё один борец с самодержавием — Владимир Ульянов). В 1840 году женился на Анне Фёдоровне Соколовой, дочери казачьего урядника. От этого брака дети: Фёдор и Минна. Фёдор станет офицером-артиллеристом, дослужится до чина генерал-лейтенанта и доживёт до революции; судьба его после 1917 года неизвестна.

После амнистии Пётр Фаленберг выехал из Сибири не сразу. В 1859 году поселился в Риге, затем уехал в хорошо знакомую по службе Подольскую губернию, где управлял имениями помещиков Куликовских. Умер в 1873 году в Белгороде.

Дела № 80 и 81

Странное двойничество наблюдается среди южных вольнодумцев: два брата, дружные, как Кастор и Поллукс, замешаны в заговоре, причём младший деятельнее старшего и ведёт его за собой. Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, Александр и Осип Поджио, Николай и Александр Крюковы, Пётр и Андрей Борисовы из Общества соединённых славян… И вот ещё Бобрищевы-Пушкины. С младшим Крюковым они, кстати,

приятели со школьной скамьи.

Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин 1-й

Православный.

Родился 21 августа 1800 года в Москве.

Отец – Сергей Павлович Бобрищев-Пушкин, отставной полковник, тульский помещик[199]. Мать – Наталия Николаевна, урождённая Озерова. В семье ещё десять братьев и сестёр: Мария, Екатерина, Павел, Сергей, Дмитрий, Пётр, Георгий, Александр, Михаил, Наталия. На всех – одно отцовское имение, село Егнышевка Алексинского уезда (170 душ крепостных), заложено в Опекунском совете.

Получил домашнее образование, затем учился в Московском университетском пансионе, в 1818 году поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых, в 1819 году выпущен прапорщиком, служил при Главной квартире 2-й армии,

[199] Примечания: 199

Род Бобрищевых-Пушкиных старинный, ветвь общего древа Пушкиных, одного корня с известными дворянскими родами — Бутурлиными, Челядниными, Мятлевыми, Неклюдовыми. По службе, однако, высоко не продвигались.

был командирован на топографическую съёмку в Подольскую губернию. В 1822 году произведён в подпоручики, награжён орденом Святой Анны 4-й степени, в том же году произведён в поручики.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке вечно, срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков и три четверти[200], лицо смугловатое, круглое, глаза карие, нос прямой, волосы, брови, бакенбарды и борода чёрные, говорит картаво.

Отправлен на поселение в Среднеколымск Якутской области.

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин 2-й

Родился 15 июля 1802 года.

В 1819 году выпущен прапорщиком из Московского учебного заведения для колонновожатых, оставлен читать лекции, в 1820 году направлен в Главную квартиру 2-й армии, был командирован на топографическую съёмку в Подольскую губернию. В 1822 году произведён в под-

---

[200] Примечания: 200
Примерно 176 см.

поручики, награждён орденом Святой Анны 4-й степени. В 1824 году преподавал математику при Главной квартире 2-й армии. В марте 1825 года произведён в поручики.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжную работу на 12 лет, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина семь с одной восьмою вершков[201], лицо чистое, смугловатое, круглое, глаза темно-карие, нос продолговатый, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1833 году вышел на поселение; вначале ему было определено жить в Верхоленске, вскоре переведён в Красноярск.

Николай и Павел шагали по жизненному пути рука об руку. Оба вначале получили домашнее образование, затем обучались в Московском университетском пансионе; одновременно поступили в Московское учебное заведение для

---

[201] Примечания: 201
Примерно 174 см.

колонновожатых, из коего выпущены в 1819 году прапорщиками в свиту по квартирмейстерской части. Тут чуточку нарушилось братское единство: Павел на год оставлен при училище преподавать математику и полевую фортификацию (кто знает, может быть, он и уроки вёл с братом?). Но в 1820 году равенство восстановлено: оба направлены в Главную квартиру 2-й армии.

Недавно отгремевшая война с Наполеоном обнаружила огромную прореху в военном деле России: отсутствие топографических планов и карт, по которым можно было бы надёжно ориентироваться на местности. Уж на что наполеоновские карты были плохи, но русским штабам приходилось пользоваться ими, если, конечно, удавалось достать. Из-за отсутствия военных карт разрушались диспозиции сражений, колонны заходили не туда, войска промахивались мимо целей, как это было при Тарутине или на Березине. По завершении военных действий недавно устроенный Главный штаб занялся ликвидацией этой прорехи. Чрезвычайно востребованными оказались выпускники Училища колонновожатых: их обучали тому, о чём не слыхивали в обыкновенных школах подпрапорщиков и даже в кадетских корпусах, — военной

топографии. Братья Бобрищевы-Пушкины вместе с Николаем Крюковым, однокашником по школе колонновожатых, были командированы проводить топографическую съёмку Подольской губернии. Весело им, наверное, работалось: молодые прапорщики, учёные, полные кипучих сил и жизненных планов. Оттого и служба шла бойко: в 1822 году Николай и Павел произведены в подпоручики и награждены орденом Святой Анны 4-й степени. Николай, как старший, вырвался вперёд: в конце того же года за отличие по службе он уже поручик. Павел догнал брата в чине весной 1825 года.

Подольская губерния близко расположена к границе с Турцией, то есть к вероятному театру военных действий; туда в первую очередь были направлены военные топографы — офицеры квартирмейстерской части. Числясь офицерами свиты, они были прикомандированы к Главной квартире 2-й армии.

Все дороги ведут в Тульчин. Там братья-неразлучники проводят время, свободное от съёмок, там ждут новых назначений по завершении топографических работ.

О тульчинском житье-бытье братьев Бобрищевых-Пушкиных мало что известно. Павел

преподавал математику в армейской школе для подпрапорщиков; оба пописывали стихи (почему бы и нет? дело офицерское: вот и князь Барятинский пишет).

Относительно того, когда и кем братья были приняты в тайное общество, ясности нет. На следствии оба сначала во всём запирались, потом Николай признался, что в 1819 году был принят куда-то, а кем принят — не скажет; потом указал на Басаргина, назвал дату — 1820-й или 1821 год. Но очень скоро открылись улики против Павла, и улики убийственные. Выяснилось, что он не только был принят в общество отъявленным злоумышленником князем Барятинским, но и пользовался доверием самого Пестеля и участвовал в сокрытии бумаг последнего. И не один, а с братом.

Приказ об аресте братьев Бобрищевых-Пушкиных датирован 30 декабря. Оба арестованы 8 января в Тульчине, доставлены в Петербург, в Петропавловскую крепость, 16 января.

Из следственного дела Павла Бобрищева-Пушкина:

«1826 года, апреля 5 дня, в присутствии высочайше учреждённого Комитета… дана ему, Пушкину, очная ставка квартирмейстерской

же части с подпоручиком Заикиным, который показывал:

а) что поручик Бобрищев-Пушкин 2-й был действительно членом помянутого общества;

б) что по поручению Крюкова 2-го, ездивши в м[естечко] Линцы к полковнику Пестелю с известием о болезни блаженной памяти государя императора, на обратном пути оттуда он, Заикин, в Немирове взял у майора Мартынова бумаги, принадлежащие Пестелю, одни — зашитые в холсте, а две — открытые, кои по приезде в Тульчин показывал Бобрищевым-Пушкиным 1-му и 2-му;

в) что, согласившись с обоими братьями Пушкиными, означенные бумаги все трое увезли в село Кирнасовку, где из оных бывшие в холсте зашили в клеёнку и спрятали в своей квартире под полом, а открытые две он, Заикин, положил у себя особо;

г) что после сего братья Пушкины 1-й и 2-й, желая вернее сберечь бумаги Пестеля, зашитые в клеёнку, ночью зарыли их в землю в поле недалеко от селения…»

Приговор суда разлучил их — кажется, впервые в жизни. Павел, младший, на сей раз взял верх над старшим: осуждён по IV разряду. Николая суд счёл «недеятельным членом общества», осуждён по VIII разряду.

Разлука далась им трудно. С младшим ещё полбеды: в каторжной тюрьме, в обществе своих, он находил чем занять тоскующую душу. В Читинском остроге, а затем и в Петровском заводе у государственных преступников было немало свободного времени, изрядную часть досуга они заполняли взаимным обучением: чтением лекций по разным предметам, изучением языков. Павел Бобрищев-Пушкин и здесь, как когда-то в училище колонновожатых и в школе подпрапорщиков, с увлечением преподавал математику. Писал иногда стихи и читал их собратьям — испытанное средство борьбы с тюремной тоской.

А вот Николай… Вроде и наказание у него было легче — ссылка, не каторжная тюрьма. Но велика Сибирь, и много в ней мест горьких и грозных, способных перевернуть человеческую душу. Не всякий выдержит.

Николай был отправлен в один из самых дальних углов ссыльнопоселенческого мира: на Колыму. Военный топограф — в тот край, которого на картах ещё толком не было. Оттуда пытался бежать — порыв, обречённый на неудачу. Не столько по милости, сколько по трудности надзора его решили перевести поближе, в Туруханск на Енисее. Там он был водворён в апреле 1827 года. А

20 мая того же года датировано донесение восточносибирского генерал-губернатора Лавинского о том, что ссыльный Николай Бобрищев-Пушкин пребывает в помешательстве ума.

Болезнь его, насколько можно судить по отрывочным описаниям, проявлялась в приступах буйной ярости, перемежавшихся периодами упадка и отчаяния. Поначалу он пытался бороться с недугом: по собственному прошению, с дозволения светских и духовных властей поступил в Троицкий монастырь близ Туруханска; в 1828 году переведён в Енисейск, в Спасский монастырь. Но в 1829 году он уже оказался в городской больнице, а в 1831-м отправлен в Красноярск, в дом умалишённых.

(Странное сходство истории болезни двух туруханских ссыльных, Шаховского и Бобрищева-Пушкина, позволяет предположить, что причина их помешательства заключается в каком-то специфическом для тех мест факторе, например инфекции, поражающей центральную нервную систему и способной спровоцировать психическое расстройство. Это, конечно, только предположение.)

В 1833 году в Красноярск приехал Павел и забрал Николая из дома скорби. Братья воссоеди-

нились. Не знаем, была ли радостной их встреча, но жизнь предстояла нелёгкая. В 1839 году братьям разрешено переехать в Тобольск, где к этому времени сложилась колония декабристов. Павел и там нашёл себе занятия. Он вообще был на все руки мастер, почти как Николай Бестужев: столярничал, разводил огороды, умел кроить и шить, чертил архитектурные планы, служил чтецом в церкви, писал богословские статьи, переводил «Мысли о религии» Паскаля, а ещё увлёкся входившей в моду гомеопатией и, как мог, лечил недужных, разумеется бесплатно. Светлая была бы жизнь, если бы не лежало на ней тёмным пятном безумие брата.

Мария Францева, воспитанница Фонвизиных:

«…Иногда случалось, что он в припадке бешенства, несмотря на всю любовь свою к брату, при малейшем его противоречии, бросался на него и замахивался тем, что попадалось ему под руку; однажды он пришёл в такое раздражение, что бросился на брата, изломал об него чубук от трубки, которую курил в то время. Свистунов, будучи дружен с П[авлом] Сер[геевичем], предложил ему комнату у себя в доме. Николай же Сергеевич остался в отдельной квартире».

Так и жили они: Павел в семье Свистуновых,

Николай отдельно, на попечении брата. В 1846 году истёк срок ссылки Николая. Но он, конечно, никуда не уехал.

В 1856 году Павлу наконец разрешено было вернуться на родину. Братья поселились в имении сестры, в селе Коростино Тульской губернии. Павел время от времени наезжал в Москву, бывал и в подмосковном Марьино у Натальи Дмитриевны Фонвизиной-Пущиной. Говорят, когда-то он был в неё влюблён. В её доме в Москве он и умер 13 февраля 1865 года в результате нежданной и стремительно развившейся грудной и горловой болезни.

Николай пережил брата на шесть лет и скончался в Коростино 13 мая 1871 года.

Дело № 82

Доктор в шапочке-ермолке, с длинной трубкой в руках (не медицинской вовсе, а курительной). Нетипичный декабрист: происхождения недворянского, лекарь, сын аптекаря, из московских немцев. Непонятно даже, как и звать-то его по-русски: Крестьян Богданович, Фердинанд Бернгардович, Фёдор Богданович… Самый распространённый вариант — Фердинанд Богданович. Разительно не похож на своих воинственных со-

братьев по Южному обществу. Между тем в оном обществе — одно из первых лиц. И в тюрьме, и на поселении — человек незаменимейший. Врач милостью Божией.

Христиан Фердинанд (Фердинанд Богданович) Вольф

Родился в 1796 или 1797 году в Москве[202].

Лютеранин.

Отец – Бернгард (Богдан Христианович), был аптекарем на государевой службе и дослужился до чина титулярного советника; на момент ареста сына он был жив, хотя и в весьма преклонных летах (около 80 лет). Имя матери неизвестно; умерла в 1833 году. Две сестры, одна из них, Катерина, жена штаб-лекаря Толя.

Воспитывался в частном пансионе при лютеранской церкви Петра и Павла в Москве. Согласно формулярному списку, в 1810 году принят «из вольнопросящихся» в московское отделение Медико-хи-

[202] Примечания: 202

В следственном деле имеются разночтения: в формулярном списке на начало 1826 года указан возраст 33 года; в собственноручных показаниях — 29 лет. Если верить слову доктора, то родился он, скорее всего, в 1796 году. Но возможна и более ранняя дата — 1792 или 1793 год.

рургической академии. Как значится в формулярном списке, «во время нашествия неприятеля в Москву находился по своему желанию для вспомоществования раненым и больным в Касимовской военно-временной госпитали». Видимо, продолжал лечить раненых до конца Отечественной войны. В августе 1814 года выпущен из Академии кандидатом в лекари 1-го отделения[203]. Определён в Ковельский военный госпиталь, после упразднения которого в том же году переведён в Луцкий военный госпиталь. В 1815 году от Академии произведён в лекари 1-го отделения и назначен на оклад младшего лекаря 2-го класса[204]; служил в 45-м егерском полку на Кавказе, затем в 28-м егерском. В 1817 году переведён на оклад младшего лекаря 1-го класса. В 1818-м определён старшим лекарем 2-го класса в 16-ю артиллерийскую бригаду 2-й армии. В 1819 году произведён в

[203] Примечания: 203

Низшая врачебная степень; далее — лекарь 1-го, 2-го, 3-го отделений, доктор медицины.

[204] Примечания: 204

А это штатная должность в армии: 1-й класс, наоборот, выше 2-го.

штаб-лекари; с этого времени служит при Главной квартире 2-й армии. В 1821 году награждён орденом Святого Владимира 4-й степени «за усердную службу». В 1822 году назначен доктором при полевом генерал-штаб-докторе (начальнике медицинской службы) 2-й армии. В 1824 году ему присвоен чин коллежского асессора с правом потомственного дворянства.

Член Союза благоденствия и Южного общества.

Приказ об аресте подписан 30 декабря 1825 года. 6 января 1826-го арестован в Тульчине, 14-го доставлен в Петербург и помещён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по II разряду, приговорён в каторжную работу на 20 лет, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина $7^{7}/_{8}$ вершка[205], лицо чистое, смугловатое, продолговатое, глаза темно-карие, нос средний, остр, волосы на голове и бровях темно-русые, на левой щеке подле носу родимое

[205] Примечания: 205
177,5 см.

небольшое пятнышко.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1836 года жил на поселении в Урике Иркутской губернии, с 1845 года в Тобольске.

Умер 24 декабря 1854 года.

О Вольфе до декабря 1825 года, помимо послужных данных, известно мало: не гвардеец, не столбовой дворянин, служит себе и служит — что о нём рассказывать? Одно очевидно: доктор он хороший, даже очень. Офицеры Главной квартиры обращаются за медицинской помощью к нему, не к другому лекарю. Фаленберг укажет в своих показаниях, что свою молодую, опасно захворавшую жену поручил попечениям Вольфа. Семейный доктор он и у Юшневских; тут и вовсе свой человек, друг семейства. И сам генерал Киселёв, начальник штаба армии, прибегнет к его помощи, идя на смертельное дело — дуэль с генералом Мордвиновым[206]. Врачебное искусство Вольфа в тот день потребовалось не Киселёву, а Мордвинову и, увы, не помогло: на руках докто-

[206] Примечания: 206

Эта уникальная дуэль двух генералов состоялась 24 июня 1823 года и была вызвана служебными интригами; к тайным обществам она отношения не имела. Генерал-майор Мордвинов вызвал Киселёва и был смертельно ранен пулей в живот.

ра Мордвинов умер от раны, подобной той, что получит потом Милорадович. Но и эта драма показывает: Вольф — незаменимая личность в Тульчине и вокруг.

Тульчин дышал воздухом вольнодумства. Штаб-лекарь присоединился к тайному обществу, едва только оказался там — в 1819 году. После роспуска Союза благоденствия он — один из инициаторов создания Южного общества, а затем убеждённый его деятель.

Из показаний свидетелей по делу Вольфа.

Полковник Пестель:

«Вольф был из первых членов тульчинского общества».

Полковник Бурцев:

«Он, Вольф, присутствовал в собрании тульчинских членов в марте месяце 1821 года, когда было… объявлено о уничтожении сего Союза (благоденствия; и было образовано Южное общество. — *А. И.-Г.*)».

Ротмистр Ивашев:

«Вольф был в первом и остался в последнем обществе, находясь и при совещании о продолжении оного».

Из воспоминаний Сергея Волконского:

«Человек мыслящий и тёплый к делу и выпада-

ющий из общей рядовой обстановки».

Действительно, Вольф — не рядовой карбонарий, не какой-нибудь там прапорщик, а фигура особая. Как человек позитивной науки, он не обременён верой в «царя милостию Божией»; как безродный немец, он не связан узами дворянской верности русскому престолу. И главное: как доктор, он вхож во многие дома и может вести секретные беседы с кем угодно, не вызывая подозрений.

В чём состоял южный заговор? При всей несогласованности вариантов и непроработанности деталей, в целом он подразумевал три последовательных пункта: 1) привлечь к участию как можно больше офицеров и генералов, пользующихся доверием солдат, и наладить между ними надёжную связь; 2) опираясь на руководимые заговорщиками войска, при удобном случае (императорский смотр, манёвры) пленить Александра I или убить его; 3) захватить Главные квартиры 1-й и 2-й армий и совершить марш-бросок на столицу, дабы при поддержке северных товарищей овладеть верховной властью. Как мы знаем, дальше первого пункта дело двинуться не успело. Вольф, который мог постучаться в любое время в любую дверь (ничего необычного: доктор

спешит к пациенту), — на этом этапе ключевой агент.

Коллизии конспиративной деятельности Фердинанда Богдановича скрыты завесой врачебной тайны. И материалы допросов не помогают приподнять завесу. Следователи, генерал-адъютанты, вовсе не ставили перед собой задачу устанавливать истину. Им нужно было лишь обосновать приговоры в отношении конкретных лиц, а для этого в первую очередь требовались личные признания и (или) согласные показания двух-трёх свидетелей. В отношении Вольфа этих показаний было достаточно. Зачем копать глубже? Мало ли какие фигуры могут обнаружиться? Любезные императорскому двору, как Киселёв, или овеянные славой, как Витгенштейн…

Из показаний свидетелей по делу Вольфа.

Штаб-ротмистр князь Барятинский:

«Вольф был… на совещании 1822 [года], где решён вопрос о царствующем лице».

Полковник Пестель:

«Был… одобрен и решительный, революционный способ действия с упразднением престола и в случае крайности с изведением тех лиц, которые представят в себе непреодолимые препоны… Аврамов, Юшневский, Ивашев, Крюковы 1-й и 2-й,

Басаргин, князь Барятинский и Вольф единогласно разделяли цель и способы достижения оной».

Поручик Заикин:

«Когда Пестель был арестован, Вольф, по поручению Юшневского, требовал, чтобы бумаги Пестеля были сожжены».

Последнее показание весьма важно: Вольф хорошо знал погибельное содержание «Русской правды», и он был один из немногих, кто пытался действовать после ареста Пестеля. Очень опасен.

Здесь заканчивается история Вольфа-заговорщика и начинается история врача-бессребреника, целителя отверженных. Девять лет в каторжных тюрьмах и 18 лет на поселении.

Из воспоминаний Николая Басаргина:

«В случае серьёзной болезни к нему обращались не только мы сами, дамы наши, но и комендант, офицеры и все, кто только мог… Слава об искусстве Вольфа так распространилась, что приезжали лечиться к нему из Нерчинска, Кяхты и самого Иркутска».

Из воспоминаний Ивана Якушкина:

«Вызывая к себе Вольфа, коменданту трудно было не позволить ему навещать дам, когда

они были нездоровы[207]. *Окончательно Вольф получил дозволение выходить в сопровождении часового всякий раз, что его помощь нужна была вне каземата».*

Ольга Анненкова (Иванова), дочь Ивана и Прасковьи Анненковых, родившаяся в Петровском заводе:

«При рождении… принял меня доктор Вольф… которого я потом полюбила до обожания… К больным своим он относился с таким вниманием, какого я уже потом не встречала. С необыкновенно тихими, ласковыми и кроткими приёмами, он умел очаровать и подчинить своей воле больных».

Пётр Свистунов:

«Вольф ни от кого не брал денег за лечение».

Мария Юшневская — Семёну Юшневскому, 2 февраля 1833 года:

«Вчерась был у меня Фердинанд Богданович Вольф. Он очень переменился, бедный. Несколько дней кашель его мучит, и всё жалуется на боль в груди. Ты помнишь, что он, бывало, и в Тульчине часто жалуется болью в груди».

В 1836-м поселён в Урике Иркутской губер-

---

[207] Примечания: 207

Жёны осуждённых, имеющие детей, до декабря 1832 года (до смерти Александры Муравьёвой) жили отдельно от мужей, вне стен тюрьмы.

нии; с этого времени жил вместе с Никитой и Александром Муравьёвыми и их семейством. По представлению генерал-губернатора Броневского, ввиду недостатка медиков Вольфу было разрешено заниматься врачебной практикой. Он пользует всех иркутских декабристов и местную публику в Иркутске и окрестностях.

Из письма Вольфа Михаилу и Наталье Фонвизиным, 11 ноября 1836 года:

«При всяком важном случае меня везут в Иркутск, и там я решительно с утра до вечера пишу рецепты и навещаю больных, потом возвращаюсь в Урик, чтоб отдохнуть; иногда, и довольно часто, больные и сюда ко мне приезжают».

Ольга Анненкова (Иванова):

«Вольф не имел никакого состояния и жил только тем, что получал от Екатерины Фёдоровны Муравьёвой, матери двух сосланных Муравьёвых».

Неожиданная смерть Никиты Муравьёва разрушила едва успевшее наладиться житьё-бытьё в Урике. В 1845 году семья Александра Муравьёва и Вольф получили разрешение переехать в Тобольск. Образ жизни доктора после переезда тот же. О нём слагаются легенды.

Из воспоминаний тобольской знакомой Марии

Францевой:

«Когда он был в Иркутске, то там прославился, вылечив одного богатого золотоискателя, от которого отказались уже все тамошние знаменитости. По выздоровлении своем золотоискатель… послал ему в пакете пять тысяч ассигнациями с запиской, в которой написал ему, что если он не возьмёт этих денег из дружбы, то он при нём же бросит их в огонь. Денег всё-таки Фердинанд Богданович не взял»[208].

Ольга Анненкова (Иванова):

«Он был красив и необыкновенно приятен, носил всегда всё чёрное, начиная с галстука, и дома носил на голове маленькую бархатную шапочку в виде фески. Жил он в Тобольске совершенным аскетом в маленьком домике в саду, выстроенном нарочно для него Александром Муравьёвым».

Умер Вольф в сочельник, 24 декабря 1854 года, пребывая в должности врача тюремной больницы в Тобольске. Разрешение вступить в эту службу было последней милостью, оказанной ему властью.

Годом раньше скончался Александр Муравьёв, оставив Вольфу в наследство небольшой капи-

---

[208] Примечания: 208

Не эту ли легенду про деньги, брошенные в огонь, слышал Достоевский и потом использовал в «Идиоте»?

тал: три тысячи рублей. Фердинанд Богданович сохранил деньги в неприкосновенности. Перед смертью он успел составить завещание: две тысячи своему помощнику по тюремной медицине Александру Фролову (из «соединённых славян»), остальное плюс кое-какие собственные накопления — малоимущим товарищам по ссылке.

Дело № 83

В судьбах изрядного количества южных заговорщиков роковую роль сыграли бумаги Пестеля, а именно его драгоценная «Русская правда». История её сокрытия и обнаружения повлияла на приговоры Бобрищевым-Пушкиным, Крюковым, Юшневскому, Вольфу, не говоря уж о самом Пестеле. Всем им добавилось по гире на чашу судейских весов. Одному только Заикину вроде бы посчастливилось облегчить участь. Однако жизнь его оказалась недолгой: до 32 лет не дожил, и могила его затерялась в холодной земле над Леной.

Николай Фёдорович Заикин

Православный.

Родился 23 ноября 1801 года в селе Фёдоровское (Ржава) Фатежского уезда

Курской губернии.

Отец – Фёдор Михайлович Заикин, надворный советник. О матери сведений нет. Братья: старший Альвиан, младшие Фёдор, Павел, Александр, Михаил. Сёстры: Елизавета, Серафима. Родительское имение Фёдоровское – 400 душ крепостных.

Образование получил дома и в частных пансионах Москвы. В 1819 году поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых; выпущен в 1821 году прапорщиком свиты по квартирмейстерской части. В 1822 году откомандирован во 2-ю армию, направлен в Подольскую губернию для проведения топографической съёмки. В 1823 году назначен состоять при школе топографов в Тульчине. В 1824 году произведён в подпоручики.

Член Южного общества.

Приказ об аресте подписан 5 января 1826 года, 14 января отправлен из Тульчина в Петербург, 22 января допрошен и доставлен в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён на поселение вечно; срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина пять с половиною вершков[209], волосы на голове светло-русые, редкие, на бороде светло-русые же, нос посредственный, туповат, глаза серые.

Отправлен в Гижигинск Охотского округа, но по пути перенаправлен в Витим на реке Лене, где умер 23 июля 1833 года.

Как и братья Бобрищевы-Пушкины и Николай Крюков, он из школы колонновожатых, офицер квартирмейстерской части. Вместе с вышепоименованными вёл съёмку в Подолии, поэтому неудивительно, что по возвращении в Тульчин оказался в тайном обществе. Согласно показанию Заикина, принял его туда старший Крюков, кавалергард, при участии ещё одного квартирмейстерского офицера, Ивана Аврамова (о нём — следующее дело). О причинах вступления Заикин скажет потом коротко и ясно: «Намерение общества — дать России Конституцию — побудило меня вступить в оное». Что и говорить: эти молодые топографы — все, как один, убеждённые

---

[209] Примечания: 209
Примерно 166,5 см.

конституционалисты.

Квартировал вместе с Павлом Бобрищевым-Пушкиным в деревне Кирнасовка, в 12 верстах от Тульчина — это окажется существенно в дальнейшем.

Заикин пробыл в обществе недолго и мало знал о его планах. Но произвёл хорошее впечатление на Пестеля, который любил окружать себя пылкой молодёжью. И поэтому оказался замешан в историю с бумагами вятского полковника. Именно его отправил Барятинский из Тульчина в Линцы с известием о болезни государя и о том, что следствие, ведущееся при императорской Главной квартире, приобретает опасное для Южного общества направление. Ему же Пестель передал (через непосвящённого в тайну майора Мартынова) те самые бумаги, каковые были затем упрятаны, как казалось, в надёжном месте.

Пестель назвал имя подпоручика Заикина на одном из первых допросов в Петербурге.

Как и прочие, на следствии Заикин начал с запирательств, но уже 27 января, после второго допроса, объявил, где «Русская правда» зарыта. Было принято решение послать его «закованного, под присмотром офицера при надежном фельдъегере или жандарме для отыскания упомянутых

бумаг». 31 января Заикин был закован в ручные железа и в сопровождении штаб-ротмистра Слепцова отправлен в Тульчин. Оттуда отправились в деревню Кирнасовку.

Из показаний Заикина от 27 января 1826 года:

«Въезжая… в Кирнасовку и достигнув корчмы, находящейся на правой стороне дороги… должно поворотить налево и ехать до второй гребли… проехав оную и поворотя налево, ехать мимо мельникова двора… на расстоянии 30 или 40 сажен от мельникова двора должно поворотить направо и ехать дорогою, восходящею на гору и идущею в лес. От сей дороги, не доезжая сажен 50 или 60 до креста, который будет виден, идёт старая канава… в левую сторону под прямым почти углом. В сей самой канаве, на некотором расстоянии от дороги (кажется, около 180 моих шагов) зарыты бумаги…»

К показанию приложен прекрасный план местности — сразу видно, рисовал топограф.

Прибыли в Кирнасовку. В указанном месте принялись копать — ничего не нашли. Ещё две или три попытки закончились тем же. Тут-то и выяснилось, что Заикин не присутствовал при зарытии бумаг. Поначалу они вдвоём с Павлом Бобрищевым-Пушкиным спрятали бумаги под

полом в доме, где жили, но потом решили схоронить понадёжнее, в условленном месте. Эту миссию выполнили братья Бобрищевы-Пушкины под покровом ночи, а помогал им брат Николая Заикина Фёдор, подпрапорщик Пермского полка. Николай вызвал брата запиской: «Не упорствуй, ибо иначе погибну». Фёдор прибыл на братний зов, и Пестелево сокровище было обнаружено.

Братьям зачлась оказанная следствию помощь. Фёдор был освобождён от наказания. Николай осуждён по VIII разряду. Ранняя смерть от неизвестной нам причины перечеркнула государеву милость.

Дело № 84

Иван Борисович Аврамов[210]

Православный.

Родился в 1802 году.

Отец – Борис Иванович Аврамов, отставной поручик. Мать – Елизавета Андреевна, урождённая Кислинская. Братья: Андрей, Илья, Николай – армейские офицеры. Сёстры: девицы Пелагея, Надежда и Прасковья. У отца имения в Тульской

---

[210] Примечания: 210

С Павлом Аврамовым в родстве не состоит.

и Рязанской губерниях, всего около 180 душ крепостных, половина заложена в опекунском совете.

Получил домашнее образование, учился в пансионе при Тульском Александровском дворянском училище, после чего год отучился в Московском учебном заведении для колонновожатых; в 1819 году по экзамену произведён в прапорщики квартирмейстерской части и направлен во 2-ю армию. Занимался съёмкой в Подольской губернии. В 1822 году произведён в подпоручики и награждён орденом Святой Анны 4-й степени за труды. Прикомандирован к Главной квартире 2-й армии. В 1825 году произведён в поручики.

Вероятно, был членом Южного общества.

Приказ об аресте подписан 5 января 1826 года, арестован в Тульчине 14 января, доставлен в Петербург 22 января, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина семь вершков[211], лицо белое продолговатое, глаза голубые, нос широковат, волосы на голове и бровях светло-русые, и на груди выше правой титьки небольшая бородавка.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. В 1828 году отправлен на поселение в Туруханск Енисейской губернии.

Умер 17 сентября 1840 года.

Служебный путь Ивана Аврамова тот же, каким шли Николай Крюков, Бобрищевы-Пушкины, Заикин и другие офицеры квартирмейстерской части.

В тайном обществе оказался тоже известным нам образом — по знакомству. О конспирации и её задачах поведал ему в 1823 году Александр Крюков. Принял ли он своего нового знакомца в общество или не принял — неясно, да, впрочем, и не важно. Аврамов оказался замешан в историю с бумагами Пестеля, и этого для следствия было достаточно.

Из показаний свидетелей по делу Аврамова.

Пестель:

---

[211] Примечания: 211
Примерно 173 см.

«Аврамов не принимал никакого участия в действиях общества, а только был член, разделяющий образ мыслей и желающий конституционного правления».

Николай Заикин:

«Поручик Аврамов принят в общество прежде меня и был даже свидетелем, как меня принимал в общество Кавалергардского полка поручик Крюков. б…с *Когда розыск о тайном обществе увеличился… свитский поручик Аврамов приезжал из м[естечка] Тульчина в с[ело] Кирнасовку меня навестить, и мы, рассуждая об опасности, советовались, сжечь ли нам бумаги или нет».*

Ивану Аврамову вроде бы повезло: он не сошёл с ума и даже, по некоторым данным, на поселении обзавёлся семейством (имя его спутницы неизвестно, как и судьбы детей). И всё же Туруханск подтвердил свою зловещую репутацию. В 1831 году Аврамову вместе с осуждённым по тому же разряду Николаем Лисовским высочайше дозволено заниматься торговлей в пределах Туруханского края и по торговым надобностям выезжать в Енисейск. В сентябре 1840 года Аврамов отправился в Енисейск на барже с грузом рыбы. 17 сентября вблизи села Анциферово он был обнаружен мёртвым. Причина смерти оста-

лась невыясненной.

Дело № 85

Николай Александрович Загорецкий

Православный.

Родился в 1797 году.

Об отце, кроме того, что он дворянин Смоленской губернии, сведений нет. Мать – Наталья Васильевна Крутикова, из семьи московского купца 2-й гильдии, в 1826 году числилась «по бедности» в мещанском сословии[212]. Сестра Ольга[213].

Воспитывался дома; слушал также лекции в Московском университете. Вступил в службу (возможно, номинально) в 1812 году губернским регистратором (чин XIII класса) в канцелярию смоленского военного губернатора. В июле того же года записан в московское ополчение портупей-юнкером. В 1813 году принят

---

[212] Примечания: 212

Так как по закону жена вступает в сословие мужа, из указанного факта можно сделать вывод, что официально замужем за отцом Николая Александровича она не состояла и сын её узаконен по прошению.

[213] Примечания: 213

В её имении будет Загорецкий проживать под надзором после двадцати лет тюрьмы, ссылки, солдатчины.

колонновожатым в свиту по квартирмейстерской части. Прошёл обучение в Московском учебном заведении колонновожатых в 1816–1817 годах и выпущен прапорщиком с откомандированием в Главную квартиру 1-й армии, в Могилёв. В 1818 году откомандирован во 2-ю армию, направлен на топографическую съёмку Подолии. В 1821 году произведён в подпоручики, в 1822-м за труды по съёмке награжден орденом Святой Анны 3-й степени. В 1823 году произведён в поручики за отличие по службе.

Член Южного общества.

Арестован и допрошен в Тульчине 2 января 1826 года. Доставлен в Петербург 18 января, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина восемь с одной восьмою вершков[214], лицо смуглое, несколько рябоватое, глаза карие,

[214] Примечания: 214
Примерно 178 см.

нос длинный, остр, волосы на голове и бровях темно-русые и на левой стороне лба небольшая впадина.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. В 1828 году определён на поселение в село Витим Иркутской губернии, откуда в декабре 1833-го переведён в село Буреть на Ангаре, близ Усолья Сибирского. В 1838 году отправлен на Кавказ, рядовым в Апшеронский пехотный полк, переведён в Навагинский пехотный полк. В 1840 году произведён в унтер-офицеры; в 1843-м в прапорщики за отличие в делах против горцев. Уволен от службы в 1845 году с обязательством безвыездно жить в имении сестры, селе Сумино Звенигородского уезда Московской губернии. В 1847 году разрешено поступить на службу по ведомству Министерства государственных имуществ.

Женат не был.

Выйдя в отставку в 70-летнем возрасте, поселился в Москве, где и умер в 1885 году.

Останься Загорецкий в Могилёве — может

быть, беды и не случилось бы. И опять Тульчин! Опять господа офицеры квартирмейстерской части!

В Южном обществе Загорецкий оказался незадолго до декабрьской развязки. Змей-искуситель — Крюков, на сей раз Николай.

Из показаний Загорецкого:

«Я узнал о тайном обществе 1825 года от Крюкова 2-го. Побудительных же причин, кроме любопытства, никаких во мне не было».

Из показаний других подследственных о Загорецком:

Павел Пестель:

«Загорецкий есть член общества».

Князь Александр Барятинский:

«Загорецкого посылал к Пестелю с известием о кончине государя».

Николай Заикин:

«…Послан был поручик Загорецкий из Тульчина в Немирово с известием о смерти покойного государя к господину полковнику Леману, дабы сей последний передал сие господину Пестелю».

Отрывочные упоминания о Загорецком встречаются в документах и мемуарах о военных действиях на Кавказе. Например, он участвует в десантной операции 7 июля 1839 года в устье

реки Псезуапсе вместе с декабристами Лорером, Одоевским и Нарышкиным. Одоевский, кстати, умрёт там же через месяц с небольшим от малярии на руках Загорецкого. Отметим также, что операцией руководят генерал Раевский, брат Марии Николаевны Волконской, и адмирал Лазарев, под командой которого когда-то служили Вишневский и Завалишин.

Николай Лорер о бое 7 июля 1839 года в устье Псезуапсе:

«На правом нашем фланге трещала ещё страшная пальба… Я пошёл по направлению выстрелов и дорогой встречал многих раненых… Попавшийся мне знакомый офицер указал мне, где отыскать Нарышкина, которого я и нашел наконец с Загорецким у дерева. Последний заряжал ружьё Нарышкину, а у Михаила Михайловича, сделавшего более 70 выстрелов, усы и всё лицо были черны от пороху и дыму…»

Из донесения от 7 июля 1839 года:

«3-й батальон Тенгинского полка в полном порядке быстро взошёл на высоту и расположился на ней. Прежде всех взбежала пара стрелков, состоявшая из государственных преступников, рядовых Одоевского и Загорецкого. Они вдвоём бросились в кучу деревьев, где засело десяток чер-

кес, сии последние, сделав на них залп, убежали…»

Ратные подвиги — лишь для того, чтобы выслужить офицерский чин и с ним права дворянства. Получив вожделенную звёдочку на эполеты, Загорецкий выходит в отставку. Вскоре, однако, вновь поступает на службу, теперь гражданскую, по Министерству государственных имуществ. Министр — тот самый Павел Дмитриевич Киселёв, который когда-то, в незапамятные времена, был начальником штаба 2-й армии и курировал работу военных топографов. Теперь он генерал от инфантерии, генерал-адъютант и всех российских орденов кавалер. А Загорецкий из поручиков свиты, через Сибирь и Кавказ, едва дотянул до прапорщика… В ведомстве своего бывшего шефа Николаю Александровичу предстоит прослужить около 20 лет, до 1867 года, в неприметной должности уполномоченного от казны по полюбовному размежеванию земель в Одоевском уезде Тульской губернии.

Дело № 86

Барон Алексей Иванович Черкасов
Православный.
Родился 15 ноября 1799 года.
Отец – барон Иван Петрович Черкасов,

отставной секунд-майор. Мать – Мария Алексеевна, урождённая Кожина[215]. У Алексея три брата и пять сестер. Старший брат Пётр, адъютант генерала Бороздина, проходил по делу о злоумышленных обществах и был арестован, но вскоре освобождён без последствий. Семейство состоятельное: за отцом имения в Тамбовской, Тульской, Орловской и Московской губерниях, всего до 1200 душ.

Воспитывался в Московском университетском пансионе, с 1816 года в Московском учебном заведении для колонновожатых. В 1817 году успешно сдал экзамен на офицерский чин и был выпущен прапорщиком свиты по квартирмейстерской части. В 1818 году направлен в Главную квартиру 2-й армии, назначен в 3-ю драгунскую дивизию дивизионным квартирмейстером, а в 1819 году откомандирован на съёмку Подольской губернии. В 1821 году произведён в подпоручики,

[215] Примечания: 215

По-видимому, ко времени ареста сына её уже давно не было на свете, так как в более поздних документах упоминается мачеха, некая Пелагея Андреевна; при этом отцу декабриста в 1826 году было далеко за шестьдесят, так что овдовел он и во второй брак вступил, скорее всего, до декабрьских событий.

в 1822 году награждён за труды орденом Святой Анны 4-й степени, а в 1823 году за отличие по службе произведён в поручики. В 1825-м отправлен на съёмку в Киевскую губернию.

Член Южного общества.

Приказ об аресте датирован 30 декабря. Арестован по месту службы 2 января, доставлен в Тульчин, оттуда в Петербург 18 января, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина четыре и три четверти вершка[216], лицо белое, круглое, глаза темно-карие, нос посредственный, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал в Читинском остроге. Весной 1828 года отправлен на поселение в Берёзов Тобольской губернии[217]. В 1832 году разрешено переехать в Ялуторовск. В

---

[216] Примечания: 216

Всего 163,4 см — один из самых низкорослых декабристов.

[217] Примечания: 217

Место ссылки Меншикова, недруга и гонителя прадеда нашего героя.

1837 году определён рядовым на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк (там встретился с декабристом Лихаревым, но на год разминулся с Лермонтовым). В 1837 году унтер-офицер; в 1839-м переведён в Кабардинский егерский полк; в 1840-м юнкер, в 1842-м прапорщик. В 1843 году уволен от службы с обязательством жить в имении мачехи, селе Володьково Белевского уезда, под строгим надзором. В последующие годы управлял хозяйством мачехи и родственников.

Умер в апреле 1855 года.

Откуда у потомка тульского помещика нехарактерный для русского дворянства баронский титул? Прадед Алексея Ивановича, незнатный уроженец Малороссии Иван Антонович Черкасов, при Петре Великом выслужился из подьячих в кабинет-секретари царя, а при Елизавете Петровне сделался управляющим делами императрицы. За труды получил обширные имения и был пожалован в бароны. (Этот титул изредка жаловали российские самодержцы и самодержицы тому, кто по причине происхождения «из неблагородного звания» недотягивал до «сия-

тельства» — графа.) Небезынтересно, что предок декабриста причастен к созданию русского фарфора: именно ему Елизавета Петровна поручила курировать сложнейшее дело — создание Порцелиновой мануфактуры, более известной как Императорский фарфоровый завод. И ещё знаменательный факт: должность, которую исправлял Иван Черкасов при Петре Великом во время Персидского похода, называлась «квартирмейстер».

Быть может, правнук решил пойти по стопам прадеда, ибо поступил в Московское учебное заведении для колонновожатых, готовившее, как мы знаем, офицеров-квартирмейстеров. В Подольской губернии, занимаясь топографической съемкой, встретился с известной нам компанией. В ходе этих работ, по-видимому в 1823 году, побывал в Линцах, в штабе Вятского полка, где познакомился с полковником Пестелем.

Поименован как член Южного общества в доносе Майбороды, в показаниях князя Барятинского, Ивашева, Заикина и других. Сам признал, что в 1824 году был принят в общество капитаном Филиповичем (сей последний выбыл из строя умершим в марте 1825 года, посему в списках привлечённых по делу не значится).

Из следственного заключения по делу барона

Черкасова:

«…Принят членом в Тульчине в 1824 в тайное общество имевшее целью ввести конституционное правление, и слышал весьма темно о намерениях покуситься против государя: а) в 1825 в Таганроге через выбравшихся от Южного общества 15 человек и б) при предполагаемом в мае 1826 смотре 3-го корпуса».

В 1854 году женился на Елизавете Котц, дочери барона Венцеслава Котца[218]. Их единственная дочь Мария родилась через четыре месяца после внезапной смерти отца, последовавшей в апреле 1855 года.

Дело № 87

Владимир Николаевич Лихарев
Православный.
Родился в 1803 году.
Отец – Николай Андреевич Лихарев,

---

[218] Примечания: 218

Свояченица барона Черкасова, баронесса Екатерина Котц, долгие годы прослужит директрисой Иркутского института благородных девиц, того самого, первой начальницей которого была Каролина Карловна Кузьмина, неудачливая претендентка на руку и сердце Никиты Муравьёва. За службу баронесса получит пенсион и дар от государя Александра III — драгоценную брошь. На старости лет она переедет жить в Петербург. А в 1907 году будет убита у себя на квартире грабителем — бывшим сибирским каторжником. Причиной гибели родственницы декабриста станет брошь — царский подарок.

отставной ротмистр, умер в 1826 году, вскоре после ареста сына. Мать – Пелагея Петровна, урождённая Быкова. Всего в семье девять детей. Родовое имение Коншинка в Каширском уезде Тульской губернии (более ста душ); имения в Тульской, Рязанской и Костромской губерниях (до 1500 душ крепостных).

Образование получил дома и в частной школе, затем в Московском учебном заведении для колонновожатых, из коего в 1820 году выпущен по экзамену прапорщиком в свиту по квартирмейстерской части и направлен в Главную квартиру 1-й армии, в Могилёв. Командирован на съёмку земель военного поселения Бугской и Украинской уланских дивизий. В 1823 году произведён в подпоручики.

Член Южного общества.

29 декабря Лихарев арестован в доме Иосифа Поджио в Яновке. Доставлен в Петербург 8 января, заключен в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду. Приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина семь с половиною вершков[219], лицо белое, продолговатое, глаза серые, нос посредственный, продолговат, волосы на голове и бровях светло-русые, на правом боку ниже рёбер от раны шрам и пуля внутри[220].

Отбывал каторгу в Читинском остроге. В 1828 году обращён на поселение в Кондинске Тобольской губернии. Год спустя переведён в Курган. В 1837 году зачислен рядовым в Куринский пехотный полк. В следующем году переведён в Тенгинский пехотный полк. Убит в сражении 10 или 11 июля 1840 года.

В отличие от своих коллег по квартирмейстерской части, Лихарев оказался замешан в дело тайного общества не через тульчинские знакомства, а по дружбе с братьями Давыдовыми — Александром Львовичем и полковником Василием Львовичем. Между прочим, сестра Лихарева, Вар-

---

[219] Примечания: 219
Примерно 175 см.

[220] Примечания: 220
Возникает противоречие с официальным разрешением отправиться в 1832 году в Тобольск для извлечения пули, находящейся в правом бедре (см. ниже). Возможно, пуля прошла сверху вниз (рикошетом?), оставив шрам ниже рёбер, и застряла в мягких тканях бедра.

вара Николаевна, впоследствии выйдет замуж за вдового Петра Львовича, третьего из братьев Давыдовых. Что касается Владимира, то, едва выслужив чин подпоручика, он влюбился в дочь генерала Бороздина Екатерину, родственницу Давыдовых и родную сестру жены Осипа Поджио.

Воистину, Лихарев всю жизнь стремится оправдать свою фамилию. Пылкий, безудержный человек. Страстный игрок, он никогда не научится считать презренные деньги и даже на поселении в Сибири умудрится наделать многотысячные долги. Пока что он со всей страстью натуры добивается руки своей избранницы. Соперник его — кто бы вы думали? Подпоручик Полтавского полка Мишель Бестужев-Рюмин. Сватовство Бестужева отвергнуто, но результат соперничества — единственная в своём роде дуэль двух карбонариев, имевшая место 8 ноября 1824 года. Выстрелом Лихарева сорван эполет с плеча Мишеля; ответным выстрелом Владимир ранен в правое бедро. Пуля не задела кость, и по совету доктора извлекать её не стали; в 1832 году ссыльнопоселенец Лихарев получит разрешение отправиться в Тобольск для извлечения этой самой пули, находящейся в правом бедре. Покамест, исцелившись, он делает официальное

предложение Екатерине Андреевне. Оно принято. В августе 1825 года влюблённые обвенчались в имении родителей невесты.

Снова, в который раз, мы видим эту картину: полное счастье и радужные перспективы накануне катастрофы.

Для вождей Южного общества привлечение Лихарева к заговору имело особое значение. По службе он был связан с Украинской уланской дивизией. Дивизия эта, сформированная из украинских казаков, была военно-поселенческой. Военные поселения — очаги яростного недовольства властью; пример тому — Чугуевский бунт военных поселенцев Слободской Украины в 1819 году, для подавления которого потребовалось четыре пехотных полка и две артиллерийские роты. Заговорщики весьма рассчитывали в случае мятежа на содействие поселенных войск. И вот Лихарев находит ключ не к кому-нибудь, а к самому графу Ивану Витту, командующему всеми военными поселениями Юга России.

Из показаний Лихарева на следствии:

«У родственника жены моей, генерала Высоцкого, в м[естечке] Златополе, узнал я отставного чиновника коллегии иностранных дел Бошняка.

Он человек суровой наружности и в речах весьма осторожный. Около двух лет продолжалось моё с ним знакомство и наконец сделалось довольно тесно. Он знал, что я в дружбе с Давыдовым, и мнения мои, которые я нисколько не скрывал. В июне месяце протекшего года, в один вечер, разговаривая со мною о различных предметах, он со слезами открыл мне, что желает быть участником людей, которые думают и желают свободы… Беседа наша сделалась откровеннее, и я тут же объяснил ему мою связь с Давыдовым и род моих занятий: тогда он объявил мне, что если в предприятиях наших нужны войска, он именем графа Витта предлагает содействие всех поселений, а уже гораздо после прибавил, что граф Витт второстепенным лицом быть не хочет и требует, чтобы всё ему было открыто».

Нужно ли объяснять читателю, что Бошняк был провокатором; Витт же, чьё задание выполнял Бошняк, только высчитывал, что выгоднее: предать царя заговорщикам или заговорщиков царю? Более надёжным оказался второй вариант. 18 октября 1825 года в Таганроге генерал Витт лично доложил Александру I о заговоре в армии. Одним из первых им был назван Лихарев. 18 декабря был подписан приказ о его аресте.

Сын Лихарева родился в мае 1826 года. Екатерина Андреевна не последовала в Сибирь за мужем. Вероятно, она оказалась более послушной отцовской воле, чем её сестра, а может быть, и больше заботилась об участи мужа; во всяком случае, Лихарева не пришлось прятать в сырых казематах государевых крепостей, как Осипа Поджио. Вторично замуж она выйдет через десять лет.

В 1838 году рядовой Лихарев был переведён из Куринского пехотного полка в Тенгинский пехотный полк — в отряд Н. Н. Раевского. В июле 1840 года был заготовлен приказ о его производстве в унтер-офицеры. Но…

В том самом июле он был убит. Точные обстоятельства гибели неизвестны. Считается, что пал в бою на речке Валерик — в бою, о котором стихами расскажет поручик Тенгинского полка Лермонтов и тем самым положит начало батальному реализму в русской литературе. Но Тенгинский полк в этом походе не участвовал. Лермонтов был прикомандирован к отряду как офицер для поручений; каким образом там мог оказаться рядовой Лихарев — непонятно. Возможно, это легенда, призванная подтвердить его верность своей фамилии: лихой был боец и погиб в лихом деле. Так или иначе, пуля горца оказалась точнее,

чем пуля собрата по заговору.

Дело № 88

Граф Николай Яковлевич Булгари

Православный.

Родился в 1805 году в Петербурге.

Отец – граф Яков Булгари, грек, из офицеров Республики Семи Соединенных Островов[221]; на русской службе имел чин действительного статского советника; управлял имениями Анны Родионовны Чернышёвой (родственницы Захара Чернышёва); член греческого тайного общества Филики Этерия; находился под подозрением по делу о восстании Александра Ипсиланти (см. в главе о Пестеле). Мать – Елизавета, урождённая Кричулеско. Брат Матвей. Сёстры Елизавета, Мария, Софья. По делу о тайных обществах проходили: отец, двоюродный брат, родной и двоюродный дядюшки.

Был записан в Пажеский корпус, но обучался дома и в частных пансионах. После

[221] Примечания: 221

Было такое полугосударство в Ионическом море в 1800–1815 годах, под верховной властью Турции и под покровительством России.

сдачи экзамена в 1823 году определён корнетом в лейб-гвардии Кирасирский её императорского величества полк. В 1824 году произведён в поручики.

Член Южного общества с 1825 года.

Приказ об аресте датирован 19 декабря. Арестован в Одессе в доме отца 27 декабря. Доставлен в Петербург 9 января, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён «во уважение молодости его лет» в крепостную работу на два года, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина шесть вершков[222], лицом бел, глаза карие, волосы на голове темно-русые, нос посредственный.

Отбывал заключение в Динабургской крепости. В октябре 1827 года разрешено вступить на службу рядовым в 45-й егерский полк, дислоцированный в Финляндии. По ходатайству матери через год переведён в Северский конно-егерский полк. В 1829 году унтер-офицер. В 1832 го-

[222] Примечания: 222
Примерно 169 см.

ду произведён в прапорщики и переведён в Чугуевский уланский полк. В 1834 году поручик. В 1835-м отставлен от военной службы для определения в гражданскую. В последующие годы биография прослеживается плохо. Служил переводчиком в Керченской таможне, затем чиновником для особых поручений при керченском градоначальнике князе Херхеулидзе.

Был женат (год вступления в брак неизвестен, жена – Антуанетта Романовна, девичья фамилия тоже неизвестна). В 1839 году жил в Ревеле. Умер в 1841 году.

В начале 1825 года поручик Булгари получил отпуск и приехал к отцу в Белгород. Там, по его собственным словам, «узнал от прапорщика Вадковского о существовании тайного общества и был им в оное принят». Разумеется, Вадковского интересовал не столько двадцатилетний лейб-кирасир, сколько его отец, член греческой Этерии и приятель Александра Ипсиланти.

В первой четверти XIX века мода на тайные общества охватила Европу и выплеснулась в Россию, подобно тому как в наше время прокатываются волны увлечений ролевыми играми.

Декабристы, как истинно русские европейцы, вдохновенно играли в масонов, Тугендбунд, карбонариев. Но ближе всего русскому сердцу была Филики Этерия — греческое братство, имевшее целью борьбу с «тиранией Османов» и создание независимого греческого государства. Изрядно преувеличивая масштабы и значение Этерии, русские прапорщики вроде Вадковского надеялись через греков соединиться с итальянскими карбонариями и прочими агентами светлого будущего. В их мечтах рисовался некий либеральный интернационал, который уничтожит всех тиранов на свете и зажжёт зарю всемирной свободы.

Бедняга Николай Булгари пострадал за то, что был грек. А так как был принят в общество Вадковским, то, разумеется, мгновенно попал в донос Шервуда. Да ещё всплыли подозрительные связи отца… Посему молодой Булгари оказался в списке подлежащих аресту одним из первых.

Из следственного дела графа Булгари:

«Вопрос. Что побудило вас вступить в сие общество?

Ответ. Во-первых, опасное красноречие того человека, который навечно соделал меня несчастным; он ясно доказывал мне, что благосостояние

России требует какой-нибудь перемены в законах. Во-вторых, несчастие, преследующее меня от самого дня моего рождения. И наконец, самая лучшая причина есть средство, по которому он вовлёк меня в оное. Он прежде, нежели объявить мне что-либо о тайном сем обществе, дал мне честное слово, что ничего дурного в нём не заключается».

Дело № 89

Иван Фёдорович Фохт

Лютеранин.

Год рождения – 1794-й – устанавливается на основании того, что в следственном деле указан возраст: 31 год.

Отец – Теодор Фохт, из курляндских дворян; владел ли поместьями – неизвестно. О прочих родственниках сведений нет.

Воспитывался дома. Службу начал в 1814 году, поступив рядовым в Азовский пехотный полк, из чего видно, что семья его была небогатая и незнатная. В 1815 году подпрапорщик; участвовал в Заграничном походе, связанном с кратковременным возвращением Наполеона к власти во Франции. В 1817 году произ-

ведён в прапорщики, в 1819-м в подпоручики, в 1820-м в поручики, в 1824-м в штабс-капитаны. В том же году награждён орденом Святой Анны 4-й степени.

Член Южного общества.

Приказ об аресте датирован 30 декабря. Вызван в Тульчин, арестован, доставлен в Петербург 13 января, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке в Сибирь на поселение вечно, срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина семь с половиною вершков[223], лицом бел, оклад оного продолговат, нос прямой, волосы светло-русые, глаза серые, на левом глазу большое коричневое круглое пятно.

Отправлен в Берёзов Тобольской губернии в январе 1828 года, в 1829 году переведён в Курган.

Умер 1 февраля 1842 года.

У штабс-капитана Фохта в литературе есть тёзка — гоголевский Иван Фёдорович Шпонька. И хотя

---

[223] Примечания: 223
Примерно 175,5 см.

Фохт происходит не из полтавских помещиков, а из курляндских дворян, но гораздо ближе ему, чем столичным гвардейским офицерам. Он тянет служебную лямку как честный немец и, в отличие от Шпоньки, застрявшего в подпоручиках, к тридцати годам всё-таки дорастает до армейского штабс-капитана. (Сравните: князь Волконский в 26 лет генерал, Пестель в 28 лет полковник.) Можно не сомневаться, что живёт наш Иван Фёдорович исключительно на жалованье. Ему бы послужить беспорочно ещё года три-четыре, получить эполеты майора, жениться…

Но в его судьбу вмешивается злой рок. И что-то ещё: им движет то ли забота о благе России, то ли неудовлетворённое самолюбие курляндского дворянина.

Из показаний Фохта на следствии:

«…Я познакомился с полковником Пестелем в 1821 году по окончании данного мне господином начальником Главного штаба 2-й армии поручения, которое состояло в передании полкам 2-й армии правил, вновь высочайше утверждённых, а с майором Лорером — прошедшего года на манёврах. б…с *Помещиков Давыдовых… видел вместе у помещика Поджио, живущего в 15-ти верстах от них, к которому я ездил для получения расписки,*

данной ему господином генерал-майором князем Волконским в 10 000 рублей ассигнациями».

Как видим, выполнение служебных обязанностей влекло Фохта в среду заговорщиков. Вскоре он и сам член общества: принят Александром Поджио в 1824 году. Из показаний свидетелей явствует, что отправлял Фохт человека с письмами в Васильков, к подполковнику Муравьёву и подпоручику Бестужеву. Неудивительно, что имя Фохта попало в донос Майбороды.

То ли он ещё до ареста занемог, то ли в пути с ним что-то приключилось, но, отправляя штабс-капитана в крепость, государь собственноручно начертал указание Сукину: «Присылаемого Фохта посадить, где получше, и так как он болен, послать ему лекаря и, буде точно болен, отправить в гошпиталь». Фохт оказался «точно болен» и даже «одержим лихорадкою», ибо в марте его пришлось поместить в Военно-сухопутный госпиталь. Оттуда вернулся он в крепостной каземат только в августе, после вынесения приговора.

Из материалов следствия по делу Александра Поджио.

Вопрос следователя. В сию бытность вашу у Пестеля [штабс–] капитан Фохт, рассуждая о средствах приготовления нижних чинов к цели

общества, предлагал ли в каждой роте разделять их на гласных, т. е. отличных, и на безгласных, т. е. порочных, и, привлекая исподволь первых, делать им осторожные внушения, а когда гласные будут готовы, то безгласные пойдут за ними беспрекословно. Сие мнение Фохта одобрил ли тогда же Пестель?

Ответ Александра Поджио. Фохт точно предложил сие средство — Пестель его одобрил. Но возымело ли оно свое действие, не знаю.

Из заключения по делу Фохта:

«…Принят [в общество] подполковником Поджио, который объявил ему цель — введение конституционного правления… В сентябре 1824 года… Пестель говорил ему с Майбородою, что „когда надобно будет арестовать Главную квартиру, вам должно действовать потому, что вы ближе всех стоите“. На ответ Фохта, что солдаты не пойдут против начальников, Пестель возразил: „Вам лучше знать, как привязать к себе солдат; вы имеете способности“».

Болезнь, мучившая Фохта во всё время следствия и задержавшая его отправку на поселение, — очевидно, туберкулёз. С этой медленной и изнурительной хворобой Иван Фёдорович боролся всё время ссылки — 14 лет. За неимением

врачей научился лечить себя, а заодно и других. Из донесения берёзовских властей в III Отделение видно, что ссыльный Фохт зарабатывал на жизнь токарной работой, а также тем, что помогал местному лекарю. Жил он вообще бедно, получая от казны солдатское довольствие и простую одежду.

В 1829 году ввиду болезненного состояния получил разрешение переехать в Курган, куда добрался лишь весной 1830-го. Поднаторев в медицине, лечил бедных, а также завёл аптеку, приносившую ему кое-какой доход. Денежное положение его улучшилось, когда стала поступать помощь из общей кассы декабристов, а затем и небольшое пособие от казны. Но болезнь — чахотка и костоед в терминологии того времени — развивалась неостановимо. В 1837 году последовало высочайшее разрешение идти солдатом на Кавказ, но Фохт уже был одноногим инвалидом. Пришлось довольствоваться переводом для лечения в Тобольск. Здесь, ко всему прочему, он умудрился угодить под уголовное следствие.

Из письма Михаила Фонвизина Ивану Пущину, 22 декабря 1839 года:

«После пожара гостиного двора купцы вздумали подозревать Фохта в зажигательстве, потому

что он со своей оригинальной фигурой и в своём странном меховом сертуке в сумерки ходил за чем-то в гостиный двор. По доносу следственная комиссия потребовала арестования Фохта, и его посадили в полицию. Я бросился к губернатору, и его освободили, но Фохт рассердился на губернатора за это — и они более не видятся».

Весной 1841 года неожиданно пришла денежная помощь: пятьсот рублей прислал не кто-нибудь, а Лев Витгенштейн, сын бывшего главнокомандующего 2-й армией. Когда-то он сам был деятельным членом Южного общества, но высочайшая воля освободила его от преследования. На проценты от этих нежданно-негаданно полученных денег Фохт арендовал домик — маленький, но почти что свой. Жизнь могла бы наладиться, если бы не болезнь. Лечение уже не помогало.

Всё своё имущество и дом Иван Фёдорович Фохт завещал находившейся у него в услужении солдатской жене Рыбиной «в награду долговременных у него, при частной жизни услуг, за которые он по небогатому состоянию не мог выплатить следующего ей жалованья».

Дело № 90

Андрей Васильевич Ентальцев (Янтальцев)

Православный.

Родился 29 ноября 1786 года.

Отец – Василий Иванович Ентальцев, из купеческих детей, чиновник, дослужившийся до чина коллежского асессора и получивший дворянство по выслуге. Мать – Варвара Григорьевна, урождённая Черешникова, генеральская дочь. Поместий и крестьян не имели. Сестра Екатерина замужем за подполковником артиллерии (впоследствии генерал-майором) Василием Сикстелем.

Обучался в частном пансионе Мейера в Петербурге. В службу записан в 1801 году, четырнадцати лет от роду, артиллерии юнкером. В 1803 году зачислен в 1-й артиллерийский полк. Участвовал в кампании 1806–1807 годов против Наполеона в Пруссии, в бою при Гуттштадте был ранен штыком в правое колено. В 1807 году произведён в подпоручики, в январе 1812 года в поручики. В кампа-

нию 1812 года за отличие в Смоленском сражении произведён в штабс-капитаны; за отличие в сражении под Красным награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. В 1816–1823 годах служил в разных артиллерийских бригадах. В 1817 году произведён в капитаны, в 1819-м за отличие по службе в подполковники. В 1823 году назначен командиром 27-й конно-артиллерийской роты в составе 2-й армии.

Был масоном. После запрещения тайных обществ, последовавшего в 1822 году, от масонства отрёкся, в чём дал подписку.

Жена – Александра Васильевна, урождённая Лисовская. В мемуарных заметках Августы Созонович (воспитанницы Матвея Муравьёва-Апостола) есть упоминание о дочери, которая после осуждения отца и отъезда матери в Сибирь воспитывалась в другой семье.

Приказ об аресте датирован 30 декабря. Вызван в Тульчин 6 января, доставлен в Петербург 20 января, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина пять вершков и три четверти[224], лицо белое круглое, глаза голубые, нос небольшой, широкий, волосы на голове и бровях светло-русые, на левой ноге в колене имеет шрам от штыковой раны.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. В 1827 году в Читу приехала жена, Александра Васильевна. В 1828 году местом поселения определён Берёзов. В 1830 году по высочайшему дозволению Ентальцевы перебрались в Ялуторовск.

Умер 27 января 1845 года.

Участие Ентальцева в Союзе благоденствия и в Южном обществе — под большим вопросом. Вроде бы Павел Аврамов, тогда ещё майор, знакомил Ентальцева с целями и задачами первого из сих обществ, но когда и где — не упомнит. Василий Давыдов как будто припоминает Ентальцева среди посвящённых, но точно ли был

---

[224] Примечания: 224
Примерно 167,5 см.

он принят и кем — не знает. С Пестелем был знаком и о чём-то с ним вёл беседы, но, опять-таки, степень крамольности неизвестна. Впоследствии сам Ентальцев будет считать себя безвинно пострадавшим. Скорее всего, так оно и есть. Как велось следствие? Вначале хватали под горячую руку всех, на кого падала тень подозрения; потом государь стал торопить, и оказалось, что с таким количеством подозреваемых к сроку не управиться. Значит, надо дожать тех, кто уже фигурирует в деле, а прочих оставить в покое. Имя Ентальцева упоминалось в связи с какими-то письмами и переговорами, имевшими место в декабре 1825 года между князем Волконским, Сергеем Муравьёвым-Апостолом, Александром Поджио. Значит, уже в чём-то замешан. И не донёс. Чего ещё искать?

Из показаний свидетелей по делу Ентальцева.

Василий Давыдов:

«Янтальцев — член общества, весьма мало принадлежавший и холодно говоривший об оном».

Осип Поджио:

«Янтальцев знал о содержании письма брата его (Поджио), которое доставил к Волконскому».

Александр Поджио:

«Янтальцев говорил Давыдову на слова его, что-

бы в случае начатия действий он присоединился к Пестелю, сказал: „Я знаю сам, что делать, и пойду туда, куда я хочу“».

Самое ценное — показание господина Бошняка:

«Лихарев сказывал, что Янтальцев усердно сберегает порох, ядра и картечь на случай».

Показания, как видим, довольно неопределённые, косвенные. Особенно про порох «на случай». Но следствие надо закончить поскорее и приговор успеть вынести до коронации, намеченной на июнь[225]. Поторопимся, господа, не время раздумывать!

После читинской каторги жил на поселении с женой сначала в Берёзове Тобольской губернии, затем в Ялуторовске. Подобно Фохту, Ентальцев увлёкся медициной и за неимением в городе врача лечил, как мог, местных обывателей.

Из заметок Августы (Гутеньки) Созонович:

«Андрей Васильевич и характером больше соответствовал обязанностям врача, нежели воина: всегда ровный, со всеми одинаково приветливый, он… был и смиреннейший человек в мире».

---

[225] Примечания: 225

Коронация Николая I была перенесена на август из-за траура по вдовствующей императрице Елизавете Алексеевне, умершей 4 мая 1826 года.

Но жизнь в Ялуторовске выдалась неспокойная. Ентальцев тосковал по военной службе. Как вспоминает Гутенька, «не переставал толковать о своей конной батарее и утраченном положении». Между тем в переводе рядовым на Кавказ ему было отказано. Явились и неприятности — в виде доносов. Один из них имел последствия весьма печальные. В 1838 году через Ялуторовск проезжал наследник престола Александр Николаевич. В отношении государственных преступников были приняты в связи с этим всяческие строгие меры. Обывательские умы пришли в возбуждение.

Из заметок Созонович:

«…Желающим выслужиться вздумалось донести на Ентальцева, будто бы он хотел убить наследника из пушки (вот на какой случай порох сберегал! — *А. И.-Г.). Поводом к обвинению послужило подозрение, что Андрей Васильевич перед приездом великого князя будто бы недаром заказал деревянные шары для украшения своего забора и одновременно купил старые екатерининские лафеты Ширванского полка… Предписано было нарядить следствие. У Ентальцевых исковеркали в доме полы, пересмотрели помадные банки Александры Васильевны, отыскивая порох, которого,*

разумеется, не нашли».

По этой ли причине или по другой у Ентальцева стал развиваться душевный недуг. Поначалу помешательство было малозаметным, тихим, но в 1842 году последовали буйные припадки. Александра Васильевна возила мужа к докторам в Тобольск, но лечение мало помогло. По словам Августы Созонович, «Андрей Васильевич совершенно ослаб, впал в детство и несколько лет пролежал в постели». Умер он 27 января 1845 года.

Безобидный был человек. И опять эта странная эпидемия сумасшествий среди декабристов. Может быть, и в самом деле виновата какая-то сибирская зараза?

Александре Васильевне после смерти мужа не было дозволено выехать в Европейскую Россию. 12 лет она прожила в Ялуторовске вдовой, получая из казны скромное содержание. Ближайшим её другом в эти годы стал Иван Пущин. Сколь далеко зашли их дружеские отношения, мы не знаем, но в письмах Александры Васильевны, адресованных Ивану Ивановичу в последние годы жизни, сквозят истинная любовь и душевная близость. После амнистии 1856 года она жила в Москве, в тесной дружбе с Волконскими.

(Интереснейшие сведения о непростой послесибирской жизни Сергея Григорьевича, Марии Николаевны и Неллиньки содержатся в письмах Ентальцевой к Пущину.) Умерла в 1858 году.

Дело № 91

Владимир Сергеевич Толстой

Православный.

Родился 10 мая 1806 года в селе Курбатово Скопинского уезда Рязанской губернии. Самый молодой среди осуждённых Верховным уголовным судом.

Происходит из нетитулованной ветви рода Толстых.

Отец – Сергей Васильевич Толстой, отставной гвардии капитан-поручик (то же, что штабс-капитан). Мать – Елена Петровна, урождённая княжна Долгорукова. Брат Василий, сестра Александра. Имения за отцом в Рязанской и Тверской губерниях (более 600 душ крепостных).

Получил домашнее образование, в 1823 году зачислен унтер-офицером в Екатеринославский кирасирский полк. В том же году переименован в юнкера. В 1824 году переведён в Московский пе-

хотный полк подпрапорщиком; в марте 1825 года произведён в прапорщики.

Приказ об аресте датирован 18 декабря. Доставлен в Петропавловскую крепость 4 января.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина семь вершков и три четверти[226], лицо белое, продолговатое, глаза светло-карие, нос небольшой, продолговат, остр, волосы на голове и бровях светло-русые, на левой стороне подбородка от золотухи шрам, а на левой ляжке родимое пятно и на левой же руке натертый порохом крест[227].

Доставлен в Читинский острог в апреле 1827 года, но по особому высочайшему повелению сразу обращён на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии. В 1829 году по ходатайству родственников определён рядовым на

---

[226] Примечания: 226

Примерно 176 см.

[227] Примечания: 227

Последняя примета наводит на мысль, что татуировки были в моде и в те времена.

Кавказ, в 41-й егерский полк, затем служил в линейных батальонах. В 1833 году унтер-офицер. В 1835 году произведён в прапорщики, в 1837-м в подпоручики. В 1839 году переведён в Навагинский пехотный полк и вскоре произведён в поручики за отличие в делах против горцев. В 1843 году уволен от службы по болезни с запрещением въезда в столицы и в Одессу. Жил под надзором в имении сестры в Смоленской губернии. В 1845 году вновь поступил на службу и был прикомандирован к Кавказскому линейному казачьему войску. В том же году за отличие в делах против горцев произведён в штаб-ротмистры. В 1847 году освобождён от секретного надзора, переведён в 4-ю бригаду Кавказского казачьего войска с переименованием в сотники. В 1849 году уволен в чине есаула для определения в гражданскую службу. Следующие семь лет служил в Тифлисской губернии, был чиновником для особых поручений при кавказских наместниках М. С. Воронцове и Н. Н. Муравьёве.

После амнистии 1856 года вышел в

отставку, жил в своём имении в Московской губернии.

Женат не был.

Умер 27 февраля 1888 года.

Толстые и Долгоруковы — это широкие родственные связи в высшем обществе. В самом деле: дядюшка по матушке, князь Михаил Петрович Долгоруков, убитый в шведскую кампанию, — друг юности самого Александра I. Покойная тётушка Марья Васильевна, старшая сестра отца, была замужем за Павлом Фонвизиным, дядюшкой декабриста Фонвизина. Другая тётушка по отцу замужем за генералом Иваном Дмитриевым-Мамоновым из влиятельного и богатого рода, её сын Александр — адъютант генерала Никиты Волконского, старшего брата князя-декабриста. Третья тётушка, замужем за князем Хованским, оставит племяннику в наследство имение, в котором тот упокоит свою старость.

Но это будет не скоро.

Каким образом восемнадцатилетний юнец оказался замешан в дела тайных обществ? Может быть, и вовсе не был замешан. Во всех неприятностях виноваты знакомства. Поездка в Курск

на ярмарку «для ремонту»[228] и встреча там с удалыми кавалергардами — Анненковым и прочими. Для армейского подпрапорщика они — кумиры. Через них встреча с Вадковским и князем Барятинским.

Имя Толстого в самом начале следствия назовут старшие друзья-кавалергарды: Чернышёв, Анненков, Свистунов. Упомянет о нём и Вадковский. Сам же Владимир чистосердечно укажет на первом же допросе, что в Южное общество вовлёк его князь Барятинский в бытность свою в Москве в 1824 году.

Он отправился воевать на Кавказ рядовым, а вышел в отставку в чине есаула[229]; затем ещё семь лет находился на гражданской службе. Однако с сослуживцами отношения имел, по-видимому, недружественные, упоминания о нём в мемуарах современников полны нелест-

---

[228] Примечания: 228

Ремонт на военном языке того времени — закупка лошадей для войск.

[229] Примечания: 229

В Государственном историческом музее хранится гравюра, которая считается портретом Владимира Сергеевича Толстого в период военной службы на Кавказе; она же публикуется в этом качестве в различных изданиях и в интернете (например, в Википедии). Однако у изображённого на ней офицера «чешуйчатые» эполеты драгунского капитана или уланского ротмистра, а наш Толстой никогда не служил ни в драгунах, ни в уланах. Мундир тоже не соответствует его пехотной и казачьей службе. Очевидно, атрибуция портрета ошибочна.

ных характеристик, а иные прямо называют его шпионом графа Воронцова. Вероятно, причиной неуживчивости Толстого были уязвлённое самолюбие и разрушенные надежды молодости. Тем не менее им написан ряд весьма интересных очерков о кавказских делах, из которых большая часть опубликована в «Русском архиве» в 1870–1880-х годах.

В 1856 году, после снятия всех ограничений с бывших государственных преступников, вышел в отставку, поселился в имении Бараново Подольского уезда Московской губернии, полученном в наследство от тётушки, княгини Елены Васильевны Хованской, где прожил более 30 лет.

Дело № 92

Бывают такие люди: со всеми в родстве или знакомстве; через них осуществляются неожиданные связи, и разрозненное становится целым. Таков Лорер — француз и отчасти немец по отцу, грузин по матери, малоросс по рождению, получивший протестантское гернгутерское и русское дворянское воспитание. По словам Михаила Бестужева, он «говорил на четырёх языках (французском, английском, немецком и итальянском), а ежели включить сюда польский и природный

русский, то на всех этих шести языках он через два слова в третье делал ошибку». Соратник Пестеля, приятель Льва Сергеевича Пушкина, собеседник Лермонтова. Весёлый сочинитель, обаятельный рассказчик не без фантазии, артистичный человек.

Николай Иванович Лорер[230]

Вероисповедания православного (греко-российского).

Родился в Херсонской губернии. Год рождения неизвестен. (В формулярном списке на конец 1825 года указан возраст: 31 год; сам Лорер в ответах на вопросы следствия заявил, что ему 28 лет. Метрические книги Херсонско-Одесской епархии за эти годы не сохранились. Приблизительно временем рождения можно считать 1794–1797 годы.)

Отец – Иван Иванович Лорер, коллежский советник. Мать – Екатерина Евсеевна, урождённая княжна Цицианова. Братья: Александр, Дмитрий (оба офицеры). Сёстры (все замужем): Екатерина,

[230] Примечания: 230

Фамилия французская, поэтому ударение правильно делать на втором слоге.

Елизавета, Надежда, Евдокия, Вера. Небольшое имение в Херсонской губернии обременено долгами.

Воспитывался в семье П. В. Капниста, с 1812 года в Дворянском полку при 2-м Кадетском корпусе[231]. В ноябре, по случаю войны, выпущен прапорщиком в армию, а в 1813 году переведён тем же чином в лейб-гвардии Литовский полк. Участвовал в сражениях второй половины 1813-го – начала 1814 года: при Дрездене, Кульме, Лейпциге, дошёл до Парижа. В 1817 году произведён в подпоручики, в 1818-м в поручики. По домашним обстоятельствам в конце 1819 года уволен от службы, но уже весной 1820-го вернулся в свой полк, переименованный к тому времени в лейб-гвардии Московский. В 1822 году произведён в гвардии штабс-капитаны. В 1824 году переведён в Вятский пехотный полк.

Масон ложи «Палестина».

---

[231] Примечания: 231

Детям небогатых провинциальных дворян было трудновато пробиться в привилегированные учебные заведения — Пажеский или 1-й Кадетский корпус; для них существовал Дворянский полк при 2-м Кадетском корпусе.

Член Северного и Южного обществ.

Арестован в Тульчине 23 декабря 1825 года, доставлен в Петербург 3 января 1826 года, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по IV разряду, приговорён к 12 годам каторги, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина восемь вершков[232], лицо белое, круглое, чистое, глаза темно-карие, нос большой, остр, с горбиною, волосы на голове и бровях темно-русые, немного взлысоват.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1833 года жил на поселении, в 1837 году определён рядовым на Кавказ. В 1838 году произведён в унтер-офицеры, в 1840 году прапорщик. В 1842 году уволен от службы с воспрещением въезда в столицы. Был освобождён от надзора и получил разрешение бывать в Москве в 1851 году, ограничение на въезд в Петербург было снято в 1855 году. После амнистии 1856 года освобождён от всех ограничений.

---

[232] Примечания: 232
Примерно 178 см.

Умер в мае 1873 года.

Родственные связи Николая Лорера весьма интересны. Цицияновы — грузинский княжеский род, в родстве с царями Картли. Одна из представительниц этого рода, царица Мариам, жена последнего грузинского царя Георгия, прославилась тем, что в 1803 году заколола кинжалом русского генерала Лазарева. Дядюшка Николая Лорера — князь Дмитрий Цицианов, московский барин, старшина Английского клуба, весельчак и фантазёр в духе Мюнхгаузена. Брат Дмитрий женат на одной из представительниц рода Волконских. Другой брат, Александр, — почти сосед Пушкина: имение, полученное им в приданое за женой, село Гораи на Псковщине, расположено в 30 верстах от Михайловского. Сестра Надежда первым браком была замужем за французским аристократом на русской службе Осипом де Россетом; дочь от этого брака Александра Осиповна, в замужестве Смирнова, станет избранной собеседницей великого князя Николая Павловича, будущего императора, а ещё позже — близкой приятельницей и конфиденткой Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Гоголя — словом, чуть ли не всей русской литературы; она рано осиротела

и воспитывалась в семействе Лореров.

Что же касается Николая, то он тоже был отдан на воспитание — в семью богатого полтавского помещика Петра Васильевича Капниста. Брат этого Капниста Василий — известный поэт и свояк Державина, а племянник Семён Васильевич — близкий друг Сергея Муравьёва-Апостола. Наставником детей в семье Петра Капниста был немец по фамилии Нидерштеттер, адепт гуситской церкви Моравских братьев (гернгутеров). Если к сказанному добавить, что супруга Петра Капниста и, стало быть, воспитательница Николая Лорера была англичанка, то мозаика формирующейся личности Лорера сложится окончательно.

Лорер имел все шансы оказаться 14 декабря на Сенатской площади — выйти с лейб-гвардии Московским полком, в котором служил. Но в 1824 году он попросился в армию: столичная жизнь обходится слишком дорого, а от семейного имения ни копейки доходу. Переведён майором в Вятский пехотный полк — к господину полковнику Пестелю.

Ещё до перевода в армию Лорер оказался в Северном обществе — благодаря дружбе. Адъютантом 2-й гвардейской дивизии, в которую

входил Московский полк, был в 1824 году князь Евгений Оболенский. Милейший молодой князь и бодрый южанин подружились. И Оболенский принял Лорера в общество. Тогда это казалось делом безобидным. Он же исхлопотал для своего приятеля прекрасное назначение: в Вятский полк. За таким полковником, каков Пестель, майору будет служить не в тягость, а в радость, и в Южном обществе пополнение.

Из воспоминаний Николая Лорера:

«…Оболенский… стал ходить по комнате в задумчивости, и я спросил, о чём это он думает. Остановившись и пристально взглянув на меня, он отвечал:

— Знаешь ли, любезный друг, что многие из наших общих знакомых давно желают иметь тебя товарищем в одном важном и великом деле и упрекают себя в том, что ты до сих пор не наш. Скажу же тебе я, что в России давно уже существует тайное общество, стремящееся ко благу её. Покуда тебе довольно знать… Желаешь ли вступить в число нас?

Хотя я был поражён внезапностью известия, но чувствовал тогда же, что не могу отказать человеку, которого уважал и любил без меры».

Хотя Лорер — сочинитель и выдумщик и мему-

ары его — художественное произведение, здесь мы поверим ему. Названный мотив — «не могу отказать человеку, которого уважаю и люблю» — многих привёл в тайные общества, а потом на каторгу, в Сибирь и в кавказские линейные батальоны. Всё-таки движение декабристов — это в первую очередь содружество родных и близких.

Через несколько дней тот же Оболенский представил Лорера Пестелю, находившемуся тогда в Петербурге. Дело было в феврале или в начале марта 1824 года. В мае Лорер прибыл в Линцы. Там его радушно встретили новые знакомые, гости Пестеля: Василий Давыдов, Лихарев, Бестужев-Рюмин… И в последующие месяцы Лорер становится своим человеком в доме Пестеля, его доверенным собеседником, исполнителем секретных поручений. Собственно говоря, в заговоре Тульчинской управы к 1825 году состояли всего пять человек: полковник Пестель, генерал-майор князь Волконский, генерал-интендант Юшневский, штаб-ротмистр князь Барятинский и майор Лорер. Такой видится ситуация в лореровских воспоминаниях.

Но, кроме этих пяти, в обществе были и другие члены. Один из них — капитан Майборода.

Разумеется, имя Лорера содержалось в доносе

Майбороды рядом с именем Пестеля. 13 декабря, как мы знаем, Пестель был арестован в Тульчине. 14-го генералы Чернышёв и Киселёв нагрянули в Линцы, обыскивать квартиру полковника. Разумеется, и Лорера вызывали на допрос. Здесь, в тихом подольском местечке, никто не знал и предполагать не мог, что творилось в этот день в Петербурге. Обвинения в причастности к злоумышленному обществу майор с негодованием отверг и… был отпущен восвояси. Видно, в тот момент всё внимание генералов-следователей было сосредоточено на поиске улик против Пестеля, прежде всего его бумаг. На сей раз пришлось им уехать ни с чем. Однако через неделю Майборода дал новые показания. Теперь он прямо называл Лорера ближайшим приспешником Пестеля; заявил даже, что майор следил за ним, Майбородою, подозревая в предательстве. Лорер был вызван в Тульчин и 23-го арестован в Главной квартире армии. До Тульчина уже долетели сведения о событиях на берегах Невы. 3 января майора доставили в Петербург.

Из следственного заключения по делу Лорера:

«Знал умыслы об установлении республики.

Принял в общество полковника Канчиялова[233], *возил письмо от Пестеля к Юшневскому о желании графа Витта вступить в общество и послан был от него же к Муравьёву для привезения известий. Он знал о намерении общества покуситься на жизнь покойного государя императора».*

Из воспоминаний Лорера:

«Читинский острог… состоял из двух половин, в которых мы все и помещались. Помню, что было очень тесно и мы лежали один возле другого… Обед приносился к нам на носилках, очень грязных, на которых, вероятно, навоз выносили когда-то, и состоял обыкновенно из щей, каши и куска говядины. Посуду свою, или, лучше сказать, деревянные чашки, мы должны были мыть сами, а также ставить наши самовары…»

«Петровский завод с казармами… огромное, длинное строение с красной крышей и многими белыми трубами. Здание походило на конюшню для жеребцов».

«…[Острог] был построен четырехугольником… и внутри был разделён на четыре отдела высоким частоколом с воротами, так что мы

---

[233] Примечания: 233

Полковник Георгий Канчиялов, командир Харьковского драгунского полка, арестован 8 января и умер во время следствия 9 марта 1826 года.

могли внутри сообщаться. Одно из сих отделений предназначалось для женатых, но жены, однако ж, как я сказал, не жили в остроге, имея свои дома, но приходили на целые дни, чтоб проводить их с мужьями».

С 1833 года Лорер жил на поселении, вначале в селе Мёртвый Култук в южной части Байкала (сейчас — посёлок Култук близ Слюдянки), вскоре переведён в Курган. В бытность в Кургане особенно подружился с Нарышкиными и Бриггеном. Не обошлось и без любовной истории: у жительницы Кургана некой Елены Михайловны Королетиной родился в 1834 году сын Дмитрий, впоследствии отданный на воспитание в семью брата декабриста, Дмитрия Лорера.

По высочайшему повелению в 1837 году Николай Лорер вместе с Алексеем Черкасовым определён рядовым в Кавказский корпус, в Тенгинский полк. В это время в Тенгинский полк прибыл переведённый из Петербурга за дуэль поручик Лермонтов.

Из воспоминаний Лорера:

«С первого шага нашего знакомства Лермонтов мне не понравился. б…с *Он показался мне холодным, желчным, раздражительным и ненавистником человеческого рода вообще».*

Тем не менее у Лорера с Лермонтовым сложились вполне приятельские отношения. В тех же краях служил и Лев Пушкин.

Из воспоминаний Лорера:

«Лев Пушкин приехал в Пятигорск в больших эполетах. Он произведён в майоры, а всё тот же! Прибежит на минуту впопыхах, вечно чем-то озабочен».

В «Записках» Лорера много интересных рассказов о кавказской жизни, о Льве Пушкине, о гибели Лихарева, о дуэли Лермонтова, о декабристах, врачах, генералах… Трудно определить, что в них истина, а что плод художественного вымысла.

Выйдя в 1842 году в отставку, жил в Херсоне и в имении брата Дмитрия Водяном близ Херсона (после смерти брата Дмитрия имение перейдёт в собственность Николая). В 1843 году женился на Надежде Васильевне Изотовой; в браке имел троих детей, в 1849 году овдовел. Умер в 1873 году в Полтаве.

Вокруг Василькова

К началу 1824 года бунтарское напряжение в Тульчине не то чтобы стало спадать — скорее, застыло близ точки кипения. Отъезд Пестеля в

Линцы, отстранение Михаила Орлова от командования дивизией, бездействие во время смотров летом 1823 года, когда, по мнению горячих голов, упущен был момент для захвата государя, наконец, неудача Пестеля в переговорах с северными вождями в Петербурге — всё это породило неуверенность в сердцах тульчинцев. Центр южного заговора стал постепенно смещаться в 1-ю армию, к юго-восточному флангу, в Васильков, вокруг которого был расквартирован Черниговский полк. Васильков удачно расположен: отсюда рукой подать и до гостеприимной давыдовской Каменки, и до Киева, куда ежегодно съезжаются офицеры из разных полков «на контракты»; и там и там можно собираться на совещания, не вызывая подозрений. К тому же в Киеве расположен штаб 4-го корпуса, которым с недавних пор командует князь Алексей Щербатов, а в штаб назначен князь Сергей Трубецкой из Петербурга. И конечно, васильковский лидер, Сергей Муравьёв-Апостол, решительно готов совершить «бросок Риеги» — на Москву, на Петербург, к сияющим вершинам…

Всё это, как мы знаем, закончилось мятежом Черниговского полка и трагическим провалом.

Большинство офицеров и все нижние чины,

причастные к восстанию в Черниговском полку, были судимы военным судом 1-й армии в Могилёве. Их судьбы столь же ярки и драматичны, как и прочих участников тех событий. Но мы ограничимся историями декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом. Поэтому истории Сухинова, Мозолевского, Башмакова, Соловьёва, Грохольского и других черниговцев останутся за рамками этой книги.

Дело № 93

Матвей Муравьёв-Апостол до самой смерти брата Сергея находился в его тени. Помните, в письме их матери, Анны Семёновны: «Матвей не имеет способностей своего брата». Многие считали его младшим, хотя он был старше Сергея на два с половиной года. Казнь брата, как огненная вспышка, бросила отсвет на всю оставшуюся жизнь Матвея, и в этом отражённом свете он постепенно сделается одним из центральных персонажей декабристской ссылки, хранителем памяти, патриархом и почти что символом исторического явления, называемого «декабристы». Этому способствовало долголетие, которое ему было даровано, как будто в восполнение короткой жизни братьев. Матвей прожил на свете

полных 92 года — почти вдвое больше, чем Сергей и Ипполит, вместе взятые.

При всём том особенно яркими чертами его личность не наделена. И биография вполне обычна для старшего поколения декабристов.

Матвей Иванович Муравьёв-Апостол
Православный.

Родился в апреле (точная дата спорна) 1793 года в Петербурге.

Воспитывался вместе с братом Сергеем (см. дело № 3) в частном парижском пансионе, в 1810 году поступил в Институт Корпуса инженеров путей сообщения. В 1811 году, не окончив курса, зачислен подпрапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк. В кампании 1812 года участвовал в Бородинском и других сражениях; отмечен знаком отличия ордена Святого Георгия (не будучи ещё офицером, не мог стать кавалером ордена). В декабре 1812 года произведён в прапорщики. В Заграничном походе в сражении под Кульмом ранен пулей в ногу навылет, награждён орденом Святой Анны 4-й степени; дошёл до Парижа. В

1816 году подпоручик, в 1817-м поручик. В 1818 году назначен адъютантом к генерал-губернатору Малороссии князю Николаю Репнину-Волконскому (брату Сергея Волконского). В 1819 году произведён в штабс-капитаны. В 1821 году, до «семёновской истории», переведён в лейб-гвардии Егерский полк с оставлением в прежней должности; после же оной истории, в начале 1822 года, направлен в Полтавский пехотный полк в чине майора. В январе 1823 года вышел в отставку с производством в подполковники. Жил в родительском имении Хомутец Миргородского уезда Полтавской губернии, часто бывал в Петербурге.

Масон ложи «Соединенных друзей» и «Трёх добродетелей».

Член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества.

Арестован подполковником Гебелем в Трилесах 29 декабря 1825 года, освобождён офицерами Черниговского полка. Арестован вторично 3 января 1826 года. Доставлен в Петербург 15 января, допрошен, заключён в Петропавловской

крепости.

Осуждён по I разряду, приговорён к 20 годам каторги; более года содержался в Роченсальмской крепости, затем по высочайшему повелению обращён на поселение в Сибирь.

Приметы: рост два аршина четыре с половиною вершка[234], лицо белое, чистое, круглое, глаза светло-карие, нос большой, остр, волосы на голове и бровях темно-русые, на правой щеке небольшие бородавки, на правой же ноге от большого пальца второй и третий вместе сросши, на правой ляжке рана от навылет прошедшей пули и имеет шрам.

После амнистии 1856 года восстановлен в прежних правах. Умер 21 февраля 1886 года в Москве.

Вместе с братом Сергеем Матвей был одним из основателей Союза спасения, затем членом Союза благоденствия. В Южном обществе также участвовал вместе с братом и, главным образом, выполнял его поручения. По выходе в отставку

---

[234] Примечания: 234
Всего 162 см.

осуществлял связь между Васильковской управой Южного общества и Северным обществом, участвовал в попытках объединения, а после и в создании петербургского отделения Южного общества. В Василькове хоть и не находился постоянно, но был необходимым человеком. Однако с Бестужевым-Рюминым был в контрах: оба старались занять исключительное положение рядом с вождём — Сергеем Муравьёвым-Апостолом; при этом Мишель был соратник-соперник и, можно сказать, соавтор заговора, тогда как Матвей скорее слуга и отчасти нянька. В планах южан Матвею отводилась, по-видимому, роль координатора: с началом военного мятежа на юге он должен был добиться аналогичных действий в столице, а при необходимости возглавить их. В мае 1825 года вёл в Киеве переговоры с новоназначенным дежурным штаб-офицером штаба 4-го корпуса князем Трубецким о распространении заговора в войсках корпуса.

Но планам не суждено было осуществиться. В те дни, когда последовавшие за смертью Александра I события развивались с неумолимой быстротой лавины, Матвей находился в родительской деревне. 24 декабря он приехал к брату в Васильков.

Из показаний Матвея Муравьёва-Апостола на следствии:

«24 декабря брат получил позволение ехать в Житомир — после обеда мы отправились. 25 декабря поутру мы были в Житомире… Генерал Рот[235] *пригласил брата обедать к себе, и за столом брат в первый раз услышал о происшествии, случившемся в С. Петербурге. 26-го мы отправились рано по утру в Троянов к Александру Муравьёву…*[236] *27-го числа декабря мы приехали в Любар к Артамону Муравьёву… когда Бестужев-Рюмин является и говорит нам, что в ночь 25-го на 26-е число подполковник Гебель с жандармским офицером приходил на квартиру брата, что они забрали все книги и бумаги и тот же час поехали в Житомир. Брат решился сей час ехать, послал за лошадьми, и мы все трое, Бестужев-Рюмин, брат и я, отправились в Бердичев. В Бердичеве мы наняли лошадей до местечка Павловичи и деревню Трилесов, где стояла 5-я рота Черниговского полка».*

---

[235] Примечания: 235

Генерал-лейтенант Логгин Рот, командующий 3-м пехотным корпусом.

[236] Примечания: 236

Полковник Александр Захарович Муравьёв, командир Александрийского гусарского полка, брат Артамона Муравьёва; к тайному обществу не принадлежал.

То, что произошло дальше, известно под названием «восстание в Черниговском полку». Или «мятеж» — кому как больше нравится.

Доставлен в Петропавловскую крепость. В камере помышлял о самоубийстве.

Из «Алфавита» секретаря Следственного комитета Боровкова:

«В показаниях своих он был весьма чистосердечен… мучимый угрызениями совести, впал в отчаяние и хотел уморить себя голодом, но успокоился…»

Осенью 1827 года вместе с Александром Бестужевым отправлен в Вилюйск Якутской области; на деньги, полученные от отца, купил там юрту, в которой жил[237]. В 1829 году по прошению сестры, Екатерины Бибиковой, переведён в Бухтарминскую крепость Омской области.

В 1832 году женился на Марии Константиновне, дочери священника; их единственный сын умер во младенчестве.

В 1836 году переведён в Ялуторовск, где жил до амнистии 1856 года. Преподавал французский

---

[237] Примечания: 237

По-видимому, речь идёт о зимнем жилище — балагане из дерева, навоза и глины, крытом шкурами домашнего скота. Возможно, у него была и летняя юрта — ураса, конусообразная конструкция из жердей и бересты.

язык в местной школе, организованной собратьями-декабристами и протоиереем Стефаном Знаменским. Мария Константиновна там же обучала девочек рукоделию. Муравьёвы-Апостолы взяли на воспитание и впоследствии удочерили двух девочек, Гутеньку и Аннушку: Августу Созонович, дочь ссыльного офицера, и Анну Бородинскую, впоследствии получившую фамилию по имени приёмного отца — Матвеева.

Из воспоминаний Александра Семёнова, чиновника в Ялуторовске:

«Замкнутее всех жил М. И. Муравьёв-Апостол. Его редко можно было видеть на улицах города. Жил он с женой в собственном, хорошо обставленном доме. При доме был небольшой садик, в котором часто Матвей Иванович сиживал с женой и пил чай».

После амнистии поселился сначала под Москвой, в деревне Зыковой, затем, в 1857 году, переехал в Тверь. С 1860 года, после разрешения жить в столицах, обосновался в Москве. А в 1883 году в связи с коронацией Александра III ему было возвращено право носить военную медаль 1812 года и кресты — Кульмский и солдатский Георгиевский.

Его рассказы о прошлом записаны Августой

Созонович и декабристом Александром Беляевым. Как во всяких воспоминаниях о событиях полувековой давности, в них трудно отделить истину от искажений.

Дело № 94

Артамон Захарович Муравьёв

Православный.

Родился 3 октября 1793 года. Двоюродный брат декабристов Сергея, Матвея и Ипполита Муравьёвых-Апостолов.

Отец – Захар Матвеевич Муравьёв, брат Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола, дослужится до чина действительного статского советника, правда уже после осуждения сына. Мать – Елизавета Карловна, урождённая Поссе, в первом браке Энгельгардт, родственница фельдмаршала М. Б. Барклая-де-Толли, умерла в 1815 году. Брат Александр, в 1825 году полковник, командир Александрийского гусарского полка, впоследствии генерал-лейтенант. Сестра Екатерина, замужем за министром финансов Егором Францевичем Канкриным.

Образование получил дома, затем в

Московском университете и в Московском учебном заведении для колонновожатых, выпущен в январе 1812 года прапорщиком свиты по квартирмейстерской части и откомандирован в действующую армию на Дунай, где завершалась война с Турцией. В ходе кампании 1812 года в составе Дунайской армии Чичагова преследовал отступающие наполеоновские войска. Участвовал в походе 1813–1814 годов; за сражение при Бауцене награждён орденом Святой Анны 4-й степени; за Кульмское сражение орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом; имел и прусские награды. В феврале 1813 года произведён в подпоручики, в октябре в поручики, в марте 1814 года в штабс-капитаны. В том же году переведён в Кавалергардский полк. В составе оккупационного корпуса графа М. С. Воронцова оставался во Франции до 1818 года. В 1820 году произведён в полковники. В декабре 1824 года назначен командиром Ахтырского гусарского полка, расквартированного в Любаре.

В 1818 году произведён в ротмистры.

В том же году женился на Вере Алексеевне Горяиновой; в браке родились трое сыновей.

Член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества.

Арестован в Бердичеве 31 декабря 1825 года, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина восемь вершков и три четверти[238], лицом бел, полнолиц, глаза карие, нос средний, острый, волосы на голове чёрные с сединами, на бороде темно-русые, бороду и усы бреет, корпусом дороден, имеет небольшую рану на левой ноге ниже берца, на правой руке проколото порохом Vera, что означает имя жены его. (Подтверждение популярности татуировок, о чём мы говорили выше.)

Отправлен закованным в кандалы в Сибирь в составе первой партии. Отбывал

---

[238] Примечания: 238
Примерно 181 см.

каторгу в Александровском заводе, Благодатском руднике, Читинском остроге и Петровском заводе. С 1839 года жил на поселении.

Умер 4 ноября 1846 года.

Артамон Муравьёв — добродушный, весёлый гуляка, храбрец и толстяк. Хоть в кавалергардском мундире, а настоящий гусар.

Аркадий Кочубей, сослуживец Артамона по оккупационному корпусу:

«Муравьёв… был ужаснейший фанфарон и легкомысленный человек; везде занимал деньги, где было только возможно, и никогда не имел привычки платить свои долги… В Париже мы прожили несколько дней. Сначала ещё у Артамона были деньги, и он их тратил без расчёта, но вскоре мне пришлось расплачиваться за него повсюду, потому что он стал играть в карты и проиграл все деньги, которые при нем были».

Забегая вперёд, укажем, что после осуждения по делу о тайных обществах, летом 1826 года Артамон попал под другое обвинение: якобы в должности командира полка он растратил более 80 тысяч рублей казённых денег. Расследование этого дела, впрочем, закончилось оправданием.

Родство обязывает: вместе с прочими Муравьёвыми как не быть ему и в Союзе спасения, и в Союзе благоденствия. После же назначения в Любар весёлый Артамон присоединился к Южному обществу и стал одним из ближайших соратников Сергея Муравьёва-Апостола. Правда, больше на словах, чем на деле. Но уж на словах-то он — самый отъявленный бунтовщик, горячий настолько, что Сергею приходится время от времени остужать его гусарскую голову. Соратники будут потом рассказывать следователям, как он обещал добыть денег для движения войск на Москву, как беспрестанно клялся страшными клятвами купить свободу своею кровью, вызывался лично на цареубийство, причём не раз, не два, а по меньшей мере трижды. Не далее как в сентябре 1825 года на собрании заговорщиков заявил, что вот сейчас возьмёт и поедет в Таганрог, своею саблею зарубит императора…

Из показаний полковника Тизенгаузена:

«Артамон Муравьёв… с возвышенным голосом торжественно начал призывать Всевышнего в свидетели, что, несмотря на то, что он имеет жену и детей, которые ему дороже всего на свете… он собою жертвует, если никто для совершения удара не сыщется».

Не надо горячиться, ваше высокоблагородие: за государем уже послан другой всадник, куда более надёжный, чем вы. Он справится. Готовьте лучше ваш полк к восстанию.

Разумеется, когда грянул декабрьский гром, в полку Артамона ничего не было готово к выступлению, да и не могло быть готово по причине внезапности событий. Ни фуража для похода, ни провианта, ни денег в полковой кассе. Однако 27 декабря, во время последней встречи в Любаре с братьями Сергеем и Матвеем, Артамон ещё раз подтвердил: он верен общему делу, ежели поднимут знамя восстания, он присоединится. Всего через два дня, когда разгорится бунт в Черниговском полку, Ахтырский полк не двинется с места.

Из показаний Артамона Муравьёва следствию:

«По возвращении с манёвров жена моя, узнав мои переговоры и сношения с С. Муравьёвым, требовала от меня со слезами, окружённая детьми, оные прервать и пощадить моё семейство».

Как раз в тот самый день, 27 декабря, был подписан приказ об аресте полковника Артамона Муравьёва. 30 декабря (мятежные роты вступают в Васильков) он вызван в Бердичев, в штаб дивизии. 31 декабря (мятежным войскам читают

Катехизис) там, в штабе, арестован. 8 января он уже в Петропавловской крепости. Измученный следственными трудами царь затребует его на допрос лишь 17 января. Результат личного знакомства — в записке Николая I коменданту Сукину: «Присылаемого злодея Муравьёва Артамона заковать и содержать как наистроже».

Изъявление высочайшей воли через генерал-адъютанта Дибича военному министру Татищеву:

«Сергея Трубецкого, Евгения Оболенского, Артамона Муравьёва, Василия Давыдова, Якубовича, Сергея Волконского, Борисова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными в двух партиях, имея при каждых четырёх одного фельдъегеря… сообщить высочайшую волю, чтобы сии преступники были употребляемы как следует в работу, и поступлено с ними было во всех отношениях по установленному для каторжников положению…»

Из донесения жандармского капитана Миллера о следовании вышепоименованных преступников в Сибирь:

«*…Здесь* (в Пелле, недалеко от Петербурга. — *А. И.-Г.*) *ожидала их жена Муравьёва с другою ещё женщиною, которые с Муравьёвым и фельдъеге-*

рем в особой комнате на станции около часа оставались, пока лошадей закладывали. б…с *По приезде в Ярославль на станцию пришел туда дядя Муравьёва Горяинов… Тётку*[239] *же его, которая также с ним хотела видеться, сам Муравьёв просил не впускать, опасаясь, что слёзы её могут причинить шум».*

Имя любимой жены, вытатуированное на плече, краткая встреча при фельдъегере, слёзы родни… Прямо сентиментальный роман. Как во многих декабристских историях, финала у этого романа нет — просто уходила жизнь. Вера Алексеевна рвалась к мужу, но — трое детей, которых не на кого оставить, да они ещё и болеют. В 1831 году умер сын Лев, в следующем году Никита. Последний, Александр, — свет в окошке, вынесет ли дорогу? Да и поздно уже подавать прошение: жён в Сибирь более не пускают. Та встреча на почтовой станции в Пелле оказалась последней. Вера Алексеевна переживёт мужа на 20 лет. О её жизни в эти годы ничего не известно. Сын же благополучно достигнет преклонного возраста; он станет не слишком крупным чиновником, притом и художником — тоже не великим.

---

[239] Примечания: 239

Видимо, жандармский капитан имеет в виду тестя и тёщу Артамона Муравьёва.

Из донесения капитана Миллера:

«После Ярославля Муравьёва растрясло, он ослаб, так что на некоторое время с него сняли кандалы, которые, однако ж, проехав несколько станций, опять наложили».

Ходатайства сестры Артамона Муравьёва, графини Екатерины Канкриной, о переводе брата рядовым на Кавказ дважды отклонены — в 1837 и 1839 годах. Зато в августе 1839 года государь даровал освобождение из тюрьмы всем оставшимся на каторге декабристам. Артамон был обращён на поселение в селе Елань Бадайской волости Иркутской губернии. Вскоре ему было разрешено для лечения прибыть в Иркутск, а в начале 1840 года он был переведён в Малую Разводную, где построил себе домик; вскоре соседями его станут Юшневские и, пока строится их жилище, поселятся у него. Ещё на его участке приютятся братья Борисовы из Общества соединённых славян.

Года через два в дом Юшневских пожалует из Иркутска солидный господин с двумя сыновьями, мальчишками, любопытными и глазастыми. Один из них потом опишет встречу с бывшим гусаром.

Из воспоминаний Николая Белоголового:

«Юшневский повёл нас в соседний дом, двор которого прилегал к двору Юшневского и был отделён частоколом, в котором была прорезана калитка. Здесь в небольшом доме с мезонином… проживал другой декабрист — Артамон Захарович Муравьёв. Это был чрезвычайно тучный, необыкновенно весёлый и добродушный человек; смеющиеся глаза его так и прыгали, а раскатистый, заразительный хохот постоянно наполнял его небольшой домик. б…с *Он… был охотник до сладкого, и вообще… любил поесть и пользовался репутацией тонкого гастронома».*

Добавим, что Артамон Захарович в тюрьме и на поселении со свойственной ему экспансивностью увлёкся целительством и даже ассистировал доктору Вольфу.

Белоголовый:

«Между прочим он изучил и зубоврачебное искусство и мастерски рвал зубы, что я имел случай лично испытать впоследствии на себе».

Белоголовый, к тому времени знаменитый доктор, вспоминает ещё об Артамоне, что «необычайная тучность не делала его ни апатичным, ни малоподвижным, хотя, при его хлопотливости, причиняла ему немало бед». Тучность эта постепенно становилась всё более нездоровой.

Энтузиаст-целитель сам часто хворал.

Из писем Марии Юшневской Ивану Пущину.

Январь 1843 года:

«Арт[амон] З[ахарович] опять был при смерти — и в этот раз уж мало было надежды, чтобы он выздоровел».

Март 1843 года:

«Ар[тамон] З[ахарович] всё ещё жалуется на нездоровье, но начинает помаленьку выезжать».

Октябрь 1843 года:

«Арт[амон] З[ахарович] всё был болен, только первый день сегодня, как он выехал хлопотать о своей рыбе».

Умер Артамон Муравьёв, весельчак и задира, в ноябре 1846 года.

Из письма Ивана Пущина Наталье Фонвизиной, 6 января 1847 года:

«Он умер сознательно, с необыкновенным спокойствием. Сам потребовал священника и распорядился всеми своими делами».

Дело № 95

Василий (Вильгельм Сигизмунд) Карлович Тизенгаузен

Лютеранин.

Год рождения, 1779 или 1780-й, уста-

навливается на основании указанного в формулярном списке возраста: 46 лет. Старше всех декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом.

Отец – Карл Тизенгаузен, был провинциальным городничим в чине титулярного советника[240]. О матери известно лишь, что она урождённая Науендорф. Братья: Отто, Карл, Георг, Филипп (он же Богдан; полковник, в начале 1825 года был назначен на службу в военных поселениях; там дослужится до генеральских эполет).

Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе, в 1799 году выпущен подпоручиком в 3-й егерский полк. В 1802 году произведён в поручики. С 1804 по 1808 год в статской службе. В 1808 году вновь на военной – поручиком в Таврическом гренадерском полку. Во время войны со Швецией в 1809 году исполнял должность адъютанта при генерал-губернаторе Финляндии графе Спренгтпортене. Переведён

[240] Примечания: 240

Род Тизенгаузенов — один из старейших в остзейских землях и весьма разветвлённый: есть графская ветвь и несколько баронских. Наш Тизенгаузен принадлежит к нетитулованной ветви.

в Мингрельский пехотный полк и в 1810–1811 годах участвовал в войне с Турцией; в августе 1811 года произведён в штабс-капитаны, а через два месяца за отличие в сражении в капитаны; награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1812 году воевал в составе 3-й Западной армии Чичагова. В 1813–1814 годах в Заграничном походе; награждён орденом Святой Анны 2-й степени. В 1814 году за отличие переведён в лейб-гвардии Семёновский полк: назначен адъютантом к генерал-квартирмейстеру Дибичу (будущему организатору разгрома Южного общества). В 1816 году назначен командиром Смоленского пехотного полка, а в 1819 году, после кратковременного увольнения от службы (видимо, для женитьбы), – командиром Полтавского пехотного полка. В этой должности пребывал до декабрьских событий 1825 года.

Член Южного общества.

Приказ об аресте последовал 27 декабря. Арестован в ночь с 4 на 5 января в Бобруйске. Доставлен в Могилёв, оттуда 10 января в Петербург, заключён в Петро-

павловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к двум годам каторги, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина шесть с половиною вершков[241], лицо белое продолговатое, глаза серые, нос продолговатый с горбиною, волосы на голове и бровях светло-русые и на левой щеке маленькая бородавка.

Перед отправкой в каторгу серьёзно заболел; доставлен в Военно-сухопутный госпиталь, где находился около двух месяцев. В феврале 1827 года его повезли в Сибирь. Отбывал каторгу в Читинском остроге. С 1828 года жил на поселении. В 1853 году вернулся на родину в Нарву.

Умер 25 октября 1857 года.

Василий Карлович Тизенгаузен служил основательно, тянул офицерскую лямку долго. Ещё несколько лет — и можно подумать об отставке с мундиром и пенсионом. Тем более что он уже обременён семейством. Жена Гедвига Доротея,

---

[241] Примечания: 241
Примерно 171 см.

урождённая Больтон, в русском варианте Федосья Романовна, моложе его лет на двадцать; дети: Михаил (родился в 1823 году), Александр, Эмилия… Впереди старость достойная и неплохо обеспеченная: полковник Тизенгаузен деньгам счёт знает. Нет, он не жаден, его кошелёк к услугам друзей и сослуживцев, те и другие охотно берут у него в долг под умеренные проценты, а главное — возвращают.

Благополучный человек, даже завидно. Но вот в начале 1821 года в Полтавском полку появились два офицера. Один из них, столичная штучка, Сергей Муравьёв-Апостол, вскоре переведён в Черниговский полк. Второй, странноватый молоденький прапорщик, остался, по-видимому, надолго. Звать его Михаил Бестужев-Рюмин. Через четыре года бывалый полковник, «слуга царю, отец солдатам», окажется не просто участником заговора, но главным покровителем главного деятеля этого заговора.

Тайному обществу очень нужны командиры полков. Полк — основная единица армии. Полковой командир — хозяин в полку, как в доме; хороший командир — старший брат офицерам и, действительно, отец родной солдатам. Он кормит и поит, представляет к наградам и наказывает;

в его распоряжении касса, через него проходят все хозяйственные дела. Командир, любимый полком, — сила. Генералы отдают приказы, но ведут за собою войска полковники.

Сергей Муравьёв-Апостол прослужил в Полтавском полку год с небольшим и успел оценить достоинства Тизенгаузена. Исполнителен, верен слову, хозяйствен, с подчинёнными добросердечен, младших офицеров опекает, солдат уважает. Нет в нём бесшабашного обаяния Артамона Муравьёва, зато основательности — с избытком. За таким пойдут.

Из письменного показания, озаглавленного «Откровение Василия Тизенгаузена»:

«В 1824-м году, которого месяца и числа не упомню, приехал ко мне в м[естечко] Ржищев Черниговского пехотного полка подполковник Сергей Муравьёв, вероятно единственно в намерении уговорить меня вступить в общество, составившееся для введения в государстве конституции… Отобедав у меня в доме, когда все прочие офицеры ушли, после обыкновенных незначительных разговоров мало-помалу завёл он речь о службе и потом о правительстве, слагая всегда вину на государя».

«Я ему в сем беспрестанно противоречил», —

поспешно добавляет полковник. Но в общество всё-таки, поразмыслив, вступил. Деятельного участия в оном не принимал и оставался на низшей ступени «брата» (напомним: те, кто управляют, — бояре; те, кто им помогают, — мужи, остальные — братья). Деятельности от него и не требовалось. По мысли «бояр», его задача — ждать приказа и в нужный миг привести полк под их знамёна. И ещё: коренастой полковничьей фигурой прикрывать подозрительную суетливость Бестужева-Рюмина, легализовать его непрестанные отлучки в Васильков, в Киев, в Тульчин, в Могилёв. Полтора года полковник будет выполнять указания подпоручика.

В летних лагерях близ Лещина в августе–сентябре 1825 года заговорщики, обычно разбросанные по квартирам, оказались почти все собраны вместе. Кое-кто из них имел уже смутные сведения о поступивших Александру I доносах. На их собраниях зазвучала тревожная нота: действовать, и поскорее.

Из показаний на следствии Михаила Бестужева-Рюмина:

«Все члены, кроме Тизенгаузена, поклялись на образе не откладывать действий далее будущего года. Тизенгаузен же сказал, что присяги не

нужно, ежели необходимо начать, он начнёт и не поклявшись в том, но чтобы мы подумали о том, что нет собранных денег для продовольствия, а идти без денег — это восстановить против себя народ».

Как видим, Тизенгаузен мыслит практически и к действию готов. Но «начать» ему так и не пришлось. После манёвров Полтавский полк был направлен в Бобруйск на работы в строящейся крепости. Там и полковник находился во время декабрьских событий.

Любопытный факт: при выяснении вопроса о денежных обязательствах лиц, арестованных по декабрьскому делу, полковнику Тизенгаузену оказались должны: родной брат Богдан не менее трёх тысяч рублей, а возможно, и более; подполковник Матвей Муравьёв-Апостол двести рублей; полковник Артамон Муравьёв тысячу; полковник Повало-Швейковский три тысячи рублей, каковые суммы полковник Тизенгаузен просит уплатить его семейству, оставшемуся без доходов; притом многим офицерам, стеснённым в средствах и занимавших у него небольшие суммы, Тизенгаузен готов долги простить и с них не взыскивать.

После читинской каторги, в апреле 1828 года

поселён в Сургуте Тобольской губернии. Весной 1829 года направлен из Сургута в Ялуторовск. Но всё-то ему не везло: дом его, с любовью отстроенный, горел два раза, воры не давали покоя, а того паче доносчики. Впрочем, и тут Василий Карлович не утратил хозяйственности и умения обращаться с деньгами.

Из воспоминаний ялуторовского чиновника Семёнова:

«Чаще всего декабристы и их немногие друзья собирались в большом доме с красивым мезонином, принадлежащем богачу барону Тизенгаузену… В нижнем подвальном этаже огромного дома барона стояло несколько больших алебастровых статуй нимф, фавнов и олимпийских богов. Эти „чудовища“ с козлиными ногами и рогатыми головами наводили страх на прислугу… Тизенгаузен, страстный садовод, разбил у своего дома на пустыре фруктовый сад, в котором вместе с наёмными рабочими каждый день работал сам с заступом в руках».

Семёнов ошибается: ни бароном, ни богачом Тизенгаузен не был. Но яблони выращивал и денежки, как мы уже убедились, считать умел.

Так прошло более двадцати лет.

В 1851 году к бывшему полковнику приехали

сыновья (обоим уже под тридцать) и на несколько месяцев скрасили его одинокое житьё. А в 1853 году Тизенгаузен воссоединился с семьёй после 25 лет разлуки: ему было высочайше дозволено возвратиться на родину.

Последние годы прожил в Нарве, где и умер.

Дело № 96

Иван Семёнович Повало-Швейковский

Православный.

Родился 23 сентября 1787 года в селе Буловицы Смоленской губернии.

Отец – Семён Иванович Повало-Швейковский, отставной премьер-майор, смоленский помещик, умер до событий 1826 года. Мать – Пелагея Богдановна, урождённая Верховская. Брат Василий, отставной капитан; сводные сёстры от первого брака отца: Анастасия, Екатерина, Пелагея. За Иваном совместно с братом и матерью в Смоленской губернии имение (около 200 душ крепостных), заложенное в Опекунском совете.

Обучался в Московском университетском пансионе и дома. В 1801 году записан в службу унтер-офицером в Московский

гренадерский полк; реальная служба началась, по-видимому, в 1804 году в том же полку прапорщиком. Участвовал в кампаниях 1805–1807 годов. В 1806 году произведён в подпоручики. За сражение при Прейсиш-Эйлау награждён золотым крестом, за бой при Гуттштадте – золотой шпагой «За храбрость». В 1808 году произведён в поручики. В 1808–1812 годах на войне с Турцией. За сражение при Базарджике награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом, под Ловчей ранен в грудь справа. В 1810 году за отличие в сражении при Шумле произведён в штабс-капитаны; назначен адъютантом к генерал-майору принцу Карлу Мекленбургскому. В 1811 году за отличие при штурме Ловчи произведён в капитаны; назначен адъютантом 2-й гренадерской дивизии; по окончании турецкой кампании в июне 1812 года произведён в майоры. В кампанию 1812 года при Бородине ранен в ляжку, награждён орденом Святой Анны 2-й степени. В Заграничном походе временно исправлял должность командира Московского

гренадерского полка; за битву под Лейпцигом получил второе золотое оружие (редкий случай!); за отличие произведён в подполковники; при взятии Парижа ранен в плечо и контужен; награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Служил в русском оккупационном корпусе во Франции. В 1816 году назначен командиром Алексопольского пехотного полка и произведён в полковники. В этой должности пребывал до августа 1825 года, когда был переведён в Саратовский пехотный полк.

Член Южного общества.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжную работу вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков[242], лицом бел, кругл, волосы на голове и бровях светло-русые с сединою, глаза голубые, нос прямой.

Отбывал первый год в Свартгольмской крепости, затем в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1839 году опреде-

---

[242] Примечания: 242
Примерно 173 см.

лён на поселение в Курган Тобольской губернии.

Умер 10 мая 1845 года от чахотки.

Иван Швейковский — идеальный объект для вовлечения в армейский заговор. Многоопытный офицер с шестью боевыми наградами; своим полком командует девять лет, — значит, с ним сроднился; в полковниках засиделся, в генералы к сорока годам выйти не получилось, — стало быть, самолюбие задето. К тому же за два года службы во Франции либеральная искра не могла не зародиться в душу. Присматривая соратников для будущей военной революции, Сергей Муравьёв-Апостол обратил внимание на него. И нашёл отклик.

В 1823 году, во время пребывания 9-й пехотной дивизии в Бобруйске, после проникновенных бесед с даровитым Сергеем, командир Алексопольского полка вступил в тайное общество. За два последующих года он оказался глубоко втянут в омут заговора: знал всех вождей-«бояр» и многих «братьев»; бывая в Петербурге, передавал послания южан северным заговорщикам; участвовал в совещаниях о захвате в плен императора и о цареубийстве, хотя и утверждал впоследствии,

что всегда был против любого кровопролития. Ко времени встреч в Лещине и выработки плана военного переворота он — надёжный сподвижник васильковских лидеров. Сергей Муравьёв рассчитывает на Алексопольский полк так же твёрдо, как на свой Черниговский.

Но в начале сентября как гром среди ясного неба — отстранение Повало-Швейковского от командования полком. Это был первый удар по планам заговорщиков. Чем бы ни был вызван приказ корпусного командира генерала Рота, служебными интригами или подозрением в неблагонадёжности, заговорщики восприняли его как угрозу тайному обществу, а Швейковский ещё и как личную обиду. Начались бурные совещания, на которых горячие головы вроде Артамона Муравьёва призывали к немедленным действиям.

Из показаний полковника Враницкого (особенности орфографии сохранены):

«…Одного утра, непомню числа, когда я находился у генерала Рота, приехал полковник Тизенгаузен туда, приказал мне вызвать, и когда я к нему вышел, говорит мне: „Рады Бога садится сомною на дрожки и поезжайте унимать Швейковского, у него отняли полк, а он в своем

бешенстве имеет какое то ужасное намерение“. Мы приехали в дежурство 9-й пехотной дивизий и застали его между адьютантамы кричащего. Я его оттуда вызваль и повез на свою квартиру, куда и полковник Тизенгаузен с нами поехал. Когда приехали, я его спросил, для чего он в дежурстве так шумел, он мне отвечал: „У меня отняли полк, и выдно хотят всех членов нашего общества по одному разобрать… надобно начать действовать“… Полковник Тизенгаузен… и я просили, угрожали, умолыли, и по туда его невыпускали с квартиры моеи, покуда неуспокойлься и недаль нам обещание оставит свое намерение».

Страсти улеглись. Решено было повременить с восстанием до весны — лета. Полковник Повало-Швейковский получил новое назначение — командиром Саратовского полка.

И тут — смерть государя и всё, что за ней последовало.

В мятежной буре вокруг Василькова Швейковский никакого участия не принимал, да и ничем не мог помочь мятежникам.

Приказ об аресте трёх полковников — Муравьёва, Тизенгаузена и Швейковского — датирован 27 декабря. 7 января Швейковский в Петропавловской крепости.

К тому времени, когда его переведут на поселение, он будет уже очень болен — как тогда говорили, чахоткой, но вероятно, туберкулёзом. Всё своё имущество Швейковский завещал вдове Анне Даниловне Ризенковой, находившейся у него в услужении.

Дело № 97

Василий Иванович Враницкий

Римско-католического вероисповедания.

Родился, вероятно, в Праге между 1782 и 1786 годами: в формулярном списке на конец 1825 года указан возраст: 43 года; в его показаниях, данных в апреле 1826 года, указано: 40 лет.

В том же формулярном списке: «из дворян Богемского королевства города Праги», однако дворянство сомнительно.

Отец его – Ян Враницкий, имел в Праге небольшую пивоварню. Мать – некая Анна, урождённая Чайкова. О других родственниках сведений нет.

Образование получил в пражской гимназии монашеского ордена пиаристов, затем в офицерской артиллерийской

школе в Праге, где, по собственноручно написанному показанию, «обучался: черчений планов, практической съёмке с разными инструментами, фартификаций и военной географий». В русскую службу перешёл из австрийской армии в 1806 году прапорщиком в Севский пехотный полк. Участвовал в кампании 1806–1807 годов в Пруссии против Наполеона и в шведской кампании 1808–1809 годов. В 1808 году произведён в подпоручики, в 1809-м за отличие в поручики; награждён орденом Святой Анны 4-й степени. С 1812 года служил по квартирмейстерской части. Участвовал в кампаниях 1812–1814 годов; награждён орденами Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 2-й степени, золотой шпагой «За храбрость» и прусским орденом; в 1813 году за отличие произведён в штабс-капитаны, в 1814-м в капитаны. В 1816–1819-м продолжал квартирмейстерскую службу в 1-й гусарской дивизии; в 1820–1822 годах обер-квартирмейстер 4-го резервного кавалерийского корпуса; в 1823 году назначен обер-квартирмейстером 3-го

пехотного корпуса и произведён в полковники.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке на поселение вечно, срок сокращён до 20 лет. Отправлен в Пелым Тобольской губернии.

Приметы: рост два аршина пять с половиною вершков[243], лицо белое, продолговатое, немного рябоватое, нос острый и немного горбоват, лоб широкий, волосы на голове светло-русые, бакенбарды редкие и с проседью, глаза серые, на левой щеке пониже бакенбард небольшая ямочка от ожога порохом при выстреле из ружья во время сражения.

Умер 2 декабря 1832 года в Ялуторовске.

Василий Тизенгаузен о Враницком:
«Добрый, кроткий человек».

Полковые командиры ведут людей за собой, а офицеры-квартирмейстеры указывают полковникам, куда именно и какими дорогами вести. Поэтому старший квартирмейстер штаба корпуса

---

[243] Примечания: 243
Примерно 167 см.

— находка для заговора. Сергей Муравьёв-Апостол решил привлечь доверчивого иноземца к участию в своих планах через Повало-Швейковского, с которым тот находился в приятельских, даже дружеских отношениях.

О членстве в тайном обществе Враницкий сам расскажет с характерным чешским акцентом лучше, чем кто-либо:

«Что участвовал в тайном обществе, тому небыл причиною образ моего мышления, но полковник Повало-Швейковский, который мне представил цель оного так маловажною, что я неполагал сделать преступление, когда соглашусь принадлежат к оному. Злое намерение сего общества уже узнал после от подполковника Муравьёва-Апостола. Полковник Повало-Швейковский более года за мною ухажовал, покуда успел в своем намерений; ис чего явствует, что мои мысли немогли быть вольнодумческие и либеральние, ибо не по моему желанию, не по моему старанию, я вмешался в сие тайное общество. Как большая моя вина по делу, в котором имею нещастие быть запутан, неосмеливаюс рассуждать. Благоразумие и правосудие высочайше учрежденного Комитета опридилит оною, но чуствую, что мое поведение и в сем деле показы-

вает, что я никогда неперестава́л быть Моего Монархи от всей души моей верно приверженный слуга».

Приказ об аресте последовал 5 января, когда появились первые показания васильковцев. Арестован в штабе корпуса в Житомире 10 января, доставлен в Петербург 18-го, свою вину решительно отрицал, содержался в Главном штабе и только в феврале переведён в крепость. Признательные показания стал давать лишь в апреле, после очных ставок со Швейковским и Тизенгаузеном.

Должно быть, сын чешского пивовара даже не очень-то понимал, к чему там, в тайном обществе, клонят. Но «благоразумие и правосудие высочайше учреждённого Комитета» рассудило иначе.

Бедняга в Пелыме впал в меланхолию. К тому же, не имея родни и ни от кого не получая вспомоществования, оказался в крайней нужде. Казённое содержание заключалось в солдатском пайке и одежде крестьянского типа. После переписки между местными властями, губернскими инстанциями и Петербургом в 1830 году было разрешено перевести его в Ялуторовск, где уже обитал Тизенгаузен и потихоньку складывалась декабристская колония. Сосланный в Тобольск

за участие в Польском патриотическом обществе граф Пётр Мошинский выхлопотал своему старому приятелю высочайшее разрешение получать деньги от графини Мошинской. Но Враницкий отказался от этой помощи (по другим сведениям, получил дважды по тысяче рублей, но затем поступления прекратились). На нервной почве он окончательно захворал и умер.

Дело № 98

Как видим, от приговора не спасало ни покаяние, ни искреннее неведение о целях злоумышленного тайного общества. А вот капитану Фурману смягчить наказание помогло пьянство. Иначе быть бы ему убиту, как поручику Щепилло, на поле близ Устимовки, или повеситься в Зерентуйском руднике, как поручику Сухинову. Ибо вместе с ними служил он в Черниговском полку.

Из материалов следствия. 19 февраля 1826 года.

Генерал-адъютант Чернышёв. Черниговского пехотного полка капитан Фурман — когда, где и кем именно принят был в тайное общество?

Подпоручик Бестужев-Рюмин. Фурман принадлежал Славянскому обществу, из коего был исключён. Принят был не знаю кем, в Лещине, а исключён, по моему предложению, за нетрезвое

поведение.

Андрей Фёдорович Фурман
Лютеранского вероисповедания.
Родился в 1795 году.

Отец – Фёдор Фурман, надворный советник, по семейному преданию, прибыл в Россию из Саксонии в качестве агронома. Мать – Софья, урождённая Гильденбант. Четыре брата и шесть сестёр; старший брат Роман дослужится до чина тайного советника, сестра Анна была главной надзирательницей Воспитательного дома в Петербурге (её сын Фёдор Адольфович Оом станет одним из наставников детей Александра II).

Образование получил в Горном кадетском корпусе и в дворянском полку при 2-м Кадетском корпусе, из него выпущен прапорщиком артиллерии в 1815 году. В 1819 году переведён подпоручиком в Гренадерский принца Прусского полк и через два месяца произведён в поручики, служил адъютантом бригады, затем строевым офицером. В январе 1821 года переведён в лейб-гвардии Семёнов-

ский полк (армейских направляли туда вместо офицеров, выгнанных после «семёновской истории»), но продержался в столице недолго, в 1822 году возвращён в 1-ю армию штабс-капитаном. В 1823 году произведён в капитаны и назначен в Черниговский полк командиром роты.

Арестован в Могилёве 5 января 1826 года, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке на поселение в Сибирь вечно, срок сокращён до 20 лет. Отправлен на поселение в Кондинск Тобольской губернии.

Приметы: рост два аршина восемь вершков[244], лицо белое, продолговатое, глаза светло-карие, нос большой, остр, на правой щеке природных две бородавки, волосы на голове и бровях темно-русые.

Умер 8 марта 1835 года.

По-видимому, «нетрезвое поведение» было свойственно Андрею Фёдоровичу и ранее, иначе как объяснить его скорый возврат из гвардии

---

[244] Примечания: 244
Примерно 178 см.

в армию? Сам он, правда, в ответах следствию намекает, что служба в гвардии ему оказалась не по карману. Тоже возможно. В любом случае служил он в полку под началом Сергея Муравьёва, в тайное общество был принят в Лещинском лагере в сентябре 1825 года и вскоре изгнан оттуда. Что происходило с ним далее вплоть до Рождества, мы не знаем. По версии, предложенной им следствию, он собирался подать в отставку. Но так и не подал. А в ночь перед Рождеством он из роты исчез, подобно кузнецу Вакуле. На чёрте до Петербурга не долетал, но в окрестностях Василькова его видали. В общем, он запил. И таким образом пропустил начало восстания в Черниговском полку.

И не только начало, но и всё дальнейшее. От Рождества до Крещения — все Святки. Перед самым Новым годом, или уже 1 января, когда мятежные роты выступили из Василькова, Фурман повстречал в придорожном шинке рядового Флегонта Башмакова. Этот необыкновенный человек — бывший полковник, разжалованный в солдаты за растрату, буйство и клевету, — проживал на квартире Сергея Муравьёва и, хотя не был никем принят в тайное общество, исполнял различные поручения своего патрона. В данный момент

он, по-видимому, спешил в качестве вестового к соратникам в какой-то из полков, на который возлагали надежды мятежники. При прочих ярких чертах своего характера Башмаков имел обыкновение выпить, поэтому, повстречавшись, оба провели в беспробудном пьянстве несколько дней, пока 5 января не были обнаружены в деревне Гребёнки, схвачены и доставлены, как пленные мятежники, в Белую Церковь. Есть сведения, что они и там, в заточении, нашли способ продолжить, теперь уже с горя. Вскоре их вместе с другими арестантами отвезли в Могилёв.

В дальнейшем их пути расходятся. Башмаков будет отправлен в Петербург, оттуда обратно в Могилёв, предан военному суду, осуждён на вечное поселение в Сибири и умрёт в Тобольске в 1859 году в 86-летнем возрасте. Фурман же удостоится Петропавловской крепости и Верховного уголовного суда.

В крепость Фурман будет заключён 18 января. Однако далее с ним произошла новая история — вполне вероятно, последствие святочного загула. В своих показаниях он охарактеризует её так: «Устрашась внезапного звука оков, совершенно потерял присутствие мыслей и соображений». Лекарь Петропавловской крепости

Элькан сформулирует по-другому: «Оказался в помешательстве ума». Из крепости больной был переведён в Военно-сухопутный госпиталь, возвращён обратно, снова отправлен в госпиталь.

Из служебной переписки по делу Фурмана.

15 июня 1826 года:

«С некоторого времени у капитана Фурмана волнение в крови, задумчивость и беспокойство, так что должно опасаться возвращения прежнего его состояния болезни».

Обратим внимание: признаком помешательства ума считаются волнение в крови, задумчивость и беспокойство.

18 июня:

«Преданный Верховному уголовному суду Черниговского пехотного полка капитан Фурман, ныне по болезни в гошпитале находящийся, объявил, что имеет сделать некоторое открытие по делу злоумышленного общества».

22 июня:

«Объявлено находящемуся в военно-сухопутном госпитале за болезнию Черниговского пехотного полка капитану Фурману, что если он имеет что-либо открыть по делу тайного злоумышленного общества, то изложил бы на бумаге и представил чрез госпитальное начальство».

Далее в следственном деле содержится следующая бумага:

«Его императорскому величеству капитана Фурмана

Рапорт

Вашему императорскому величеству донесть честь имею, что вся армия, солдаты и офицеры убиты совершенно духом и терпят крайности в голоде, а чрез то жаждут по необходимости войны или смерти, ибо с мужика требуют деньги, когда ему хлеба некому продать, а от солдата службу, когда ему совершенно есть нечего, и он провианта не видит, а офицер в жалованье лишь расписывается; а как от меня требуется квитанция ежемесячная о благополучии в квартировании между солдатами и крестьянами, то я совершенно знаю неуважение мужиков к воинским чинам, которые от крайности делаются робкими пред мужиком и неустрашимыми пред начальством».

Рапорту этому хода не дали и посчитали Фурмана окончательно свихнувшимся. Но, ей-богу, никто не сформулировал так точно и кратко реальные мотивы той заварухи в России, которая началась восстанием декабристов.

На поселении временами пьянствовал, но в об-

щем жил как все. В браке не состоял, но вступил в сожительство с Марьей Петровной Щепкиной, до этого обитавшей в доме местного чиновника. У них было трое детей, судьбы которых неизвестны.

«Соединённые славяне»

Два тайных общества существовали в 1-й армии и более двух лет не знали друг о друге. В одном корпусе — 3-м пехотном — и даже, бывало, в одном полку служили их участники. Разъезжали по одним и тем же дорогам, встречались в лагерях, штабах, да, пожалуй, и в трактирах. Но как будто существовали в разных мирах.

Познакомились случайно. В августе–сентябре 1825 года, как мы уже знаем, почти весь 3-й корпус был собран в полевых лагерях у местечка Лещин близ Житомира. И там однажды некто капитан Тютчев повстречал давнего приятеля, подпоручика Бестужева-Рюмина. Оба служили когда-то в Семёновском полку. После известной «семёновской истории» Бестужев оказался в Полтавском полку, Тютчев в Пензенском. Обоих томила провинциальная армейская скука. Обрадовались встрече, завернули, наверное, в

шинок, разговорились. Тютчев, человек бесхитростный, открыл Бестужеву: есть такое Общество соединённых славян, весьма тайное, и он, Тютчев, к сему обществу с клятвою принадлежит. Бестужев выслушал и огорошил Тютчева: в 1-й армии давно уже существует Великое тайное общество, и не только в 1-й армии, но и во 2-й, и на Кавказе, и в Киеве, и в Петербурге, везде, и готовит решительную перемену правления. Тютчев ответствовал, что у «славян» та же идея, и пообещал представить Бестужеву своих товарищей по конспирации. Засим последовало несколько встреч в палатках у надёжных друзей-офицеров и объединение двух обществ.

Лещинская встреча окрылила всех. Южное общество обрело свежую кровь и новое дыхание. Бестужев, а затем и Сергей Муравьёв вдохновенно изображали перед потрясёнными «славянами» вождей всероссийского заговора. «Славяне» наперебой старались показать свою решительность и неустрашимость. И немудрено: для них, бедных и безвестных армейских офицеров, васильковские вожди были выходцами из иного мира, небожителями, сошедшими с сияющих высот на скучную житомирскую землю.

Надо пояснить, кто такие «соединённые сла-

вяне». Это отважные мечтатели, Прометеи в младших офицерских чинах, худородные и почти нищие, провинциалы без надежд на столичную карьеру и при этом наделённые темпераментом переустроителей мира. По крайней мере, таковы инициаторы и активные участники общества. Сколько всего было участников, сказать трудно. Осуждены Верховным уголовным судом 23 члена Общества соединённых славян (об одном из них — Фурмане — речь шла выше). Предполагается, что в обществе состояло до полусотни человек.

По большей части они были люди без образования, до всего доходили своим умом. Поэтому в их идеях и планах было много странного и наивного, иногда — трогательно наивного, детского.

Самое же главное, что это иная социальная среда, нежели петербургские, московские, тульчинские и васильковские заговорщики.

Об Иване Фёдоровиче Шпоньке

и его сослуживцах

Читателю, который не сегодня и не вчера держал в руках томик Гоголя, напомним. Иван Фёдорович Шпонька — герой или, лучше сказать, персонаж (ибо какой он герой?) седьмой, и

предпоследней, повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Он — мелкопоместный дворянин, земляк Гоголя, владелец крохотного имения (18 душ) где-то между Гадячем, Сорочинцами и Миргородом, неподалёку от тех мест, где жили или бывали многие участники южного заговора. Человек он тихий и неприметный. Гоголь приводит исключительно точные сведения о его биографии, которые позволят нам сделать некоторые интересные умозаключения.

Да, вначале следует указать, что цензурное разрешение на печатание повести получено в январе 1832 года, при этом стилистически и композиционно она примыкает к более поздним повестям того же автора из сборника «Миргород». Поэтому резонно предположить, что написана она была позже остальных повестей «Вечеров на хуторе…», то есть в середине — второй половине 1831 года. Рассказ в ней ведётся о событиях недавних, стало быть, действие происходит, вероятнее всего, в 1830 году. Что это за действие, для нас сейчас не важно. А важно, что Иван Фёдорович к этому времени уже четыре года как не служит и живёт в деревне. Значит, вышел он в отставку примерно в 1826 году. Далее Гоголь сообщает, что учился Шпонька в поветовом, то есть уездном,

училище (то же самое заявляют о себе многие из «соединённых славян»); затем, на семнадцатом году, определился на службу в П*** пехотный полк. Юных дворян, не имеющих военного образования, принимали в пехоту подпрапорщиками, и им следовало пройти обучение, как правило, в течение двух лет, прежде чем стать офицерами; по-видимому, так было и со Шпонькой. Затем он был произведён в прапорщики и в этом младшем офицерском чине прослужил 11 лет. Тут Гоголь, конечно, сгустил краски: редко кому приходилось более пяти лет дожидаться следующего чина. Но — на то он и Шпонька. К тому же у Гоголя, возможно, был ещё один мотив продлить прапорщичью стезю своего персонажа, к чему мы ещё вернёмся.

Далее мы узнаём, что наш персонаж получил наконец горжет подпоручика[245] и в этом чине прослужил ещё четыре года, после чего вышел в отставку по домашним обстоятельствам с производством в поручики. Если сложить годы: 16 + 2 + 11 + 4 и добавить четыре года жизни в деревне после отставки, получаем, что в 1830 году Ивану

---

[245] Примечания: 245

Горжет — шейная пластина, носившаяся поверх мундира. До 1827 года (до появления звёздочек на эполетах) детали горжета служили основными знаками различия офицерских чинов.

Фёдоровичу было что-то около 37 лет. Стало быть, родился он, вероятнее всего, в 1793 году (ровесник Пестеля), в полк поступил в 1809-м, офицером стал в 1811 году. (Попутно выясняется, что, при всей своей неказистости, Шпонька участвовал в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах.) Оформив отставку, он отправился домой, для чего нанял извозчика от Могилёва до Гадяча. Мы знаем, что в Могилёве находился штаб 1-й армии. Значит, полк, в котором прошла вся его служба, входил в состав 1-й армии. Из пехотных полков этой армии нам известны два, названия которых начинаются на «П»: Полтавский и Пензенский[246]. Оба участвовали в войне с Наполеоном. (Командир Пензенского полка Александр Воейков, между прочим, умер от ран, полученных в сражениях Заграничного похода.) Однако для нас сейчас важнее другое: оба полка после войны сделались очагами декабристского заговора. В Полтавском Шпонька непременно повстречался бы с подпоручиком Бестужевым-

[246] Примечания: 246

Были ещё: «пехотный принца такого-то полк», но тогда должно было бы быть: «поступил в пехотный П*** полк», а у Гоголя именно «в П*** пехотный». Полки Псковский и Полоцкий на момент вступления Шпоньки в службу именовались мушкетерскими. Правда, строго говоря, и Пензенский полк и Полтавский под наименованием пехотного существовали с 1811 года.

Рюминым и увидал бы издали подполковника Муравьёва-Апостола. Но тот и другой прошли бы мимо скромного офицера-малоросса, не заметив его. А вот ежели он служил в Пензенском…

А там к 1825 году образовалось настоящее гнездо Общества соединённых славян. Из тех, что будут осуждены Верховным уголовным судом, в Пензенском полку служили шестеро: майор Спиридов, капитан Тютчев, поручики Громницкий и Лисовский, подпоручики Фролов и Мазган. Причём последние четверо и по чинам, и по происхождению — ровня Шпоньке. К этой же категории относятся «славяне» из других полков и бригад: прапорщики, подпоручики, поручики, мелкопоместные или вовсе безземельные дворяне, и, кстати, многие из них — малороссы.

Правда, все они значительно моложе Шпоньки. И вот Гоголь до некоторой степени устраняет это различие, продержав своего персонажа в прапорщиках лишних шесть-семь лет. По нашему расчёту, он был произведён в подпоручики в 1822 году. Если не по возрасту, то по чину он — ровня «соединённым славянам».

Шпонька мог быть не только знаком с участниками сего общества, но и сам быть принят в него. В обычных офицерских развлечениях, как

то: игра в карты, питьё выморозков и танцевание мазурки — он не участвовал. Участники Общества соединенных славян тоже не играли в карты и не пили выморозков. Шпоньке непременно следовало оказаться в их компании. Ни состав общества, ни численность доподлинно не известны. Вполне возможно, что среди мечтающих о вольной славянской федерации оказался и этот тихий подпоручик.

В планах военного мятежа и тем паче цареубийства он, по кротости своего характера, конечно же, не участвовал. Но вышел в отставку ранней весной 1826 года, сразу после ареста многих своих сослуживцев.

* * *

Общество соединённых славян было образовано в 1823 году в Новограде-Волынском прапорщиками 8-й артиллерийской бригады Петром и Андреем Борисовыми и неслужащим Юлианом Люблинским. Поначалу оно выглядело довольно безобидно. Псевдонимы себе выбирали из греческой и римской истории (Борисов-младший — Протагор, Иванов — Катон, Горбачевский — Сципион и так далее), даты в письмах указывали по французскому революционному календарю

(23 мессидора, 24 прериаля) — словом, играли. Цель весьма туманна: создание некой славянской конфедерации, возведение посередь неё Города Справедливости, победа всего хорошего над всем плохим… Они не очень ясно представляли себе, кто такие славяне: в перечне объединяемых наций присутствуют венгры и румыны и отсутствуют, например, болгары. Игра, однако, увлекла многих сослуживцев, идея справедливого переустройства мира, уничтожения империй и утверждения на их руинах народодержавия овладела умами, выплеснулась за пределы Новограда и пошла гулять по полкам 3-го пехотного корпуса.

В этой идее был заложен взрывной потенциал. Неудовлетворённость своим положением и неприятие царящей вокруг несправедливости (а где она не царит?) обрели практический выход: низвержение имперской власти. Но Общество соединённых славян было слишком ничтожной величиной: редкий из его участников командовал хотя бы ротой. Оставалось только мечтать и готовить себя для великого будущего.

Случай изменил всё — «соединённым славянам» явились архангел Михаил и апостол Сергей.

Из показаний Михаила Бестужева-Рюмина:

«В Южном обществе хотели привести намерение в исполнение в 1825 году во время сбора 3-го корпуса близ местечка Лещина, куда надеялись что прибудет государь. Когда же узнали, что его величество не изволит быть, то решились послать несколько членов в Таганрог для истребления государя и потом целым корпусом идти на Москву… Решение сие взявши, мы адресовались к славянскому обществу, коего члены стояли в лагере в 8-й Дивизии и артиллерии как конной, так и пешей. Всё общество сие на предложение наше согласилось, и когда вызывали членов оного на истребление государя, то предложились: майор Спиридов, капитан Тютчев (оба пензенск. пехот.), Горбачевский, Бесчасной, Борисов и брат его отставной (8-й арти. бригады), адъютант генерала Богуславского Пестов».

Бестужев-Рюмин предъявил «славянам» некий Государственный Завет — выписку из «Русской правды» Пестеля, — уверяя, что сия конституция одобрена сподвижниками — мудрыми англичанами и пылкими французами. Он же наговорил с три короба о силе и могуществе тайного общества. «Славяне» радостно отозвались на сказки вдохновенного Мишеля. На одном из собраний

даже решили на иконе поклясться в верности общему делу.

Так как добраться до государя в Таганроге оказалось всё-таки затруднительно, Мишель и Серж объявили новобранцам новый план действий, якобы согласованный с друзьями во всех армиях и в Петербурге: в мае следующего года император обещал прибыть на смотр в Белую Церковь; тогда истребить его с лица земли и двинуться в поход на Киев, Москву и Петербург.

Дела № 99 и 100

Чудесные это люди, два брата-неразлучника Борисовы — честные, работящие, тонко чувствующие, любознательные. Такой типаж впоследствии получит название «русский интеллигент». И даже: «лучший представитель русской интеллигенции». Как истинные русские интеллигенты, они дадут себя увлечь идеей счастья разных народов, которую им озвучит недоучившийся польский студент Люблинский (тоже очень хороший человек). Беда этих прекрасных людей в том, что они жаждали истины страстно, а учились на медные деньги. Поэтому многого не знали и верили пустякам.

Андрей Иванович Борисов 1-й Православный.

Родился в 1798 году.

Отец – Иван Андреевич Борисов, отставной майор Черноморского флота, из дворян, крепостных не имеет; его доход – 200 рублей в год пенсиону, да заработки архитектурными проектами по заказам окрестных помещиков. Мать – Прасковья Емельяновна, урождённая Дмитриева. По справке на ноябрь 1826 года, ещё один брат Михаил и сёстры Елизавета и Анна[247] жительство имеют с родителями в слободе Боромле Ахтырского уезда Слобод-

ско-Украинской губернии и пребывают «в самом бедном положении».

Обучался школьным наукам дома, под руководством отца; математике дополнительно и артиллерийскому делу – на военной службе у капитана А. К. Берстеля

[247] Примечания: 247

В справке имена брата и сестёр не названы, мы узнаём их из сибирских писем Петра Борисова. После смерти родителей сёстры получали вспомоществование от богатого помещика графа Абрама Волькенштейна, старинного знакомца Борисовых. Крепостным отца Волькенштейна был актёр Михаил Щепкин, выкупленный на волю в 1822 году при участии князя Сергея Волконского и его брата князя Николая Репнина-Волконского.

(декабриста). В 1816 году зачислен юнкером в 26-ю артиллерийскую бригаду, на Кавказ. В 1820 году по экзамену произведён в прапорщики и переведён в 8-ю артиллерийскую бригаду, дислоцированную в Новограде-Волынском. В декабре 1823 года вышел в отставку с производством в подпоручики и уехал домой.

Один из основателей Общества соединённых славян (вместе с братом Петром и Ю. К. Люблинским).

Арестован 14 января 1826 года, после допроса отпущен; повторно арестован 9 февраля. Доставлен в Петербург, 12 апреля 1826 года заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с четвертью вершков[248], лицо белое, продолговатое, нос средний, глаза серые, взлысоват, волосы на голове и бороде темно-русые, бороду бреет, сухощав.

---

[248] Примечания: 248
Примерно 170 см.

Отбывал каторгу вместе с братом в Александровском заводе, Благодатском руднике, Читинском остроге и Петровском заводе. С 1839 года братья жили на поселении.

После смерти брата покончил жизнь самоубийством.

Пётр Иванович Борисов 2-й

Родился в 1800 году.

В 1816 году вместе с братом зачислен юнкером в 26-ю артиллерийскую бригаду. В 1820 году по экзамену произведён в прапорщики и переведён в 8-ю артиллерийскую бригаду. Произведён в подпоручики в июне 1825 года.

Арестован 9 января 1826 года в Барановке, близ Новограда, на квартире подпоручика Горбачевского. Доставлен в Житомир, а оттуда 21 января в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с по-

ловиною вершков[249], лицом бел, глаза карие, немного ряб, волосы на голове и бороде имеет темно-русые, на левом глазе небольшое бельмо, на левой руке имеет наколотые порохом литеры М. В., означающие имя бывшей невесты его, девицы Мальвины Бродовичевой, также стрелку, якорь и косу; сухощав.

Умер 30 сентября 1854 года.

Братья Борисовы привыкли зарабатывать себе на жизнь. Оба — любознательные естествоиспытатели, Пётр одарён несомненным талантом художника. Он к тому же книгочей и философ, самостоятельно выучил французский язык, чтобы читать Вольтера и Гельвеция.

В этой связке, как почти во всех братских тандемах декабристов, лидирует младший. Ещё будучи юнкером, по-видимому в 1818 году, он (при поддержке старшего) организовал в своей бригаде объединение со странноватым названием, как будто взятым из современной нам фэнтези-повести: «Общество первого согласия», вскоре переделанное в «Общество друзей природы» —

[249] Примечания: 249
Примерно 171 см.

нечто среднее между пифагорейской сектой и кружком юных натуралистов. В 1822 или 1823 году они повстречали средь немногочисленного новоград-волынского образованного общества молодого господина Юлиана Люблинского, недоучившегося студента без определённых занятий, но с репутацией опасного вольнодумца.

Юлиан Люблинский в показаниях о Петре Борисове[250]:

«Борисов младший довольно имеет сведений в Ботанике и Натуральной Истории, от того мы часто прохаживались по лесу и разбирали Цветы, животные и прочее — Читали книги — Montesquieu под заглавием L'esprit de loi[251] *и Волтера Encyclopedie philosophique ou Dictionnaire»*[252].

Из наблюдений природы, чтения Монтескьё и Вольтера выросло тройственное согласие, к которому вскоре присоединились сослуживцы по 8-й артиллерийской бригаде: Горбачевский,

---

[250] Примечания: 250

Здесь и далее мы старались по возможности сохранить особенности орфографии и иногда пунктуации первоисточников.

[251] Примечания: 251

Монтескьё, «Дух законов» *(фр.)*.

[252] Примечания: 252

Философская энциклопедия, или Словарь *(фр.)*. Имеется в виду «Dictionnaire philosophique», «Философский словарь» Вольтера.

Бечаснов, Киреев, Андреевич. Назвали себя Обществом соединённых славян. Славянская идея, несомненно, принадлежала Люблинскому. В 17 пунктах, условно называемых «Правилами общества», или «Катехизисом», славянская тема появляется внезапно, на волнах римско-библейской патетики, под словесные фейерверки монтескьё-вольтеровского производства.

Из «Правил» общества (ради сохранения торжественности стиля приводим, как в оригинале, без буквы *«ё»*):

«Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь. б…с

Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов; пользоваться же только истинно хорошими обязан. б…с

Будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время станешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека. б…с

Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь город и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь… В портах твоих, славянин, будут цве-

сти торговля и морская сила, а в городе посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет».

Не очень понятно, что такое «Белый флот» и чем он отличается от «Ледовитого». И вообще не очень всё это понятно. Трудно сказать, в какой мере это серьёзно, в какой — мечтание. Но круг участников расширялся, и с каждым новым адептом общество становилось всё более похожим на революционную секту. Для торжества на брегах четырёх морей, для воздвижения в славянском Городе Солнца богини просвещения — словом, для цветения силы в портах славянина — нужно сначала разбить оковы самодержавия, уничтожить монархию, истребить чуждую династию. Сделать это можно лишь с оружием в руках — путём революции.

Но и это всё было на словах — до сентября 1825 года. Встреча с Васильковской управой изменила статус заговора: из теоретического он превратился в практический. Худородные «славяне» нашли союзников в высших сферах, куда ранее вход им был заказан. Васильковские вожди обрели поддержку: их тайная армия выросла вдвое и, что важно, теперь располагали артиллерией, ибо к этому времени к Обществу

соединённых славян принадлежало уже несколько десятков офицеров Пензенского, Саратовского, Черниговского пехотных полков, 8-й и 9-й артиллерийских бригад.

С такими силами можно и нужно действовать.

На нескольких совещаниях в палатке подпоручика Андреевича и на квартире подпоручика Пестова было решено готовить революцию к весне и, главное, постановлено цареубийство. Самые отчаянные были представлены самому Апостолу Сергею. В списке участников заговора Бестужев-Рюмин крестиками отметил готовых пойти на это смертельное дело. Список будет уничтожен. Но, согласно большинству показаний на следствии, Борисовы, оба брата, удостоились бестужевского креста. Андрей, отставник, при этом не присутствовал. Но с братом он всегда в одной связке.

Интересно, как добрейший человек, наивный мечтатель в одночасье превращается в свирепого убийцу. Вот Оболенский — мухи не обидит и вдруг хватает штык и колет им генерала. И чудесные Борисовы вызываются участвовать в убийстве царя и, если нужно будет (а ведь наверняка будет!), его жены, братьев, племянников…

24 декабря в штабе корпуса в Житомире был

получен приказ об аресте Сергея Муравьёва-Апостола. Об этом узнали служившие при штабе члены Общества соединённых славян Киреев и Иванов. Наскоро собрали на совещание всех, кто находился поблизости; решили действовать. Сообщили Андреевичу в Киев (это ближе всего к Василькову), чтобы предупредил Муравьёва. Андрея Борисова отправили с тревожной вестью в Новоград-Волынск, в 8-ю артиллерийскую бригаду; оттуда он помчался в Староконстантинов, в Пензенский полк. Но майора Спиридова, старшего среди полковых заговорщиков, не застал; пока соратники искали его, время шло. Без пехоты артиллерия не могла выступить. 7 января 1826 года в Волыни узнали о разгроме Черниговского полка.

«Лучше умереть с оружием в руках, чем гнить в оковах!» — примерно такое высказывание будут приписывать потом Петру Борисову (или Андрею). Но умереть с оружием не случилось, а оковы — вот они.

Борисовы были отправлены закованными в Сибирь с первой партией осуждённых — с Трубецким, Оболенским, Давыдовым, Волконским, Якубовичем и Артамоном Муравьёвым. Плебеи в обществе патрициев.

Из донесения жандармского капитана Миллера:

«Кандалы сквозь тонкие голенища протёрли им ноги, отчего несколько раз дорогою их снимали, а протёртые до крови места тонкими тряпками обвязывали и потом опять кандалы накладывали».

После каторги в 1839 году обращены на поселение в Подлопатках Верхнеудинского округа Иркутской губернии. В 1841 году, после двух лет всяческих бедствий, переведены в село Малая Разводная, где уже обосновался Артамон Муравьёв. Малоимущие братья поселились на его участке в маленьком домике.

Жили братья своим трудом. Андрей мастерски переплетал книги — в те времена это был хоть и небольшой, но верный заработок. Пётр великолепно рисовал растения и всякую мелкую живность, получал иногда солидные заказы для книг и атласов о сибирской природе. Известно более 600 образцово выполненных им акварельных рисунков цветов, трав, деревьев, насекомых, птиц, зверюшек — труд тем более замечательный, что к сорока годам он почти ослеп на один глаз. Пётр вообще увлечённый натуралист и настоящий энтузиаст познания фауны и флоры.

Словом, их жизнь могла бы наладиться, если бы не одно печальное обстоятельство: брат Андрей сошёл с ума.

Не то чтобы он совсем лишился рассудка. Его терзало нечто вроде мании преследования в сочетании с патологической мизантропией. С некоторых пор он не мог выносить близкого присутствия посторонних людей. Единственный человек, оставшийся для него окном в человеческий мир, — брат Пётр. На Петра, естественно, выплёскивались вся тоска, любовь и озлобленность этой больной души.

Мария Юшневская — Ивану Пущину.

Июнь 1840 года:

«Вы бы не узнали Петра Борис[ова]. Так его измучил брат. Я думаю, что бедный Пётр Ив[анович] скоро умрёт или с ума сойдёт сам».

Октябрь 1841 года:

«Это ангел безжелчный, кротости и терпения неслыханного… Брат его иногда блажит, глядя по погоде».

О невесте Петра, той новоград-волынской Мальвине из шляхетского, как уверяют, семейства Бродович, чьи инициалы были вытатуированы у него на левой руке, более ничего не известно: ни кто она, ни что с ней стало. Пётр, судя по на-

колке, сильно был в неё влюблён. Однако, как сказывают, уже в бытность в Малой Разводной он захотел жениться — на молодой вдове тюремного доктора Ильинского (восторженная поклонница философии Борисова и Гельвеция была согласна). Но брат Андрей не мог перенести появления третьего лица в их бедной лачужке — и Пётр, погоревав, отказался от своего намерения… Правда, другие утверждают, что родственники отговорили невесту от брака с братом сумасшедшего. Есть ещё версия, что она в ожидании решения вопроса о браке позволила себя соблазнить некоему иркутскому ловеласу… Разное рассказывают мемуаристы. Так или иначе, Борисовы остались вдвоём, и третий с ними — умный сибирский кот по имени Грушин. Этот последний умел одинаково ладить с обоими братьями.

Так они прожили довольно долго — 13 лет.

О смерти Борисовых, из письма Марии Юшневской Ивану Пущину 4 октября 1854 года:

«30 сентября в начале 5-го часа дают мне знать, что у Борисо[вых] дом горит. Все мои люди убежали туды на помощь, деревня собралась также, кто мог, действуют на крыше, чтобы ломать её и заливать огонь. б…с *Когда выломали дверь и вбежали в комнаты… П[етра] Ив[ановича]*

находят на постели мёртвым, но ещё тёплым. Вынося одного брата на воздух, чтобы дать ему помощь, наткнулись на другого, повесившегося на лестнице. б…с *Оказалось, наконец, что П[ётр] Ив[анович] пил чай и в это время сделался с ним удар, бедный Анд[рей] Ив[анович] приводил в чувство брата, лил на него ром и одеколон, но, видно, ничто не помогло. В отчаянии Анд[рей] Ив[анович] схватил бритвы и в двух местах прорезал горло. Наконец, на вышке зажег бумажные обрезки, в печь набросал бумаг, тряпок и всякой всячины, зажёг и, наконец, когда услышал ходящих по крыше, повесился. В комнате у Пет[ра] Ив[ановича] нашли всё в большом порядке, даже полчашки чаю, еще не допитой. У Анд[рея] Ив[ановича] всё разбросано, видно, что человек потерянный… Он бы никогда не пережил брата. Вы знаете, как он давно помешан и без брата не ел ничего. Увидя его мёртвого, не мог себе представить, чтобы можно жить без него…»*

Дело № 101

Почти всё, что мы знаем об этом загадочном молодом человеке, Юлиане Люблинском, до ареста, и многое из того, что было после, известно с его слов или со слов поздних мемуаристов.

Поэтому достоверность приводимых сведений под вопросом.

Юлиан Казимирович Люблинский. Под этой фамилией он проходит по делу тайного общества, но в автобиографической записке 1829 года именует себя «Мотошнович, прозванный Люблинским по селу Люблинец, находившемуся во владении его предков».

Вероисповедания римско-католического.

Родился 6 ноября 1798 года в Волынской губернии (где именно – неизвестно).

Отец – Казимир Мотошнович, обедневший шляхтич, умер в 1803 году. Мать – Констанция, девичья фамилия неизвестна, родилась в Варшаве; овдовев, жила в Новограде-Волынском в собственном доме с двумя дочерьми-девицами. Брат Селестин скончался до 1826 года, едва выслужив скромный чин губернского секретаря.

Воспитывался в школе монашеского Ордена пиаристов в Межириче Корец-

ком[253]. В 1817 году поступил на службу асессором (заседателем)[254] Новоград-Волынского нижнего уездного суда по выборам от шляхты (это известно из автобиографии, документального подтверждения нет). Оставил должность, год учился в Кременецком лицее, затем служил в канцелярии Виленского университета, два года слушал лекции в Варшавском университете. В 1821 или 1822 году вернулся домой, в Новоград-Волынский.

Один из основателей Общества соединённых славян (вместе с братьями Борисовыми).

Осуждён по VI разряду, приговорён к пяти годам каторги, срок сокращён до трёх лет.

Приметы: рост два аршина $5^{7}/_{8}$ верш-

---

[253] Примечания: 253

В показаниях на следствии он добавляет, что оттуда был взят домой по причине падучей болезни (очевидно, детская форма эпилепсии, так как в дальнейшем о проявлениях у него этого недуга не упоминают ни документы, ни мемуаристы).

[254] Примечания: 254

Не путать с коллежским асессором, чином VIII класса. Заседатель нижнего уездного суда — выборная должность, которую могли занимать носители низших чинов Табели о рангах и даже неслужившие дворяне.

ка[255], лицо белое, круглое, глаза карие, нос прямой, продолговатый, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. С 1829 года жил на поселении. После амнистии 1856 года восстановлен в правах.

Умер в Петербурге 26 августа 1873 года.

Считается, что возвращение Юлиана Люблинского в Новоград-Волынский, в родительский дом, было связано с его участием в польских антиправительственных организациях либерально-патриотического толка: он был выслан из Варшавы. В мемуарах декабриста Горбачевского появляются различные детали: принадлежность к польскому тайному обществу (какому — неизвестно), арест, тюрьма, отправка в кандалах в ссылку под родительский надзор… Однако всё это могло быть известно мемуаристу лишь со слов самого Люблинского, если и не вовсе домыслено. Не исключено, что Юлиан просто вернулся под родной кров, не обретя ясных жизненных перспектив.

Тут и состоялась его встреча с братьями Бори-

---

[255] Примечания: 255
Примерно 168 см.

совыми. Она не могла не состояться: в провинциальном городке офицеры-естествоиспытатели и недоучившийся студент устремились друг к другу, как пчёлы из одного улья.

Отметим сразу: в подготовке военного мятежа Мотошнович-Люблинский, как человек сугубо штатский, не участвовал. Но странноватая идеология Общества соединённых славян, несомненно, выпестована им — не окончившим курса студентом, никак не армейскими офицерами.

Из «Правил» общества (без буквы *«ё»*):

«Каждый почтет тебя великим, когда гордости и избытку искать не будешь.

Простота, трезвость и скромность — сии блюстительницы — сохранят твое спокойствие.

Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым.

Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим, и удовольствия с любовию водворятся в доме твоем.

Почитай науки, художества и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до энтузиазма, и будешь иметь истинное уважение от друзей твоих.

Невежество с детьми своими — гордостию, суетностью и фанатизмом — да будет твоим злым духом Вельзевулом.

Будешь добродетельным, и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести…

Желаешь иметь сие? соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя».

Невинные речи. Но в их тумане возникает опасная для власти фигура, которую через тридцать лет два германских вольнодумца назовут призраком коммунизма.

Приказ об аресте Люблинского последовал сразу же, как только в Зимнем дворце оценили масштабы славянского заговора: 15 февраля. 26 февраля доставлен в Петербург. Неделю содержался на гауптвахте Главного штаба, затем отправлен в Петропавловскую крепость. Чести быть допрошенным государем не удостоился, как и почти все прочие «славяне».

В 1829 году определён на поселение в Тункинской крепости Иркутской губернии. Там женился на крестьянской дочери (по другим сведениям, на казачке) Агафье Тюменцевой; у них родились два сына, Зенон и Михаил, и три дочери с непривычными для сибирского уха именами: Эфразия, Изабелла, Христина. С августа 1844 года проживал с семейством в селе Жилкино той же

губернии.

В 1856-м восстановлен в правах. В 1857 году вернулся на родную Волынь. Поселился в деревне Пузырки, близ Славуты, на участке земли, предоставленном ему старинным приятелем, побывавшим в Сибири за польское дело, князем Романом Сангушко. Сыновья были приняты в 1-й Кадетский корпус (Михаил доживёт до 1907 года, до времён декабристской славы). В 1872 году с семьей переехал зачем-то в Петербург, где и умер, по-видимому в бедности, 26 августа 1873 года.

Вдова и дочери возвратились в Иркутск.

Да, были вроде написаны Люблинским какие-то записки о прошлой жизни. Вроде бы их собирался публиковать Герцен. Но не опубликовал. Куда они подевались, да и были ли — неизвестно.

Дело № 102

Яков Максимович Андреевич (Андриевич)

Православный.

Родился в марте 1801 года в селе Яремки Переяславского уезда Полтавской губернии.

О родителях ничего не известно; очевидно, ко времени событий декабря

1825 года их не было в живых[256]; дворянин, но земель и крепостных не имел. Старшие братья: Василий и Клавдий – отставные офицеры; Гордей – подпоручик в той же 8-й артиллерийской бригаде; ещё один брат, чьё имя неизвестно, чиновник VIII класса. По справке, составленной осенью 1826 года, Василий и Клавдий проживали в Яремках «первый несостоятельно, а последний бедно».

Мальчиком (в 1811 году) записан в службу солдатом в Тверской драгунский полк[257]. В 1812 году отправлен в Петербург, поначалу в Дворянский эскадрон – кавалерийскую школу в составе военно-учебного Дворянского полка, но вскоре «по молодости лет и недостатку познаний в науках», а также по скудости средств переведён в артиллерийское отделение 2-го

[256] Примечания: 256

Считается, что происходил из запорожских черкас — боевого ядра днепровского казачества.

[257] Примечания: 257

Видимо, по этой причине в формулярном списке указан возраст 28 лет, на три года старше, чем в действительности. Однако тут мы сталкиваемся с общей для ряда «славян» биографической проблемой: возраст, который они сами указывают в ответах на вопросы следствия, на год-два-три меньше, чем в формулярном списке. Где правда, можно пытаться установить лишь на основании косвенных данных.

Кадетского корпуса. В 1819 году выпущен прапорщиком во 2-ю лёгкую роту 15-й артиллерийской бригады – через год эта рота развёрнута в 8-ю артиллерийскую бригаду. В 1822 году прикомандирован к свите по квартирмейстерской части в штаб корпуса, но вскоре возвращён в бригаду. В 1823 году произведён в подпоручики. В 1825 году переведён в 1-ю батарейную роту, в октябре того же года командирован в Киевский арсенал «для познания искусственной части по арсенальным работам».

Член Общества соединённых славян.

Арестован 14 января 1826 года в Киеве, отправлен в Белую Церковь, допрошен, возвращён в Киев, оттуда отправлен в Могилёв, допрошен в Военном суде при Главной квартире 1-й армии; оттуда 11 февраля доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён к вечной каторге, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина четыре

вершка[258], лицом чист, смугловат, глаза темно-карие, нос посредственный, волосы на голове и бровях чёрные, на спине на левом боку природные два пятнышка и на той же стороне на шее бородавка, и на щеке шрам, говорит картаво[259].

Был заключён в Шлиссельбургской крепости, каторгу отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе. С июля 1839 года на поселении в Верхнеудинске. Был подозреваем в помешательстве ума. 18 апреля 1840 года умер от чахотки в местной больнице. Скудное имущество завещал братьям Борисовым.

Увлекался живописью. Играл на флейте: инструмент значится в реестре вещей, изъятых на квартире Андреевича после ареста.

В Общество соединённых славян был принят, если верить его показаниям, в августе–сентябре 1825 года прапорщиком Бечасновым. Деятельно участвовал в лещинских совещаниях: в его

---

[258] Примечания: 258

160 см — один из самых миниатюрных декабристов.

[259] Примечания: 259

Опять обращаем внимание на изящество выражений: левый бок спины, та же сторона на шее. В генеральской переписке, предшествовавшей аресту, сказано ещё решительнее: «росту малого и картавого».

палатке в лагере у деревни Млинищи «славяне» дважды встречались с Мишелем Бестужевым-Рюминым. Выражал готовность содействовать «нанесению удара на царствующее лицо».

Из рапорта командира Киевского арсенала генерала князя Абамелика от 6 января 1826 года:

«Подпоручик Андреевич без ведома моего отлучался из Киева в Васильков 26-го числа прошлого декабря месяца и останавливался там на квартире Черниговского пехотного полка у подполковника Муравьёва-Апостола (который был в отсутствии)… В сей отлучке находился три дни».

Из рапорта начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона Толя от 8 февраля 1826 года:

«…Где же провёл и что делал остальные три дни своей отлучки из квартиры, в том не сознаётся, отзываясь упрямо, что был в сие время в Киеве, у какого-то отставного майора, коего ни имени, ни фамилии ниже место жительства не знает, и даже его самого узнать не может, если б оного ему и показали».

Из отношения начальника штаба 4-го пехотного корпуса генерала Красовского начальнику штаба 3-го пехотного корпуса генералу князю

Горчакову:

«Нужным считаю предварить ваше сиятельство, что Андреевич должен быть самого буйственного характера, судя по дерзким его ответам, которые он мне осмеливался делать».

Из объяснения подполковника Шварценберга, служащего при Арсенале:

«Касательно же мнения моего насчёт его поведения и мыслей… объявить ничего не могу, а слыхал только… от арсенального доктора коллежского советника Серафимовича и 9-й артиллерийской бригады порутчика Киселёва, что он говорил раз свободно, будучи в нетрезвом виде…»

Из письма Якову Андреевичу брата Гордея (подпоручика Андреевича 1-го):

«А когда ты будешь так, то еще скажу, что совсем будешь дурак, потому что не хочешь быть дома… не сердись на меня, это брат твой тебе говорит — а не кто другой, и еще скажу, что ты попугай».

За это братское увещание брат Гордей поплатился арестом и отправкой под следствие, ибо в сих словах заподозрили заговорщицкую тайнопись. Через некоторое время, правда, был отпущен.

Но где же, в самом деле, обретался младший Андреевич в святочные дни с 26 по 29 декабря? Конечно, он не резался в карты с неизвестным майором: он спешил с грозными вестями к заговорщикам — в Радомысль к полковнику Швейковскому, в Любар к Артамону Муравьёву: «За Сергеем Муравьёвым-Апостолом гонятся жандармы! Надобно, не теряя ни минуты, поднимать полки…»

Полковники выслушали его. Но полки не двинулись.

Из показаний Якова Андреевича. Исповедание сердца. Особенности орфографии сохранены:

«Находясь всегда под кровом угрюмова рока; редко наслаждаясь веселостями; в мрачные часы жизни Своей; посещая уединенные места, где предаваясь совершенно одним только размышлениям о жизни человека; представляя Своему воображению все бедствия оного; напрягая рассудок к исследованию причин Гнетущих его: Нераз я восклицал к небу, что вольность Сей Священный дар неба! Одно благо наземли для человека… Бывая не раз в таковых размышлениях — мечтая наедине о вольности и раздражив чувства Свои, я избирал разные роды для Себя, коими бы мог сделаться полезным своему отечеству. Я начи-

нал изискивать Средства: витти из бедного и незначащего Своего положения и наконец по примеру римлян и Афинян древних; Кои любовию к своему отечеству, возлагали на себя венцы Славы — Принеся отечеству Своему пользу, имя Свое сделать незабвенным…»

Дело № 103

В любом коллективе, даже если он преимущественно состоит из неудачников, обязательно должен быть один такой особенный, над которым потешаются собратья и о котором рассказывают байки. Среди декабристов это Владимир Бечаснов, или Бечастный. И фамилия у него подходящая, и росточка он крохотного, и служба не ладится, и вечно-то с ним творятся смешные и досадные происшествия.

Самое досадное и не очень смешное случилось однажды на Святки.

Записка Николая I коменданту Сукину:

«Присылаемого Бесчасного (именно так. — *А. И.-Г.*) *посадить по усмотрению и содержать строго».*

Владимир Александрович Бечаснов (Бечасный, Бесчаснов)

Православный.

Родился в 1802 году.

Отец – Александр Николаевич Бечаснов, дослужился до коллежского асессора, дворянин, но природный или по выслуге – неясно; умер до 1826 года. Мать – Надежда Ивановна, девичья фамилия и происхождение неизвестны; жила в Кременчуге, чуть ли не в приживалках (как указано в справке об имущественном положении, «пристанищем же и пропитанием пользуется из сострадания к её бедности в домах тамошних благородных дворян»). Сестра умалишённая, жила на попечении матери. Младший брат – портупей-прапорщик Нижегородского пехотного полка.

Воспитывался в рязанском уездном училище и в начальных классах губернской гимназии; двенадцати лет принят во 2-й Кадетский корпус. В январе 1821 года выпущен прапорщиком во 2-ю лёгкую роту 8-й артиллерийской бригады, где и служил в том же чине до декабрьских событий 1825 года.

Член Общества соединённых славян.

Арестован в Житомире 24 января, доставлен в Петербург 3 февраля и на следующий день заключён в Петропавловской крепости.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина три с половиною вершка[260], лицо смуглое и продолговатое, волосы темно-русые, глаза голубые, брови темно-русые, на средине левой брови небольшой шрам, нос средний, прямой.

11 месяцев содержался в Свартгольмской крепости, затем отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1839 году поселён в деревне Смоленщина, верстах в тридцати от Иркутска. После амнистии остался в Сибири. Умер в Иркутске 11 октября 1859 года.

Николай Белоголовый:
«…Маленький, добродушный и необыкновенно

[260] Примечания: 260
Примерно 158 см — меньше всех ростом среди декабристов, о которых имеются сведения. «На его счёт писались целые поэмы, как, например, „Похождения Бечаснова в царстве гномов“», — ехидничает Завалишин (сам-то не великан).

юркий толстяк; особенно крупным умом он не отличался и не выдавался своим образованием над общим уровнем провинциального общества… Он вечно куда-то торопился и не ходил, а бегал по улицам, быстро семеня своими короткими ножками; в разговорах никогда не усиживал на одном месте, беспрестанно вскакивал, пересаживался, страшно жестикулировал руками, то и дело нюхая табак и размахивая клетчатым фуляром…»

Низенького роста, порывистый, суетливый. А с годами ещё и располневший, округлившийся. Колобок. К тому же бедный.

Это портрет в поздние годы. Но и в прапорщиках он был такой же, только худощавее. Пять лет в прапорщиках — это ещё не Шпонька, но уже признак неудачника. Главное же — любопытный непоседа, всюду сующий свой посредственный нос.

Так и в тайное общество он попал — от неуёмного любопытства. По его показаниям, был принят в декабре 1823 года братьями Борисовыми.

Из показаний Бечаснова:

«Признаюсь чистосердечно, что побудило вступить меня в Общество соединённых славян желание проникнуть в таинственный вид Борисовых, который они показывали, — узнать

двусмысленности, которые они иногда при мне произносили».

Вступив, засуетился с присущей ему живостью. Присутствовал на совещаниях в Лещинском лагере: можно вообразить, как он, беспрестанно вскакивая и, яростно жестикулируя, вставляет одобрительные реплики в убедительную речь Мишеля Бестужева-Рюмина об истреблении государя.

На третий день после Рождества (братья Муравьёвы-Апостолы едут в Трилесы) он испрашивает разрешение отбыть от роты в Бердичев якобы за необходимыми покупками. Отбывает. Поздним вечером 30 декабря он в Любаре, пытается разыскать Артамона Муравьёва. Дома ли полковник? Никак нет, полковника нет дома. А где он? Срочно вызван в Бердичев, в штаб дивизии. Какая неудача! (Артамона там арестуют. А в это время Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы собирают мятежные черниговские роты в Василькове.)

Нигде не успев и ничего не добившись, Бечастный возвращается в Новоград-Волынский 3 января. Кровь Сергея и Ипполита Муравьёвых-Апостолов уже затоптана на заснеженной ниве близ Устимовки.

Денег при аресте у Бечасного отобрано ровно

один рубль, каковой полгода спустя возвращён под расписку законной наследнице осуждённого, его матери, вдове Надежде Бечасной.

О несчастьях Бечасного.

Со слов очевидцев:

Решили раз декабристы в Петровском заводе в честь любимого всеми коменданта тюрьмы генерала Лепарского устроить обед — из тех блюд, которые Бог послал заключённым и их жёнам. Всё идёт неплохо, пока на авансцену не выскакивает Бечаснов с банкой каких-то необыкновенных, особенным образом замаринованных грибов. «Вот, отведайте это чудо искусства», — восклицает он, водружая банку на стол, и тут же порывисто бросается за следующим блюдом. Банка волшебным образом летит за ним, падает и разбивается вдребезги, рыжики и грузди разлетаются по полу. Все изумлены. Оказывается, распаковывая драгоценную банку, Бечаснов нечаянно намотал верёвочку, которой была подвязана крышка, на пуговицу сюртука.

Из воспоминаний Николая Белоголового:

«Однажды Бечаснов, посидев у нас, собрался уходить и, уже надев шубу в передней, стал рассказывать провожавшему его отцу какую-то длинную историю; во время разговора он полез

в карман и быстро вытащил свой носовой платок, и в это время стоявшая на окне в соседней комнате ведерная бутыль с настаивавшейся на ягодах наливкой с треском лопнула, и наливка наводнила комнату; виновником этого загадочного явления оказался медный пятак, который Бечаснов вытащил с платком из кармана и, как из пращи, угодил им в бутыль».

Из письма самого Бечаснова Николаю и Михаилу Бестужевым:

«Рассказать ли вам медвежью мою проделку с часами? Пружина лопнула, цепочка соскочила, и я, боясь, чтоб при закрытии не оборвать её краем футляра, куда она выползла, пальцем начал подсовывать её во внутренность, и так ловко подсунул, что — шестерня пополам! Теперь проклятый еврей часовой мастер просит с своею новою пружиною и шестернёю, за поправку 35 р.».

Согласитесь, незаурядный талант неудачника.

Однако далее всё оказывается не так уж плохо. Видно, вычерпал Бечаснов свою меру бед. На поселении он довольно скоро обустроился. Завёл маслобойню (деньги на обзаведение дал старший Белоголовый). В 1846 году женился, и весьма удачно. Крестьянская дочь Анна Пахомовна Кичигина из села Кузьмихи родила семерых

детей: Анну, Ольгу, Надежду, Зинаиду, Вадима, Вячеслава и Михаила.

Из письма Марии Юшневской Ивану Пущину, 1847 год:

«Бечасный не нахвалится своим счастьем, живёт спокойно со своим семейством, всё такой же неловкий, много пополнел, заботы приучили его ещё более к нюханию табака. Одним словом, всё тот же Бечасный, только толстяк постарел».

Дело № 104

Иван Иванович Горбачевский

Принадлежал к православной церкви, склонен к сомнению.

Родился 22 сентября 1800 года.

Отец – Иван Васильевич Горбачевский, провиантский чиновник (в войну 1812 года при главнокомандующем), затем служащий Витебской казённой палаты; в 1818 году попал под следствие и уволен в отставку в чине надворного советника; в 1826 году ему 65 лет, «недвижимого имения и никакого другого состояния, кроме малостоящего домика, не имеет». Мать – урождённая Конисская, малороссиянка, имя в источниках не упоминается;

умерла до 1826 года. Брат, офицер, и три сестры, из них по имени известна Анна, замужем за военным советником канцелярии главнокомандующего 1-й армией Ильей Ильичем Квистом.

Учился в витебском народном училище и гимназии; в 1817 году зачислен в Дворянский полк на отделение артиллерии. В июне 1820 года произведён в прапорщики и направлен в 8-ю артиллерийскую бригаду. В июне 1825 года произведён в подпоручики.

Член Общества соединённых славян.

Арестован 20 января 1826 года в Барановке близ Новограда, где квартировала его рота. Доставлен в Житомир, оттуда 3 февраля в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжные работы вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков[261], лицом бел, чист, волосом темнорус, нос посредственный, глаза голубые.

---

[261] Примечания: 261
173 см.

В 1839-м обращён на поселение при Петровском заводе.

Содержался в Кексгольмской крепости с июля 1826 по апрель 1827 года, затем четыре месяца в Шлиссельбургской. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1839 году обращён на поселение при Петровском заводе.

Умер 9 января 1869 года.

В 8-й артиллерийской бригаде, в Новоград-Волынске, Иван Горбачевский подружился с братьями Борисовыми, особенно с Петром. В его компании штудировал Вольтера и Гельвеция. В Общество соединённых славян вступил одним из первых в 1823 году.

Горбачевский — суровый человек. Серьёзен, неулыбчив. Не развлекается офицерскими забавами. Время даром не тратит. На досуге мечтает о славе и о пользе человечества.

Из показаний Горбачевского:

«Занимался артиллерией, иногда чертил и всегда занимался алгеброй, также моё любимейшее занятие было читать Плутарха о жизни великих мужей, прославивших себя подвигами военными».

На лещинских совещаниях у Андреевича и Пестова он решительный сторонник военной революции в ближайшее время. Избран представителем 8-й артиллерийской бригады для связи с Васильковской управой. Представлен в этом качестве Апостолу Сергею. По всей вероятности, отмечен крестом в бестужевском «списке цареубийц».

Из показаний о Горбачевском.

Павел Мазган:

«Горбачевский на совещании у Андреевича подтвердил слова Бестужева, что смерть тому и изгладится тот с лица земли, кто захочет отречься от Общества».

Пётр Громницкий:

«…Был на совещании у Андреевича, где положено начать действие в 1826 году уничтожением царствующего лица и всех, кто воспротивится».

Пётр Борисов:

«…Принял [в Общество] Усовского, графа Магавли, Громницкого, Тютчева, бар[она] Соловьёва и Лисовского».

Алексей Веденяпин:

«Я нечаянно зашёл в деревне Млинищах к Горбачевскому, где нашёл большое собрание…Горбачевский объявил мне, что я должен поклясться

взойти в их тайное общество или быть стёрту с лица земли».

После каторги оставался на поселении при Петровском заводе. Прожил там 30 лет без малого. Устроил мельницу. Обучал грамоте местных ребятишек. Дружил с горнозаводским начальством. Женат не был. (По слухам, за достоверность которых не ручаемся, пребывал в сожительстве с вдовой Ириной Матвеевной Луцкиной, от которой имел сына.) В вере сомневался. В 1846 году иркутским архиепископом Нилом возбуждено дело о непосещении ссыльным Горбачевским церкви, небывании на исповеди и о богохульных словесах, заключающих в себе безбожие.

Горбачевский сильно не любил Пушкина. Прослеживается закономерность: жизнелюбивые декабристы склонны к вере, суровые и мрачные — к неверию; то же и в оценке Пушкина. Пушкин полон жизни, а жизнь полна Бога. Горбачевский же не то что не любит жизнь, а страстно хочет ее переделать, подвести под готовую схему. В старости он писал, что народным поэтом Пушкина называют одни лишь «аристократы и подлипалы» (каковыми оказываются Гоголь, Белинский, Тургенев, Аполлон Григорьев, Достоевский и прочие). И утверждал, что «славянам» «от Верховной

Думы было даже запрещено знакомиться» с негодяем Пушкиным.

Горбачевский в письме Михаилу Бестужеву о Пушкине, 1861 год[262]:

«…Он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает донос тотчас правительству о существовании тайного общества… Прочти со вниманием об их воспитании в Лицее; разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы, патриоты?»

Горбачевский, решительный поборник истины, в данном случае явно её искажает. Никакая Верховная дума не могла запретить ему знакомиться с Пушкиным, так как в Южном обществе узнали о существовании «соединённых славян» только в сентябре 1825 года, когда Пушкин пребывал вдали от заговорщиков, в ссылке, в Михайловском. В его ненависти к «солнцу русской поэзии», помимо общей мрачности характера, улавливается революционная зависть плебея к аристократу.

Из того же письма:

«Такая ли наша жизнь в молодости была, как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те

---

[262] Примечания: 262

Любопытно, что письмо датировано 12 июня — это 35-я годовщина чтения приговора.

лишения, тот голод и холод, что мы терпели?»

Та же упрямая пристрастность ощущается и в «Записках» Горбачевского — одного из основных мемуарных источников декабристского круга. (Впрочем, его ли это записки — вопрос спорный. В последнее время высказано предположение об их коллективном авторстве.)

Очень уж непримиримый человек. В его образе угадываются черты грядущих красных комиссаров или начальников белой контрразведки… А может быть, у него просто к старости испортился характер от многолетнего одиночества.

После амнистии Горбачевский не уехал из Петровского завода. В 1863 году по ходатайству родственников получил разрешение жить под надзором в столицах, но им не воспользовался. В последние годы служил мировым посредником Петровского горного округа, то есть участвовал в ликвидации крепостного права, в осуществлении крестьянской реформы. Реформу эту он, кстати сказать, тоже сильно ругал.

Умер в селе при Петровском заводе (ныне Петровск-Забайкальский).

Дело № 105

Иван Васильевич Киреев

Православный.

Родился 31 января 1803 года в селе Харино Тульской губернии.

Отец – Василий Никитич Киреев, отставной гвардии прапорщик, владел селом Харино (57 душ крепостных). Мать – Екатерина Фёдоровна, урождённая Тандакова; за ней в приданое было около 90 душ. После осуждения сына Екатерина Фёдоровна будет неоднократно получать денежные пособия через III Отделение, из чего можно заключить, что Киреев-отец разорился и умер, оставив семью в бедственном положении[263]. В семье, кроме Ивана, было восемь детей: Наталья, Анна, Евдокия (Авдотья; душевнобольная), Михаил, Нил, Таисия, Федор, Мария[264].

---

[263] Примечания: 263

В справке об имущественном положении семей осуждённых о семье Киреевых указано: «Состояния достаточного». Но сведения, на основании которых составлялась справка, могли устареть.

[264] Примечания: 264

Одна из сестёр (Наталья или Анна) выйдет замуж за офицера, в 1835 году муж бросит её с пятью детьми.

Получал домашнее образование, в 1815 году вместе с братом Михаилом поступил во 2-й Кадетский корпус. В январе 1823 года выпущен прапорщиком в 8-ю артиллерийскую бригаду. В октябре 1825 года был прикомандирован к дивизионной артиллерийской школе в Житомире учителем.

Член Общества соединённых славян.

Арестован 26 января 1826 года в Житомире. 7 февраля доставлен в Петропавловскую крепость.

Осуждён по II разряду, приговорён к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина семь с половиною вершков[265], лицо белое, немного рябоват, глаза карие, нос средний, широкий, волосы на голове и бровях темно-русые.

Год содержался в Свеаборгской крепости, затем почти полгода в Свартгольмской; весной 1828 года через Кексгольмскую крепость отправлен в Сибирь.

---

[265] Примечания: 265
175,5 см.

Каторгу отбывал в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1836 года жил на поселении в Минусинске Енисейской губернии. После амнистии 1856 года был восстановлен в правах, с 1861 года жил в Туле, где умер 20 июня 1866 года.

Иван Киреев был принят Петром Борисовым в Общество соединённых славян в 1825 году, по-видимому в Лещинском лагере. Сразу после лагерей, в октябре, прикомандирован к артиллерийской школе в Житомире.

Ясный ум и твёрдый характер. Мало кто так внятно и безбоязненно обосновал своё вступление в общество заговорщиков, как двадцатитрехлетний прапорщик Киреев. Его письменные показания на следствии — образец логики, стиля и грамотности (последнее — редкое качество для «соединённых славян»).

Из ответов Киреева на вопросы следствия:

«…Причины, побудившие меня ко вступлению… были не что иное, как собственное моё желание к перемене образа правления, теперь существующего, на республиканский. Ропот людей разного состояния на тягость податей, жалкое положение поселян, угнетённых непрестанною работою,

и невозможность (в которой видел их) облегчить свою участь, наконец, негодование между военными на строгость дисциплины и дурные примеры, слышанные мною, с людьми, известными по своим заслугам и достоинству, были первыми побуждениями к мысли о перемене существующего образа правления».

На собраниях в палатке Андреевича присутствовал, но заметной роли не играл: молод, да и не привык высовываться. Но откомандирование в Житомир, в школу при корпусе, поставило его в эпицентр внезапно обрушившейся лавины событий.

24 декабря в Главной квартире корпуса был получен приказ об аресте братьев Муравьёвых-Апостолов. Как известно, все секретные новости первыми узнают чиновники канцелярий. Одним из таковых был бухгалтер Илья Иванов — въяве коллежский секретарь, а втайне секретарь Общества соединённых славян. С горячей новостью он устремился к собрату по обществу — Кирееву. Вдвоём поспешили к братьям Веденяпиным, с недавних пор квартирующим в Житомире. Приняли общее решение: заговор, видно, раскрыт, надо немедля действовать. Послали весть Андреевичу в Киев, чтобы он предупредил Муравьёвых.

Разыскали Андрея Борисова, тот помчался в Новоград, к 8-й артбригаде…

Через месяц прапорщик Киреев был арестован.

Расписка

1826 года августа 13 дня я, нижеподписавшаяся, получила деньги и вещи бывшего прапорщика Киреева от г-на комиссионера 9 класса и кавалера Равич-Шасткевича, именно: денег ассигнациями двадцать пять рублей и серебром пять рублей шестьдесят пять копеек, бумажник, две шёлковые книжки и голубой бисерный шнурок, и расписку плац-адъютанта Трусова, по коей им приняты вещи в крепости: чемодан, крытый тулуп, кожаная подушка, одеяло тёплое, одеяло шёлковое зелёное, рейтузы, простыня, полусапожки, табак курительный, рубах — две, носков — две пары, полотенце, салфетка, кенги[266]*, сюртук, портупея, получила по приказанию г[осподи]на военного министра, в чём и подписуюсь.*

родная мать его получила, гвардии прапорщица

Катерина Фёдорова дочь Киреева

Ассигнациями 25 руб. Серебром 5 руб. 65 коп.

---

[266] Примечания: 266

Обувь, надеваемая поверх сапог, наподобие галош.

В 1836 году был определён на поселение в Минусинск. Своё хозяйство у Киреева не пошло; со временем он устроился на частную службу: заведовал складами компании винных откупов Енисейской губернии. Приобрёл домик (его копия, домик-правнук, и сейчас стоит на Подсинской улице в Минусинске). Дружбу водил с Крюковыми и особенно с Мозгалевским. На пятнадцатом году ссыльнопоселенческой жизни женился. Тут не можем не отметить: у худородных «сослуживцев Шпоньки» было преимущество перед декабристами «онегинского» круга: они, без оглядки на сословные различия, женились на простых. Избранница Киреева — 22-летняя Фёкла Ивановна Соловьёва, крестьянская дочь, и к тому же неграмотная. Брак был, по-видимому, счастливым: родились трое детей — Алексей, Таисия и Екатерина.

Младшая, Катя родилась уже в Европе. После амнистии Киреевы долго оставались в Минусинске; Иван Васильевич служил в окружном управлении. Только в 1861 году выехали — сначала в Калугу к Батенькову, а осенью того же года обустроились в Туле. Так как денег на обзаведение у Киреева не было, ему собрали кое-какую сумму тульские дворяне — хватило на домишко,

почти такой же, как в Минусинске. В этом доме Иван Киреев и умер.

Дело № 106

Илья Иванович Иванов

Православный.

Родился в 1800 году.

Об отце его известно только то, что был почтовым служащим и умер задолго до событий декабря 1825 года. Сведения о матери – в справке об имущественном положении семей осуждённых государственных преступников: «Мать его, Елена Кармащукова, около 60 лет, вдова после второго мужа унтер-офицера Кармащука, имеет двух дочерей, из коих одна замужем за губернским секретарем Дзюбенком, а другая при ней; жительствуют все в губернском городе Житомире в бедном положении, не имея ничего, кроме домика, и доставляют себе пропитание собственными трудами».

Образование получил в Житомире «у приватных учителей». В службу вступил почтальоном в Волковысскую почтовую экспедицию в 1812 году, то есть двена-

дцати лет от роду. Далее служил по почтовому ведомству в Гродно и Белостоке. 31 декабря 1818 года удостоился классного чина коллежского регистратора. В 1820 году определён в Белостокское областное правление, через год в Новоград, в Волынскую казенную палату. В 1822 году зачислен помощником бухгалтера в полевое провиантское комиссионерство 3-го пехотного корпуса. В 1824 году произведён в губернские секретари, через год – в коллежские секретари. В октябре 1825 года утверждён в солидной должности бухгалтера.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 14 февраля 1826 года. Доставлен из Житомира в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по IV разряду, приговорён к 12 годам каторги, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков[267], лицо смуглое, немного рябоватое, глаза карие, нос средний, широковат, во-

[267] Примечания: 267
Примерно 173 см.

лосы на голове и бороде темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. В 1833 году обращён на поселение в селе Верхне-Острожное Идинской волости Иркутского округа.

Умер 26 декабря 1838 года.

Чин коллежского секретаря, выслуженный к двадцати четырём годам, — это уже X класс по Табели о рангах: служба, как говорится, пошла. Расти бы ему в чинах класса эдак до седьмого и выйти в отставку коллежским советником с пенсионом. Казалось бы — предел мечтаний для сына житомирского почтальона с сомнительным дворянством. Но под обличием бухгалтера скрывался опасный вольнодумец и поклонник пламенной поэзии.

Диалог со следствием. Фрагмент из дела Иванова:

Следствие — Иванову. В бумагах, взятых при арестовании вашем, найдены стихи, рукою вашею написанные на лоскутке и по содержанию своему означающие дерзостнейшее вольномыслие. Отвечайте с полным чистосердечием: вашего ли сочинения стихи сии?

Иванов. Взятые при арестовании моём стихи

вовсе не моего сочинения.

Следствие. От кого и когда получили вы оные и кто именно был сочинитель их?

Иванов. Означенные стихи взяты мною только для прочтения и без всякого намерения на квартире Пензенского пехотного полка поручика Громницкого. Кто же их сочинял, мне неизвестно, ибо я не спрашивал.

Следствие — поручику Громницкому. Вашего ли сочинения стихи сии и что вас побудило к излиянию на бумаге таких богопротивных и в трепет приводящих мыслей?

Громницкий. Они сочинения не моего, но кто был их автором, мне неизвестно. Получены же они мной от Бестужева… В лагере же при Лещине Бестужев, случившись у Спиридова, в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему. Вот оно.

Далее в деле — несколько строф стихотворения Пушкина «Кинжал» (1821). Они густо-густо зачёркнуты; рядом написано: «С Высочайшего соизволения помарал военный министр Татищев».

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,

Свободы тайный страж, карающий кинжал,

Последний судия позора и обиды.

И там, где Зевса гром молчит,

Где дремлет меч закона,

Свершитель ты проклятий и надежд,

Ты кроешься под сенью трона,

Под блеском праздничных одежд.

б…с

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,

Державный Рим упал, главой поник закон;

Но Брут восстал вольнолюбивый:

Ты Кесаря сразил – и, мёртв, объемлет он

Помпея мрамор горделивый.

б…с

О юный праведник, избранник роковой,

О Занд, твой век угас на плахе;

Но добродетели святой

Остался глас в казнённом прахе.

Осуждён Иванов всё-таки был не за стихи, а за то, что с весны 1825 года являлся секретарём «соединённых славян» — хранил бумаги и кассу Общества. Участвовал в совещаниях. И за то ещё, что как разведчик разузнал и сообщил собратьям весть о грядущем аресте Муравьёвых-Апостолов.

Арестован в Житомире 14 февраля 1826 года. Доставлен в Петербург 27-го и пять дней содержался на главной гауптвахте. Из сего видим, что с ним не спешили: видимо, не верили, что какой-то счетовод из почтальонских детей может представлять угрозу самодержавной власти. В избранном обществе — в крепости — он оказался только 3 марта.

С 1833 года жил на поселении. Помогал нелегально распространять боевитые сочинения Михаила Лунина. В 1835 году женился на крестьянке Домне Мигалкиной. Вскоре у них родилась дочь Ольга. Умер скоропостижно 26 декабря 1838 года. После амнистии 1856 года вдове и дочери были предоставлены дворянские права.

Дело № 107

Александр Семёнович Пестов
Православный.
Родился в 1802 году.

Отец – Семён Семёнович Пестов, отставной коллежский советник, некогда служил по судейской части, имел поместье в Херсонской губернии, но совершенно разорился. Как сказано в Записке о состоянии и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, «содержание многочисленного семейства и некоторые несчастные обстоятельства вовлекли фамилию сию в неоплатные долги». О матери известно только, что звали её Мария. Пятеро братьев и две сестры, в 1826 году обе замужем.

Образование получил дома. В 1816 году зачислен юнкером

в 26-ю артиллерийскую бригаду. В 1820 году бригада переименована в 9-ю артиллерийскую, а Пестов произведён в прапорщики; в 1824-м – в подпоручики. В том же году назначен бригадным квартирмейстером. В июне 1825 года переведён на должность адъютанта начальника артиллерии 3-го корпуса генерал-майора Богуславского.

Член Общества соединённых славян.

Арестован в Александрийском уезде Херсонской губернии 19 января 1826 года. Доставлен в Петербург 5 февраля и через два дня заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду. Приговорён в каторжную работу вечно, срок сокращён до 15 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с половиною вершков[268], лицом чист иссмугла, волосы на голове и бровях темно-русые, глаза голубые, нос посредственный, на правом боку выше титьки родимое пятнышко, на правой руке ниже плеча от прививной оспы пятно.

Отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости год с небольшим, затем находился на каторге в Читинском остроге и Петровском заводе.

Умер в Петровском заводе в Рождество Христово, 25 декабря 1833 года, от нарыва и заражения крови.

В Общество соединённых славян вступил не в

---

[268] Примечания: 268
171 см.

первых рядах, но и не в последних: в 1824 году. Вовлёк туда же Аполлона Веденяпина. В ходе лещинских переговоров был избран представителем от 9-й артиллерийской бригады для связи с Васильковской управой. Одно из заговорщицких совещаний с участием Бестужева происходило у него на квартире. По всей вероятности, и на жизнь государя он был готов посягнуть, хотя на следствии пытался отвратить от себя это смертельно опасное обвинение.

В разгар зимних событий, в конце декабря, отпросился из бригады в деревню — помогать родителям уладить денежные тяжбы. Там и арестован.

Реестр вещам подпоручика Пестова,
изъятым на его квартире после ареста:

Бумажник, в котором ассигнациями 40 рублей.

Кошельков 2, в которых серебром на ассигнации 9 рублей 40 копеек.

Бумаги, запечатанные в конверте.

Чемодан, в котором вещи следующие: мундиров 2, один артиллерийский, другой адъютантский; рейтузы 1; белые панталоны 1; эксельбант[269] 1; эполетов 2 пары; сапогов теплых 1 пара и по-

[269] Примечания: 269

Так в оригинале. В другом подобном реестре встречается великолепное словообразование: «вексельбант».

лусапожки 1 пара; кружка медная 1; платков больших шейных 2; подушка 1; ковёр 1; рубашек 5; простынь 4; носков 7 пар; наволочек подушных 3; носовых платков 4; полотенцев 4.

Штабс-капитан Игнатьев

Оные вещи действительно ветхие.

Плац-адъютант Журавский

Расписка

1827 года июля 9-го присланные в Александрийский нижний земский суд для отдаче мне сына моего, бывшего поручика Пестова сорок один рубль[270] *деньги я из оного суда получила.*

Мария Пестова

Из воспоминаний Николая Басаргина:

«У соседа моего Пестова сделался на спине простой веред, который его несколько беспокоил… На другой день, сидя со мной за чаем в коридоре, он очень жаловался на боль и сожалел, что нельзя будет идти в Рождество вместе со мной к Ивашевым. Утром, в день праздника, я зашёл к нему в комнату узнать об его здоровье. Он лежал ещё в постели и сказал, что чувствует небольшой

---

[270] Примечания: 270

В документах фигурирует несколько разных небольших денежных сумм, оставшихся после осуждения Пестова. Можно не сомневаться, что все деньги были возвращены наследникам: в этих делах власть проявляла завидную щепетильность.

озноб… К обеду ему стало хуже, и он пригласил Вольфа. б…с *Мы ещё сидели за обедом, как я получил записку Вольфа, который извещал меня, что Пестов при смерти, что у него карбункул и начался уже антонов огонь в спинной кости. Я побежал домой и застал больного в совершенной памяти, но ужасно слабым.* б…с *Вечером, часу в двенадцатом, он скончался в полном сознании, разговаривая с окружающими его товарищами и не подозревая приближающейся смерти».*

Дела № 108 и 109

Аполлон Васильевич Веденяпин 1-й Православный.

Родился в 1803 году в селе Веденяпине.

Отец – Василий Никитич Веденяпин, старинного рода, отставной майор, помещик села Веденяпино Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне в Мордовии); умер в 1819 году, оставив крохотное имение (20 душ крепостных), состоящее в дележе с братом. Мать – Дарья Михайловна Кашкарова, умерла в 1815 году. Братья: Алексей (декабрист), Николай, Александр (оба в Олонецком пехотном полку), Павел и Иван; сестра На-

дежда, на выданье: ей в 1826 году 16 лет.

Воспитывался в Тамбовском дворянском училищном корпусе, с 1816 года во 2-м Кадетском корпусе; в 1821 году выпущен прапорщиком в 9-ю артиллерийскую бригаду; в 1825-м произведён в подпоручики; в ноябре того же года прикомандирован к квартирмейстерской части.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 26 января 1826 года. Арестован в Петербурге, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке на поселение вечно (срок сокращён до 20 лет), отправлен в Верхневилюйск Якутской области, затем обращён на поселение в Киренск Иркутской области, куда прибыл в ноябре 1826 года.

Приметы: рост два аршина пять с половиною вершков[271], лицом чист, кос левым глазом, волосы на голове, бровях и усах темно-русые, на правой щеке имеет рубец, нет двух передних зубов, но гово-

[271] Примечания: 271
166,5 см.

рит чисто.

Умер 2 июля 1872 года.

Ответ Аполлона Веденяпина на вопрос Следственного комитета о долгах и тяжбах:

«Имение, оставшееся нам после покойного родителя, состоит Тамбовской губернии в Темниковском уезде и находится под опекой. Подпоручик Веденяпин 1-й».

Алексей Васильевич Веденяпин 2-й

Православный.

Родился 2 марта 1804 года.

Учился в тамбовском дворянском училищном корпусе, с 1820 года в 1-м Кадетском корпусе; выпущен прапорщиком в 9-ю артиллерийскую бригаду в 1823 году. В октябре 1824 года назначен преподавать в дивизионной артиллерийской школе.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 5 февраля 1826 года. Доставлен из Житомира в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по XI разряду, приговорён к лишению чинов, отдаче в солдаты без

лишения дворянства и с выслугою. Отправлен в Верхнеуральск, а оттуда на Кавказ.

Приметы Алексея Веденяпина, как не подлежащего отправке в Сибирь, в документах отсутствуют.

С 1833 года в отставке. В 1839 году получил разрешение вступить на гражданскую службу. Умер 13 марта 1847 года.

Оба брата в 1825 году оказались членами тайного общества. Аполлон введён туда Пестовым, вероятно весной 1825 года; Алексея погубили Лещинские лагеря. Старший брат бывал и у Горбачевского, участвовал по крайней мере в одном из совещаний у Андреевича, именно в последнем, и притащил туда младшего. Оба слышали речи Бестужева, — стало быть, о цареубийстве знали. Собственно, участие братьев в заговоре этим исчерпывается.

Да, ещё было в Житомире у них на квартире то тревожное рождественское собрание, на котором было принято отчаянное решение — действовать.

Однако не кто иной, как подпоручик Веденяпин 1-й, во исполнение приказа корпусного

командира генерала Рота произвёл 9 января в Барановке арест Петра Борисова. Не кто иной, как Пётр Борисов, назовёт имя Аполлона Веденяпина на допросе, вследствие чего последний будет арестован 2 февраля. Это уже в Петербурге, куда Веденяпин 1-й прибыл, сопровождая другого арестанта — поручика Врангеля. Этому Фаддею Врангелю повезло: следствие постановило, что он членом тайных обществ не был, хотя и знал об их существовании; в результате его отпустили, продержав в крепости четыре месяца.

А через три дня после ареста Аполлона Веденяпина был подписан приказ об аресте его младшего брата. Арестован Алексей 10 февраля в Житомире и 16 февраля, как и Аполлон, заключён в Петропавловской крепости.

Далее пути их расходятся навсегда.

Жизненный путь младшего брата оказался короче. В составе 42-го егерского полка он участвовал в войнах с Ираном и Турцией, в 1828 году за отличие в сражениях произведён в унтер-офицеры (в штурме моста через Аракс в голове роты шли семеро осужденных декабристов, он в их числе); ранен при взятии Карса.

Из донесения генерал-майора Гилленшмидта, об Алексее Веденяпине:

«27 июля при селении Хорт, несмотря на болезнь, находился добровольно в фронте… и меткими выстрелами… уничтожал неприятельский оружейный огонь, обращённый на переднюю линию нашу».

По окончании турецкой кампании в октябре 1829 года переведён в Тенгинский пехотный полк и в 1833 году «в уважение отличного усердия к службе и совершенно расстроенного на оной от военных трудов здоровья» уволен от службы с чином XIV класса, с воспрещением въезда в столицы и учреждением секретного надзора. В 1837–1839 годах управлял имениями состоятельных помещиков. В 1839-м получил разрешение вступить в гражданскую службу; служил в Тамбове в Комиссии народного продовольствия. Вскоре, однако, вновь поступил управляющим — к Дмитрию Васильевичу Дашкову, крупному вельможе и литератору, некогда знакомцу Пушкина по обществу «Арзамас». Был женат, имел пятерых детей, из коих двое умерли во младенчестве. Жена тоже рано умерла. Скончался Алексей Веденяпин, как значится в ответе тамбовского вице-губернатора на запрос III Отделения, 13 марта 1847 года в имении Дашковых Царёвом Кургане, близ Самары. Трое его детей-сирот воспитыва-

лись в семье Дашковых.

Отношение от 14 апреля 1827 года:

«Г[осподину] командиру Кавказского отдельного корпуса. В следственной о злоумышленном обществе Комиссии остались принадлежащие бывшему прапорщику, по приговору Верховного уголовного суда разжалованному в рядовые Веденяпину 2-му деньги серебром 50 коп., часы серебряные с бисерным шнурком и бумаги. Как означенный Веденяпин по высочайшему указу 22 августа 1826 года переведён рядовым в полевые полки Кавказского корпуса, то я честь имею препроводить при сем к вашему высокопревосходительству означенные деньги, часы и в особой связке бумаги, покорнейше прося о получении оных почтить меня уведомлением.

Подписал военный министр граф Татищев».

Из ответного письма узнаём, что часы, бумаги и 50 коп. денег получены в Главной квартире корпуса. Не сомневаемся, что они были благополучно возвращены законному владельцу.

Аполлон пережил младшего брата на четверть века.

В Киренске он занялся было сельским хозяйством, экспериментировал с гималайским ячменём, о чём составил исследовательскую за-

писку, но дохода это ему не принесло. С другими декабристами мало общался и вообще с людьми сходился трудно — характер имел несладкий. Небогатая родня мало чем могла помочь ему. Двадцать лет ссылки — борьба с нищетой и депрессией. Пытался зарабатывать наёмным трудом, но в 1828 году ему (и всем ссыльным государственным преступникам) всякий род работы по найму был воспрещён. Полулегально устроился писарем в земский суд. Лишь в 1841 году получил разрешение поступить на службу в Иркутский военный госпиталь младшим писарем; три года спустя достиг должности помощника смотрителя Иркутской гражданской больницы. Новый генерал-губернатор Николай Муравьёв, будущий граф Амурский, друг декабристов, выхлопотал Веденяпину классный чин: с 1848 года он коллежский регистратор и смотритель больницы. В 1850 году избран заседателем Иркутского окружного суда; в 1854-м произведён в губернские секретари. К этому времени он уже женат; о жене его известно только то, что ее звали Еленой Гавриловной. В 1855 году уволен от службы по прошению.

После амнистии вернулся на родину. Родовое гнездо к тому времени было совершенно разо-

рено, от имения ничего не осталось. В 1858 году Аполлону Васильевичу удалось приобрести (вероятно, на деньги, собранные родственниками) маленькое владеньице Тройни в Пензенской губернии. Там он жил с растущим семейством, там и скончался в 1872 году.

Сын Аполлона Веденяпина Владимир, родившийся в Тройнях, умер рано. А дочери Александра, Надежда, Варвара и Елена пережили много интересных событий и даже удостоились персональных пенсий от советской власти как дети революционера. Позже всех покинула этот свет Елена Аполлоновна: она умерла в 1944 году в возрасте 82 лет.

Дело № 110

Александр Карлович Берстель

Лютеранин.

Родился, согласно его собственным показаниям, в 1788 или в начале 1789 года.

Отец – Карл Берстель, уроженец Штеттина в Прусской Померании; на российской службе дослужился до статского советника; владел 15 крепостными. Имя матери неизвестно. Родители умерли до 1826 года. Брат – поручик учебного

карабинерного полка; три сестры, все замужем.

Воспитывался во 2-м Кадетском корпусе, в 1805 году выпущен подпоручиком; в 1808-м произведён в поручики. В 1808–1812 годах участвовал в войне с Турцией (за действия под Измаилом награждён орденом Святой Анны 4-й степени), затем в кампании 1812 года и в походах 1813–1814 годов. В 1813 году произведён в штабс-капитаны. В 1818-м достиг капитанского чина и в том же году, будучи за границей, женился на баронессе Марии Густавовне Имгоф, дочери прусского майора. В 1821 году переведён в 9-ю артиллерийскую бригаду командиром 2-й легкой роты (в эту роту в том же году назначен служить Веденяпин 1-й). В 1824 году произведён в подполковники.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 20 января 1826 года; арестован 27-го, доставлен из Белой Церкви в Петербург 1 февраля; был допрошен лично государем и помещён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён к

лишению чинов, дворянства и ссылке в крепостную работу на два года, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина семь вершков[272], лицом полн, мало рябоват, глаза серые, нос средний, волосы на голове и бровях русые, говорит чисто.

Определён в Бобруйскую крепость, в августе 1827 года отправлен рядовым на Кавказ. Погиб в конце 1830 года (дата спорная).

В сентябре 1825 года в Лещинском лагере вступил в Общество соединённых славян, поверив утверждениям Петра Борисова и Пестова о скорой перемене правления. Обоих Борисовых он знал давно — обучал их, юнкеров, артиллерийским наукам и, по-видимому, неплохо к ним относился. Трудно сказать, какова была мера его участия в Обществе — во всяком случае, невелика. На совещаниях замечен не был. Но о великих планах заговорщиков кое-что знал.

Из показаний Берстеля:

«…1) что вся Россия разделяется на 3 части:

---

[272] Примечания: 272
Примерно 173 см.

на Северную, на Южную и Польшу; 2) что всякая часть будет иметь своё правление, куда относится и называется дума; 3) что в каждой части думы разделяются на 3 класса; на верхний для дворян, средний для купцов и нижний для мещан и черни… Средства к оному предложены были: свергнуть с престола блаженной памяти государя императора Александра Павловича… установить тотчас уже составленные Конституционные законы и возвестить народу вольность и равенство».

Странная смесь «Правил славян» и «Русской правды». Особенно убедительно провозглашение равенства при разделении на классы: дворян, купцов и черни.

Когда полыхнуло в Черниговском полку, рота Берстеля была отправлена в Белую Церковь для подавления мятежа, но к бою не поспела. (А если бы поспела? В кого бы стреляли орудия?)

Из справки об имущественном положении семьи осуждённого:

«Жена его с детьми своими, сыновьями Николаем 8-ми, Карлом 4-х, дочерьми Елисаветою 10-ти, Юлиею 2-х лет и Эмилиею 10 месяцев, находится в болезненном и весьма бедном положении, не имея никаких средств к пропитанию себя с

семейством, живёт Васильковского повета в селении Телешовке, принадлежащем помещику отставному поручику Гудим-Левковичу».

На Кавказе служил рядовым в 45-м и 41-м егерских полках.

Из письма Алексея Веденяпина брату Аполлону:

«Берстель — в 41-м егерском, тебе кланяются. Жена и маленькие дети живут у Гудимов… Лиза, Тося — в институте, Николай и Карлуша — в I корпусе. Он довольно покоен и твёрд, я рад за него, его духу; он истинно добрый, благородный старик, которого трудно не уважать».

Поздней осенью 1830 года рядовой Берстель убит в бою с джарскими лезгинами.

В 1850-м вдова Марья Густавовна будет ходатайствовать о даровании прав потомственного дворянства сыну Виктору Берстелю. Отсюда делаем вывод, что младший сын родился после того, как отец был лишён прав и, скорее всего, после освобождения отца из крепости, то есть между июнем 1828-го и августом 1831 года.

Дело № 111

Трагическая заваруха в 3-м корпусе — результат рокового стечения обстоятельств. Не повстречай

Мишель Бестужев-Рюмин Алексея Тютчева в Лещинском лагере, может быть, ничего бы такого и не случилось. Или случилось бы, да совсем не то. Но они встретились. Именно Тютчев, скорее всего, слегка взбодрившись горилкою, окрылил собеседника откровенностью про тайное общество. Открытый, душевный человек, любитель выпить и погулять.

> Алексей Иванович Тютчев
>
> Дата рождения не установлена. Согласно его показаниям, в начале 1826 года ему «отроду Лет двацать Четвертай»; в формулярном списке за 1825 год указано: 25 лет[273].
>
> Отец – Иван Иванович Тютчев, отставной капитан, брянский помещик; ко времени ареста сына был жив. Мать – Мария Алексеевна, урождённая Мачихина. Братья: Михаил, в 1826 году прапорщик-конноегерь; Федор, прапорщик-драгун; Иван; сестра Варвара, вдова подполковника Бердяева, бывшего управляющего

[273] Примечания: 273

Второй вариант представляется более правдоподобным: во-первых, он более соответствует прочим служебным данным, а во-вторых, доверять сведениям, исходящим от Тютчева, по некоторым причинам рискованно.

Петергофом. По данным формулярного списка, за отцом числилось 500 душ крепостных, а по справке на осень 1826 года – 328 душ, заложенных в Опекунском совете, и более 60 тысяч рублей долга[274].

Начальное образование получил дома, очевидно от учителей-французов[275]. В 1813 году принят в Морской кадетский корпус, но курса не кончил. В самом конце 1815 года зачислен подпрапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк. Однако производства в офицеры дожидался более трёх лет (обычный срок – два года. Второгодник!), произведён в прапорщики в феврале 1819 года, а в декабре того же года – в подпоручики[276]. В 1820 году переведён штабс-капитаном в Пензенский пехотный полк, в мае 1824 года – произведён в капитаны.

---

[274] Примечания: 274

Отсюда вывод: положение семейства неблагополучно и стремительно ухудшалось.

[275] Примечания: 275

Как и Бестужеву-Рюмину, Муравьёвым-Апостолам, Лунину, ему свободнее изъясняться по-французски, чем по-русски.

[276] Примечания: 276

Шпонька тянул лямку до сего немаловажного чина 11 лет, Тютчев — 11 месяцев.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 20 января 1826 года. Доставлен в Житомир, а оттуда в Петербург, в Петропавловскую крепость, 31 января.

Осуждён по II разряду, приговорён к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина $4^{7}/_{8}$ вершка[277], лицо смугловатое, круглое, глаза темно-карие, нос большой, широковат, волосы на голове и бровях темно-русые.

Более года содержался в Роченсальмской крепости; в октябре 1827 года отправлен в Сибирь. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1836 года жил на поселении. Умер 24 января 1856 года.

Складывается впечатление, что до декабрьских событий у Тютчева всё ладилось в жизни, кроме учёбы. И ещё одна обидная неприятность: в конце 1820 года, после «семёновской истории», он из столицы оказался заброшен в захолустный

---

[277] Примечания: 277
Примерно 164 см.

Староконстантинов, в Пензенский пехотный полк. Правда, с повышением в чине — штабс-капитаном. В 1824 году произведён в капитаны и назначен командиром роты.

К этому времени в Пензенский полк уже занесён вирус тайного общества. Один из его носителей — поручик Громницкий, приятель артиллериста Борисова 2-го. Он-то и ввёл Тютчева в ряды «соединённых славян».

Из следственного дела. Письменные ответы Тютчева на вопросы следствия:

Вопрос. Что побудило вас вступить в Общество соединённых славян?

Ответ. В Ступитъ опшиства саединенихъ Славнъ пабудила меня прозба паручика Громницкава и ачаяния в Каторамъ нахадился но все Сие даказываитъ маей ниабдуманя…

Вопрос. Когда и кем именно сие общество было первоначально основано?

Ответ. Сией Мне неизвесна и барисавъ Мне абаном ни гаварилъ…

Да-с. Теперь совершенно понятно, отчего Тютчев не смог учиться в Морском корпусе и три с лишним года проторчал в подпрапорщиках. Он не то что неграмотен — он явно страдает дисграфией.

Очень симпатичный человек, но управлять буквами так и не научится. Это особенно забавно, если учесть, что роднёй по отцу ему приходится поэт Фёдор Тютчев, а сестра замужем за господином Бердяевым, далёкий потомок которого в следующем столетии прославится как публицист и философ.

Зато он наделён дивным даром сладкопения.

Из воспоминаний Михаила Александровича Бестужева:

«Тютчев обладал таким мягким, таким сладостным тембром голоса, которого невозможно было слушать без душевного волнения в русских песнях».

В бурные святочные дни, когда Андрей Борисов привёз в Староконстантинов известия из Житомира, Тютчев, кажется единственный из всех пензенских «славян», готов был выступить со своей ротой…

Не сложилось.

Из собственноручных показаний Тютчева:

«Тутъ я имъ и абявилъ Что Меня вавлекли таиная опщества пад названиямъ славянъ, Как бестужавъ, так и муравевъ Стали Спрашиватъ Какая целъ Сево апщества я имъ сказалъ дастижения революцы и уництажения законавъ,

безъутужавъ прасилъ Меня пазнакомитъ Скемъ нибуть принадлежащему сему опщаству…

бестужавъ прасилъ всехъ насъ чтобы какъ можна болшы стараца приниматъ членавъ нидаволныхъ правителствамъ Ипаперваму ево знаку воуражыца…»

Между прочим, в Сибири, в Большой артели — обществе взаимопомощи декабристов в Петровском заводе — был избран поваром и сам приготовлял все кушанья, за исключением пирогов.

В июле 1836 года прибыл на поселение в село Курагино Енисейской губернии (это недалеко от Минусинска), где было суждено ему прожить почти 20 лет. В 1842 году брат Иван ходатайствовал о переводе его в Томск — безуспешно. Лишь в 1848 году получено разрешение спутешествовать в Красноярск для лечения. К этому времени Тютчев пребывал уже в семейном, хотя и невенчанном состоянии. Спутницей его стала курагинская крестьянка Анна Петровна Жибинова; у них родилось четверо детей. Говорят, что жизнь курагинская не была гладкой, что Алексей Иванович выпивал, да и Анна Петровна тоже и что умер он от пьянства. Это мнение трудно подтвердить или опровергнуть.

Так или иначе, скончался сладкогласый славянин, полгода не дожив до амнистии.

Дело № 112

Пётр Фёдорович Громницкий (Громнитский)

Православный.

Родился в 1803 году в Киренске Пензенской губернии.

Отец – Фёдор Григорьевич Громницкий, отставной капитан, киренский уездный судья, за ним 267 душ крепостных. Мать – Екатерина Фёдоровна, девичья фамилия неизвестна. Братья: Александр и Виктор; и три сестры: Мария, Варвара, Ольга.

Воспитывался во 2-м Кадетском корпусе (вместе с Бечасным и Андреевичем). В 1819 году выпущен прапорщиком в Пензенский пехотный полк; в 1820 году произведён в подпоручики, в 1823-м в поручики.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 26 января 1826 года. Доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Приметы: рост два аршина пять с чет-

вертью вершков[278], лицо белое, круглое, на правой щеке три, а на левой одна небольшие природные бородавки, глаза светло-карие, нос небольшой, туповат, волосы на голове и бровях темно-русые.

Осуждён по II разряду, приговорён к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет. Отбывал заключение в Свеаборгской, Свартгольмской, Кексгольмской крепостях; в апреле 1828 года отправлен в Сибирь (в одной партии с Михаилом Луниным). Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1836 года жил на поселении.

Умер 31 мая 1851 года.

Способный офицер: в 1825 году ему доверено командовать ротой, хотя, вообще-то, это капитанская должность. Хотя за его отцом числится более 250 крестьянских душ, Пётр Фёдорович вечно без копейки (при отправке из Петропавловской крепости в Свеаборг придётся выдать ему из казны 20 рублей на одежду и расходы).

Принят в Общество соединённых славян в

---

[278] Примечания: 278
165,5 см.

начале 1824 года Петром Борисовым, с которым познакомился через своего однокашника Бечасного. Весной 1825 года общество провозгласило Петра Борисова председателем, а Громницкого его заместителем. В своём полку он привлёк в общество Тютчева, Фролова, Лисовского; поручик Черниговского полка Соловьёв тоже завербован им.

Из показаний Александра Фролова:

«В том же году при сборе корпуса под Лещиным Тютчев и Громницкий предложили мне идти к артиллеристам. Мы пришли к Андриевичу…»[279]

Участие Громницкого в лещинских совещаниях несомненно; готовил ли он себя в цареубийцы — неизвестно. Следствие долго топталось вокруг этого пункта и в итоге решило: «Разделял объявленную Бестужевым цель Южного общества, чтобы для введения республиканского правления лишить жизни государя императора», но «на совершение сего злодеяния не вызывался». И ещё: был против неподготовленного вооружённого выступления. Когда в предновогодней морозной дымке явился к нему Андрей Борисов с призывом поднять роту и вести её в Новоград на соедине-

---

[279] Примечания: 279
Продолжение в следующем деле.

ние с другими мятежниками, он решительно отказался.

В Петровском заводе вёл жизнь осмысленную: служил чтецом в тюремной церкви; у Николая Бестужева и Торсона обучался всякому мастерству; освоил столярное и портновское ремесло.

В 1836 году поселён в Бельской слободе, в ста верстах от Иркутска, там же, где и Иван Анненков с семейством. Но бывший кавалергард вскоре отправился в Туринск, а бывшему пехотному поручику пришлось потерпеть бельское житьё-бытьё. Слобода эта пользовалась дурной славой, сюда ссылали преступников серьёзных — грабителей, буянов и убийц. Опасность от воров умеряется для Громницкого лишь его нищетою: от родни ждать денег не приходится, сами едва-едва хлеб добывают; прошение «о дозволении обязаться службою у того, кому угодно будет вознаграждать труд его куском насущного хлеба», отклонено свыше. Казённое пособие, в год 114 рублей с полтиною, да капли из Малой артели, кассы взаимопомощи декабристов, вот и всё его пропитание.

Одна отдушина: получено разрешение ездить на лечение к доктору Вольфу в Урик — 80 вёрст от Бельской. Там, в Урике, жительствуют Волкон-

ские, братья Муравьёвы и неугомонный Лунин. Дружба с последним вскоре переросла в сотрудничество.

Впрочем, равенства меж ними быть не могло ни по возрасту, ни по положению. Кавалергард Лунин с его связями, роднёй, авторитетом — и маленький армейский поручик Громницкий… Даже каторга не упразднила эту дистанцию. Громницкий становится подручным Лунина в его неустрашимой публицистической деятельности, кем-то вроде секретаря: переписчиком и распространителем лунинских сочинений.

В марте 1841 года Лунин арестован. Очень скоро добрались до Громницкого. Около года он провёл в холодной камере иркутской гауптвахты. Затем был отпущен и водворён обратно в Бельскую.

Что-то на следствии произошло неприятное. Лунин посчитал, что Громницкий его выдал. В письме Волконскому, тайно переданном из темницы: «Негодяй проболтался…»

Последующие годы Громницкий провёл в угрюмом уединении, под строгим надзором, не общаясь с собратьями по ссылке. Кажется, только двое из прежних знакомцев повидались с ним за всё это время: соученик по кадетскому корпусу, а ныне жандармский офицер Яков Казимирский и

Иван Пущин проездом с Туркинских вод, куда ему было разрешено спутешествовать для лечения.

Из письма Ивана Пущина Якову Казимирскому, 9 декабря 1849 года:

«…Я погостил у Громницкого несколько часов. Впечатление этого свидания было гораздо отраднее того, которое было при вас. Он просил благодарить вас за то, что вы отыскивали старого однокашника…»

Впечатление отраднее по сравнению с тем, что было, но, вообще-то, радоваться нечему. Громницкий болен, лечиться ему не на что и не у кого. Хлопоты сестры Ольги о переводе Петра Фёдоровича хотя бы в Минусинск не увенчались успехом.

В 1851 году наконец получил разрешение прибыть в Усолье для лечения в госпитале Иркутского солеваренного завода.

31 мая 1851 года в книге учёта больных вышеназванного госпиталя появилась запись: «Поселенец из государственных преступников Черемховской волости, Пётр Фёдоров Громницкий, 70 лет, умер от чахотки…» На самом деле Громницкому было 48 лет.

Дело № 113

Возможно, капитан Тютчев был так уверен в своей роте потому, что в ней младшим офицером служил надёжный человек — подпоручик Фролов. Ему суждено пережить всех своих товарищей по Обществу соединённых славян. На старости лет он сделается одним из хранителей памяти о декабристах и соратником Свистунова в войне с Завалишиным. О его молодости, о жизни до ареста известно очень мало.

> Александр Филиппович Фролов
>
> Православный.
>
> Родился 24 августа 1804 года (по данным формулярного списка – в 1803 году) в Севастополе (по другим сведениям, в Феодосии).
>
> Происходил из дворян Таврической губернии, города Еникале[280]. Отец – Филипп Фролов, капитан артиллерии, других сведений о нём нет. Мать – Пелагея

---

[280] Примечания: 280

Еникале — это Керчь, вернее, керченская Новая крепость, она была присоединена к Росийской империи в 1774 году в результате войны с Турцией, так что еникальское дворянство — это офицеры керченского гарнизона.

Даниловна, девичья фамилия неизвестна.

Воспитывался дома, в 1818 году вступил подпрапорщиком в Пензенский пехотный полк, в 1821 году произведён в портупей-прапорщики, в 1823-м в прапорщики, в июне 1825 года в подпоручики.

Член Общества соединённых славян.

Арестован 10 февраля 1826 года, доставлен в Петербург 17 февраля; на следующий день заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по II разряду, приговорён к 20 годам каторги, срок сокращён до 10 лет.

Приметы: рост два аршина $5^{7}/_{8}$ вершка[281], лицо смугловатое, круглое, чистое, глаза карие, нос большой с горбиною и немного на правую сторону крив, волосы на голове и бровях темно-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1836 года жил на поселении. После амнистии вернулся в Европейскую Россию. Умер в Москве

---

[281] Примечания: 281
Примерно 168 см.

6 мая 1885 года.

Земель и крепостных за родителями Александра Фролова не числилось, весьма вероятно, что его отец был не из потомственных дворян, а выслужил дворянство вместе с офицерским чином. Образование Александр получал дома. Судя по сохранившимся автографам, ни он сам, ни его отец великими грамотеями не являлись. Неполных четырнадцати лет определён на военную службу — а куда ещё деваться? — подпрапорщиком в тот самый Пензенский пехотный полк. Пять лет служил в подпрапорщиках — не по причине злостной неуспеваемости, как Тютчев, а просто по возрасту: полных 18 лет, можно в офицеры. В 1825 году, за три месяца до лещинских встреч, вышел приказ о производстве его в подпоручики.

В Обществе соединённых славян оказался по причине добрых отношений с сослуживцами. Произошло это как-то само собой, в два этапа.

Из показаний Александра Фролова:

«В 1825 году на квартирах наших близ Старого Константинова я был в гостях у помещика Скальмировского с Тютчевым, Громницким и Мазганом. Повечеру Тютчев и Громницкий, быв пьяны, вышли на двор, и я, опасаясь, чтоб они не

ушиблись, пошёл за ними. Я услышал, что они говорили тайно. На другой день помещик Качковский, бывший тут же в гостях, просил меня у Тютчева, до сих пор не отрезвившегося, взять письмо, открытие которого может навлечь ему большое неудовольствие… Другой раз на квартирах в Старом Константинове я слышал Тютчева, Громницкого, говорящих насчёт правительства…»

Обратите внимание: «опасаясь, чтоб они не ушиблись». Молодой офицер заботится о старших по званию, в особенности о своём капитане, за которым это водилось — быв пьяну, ушибиться.

Затем, в сентябре, в Млинищах близ Лещина, состоялось действие второе.

Из показаний Фролова[282]:

«Мы пришли к Андриевичу, где нашли Бечаснова, Горбачевского, Андриевича, Лесовского Спиридова, Пестова, Борисова, Мазгана и многих других, коих теперь не припомню. Вскоре приехал Бестужев и привёз бумаги, которые дал прочесть Спиридову, и потом начал говорить речь. Здесь я увидел, что считали меня уже участником».

Эти показания записаны со слов Фролова. Мно-

---

[282] Примечания: 282
Начало в предыдущем деле.

го лет спустя он напишет о том же своей рукой. Повод интересен. 4 апреля 1866 года, впервые после «происшествия на Сенатской площади», русская рука поднимет пистолет на августейшее лицо: некто Каракозов пальнёт в императора Александра Николаевича и благополучно промахнётся. Выстрел этот вызовет невероятный верноподданнический ажиотаж в российском обществе и откроет дорогу настоящей, не мечтательно-книжной русской революции. Фролов, проживающий в то время с семейством в Керчи, попытается использовать момент для увеличения казённого пособия (те самые 114 рублей с полтиною, что получали все декабристы на поселении и продолжали получать после амнистии). С этой целью он напишет письмо на имя начальника III Отделения князя Василия Долгорукова (не зная, что тот уже отставлен от должности) и в этом письме изложит заново историю своего грехопадения.

Из письма Фролова князю Долгорукову, 12 мая 1866 года:

«…Стоявшие на одной квартере, Тютчев, Громницкий, Мозгана и я, однажды оне пришли в квартеру не втрезвом виде, Мозгана вызвав меня водвор стал приглашать вступить в общество

соединение Словян, видевше его втаком виде, я сказал ему, что эта мысль очень хороша; он взял меня за руку и в вел в комнату где был Тютчев и Громницкой, которыя меня обнимали и целовали, предлагали прочесть Словянской Катехизес… Оне видевше мое не внимание, ни когда мне об этом не говорили до збора корпуса под М. Лещеным, где Тютчев видевшись с Сергеем Муравьевым, которой просил Тютчева, собрать всех членов Словянского общества в С. Мленищи, в квартеру Андриевича, а как я стоял в одной полатке с Тютчевым и Мозганой, то должен был отправится с ими; по приходе нашем в весьма не продолжительном времени со свертком бумаг в руках явился Безтужев Рюмен, и в разговоре спросили его какими средствами намерены достигнуть этой цели, он отвечает с унечтожением Царской фамилии, тогда я встал и объявил, что я не согласен на это…»

Письмо Фролова, естественно, осталось без ответа. Но образы членов Общества соединённых славян дополнились колоритными чертами.

Конечно, нет уверенности в том, что Фролов на следствии, а затем и в письме шефу жандармов сказал одну только правду. Но роль его в лещинском заговоре, по-видимому, была в самом деле

невелика и определялась скромным служебным положением. Подручный ротного Тютчева, не более.

На следствии ему не повезло. Трудно сказать почему. Постановили, что участвовал в умысле на цареубийство, хотя это и не было толком доказано. Но торопились поспеть к коронации, было не до тонкостей…

На каторге столярничал, выучился портняжничать, шил одёжу товарищам. Потом Вольф взял его к себе помощником по аптекарской части. Как видим, действительно, хороший подручный.

С 1836 года жил на поселении в селе Шушенском Минусинского округа, там же, где Фаленберг, и куда через 60 с лишним лет прибудет ссыльный Владимир Ульянов. Поначалу надеялся вырваться из Сибири: подавал прошение о переводе рядовым на Кавказ — безуспешно. Но Шушенское — хорошее место: и земля там плодородна, и тайга богата, и река рыбна. Постепенно обжился, занялся земледелием, выращивал арбузы и дыни, разводил лошадей, построил мельницу. Среди местных крестьян обрёл авторитет. В 1846 году женился. Жена — казачка, дочь атамана Саянской станицы Авдотья Николаевна Макарова — красавица, умница, ученица минусинских

декабристов. В неё был влюблён Александр Беляев и едва не женился, но не успел — получил вожделенное направление на Кавказ. Фролову не посчастливилось с солдатской службой, зато повезло с женой. У них родились дети: Николай, Надежда и Пётр; последний дослужится до чина генерала от инфантерии и доживёт до революции; судьба его после 1918 года неизвестна. Ещё в семье Фроловых воспитывалась дочь одного ссыльного поляка; имя её нигде не указано.

После амнистии 1856 года Фролова потянуло в родной Крым. С 1858 года он с семейством обосновался в Керчи. Там тоже хозяйствовал, растил хлеб, разводил овец. Но на сухой, скалистой крымской земле дело шло хуже, чем в Шушенском.

Из письма Фролова князю Долгорукову:

«…В прошлом 1864-м году хлеб весь выгорел, 1865-м с 22-го Августа сделался падеж на овец, и по настоящие время продолжается, так что я лешился всех средств к существованию. Сего 5-го Апреля подал прошение к Керчь-Еникальскому Градоначальнику, изложил все мое бетственное положение (которое ему и без того извесно) просил его войти с представлением. Теперь осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство моей покорнейшей просьбой из ходатайствовать для

меня милость у Всемилостивейшего Государя Императора прибавления казенного пособия».

Так и не получив просимого, в 1872 году перебрался в Сергиев Посад, а через семь лет в Москву. Он был ещё бодрый старик. Во всяком случае, энергии у него хватало на писание мемуаров и полемику с ядовитым Завалишиным. Правда, вспоминая его письмо Долгорукову, мы догадываемся, что писал Фролов не один, а в соавторстве с грамотеем Свистуновым.

Дело № 114

Павел Дмитриевич Мазган (Мозган, Мазгана)

Православный.

Родился в 1802 году (по другим данным, в 1800 или 1801-м).

Происхождение, согласно формулярному списку, «из дворян греческой нации Таврической губернии города Феодосии». Об отце известно, что умер до 1826 года, будучи в чине коллежского советника – возможно, получил дворянство по выслуге. Мать вторым браком за неким Рымаренковым, коллежским асессором, судя по фамилии, малороссом; в Феодосии

у них каменный дом с семью лавками, находящимися под залогом. Брат Константин, служит в 44-м егерском полку.

Воспитывался в Феодосийском уездном училище, по окончании которого в 1819 году поступил подпрапорщиком в Пензенский полк. Произведён в прапорщики в 1823 году, а в 1825-м, одновременно с Фроловым, в подпоручики.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 5 февраля 1826 года. Доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжную работу на 12 лет, срок сокращён до 6 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с четвертью вершков[283], лицо белое, чистое, продолговатое, глаза серые, нос большой, волосы на голове и бровях светло-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1832 года жил на поселении. В 1838 году отправлен рядовым на Кавказ. Погиб 8 ноября 1843 года.

---

[283] Примечания: 283
Примерно 170 см.

В апреле 1825 года был вовлечён в Славянское общество капитаном Тютчевым и чиновником Ивановым.

Из показаний Павла Мазгана:

«…Пошли прогуливаться в сад, где Иванов с капитаном Тютчевым, долгое время говоривши от меня секретно, спросили у меня, какого я мнения о начальстве, которое поступает с нами жестоко и как с рабами… Потом, через несколько дней, пригласил Тютчев Иванова и меня к себе на обед, где мне и открыли Общество соединённых славян…»

О деятельности Мазгана в обществе нам уже кое-что известно из следственных показаний и из позднего письма Фролова. Добавим пару штрихов.

Из показаний Александра Фролова:

«…При сборе полка в городе Старом Константинове прошлого 1825 года, в последних числах июня месяца, сего ж полка подпоручик Мазгана в один вечер, бывши не в трезвом виде, отозвавши меня в сторону, стал говорить: „Если ты любишь меня, Тютчева и Громницкого, то ты не должен отказаться моей просьбы; мы хотим сделать равенство и это зависит от одного человека. Если мы умертвим государя, и в то время легко будет

сделать сие, я надеюсь, что и ты на это согласишься, подпишешь Клятвенное письмо, которое я тебе покажу, и дашь пятьдесят рублей“».

50 рублей не на поправку Мазганова здоровья, а в общую кассу «соединённых славян», для благих дел: покупки книг и выкупа крепостных у жестоких помещиков. Надо отдать должное этим молодым офицерам: сами едва концы с концами сводят, но готовы наскрести денег, чтобы помочь ещё более бедствующим.

Как видим, Фролов настойчиво указывает на «нетрезвый вид» своего сослуживца. Похоже, «дворянин греческой нации» Мазган и родовитый русак Тютчев нашли общий язык именно на этой почве. Не тут ли причина задержки производства Мазгана в офицеры? Но может быть, Фролов фантазирует. Кто знает.

Арестован одновременно с Фроловым. Помещён в Петропавловскую крепость 19 февраля.

На следствии взывал о справедливости со страстью истинного грека, писал покаянно-оправдательные письма. Возможно, поэтому получил IV разряд. Повезло. Но к добру ли?

После каторги жил на поселении в селе Балахте Ачинского округа Енисейской губернии. В 1838 году достигла до него государева милость:

по высочайшему повелению отправлен рядовым на Кавказ, в Тифлисский егерский полк.

В 1843 году две роты этого полка занимали укрепление в ауле Гергебиль в Дагестане. В начале ноября к Гергебилю подступило войско Шамиля, численно в тридцать раз превосходящее гарнизон. Помощь подойти не успела. Все защитники крепости погибли, среди них — рядовой Мазган.

Дело № 115

Николай Фёдорович Лисовский

Православный.

Родился, по его показаниям, в мае 1802 года, согласно же формулярному списку, ему 26 лет в начале 1826 года. Вторая версия более правдоподобна.

Отец – Фёдор Лисовский, из дворян Полтавской губернии, умер в 1820 году; за ним числились три души крепостных. Информация о других родственниках содержится в справке об имущественном положении семьи Лисовского, 1826 год: «Родная мать его Авдотья Фёдорова дочь, вдова, жена умершего коллежского регистратора Фёдора Лисовского, жи-

тельствует в городе Кременчуге и, кроме маленького деревянного домика, по мужу её оставленного, ничего не имеет, а пропитает себя и дочь свою незамужнюю 25-летнюю, при ней находящуюся, собственными своими и дочери её трудами, шитьём разным людям женского одеяния, белья и другим приличным их полу рукоделием. Поведения они обе весьма хорошего и честного. Другой же её, вдовы Авдотьи Лисовской, сын Аркадий находится на службе в Пензенском пехотном полку в унтер-офицерском чине»[284].

Воспитывался в Кременчугском народном училище, в 1815 году вступил подпрапорщиком в Пензенский пехотный полк, в 1816 году портупей-прапорщик, в 1819 году прапорщик, в 1820-м подпоручик, в 1823-м поручик.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 26 января 1826 года, доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён в

[284] Примечания: 284

Три крепостные души куда-то делись. Видимо, пришлось продать или отпустить на волю за неимением средств на их содержание.

каторжную работу на два года, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина шесть вершков[285], лицо белое, продолговатое, глаза карие, нос небольшой, остр, волосы на голове и бровях светло-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. С 1828 года жил на поселении.

Скончался 6 января 1844 года.

Образование Николая Лисовского — три класса Кременчугского уездного народного училища (на класс больше, чем у Шпоньки), пройденные за пять лет, с 1811 по 1815 год. Завершив образование, поступил подпрапорщиком в Пензенский полк в марте 1815 года. Вот этот факт и заставляет усомниться в правильности даты рождения, записанной со слов Лисовского: получается, что его зачислили на службу в двенадцатилетнем возрасте! Формулярные списки могут содержать биографические неточности, но редко ошибаются в датах чинопроизводства. Согласно тому же документу, в прапорщики он произведён в январе 1819 года, что тоже плохо согласуется с

---

[285] Примечания: 285
Примерно 169 см.

поздней датой рождения: в мирное время шестнадцатилетних юнцов в офицеры, как правило, не производили. Так или иначе, в 1820 году он подпоручик, в 1823-м — поручик. Быстро! Видно, умел ладить с начальством.

В Общество соединённых славян был принят в Лещинском лагере. Заметной роли в заговоре не играл. В бурные святочные дни, так же как и Громницкий, отказался поднимать солдат по призыву Андрея Борисова.

На следствии всеми силами старался доказать, что был втянут в общество обманом и вообще ни в чём не виновен. На этом пути зашёл довольно далеко.

Из показания Лисовского о бумагах Спиридова:

«Осмелеваюсь открить Высочайше учрежденному комитету, что за несколько дней пред арестом майора Сперидова, он мне Сказывал что у него есть бумаги, а именно: государственный Завет, (или как он называл конституция.) Переписка з Бестужевым, переводи Его из не Позволительних французких книг, и Собственныи Вольнодумчискыи Сочененя, которыи он Сложил в ящик, и закапал в землю; в местечке Красилов на той Самой Квартири откуда он был въвзят. Люди Его оставшыеся тамъ должни знать где

бумаги сии зарити. Я Сим желая доставить Случай, Кометету Височайше учрежденному открить даже корень Сиго гнусного общиства, и тем въ предь Спасти отъ нещастя, жертвъ: Подобних мне увлечоних не вино, Слепо, иничево не знавше».

Бумаги майора Спиридова были-таки уничтожены его верными крепостными слугами. Кроме «государственного Завета», там имелись переводы Вейсса, Стерна, Саллюстия и кое-какие сочинения самого Михайлы Матвеевича (смотри следующее дело).

Из этого документа видим, что Лисовский безграмотен, но хитёр. И даже безграмотность его с хитрецой: я, мол, человечек простой, не книжный, «Вольнодумчискыи Сочененя» не читал, а только видел их в руках невинно увлекшего мя Спиридова.

После острога, в апреле 1828-го обращён на поселение в злополучный Туруханск. Ему, как и Ивану Аврамову (дело № 84), было высочайше дозволено заниматься торговлею в пределах Туруханского округа и путешествовать для закупок в Енисейск. Лисовский, как казалось, неплохо устроился: в 1833 году весьма удачно женился на Платониде, дочери туруханского протоиерея

Алексея Петрова (настоятель соборной церкви — большой человек в Туруханском округе). А через несколько лет его взял в поверенные агенты местный магнат, винный откупщик Мясоедов. Но питейные сборы — дело тёмное, да и Туруханск не мог не проявить свой гнусный характер. Как мы знаем, Иван Аврамов скончался при невыясненных обстоятельствах по пути в Енисейск в 1840 году. Подобная участь была уготована и Лисовскому.

Под новый 1844 год он отправился по питейным или иным торговым делам в низовья Енисея. 6 января внезапно скончался близ селения Толстый Нос на одноименном мысу. Обстоятельства его смерти неизвестны; подозревали убийство. Худо ещё и то, что на нём остался огромный долг за казённое вино — десять тысяч рублей, целое состояние для ссыльного государственного преступника из бедных. Высказывалось мнение, что это всё — и внезапная смерть, и долговые обязательства — происки хищного Мясоедова, но доказать ничего не удалось. На имущество покойного был наложен арест, и вдова с ребятишками едва не пошла по миру. Детей же у Лисовских было трое. Дочь Надежда по хлопотам матери и при помощи семейства Волконских была пристроена

в сиротское заведение в Иркутске, сын Алексей — в пансион иркутской губернской гимназии; Владимир остался при матери. В 1855 году Платонида Лисовская с разрешения властей выехала к родственникам мужа в Киев.

Дело № 116

Майор Спиридов среди «соединённых славян» белая ворона. Или, лучше сказать, павлин среди воробьёв. Сын сенатора, внук знаменитого адмирала, из старинного дворянского рода по отцу, из князей по матери, состоятельный человек, да к тому же майор, носитель штаб-офицерских «толстых эполет». Он, конечно, не компания Шпоньке, он в обществе «славян» — посланник из тех высоких заговорщицких сфер, где обитают Муравьёвы-Апостолы, князь Трубецкой, Давыдовы, Пестель…

Однако у воробьёв есть одно преимущество перед павлинами: они умеют летать. События того декабря и того января для большинства «славян» стали всё-таки полётом — бестолковым, трагически оборвавшимся, но всё же ввысь, над убогой землёй, над миргородскими лужами и соломенными кровлями обывательских хат. Для майора Спиридова, как и для большинства участ-

ников Южного общества, это просто провал, крах надежд, падение в глубокую яму.

Михаил Матвеевич Спиридов

Православный.

Родился в 1796 году.

Отец – Матвей Григорьевич Спиридов, сенатор, богатый владимирский помещик. Мать – Ирина Михайловна, урождённая княжна Щербатова. Братья: Александр, Андрей и Алексей.

Получил домашнее образование. В августе 1812 года, за две недели до вступления наполеоновских войск в Москву, зачислен урядником (унтер-офицером) во 2-й полк Владимирского ополчения. Участвовал в Заграничном походе; в мае 1813 года произведён в прапорщики и вскоре переведён в лейб-гвардии Гренадерский полк; награждён орденами Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени с бантом. Начало карьеры прекрасное. Но гвардейская служба не сложилась. В 1816 году переведён подпоручиком в Саратовский пехотный полк. (Это выглядит если не как наказание, то

как неудача.) Через год, в 1817-м, правда, произведён в поручики со старшинством с августа 1816-го. Вероятно, была какая-то неприятность по службе, но прощение получено. В 1817–1819 годах прикомандирован старшим адъютантом к командиру 6-го пехотного корпуса Сабанееву[286]. В 1819 году произведён в штабс-капитаны и возвращён в полк, командиром роты. В 1823 году капитан. В июне 1825 года получил чин майора и переведён в Пензенский пехотный полк батальонным командиром.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 19 января 1826 года. Доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по I разряду, приговорён в каторжную работу вечно, срок сокращён до 13 лет.

Приметы: рост два аршина шесть верш-

---

[286] Примечания: 286

Корпус в составе 2-й армии, а в составе корпуса — 16-я дивизия Михаила Орлова. Там вскоре разыграется известная история с майором Владимиром Раевским, и Сабанеев будет расследовать её.

ков[287], лицом бел, чист, волосом чёрн, глаза чёрные, нос посредственный.

Содержался в Кексгольмской и Шлиссельбургской крепостях; в октябре 1827 года отправлен в Сибирь. Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1839 года жил на поселении.

Умер 20 декабря 1854 года.

Михаил Спиридов происходил из семьи сенатора, историка, зачинателя русской генеалогии Матвея Григорьевича Спиридова. После его смерти в 1829 году сыновья Александр, Андрей и Алексей поделят отцовское имение, почти 900 душ крепостных в разных губерниях. Но ещё ценнее наследство невещественное — слава рода. Дед майора Спиридова Григорий Андреевич Спиридов, адмирал и многих орденов кавалер, прославился уничтожением турецкого флота в Чесменском сражении. Не менее славен и род матери, Ирины Михайловны, урождённой княжны Щербатовой: её отец князь Михаил Михайлович Щербатов — генерал, сенатор, один из

---

[287] Примечания: 287
Примерно 169 см.

первых русских историков, автор семитомной «Истории российской от древнейших времён»; и он же — острейший критик современного ему российского государственного устройства, предшественник декабристской публицистики. Не лишне добавить, что тётка Михаила Спиридова, Наталья Михайловна, была замужем за подполковником Яковом Чаадаевым; её сын Пётр — друг многих декабристов и будущий автор «Философических писем». И ещё есть один примечательный родственник, правда очень дальний, — князь Алексей Григорьевич Щербатов, в 1824 году он назначен командовать 2-м пехотным корпусом; в тайных обществах весьма надеются на него…

Со вступлением Спиридова в тайное общество не всё ясно. Он, конечно, куда более подходит для Южного общества, чем для славянского. Возможно, Спиридов и был связан с первым, когда обнаружилось существование второго. К «славянам» присоединился в Лещинском лагере и сразу был избран представителем от них при Васильковской управе — вероятно, по причине знатности и старшинства в чине. Бестужев-Рюмин, ревностно стремившийся сохранить «славян» под своим влиянием, воспротивился этому. В итоге было решено избрать трёх представителей, по одному

от каждой из двух артиллерийских бригад и одного от пехоты. Артиллеристы, как мы уже знаем, выбрали Пестова и Горбачевского, пехотинцы же, к досаде Мишеля Бестужева, всё того же Спиридова. Разумеется, он не мог остаться в стороне от выработанных в Лещинском лагере планов. Бестужевский крестик поставлен и против его фамилии.

Для ареста и приговора этого вполне достаточно.

К тому же Спиридов ещё и с нижними чинами на дружеской ноге.

Из рапорта главнокомандующему 1-й армией:

«[Рядовые Саратовского полка] Анойченко, а равно Янтарь и Андреев, спрашиванные порознь, согласно показали, что Спиридов… подчивая их всегда водкою и испивая сам с ними целыми стаканами, внушал им, что служба ныне чрезвычайно тяжела, что не только солдатам, но и офицерам нет возможности служить… [что] Государь не наблюдает справедливости, увещевал потерпеть немного… только бы они держались его Спиридова стороны, когда что начнётся… но всего говоренного им теперь хорошо не могут припомнить, ибо, бывая у Спиридова, они почти всегда напивались у него пьяными и многих речей

не разбирали».

Из показаний Андрея Фурмана:

«Майор Спиридов побуждал всех членов к деятельному возмущению нижних чинов… Ещё должен я присовокупить, он говорил: „Когда быть стойку в своём предприятии, и хотя бы я и сотни моих сообщников попались в руки правительства, я не открою ничего, меня никакие угрозы, ни самые пытки не вынудят сказать правды и открыть своих товарищей, я давно пожертвовал собою, пусть корень уничтожат наших предприятий, останутся отростки, которые совершат наше намерение, и кто бы осмелился иначе думать и чувствовать, того надо уничтожить!..“».

Решительные слова (если Фурман не выдумал). Но в дни декабрьско-январской заварухи позиция Спиридова невнятна. Он вроде бы и готов поднять войска на помощь черниговцам, но в решающий момент то ли его не могут отыскать, то ли он не может достучаться до своих офицеров… Свидетельства противоречивы.

Арестован в местечке Красилове, где квартировал, 25 января. Доставлен в Петербург 1 февраля. Удостоился чести быть допрошенным императором. Со 2 февраля в Петропавловской крепости.

На следствии вёл себя достойно, лишнего не болтал. Но государю всё-таки направил письмо, не столь покаянное, сколь жалобное.

Пример слога и образа мыслей Спиридова, поклонника Вейсса и Стерна. Из письма государю, писанного в крепости:

«Великая дерзость несчастного преступника из глубины тюрьмы беспокоить столь священную особу, как Ваше Императорское Величество. Но, ах! Несчастие превозмогает все препоны, чтобы превратится в счастие. Оно разными способами тщится достигнуть своей цели; к вам же, Государь, оно смело приносит просьбы, зная, как истинные теплые молитвы, к Создателю миров воссылаемые, не имеют никаких препятствий на пути, так в простоте сердца и разума произносимые прошения несутся к Вашему Императорскому Величеству…»

Всегда и всюду пользовался уважением и доверием товарищей. В Сибири, в Большой артели, был облечён важной должностью общественного огородника.

В 1839 году обращён на поселение. По ходатайству братьев ему было разрешено поселиться в Красноярске. Он, однако, предпочёл городской жизни сельскую. Получил дозволение приоб-

рести землю, а позднее добился возможности переехать в деревню Дрокино, что в 15 верстах от Красноярска. В его отлаженном как часы хозяйстве выращивались пшеница, рожь, гречиха, лён, а наипаче картофель, коего он вывел новый сорт, пригодный для условий Средней Сибири и известный под названием «спиридовка». Вёл хлебные закупки для золотых приисков.

Женат не был.

Умер в деревне Дрокино.

Из писем Василия Давыдова Ивану Пущину, декабрь 1854 — февраль 1855 года:

«Наш превосходный Спиридов умер по возвращении из поездки по уезду… Несмотря на то что он был довольно тяжело болен, он строжайшим образом запретил нас извещать об этом, не желая нас беспокоить».

«Я узнал о его болезни только тогда, когда он был почти без сознания и только изредка приходил в себя… Врач был вызван слишком поздно, и Бог не пожелал сохранить мне дорогого друга для моей старости».

Дело № 117

Иван Фёдорович Шимков

Православный. Но во весь 1825 год не

бывал на исповеди и у причастия – как он сам скажет следствию, «по нерадению, которого плоды теперь вкусил».

Родился в селе Михновка Кобелякского уезда Полтавской губернии, между 1801 и 1804 годами. Дату рождения установить трудно: данные формулярного списка на два года расходятся с его собственными показаниями.

Сведения о родных и близких содержатся в справке об имущественном положении семьи, 1826 год: «Родный отец его статский советник и кавалер Фёдор Шимков в престарелых уже летах, жительствует в Кобеляцком повете, владея недвижимым имением и крестьянами, по ревизии за ним и за умершею женою его Мариею всего 413 душ числящиеся. Кроме означенного преступника сына его, имеет сыновей Павла, Петра, Андрея и Александра, да дочерей девиц Настасию и Марию, из коих сыновья находятся на службе, Павел в Кременчугском пехотном подпрапорщиком, Петр лейб-гвардии в Драгунском полках прапорщиком, Андрей в Харьковском университете, а

Александр в Санкт-Петербурге в Императорском горном кадетском корпусе, дочери же находятся в доме».

Учился, по его словам, в Харьковском университете, но окончил ли курс – неизвестно. В июле 1820 года зачислен подпрапорщиком в Алексопольский пехотный полк. В 1824 году произведён в прапорщики с переводом в Саратовский пехотный полк.

Член Общества соединённых славян.

Арестован 14 февраля 1826 года. С 22 февраля в Петропавловской крепости.

Осуждён по IV разряду, приговорён в каторжную работу на 12 лет, срок сокращён до 8 лет.

Приметы: рост два аршина семь вершков и три четверти[288], лицо белое, продолговатое, глаза голубые, нос прямой, остр, волосы на голове и бровях светло-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге и Петровском заводе. С 1833 года жил на поселении.

---

[288] Примечания: 288
176,5 см.

Умер 23 августа 1836 года.

Имущественное положение семьи Шимкова, как видим, гораздо лучше, чем у большинства «славян». Если разделить имение престарелого отца между пятью братьями и выделить приданое сёстрам, то на долю Ивана пришлось бы душ шестьдесят. Но он их не получит, отправится в Сибирь.

Какие пути привели Шимкова в тайное общество? Если верить его показаниям, это случилось всё в том же злополучном лагере под Лещином, а виновны Иванов, Громницкий, Борисов, Тютчев. Однако не совсем ясно, когда он, новоиспечённый прапорщик, успел так сблизиться с офицерами других полков, с которыми не был связан ни по службе, ни по месту квартирования. Неужто они открыли бы тайну малоизвестному юноше? Там, в Лещине, Шимков завлёк в славянские сети подпоручика Мозгалевского, — значит, уже пользовался определённым доверием и авторитетом в обществе. Вспомним, однако, что в Саратовском полку служил капитан Спиридов — как раз в то время, когда туда поступил Шимков. Командиром же Алексопольского полка, как мы знаем, был полковник Повало-Швейковский, деятельный

член Южного общества. Весьма вероятно, что Шимков в той или иной мере был вовлечён в круг заговорщиков задолго до Лещина, скорее всего Спиридовым, от которого получил полный список «Государственного завета», обнаруженный при аресте.

Из следственных диалогов.

Вопрос следствия. В бумагах ваших оказались стихи, наполненные мерзостным ругательством. Отвечайте откровенно и без малейшей утайки: вашею ли рукою писаны и вашего ли сочинения стихи?

Ш и м к о в. Стихи найдены мною в местечке Белой Церкви 1824 года в августе месяце, у моей квартиры, вечером, на испачканной уже бумаге, и которой часть была оторвана. Кем были составлены стихи, мне неизвестно, с умыслом ли они брошены или же потеряны, не могу доложить, а только на 1-м и 2-м номере было написано П…ш…н, сие я почёл за «Пушкин». Оставив их у себя, действительно, я сделал необдуманно.

К сожалению, стихи в следственном деле не сохранились. Каким ругательством наполнил их таинственный П…ш…н, осталось тайной следствия.

В 1833 году поселён в Батуринской слободе

Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Ходатайства о переводе в Минусинск отклонены. В 1836 году подал прошение о разрешении вступить в брак с крестьянкой Фёклой Батуриной, которая уже три года как оказывает ему помощь по хозяйству. Разрешение было получено, но брак не состоялся. 23 августа 1836 года Иван Шимков скончался. Причина смерти неизвестна; говорят, до этого болел. Всё своё имущество завещал невесте.

Дело № 118

Николай Осипович Мозгалевский

Православный.

Родился в мае 1801 года.

Отец – Осип Фёдорович Мозгалевский, из дворян Черниговской губернии. Сведения о других родственниках узнаём из рапорта Малороссийского военного губернатора (1826 год): «Родная мать, вдова коллежского асессора Елена[289], живёт в Нежинском повете и имеет у себя

---

[289] Примечания: 289

Ошибка: на самом деле Виктория, что явствует из её собственноручной расписки в получении вещей сына: шлафрока на вате, старого колпака шерстяного и связки бумаг.

сыновей, родных братьев преступника, отставных штаб-ротмистра Кирилу – 48 и коллежского асессора Алексея – 46 лет, и дочерей, тоже родных сестер преступника, Марью – 35 лет, находящуюся в замужестве за титулярным советником Каблуковым, Авдотью – 30 за титулярным советником Володковским; Елену – 28 за обер-аудитором 4-й драгунской дивизии Симанским, Прасковью – 26 за коллежским асессором Солоницким и Варвару – 24 лет, за отставным штабс-капитаном Гржимайлою; сама же вдова Мозгалевская и сыновья её не имеют у себя никакого имения и крестьян, а потому она с сыном Алексеем живут в доме зятя их Каблукова на всём его содержании, единственно по его к ним расположению, а Кирило Мозгалевский нанимает для себя квартиру в городе Нежине и поддерживает свое существование из маленького у него имеющегося капитала» (рапорт подписан князем Репниным – родным братом осуждённого Сергея Волконского). Был также родной брат Пётр – в Белгородской почтовой конторе почтмейстерский

помощник, титулярный советник.

Обучался дома, в разных пансионах и в уездном училище в Нежине. В 1814 году поступил в 1-й Кадетский корпус, откуда выпущен в 1821 году прапорщиком в Саратовский пехотный полк. В 1823 году произведён в подпоручики.

Член Общества соединённых славян.

Приказ об аресте подписан 5 февраля 1826 года. Доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке на поселение вечно, срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина шесть с половиною вершков[290], телосложения стройного, лицом бел, круглолиц, глаза серые, большие, навыкате, брови чёрные, нос прямой, волосы на голове весьма темно-русые и таковые же малые бакенбарды, бороду бреет, на подбородке с правой стороны и на левой руке повыше кисти родимые пятна величиною с малое гороховое зерно.

---

[290] Примечания: 290

171 см.

Был отправлен в Нарым Тобольской губернии, затем переведён в Енисейскую губернию. Умер в Минусинске 14 июня 1844 года.

Согласно показаниям самого Николая Мозгалевского, он был принят в Общество соединённых славян в 1825 году в лагере под Лещином прапорщиком Шимковым. Впоследствии возникнет версия, что он вовсе случайно попал в компанию заговорщиков.

Из дневника Владимира Философова, Минусинск, 1843 год:

«Быв в одной компании молодых людей, он лег на диван и заснул. Его толкают и приказывают присягать. Напрасно бедный уверял всех, что он ничего не слыхал. Нет, ты притворялся, говорят ему. Присягай, или живой не выйдешь из этой комнаты».

Это, конечно, легенда; возможно, шутка минусинских ссыльных, которую Философов принял за чистую монету. Деятельного участия в заговоре Мозгалевский действительно не принимал. Но был упомянут Петром Борисовым, Шимковым и другими как участник лещинских совещаний.

В феврале 1826 года вызван в Житомир, аре-

стован 13-го, доставлен в Петербург 21-го и без промедления отправлен в крепость. Следствие пришло к выводу, что вина его заключается в знании целей общества относительно конституции, в том, что участвовал в совещаниях, и в недонесении об этом. Про цареубийство «при нём не было рассуждаемо».

В Нарыме Тобольской губернии прожил почти десять лет. Согласно жандармскому донесению, жизнь вёл «совершенно крестьянскую, занимаясь хозяйством»; кое-какие гроши зарабатывал обучением местной детворы грамоте. В 1836 году переведён в более благоприятные места: в село Курагино Енисейской губернии, через год в Теснинское рядом с Минусинском и, наконец, в 1839 году в Минусинск.

Из дневника Владимира Философова, Минусинск, 1843 год:

«Видел в церкви государственных преступников, Крюковых и Мозгалевского. Очень порядочные лица… Мозгалевский небольшого роста, в усах, почти совсем седой, обременён огромным семейством и нищ как Ир».

Семейство это образовалось ещё в Нарыме: там в 1829 году Николай Осипович обвенчался с мещанской дочерью Евдокией Ларионовной

Агеевой. В Минусинске у них было уже восемь детей, избушка в четыре окошечка, государственное пособие 200 рублей в год да скудный доход от сдачи жилья внаём, так что Философов имел все основания сравнить бывшего подпоручика с нищим в доме Одиссея.

Умер Мозгалевский скоропостижно в 1844 году.

Положение его семейства, и до того незавидное, сделалось после его смерти вовсе бедственным. Дело, заведённое по этому поводу в канцелярии окружного начальника, называется красноречиво: «О призрении семейства умершего государственного преступника Н. Мозгалевского и о дозволении Авдотье Мозгалевской отдать детей своих на пропитание людям, желающим их взять себе».

Дозволение было получено, и желающие нашлись. Дочь Пелагея, как мы уже знаем, воспитывалась в семье декабриста Басаргина и вышла замуж за Павла Ивановича Менделеева, брата знаменитого химика. Другая дочь, Елена, взята на воспитание в дом минусинского окружного начальника князя Кострова, дружественно расположенного к декабристам. Младший сын Виктор принят в 1-й Кадетский корпус. (Он дослужится

до генеральского чина, но с роднёй общаться не будет.) Судьбы остальных детей — Павла, Валентина, Александра, Варвары, Прасковьи — сложатся по-разному. С некоторыми из них связаны прямо-таки приключенческие сюжеты. Но рассказ о многочисленном и весьма примечательном потомстве декабриста Мозгалевского никак не уместится в рамки этой книги.

Дело № 119

Об Андрее Шахиреве известно, пожалуй, меньше, чем о ком-либо из декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом. Основной источник информации — следственное дело. Оно, кстати, совсем коротенькое — всего 16 листов. Из него узнаём следующее.

> Андрей Иванович Шахирев
>
> Православный.
>
> Родился в конце 1799 или в начале 1800 года[291].
>
> Отец – Иван Кононович Шахирев, майор, умер в 1819 году в Одессе.

---

[291] Примечания: 291

Согласно собственным показаниям Шахирева, весной 1826 года ему идёт 27-й год, а в формулярном списке, составленном несколькими месяцами раньше, указан возраст 25 лет.

Воспитывался в 1-м Кадетском корпусе, выпущен 22 декабря 1816 года прапорщиком в Московский гренадерский полк. 9 мая 1817 года произведён в подпоручики. В апреле 1819 года переведён в Черниговский пехотный полк. Ровно через год произведён в поручики. С 11 декабря 1823 года состоит адъютантом при командире 1-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майоре Тихановском.

Член Общества соединённых славян.

С октября 1825-го по 21 января 1826 года находился в отпуске в Херсоне и Тирасполе для разрешения судебной тяжбы. В событиях декабря 1825 года – января 1826 года участия не принимал.

Арестован 10 февраля 1826 года, 22 февраля доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VIII разряду, приговорён к ссылке в Сибирь на поселение вечно, срок сокращён до 20 лет.

Приметы: рост два аршина четыре с половиною вершка[292], волосы тем-

[292] Примечания: 292
Примерно 162 см.

но-русые, брови те же, глаза серые, нос горбоват, рот прямой, подбородок обыкновенный, лицо смуглое, на котором на левой щеке два чёрные небольшие пятна.

Отправлен в Сургут Тобольской губернии. Умер 17 мая 1828 года.

Недвижимого имения ни за отцом, ни за сыном Шахиревыми не было. Тяжба, ради которой поручик отпросился в отпуск, заключалась во взыскании пяти тысяч рублей по долгу некоего штабс-капитана Шостака покойному отцу; деньги сии были взысканы, но догнали владельца уже в Сибири. Сведений о матери, родных братьях и сёстрах нет. Похоже, Андрей Шахирев после смерти отца остался круглым сиротой: когда он сам умрёт, оставшееся после него имущество (в том числе и отсуженные деньги) будет передано двоюродному брату, Михаилу Григорьевичу Шахиреву, бухгалтеру Кронштадтского порта, и двоюродной сестре, по мужу Остолоповой.

В тайное общество был принят 8 или 9 сентября 1825 года в лагере при Лещине. Вся вина неприметного Шахирева в том, что один раз был на встрече «славян» с Бестужевым и слушал там

крамольные речи. Можно было бы и отпустить восвояси под строжайший надзор. Но он на следствии не каялся и не оправдывался.

В Сургуте, куда он был сослан, прожить ему было суждено всего полтора года.

Из донесения исправляющего должность тобольского гражданского губернатора:

«Государственный преступник Шахирев, находившийся в Сургуте, 16-го числа мая [1828 года], отлучась от оного в седьмом часу вечера без дозволения сургутского отдельного заседателя с мещанином Силиным версты за четыре для промысла птицы, на другой день 17-го числа, обращаясь в Сургут, умер скоропостижно. б…с *Смерть Шахирева последовала от апоплексического удара… Хотя не было произведено мёртвому телу медицинского свидетельства по неимению там лекаря, но свидетельством находившихся в Сургуте соляного пристава, сотника казачьей команды, мещанского старосты и священника удостоверено, что по наружности на теле Шахирева нет никаких знаков, могущих причинить насильственную смерть, кроме багровых пятен на шее и всём теле».*

Дело № 120

Выгодовский — самый нетипичный декабрист. Не офицер, не дворянин; даже не чиновник — так, канцелярист, не имеющий классного чина. Происхождение и вовсе неподходящее: крестьянский сын. Правда, в коротеньком формуляре, подшитом к следственному делу, указано: «из дворян». Но это невинный обман, благодаря которому он, собственно, и удостоился чести быть судимым Верховным уголовным судом, а не то — пошёл бы под шпицрутены наравне с солдатами. Так что он ещё и обманщик!

Павел Фомич Выгодовский. Так он сам назвал себя, представ перед Следственным комитетом, и под этим именем был осуждён. Лишь позднее, когда стали собирать сведения об имущественном положении семей государственных преступников, выяснилось, что отец его — Подольской губернии крестьянин Тимофей Дунцов.

Павел Выгодовский (как предполагается, настоящая фамилия Дунцов).

Возраст. По его собственному заявлению, во время следствия ему 24 года, то есть родился в 1801 или 1802 году.

Вероисповедание: католик…

В 1819 году покинул родительский дом. В 1823 году поступил на службу канцеляристом в Ровенский нижний земский суд, в 1824 году переведён в канцелярию волынского гражданского губернатора.

Член Общества соединённых славян.

Арестован 19 февраля 1826 года, доставлен в Петербург вместе с Люблинским 26-го. Несколько дней содержался на главной гауптвахте, 2 марта переведён в Петропавловскую крепость.

Осуждён по VII разряду, приговорён в каторжную работу на два года, срок сокращён до года.

Приметы: рост два аршина пять вершков и три четверти[293], лицо белое, мало рябоватое, глаза серые, нос прямой, туповат, волосы на голове и бровях светло-русые.

Отбывал каторгу в Читинском остроге. Затем определён в Нарым Томской губернии.

В 1855 году вновь осуждён и приго-

---

[293] Примечания: 293
167,5 см.

ворён к ссылке; направлен в Вилюйск Якутской области. В последние годы жил в Иркутске.

Умер в 1881 (?) году.

Данные о семье и об образовании содержатся в вышеупомянутой справке об имущественном положении семьи: «Отец его крестьянин Тимофей Дунцов, уроженец Подольской губернии Проскуровского повета селения Ружичной, обучал означенного сына своего сперва у церковного дьячка селения Ружичной, а после отдал его для того Ушицкого повета в селение Приворотье в духовное училище… Родители осуждённого — поведения хорошего, состояние их заключается из 3 лошадей, 2 коров, 16 ульев пчел и 10 овец, а тётка Выгодовского Мария находится в замужестве за крестьянином селения Ружичной Григорием Шведовым, имеющим также своё состояние».

Этот документ вызывает больше вопросов, чем содержит ответов. Начальное образование получил у церковного дьячка, то есть у служителя православной церкви. Похоже, что воспитан был в православии. Но почему сын Тимофея называет себя Фомичом? Откуда взялось прозвание Выгодовский? Что за фамилия такая — Дунцов,

не очень характерная для крестьян Подолии? И фамилия ли это или именование по отцу? — ведь крестьянам в те времена фамилий не полагалось… Некоторая неуверенность составителей документа проявляется в заключительных словах: «Об означенном канцеляристе Выгодовском забираются подольским гражданским губернатором от волынского дальнейшие сведения». То есть установление личности требует целого расследования в пределах двух губерний. Это уже несколько заинтриговывает. Но самое интересное читаем выше, после слов об отдаче в духовное училище: «…Откуда по достижении 17-летнего возраста бежал, и назвавшись Выгодовским, служил в канцелярии Ровенского городничего. О месте же нахождения своего никогда не уведомлял родителей, известно только было родителям его, что он служил в местечке Тофиполе[294] при детях профессора Мацея Хенцинского».

Согласно показаниям Выгодовского на следствии, он вовсе не прислуживал в профессорском семействе, а был у профессора секретарём, в Теофиполе же обучался «у римско-католических ксёндзов тринитарского закона», то есть

[294] Примечания: 294
Местечко Теофиполь между Кременцом и Староконстантиновом.

у монахов Ордена тринитариев. Так или иначе, примерно с 1819 года загадочный юноша полностью разрывает отношения с семейством (родным или приёмным?) и отныне именует себя дворянином Выгодовским. Что с ним происходило в следующие четыре года — тайна, покрытая мраком.

В 1823 году он принят канцеляристом в нижний земский суд в городе Ровно — соответствующей записью от 8 ноября открывается его послужной список. Вторая, и последняя, запись от 16 июня 1824 года: «Переведён по способностям к делам [в канцелярию] волынского гражданского губернатора», в Новоград-Волынский. Был «командирован к делам», связанным с рекрутскими наборами.

Вот по этим-то делам, надо полагать, поехал в Житомир, в штаб 3-го корпуса. Там познакомился с чиновником Ивановым, «а чрез оного с некоторыми офицерами того же корпуса» — Борисовым, Бечасным и другими. (Это с его слов; мы не исключаем, что и ранее, в Новограде, мог быть знаком по католическому обществу с Люблинским, а через него с Петром Борисовым.) И так оказался в Славянском обществе. Что он там делал, кроме того, что мечтал вместе с прочими о Великом Пре-

образовании Вселенной, мы не знаем. Но именно у него при аресте будет изъят каллиграфически написанный текст «Правил соединённых славян», датированный 3 мая 1825 года, и обрывок текста присяги этого превыспреннего общества.

Фрагмент присяги, подшитый к делу Выгодовского:

«…Сей меч, настигая виновного, пускай покроет его ранами и бесславием и, собравши на главу того все тягости физических и нравственных зол, и напечатлеют на сем челе печать отвержения от целой природы».

Из «Правил», заключительный 17-й пункт (без «ё»):

«Желаешь иметь сие, соединись с твоими братьями, от которых невежество отцов твоих тебя отлучило, желаешь все сие иметь, будешь жертвовать десятою частью годовых твоих доходов и будешь обитать в сердцах друзей твоих. Дух рабства показывается натурально надменным, подобно как дух вольности бодрым, а дух истинной великости простым. Вот что вы наблюдать должны».

Чем бы ни вдохновлялся интеллигент-разночинец в Обществе соединённых славян, всё это утратило значение в сентябре 1825 года. Братство

мечтателей превратилось в военный заговор, которому не нужны штатские философы. Но имя Выгодовского прозвучало в показаниях Андрея Борисова и Горбачевского.

После каторги, с лета 1828 года жил на поселении в Нарыме Томской губернии. От этого времени сохранилась небезынтересная канцелярская переписка. Ссыльный Выгодовский в связи с отсутствием средств к существованию просит вернуть ему отобранные при аресте 250 рублей, причём прошение написано на французском языке, однако оные средства годом ранее были возвращены отцу его Тимофею Дунцову. После некоторых проволочек Выгодовскому назначено пособие: 132 рубля 50 копеек ассигнациями в год.

О жизни его в Нарыме практически ничего не известно. Он вообще как бы пропал. О нём забыли надолго: на четверть века.

В 1854 году имя Выгодовского вновь замелькало на листах надзорных и судебных дел. Что именно случилось — не совсем ясно. Очевидно, сохранил Павел Фомич (или Тимофеевич) волю к борьбе за всеобщее счастье. Согласно рапорту генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда от 24 февраля 1855 года, указанный ссыльный

«за ослушание и дерзость против местного начальства» и за «употребление им в официальной жалобе оскорбительных насчёт некоторых должностных лиц выражений» предан суду и заключен в тюрьму в Томске. В III Отделение отправились 3588 листов его рукописей, написанных всё тем же писарским каллиграфическим почерком и «наполненных самыми дерзкими и сумасбродными идеями о правительстве и общественных учреждениях, с превратными толкованиями некоторых мест Св. Писания». Там листы сии сгинули.

Приговор Томского суда был утверждён в июне 1855 года, чуть более чем за год до амнистии декабристам. В отличие от прочих, Дунцов-Выгодовский отправился не на запад, а на восток: местом новой ссылки ему был определён Вилюйск. Там следы его, возможно, затерялись бы, если бы не одно неожиданное обстоятельство. В 1871 году туда же, в Вилюйск, был направлен политический ссыльный новой волны — литератор Николай Чернышевский. Дабы избежать пагубного контакта поколений, семидесятилетнего Выгодовского переселили из Вилюйска в Урик, где когда-то жила бурной жизнью большая колония декабристов, а теперь только память о

них вспыхивала искрами в рассказах местных жителей.

Но в Урике старик не прижился. Последние годы жизни провёл в Иркутске, где добрый поляк, ксёндз Швермицкий, приютил его при костёле Девы Марии.

Там он и умер — последний декабрист в Сибири — по одним данным, 12 декабря 1881 года, по другим — в 1886 году.

Заключительное слово
О закономерностях и случайностях

Мы наконец положили обратно на полку последнее из намеченных к пересмотру дел. Взглянув на календарь, с интересом обнаружили, что там написано: 13 июля 2025-го. Год двухсотлетия восстания и дата казни декабристов, правда по новому стилю. Это получилось совершенно случайно. Совпадение.

Получили ли мы ответы на интересующие нас вопросы?

Не уверен.

С полной определённостью мы выяснили только то, что декабристы были люди беспокойные. Родным и близким приходилось с ними несладко.

Надо сказать, и нам было очень трудно писать о декабристах.

Тому есть три причины.

Причина первая — ужасная идеологизированность темы.

Начиная с первых газетных публикаций о

«происшествии 14 декабря» и вплоть до нашего времени всё, или почти всё, связанное с декабристами, рассматривалось через призму той или иной идеологии. Идеологических схем было три: самодержавная, либеральная и советская. В самодержавной схеме декабристы — преступники, изменники или безумцы, проникнутые чуждым русскому народу иноземным духом, разрушители государства Российского. В схеме либеральной они — герои — провозвестники свободы, рыцари без страха и упрёка, борцы за права человека. В советской концепции классовой борьбы им отведено место почётное, но несколько обидное: они — революционеры дворянские, то есть неполноценные; они хотели хорошего и шли путём прогресса, за что их надобно хвалить, но в силу своей классовой природы ничего не могли сделать как следует; их роль — проторить путь следующим, более правильным поколениям революционеров.

Эти схемы, взаимодействуя на протяжении двух столетий, въелись в наше общее сознание и исказили зрение. Нужно приложить немало усилий, чтобы увидеть декабристов такими, какими они были на самом деле: живыми, а не медальными, не картинными, не карикатурными и не

зализанными, как на гравюрах Питча.

Вторая причина трудностей заключается в источниках исторической информации. Их великое море, и обнаруживаются новые, и многие ещё таятся в архивах. Но все они врут… Нет, лучше выразимся корректно: очень многие источники информации о декабристском движении и о событиях, с ним связанных, заведомо искажают истину. Понятно, что лукавят материалы следственных дел: подследственные стремятся оправдать себя, следствие же нисколько не озабочено установлением истины, а только занято подбором достаточных обоснований для осуждения. Но и другие нарративные источники не менее, если не более затуманивают картину. Вот мемуары. К общему пороку мемуарного жанра (автор всегда видит прошлое не таким, каким оно было, а таким, каким хочет, чтобы оно было) добавляются идеологические искажения и не угасшие эмоции. Ненависть клокочет в записках Николая I, негодованием и скорбью дышат воспоминания его сторонников. Мемуары самих декабристов и их близких в большинстве случаев проникнуты пафосом самооправдания и самовосхваления. Откровенно апологетический характер присущ, например, «Запискам» Розена,

который с одинаковой убеждённостью пишет о том, что видел своими глазами, и о том, про что узнал из третьих-четвёртых уст, и во всём утверждает несокрушимую правоту своих соратников. Другие, как, скажем, воспоминания Горбачевского или Якушкина, имеют весьма запутанную историю написания и публикации, и невозможно точно установить, что в них принадлежит автору, а что является следствием позднейшей идеологической редактуры. И все они очень часто выдают желаемое за действительное и слухи передают как достоверные факты.

Нельзя полагаться и на такой обычно незамутнённый источник, как письма. Переписка декабристов перлюстрировалась не только после суда (поначалу на каторге она была и вовсе запрещена), но и до восстания, причём в руках правительства могли оказаться даже письма, отправленные не по почте, а с оказией: яркий пример — письмо Вадковского Пестелю, переданное через Шервуда. Авторы и адресаты прекрасно знали, что в их письма заглядывают чужие глаза. Поэтому в эпистолярном наследии декабристов содержится много ценной бытовой информации и очень мало сведений об их деятельности и об образе мыслей.

Есть и ещё одна проблема, связанная с источниками. Они публиковались (или не публиковались) под влиянием вышеназванных идеологических установок. То, что не укладывалось в идеологическую схему, зачастую отбрасывалось и замалчивалось. Особенно это касается личной жизни и религиозных взглядов декабристов. В рамках идеологических схем они или герои, или злодеи. Ни у злодея, ни у героя не может быть нормальной личной жизни с её простенькими, неказистыми, порой комичными деталями; в плане же религиозном тот и другой могут быть лишь безбожниками или богоборцами. Если же обнаружится факт, показывающий иное, лучше отложить его в сторону и забыть о нём, дабы не портить картину. Романтические похождения Рылеева, отвергнутое сватовство Пестеля, библейские штудии Фонвизина, православное музицирование Свистунова, католические вдохновения Лунина — это и многое подобное вычёркивалось из канонической повести о героях/злодеях 14 декабря. Любовь и вера декабристов в истинном, не раскрашенном романтическими красками обличье лишь недавно стали безбоязненно выглядывать из архивной тьмы.

Но две вышеназванные причины возникших у

нас трудностей — ничто по сравнению с третьей.

Третья, и главная, причина заключается в том, что мы очень плохо понимаем декабристов — их нравственные ориентиры, их поведенческий код. Как не понимаем и царя в его неумолимом преследовании давно поверженных противников. Декабристы и царь говорят на неведомом нам языке, подобно тому как масоны общаются при помощи таинственных символов. Мотивы их поступков, причины обид, поводы гордиться и гневаться, совершенно очевидные для них и людей их круга, невнятны нам, непосвящённым. За что Якубович возненавидел Александра I? Кем представлял себя в грядущем государственном устройстве Трубецкой? Почему целенаправленно стремился к погибели и гнал туда же других расчётливый Рылеев? Что вдохновляло в заговоре и что мучило блистательных кавалергардов? Как сочетались в этих благородных головах стремление к нравственному совершенствованию и намерение истребить всё царское семейство от мала до велика? И в конце концов — чего все они хотели добиться?

Цели их жизненных устремлений скрыты от нас в историческом тумане. И нам время от времени начинает казаться, что всё декабристское

движение — хаотичное столкновение характеров, взглядов, амбиций, вереница ошибок и случайных стечений обстоятельств.

Случайного в истории декабристского феномена действительно много.

Не раз, распутывая узелки этих замысловато переплетающихся событий и судеб, мы задавались дурацким вопросом: «А что было бы, если бы?»

Вот Пестель — посватался бы к Валевской в более удачный момент, когда красавица скучала и, желательно, до неприятной отставки Пестеля-отца. Сватовство, вполне вероятно, было бы благосклонно принято, сын сибирского генерал-губернатора женился бы на прекрасной Изабелле, обзавёлся детьми, озаботился хозяйством и карьерой, как это сделает чуть позже его брат Владимир… Забыл бы о заговоре.

Или, допустим, не случилась бы «семёновская история» или случилась бы, когда государь находился дома, в Петербурге, а не раскладывал сложный политический пасьянс в моравской Опаве. Не раздулось бы из пустяка великое дело, обиженные офицеры не разлетелись бы по армейским полкам, не оказался бы Сергей Муравьёв-Апостол в Черниговском полку, Бестужев-Рюмин — в Полтавском, Тютчев — в Пензенском. Не было бы

никакого заговора в 1-й армии.

Или разминулись бы в Лещинском лагере Мишель Бестужев и капитан Тютчев, не встретились бы, не успели бы поговорить по душам. «Соединённые славяне» не слились бы в едином порыве с Васильковской управой Южного общества, и заговор с клятвой на образе не состоялся бы.

Или Рылеев заболел бы «горловою жабой» чуточку попозже и посильнее. И 12–13 декабря провалялся бы в постели в жару или вовсе без чувств. Ведь северные заговорщики, не подхлёстываемые им, пожалуй, не рискнули бы выступить.

Ну и, конечно, самое главное: а что, если бы Александр I не умер так загадочно и внезапно? По мнению окружающих, он был совершенно здоров, когда выезжал и Петербурга в Таганрог, и даже тогда, когда из Таганрога отправился в путешествие по Крыму.

Правда, мы несколько сомневаемся в его цветущем на тот момент здоровье. Нам кажется, что он давно уже чувствовал ухудшение телесного состояния, но тщательно скрывал это от всех, в том числе от врачей. После великого петербургского наводнения, случившегося 7 ноября 1824-го, он как будто теряет жизненную энергию. Весь

этот год… (А ведь любопытно, что 7 ноября по старому стилю — это 19 ноября по новому: цифры совпадают с датой его смерти…) Так вот, весь этот год он странно недеятелен, апатичен — как раненый, который ещё не знает глубины и опасности своего ранения: идёт с поля боя осторожно, не делая резких движений, в сторону лазарета. Но состояние здоровья самодержца есть великая тайна, раскрытие которой чревато большими политическими потрясениями. И он делает вид, что совершенно здоров, и отправляется на юг под предлогом лечения больной жены (с которой давно уже не близок), дабы поискать себе самому исцеления.

Вот почему он темнит в вопросе престолонаследия. Вот почему он так нерешителен с заговорщиками. Он уже почти собрал перед своим мысленным взором мозаику заговора, но до последнего момента медлит с принятием необратимых решений. Он боится задеть больные струны в себе и в окружающем пространстве. Он думает, что успеет. Он не знает, что до кончины остаются не месяцы и не недели, а считаные дни…

Он держит палец на спусковом крючке. Но решающее движение сделает за него смертная

судорога.

Впрочем, это только наши догадки и предположения.

А если бы он тогда не умер?

Странно, но мало кто из декабристов задавался этим вопросом. Они этот вопрос старательно игнорировали, как будто чего-то боялись. Не побоялся на старости лет поставить его ребром нестандартный человек князь Сергей Волконский. Он в мемуарах прямо заявляет, что царь, если бы остался жив, ни за что не поднял бы шум по поводу насквозь известного ему заговора, а постарался бы ликвидировать его потихоньку. Арестовали бы нескольких ключевых деятелей тайных обществ (их всех император прекрасно знал), без лишнего шума засадили бы в какую-нибудь крепость, ещё пару десятков человек сослали бы куда подальше, и тем бы дело кончилось.

То есть не умри Александр I именно там и тогда — ничего бы и не было. Ни стрельбы на Сенатской площади, ни отчаянных шараханий Черниговского полка, ни рухнувшей виселицы на кронверкском валу, ни утопших, ни забитых шпицрутенами, ни спятивших с ума, ни жён декабристов, ни, наконец, самих декабристов. А кто был бы? Обыкновенные люди с заурядными

судьбами?

И Пушкин не написал бы послание в Сибирь, и Герцен не выпустил бы свою «Полярную звезду» с портретами пяти повешенных, и не было бы того бесконечного шлейфа событий, который тянется от восстания на Сенатской площади, как хвост от ядра кометы.

Какая-то вообще была бы другая история.

Но — неужто всё в мире так зависит от случая?

Неужто нет во всём этом разумной закономерности?

Нахмурив брови и сделав серьёзное лицо, мы попытаемся высказать наше понимание закономерности декабристского феномена.

На протяжении трёх столетий Московское, а затем Российское государство росло во всех аспектах — этническом, территориальном, политическом, хозяйственном, духовном, культурном. Процесс этот обеспечивали три динамично взаимодействующие составляющие: православная церковь, самодержавная власть, сословно-иерархический строй, возглавляемый дворянством. Однако рост порождает проблему управляемости. Конфликт по вопросу «кто главный?» породил на рубеже XVII и XVIII веков кризис в отношениях между церковью и двумя другими компонентами

системы, проявившийся в церковном расколе и завершившийся синодальной реформой Петра I. Церковь перестала быть самостоятельной действующей силой государственного строительства, а нагрузка, ею несомая, оказалась переложена на верхнюю ступень сословной иерархии — дворянство.

Такое решение вопроса повысило управляемость системы и обеспечило ещё целое столетие всестороннего роста. Но перераспределение нагрузки создало новые напряжения. Дворянство, ответственное теперь за всё — мечи, орала, судебные весы и поэтические перья, — стало уставать от своей исключительной роли и от сурового режиссёра — самодержавной власти. Самодержавная власть очень много требует от дворянина и слишком мало даёт взамен. Самодержавная власть не хочет (или не может) решить главную проблему дворянина: обеспечение достойного будущего его потомства и славу рода. А род умножается, и обеспечение его будущности становится всё более проблематичным.

Декабристский феномен в этом контексте есть не что иное, как надлом сословной системы, на которую опиралось самодержавие. Ведущее сословие — дворянство — раскололось от перена-

пряжения, подобно тому как ранее раскололась русская церковь, и отколовшаяся часть попыталась уничтожить самодержавную власть. Самодержавие устояло и победило, но лишилось надёжной опоры. На дворянство полагаться отныне стало невозможно (самодержцу так и не удалось искоренить раскол и полностью иссечь вольнодумную заразу из сословного организма), а другие сословия непригодны для той роли, которую ранее играло дворянство. Самодержавие будет балансировать на шатких подпорках, всё более теряя устойчивость, ещё почти столетие, пока новый революционный кризис не взорвёт его вместе с остаточными конструкциями прежней российской государственности.

Кажется, мы это очень ловко сформулировали. Вера в историческую закономерность восстановлена.

Впрочем, не до конца. Всё равно в декабристской пьесе остаётся много необъяснимого. Какие бы законы исторического развития ни выводило наше сознание, они всё равно не объясняют, отчего милый растяпа Кюхля наводил свой подмокший пистолет на бледного всадника в шляпе с плюмажем и что хотел он этим своим действием доказать. И зачем чья-то рука смахнула порох

с пистолетной полки. А если бы не смахнула?

Случайность есть непосредственное явление Божьей воли.

Поэтому у нас продолжает что-то свербеть в душе.

Зачем всё это было нужно Творцу истории?

Неужто ради того, чтобы эти 120 образов, плюс ещё несколько десятков, им сопутствующих, не исчезли в равнодушном тумане прошлого, а запечатлелись в акварелях и гравюрах, в стихах, прозе, спектаклях, фильмах и песнях — в исторической памяти и культурном коде русскоговорящих поколений?

Ради того, чтобы рукописи Кюхельбекера не пошли на растопку печек и на обёртку для селёдок и чтобы мы время от времени собирались вместе и декламировали его неуклюжие стихи, глядя в чёрный проём окна, где когда-то мелькала его фигура…

Хронология основных событий[295]

1801, 11 марта — смерть императора Павла I в результате дворцового переворота; вступление на престол Александра I.

1805–1807 — участие России в войне с наполеоновской Францией (войны III и IV коалиций). Военные действия на территории Австрийской империи и королевства Пруссия.

20 ноября / 2 декабря 1805 — сражение при Аустерлице (совр. Славков в Чехии). 26–27 января / 7–8 февраля 1807 — сражение при Прейсиш-Эйлау (совр. Багратионовск, Калининградская область, Россия). 2/14 июня 1807 — сражение при Фридланде.

1806–1812 — война с Турцией; присоединение к Российской империи Бессарабии (совр. Молдавия).

1808–1809 — война со Швецией; присоединение к Российской империи Финляндии.

---

[295] Примечания: 295

Даты событий, происходивших в России, даются по юлианскому календарю (старому стилю); происходившие в Европе — по григорианскому и юлианскому календарям.

1812 — Отечественная война с наполеоновской Францией и её союзниками.

12 июня — вторжение Великой армии Наполеона в Россию.

4–6 августа — Смоленское сражение.

26 августа — Бородинское сражение.

3 сентября — 8 октября — Наполеон в Москве.

Октябрь–декабрь — отступление и гибель Великой армии.

1813–1814 — Заграничный поход русской армии; война с Францией в составе VI антифранцузской коалиции.

17–18 / 29–30 августа 1813 — сражение под Кульмом.

4–7 / 16–19 октября 1813 — сражение под Лейпцигом (Битва народов).

19/31 марта 1814 — вступление русской армии в Париж.

1814, июль–октябрь — возвращение гвардии в Петербург из Заграничного похода.

1815 — присоединение Великой Польши (Царства Польского) к Российской империи, провозглашение Конституции Царства Польского.

Образование Отдельного грузинского корпуса (позднее — Отдельный кавказский корпус) для ведения военных действий на Кавказе.

1816, предположительно 9 февраля — образование Союза спасения.

1817, сентябрь — совещание участников Союза спасения в Москве, обсуждение планов убийства Александра I («московский заговор»).

Октябрь — учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения («сугубое министерство» князя А. Н. Голицына).

1818, январь — образование Союза благоденствия.

Май — назначение П. Х. Витгенштейна главнокомандующим 2-й армией (штаб-квартира в Тульчине).

1820, октябрь–декабрь — «семёновская история»: выступление солдат лейб-гвардии Семёновского полка против полкового командира; переформирование полка и перевод офицеров полка из гвардии в армию.

1821, январь — съезд Союза благоденствия в Москве, объявление о его роспуске.

Февраль–март — образование Южного общества.

Апрель — выступление гвардии и армии в поход к западной границе Российской империи.

Март–июнь. Антитурецкое восстание в Дунайских княжествах под предводительством

Александра Ипсиланти.

1822 — возвращение гвардии из похода, указ Александра I о запрете тайных обществ.

1821–1823 — попытки создания тайного общества в Петербурге и в гвардии. Образование Северного общества.

1823 — образование Общества соединённых славян в 1-й армии.

Манёвры и смотры в 1-й и 2-й армиях в присутствии Александра I.

1824, февраль–март — переговоры между руководителями Северного и Южного обществ об объединении. Образование петербургского отделения Южного общества.

Отставка А. Н. Голицына и упразднение «сугубого министерства»; укрепление влияния А. А. Аракчеева.

7 ноября — катастрофическое наводнение в Петербурге.

1825, весна — организационное оформление Общества соединённых славян.

Весна–лето — выработка в Южном и Северном обществах планов военного переворота на 1826 год.

Август–сентябрь — манёвры 3-го пехотного корпуса («Лещинские лагеря»); объединение Юж-

ного общества и Общества соединённых славян.

1 сентября — отъезд Александра I из Петербурга на юг.

Лето–осень — донесения властям о тайных обществах и их планах от И. В. Шервуда, А. К. Бошняка, И. О. Витта.

19 ноября — смерть Александра I в Таганроге.

25 ноября — донесение А. И. Майбороды о планах и составе Южного общества.

27 ноября — присяга императору Константину Павловичу в Петербурге. Оглашение в Государственном совете манифеста Александра I о передаче прав наследования престола Николаю Павловичу.

12 декабря — манифест о вступлении на престол Николая I и назначение новой присяги на 14 декабря.

11–13 декабря — первые аресты участников Южного общества.

12–13 декабря — совещания участников Северного общества; принятие решения о вооружённом выступлении.

14 декабря — вооружённое выступление в Петербурге и его провал.

14–15 декабря — аресты ключевых участников событий 14 декабря и первые допросы в Зимнем

дворце.

17 декабря — учреждение Тайного комитета для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года.

1825, 28 декабря — 1826, 3 января — мятеж в Черниговском полку и его подавление.

1 июня — учреждение Верховного уголовного суда.

5 июля — вынесение Верховным уголовным судом приговоров 120 участникам тайных обществ.

10 июля — указ Николая I о пересмотре и смягчении приговоров, вынесенных Верховным уголовным судом членам тайных обществ.

12 июля — оглашение приговора осуждённым.

Ночь с 12 на 13 июля — смертная казнь пяти осуждённых вне разрядов. Гражданская казнь осуждённых с лишением чинов и дворянства.

22 августа — указ о смягчении наказаний в связи с коронацией.

1827–1830 — отбывание декабристами каторги в Читинском остроге.

1830–1839 — отбывание декабристами каторги в Петровском заводе (ныне Петровск-Забайкальский).

1832, 8 ноября, и 1835, 14 декабря — указы о

смягчении наказаний декабристам.

1839, 10 июля — указ об освобождении оставшихся на каторге декабристов от каторжных работ и обращении их на поселение.

1855, 18 февраля — смерть императора Николая I.

1856, 26 августа — манифест Александра II в день коронации, содержащий положение о прощении государственных преступников и восстановлении их в правах.

Литература

14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999.

14 декабря 1825 года и его истолкователи. М., 1994.

Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988.

Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897.

Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882.

Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991.

Воспоминания Бестужевых. М., Л., 1951.

Восстание декабристов: документы и материалы. Т. 1–23. М.; Л., 1925–2016.

Габаев Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. // Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926.

Гордин Я. А. Декабристы. Мятеж реформаторов. Изд. дополненное и исправленное. СПб., 2023.

Греч Н. И. Воспоминания о моей жизни. М., 1990.

Декабристы: Актуальные направления исследований. Сборник статей и материалов / Сост.,

отв. ред. П. В. Ильин. СПб., 2014.

Декабристы: биографический справочник. М., 1988.

Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.

Декабристы. Новые материалы. М., 1955.

Зильберштейн И. С. Николай Бестужев и его живописное наследие. История создания портретной галереи декабристов. М., 1956. (Литературное наследство. Т. 60. Кн. 2: Художественное наследие и иконография декабристов).

Киянская О. И. Пестель. М., 2005.

Киянская О. И., Готовцева А. Г. Рылеев. М., 2013.

Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857.

Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Междуцарствие и восстание декабристов в воспоминаниях и переписке членов царской семьи. М., 2024.

Модзалевский Б. Л. Роман декабриста Каховского. Л., 1926.

Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М., 1975.

Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007.

Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000.

Пущин И. И. Сочинения и письма. М., 1999.

Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2007.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825. М., 1989.

Рылеев К. Ф. Полное собрание сочинений. М., 1934.

Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I. Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990.

Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1–2. Иркутск, 1983.

Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898.

Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903.

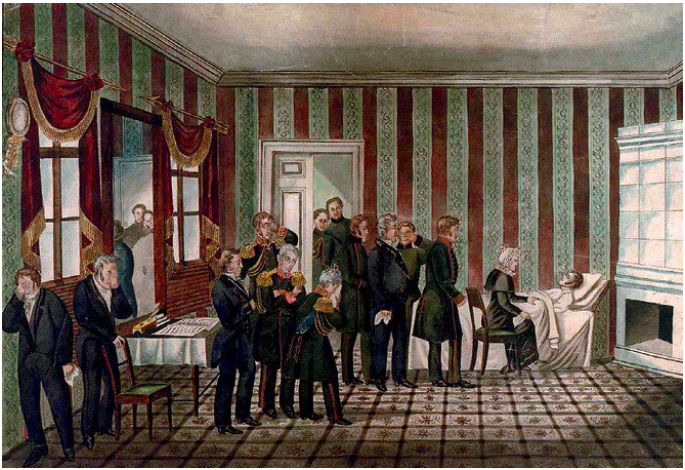
Эдельман О. В. Следствие по делу декабристов. М., 2010.

Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьёве-Апостоле. М., 1988.

Якушкин И. Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993.

Вкладка

Император Александр I.
Литография Ш. Л. Базена.
1820–1830-е



Кончина Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 года.

Литография. 1826

Император Николай Павлович.

Литография И. П. Фридрица с оригинала Дж. Доу. 1826

Вид печальной процессии 6 марта 1826 года в Санкт-Петербурге. (Похоронная процессия императора Александра I.)

Литография К. П. Беггрова. 1826

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ С. П. БУРГСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ № 100.

ВТОРНИКЪ ДЕКАБРЯ 15 ДНЯ.

1825.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

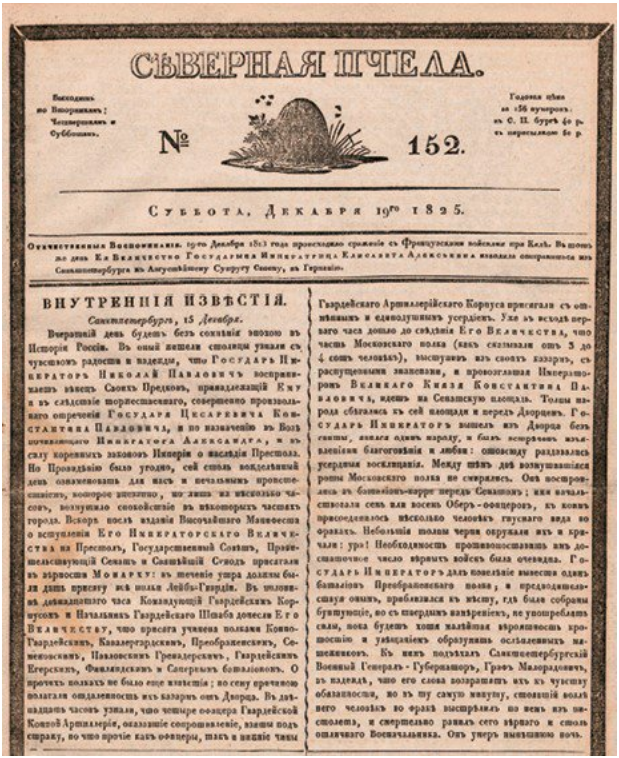
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

14-го Декабря.

Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ Исторіи Россіи. Въ оный жители Столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ воспринимаетъ вѣнецъ СВОИХЪ Предковъ, принадлежащій ЕМУ, и въ слѣдствіе торжественнаго, совершеннаго произвольнаго отреченія Государя Цесаревича КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, и по назначенію въ Богѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи Престола. Но Провидѣнію было угодно, сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое желаніе, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго Манифеста о вступленіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сѵнодъ присягали въ вѣрности МОНАРХУ: въ теченіи утра должны были дать присягу всѣ полки Лейбъ-Гвардіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ Гренадерскимъ, Гвардейскимъ Егерскимъ, Финляндскимъ и Саперными баталіонами. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; но сему причиною неприсоединилось нѣсколько человѣкъ гвардейскаго вида въ фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость пронаправленія ихъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полку, и предводительствуя онымъ приближился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе; но съ нанесеніемъ наименѣе не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостію и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ Санктпетербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ, но пулею, что его слова возвращаютъ имъ къ чувству обманщики, но въ ту самую минуту стоявшій возлѣ него человѣкъ въ фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго Военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Твердость и милость равнодѣйственно оказывались къ сильнымъ нѣсколько разъ по ЕГО повелѣнію увѣщаемымъ возмутившимся. ГОСУДАРЬ призывалъ ихъ къ долгу и смиренію, но не внимая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самою скорою покорностію, должно свершить необходимо и въ семъ случаѣ послѣдовать примѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО далъ приказаніе бывшій въ карауль у Дворца полкъ Финляндскій Егерскій усилить Саперными баталіонами, а полкамъ Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павлов-



СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Выходитъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

№ 152.

Годовая цѣна за 156 нумеровъ: въ С. П. бурѣ 40 р. съ пересылкою 50 р.

Суббота, Декабря 19го 1825.

Отечественныя Воспоминанія. 19го Декабря 1813 года происходило сраженіе съ Французскими войсками при Кель. Въ этотъ же день Ея Величество Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна изволила отправиться изъ Санктпетербурга въ Августейшему Супругу Своему, въ Германію.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургъ, 15 Декабря.

Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ Исторіи Россіи. Въ оный пошли столицы узнали съ чувствіемъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ воспринялъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему и въ слѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Волѣ почившаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи Престола. Но Провидѣнію было угодно, сей самый вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое потрясло, но лишь на нѣсколько часовъ, волнуемое спокойствіе въ вѣковечныхъ часахъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго Манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сѵнодъ присягали въ вѣрности Монарху: въ теченіе утра должны были дать присягу всѣ полки Лейбъ-Гвардіи. Въ половинѣ девятаго часа Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присягу учинили полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ Гренадерскимъ, Гвардейскимъ Егерскимъ, Финляндскимъ и Сапернымъ баталіономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія: но сему причиною полагали отдаленность ихъ казарменъ отъ Дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре офицера Гвардейской Конной Артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, по чему прочіе изъ офицеры, шли в полкіе часы Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса пригнали съ оными и одновлушныхъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до сѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (всѣхъ сихъ числомъ отъ 3 до 4 сотъ человѣкъ), выступивъ изъ своихъ казармъ, съ распущеннымъ знаменемъ, и провозглашая Императора Великаго Князя Константина Павловича, идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ Дворцемъ. Государь Императоръ вышелъ изъ Дворца безъ свиты, какъ одинъ изъ народа, и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: сопровождаемый раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ дѣй возмутившіеся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построились въ баталіонъ-каре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь Обѣръ-офицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида по одежѣ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полка, и предводительствуя онымъ, приближался къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе, но съ намѣреніемъ кавалеріею, не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостію и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ Санктпетербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности, но въ ту самую минуту, стоявшій возлѣ него человѣкъ въ фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета, и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь ополченнаго Воинаначальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сообщение в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» (от 15 декабря 1825 года) и «Северная пчела» (от 19 декабря 1825 года) о «печальном происшествии» 14 декабря, омрачившем воцаре-

ние Николая I

Н. И. Тургенев.

Литография Зенефельдера с оригинала М. Антонена. Не позднее 1821

С. П. Трубецкой.

Фототипия с утраченной акварели Н. А. Бестужева (Читинский острог, 1828–1830)

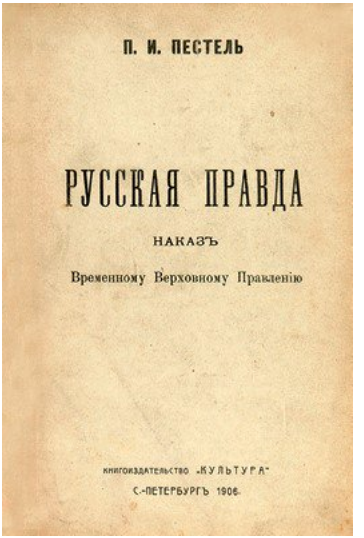
Санкт-Петербург. Дом Лавалей (Английская набережная, дом 4).

Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/ vserg48

П. И. Пестель.

С недавно атрибутированного прижизненного портрета, находящегося в частной коллекции

Н. М. Муравьев.
Гравюра с оригинала П. Ф. Соколова. 1840-е



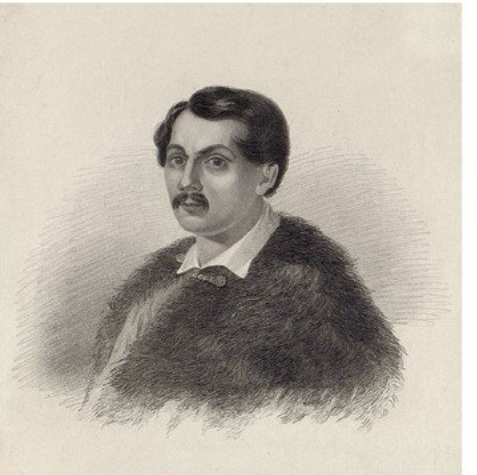
Титульный лист «Русской правды», изданной в 1906 году

Титульный лист сборника К. Ф. Рылеева «Думы». *1825*

К. Ф. Рылеев.

Портрет работы неизвестного художника. 1820-е

© Всероссийский музей А. С. Пушкина

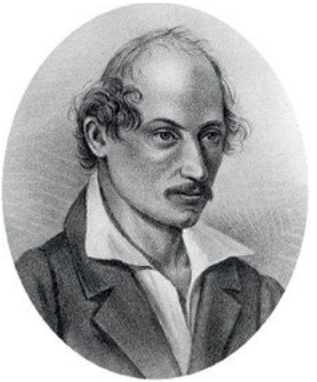


А. А. Бестужев (Марлинский). *Литография с оригинала неизвестного художника.*
Вторая треть XIX века

Здание Российско-американской компании (набережная реки Мойки, дом 72).

Современная фотография (здание перестроено).

Shutterstock/FOTODOM/BestPhotoPlus



М. К. Кюхельбекер. *Фототипия с акварели Н. А. Бестужева 1831 г. 1906*

В. К. Кюхельбекер.
Гравюра И. И. Матюшина с оригинала П. Л. Яковлева. 1820-е

Вильгельм Кюхельбекер и Кондратий Рылеев на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.
Рисунок А. С. Пушкина. 1826 (?)

© Всероссийский музей А. С. Пушкина

А. И. Якубович.
Акварель П. А. Каратыгина. 1825
© Всероссийский музей А. С. Пушкина

Карл Иванович Кольман.

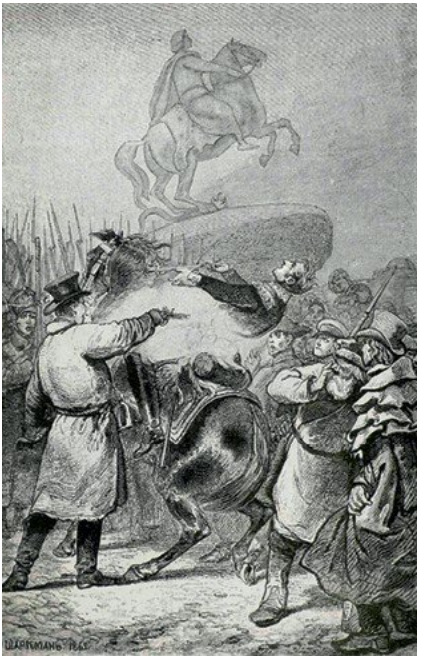
«Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года».

Российская империя. 1830-е. Бумага, акварель, белила. 32,8 × 47 см

© (ГИМ 23812ш/3. И II 2088). Государственный исторический музей

Великий князь Михаил Павлович. *Литография с оригинала Дж. Доу (до 1826). XIX век*

Граф М. А. Милорадович. *Литография П. Бореля с оригинала Дж. Доу (1819–1821). 1860-е*



Выстрел Каховского.

Гравюра А. Ф. Паннемакера с оригинала А. И. Шарлеманя. 1862

А. М. Муравьев.

Литография с оригинала П. Ф. Соколова. Середина XIX века

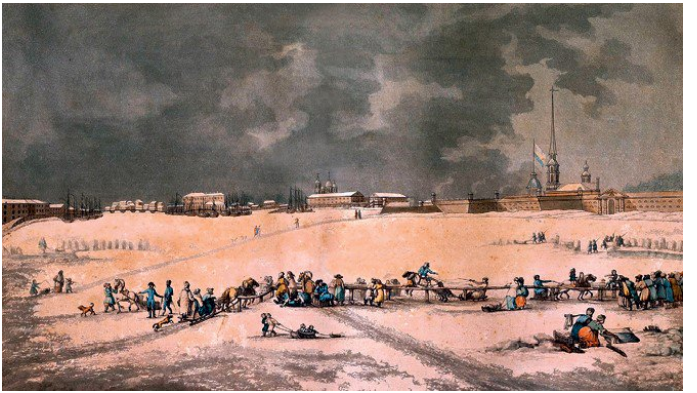
А. И. Одоевский.
Портрет работы М. И. Теребенева. 1824
© Всероссийский музей А. С. Пушкина

Атака лейб-гвардии Конного полка на каре декабристов 14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

Гравюра с оригинала В. Ф. Тимма (1853). Начало XX века

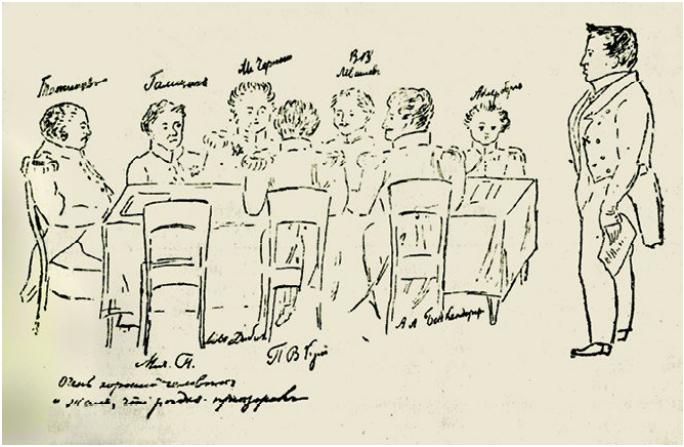
В. И. Штейнгель.
Фототипия с оригинала О. Г. Эстеррейха (1823). Начало XX века

Г. С. Батеньков.
Литография К. А. Зеленцова. 1822



Вид на Петропавловскую крепость зимой.
Гравюра М. Ф. Дамам-Демартре. 1811

М. М. Сперанский.
Гравюра Т. Райта. Около 1839. Фрагмент



Заседание Следственной комиссии. Изображены слева направо:

военный министр А. И. Татищев (председатель), князь А. Н. Голицын, генерал-адъютант А. И. Чернышев, петербургский военный генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов, генерал-адъютант В. В. Левашов, генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, флигель-адъютант В. Ф. Адлерберг; пустой стул — место великого князя Михаила Павловича.

Стоит, вероятно, один из секретарей.

С рисунка делопроизводителя А. А. Ивановского (?). *1826*

С. Г. Волконский.

Фототипия с оригинала Дж. Доу (1822). Начало XX века

Дом Волконских (набережная реки Мойки, дом 12; Музей-квартира А. С. Пушкина).

Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/ Mistervlad

М. И. Муравьев-Апостол. *Литография с оригинала Н. И. Уткина (1823–1824). 1906*

С. И. Муравьев-Апостол.

Литография А. Т. Скино с оригинала Н. И. Уткина (вторая половина 1810-х). 1858

Усадьба Муравьевых-Апостолов (Москва, улица Старая Басманная, дом 23/9).

Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/ smith371

М. С. Лунин.

Литография А. Т. Скино с оригинала П. Ф. Соколова (1822). 1852

И. Д. Якушкин.

Фототипия с оригинала И.-Е. И. Вивьена де Шатобрена (1823). 1905

Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

С фотографии XIX века

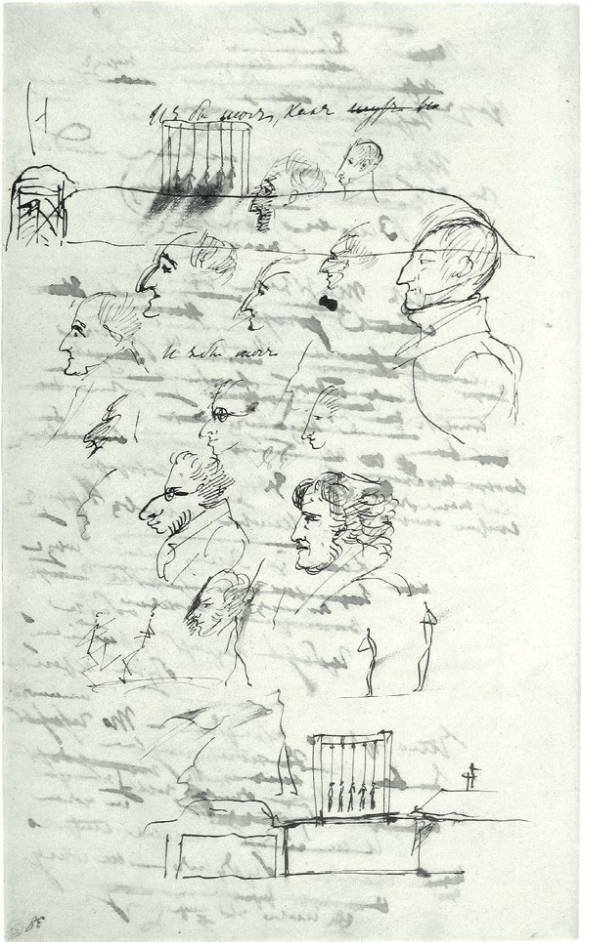
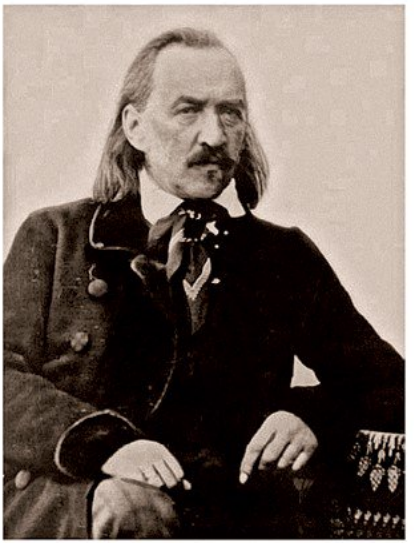
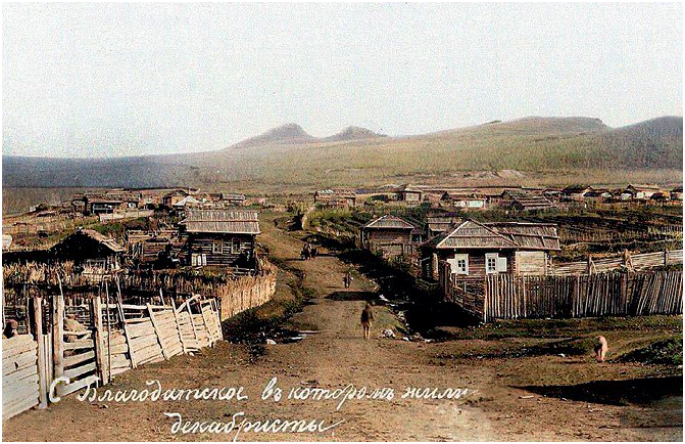


Рисунок А. С. Пушкина, изображающий казнь пятерых декабристов. Сверху надпись: «И я бы мог, как шут ви[сеть]». *После 13 июля 1826*



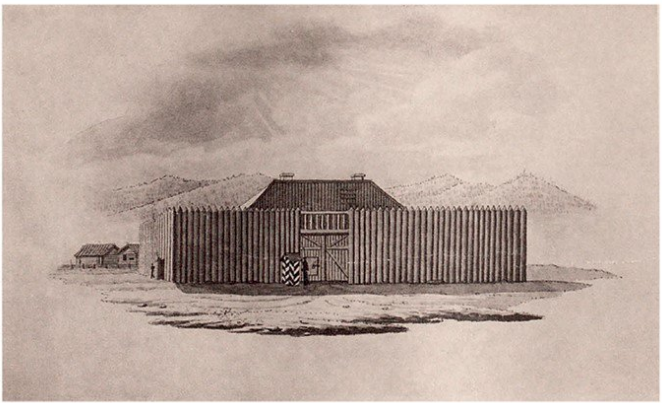
С. Г. Волконский.
Дагеротип А. Давиньона. 1845

Е. П. Оболенский.
С фотографии 1860-х



Благодатский рудник. *Раскрашенная фотография. Конец XIX века*

Благодатский рудник. Дом, где жили княгини М. Н. Волконская и Е. И. Трубецкая. *Фото. 1889*

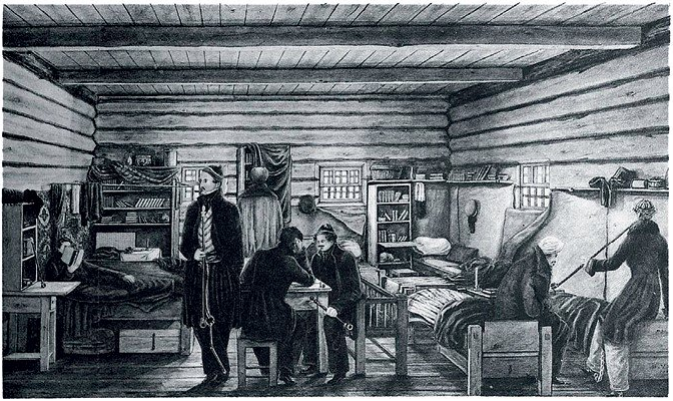


Чита. Наружный вид тюрьмы. *Литография. 1904*

М. Н. Волконская.

Акварель Н. А. Бестужева. Читинский острог, 1828

© Всероссийский музей А. С. Пушкина



Камера декабристов в читинском остроге.

Цинкография с оригинала Н. П. Репина (1829). Начало XX века

Чита. Михайло-Архангельская церковь, в которой в 1828 году венчались И. А. Анненков и П. Гёбль, в 1839 году Д. И. Завалишин и А. С. Смольянинова.

Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/ Gennadiy Solovyev

И. А. Анненков

Литография П. С. Смирнова с оригинала О. А. Кипренского (1823). 1861. Фрагмент

П. Е. Анненкова

Фототипия с портрета работы Н. А. Бестужева (начало 1830-х). Начало XX века

Н. А. Бестужев.

Фототипия с автопортрета (Петровский завод, 1837–1839; художник изобразил себя пишущим портрет брата Михаила).

Начало XX века

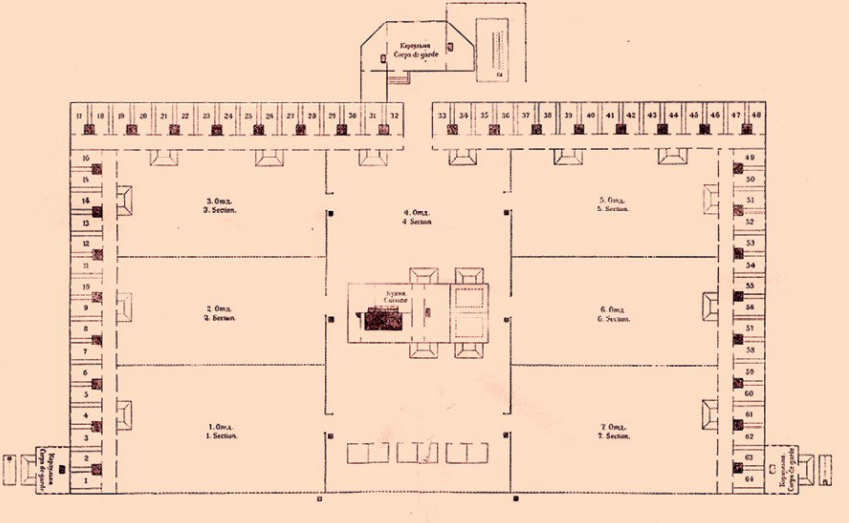
Петровский завод и острог. *Акварель Н. А. Бестужева. 1834.*

На первом плане справа фигуры двух мужчин — стоящего (конвойного) и сидящего на земле с планшетом на коленях (Бестужев изобразил себя).

Надпись сделана рукой А. Е. Розена. © Всероссийский музей А. С. Пушкина

Планъ каземата въ Петровскомъ заводѣ.

Plan de la prison à l'usine de Pétrovsk.



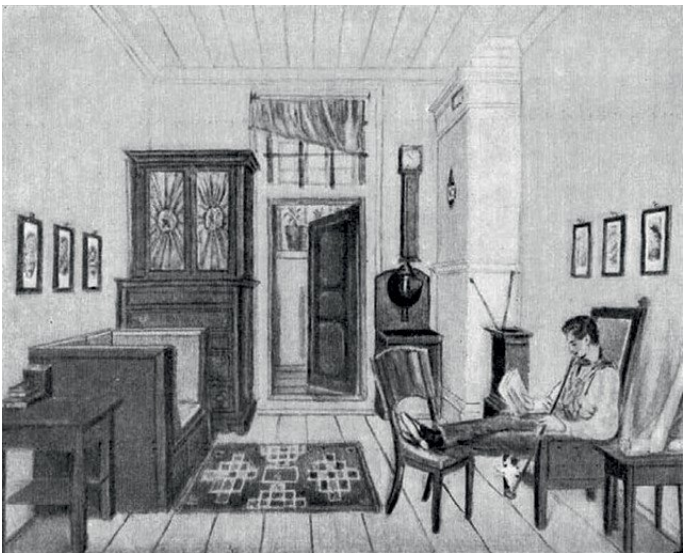
Къ плану каземата въ Петровскомъ заводѣ.

№№ темниць.	Имена.
1.	М. С. Лунинъ
2.	Сторожъ
3.	А. П. и П. П. Бѣляевы
4.	Ф. Ф. Вадковскій
5.	А. Н. Сутгофъ.
6.	Н. М. и А. М. Муравьевы
7.	М. А. Фонвизинъ
8.	М. М. Нарышкинъ
9.	Сторожъ
10.	С. П. Трубецкой
11.	А. Е. Розенъ
12.	Е. П. Оболенскій
13.	В. Н. Штейнгель
14.	Н. И. Пущинъ
15.	Н. И. Лореръ
16.	И. Д. Якушкинъ
17.	В. А. Бечасный
18.	А. И. Мозалевскій
19.	В. Н. Соловьевъ
20.	П. Н. Свистуновъ
21.	А. А. Быстрицкій
22.	Д. А. Щепинъ-Ростовскій
23.	Н. А. Пановъ
24.	М. И. Рукевичъ
25.	И. И. Завалишинъ 2-й
26.	И. М. Спиридовъ
27.	И. С. Шейковскій
28.	Н. А. Крюковъ 2-й В. П. Колесниковъ
29.	Д. И. Завалишинъ 1-й
30.	А. А. Крюковъ 1-й
31.	Я. М. Андреевичъ
32.	А. И. Вегелинъ
33.	П. Д. Мозганъ

№№ темниць.	Имена.
34.	И. Ф. Шимковъ
35.	И. В. Кирѣевъ
36.	А. П. Арбузовъ
37.	Н. В. Басаргинъ
38.	М. Ф. Митьковъ
39.	Н. А. Бестужевъ 1-й
40.	М. А. Бестужевъ 3-й
41.	К. Е. Ивельстромъ
42.	А. И. Тютчевъ
43.	А. И. и П. И. Борисовы
44.	П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ
45.	П. Ф. Громницкій
46.	К. П. Торсонъ
47.	А. И. Одоевскій М. Н. Глѣбовъ
48.	А. А. Кучевскій
49.	А. З. Муравьевъ
50.	П. В. Авраловъ П. И. Фаленбергъ
51.	Аптека
52.	А. Ф. Фроловъ
53.	Ф. Б. Вольфъ
54.	С. Г. Волконскій
55.	П. А. Мухановъ
56.	А. С. Пестовъ
57.	И. А. Анненковъ
58.	В. П. Ивашевъ
59.	В. Л. Давыдовъ
60.	А. И. Якубовичъ
61.	И. И. Ивановъ
62.	А. В. Поджіо
63.	И. И. Горбачевскій
64.	А. П. Юшневскій

План каземата в Петровском заводе.

Из книги «Записки княгини Марии Николаевны Волконской» (2-е изд. СПб., 1906)



Камера М. А. Бестужева в Петровском остроге.

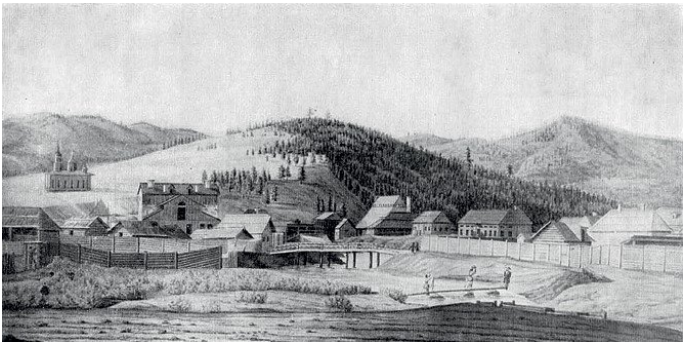
С утраченной акварели Н. А. Бестужева (Петровский завод, 1831–1837)

Церковь и кладбище в Петровском заводе. *Открытка. 1910-е*

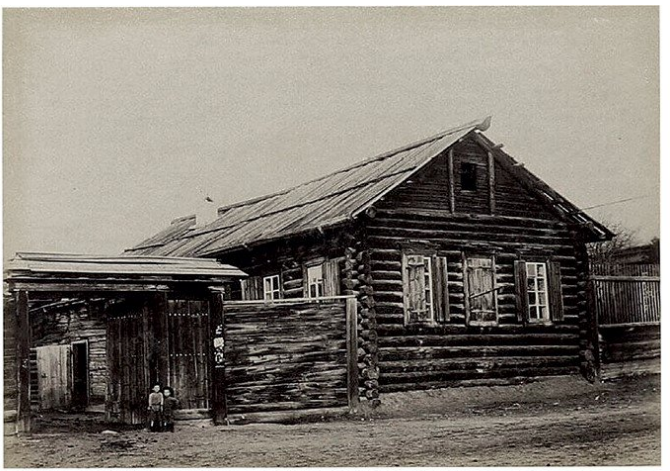
И. И. Пущин.

Фототипия с утраченного оригинала Н. А. Бестужева (Читинский острог, 1828–1830). Первая половина XX века

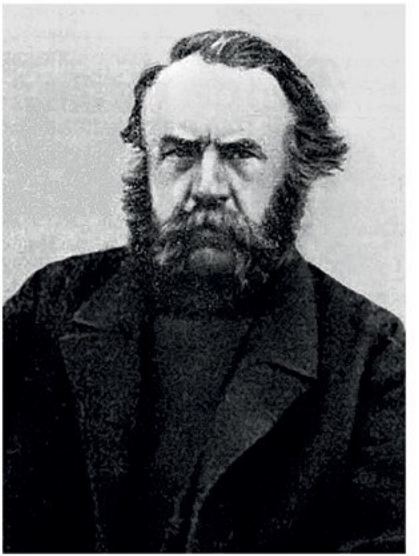
Д. А. Щепин-Ростовский. *Фототипия с оригинала Н. А. Бестужева (Петровский завод, 1839). Начало XX века*



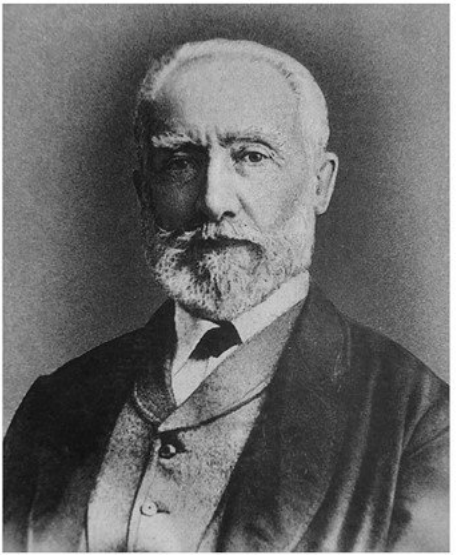
Петровский завод.
С утраченной акварели Н. А. Бестужева (1830-е)



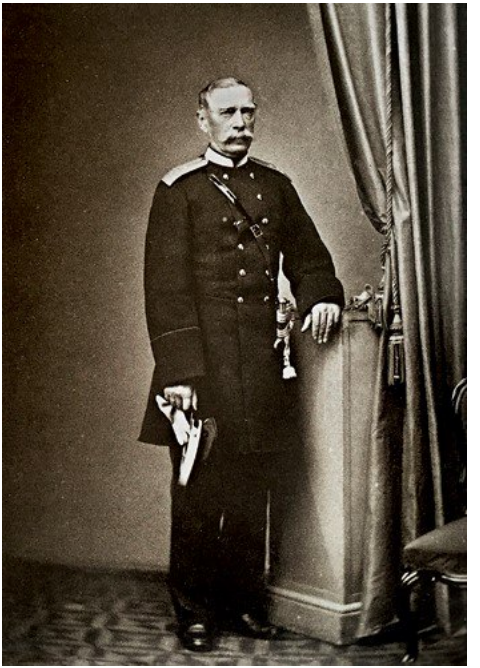
Дом И. И. Горбачевского в Петровском заводе. *Фото А. К. Кузнецова. 1901*



И. И. Горбачевский. *Фото. 1850-е*



А. Е. Розен. *Фото. 1870*



А. Н. Суттоф.
Фото 1864–1865

М. М. Нарышкин.
Фото. 1860-е

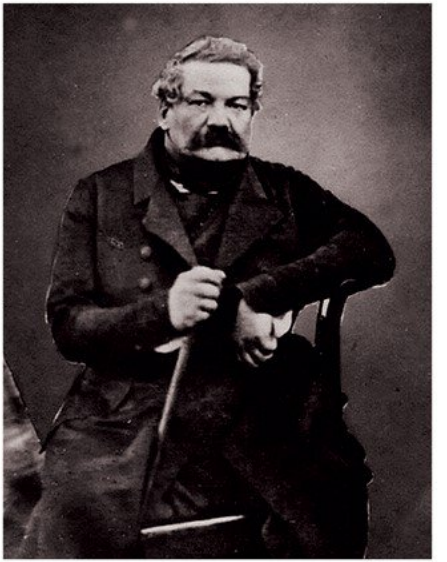
Дом М. М. Нарышкина в Кургане (улица Климова, дом 80А).

Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/ Tatiana_Panova

Дом С. Г. Волконского в Иркутске (переулок Волконского, дом 10). *Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/fibPhoto*

Елена и Миша Волконские — дети С. Г. Волконского.

Дагеротип А. Давиньона. Иркутск, 1845



П. А. Муханов.
Дагеротип А. Давиньона. 1845

Н. А. Панов.
Дагеротип А. Давиньона. 1845

С. П. Трубецкой.
С фотографии 1857 года

П. Н. Свистунов.
Фото. 1860

И. В. Поджио.
Дагеротип А. Давиньона. 1845

А. В. Поджио.
Дагеротип. 1860-е

Варя Поджио и Соня Перовская.
Женева, 1865

М. И. Муравьев-Апостол.
Фото. 1860-е

Дом М. И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске (улица Революции, дом 75, корпус 3).

Современное фото. Shutterstock/FOTODOM/ Sergei Afanasev

З. Г. Чернышёв.
Фотография А. Бергнера. Москва, 1855–1856

А. Н. Муравьев.
Фото. 1850-е

Н. Р. Цебриков.
Фотография Р. Ф. Бейера. Санкт-Петербург, 1860

М. А. Назимов.
Фототипия с фотографии. Начало XX века